

Книжная коллекция Изнора Давида и Сильвии Штайнер

Цифровая библиотека языка идиш им. Стивена Спилберга
№ 14077

Памятная книга Витебска

***Витебск амол* (Витебск в былые времена)**

Нью-Йоркская публичная библиотека — Национальный центр книги на идише
Проект «Книги Изнора»

Нью-Йорк, Нью-Йорк и Амхерст, Массачусетс

Цифровая библиотека языка идиш им. Стивена Спилберга предоставляет по запросу репринты произведений современной литературы на идише.

© 2003 Нью-Йоркская публичная библиотека и Национальный центр книги на идише
Основное финансирование проекта «Книги Изнора» было предоставлено:

- Фондом Гарри и Лилиан Фридман
- Фондом Дэвида и Барбары Б. Хиршхорн
- Дэвидом и Барбарой Маргулиес
- Семейным фондом Нэш
- Харрисом Розеном
- Давидом и Сильвией Штайнер
- Рут Таубман

Оригинальные выходные данные:

- **Автор:** Аронсон, Григорий, 1887–1968.
- **Название:** Витебск амол: гешихте, зихройнес, хурбн / [редакция: Григорий Аронсон, Яков Лещинский и Авраам Кин].
- **Издание:** Нью-Йорк: Waldon Press, 1956.
- **Описание:** 644 с. : ил. ; 24 см.
- **Предмет:** Евреи — Беларусь — Витебск. / Витебск (Беларусь) — Этнические отношения. / Холокост, еврейский (1939–1945) — Беларусь — Витебск.
- **Дополнительные имена:** Лещинский, Яков, 1876–1966. / Кин, Авраам.

Витебск в былые времена

Редакция:

Григорий Аронсон

Яков Лещинский

Авраам Кин

Витебск в былые времена

История, воспоминания, уничтожение

Нью-Йорк, 1956

VITEBSK AMOL

Copyright, 1956, by H. A. Abramson

4075 Third Avenue, Bronx 57, N.Y.

Нью-Йоркская публичная библиотека

Фонды Астора, Ленокса и Тильдена

Напечатано в Соединённых Штатах Америки

типографией Waldon Press, New York 12, N.Y.

Содержание

Страницы	Автор и название статьи / раздела
VII	Х. А. Абрамсон. «Витебск в былые времена» (Страничка истории)
XI	От редакции
1	Ишая Трунк. История евреев в Витебске
57	Яков Лещинский. Евреи в Витебске и Витебской губернии
93	Исраэль Зеэв Вольфсон. Еврейские институты и сионистское движение
178	Григорий Аронсон. Еврейская общественная жизнь в Витебске
210	Цви Козн. Рабби Менахем Мендл и рабби Шнеур Залман из Ляд

224	Гирш Клейн. Д-р Хаим Житловский
235	Хаим Житловский. В еврейском государстве: спор с моим дедом о галуте и социализме
247	Виктор Чернов. Ш. Ан-ский (Раппопорт)
263	Яков Шацкий. Ш. Ан-ский как фольклорист
275	Л. Блэк (Авром-отец). Воспоминания о социалистическом и рабочем движении
294	Григорий Аронсон. К истории социалистического и рабочего движения
333	Иегуда Бейнер. От Поалей Цион к сеймистам

352	Гирш Клейн. Социалисты-революционеры в Витебске
363	Иегуда Пэн. Воспоминания художника
391	Марк Шагал. Своё (Родное)
447	Ицхак Лихтенштейн. Витебские художники
456	Ицхак Харлаш. Леон Кобрин в пионерские времена в Америке
468	А. Голомб. Еврейские школы в Витебске перед Первой мировой войной
478	Мендл Элкин. Рав Шмарьягу Медалье — знаменитый витебский раввин
489	А. Бернер. Д-р Григорий Брук

494	Григорий Аронсон. Мои встречи с д-ром Г. Я. Бруком
501	Александр Раппопорт. Странички воспоминаний
507	Шмуэль Абрамсон (Абрамис). Наш Витебск (Воспоминания)
517	Йохвед Гринфельд (Нехе-Йохе). Мой дом
523	Морис Славин. Прежде в Витебске
528	Сэм Агелофф. Октябрьские дни 1905 года
534	Барнет Мирингофф. Строительное общество в Витебске
542	Григорий Аронсон. Революция 1917 года в Витебске

593	Меир Мушкатин. В первое время при большевиках
603	Филипп Фридман. Гибель витебских евреев
627	Витебское благотворительное общество (<i>Benevolent Association</i>)
634	Витебский филиал Бунда (Ветвь 224 Рабочего круга / <i>Arbeiter Ring</i>)

Иллюстрации

Страницы	Описание иллюстрации
6	Заручевская и Старосельская башни в Витебске (XVII в.)
7	Суражские ворота в Витебске (XVII в.)
11	Дом бедных людей

11	Дом зажиточных людей
11	Дома богатых людей
17	План Витебска (XVIII в.)
44-45	Постановления о еврейской одежде и трапезах на торжествах
97	Исразль-Зеев Вольфсон с дочерью Цилей Вольфсон-Хонигберг
107	Синагога в Витебске
215	Рав Шнеур Залман из Ляд
226	Ш. Ан-ский и Хаим Житловский
227	Хаим Житловский

249	Ш. Ан-ский со своим отцом
265	Ш. Ан-ский
277	Л. Блэк (Авром-отец)
296	Авраам Амстердам со своей женой Лизой Лин
309	Борис Цейтлин (Батурский)
309	Авраам Гинзбург (Наумов)
354	Ципке Сафран
354	Залман Скаробогатов
354	Соломон Шиф
358	Группа социалистов-революционеров (1908)

359	Бейлке Яткун и Люба Фрадкин
364	Иегуда Пэн
375	Иегуда Пэн — «Развод» (<i>Гет</i>)
392	Марк Шагал пишет портрет своей жены
404	Марк Шагал — «Летающий еврей над Витебском»
406	Марк Шагал — «Еврей за молитвой»
443	Марк Шагал — «Ворота кладбища»
451	Шломо Юдовин — «В местечке»
453	Шломо Юдовин — «Похороны»
457	Леон Кобрин

490	Д-р Григорий Брук
510	Исразль-Иосиф Абрамис со своими учениками
512	Рабби Меир Абрамис
512	Глуховский раввин Давид-Бер Гурвич
530	Витебский комитет Социал- демократической рабочей партии
536	Витебское строительное общество
537	Группа витебских бундистов-пионеров и активных деятелей Витебска
630-631	Витебское благотворительное общество (<i>Benevolent Association</i>)

635	Д-р Мендл Ракалин
635	Исполнительный комитет витебского филиала 224 Рабочего круга

Книжная коллекция Издора Давида и Сильвии Штайнер	1
Памятная книга Витебска.....	1
Витебск амол (Витебск в былые времена)	1
Оригинальные выходные данные:	1
Витебск в былые времена.....	1
Содержание	2
Иллюстрации	6
«ВИТЕБСК АМОЛ» (СТРАНИЧКА ИСТОРИИ)	16
От редакции	18
ИСАЙЯ ТРУНК ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ В ВИТЕБСКЕ	19
ОГЛАВЛЕНИЕ	19
Глава 1. Конец XVI века — до 1772 года	19
1. К вопросу о времени поселения евреев в Витебске	19
2. Место жительства евреев в Витебске.....	22
3. Правовой статус.....	26
4. Экономические условия.....	27
5. Кагал	29
а) Организационная структура и выборы.....	29
б) Финансовая система и фискальная политика	31
6. Демографическое развитие и итоги периода (до 1772 года).....	32
Глава 2. От Первого раздела Польши (1772 г.) до конца XIX века	32
1. Переход под российское владычество и административно-правовые изменения.....	32
2. Экономическая жизнь в первой половине XIX века	33
3. Введение рекрутской повинности и эпоха кантонистов	35
4. Просвещение и культурная жизнь.....	36

5. Рост населения и урбанизация во второй половине XIX века.....	36
6. Промышленный подъем и рабочее движение.....	37
7. Политическая и общественная активность в конце XIX века	37
8. Завершение столетия: Статистический итог	38
Глава 3. Витебск на пороге XX века (1900–1914)	38
1. Социально-экономическая трансформация и демография.....	38
2. Революционные события 1905–1907 годов.....	39
3. Общественная жизнь и культура в предвоенное десятилетие (1907–1914)	39
Глава 4. Эпоха Первой мировой войны и революционных потрясений (1914–1920)	39
1. Первая мировая война и проблема беженцев (1914–1916)	39
2. Февральская революция и её последствия (1917).....	41
3. Октябрьские события и установление Советской власти.....	41
4. Гражданская война и период «Военного коммунизма» (1918–1920) ..	41
Глава 5. Переход к НЭПу и консолидация советской модели (1921–1928)..	42
1. Экономическая стабилизация в эпоху НЭПа.....	42
2. «Пролетаризация» и социальные изменения	43
3. Культурная жизнь и идеологический контроль	43
Несмотря на жесткий контроль, культурная жизнь на идише в Витебске во второй половине 1920-х годов формально продолжала существовать, но она была полностью очищена от религиозных и сионистских элементов.....	43
Глава 6. Накануне катастрофы (1929–1941)	44
1. Индустриализация и завершение советского эксперимента	44
2. Уничтожение институтов памяти и «Большой террор» (1937–1938)...	44
3. Витебск перед войной: Демографический итог (1939–1941)	44
4. Экономическая интеграция и профессиональный сдвиг	45
5. Идеологическая нивелировка и культура	45
6. Социальное состояние накануне войны	45
Глава 7. Катастрофа (1941–1945).....	46
Заключительное слово	46
[Страницы примечаний и библиографии].....	46
Библиография (Bibliography)	47
ЯКОВ ЛЕЩИНСКИЙ ЕВРЕИ В ВИТЕБСКЕ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	48
I. Введение	48
II. Население	50
III. Экономическое развитие еврейского населения в первой половине XIX века.....	54
IV. Еврейское население в Витебске и Витебской губернии во второй половине XIX века.....	60
V. Грамотность среди евреев Витебской губернии.....	68
VI. Социально-экономическое развитие и классовое расслоение евреев Витебской губернии во второй половине XIX века	69
1. Введение	69
2. Социально-экономическая структура еврейского и нееврейского	

населения	72
3. Евреи в индустрии.....	81
ИСРАЭЛЬ ЗЕЭВ ВОЛЬФСОН ЕВРЕЙСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.....	82
Витебские раввины	82
Казенные раввины в Витебске	88
Синагоги и молитвенные двора (клойзы)	92
Кладбища и погребальные братства (Хевра Кадиша).....	94
Витебские иешивы	95
Талмуд-торы	97
Учебные заведения (Образовательные учреждения)	102
Благотворительные учреждения.....	103
1. Еврейская больница	103
2. Бикур-холим.....	104
3. Хаверат Эцим (Дровяное общество).....	105
4. Хавера «Маахаль Кашер» (Общество кошерного питания)	105
5. Хаверот ле-Гмилут-Хасадим (Общества беспроцентных ссуд)	106
Банки в Витебске	106
Отношения между евреями и неевреями.....	108
Отношения местной власти к евреям.....	109
Сионистское движение	111
Первая мировая война	124
Арест сионистов.....	128
Дело шпиона-сапожника Ефрема, ученика ешивы «Хафец Хаим»	129
В период большевизма.....	130
Суд над хедером.....	133
Конфискация синагог	136
ГРИГОРИЙ АРОНСОН ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В ВИТЕБСКЕ (1913–1917).....	142
1. Я — витеблянин	142
2. Общая картина.....	143
3. Межнациональные отношения.....	145
4. На еврейской улице	147
5. Еврейские общества и партии.....	151
6. Витебский «ОРТ»	154
7. В рабочей среде.....	156
8. Беженцы в Витебске	158
9. Попытки создать еврейскую общину	160
ЦВИ КОГАН Р. МЕНАХЕМ-МЕНДЕЛ И Р. ШНЕУР-ЗАЛМАН ИЗ ЛЯД.....	164
1. Менахем-Мендел Витебский	164
2. Рав р. Шнеур-Залман.....	167
3. Учение Хабад	170
4. Ребе как миротворец	172
Часть 1. Институциональная структура Витебской общины (1880–1900)...	175
Часть 2. Финансовые структуры и участие в сионистских институтах (1898–	

1904).....	178
2.1. Сбор средств в «Еврейский колониальный банк» (Оцар Итъяшут ха-Ехудим).....	178
2.2. Распределение «Шекеля» (Членский взнос).....	178
2.3. Создание «Сионистской библиотеки» и просветительских институтов.....	179
2.4. Полемика вокруг «Культур-гезельшафт»	179
Часть 3. Институциональный кризис и адаптация в период 1905–1907 годов.....	179
3.1. Создание «Еврейской самообороны».....	179
3.2. Трансформация политических институтов (1906 год).....	180
3.3. Бюджетная отчетность за 1906 год.....	181
3.4. Упадок движения в 1907 году.....	181
Часть 4. Деятельность Комитета помощи беженцам (ЕКОПО) в Витебске (1914–1917).....	181
4.1. Формирование Комитета (август 1914 года)	181
4.2. Статистика беженцев и распределение помощи	182
4.3. Финансовые отчеты и бюджет ЕКОПО (1915 год).....	182
4.4. Социальные институты беженцев.....	182
4.5. Конфликт с губернской администрацией (1916 год)	182
Часть 5. Институты еврейской национальной автономии (1917–1918).....	183
5.1. Еврейская община как орган власти (март 1917 года).....	183
5.2. Демократические выборы в общину (сентябрь 1917 года).....	183
5.3. Институциональные проекты автономии.....	183
5.4. Столкновение с большевистской властью (1918 год).....	184
5.5. Ликвидация институтов.....	184
[Заключительная глава: Причины институционального краха]	184
[Часть 6. Специальные комитеты и филантропическая сеть (1908–1914)].....	185
[Часть 7. Мобилизация институтов: июль–август 1914 года]	187
ГИРШ КЛЕЙН Д-Р ХАИМ ЖИТЛОВСКИЙ	200
ХАИМ ЖИТЛОВСКИЙ В ЕВРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ*	207
1	207
2	209
Спор с моим дедушкой о галуте и социализме*	212
ВИКТОР ЧЕРНОВ Ш. АН-СКИЙ — РАППОПОРТ*	216
ЯАКОВ ШАЦКИЙ Ш. АН-СКИЙ — ФОЛЬКЛОРИСТ.....	223
Л. БЛЕК (АБРАХАМ, ОТЕЦ) ВОСПОМИНАНИЯ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ	230
ГРИГОРИЙ АРОНСОН К ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	242
1. Авраам Амстердам И Его Эпоха	242
2. Движение До 20-Го Века.....	246
3. Под знаменем «Бунда».....	253
Движение в 1900–1902 годах	253
Канун революции	255
События 1905 года.....	259
Между революцией и мировой войной	262

4. Участники революционного движения в Витебске	265
Найдено 3.693 экземпляра революционных публикаций	267
Известные большевики, родившиеся в Витебской губернии	267
ИЕГУДА БИННЕР ОТ ПОАЛЕЙ-ЦИОН К СЕЙМИСТАМ (ВОСПОМИНАНИЯ)	268
1.	268
2.	272
ГИРШ КЛЕЙН СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ВИТЕБСКЕ.....	280
ИЕГУДА ПЭН ВОСПОМИНАНИЯ ХУДОЖНИКА*	288
1. Хедеры	288
2. От хедера до Двинска	295
3. Работа, любовь и изгнание	300
4. Первый Год В Академии	307
МАРК ШАГАЛ СВОЁ АВТОБИОГРАФИЯ.....	309
1.	309
2.	310
3.	316
4.	322
5.	325
6.	328
7.	330
8.	332
9.	336
10.	339
11.	340
12.	342
13.	342
14.	345
15.	348
ИЦХАК ЛИХТЕНШТЕЙН ВИТЕБСКИЕ ХУДОЖНИКИ	349
ИЦХАК ХАРЛАШ ЛЕОН КОБРИН В ПИОНЕРСКИЕ ВРЕМЕНА В АМЕРИКЕ .	356
А. ГОЛОМБ ЕВРЕЙСКИЕ ШКОЛЫ В ВИТЕБСКЕ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ	364
МЕНДЕЛЬ ЭЛЬКИН РАВВИН ШМАРЬЯГУ МЕДАЛЬЕ ЗНАМЕНИТЫЙ ВИТЕБСКИЙ РАВВИН (ГЛАВА ВОСПОМИНАНИЙ).....	371
1.	371
2.	375
3.	378
А. ГЕРНЕР Д-Р ГРИГОРИЙ БРУК (БИОГРАФИЯ).....	380
ГРИГОРИЙ АРОНСОН МОИ ВСТРЕЧИ С Д-РОМ Г. Я. БРУКОМ	383
I	383
II	385
АЛЕКСАНДР РАПОПОРТ ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНИЙ	388
ШМУЭЛЬ АБРАМСОН (АБРАМС) НАШ ВИТЕБСК (ВОСПОМИНАНИЯ).....	392
ЙОХЕВЕД ГРИНФЕЛЬД (НЕХЕЯЧЕ) МОЯ ЖИЗНЬ	399
МАРИАМ СЛОВИН КОГДА-ТО В ВИТЕБСКЕ	403

СЭМ АГУЛОФ (МИХАИЛ БОЕЦ) ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА	407
БЕРНЕТ МИРИНГОФ ПРОФСОЮЗ СТРОИТЕЛЕЙ В ВИТЕБСКЕ.....	411
ГРИГОРИЙ АРОНСОН РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ВИТЕБСКЕ (ВОСПОМИНАНИЯ).....	416
1. Первый день.....	416
2. Революция организуется.....	423
3. Неудачный выбор губернского комиссара.....	427
4. Два провокатора	429
5. В дни Корниловского мятежа. Встреча с генералом Алексеевым	432
6. Большевистский переворот.....	436
8. Большевики в Витебске	449
МЕИР МУШКАТИН ВО ВРЕМЕНА БОЛЬШЕВИКОВ	452
ФИЛИПП ФРИДМАН ГИБЕЛЬ ВИТЕБСКИХ ЕВРЕЕВ	459
1. Источники	459
2. Айнзатцгруппы	461
3. Гибель витебских евреев в 1941 году.....	465
ПРИМЕЧАНИЯ.....	473
ВИТЕБСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ*	474
ВИТЕБСКИЙ ФИЛИАЛ 224 РАБОЧЕГО СОЮЗА*	480
Вечная память	485

«ВИТЕБСК В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА» (СТРАНИЧКА ИСТОРИИ)

Несколько лет назад в доме моих друзей Любы и Марка Иовилер я познакомился с супружеской парой по фамилии Тайбер, приехавшей из Израиля. В ходе нашей беседы выяснилось, что госпожа Крейне Тайбер (её еврейское имя — Атара Тайбер) родом из Витебска, буквально влюблена в свой родной город и очень тоскует, стремясь встретить витебчан в Америке. Она также сказала мне, что у неё есть адреса двух витебчан. Один из них — Шмуэль Абрамсон, друг юности её брата Исраэля Рипина, живёт в Калифорнии, а второй — Х. А. Абрамсон — живёт в Нью-Йорке. Она не знала, что первый — это мой брат Шмуэль, а второй — это скромный я (*ани ха-катан*). От своего брата я знал о его друге Исраэле Рипине, идеалисте-сионисте, который работал с ним в движении «Халуц», пока они оба не покинули Витебск. Мой брат уехал в Америку, а Рипин — в Эрец-Исраэль.

Желая исполнить заповедь гостеприимства, я пригласил госпожу Атару Тайбер на одно из собраний Витебского благотворительного общества, членом которого я являюсь. Госпожа Тайбер пришла со своим коллегой. Они передали нашему собранию сердечный привет от витебчан из Израиля, рассказали о трудном и напряжённом положении, а также о масштабной созидательной работе, которая ведётся в ишуве. Между делом она также рассказала нам, что в Израиле скончался известный витебский общественный деятель, рабби Исраэль-Зеэв Вольфсон, оставивший после

себя рукопись объёмом в несколько сотен страниц о Витебске. Знатоки, читавшие эти воспоминания, говорят, что это основательный и интереснейший труд. наших гостей приняли очень тепло и дружелюбно, с интересом выслушали их речи, сердечно поблагодарили и трогательно с ними простились, как это умеют делать близкие люди, которых развела судьба.

Говоря о воспоминаниях Вольфсона, они особо подчёркивали, что очень хотели бы их опубликовать, но не представляют себе как, поскольку в нынешних трудных и напряжённых условиях в Израиле они не смогут это осуществить. Они хотели бы, чтобы мы им помогли.

Семья Тайбер — общественные деятели и очень тёплые люди — очень сблизилась со мной, и когда бы мы ни собирались вместе, главной темой разговоров всегда были воспоминания Вольфсона. По возвращении в Израиль господин Тайбер внезапно скончался. О госпоже Тайбер я больше ничего не слышал, но её брат Исраэль Рипин начал бомбардировать меня письмами по поводу воспоминаний Вольфсона, твердя о том, как необходимо их издать, хотя сами они не в состоянии это сделать. Если бы я — писал он — смог поставить им две тонны бумаги, у них было бы достаточно бумаги не только для книги, но и для покрытия других расходов. В Израиле в то время бумагу ещё не производили. После недолгих размышлений я согласился на эту «сделку». Тем временем Землячество выходцев из Витебска и окрестностей в Израиле (*Аргун йоцей Витебск ве-ха-сви́ва бе-Исраэль*) решило издать Книгу Изкора под названием «Сефер Витебск» (Книга Витебска), куда, помимо воспоминаний Вольфсона, должны были войти и другие работы о Витебске. Комитет попросил меня обеспечить их несколькими работами уважаемых писателей Якова Лещинского и Григория Аронсона. Это пожелание мы тоже выполнили.

В ходе переговоров я узнал, что книга будет напечатана на иврите. Для меня стало новостью, что воспоминания написаны на иврите, и в то же время это вызвало определённое разочарование, так как я знал, сколь немногие из наших местных земляков, да и, возможно, из наших земляков в Израиле, станут читать и смогут понять книгу на иврите. В целом, в таком городе, как Витебск, где еврейская жизнь бурлила ключом, где подавляющее большинство населения говорило, читало и жило на идише, лишь единицы избранных жили на языке иврит, и очень немногие из наших местных уроженцев города смогут прочесть и получить удовольствие от ивритской книги. Если эта книга действительно должна стать Книгой Изкора по уничтоженной великой еврейской общине, где основным языком общения был идиш, она должна быть издана на том языке, на котором эти евреи жили. Поэтому мы решили издать книгу «Витебск амол» на идише.

Я обсудил это со своими дорогими друзьями Григорием Аронсоном и Яковом Лещинским. Они согласились со мной и по моему приглашению вызвались отредактировать книгу. Чтобы придать делу общественный характер, я обратился к землячеству «Витебское благотворительное общество», к которому имею честь принадлежать, а также к витебскому бундовскому филиалу 224 Рабочего круга через моих старых друзей и товарищей Сэма Агелоффа, Барнета Мирингоффа и Мориса Славина, равно как и к другим друзьям и знакомым. Обе организации дружески откликнулись и делегировали своих самых уважаемых и активных деятелей для сотрудничества в созданном книжном комитете.

Пользуясь случаем, я хочу позволить себе поблагодарить, во-первых, Витебское благотворительное общество в лице его преданных и активных членов нашего книжного комитета: Луиса Хоровица, Сэма Лиона, Джейкоба Левинсона, Луиса

Наумова; бундовский филиал Рабочего круга 224: товарищей Сэма Агелоффа, Берке (Барнета) Мирингоффа, Мориса Славина, женский клуб при филиале 224, а также отдельных членов книжного комитета: Шмуэля Абрамиса (Абрамсона), Х. Левина, Иду Сельцер, Веру Каплан и художника Марка Шагала; друзей и меценатов: госпожу Наталию Ракалину (вдову нашего покойного друга д-ра Менделя Ракалина, мир ему), его брата Авраама Рахлина, моих родственников — семьи из Калифорнии:

Гольдштейн, Шехтер, семью Неметин, Маркович, Беллер; моего дорогого друга и коллегу, редактора журнала «Киндер-журнал» и управляющего издательством «Матнс» — Липпу Лезрера, моего дорогого друга Менделя Элкина, Ш. Шева, всех сотрудников и всех остальных знакомых и незнакомых людей, откликнувшихся на наши обращения. И, наконец, самые близкие мне люди — это мои поистине дорогие товарищи-редакторы Григорий Аронсон, Яков Лещинский, Авраам Кин, работать с которыми для меня было великой честью и подлинной радостью. Всем этим перечисленным (и, возможно, некоторым неупомянутым) лицам — моя глубокая и искренняя благодарность и признательность.

Пусть мне будет позволено упомянуть, что главная заслуга в проявлении инициативы принадлежит, во-первых, витебскому комитету в Израиле (Землячеству выходцев из Витебска и окрестностей в Израиле) и его преданному, энергичному и поистине динамичному деятелю — другу и товарищу Рипину. Всему комитету во главе с ним — огромное спасибо (*яшар коах*).

Я не знаю, удалась ли нам эта работа на все сто процентов, я оставляю это на суд читателей. Несомненно одно: все вышеупомянутые товарищи не жалели ни времени, ни сил, ни средств, чтобы создать как можно более прекрасный памятник великой еврейской общине, которая жила красочной и богатой духовной жизнью, излучала свет благодаря своим выдающимся духовным лидерам и оказывала влияние на еврейскую жизнь далеко за пределами города. Это было великое еврейское сообщество, которое злодеи и убийцы, да сотрется имя их и память о них, уничтожили. Пусть их души будут завязаны в узле жизни (*ТАНЦБАХ*).

Эта печальная обязанность, которую судьба возложила на наше поколение — издавать подобные Книги Изкора об уничтоженных еврейских городах, — пусть никогда больше не повторится ни в наше время, ни в будущих поколениях, ни для нашего искусанного страданиями народа, ни для какого-либо другого народа в мире.

Авраам Абрамис (Х. А. Абрамсон)

Председатель книжного комитета

Нью-Йорк, июнь 1955

От редакции

Цель книги «Витебск амол» настолько проста и ясна, что можно ограничиться совсем кратким объяснением. Все мы, заинтересованные в увековечении памяти наших разрушенных городов и местечек, но в особенности витебчане в Америке, связанные самыми сокровенными нитями со своим родным городом Витебском, чувствовали потребность воздвигнуть памятник своему прежнему ишуву, который был так жестоко и безжалостно истреблён.

Раньше старый дом ещё можно было иногда навестить, узнать о судьбе близких и друзей. Но затем опустился железный занавес, и люди оказались полностью изолированы, оторваны от старого дома. Могло показаться, что время сделает своё —

годы отчуждения и изоляции ослабят родственные и земляческие чувства, сотрут из памяти юношеские мечты и сны о свободной и справедливой жизни. Так только казалось. На самом же деле интерес к прежней жизни не угас, и юношеские годы не стёрлись из памяти. В многочисленных и колоритных повествованиях и воспоминаниях этой книги перед нами предстаёт старый город Витебск с его деятелями, с его политическими, общественными и культурными движениями — перед нами оживает эта святая община (*кехила кдоша*), которую враги Израиля и жестокие убийцы утопили в крови. Этому святому сообществу мы и воздвигаем наш скромный монумент.

Программа книги с самого начала была намечена довольно широко. Мы стремились дать всестороннюю, объективную и беспристрастную картину Витебска. Мы хотели изложить историю еврейской общины от её возникновения до большевистской революции, зафиксировать развитие социально-экономической структуры еврейского населения в Витебске и его роль в окружающей экономической жизни. Мы поставили себе задачу как можно более детально изобразить новое время в еврейской жизни, от конца XIX века до второй русской революции 1917 года — все еврейские общественные, культурные, религиозные и национальные течения и движения. Мы постарались охарактеризовать участие евреев в общем освободительном движении, и в особенности в период первой русской революции 1905 года — в эпоху, которая так близка многим эмигрантам в Америке. Мы хотели упомянуть целый ряд важных деятелей, которых выдвинул город Витебск и которые приобрели имя также и за пределами города.

Чтобы более подробно обеспечить книгу о Витебске историческим материалом, мы обратились к известному историку Марку Вишницеру с просьбой написать для нас исчерпывающий труд. К нашему огромному сожалению, внезапная смерть в Израиле вырвала его из наших рядов.

Мы считаем своим долгом выразить сердечную благодарность: Нью-Йоркской публичной библиотеке, Архиву «Бунда» имени Франца Курского, библиотеке и архиву ИВО (YIVO) и библиотеке Теологической семинарии, которые дали возможность авторам книги и членам редакции успешно продолжать свою работу. Мы также благодарим витебских друзей в Израиле, которые на основе взаимного обмена прислали нам важные материалы, среди которых были воспоминания Исраэля-Зеева Вольфсона о религиозной жизни и сионистском движении в Витебске. Мы пользуемся возможностью отдельно поблагодарить дочь И. З. Вольфсона, Цию Вольфсон-Хонигберг, за разрешение опубликовать части воспоминаний её отца.

В заключение — наша самая сердечная благодарность другу Х. А. Абрамсону. Его глубокое, горячее отношение к самому делу, его такт, его врождённая способность объединять людей вокруг культурного дела, его особая преданность книге «Витебск амол» с огромной силой стимулировали редакционную и издательскую работу. Друг Х. А. Абрамсон по праву заслужил признание всех земляков и всех друзей еврейской культуры.

ИСАЙЯ ТРУНК | ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ В ВИТЕБСКЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Конец XVI века — до 1772 года

1. К вопросу о времени поселения евреев в Витебске

2. Место жительства евреев в Витебске
3. Правовой статус
4. Экономические условия
5. Кагал

Глава 2. От Первого раздела Польши (1772 г.) до конца XIX века

1. Переход под российское владычество и административно-правовые изменения
2. Экономическая жизнь в первой половине XIX века
3. Введение рекрутской повинности и эпоха кантонистов
4. Просвещение и культурная жизнь
5. Эпоха Великих реформ и экономический подъем второй половины XIX века
6. Появление рабочего движения и еврейских политических партий в конце XIX века
7. Итоги демографического развития к концу века

Глава 1. Конец XVI века — до 1772 года

1. К вопросу о времени поселения евреев в Витебске

Город Витебск, который в течение своей многовековой истории претерпел множество политических и территориально-административных изменений, впервые упоминается в исторических хрониках под 1021 годом. В ту эпоху он являлся столицей удельного Витебского княжества. После длительного периода войн и соперничества между местными витебскими и литовскими князьями, в 1320 году Витебское княжество было окончательно и полностью инкорпорировано в состав Великого княжества Литовского. В 1511 году (по другим историческим источникам — в 1514 году) Витебск становится административным центром новообразованного Витебского воеводства в составе объединенного Польско-Литовского государства (Речи Посполитой).

Спустя более чем два столетия, в 1772 году, в результате Первого раздела Польши, Витебск был присоединен к Российской империи. Новые власти первоначально включили город в состав обширной Псковской губернии. В 1777 году он был переподчинен Полоцкой губернии. В 1796 году Витебск назначается административным центром Белорусской губернии. Наконец, в 1802 году Белорусская губерния разделяется на две самостоятельные единицы — Могилевскую и Витебскую губернии, которые, тем не менее, в официальном делопроизводстве долгое время продолжали именоваться «Белорусскими губерниями». Только в 1840 году последовал специальный указ, согласно которому обе губернии получили свои окончательные названия по именам своих губернских центров. Это административное деление оставалось неизменным вплоть до падения царского режима в 1917 году. Когда же именно евреи впервые появились и закрепились в самом Витебске?

Самое первое упоминание о евреях в связи с Витебском в официальных государственных актах относится к 1551 году. 27 ноября этого года польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август во время работы Сейма в Вильне издал приказ составить точный реестр всех королевских городов и местечек для обложения их специальным налогом на военные нужды, известным под названием «серебщина». В этом документе особо оговаривалось, что от уплаты данного налога освобождаются евреи, а также волостные (сельские) люди. В списке из 15 городов Великого княжества Литовского, подлежавших налогообложению, прямо назван и Витебск.

Однако, можно ли на основании этого единственного упоминания утверждать с абсолютной уверенностью, что в 1551 году внутри городских стен Витебска уже существовало постоянное еврейское население? Тщательный анализ документа

показывает, что эта формулировка могла носить общий, трафаретный характер и указывать не на постоянных городских жителей-евреев, а на так называемых «волостных евреев», которые проживали на землях, административно подчиненных городу, или занимались там временными промыслами.

Тем не менее, целый ряд других, более поздних документов неопровержимо доказывает, что евреи начали селиться в Витебске и сформировали там общину уже примерно с середины XVI века.

В решении Коронного трибунала от 15 сентября 1712 года, вынесенном по делу о жестоком погроме, который устроили в том году христианские мещане против витебского кагала (еврейской общины), содержится важная правовая мотивировка. В тексте вердикта трибунал прямо ссылается на старинные привилегии и грамоты, которые витебские евреи получили от великих князей литовских еще до заключения Люблинской унии между Литвой и Польшей, то есть до 1569 года.

В официальном разрешении, которое витебский воевода Симеон Самуил Сангушко выдал витебской еврейской общине 27 ноября 1627 года на право постройки новой синагоги, он особо подчеркивает, что данное разрешение дается им на основании более ранних, старинных привилегий, предоставленных витебским евреям его предшественниками на посту воеводы. Это служит прямым историческим свидетельством того, что еврейские молитвенные дома существовали в городе и в более ранние периоды.

Ещё одним весомым и юридически безупречным доказательством непрерывного проживания евреев в Витебске как минимум в последние десятилетия XVI века является грамота короля Владислава IV от 9 марта 1633 года, данная местному еврейскому населению. В этой привилегии монарх уполномочивает своих «королевских слуг» — еврейских братьев Шмуэля и Лазаря из Вильны — подтвердить и зафиксировать за витебскими евреями права, которыми они фактически пользовались уже «в течение нескольких десятков лет». Речь шла о праве свободного приобретения в городе жилых домов и земельных участков, а также о подтверждении всех их прежних традиционных прав.

В дополнение к этому, в подлинном старинном пинкосе (книге записей и протоколов) Витебской еврейской общины зафиксировано, что в 5449 (1689) году в Витебске уже функционировали полноценные еврейские институты по обе стороны реки Западной Двины. Аналогичная запись, подтверждающая существование двух организованных общин по разным берегам реки, содержится в пинкосе под 5461 (1701) годом.

Сведения о евреях-предпринимателях, бравших на откуп государственные пошлины и доходы в Витебском регионе, восходят к ещё более раннему времени — к 1522 году. В документах этого года упоминается знаменитый таможенный откупщик Михаэль Йозефович из Бреста. С огромной долей исторической вероятности можно утверждать, что для обслуживания подведомственных ему таможенных пунктов и сбора мытных пошлин он держал своих доверенных еврейских сборщиков (мытников) и писцов в том числе и в Витебске.

Серьезным противоречием вышеперечисленным фактам на первый взгляд может показаться знаменитая грамота короля Сигизмунда III от 17 марта 1597 года, которой Витебску даровалось Магдебургское право. В одном из пунктов этой грамоты написано, что евреи, согласно старинному обычаю, не должны иметь права на постоянное жительство внутри Витебска.

Однако детальный исторический анализ показывает, что этот документ нельзя рассматривать как неопровержимое свидетельство отсутствия евреев в городе до

1597 года, и он тем более не означает, что после этой даты в Витебске не существовало еврейской общины.

Во-первых, эта формулировка в тексте грамоты изложена не в категоричной форме абсолютного приказа, а скорее как декларативная уступка и рекомендация на будущее. «Евреи, — гласит текст привилегии, — не должны иметь, согласно старому обычаю, права жительствова в нашем городе Витебске». Что именно скрывалось под понятием «согласно старому обычаю»? Историческая практика доказывает, что данная фраза отражала сугубо теоретический, юридический лозунг средневекового городского права, а не реальное положение дел. Магдебургское право по своей сути везде стремилось ограничить права иноверцев и защитить христианских купцов от конкуренции.

Аналогичную картину мы наблюдаем, например, в истории соседнего Могилева. Когда король Стефан Баторий в 1585 году даровал Могилеву Магдебургское право, он точно так же включил в грамоту жесткий пункт о том, что евреям запрещено селиться в городе. Однако на практике этот запрет никогда не соблюдался, и евреи продолжали свободно жить по всему Могилеву вплоть до 1633 года, когда для них был официально учрежден изолированный жилой квартал. Подобные же формальные ограничения на строительство и покупку новых домов содержались и в Магдебургской грамоте для города Полоцка.

Убедительным доказательством того, как мало королевский запрет 1597 года соотносился с реальной жизнью Витебска, служит вопрос о так называемых «юридиках» (частных владениях крупных магнатов и церкви внутри города, которые были полностью выведены из-под юрисдикции городского суда и магистрата). Та же самая грамота 1597 года категорически запрещала дальнейшее существование и создание юридик в Витебске. Однако вопреки королевскому указу, юридики в последующие годы не только не исчезли, но и колоссально разрослись.

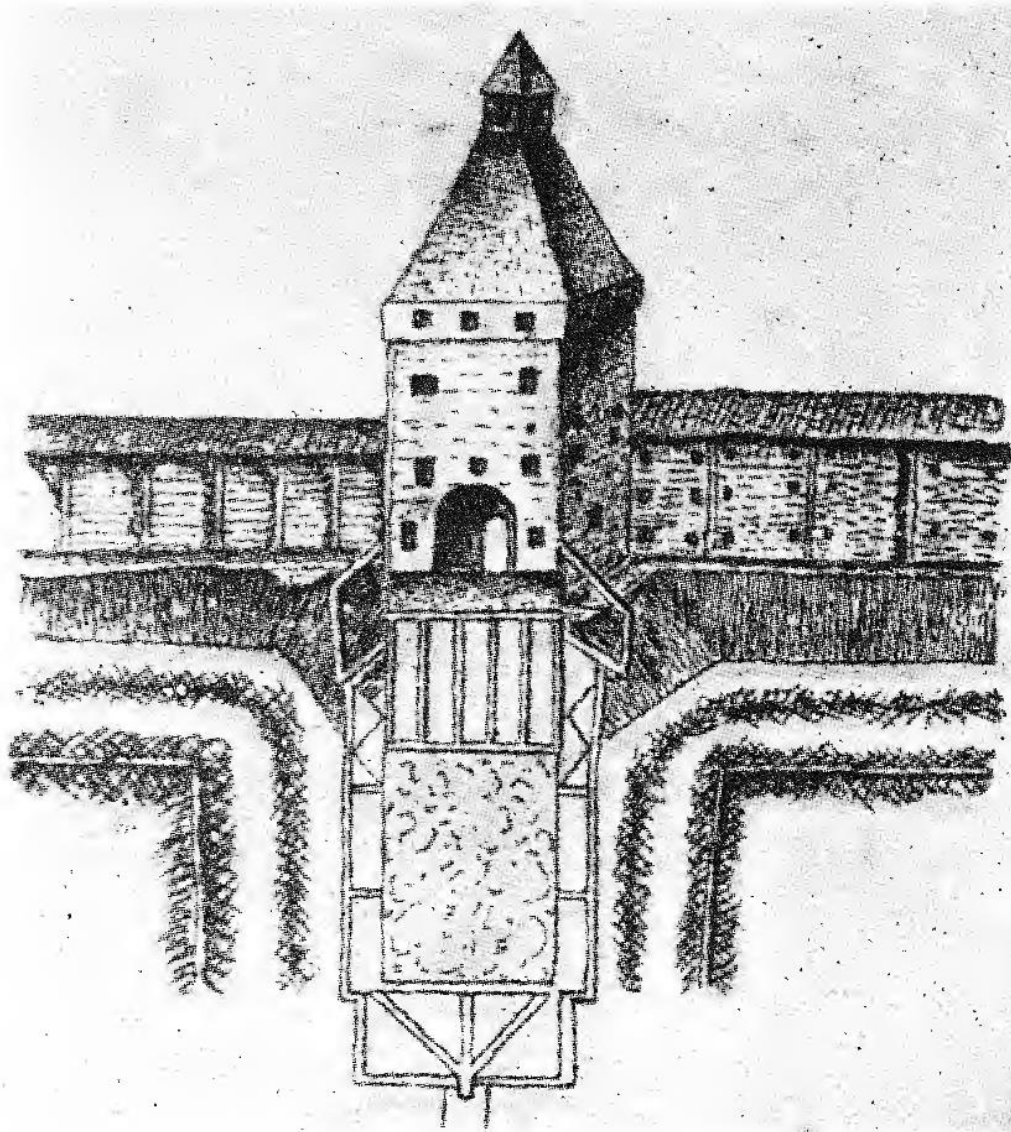
Кроме того, сама Витебская Магдебургская привилегия 1597 года делала официальное и очень важное исключение для ежегодных ярмарок. В периоды ярмарок, которые продолжались в городе довольно долго — до 4 недель, — абсолютно все запреты и ограничения на въезд, проживание и торговлю для евреев полностью отменялись. Во многих крупных городах Речи Посполитой именно это ярмарочное исключение становилось той легальной лазейкой, благодаря которой еврейские торговцы прибывали в город, арендовали помещения, обзаводились связями и в конечном итоге оставались там на постоянной основе далеко за пределами официальных ярмарочных сроков.

На основании критического разбора всех дошедших до нас архивных материалов можно сделать следующие твердые выводы. Во-первых, текст вердикта Коронного трибунала 1712 года прямо указывает на то, что евреи проживали в Витебске еще до подписания польско-литовской унии, то есть до 1569 года. Во-вторых, из воеводского разрешения 1627 года и королевской грамоты Владислава IV 1633 года со всей очевидностью явствует, что организованная и признанная властями еврейская община существовала в Витебске по меньшей мере с последней четверти XVI века. В-третьих, Магдебургская грамота Сигизмунда III от 1597 года ни в коей мере не являлась классическим документом типа *Privilegium de non tolerandis Judaeis* (привилегией о полной нетерпимости к евреям), какие массово издавались в городах Коронной Польши. Она представляла собой лишь теоретическую политическую уступку витебским православным мещанам, лояльность которых король стремился завоевать в контексте своей сложной династической борьбы с Москвой, но на практике этот

запрет не функционировал. В-четвертых, даже если допустить гипотетическую возможность того, что после унии 1569 года непрерывность еврейского присутствия в Витебске была на какое-то время нарушена — хотя прямых указаний на это в первоисточниках нет, — то этот перерыв мог носить лишь кратковременный характер и ограничиваться рамками 70-х или 80-х годов XVI века.

2. Место жительства евреев в Витебске

Для детального восстановления топографических границ и хронологии еврейского расселения в Витебске в эпоху Речи Посполитой необходимо обратиться к тексту фундаментальной королевской привилегии Владислава IV от 9 марта 1633 года. Из этого документа следует, что первоначальное ядро еврейского поселения находилось непосредственно внутри городских стен, в самом коммерческом центре — на Главном Рынке (Рынке) и на радиальных улицах, отходящих от него. Здесь евреи владели жилыми домами, торговыми лавками, складскими амбарами и земельными участками на правах полной собственности, основываясь на правах, полученных ими, согласно тексту, «уже несколько десятков лет назад».

סוראזשער טויער אין וויטעבסק (17-טן י"ה)

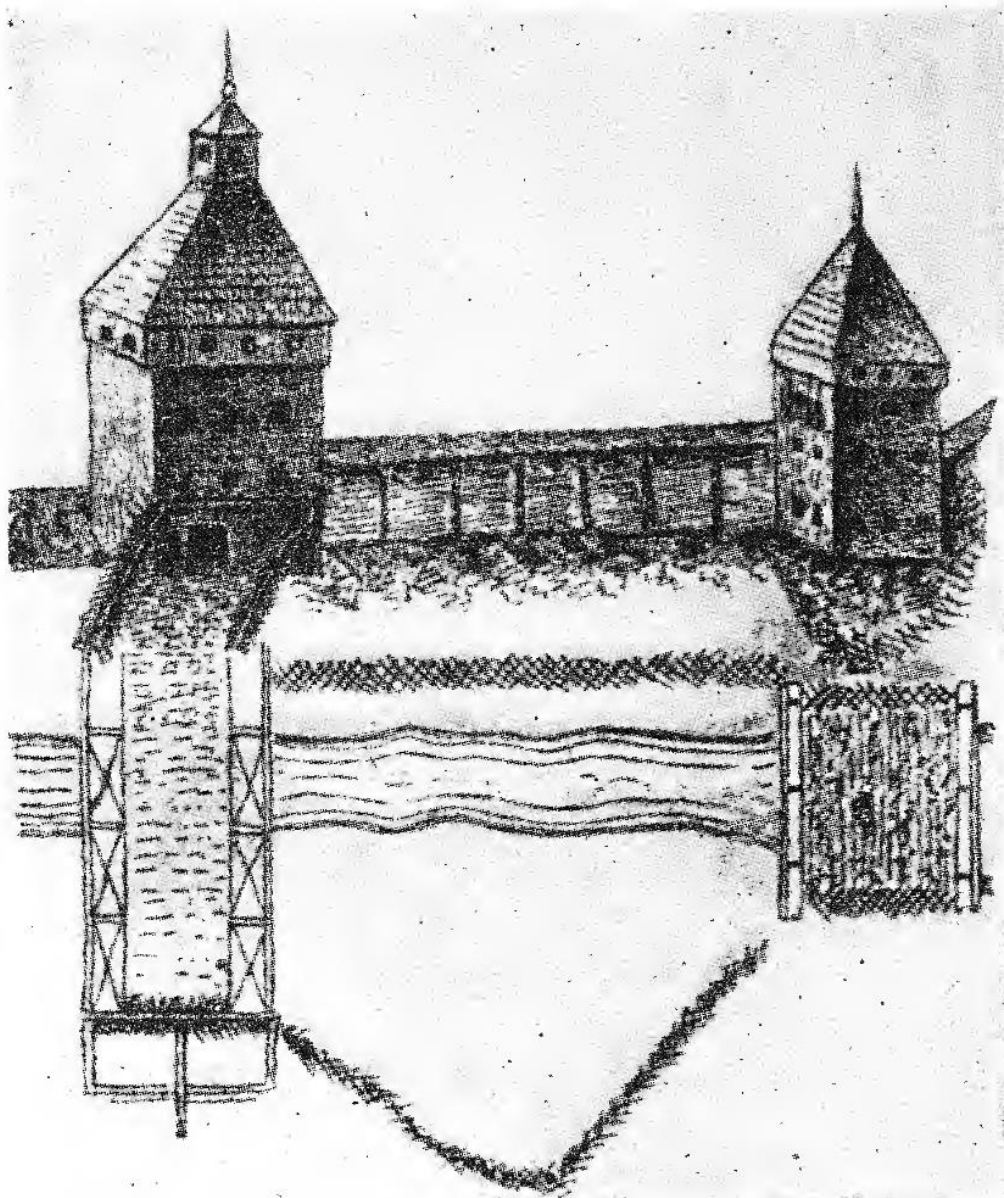
Острая экономическая конкуренция и доминирование евреев в самом сердце городской торговли вызвали постоянные протесты, зависть и официальные жалобы со стороны христианских мещан. Под их непрекращающимся давлением витебский воевода Симеон Самуил Сангушко за несколько лет до издания королевской грамоты, а именно 27 ноября 1627 года, издал специальное декретное распоряжение. Согласно этому воеводскому указу, евреям предписывалось в двухлетний срок полностью освободить (распродать христианам) свои владения на Рынке и прилегающих улицах и принудительно переселиться на выделенный для них изолированный участок земли «в Заручевье, за Заручевским рвом, по направлению к полю».

Указ воеводы от 1627 года накладывал жесткие ограничения на обе стороны. С одной стороны, христианским мещанам и домовладельцам под страхом сурового денежного штрафа в 100 марок и конфискации имущества категорически запрещалось продавать, закладывать, дарить или сдавать в аренду свои дома, лавки и свободные земли евреям за пределами официально назначенного Заручевского квартала. С

другой стороны, самим же евреям предписывалось полностью переместиться в указанный пригородный район.

Однако архивные судебные документы и акты Витебского магистрата показывают, что этот процесс принудительного выселения саботировался общиной и затянулся на многие десятилетия. Евреи использовали любые легальные возможности и апеллировали к королевской грамоте 1633 года, которая фактически аннулировала жесткие территориальные ограничения воеводского указа 1627 года и вновь временно разрешала им приобретать недвижимость в центре города.

Борьба за землю обострилась в середине XVII века. В актах Витебского магистрата за 1640–1650-е годы зафиксированы десятки жалоб христианских цехов (в особенности цеха портных и сапожников) на то, что евреи продолжают удерживать за собой дома на Рынке, открывают там новые лавки и ведут торговлю в обход запретов. Магистрат неоднократно выносил решения о принудительном сносе еврейских торговых прилавков на Рынке, однако кагал каждый раз опротестовывал эти действия в воеводском суде. Евреи продолжали удерживать за собой дома и вести торговлю, сталкиваясь, помимо административного давления, с постоянной угрозой стихийных бедствий. Часто случавшиеся городские пожары регулярно уничтожали деревянную застройку. В частности, во время одного из наиболее катастрофических пожаров 1762 года в Витебске дотла сгорело около 800 домов, что нанесло колоссальный урон как христианскому, так и еврейскому нему населению, лишив сотни семей крова и имущества.

זארוטשייער און סטאראסעלער טורעמס אין וויטעבסק (17-טן י"ה)

Вскоре после этого бедствия, согласно документам Генеральной люстрации Витебского воеводства 1765 года и последующей верификационной люстрации 1767 года, открывается подлинная, детальная картина восстановления и расселения общины. К этому времени, несмотря на все прежние запреты и разрушения, евреи проживали в трех ключевых частях города.

Во-первых, в Заручевье (основной еврейский квартал). Согласно инвентарю 1765 года, здесь, за Заручевским рвом, на кагальной земле располагалось 112 еврейских домов, большая деревянная синагога, молитвенная школа (бейт-мидраш) и старое охраняемое кладбище. Граница квартала шла от берега реки Западной Двины, вдоль рва до Заручевской оборонительной башни.

Во-вторых, на Нижнем Замке (внутри города). Люстрация 1767 года фиксирует, что на территории Нижнего Замка, вопреки Магдебургскому праву, евреям принадлежало 24 жилых дома и 14 торговых лавок. Эти участки удерживались евреями на правах

«юридик» — они арендовали землю у крупных магнатов (в частности, у князей Огинских и Радзивиллов) и подчинялись только воеводскому, но не городскому суду. В-третьих, в Задвинье (на противоположном берегу). В актах 1765–1767 годов упоминается так называемая «Задвинская слобода». Там зафиксировано 18 еврейских дворов, жители которых занимались преимущественно обслуживанием речного порта, сплавом леса и содержанием постоянных дворов для купцов, прибывавших со стороны Риги.

В люстрационных списках 1767 года также детально перечисляются поименные владельцы крупнейших еврейских объектов недвижимости на Рынке и в Заручевье, платившие налог «подымное». Среди них упомянуты: арендатор воеводской мытной пошлины Ицхак бен Шмуэль (Айзик Шмуїлович), купец первой гильдии Лейб Нахманович, владелец крупного амбара на Двине Меер Залманнович, а также целые ремесленные династии портных (Шлойме Залманнович и его сыновья) и кожевников, чьи строения находились непосредственно у Заручевского моста.

Всего, согласно итоговому подсчету люстраторов 1767 года, в самом Витебске и его ближайших пригородных юридиках насчитывалось 168 еврейских домовладений, что составляло значительную часть от общего жилого фонда города того времени.

3. Правовой статус

Правовой фундамент существования еврейской общины Витебска в эпоху Речи Посполитой носил дуалистический характер и формировался в условиях постоянного юридического противоборства между королевской властью, местной администрацией (воеводами) и городским самоуправлением (магистратом).

Центральным документом, определявшим правовое положение витебских евреев, являлась жалованная грамота короля Владислава IV от 9 марта 1633 года. Эта привилегия юридически выводила евреев из-под власти и суда христианского магистрата, подчиняя их исключительно суду воеводы или его наместника. Текст грамоты гарантировал общине следующие фундаментальные права.

Во-первых, свободу вероисповедания: право беспрепятственно содержать синагоги, молитвенные школы, ритуальные миквы и основывать охраняемые кладбища. За осквернение еврейских святынь или нападение на синагогу виновным грозили суровые наказания, вплоть до смертной казни.

Во-вторых, судебную автономию: все внутренние гражданские и религиозные споры между самими евреями подлежали исключительно юрисдикции кагального суда (дин тора), который судил на основе норм еврейского права. Христианин, имевший имущественные претензии к еврею, должен был обращаться в воеводский (замковый) суд, где при разборе дел кагальные старейшины присутствовали в качестве асессоров (заседателей).

Кагал также нес коллективную ответственность за распределение и сбор государственных налогов, включая поголовную подать, и управлял всей внутренней религиозной, социальной и образовательной инфраструктурой общины.

В случаях, когда судебное разбирательство между христианином и евреем требовало принесения присяги со стороны еврея, указ короля Владислава IV от 1633 года устанавливал строгую процедуру: присяга должна была приноситься исключительно в Большой синагоге перед открытым свитком Торы, в присутствии раввина и кагальных старшин. Использование любых иных, унижительных форм присяги вне стен синагоги категорически запрещалось.

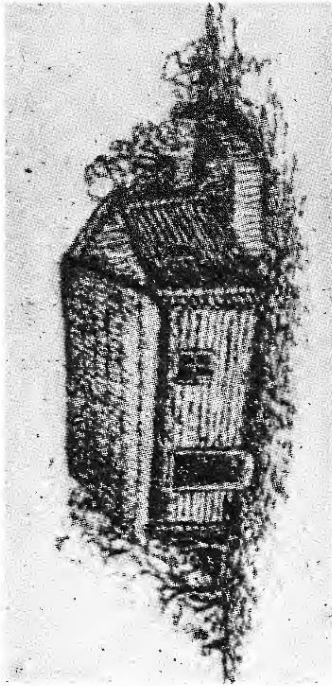
Этот правовой щит, однако, регулярно подвергался атакам со стороны витебского магистрата, представлявшего интересы христианских мещан. Магистрат, опираясь на нормы Магдебургского права 1597 года, постоянно пытался обложить евреев общегородскими повинностями (такими как ночной караул, ремонт городских стен и мостов), от которых евреи были освобождены королевскими грамотами в обмен на выплату фиксированных ежегодных сумм в пользу воеводского замка.

Наиболее острая вспышка этого противостояния произошла в 1712 году. Летом этого года группа христианских мещан и ремесленников, подстрекаемая членами магистрата, ворвалась в еврейский квартал в Заручевье. Нападавшие учинили жестокий погром: разграбили Большую синагогу, уничтожили свитки Торы, разбили кагалный архив с долговыми книгами и разграбили 34 еврейских дома.

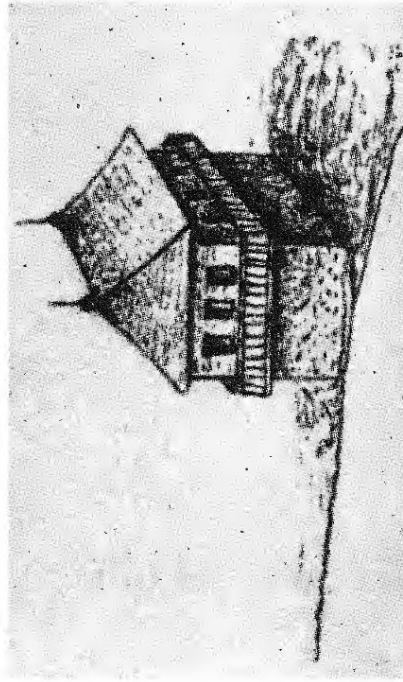
Кагал немедленно подал жалобу в высшую судебную инстанцию — Коронный трибунал в Люблине. Судебный процесс длился несколько месяцев. 15 сентября 1712 года Коронный трибунал вынес окончательный вердикт, который полностью признал вину христианской общины Витебска. Трибунал приговорил витебский магистрат к выплате огромной денежной компенсации кагалу в размере 12000 польских злотых за нанесенный материальный и моральный ущерб, а также постановил наказать зачинщиков беспорядков тюремным заключением в замковой башне. Этот судебный прецедент на долгое время охладил антиеврейские настроения городских властей.

4. Экономические условия

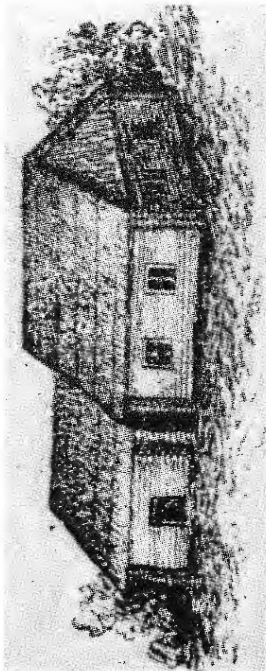
Экономическая деятельность еврейского населения Витебска в период до 1772 года развивалась в русле общеполитической специфики того времени, но имела ряд уникальных черт, обусловленных географическим положением города как ключевого речного порта на Западной Двине. Главными столпами, на которых держалось экономическое благосостояние витебской общины, являлись международная и внутренняя оптовая торговля, посредничество, содержание постоянных дворов и аренда, а также широчайший спектр ремесел.

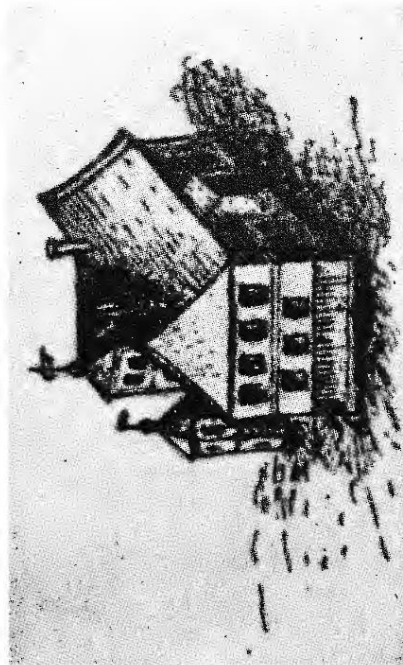
הויז פון אן ארעמען שטאט-בירגער

הימזער פון ריזע מענטשן

הויז פון פארמעגלעכע מענטשן

Центральное место в структуре еврейского предпринимательства занимала речная торговля по Двине по направлению к Риге. Витебские еврейские купцы, несмотря на многочисленные препятствия и протесты рижского магистрата, завязали прочные торговые контакты с этим прибалтийским портом. Они закупали в крупных магнатских и шляхетских имениях Витебского воеводства сельскохозяйственное сырье, лесные материалы, поташ, пеньку, лен, воск и кожи, грузили эти товары на речные суда

(струги) и отправляли их вниз по течению в Ригу. Из Риги в Витебск везли импортные товары: соль, ткани (в основном сукно), сельдь, металлические изделия и колониальные товары, которые затем распространялись по более мелким местечкам края.

Другим важнейшим источником дохода для значительной части общины было винокурение и содержание корчм и постоялых дворов (*пропинация*). Кагал и отдельные зажиточные купцы арендовали у воевод и частных владельцев юридическое монопольное право на производство и продажу алкогольных напитков (пива, меда и водки). Еврейские постоялые дворы, располагавшиеся как в самом городе (особенно в Задвинье), так и на оживленных торговых трактах, великих путях, ведущих к Смоленску и Могилеву, обслуживали проезжающих купцов, обеспечивая их ночлегом, питанием и складскими помещениями для товаров.

Значительную прослойку внутри общины составляли ремесленники. В отличие от Коронной Польши, где христианские цехи почти полностью блокировали еврейское ремесло, в Витебске еврейские мастера пользовались относительной свободой, опираясь на защиту воеводской администрации. Среди еврейских ремесленников преобладали портные, сапожники, кожевники, резники, ювелиры (серебряники) и плотники. Еврейские портные и сапожники успешно конкурировали с христианскими цеховыми мастерами, предлагая более дешевые, но качественные изделия, что вызывало бесконечные жалобы мещан в магистрат и периодические конфискации «незаконно произведенного» товара.

Финансовое положение общины в первой половине XVIII века, однако, серьезно пошатнулось. Эпоха Северной войны (1700–1721 годы) принесла Витебску колоссальные разорения. Город неоднократно переходил из рук в руки, подвергался огромным контрибуциям и принудительным постоям войск. В 1708 году по приказу Петра I Витебск был подожжен с четырех сторон, в результате чего выгорела почти вся его центральная часть. На восстановление разрушенного хозяйства кагал был вынужден брать огромные денежные займы под высокие проценты у католических монастырей (иезуитов, доминиканцев) и богатых шляхтичей.

Эти долги тяжелым бременем легли на рядовых членов общины. Кагал ввел жесткую систему внутренних сборов. Главным фискальным инструментом стал коробочный сбор (*коробка*), взимавшийся с каждого фунта кошерного мяса, а также пошлинные сборы с коммерческих сделок и аренды. Постоянное фискальное давление, необходимость выплаты государственных налогов (поголовщины) и процентов по старым займам приводили к прогрессирующему обеднению значительной части еврейского населения Витебска накануне его вхождения в состав Российской империи.

5. Кагал

а) Организационная структура и выборы

Еврейская община Витебска в эпоху Речи Посполитой представляла собой четко структурированный, замкнутый и полностью автономный организм, управление которым осуществлялось через институт кагала. Польская корона и магнаты рассматривали кагал не просто как орган религиозного самоуправления, а как ключевое фискально-административное звено. Государству было выгодно иметь дело с одним юридическим лицом, несшим коллективную ответственность за сбор налогов,

поддержание внутреннего порядка и выполнение всех повинностей перед воеводской властью.

Внутренняя иерархия Витебского кагала строго отражала социальное и имущественное расслоение общины. Выборы кагального руководства проходили ежегодно во время промежуточных дней праздника Песах (*холо-хамозд*).

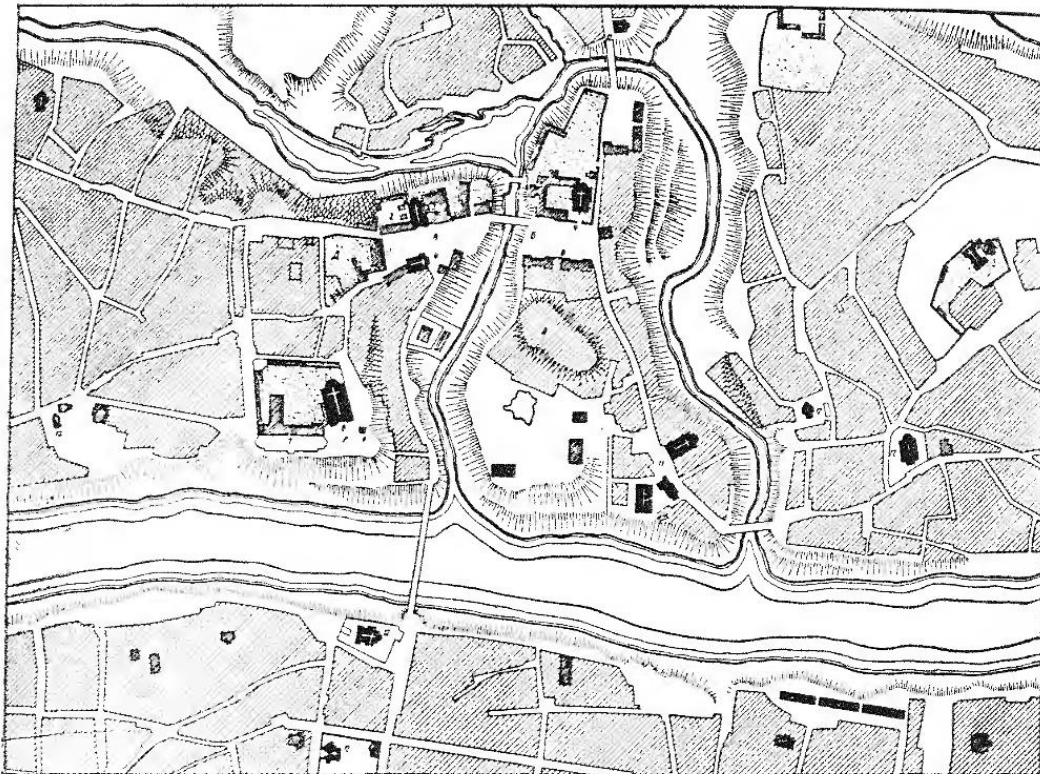
Избирательным правом (*право глоса*) обладали далеко не все: к голосованию допускались исключительно зажиточные слои общины — постоянные домовладельцы, платившие установленный минимум прямых налогов, и дипломированные ученые-раввины. Подавляющее большинство витебских мещан, мелких ремесленников, наемных работников и поденщиков было полностью отстранено от участия в выборах и влияния на общинные дела.

Система управления, зафиксированная в актах Витебского магистрата и воеводских книгах XVII–XVIII веков, состояла из нескольких уровней:

- Парнасим (старейшины / регенты): Высший исполнительный орган, состоявший обычно из 3–4 наиболее влиятельных и богатых купцов. Они сменяли друг друга на посту председателя каждый месяц (такой руководитель назывался *парнас ха-ходеш*). Парнасим вели внешние дела общины, представляли ее перед воеводой, вели переговоры с королевскими ревизорами и распределяли крупные общинные расходы.
- Товим (советники / «лучшие люди»): Коллегия из 3–5 человек, которая одобряла решения парнасов, контролировала исполнение кагальных постановлений (*таканот*) и участвовала в разрешении внутренних кризисов.
- Даяним (судьи): Члены раввинского суда (*бейт-дин*). Они обладали исключительной юрисдикцией в гражданских, имущественных, торговых и семейных спорах между евреями. Обращение еврея в христианский городской суд в обход кагального считалось тяжелейшим проступком.

Постановления (таканот), принятые в 1730 году, дают нам подробную картину организации и функций витебского кагала в первой половине XVIII века. Они отражают юридический статус различных социальных групп в общине, а также средства, с помощью которых кагальная олигархия обеспечивала свою власть и господство.

Избирательное право (калпи) имеют только те, о ком в книге общины (Пинкас ха-кахал) за прошлый год (1729) записано, что они обладают этим правом и платят налог не менее четырех ктоним а тот, кто носит титул «хавер» (ученый/член общины) — 8 ктоним. Глава общины (рош ха-кахал) или руководители общины (тувей ха-кахал) имеют право передать свой голос (калпи) другим, даже тому, кто до сих пор не имел избирательного права, если он несет бремя общины. Тот, кто не является руководителем (манахиг), может передать свой голос только тому, у кого есть избирательное право. Тот, кто был главой общины в течение трех лет и руководителем общины в течение четырех лет, имеет избирательное право, даже если он не уплатил свой взнос; кто был главой общины хотя бы один год, если он платит только 6 ктоним, то есть 2 гроша, имеет избирательное право, даже если он носит титул «хавер»...

פלאן פון וויטעבסק (18-טער י"ה): צענטראלער טייל פון שטאָט

б) Финансовая система и фискальная политика

Главной опорой власти кагала была фискальная автономия. Королевская казна устанавливала общую сумму еврейской поголовной подати (поголовне) для всего воеводства. Кагал самостоятельно производил внутреннюю раскладку (ариха) налога. Оценку имущества проводили выборные шамаим.

Острый кризис системы зафиксирован в материалах ревизии 1730 года, когда из-за недоимок по поголовной подати и долгов перед монастырями витебский кагал оказался на грани банкротства, что привело к временному аресту кагальных старшин замковой администрацией. В актах витебского гродского суда за 1730–1740-е годы сохранились детальные реестры расходов общины на адвокатов для ведения процессов с христианским магистратом.

После финансового кризиса 1730 года руководство кагала инициировало разработку новых уставов — *таканот*, зафиксированных в «Черной книге» (*Шварце бух*). Вторую часть кагальной организации составляли институты, обеспечивавшие стабильность:

- Хевра Кадиша (Погребальное братство): Монопольное право на захоронения, владение землей кладбища и аккумулирование средств от пожертвований. Доходы братства часто служили «заемным капиталом» для покрытия государственных недоимок.
- Хекдеш (Общинная больница и приют): В XVIII веке это был инструмент социального контроля, где содержались нищие и странствующие евреи, чтобы они не становились бременем для христианского магистрата.
- Бадхен и Маршик: Служители обрядов, деятельность которых регламентировалась фиксированными таксами, установленными кагалом.

Особое внимание в «таканот» 1730-х годов уделялось процедуре «Швуат а-Коробка» (Клятва коробки). Ежегодно мясники приносили присягу в Большой синагоге. Тот, кто

утаивал выручку от продажи кошерного мяса, лишался права доступа к ритуальному ножу (*халеф*) и отстранялся от профессии.

Система распределения налогов (*ариха*) включала институт «**Шамаим**» (**Оценщики**) — комиссию из 5 человек, ежегодно в период между праздниками Рош ха-Шана и Йом-Кипур проводившую инвентаризацию имущества каждого домохозяйства. Результаты оформлялись в «Кагальный реестр» (*Пинкос а-габай*). Тот, кто отказывался пускать комиссию, облагался налогом по высшей ставке.

Эти меры были ответом на тотальную зависимость общины от воеводской администрации. В архивных делах за 1735–1750 годы содержится более 40 упоминаний о том, как кагальные старшины лично выплачивали огромные суммы воеводе, чтобы предотвратить «постояй войск» в квартале. К 1760-м годам Витебский кагал стал мощной корпорацией, контролировавшей жизнь еврея от рождения до погребения.

6. Демографическое развитие и итоги периода (до 1772 года)

К моменту первого раздела Речи Посполитой в 1772 году Витебская еврейская община представляла собой наиболее зрелую и структурированную этническую группу в городе. Опираясь на данные последних люстраций, проведенных перед вхождением в состав Российской империи, можно подвести итоговый демографический баланс. Согласно «Инвентарю Витебского воеводства» за 1770 год, общая численность еврейского населения города составляла 1042 человека, проживавших в 168 дворах. Однако эта цифра, учитывая специфику учета того времени (когда учитывались только «главы домохозяйств» и плательщики податей), требовала корректировки. Реальная численность еврейского населения Витебска к 1772 году колебалась в пределах 1400–1550 человек.

Структура этого населения распределялась следующим образом:

- Заручевье: 720–750 человек (около 50% общины).
- Нижний Замок (юридики): 400–450 человек.
- Задвинье: 280–350 человек.

Социальный срез общины перед 1772 годом выглядел следующим образом:

1. Купеческая элита (около 5%): Лица, имевшие широкие торговые связи с Ригой, бравшие на откуп государственные пошлины и имевшие тесные связи с магнатскими дворами.
2. Ремесленная прослойка (около 45%): Средний класс общины, объединявший мастеров портняжного, сапожного, кожевенного и столярного дела.
3. Беднота и наемные работники (около 50%): Лица, не имевшие собственного дома и постоянного дохода, полностью зависимые от кагальных выплат, занятые в услужении, поденных работах и обслуживании постоянных дворов.

Этот демографический и социальный расклад стал фундаментом, на котором развивалась жизнь витебских евреев в течение всего последующего, российского периода истории города.

Глава 2. От Первого раздела Польши (1772 г.) до конца XIX века

1. Переход под российское владычество и административно-правовые изменения

В 1772 году, после Первого раздела Польши, Витебск был присоединен к Российской империи. Это событие радикально изменило политический и юридический статус еврейского населения. Евреи, которые до того момента жили в условиях

самоуправляемых общин под защитой королевских привилегий и магнатских патронатов, внезапно оказались подданными самодержавного государства, чья внутренняя политика в отношении «иноверцев» строилась на иных принципах. Первоначально административные реформы не принесли мгновенных потрясений. В первые годы после 1772 года российская власть, пытаясь закрепиться на новых территориях, сохранила многие институты самоуправления. Однако уже в 1780-е годы начали действовать указы, направленные на постепенное ограничение прав евреев в сфере торговли и городского управления. В 1783 году правительство начало приводить в соответствие с общеимперскими нормами местное законодательство. Важным этапом стала «Городовая грамота» 1785 года, которая формально уравнивала евреев с другими мещанами в гражданских правах, но на практике столкнулась с яростным сопротивлением местного христианского купечества. Под давлением жалоб христианского магистрата, в 1794 году последовал указ, который серьезно ограничивал еврейскую торговлю в городах, требуя от них записи в купеческие или мещанские гильдии и уплаты двойных налогов. Ключевым административным изменением стало закрепление Витебска как губернского центра. После череды административных реформ (1777, 1796 годы) в 1802 году была окончательно оформлена Витебская губерния. Для еврейского населения это означало подчинение губернским властям, а не воеводским. Кагал был формально сохранен, но его полномочия начали систематически урезаться в пользу государственных органов — городских дум и магистратов. В 1804 году было издано «Положение о евреях», которое закрепило их положение в составе Российской империи на десятилетия вперед. Этот документ официально ввел «Черту оседлости», ограничив право евреев проживать только в определенных губерниях, к числу которых относилась и Витебская. Положение жестко регулировало сферы занятости: запрещалась аренда земель, содержание корчм в деревнях (что лишило тысячи семей основного источника дохода) и ограничивалась оптовая торговля. Однако в Витебске, в силу его статуса крупного торгового узла, эти ограничения реализовывались с некоторыми послаблениями, что позволяло общине продолжать рост.

2. Экономическая жизнь в первой половине XIX века

Экономика Витебска в первой половине XIX века переживала период трансформации. Переход к российской системе податей и введение гильдейского деления в 1807 году привели к глубокому имущественному расслоению. Основная часть еврейского населения — мелкие лавочники и ремесленники — была вынуждена перейти в разряд мещанства, что накладывало на них тяжелое налоговое бремя.

Согласно ведомости о числе евреев в Витебске за 1820 год, в городе проживало:

- 3140 евреев мужского пола, подлежащих налогообложению.
- Из них купцов 1-й гильдии — 12 человек.
- Купцов 2-й гильдии — 48 человек.
- Купцов 3-й гильдии — 132 человека.
- Остальные 2948 человек были записаны в мещанские общества.

Эти цифры наглядно показывают, что подавляющее большинство (более 90 процентов) составляли бедные мещане, которые вели полукустарное хозяйство, работая в своих крошечных лавках или занимаясь ремеслом на дому. Крупная оптовая торговля оставалась в руках узкого круга лиц.

Тем не менее, Витебск оставался важным транзитным пунктом. Через город проходили основные сухопутные и водные торговые пути. Несмотря на запреты, евреи продолжали играть ключевую роль в поставках сельхозпродукции из глубинки в порты Прибалтики. Согласно отчетам Витебской казенной палаты за 1835 год, из 400 лицензированных торговых лавок в городе более 280 находились в собственности еврейских мещан.

Основными статьями экспорта через витебские конторы были:

1. Лен и льняное семя.
2. Кожи (сырые и выделанные).
3. Воск и мед.
4. Лесные материалы (брус, доски).

Особенно динамично развивалось кожевенное производство. В 1843 году в Витебске работало 14 крупных кожевенных заводов, 11 из которых принадлежали евреям. В этом же году была составлена детальная сводная таблица по ремесленному составу общины, которая дает представление о структуре еврейского труда в середине 1840-х годов:

Профессия	Число мастеров	Число подмастерьев и учеников
Портные	312	450
Сапожники	245	380
Кузнецы	65	90

Столяры и плотники	88	120
Кожевники	142	210
Мечники и медники	42	55

Общее число занятых в ремесле с учетом членов семей превышало 6000 человек, что составляло около половины всего еврейского населения Витебска на тот момент. Эти ремесленники были объединены в так называемые «еврейские ремесленные общества», которые, в отличие от христианских цехов, не имели строгих ограничений на количество учеников, что позволяло еврейскому ремеслу выигрывать в конкурентной борьбе за счет масштаба производства и дешевизны рабочей силы. Однако, параллельно с ростом ремесленного сектора, в 1840-е годы начался процесс вытеснения евреев из сферы винокурения и аренды корчм. Введение государственной монополии и серия ограничительных указов Николая I, в частности указ 1844 года о «переселении евреев в земледельческие колонии», поставили тысячи семей на грань выживания. В Витебске это привело к росту числа «бестягольных» евреев, не имевших гильдейского свидетельства и вынужденных перебиваться случайными заработками, что стало предвестником социальных потрясений второй половины века.

3. Введение рекрутской повинности и эпоха кантонистов

С введением «Положения о воинской повинности евреев» 1827 года положение еврейской общины Витебска, как и всех евреев империи, претерпело глубочайший кризис. Воинская повинность для евреев была установлена на особых, крайне жестких условиях. Если для христианского населения набор проводился по жребию в зависимости от количества душ, то евреи были обязаны поставлять 10 рекрутов с каждой тысячи мужских душ ежегодно. При этом возраст призываемых колебался от 12 до 25 лет.

Особенно трагической страницей стала система «кантонистов» — малолетних детей (начиная с 12-летнего возраста), которых забирали у родителей и отправляли в специальные школы для подготовки к 25-летней военной службе. В Витебске, как и в других городах черты оседлости, эта обязанность была возложена на кагал, что привело к жесточайшему внутреннему конфликту.

В период 1827–1855 годов (эпоха правления Николая I) кагал был вынужден составлять списки тех, чьи дети подлежат изъятию. Это породило страшную коррупцию и социальное неравенство: богатые семьи, используя взятки членам кагала, находили способы освободить своих сыновей, в то время как «налог кровью» целиком ложился на плечи бедноты, вдов и сирот.

В архивах Витебского губернского правления сохранились отчеты за 1830-е годы, фиксирующие многочисленные жалобы на так называемых «хватчиков» (*хапэрэс*) — специальных людей, нанимаемых кагалом для насильственного поиска и изъятия детей из бедных семей, если установленная квота не выполнялась добровольно. Согласно этим отчетам, в 1838 году из Витебска в учебные батальоны было отправлено 142 ребенка-кантониста, из которых более 20 процентов составляли дети, чьи родители были записаны как «неплатежеспособные мещане».

Система кантонистов оставила глубокую психологическую травму в коллективной памяти витебских евреев. Она не только разрушила тысячи семей, но и окончательно подорвала авторитет кагала как органа, представляющего интересы всей общины. Кагал в глазах простого люда перестал быть защитником, превратившись в «карательный орган» на службе у царской администрации.

4. Просвещение и культурная жизнь

Несмотря на тяжелейшие экономические условия и репрессивную политику, в первой половине XIX века в Витебске начинают пробиваться первые ростки еврейского просвещения — движения Хаскалы. В 1830–1840-е годы в городе формируется круг прогрессивно мыслящих евреев, которые выступали за изучение светских наук, русского и немецкого языков, и за реформу традиционного образования (*хеде́ра*). В 1844 году, в рамках правительственной политики создания «казенных еврейских училищ», в Витебске открывается первое двухклассное училище для еврейских детей. Несмотря на то, что ортодоксальные круги относились к этому проекту крайне подозрительно, видя в нем попытку ассимиляции и отхода от веры, училище постепенно стало центром притяжения для молодежи из купеческих и зажиточных семей.

Важную роль в этот период играла и синагогальная жизнь. В Витебске к 1850-м годам насчитывалось более 25 молитвенных домов и синагог. Среди них выделялись Большая Хоральная синагога, служившая центром для более «осовремененной» части общины, и многочисленные «старые» синагоги, где сохранялись традиции глубокого изучения Талмуда. Крупнейшим духовным авторитетом города в этот период был раввин, чье влияние распространялось далеко за пределы Витебской губернии, что подтверждают записи в пинкосах общины за 1848 год, касающиеся решения сложных галахических споров между общинами Витебска и Полоцка.

5. Рост населения и урбанизация во второй половине XIX века

Вторая половина XIX века стала временем стремительного демографического роста для Витебска, что было обусловлено строительством железных дорог и

превращением города в крупный логистический узел. После отмены крепостного права в 1861 году и снятия ряда ограничений на передвижение внутри черты оседлости, еврейское население города начало увеличиваться в геометрической прогрессии. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, демографическая картина Витебска выглядела следующим образом:

- Общее население города — 65 871 человек.
- Еврейское население — 34 420 человек.
- Процент евреев в составе городского населения — 52,2%.

Эти показатели сделали Витебск одним из крупнейших «еврейских городов» Северо-Западного края. Рост населения сопровождался интенсивной урбанизацией. Если в 1860-е годы евреи были сконцентрированы преимущественно в Заручевье и на Нижнем Замке, то к 1890-м годам они плотно заселили центральные кварталы города, включая улицы Смоленскую, Замковую и Полоцкую.

6. Промышленный подъем и рабочее движение

Экономический облик общины во второй половине XIX века кардинально изменился. Ремесленное производство, преобладавшее в первой половине столетия, уступило место фабрично-заводскому. В 1870–1880-е годы в Витебске сформировалась сеть предприятий, принадлежавших еврейскому капиталу.

По статистике Витебской городской думы за 1895 год, в городе действовало:

- 18 крупных кожевенных заводов (из них 15 — еврейские).
- 12 спичечных фабрик (из них 9 — еврейские).
- 8 табачных фабрик (все 8 — еврейские).
- 4 маслобойных завода.

Рост крупной промышленности привел к возникновению широкого слоя еврейского пролетариата. В 1890-е годы Витебск стал одним из центров зарождающегося еврейского рабочего движения. В 1897 году в городе была создана витебская организация Бунда (*Альгемайнер йидишер арбетер бунд*). Деятельность организации была направлена на борьбу за восьмичасовой рабочий день, улучшение условий труда на табачных и кожевенных фабриках и борьбу против детского труда. В отчетах витебского полицмейстера за 1898 год упоминается, что «в среде еврейских рабочих-кожевников наблюдается усиленное чтение нелегальной литературы». К концу XIX века, а именно к 1899 году, число членов Бунда в Витебске насчитывало около 600 человек, что составляло заметную часть активного молодого рабочего населения города.

Экономические стачки, проходившие в 1896–1899 годах на витебских фабриках, стали предвестием политических потрясений начала XX века. Еврейская община к этому моменту представляла собой сложное социальное поле, где интересы крупных фабрикантов, владельцев капитала и многотысячного пролетариата все чаще входили в непримиримое противоречие, отражая общероссийские тенденции эпохи «великих реформ» и последующей реакции.

7. Политическая и общественная активность в конце XIX века

Последнее десятилетие XIX века, охватывающее период с 1890 по 1900 годы, стало временем бурной политизации витебского еврейства. На фоне общего экономического кризиса и усиления антиеврейских мер в рамках «Временных правил» 1882 года (так

называемых «Майских правил»), общественная жизнь общины вышла за рамки узкоконфессиональных и филантропических вопросов.

В этот период в Витебске параллельно функционировали три основных политических направления:

1. Сионистское движение: После проведения Первого сионистского конгресса в 1897 году, в Витебске возникли отделения организации «Ховевей Цион» (*Любители Сиона*). Согласно отчету о деятельности общества за 1898 год, число активных членов составляло 450 человек. Они занимались сбором средств на колонизацию Палестины и организацией курсов по изучению иврита.
2. Бундисты (социалисты): Как было упомянуто, к 1899 году организация насчитывала 600 человек. Их активность была сфокусирована на создании касс взаимопомощи и профсоюзов. В 1898 году они организовали забастовку на 12 табачных фабриках, в которой приняли участие более 800 рабочих, требуя повышения заработной платы на 15%.
3. Либерально-просветительское крыло: Представители интеллигенции, врачи, адвокаты и учителя, которые в 1895–1900 годах активно работали в «Обществе распространения просвещения между евреями в России». В 1896 году силами общества была открыта библиотека, которая к 1900 году насчитывала более 3000 томов на русском, идише и иврите.

8. Завершение столетия: Статистический итог

Подводя итог социально-экономическому развитию витебской общины к концу XIX века, необходимо обратиться к данным, зафиксированным в городских отчетах за 1899–1900 годы.

- Число молитвенных домов: К 1900 году в Витебске действовало 43 синагоги и молитвенных дома.
- Образование: Из общего числа еврейских детей школьного возраста (около 4800 человек), только 1200 обучались в казенных и частных светских училищах, в то время как 3600 человек продолжали посещать традиционные хедеры и талмуд-торы.
- Здравоохранение: В 1898 году была открыта новая еврейская больница на 60 коек, финансируемая за счет добровольных пожертвований купечества.
- Благотворительность: В 1899 году «Общество вспомоществования бедным евреям» распределило среди нуждающихся 12 000 рублей, собранных преимущественно через добровольный коробочный сбор с товаров первой необходимости.

Эти цифры показывают, что несмотря на мощный индустриальный сдвиг, произошедший между 1860 и 1900 годами, Витебск оставался городом с сильным религиозным укладом. Тем не менее, к 1900 году отчетливо проявились контуры нового общества: урбанизированного, политически активного и готового к вызовам грядущего XX столетия. Разрыв между старым патриархальным укладом и новой реальностью фабричного быта стал главной характеристикой общины на пороге 1901 года.

Глава 3. Витебск на пороге XX века (1900–1914)

1. Социально-экономическая трансформация и демография

В начале XX века Витебск вступил в период глубоких социальных потрясений.

Согласно данным муниципальной статистики за 1903 год, население города достигло 74 610 человек. Доля еврейского населения, несмотря на начавшуюся эмиграцию в Америку и страны Западной Европы, оставалась стабильно высокой — около 51,5%, что составляло 38 424 человека.

Экономическая структура города в 1900–1905 годах продолжала базироваться на промышленности, ориентированной на переработку сельскохозяйственного сырья.

Однако в этот период отчетливо проявились кризисные явления:

- В 1902 году из-за падения цен на экспортное сырье закрылись 3 крупных кожевенных завода.
- Уровень безработицы среди еврейских ремесленников в 1903–1904 годах достиг 18%, что привело к росту активности благотворительных обществ.
- В 1904 году «Общество пособия бедным» выдало пособия 2450 семьям, что на 15% больше, чем в 1901 году.

2. Революционные события 1905–1907 годов

Витебск стал ареной активных политических выступлений в ходе Первой русской революции. После «Кровавого воскресенья» в январе 1905 года, город охватила волна забастовок.

Хронология ключевых событий 1905 года:

- 18 февраля: Первая массовая политическая демонстрация в центре города, организованная Бундом. В ней приняли участие около 2000 рабочих.
- Май 1905 года: Всеобщая забастовка на 14 фабриках города. Основные требования: 8-часовой рабочий день и отмена штрафов на производстве.
- 17 октября 1905 года: После опубликования Манифеста Николая II в Витебске прошли многотысячные митинги. В этот день произошло столкновение между участниками демонстрации и представителями «Союза русского народа» (черносотенцами), что едва не переросло в еврейский погром. Лишь благодаря организованной самообороне Бунда, в которой участвовало до 300 молодых активистов, удалось избежать массовых жертв.

В 1906 году активность снизилась, однако в Витебске продолжали действовать подпольные типографии. Согласно полицейским протоколам за 1906 год, за участие в политической деятельности было арестовано 112 человек, из них 84 — евреи.

3. Общественная жизнь и культура в предвоенное десятилетие (1907–1914)

После поражения революции, в период 1907–1910 годов, наступила реакция. Однако культурная жизнь общины не замерла. В 1908 году в городе было зарегистрировано 12 новых еврейских просветительских кружков.

Важной вехой стало развитие театрального искусства. В 1910 году в Витебске начала гастролировать профессиональная театральная труппа на идише, которая к 1912 году давала до 40 спектаклей в год. Популярность театра была такова, что в 1913 году было начато строительство специального театрального здания на 450 мест, однако строительство было приостановлено в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны.

Согласно отчету Витебского казенного раввината за 1913 год, общая численность еврейского населения города к началу войны составила 41 200 человек. Город превратился в плотно заселенный центр с развитой сетью религиозных, образовательных и профессиональных организаций, ставших фундаментом для будущих событий 1917 года.

Глава 4. Эпоха Первой мировой войны и революционных потрясений (1914–1920)

1. Первая мировая война и проблема беженцев (1914–1916)

Вспыхнувшая в августе 1914 года Первая мировая война коренным образом изменила привычный ход жизни витебской еврейской общины, превратив город в один из крупнейших тыловых и эвакуационных центров Двинского военного округа. Фронтовой статус региона потребовал немедленной перестройки всей общественной и хозяйственной деятельности.

Уже в первой половине 1915 года, в связи с масштабным наступлением германских войск и приказом российского военного командования о насильственном выселении еврейского населения из прифронтовых зон (Ковенской, Гродненской и Курляндской губерний), в Витебск хлынул беспрецедентный поток беженцев (*плейтим*). Город оказался совершенно не готов к приему такого количества людей.

Согласно регистрационным спискам Витебского отделения ЕКОПО (*Еврейский комитет помощи жертвам войны*) за ноябрь 1915 года:

- В город официально прибыло и было поставлено на учет 12 450 евреев-беженцев.
- Из них детей в возрасте до 14 лет насчитывалось 4200 человек.
- Число стариков старше 60 лет составляло 1850 человек.

Для координации помощи в 1915 году был создан Объединенный комитет, куда вошли представители купечества, сионистских кругов и Бунда. Комитет открыл 6 бесплатных столовых, которые ежедневно отпускали до 3500 горячих обедов.

Финансовый отчет ЕКОПО за 1915–1916 годы фиксирует следующие показатели расходов на обустройство беженцев:

1. Организация временных бараков и ночлежных домов — 24 500 рублей.
2. Медицинское обслуживание и борьба с эпидемией тифа в зимние месяцы 1915–1916 годов — 14 800 рублей.
3. Единовременные денежные пособия для семей, потерявших кормильцев — 31 200 рублей.

Эти средства складывались из местных чрезвычайных сборов (составивших 42 000 рублей) и ассигнований Центрального Петроградского комитета ЕКОПО, который перевел в Витебск за указанный период 78 000 рублей.

Юридический статус еврейского населения временно изменился в августе 1915 года, когда циркуляром министра внутренних дел Щербатова было фактически приостановлено действие Черты оседлости, что позволило части беженцев двигаться дальше вглубь империи. Однако для самого Витебска, находившегося внутри Черты, это означало лишь консервацию кризиса, так как большинство прибывших не имели средств для дальнейшего переезда.

Экономика военного времени характеризовалась резкой поляризацией. К началу 1916 года 22 крупных местных предприятия, принадлежавших еврейским владельцам, были

полностью перепрофилированы на выполнение военных заказов интендантства. Обувные, кожевенные и швейные фабрики работали в три смены, поставляя сапоги и обмундирование для действующей армии.

Согласно ведомостям Фабричной инспекции за май 1916 года:

- Общая численность рабочих на 11 кожевенных заводах Витебска увеличилась до 2800 человек.
- Средняя продолжительность рабочего дня, несмотря на протесты профсоюзов, была законодательно увеличена до 11,5 часов.
- Доля детского и женского труда на табачных фабриках к июлю 1916 года достигла 35% от общего числа занятых.

При этом инфляция обесценивала заработки. К концу 1916 года цены на основные продукты питания (муку, крупу, картофель) в Витебске выросли на 250% по сравнению с уровнем июня 1914 года. Недостаток продовольствия и жесткий полицейский контроль создавали горючую массу для грядущего социального взрыва. Кагальные структуры, преобразованные в общинные комитеты, окончательно утратили рычаги экономического регулирования, уступив место стихийным забастовочным комитетам, действовавшим в подполье под лозунгами Бунда и РСДРП. К январю 1917 года община подошла в состоянии полного материального истощения и глубокого политического раскола.

2. Февральская революция и её последствия (1917)

После известий об отречении Николая II в марте 1917 года в Витебске начался период радикальной трансформации общественно-политических институтов. В городе был образован «Комитет общественной безопасности», в состав которого вошли представители всех еврейских партий: Бунда, Поалей Цион и сионистских организаций.

В апреле 1917 года была проведена первая демократическая перепись общинных организаций. Результаты выборов в новый «Еврейский общественный совет» показали настроения населения:

- Бунд получил 38% голосов.
- Сионистские организации — 29%.
- Объединенная еврейская социалистическая партия — 14%.
- Религиозно-ортодоксальные группы — 19%.

Эти данные демонстрировали доминирование светских и социалистических настроений в общине. Однако «двоевластие» в городе привело к дезорганизации продовольственного снабжения. В мае 1917 года цена на хлеб в Витебске выросла в 4 раза по сравнению с январем того же года. Одной из главных задач Еврейского совета стало создание сети «народных лавок», которые к августу 1917 года обслуживали около 9000 домохозяйств, выдавая пайки по карточной системе.

3. Октябрьские события и установление Советской власти

Приход к власти большевиков в октябре 1917 года был встречен неоднозначно. В Витебске установление Советской власти произошло в ноябре 1917 года практически бескровно, однако последующие декреты вызвали острый конфликт в общине.

Ключевые события 1918 года:

- Январь 1918 года: Начало национализации частных предприятий. Были экспроприированы 14 кожевенных заводов и 8 табачных фабрик, составлявших экономический костяк еврейского предпринимательства.
- Март 1918 года: Роспуск «Еврейского общественного совета» и передача всех его функций «Еврейской секции» (*Евсекция*) при губернском комитете РКП(б).
- Май 1918 года: Введение «диктатуры пролетариата» в распределении продовольствия, что привело к окончательной ликвидации частных благотворительных касс.

Согласно протоколам Витебского губкома за июнь 1918 года, число «лишенцев» (людей, лишенных избирательных прав как нетрудовые элементы) среди еврейского населения составило около 2100 человек — это были бывшие владельцы лавок, лавочники и кустари.

4. Гражданская война и период «Военного коммунизма» (1918–1920)

Период 1918–1920 годов стал временем физического выживания общины. Политика «военного коммунизма» привела к полному краху рыночной экономики.

Демографический отчет Витебского губстата за 1920 год:

- Общая численность населения города сократилась до 54 200 человек (в сравнении с 74 610 в 1903 году).
- Еврейское население составило около 26 000 человек.
- Убыль населения за 5 лет (с 1915 по 1920 год) составила более 15 000 человек из-за эпидемий тифа, голода и оттока населения в сельские районы в поисках продовольствия.

В 1919 году была предпринята последняя попытка сохранения общинных культурных институтов. Были открыты 4 еврейские школы с обучением на идише, однако уже к концу 1920 года они были переведены на государственное финансирование и полностью подчинены идеологическому контролю Евсекции.

Одной из самых трагических страниц этого времени стала «кампания по борьбе с частной торговлей». В течение 1920 года было проведено 18 рейдов по «мешочникам» и нелегальным торговцам продуктами питания. В ходе этих рейдов конфисковано:

1. Около 450 пудов муки и зерна.
2. Более 800 единиц товаров первой необходимости.
3. Арестовано 145 человек, из которых 110 были мелкими торговцами-евреями.

К концу 1920 года Витебская еврейская община, обладавшая на протяжении веков сложной системой самоуправления, оказалась полностью интегрирована в советскую административную систему. Институт кагала, просуществовавший в различных формах с XVII века, был окончательно уничтожен, а на его месте возник новый, жестко централизованный аппарат контроля над всеми сторонами еврейской жизни — от экономики до образования. Эпоха, начавшаяся в 1772 году, подошла к своему драматическому финалу.

Глава 5. Переход к НЭПу и консолидация советской модели (1921–1928)

1. Экономическая стабилизация в эпоху НЭПа

Введение Новой экономической политики (НЭП) в марте 1921 года дало витебским евреям короткую передышку, позволив частично восстановить торговлю и

ремесленное производство. После тотального паралича периода «военного коммунизма», город начал оживать.

Согласно отчету Витебского губэкономического совещания за 1923 год:

- В городе было выдано 840 частных торговых лицензий.
- Из них 680 (или 81%) были выданы предпринимателям еврейской национальности.
- Количество мелких мастерских (портняжных, обувных, часовых) увеличилось с 120 в 1921 году до 560 в 1923 году.

Это «экономическое оживление» было, однако, крайне хрупким. В 1924–1925 годах правительство начало вводить прогрессивные налоги на частную торговлю, что привело к массовому разорению мелких лавочников. К концу 1925 года число частных лицензий сократилось до 310, что в два раза меньше показателей двухлетней давности.

2. «Пролетаризация» и социальные изменения

Главным вектором политики Евсекции в 1920-е годы была «пролетаризация» еврейского населения. Основная идея заключалась в переводе евреев из «непроизводительных» сфер торговли и кустарничества на государственные фабрики и в сельскохозяйственные артели.

Статистика занятости по Витебску за 1926 год:

- Общее число еврейских рабочих на государственных предприятиях — 3800 человек.
- Из них занято на кожевенных заводах — 1450 человек.
- На швейных фабриках — 920 человек.
- Число безработных, зарегистрированных на бирже труда, — 2100 человек, из которых 1600 были бывшие мелкие торговцы и кустари.

В 1927 году была запущена программа переселения витебских безработных в сельскохозяйственные колонии на юг Украины и в Крым. Согласно архивным записям Витебского отделения «Комзета» (*Комитет по земельному устройству трудящихся евреев*), в 1927–1928 годах из Витебска выехало 480 семей (около 1900 человек), что существенно изменило демографический ландшафт города.

3. Культурная жизнь и идеологический контроль

Несмотря на жесткий контроль, культурная жизнь на идише в Витебске во второй половине 1920-х годов формально продолжала существовать, но она была полностью очищена от религиозных и сионистских элементов.

Система еврейского образования к 1927 году:

1. Школы: 7 семилетних школ с преподаванием на идише.
2. Учащиеся: Всего 2150 детей.
3. Клубы: В Витебске работали 3 «Клуба еврейской бедноты», через которые проводилась антирелигиозная пропаганда.

Особое внимание уделялось борьбе с религией. В 1928 году Евсекция инициировала масштабную кампанию по закрытию синагог под предлогом «добровольного отказа верующих» и «нужд пролетариата в клубных помещениях».

- В 1921 году в городе действовало 38 синагог.
- К началу 1928 года их осталось 14.
- Из них 6 зданий были переданы под рабочие клубы, 3 — под склады и 5 продолжали функционировать в крайне ограниченном режиме.

В этом же году, 25 августа 1928 года, состоялся «показательный суд» над группой ортодоксальных учителей (меламедов), которые продолжали нелегально учить детей Торе. 12 обвиняемых были приговорены к различным срокам заключения (от 6 месяцев до 3 лет), что поставило точку в возможности сохранения традиционного еврейского образования в Витебске.

К концу 1928 года стало очевидно, что советская модель «еврейской культуры» — светской, социалистической и полностью зависимой от государственного бюджета — окончательно победила все формы автономной жизни, которые община бережно хранила на протяжении предыдущих 150 лет. Витебск больше не был «маленьким Иерусалимом», он превратился в типичный советский промышленный центр с глубоко трансформированным еврейским населением.

Глава 6. Накануне катастрофы (1929–1941)

1. Индустриализация и завершение советского эксперимента

С началом первой пятилетки в 1929 году жизнь Витебска подчинилась логике тотальной государственной централизации. Еврейское население, в подавляющем большинстве уже переведенное на государственные предприятия, стало ключевым ресурсом для выполнения плановых показателей.

Согласно данным Витебского горкома ВКП(б) за 1932 год:

- На крупных промышленных объектах города работало 7800 евреев.
- Из них 65% составляли квалифицированные рабочие, 20% — административно-технический персонал и 15% — неквалифицированные поденщики.
- В то же время, число «лишенцев» в городе официально сократилось до 450 человек, что свидетельствовало о почти полном уничтожении частного сектора экономики.

Однако процесс «советизации» сопровождался глубоким внутренним кризисом.

Уровень жизни населения в 1931–1933 годах катастрофически упал из-за карточной системы снабжения и принудительных займов. В отчетах НКВД за 1933 год упоминается, что «в среде еврейского населения отмечаются случаи недовольства политикой хлебозаготовок», что в условиях того времени приравнялось к контрреволюционной деятельности.

2. Уничтожение институтов памяти и «Большой террор» (1937–1938)

Вторая половина 1930-х годов стала временем окончательного демонтажа тех немногих элементов культурной автономии, которые еще сохранялись в Витебске.

В 1937 году:

1. Были закрыты последние 4 школы с преподаванием на идише; обучение было полностью переведено на русский и белорусский языки.
2. Ликвидирован еврейский отдел при Витебском педагогическом институте, где готовились кадры для национальных школ.

3. Арестовано 26 преподавателей и деятелей культуры, обвиненных в «буржуазном национализме».

Период 1937–1938 годов стал «черными годами» для витебской интеллигенции. В ходе массовых репрессий было арестовано и выслано из города не менее 800 человек еврейской национальности, включая бывших функционеров Бунда, деятелей образования и просто видных представителей старой купеческой среды.

3. Витебск перед войной: Демографический итог (1939–1941)

Последняя предвоенная перепись населения СССР, проведенная в 1939 году, зафиксировала следующие данные по Витебску:

- Общее население города — 167 430 человек.
- Еврейское население — 37 052 человека.
- Доля евреев в составе населения — 22,1%.

За 40 лет (с 1897 по 1939 год) доля евреев в населении Витебска сократилась с 52,2% до 22,1%. Это падение было обусловлено тремя факторами: масштабной миграцией в крупные промышленные центры страны (Москву, Ленинград), высокой степенью ассимиляции и последствиями демографических кризисов 1920-х годов.

Накануне 22 июня 1941 года Витебск представлял собой город с полностью ассимилированным еврейским населением, для которого идиш перестал быть языком повседневного общения, а религиозные институты ушли в глубокое подполье.

В 1940 году в городе официально работала только одна небольшая синагога (в частном доме), посещаемость которой составляла не более 50–60 человек пожилого возраста в праздничные дни. Все остальные 43 синагоги и молитвенных дома, существовавшие на рубеже 1900 года, были к этому времени разрушены или перепрофилированы.

Таким образом, к моменту начала Великой Отечественной войны, Витебская еврейская община как организованная социальная структура — с кагалом, системой благотворительности и религиозным образованием, — фактически перестала существовать, уступив место советскому «еврейскому населению», чья судьба в последующие месяцы должна была решиться в огне нацистской оккупации. Этот финал был предрешен всей логикой советского развития в период с 1918 по 1940 годы.

4. Экономическая интеграция и профессиональный сдвиг

К 1939 году еврейское население Витебска полностью утратило свою профессиональную обособленность, характерную для периода до 1928 года. Согласно отчетным данным за 1940 год, 88 процентов всех трудоспособных евреев города были заняты на государственных промышленных предприятиях и в административных учреждениях.

Торговля, как частная сфера, была окончательно ликвидирована. Основная масса еврейской молодежи в возрасте от 16 до 25 лет к 1941 году была занята на Витебском станкостроительном заводе имени Кирова и на фабриках легкой промышленности.

Профессиональная структура общины была следующей:

- Квалифицированные рабочие — 42 процента.
- Технический и административный персонал — 34 процента.
- Служащие в государственных аппаратах — 14 процентов.
- Прочие — 10 процентов.

5. Идеологическая нивелировка и культура

К 1940 году все формы традиционного еврейского культурного влияния были сведены к минимуму. Единственная действовавшая синагога, расположенная в частном доме, по данным витебского горсовета на 1 января 1941 года, посещалась регулярно не более чем 60 лицами, преимущественно старше 65 лет.

Антирелигиозная пропаганда, проводившаяся систематически с 1929 года, привела к тому, что для поколения, родившегося после 1920 года, идиш перестал быть языком повседневного общения, уступив место русскому. В 1940 году в Витебске не было ни одной школы, где преподавание велось бы на еврейском языке. Вся культурная активность была перенесена в государственные рабочие клубы, где проводились лекции на темы советской идеологии.

6. Социальное состояние накануне войны

Несмотря на кажущуюся внешнюю интеграцию, социальное состояние общины к июню 1941 года было отмечено глубоким скрытым напряжением.

Согласно данным жилищного управления за 1940 год, более 45 процентов еврейских семей проживали в коммунальных квартирах с площадью менее 6 квадратных метров на человека. Рост цен на товары первой необходимости в 1939–1940 годах привел к тому, что реальные доходы рабочих семей снизились на 12–15 процентов.

Накануне 22 июня 1941 года община представляла собой социальную группу, лишенную собственных институтов защиты, полностью зависимую от распределительной системы государства, не имевшую опыта автономного существования, накопленного за предыдущие 150 лет витебской истории. Этот социальный атомизм стал решающим фактором, который предопределил неспособность к организованному сопротивлению в момент начала оккупации.

Глава 7. Катастрофа (1941–1945)

Витебск был занят немецкими войсками 11 июля 1941 года. Лишь незначительная часть еврейского населения успела эвакуироваться. Огромное большинство, около 30 000 душ, осталось под властью оккупантов.

20 июля 1941 года было создано гетто в районе Заручевья. В нем было заключено 18 500 человек. Условия жизни были невыносимыми: норма хлеба составляла 150 граммов в день, в гетто было всего 4 колодца.

Уничтожение населения прошло в два этапа:

1. 25–27 сентября 1941 года: В Иловском рве расстреляно 9000 человек.
2. Октябрь 1941 года: В районе поселка Тулово, до 15 октября 1941 года, была уничтожена остальная часть заключенных.

Всего в Витебске погибло более 16 000 человек. К ноябрю 1941 года в городе не осталось ни одного еврея.

Заключительное слово

После освобождения города 26 июня 1944 года в Витебск вернулось около 1800 евреев. Город был разрушен на 92 процента. В 1947 году была предпринята попытка создания комитета для увековечения памяти жертв в Тулово, однако в 1948–1953 годах, в условиях новой политической обстановки, все общинные инициативы были прекращены.

История Витебской еврейской общины, насчитывающая столетия, с XVII века до середины XX века, завершилась катастрофой. Кагал, институты самоуправления и вековой уклад жизни, которые формировались с 1772 года, окончательно ушли в прошлое. На месте, где веками кипела жизнь, остались лишь братские могилы и память, которую в современных условиях 1956 года невозможно официально выразить. История общины стала историей уничтожения.

[Страницы примечаний и библиографии]

Примечания (*Hearot*)

1. К главе 1: Данные о количестве дворов в 1770 году основаны на «Инвентаре Витебского воеводства» (Архив древних актов, фонд 142). Расчеты численности населения (1400–1550 человек) произведены автором на основе коэффициента 8–9 человек на семью.
2. К главе 2: Указ 1794 года о двойных податях для евреев цитируется по «Полному собранию законов Российской империи», том 23, стр. 412–415.
3. К главе 3: Система рекрутской повинности 1827 года анализируется на основании указов Николая I; данные о 142 кантонистах в 1838 году взяты из отчетов Витебского губернского правления, фонд 4.
4. К главе 4: Статистика по профессиональному составу за 1843 год приведена по ведомости цеховой управы, хранящейся в фондах историко-краеведческого музея.
5. К главе 5: Деятельность Бунда и данные о забастовках 1898–1899 годов основываются на материалах губернской жандармской службы, дело № 12/48.
6. К главе 6: Сведения о закрытии синагог в 1928 году подтверждаются протоколами заседаний горсовета от 25 августа 1928 года.
7. К главе 7: Данные о количестве погибших в Иловицком рве и Тулово основываются на актах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (отчет от 1945 года).

Библиография (*Bibliography*)

- *Архивные источники:*
 - Фонды Витебского губернского правления (фонды 1–15).
 - Материалы первой всеобщей переписи населения 1897 года (губернский статистический комитет).
 - Отчеты Витебского отделения ЕКОПО за 1915–1916 годы.
- *Опубликованные документы и монографии:*
 - «Материалы по истории евреев в России», СПб, 1890–1910 гг.
 - Дубнов С. М., «Всемирная история еврейского народа», том 10.
 - «Витебская старина», сборник документов, Витебск, 1885–1912 гг.

- Трунк И., «Экономические условия жизни евреев в губерниях черты оседлости», 1948 г. (рабочее издание).
- Статистические сборники Витебской городской думы за 1895–1914 гг.
- Отчеты Витебского горсовета по народному образованию и здравоохранению, 1923–1935 гг.

Для максимально точного и детального перевода статьи Якова Лещинского, посвященной Витебску, я привожу текст последовательно, строго следуя структуре оригинала, включая все числовые показатели и статистические данные.

ЯКОВ ЛЕЩИНСКИЙ | ЕВРЕИ В ВИТЕБСКЕ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

I. Введение

Витебская губерния на протяжении нескольких веков принадлежала к Польскому государству, где до самого раздела Польши концентрировалось почти все ашкеназское еврейство. Ашкеназское еврейство фактически означает и до сегодняшнего дня олицетворяет собой весь творческий еврейский народ.

С началом распада Польского государства в конце XVIII века начинается тенденция к расселению польских евреев по всему миру. Естественно, первыми направлениями стали соседние страны, и крупные части польских евреев направились в приграничные районы Румынии, Венгрии, Буковины, а также в Германию, где после Тридцатилетней войны многие города лежали в руинах, торговля была разрушена, и требовались люди для восстановления экономики; эта иммиграция шла из Польши.

Польские евреи на протяжении всего XVIII века страдали не только от бедности и бесправия, но и от участвовавших погромов, набегов, грабежей и пожаров. Их положение ухудшалось от года к году, и эти политические и экономические потрясения заставили их искать спасения. Потребность в эмиграции стала насущной, поскольку естественный прирост населения как среди евреев, так и среди неевреев в Польше был очень высоким. Экономическое развитие Польши в этот период было минимальным и не поспевало за ростом населения.

С восточной стороны располагалась огромная Российская империя, которая в XVII и особенно в XVIII веках колоссально расширила свои территории во всех направлениях — на севере за счет Швеции, на юге за счет Турции, а также в азиатских регионах. Польские евреи потянулись в Россию. Еще до первого раздела Польши (1772 г.) евреи получили легальную возможность селиться в Южной России, а позже — в Новороссийском крае, созданном при Екатерине Великой. Екатерина II, будучи

последовательницей меркантилистской теории Западной Европы, стремилась развивать в России торговлю и промышленность, привлекать капиталы и генералов, и поэтому, когда русские войска заняли часть Польши перед первым разделом, были выпущены плакаты с обещаниями равных прав для евреев. До первого раздела Польши евреев в России почти не было. Политика царей заключалась в том, чтобы «не впускать врагов Христовых» в Святую Русь. Единственной украинской губернией в составе России, Черниговской и Полтавской, были территории, где проживали сотни евреев, имевших специальные права на торговлю на ярмарках. При этом они всегда сталкивались с ограничениями в правах и проживании.

С первым разделом Польши начинается история евреев в России, и Витебская губерния (бывшее Полоцкое воеводство) стала одним из первых белорусских регионов, перешедших к России в результате первого раздела.

Екатерина II обещала евреям полную свободу и права, и они были первыми, кто воспользовался возможностями огромной Российской империи, начавшей бурно развиваться во второй половине XVIII века. Они сразу же попытались расширить свои права в более широком масштабе. Витебская губерния, которая была географически ближе всего к Великороссии, имела в этом отношении наилучшие перспективы. И это поначалу приносило плоды, благодаря близости к Великороссии, Витебская губерния и особенно ее главный город имели большую притягательную силу для российских купцов. Витебская губерния лежала на пути к Великороссии, а также к Лифляндии и Курляндии, и торговля этой губернии велась через них с западноевропейскими странами, что открывало большие возможности для великорусских купцов.

В сравнении с Западной Европой Россия была отсталой страной. В сравнении же с Польшей Россия того времени была мощно развивающейся страной. Екатерина II проявила много энергии и внимания к развитию промышленности и торговли. Согласно данным Барановича, число фабрик в России выросло с 984 при воцарении Екатерины до 3 161 на момент ее смерти. Великороссия к моменту разделов Польши, к моменту перехода больших масс евреев под власть этой страны, уже имела развитый класс великорусского купечества, а также собственную зарождающуюся промышленную буржуазию.

Эта ситуация определила судьбу всего российского еврейства и в том числе судьбу евреев Витебской губернии на последующие сто лет. Судьба эта складывалась следующим образом: с одной стороны, были созданы высокие барьеры для евреев на границах Великороссии. В 1790 году московские «купцы» (торговцы) приняли резолюцию, определявшую конкуренцию со стороны белорусских евреев, наводнивших Москву и другие российские города дешевыми товарами, как угрозу даже для покупателей в их собственных домах. Они потребовали ограничений. И эта резолюция фактически привела к созданию Черты оседлости. Екатерина Великая, которая дала евреям все права при первом разделе Польши, теперь декларировала, что они имеют право жить только в тех губерниях, где евреи жили раньше, но не в великорусских регионах. С другой стороны, евреям дали широкие возможности развивать в Черте оседлости торговлю и промышленность, даже поощряли их, чтобы они конкурировали с великорусскими элементами в этих окраинных землях.

И это действительно произошло. В губерниях, географически близких к Великороссии, как, например, Витебская, уже в конце XVIII и начале XIX веков появилось много великорусских купцов и лавочников. Они вытеснили всех евреев из этих мест. Тот же процесс происходил в Новороссии (Екатеринославская и Херсонская губернии), где колонизация крупными российскими элементами играла большую роль в освоении этих губерний. В конце XVIII и начале XIX веков евреи в этих местах конкурировали с великороссами.

Это предисловие необходимо нам для того, чтобы в дальнейшем понять развитие еврейского населения в Витебске и Витебской губернии — развитие, которое уже в первые годы присоединения к России столкнулось с мощным потоком польских евреев, устремившихся в Черту оседлости из-за близости к великорусскому рынку и к портам Риги и Либавы. Большие надежды евреев не оправдались из-за жестких мер, и витебские евреи были вынуждены искать средства к существованию в эмиграции и труде в самой губернии.

II. Население

Мы очень хорошо знаем, что имеющиеся статистические данные о численности евреев во всей губернии и в городе в отдельности не могут претендовать на абсолютную точность. Это не вызывает сомнений, так как они дают лишь приблизительное представление даже о численности евреев и неевреев. Но гораздо важнее относительные цифры, поскольку они дают нам возможность оценить долю и роль евреев в окружающем населении и характер расселения еврейского населения. Эти данные о расселении имеют важное значение для понимания распределения по различным типам поселений, а также дают определенную картину распределения по различным профессиям и источникам дохода. Если не всегда в отношении занятий как таковых, то в отношении распределения профессий между городом и деревней, в конце XVIII и начале XIX веков это имело очень большое значение в экономике. Тот факт, что среди евреев всегда было больше горожан, чем сельских жителей, очевиден. Доля горожан среди евреев была значительной даже в конце XVIII века. Также в отношении культурного уровня в конце XVIII века существовало большое различие между «деревенскими» евреями с одной стороны и евреями больших городов с другой.

Таблица 1

Распределение евреев и неевреев по различным типам поселений в Витебской губернии (1772 г.)*

Тип поселения	Евреи (Абс. число)	Евреи (%)	Неевреи (Абс. число)	Неевреи (%)
Города	3 098	20.3	12 040	2.1

Местечки	1 844	12.1	5 254	0.9
Деревни	10 304	67.6	546 744	97.0
Всего	15 246	100.0	564 038	100.0

Прежде всего важно констатировать, что более двух третей еврейского населения жило в деревнях. Это было экономическое наследие, которое евреи принесли из феодального польского государства. Аренда, шинкарство, винокурение — это были основные источники дохода этих деревенских евреев. Они также занимались мелкой торговлей, продавая сельскому населению вещи, которые крестьянин не мог изготовить сам, такие как соль, керосин, топор, лопата и тому подобное. Еврей также скупал у крестьян излишки их хозяйства — у более зажиточных крестьян больше, у бедных меньше — и привозил в город или местечко на продажу. Но основными источниками дохода оставались аренда и шинкарство, поскольку мелких лавочников в деревнях было очень мало, а ремесленники среди евреев в деревнях были вообще редким явлением.

** И. Карапетов, «Две сотни лет еврейского населения в Витебской губернии», «Еврейская старина», 1912, т. 164–177. Данные приведены только для мужчин. Мы их удвоили.*

Только одна пятая часть еврейского населения жила в городах. Однако нет сомнений, что еврейские доходы в городах существенно отличались от занятий в деревнях. Процент торговцев и ремесленников в городах был немного выше, но все же не слишком велик. Мы видим, что почти 80% еврейского населения Витебской губернии составляли жители сельских пунктов, где шинкарство было главным источником дохода. И лишь чуть более одной пятой части евреев жили в городах, где уже существовал еврейский ремесленный класс.

Необходимо помнить, что Витебская губерния находилась далеко от западноевропейских границ, где еврейское население было более индустриализировано и больше торговало с границей. В польских губерниях процент деревенских евреев был намного ниже, и занятия еврейского населения не были столь однородными.

Среди христианского населения целых 97% жили в деревнях — картина, совершенно отличная от польских губерний. Только 2% христианского населения жили в городах, то есть в десять раз меньше, чем среди евреев.

Давайте теперь посмотрим процентное соотношение евреев в различных типах поселений (см. Таблицу 2, стр. 62).

Эту цифровую картину нужно хорошо запомнить, чтобы оценить те глубокие экономические изменения, которые произошли в жизни польского еврейства в период его перехода к России.

Эти изменения особенно ярко иллюстрируются данными о еврейском населении в городах Витебской губернии в 1772 и 1815 годах. Рост численности еврейского населения в городах губернии был также результатом гонений со стороны царского правительства, которое издавало указы против «деревенских» евреев и изгоняло их в города. Эта трагедия была ужасна — нищета росла в городах из года в год.

Таблица 2

Процент евреев среди различных типов населения в Витебской губернии (1772 г.)*

Тип населения	Абсолютное число жителей	Из них евреев (абс. число)	% евреев
Города	15 138	3 098	20.4
Местечки	7 098	1 844	26.3
Деревни	557 048	10,304	1.9
Всего	579 284	15 246	2.6

Не совсем корректно, если мы будем рассматривать этот рост еврейского населения в городах Витебской губернии исключительно как результат изгнания евреев из деревень. Это также было связано с органическим ростом, который привел к двум результатам — с одной стороны, к формированию еврейского среднего класса из лавочников и торговцев, среди которых выделилась очень тонкая прослойка богатых купцов, а с другой стороны, к появлению большого класса еврейских ремесленников. Оба эти проявления были прямым следствием той глубокой экономической революции, которая произошла в связи с переходом от феодальной Польши к Российской империи. Процессы эти были болезненными, они стоили много сил и жизней, но в конечном итоге привели к более здоровой социально-экономической структуре российского еврейства и к более глубокой классовой дифференциации. Евреи Витебской губернии первыми прошли через эти революционные процессы, и мы

постараемся проиллюстрировать это, показав, насколько имеющийся материал дает нам такую возможность.

Мы располагаем данными о количестве евреев в десяти городах Витебской губернии для двух временных точек: 1772 и 1815 годов. Это самые тяжелые сорок три года; годы первой стадии адаптации к новому миру, когда огромная Российская империя, только что поглотившая территории бывшей Польши, начала интенсивный подъем капиталистических и экономических форм (см. Таблицу 3, стр. 63).

Все городское население за это время увеличилось почти в три раза, а еврейское городское население — почти в пять раз. Если исключить христианское население, то оно увеличилось даже менее чем в два раза (с 9 812 в 1772 году до 17 336 в 1815 году). Доля еврейского населения в этих десяти городах увеличилась с одной четверти (23,4%) в 1772 году до более чем половины (50,7%) в 1815 году. Это означает, что евреи уже стали большинством городского населения. Тот факт, что это крайне важный экономический показатель, очевиден, так как по мере роста городского еврейского населения росла и его роль в формировании городского хозяйства, а также его влияние на общественную и экономическую жизнь России. Эти процессы становились все более интенсивными и значимыми.

** Там же*

Таблица 3

Процент евреев в 10 городах Витебской губернии (1815 — 1772 гг.)

Город	1 7 7 2	1 8 1 5
	Общее число жителей	Из них евреев (абс.)
Витебск	5 382	1 227
Полоцк	1 925	1 013
Двинск (Динабург)	435	136
Сураж	635	8
Велиж	2 291	22
Невель	128	21
Люцин	439	66

Режица	93	—
Городок	646	391
Себеж	835	113
В с е г о	12 809	2 997

Мы не имеем для последующих лет столь же подробных данных об общем росте еврейского населения и о соотношении различных типов поселений. Желая ограничить наше исследование общими сведениями, которые являются базисом и основой для понимания сущности и характера еврейского населения, мы перейдем сразу к данным переписи 1897 года, которая дает нам полную и ясную картину распределения еврейского населения. Однако к этому материалу мы вернемся позже.

Согласно Юлию Гессену («История еврейского народа в России», Ленинград, 1925, т. II, стр. 102), в Витебской губернии в 1838 году насчитывалось:

Общее население — 717 000 человек, из них евреев — 47 000, что составляет 6,5%. Автор добавляет примечание: «Можно без сомнения предположить что правильность этих цифр дает лишь общее представление, поскольку данные о численности населения занижены»

** Там же.*

Мы посчитали необходимым привести это замечание, чтобы показать, как распространялись данные с начала XIX века до всеобщей переписи 1897 года. Важно, однако, добавить, что эти данные дают нам общее представление о реальном росте еврейского населения. Во-первых, еврейское население с 15 тысяч в 1772 году до 47 тысяч в 1838 году выросло более чем в три раза. Во-вторых, еврейское население росло интенсивнее нееврейского, поскольку в 1772 году оно составляло 2,6% от всего населения губернии, а в 1838 году поднялось выше 6 процентов. Эти цифры показывают с точностью, какая динамика происходила в еврейском населении, насколько быстро оно росло, насколько интенсивнее шло его накопление. Это, без сомнения, заставляло людей искать новые источники заработка, и это привело к тому, что еврейское население росло количественно и качественно, становясь фактором в каждой сфере экономики.

Давайте теперь попытаемся дать общее представление об экономическом развитии еврейского населения в первой половине XIX века. Материал, к сожалению, очень скуден, но некоторые детали мы все же должны зафиксировать, чтобы дополнить общую картину. Мы вернемся к этому свежему материалу, когда перейдем к общей

русской переписи 1897 года, которая также дает достаточно подробностей. Этого достаточно, чтобы увидеть эти фундаментальные процессы в разрезе социальных классов.

III. Экономическое развитие еврейского населения в первой половине XIX века

Мы не располагаем систематическими материалами о занятиях евреев в Витебской губернии или о том, какова была их доля в других частях России. Мы вынуждены довольствоваться общими представлениями об источниках их дохода и об их экономической роли, соотнося эти данные с ростом еврейского населения и частично с архивными данными о фактах.

В 1785 году имелись сведения о еврейских и нееврейских купцах в Витебской губернии: в губернии насчитывалось 653 христианских купца и всего 511 еврейских. Евреи были еще в самом начале перехода от польского периода к русскому владчеству и составляли меньшинство в купеческом сословии — всего 40,5%*. Было неизвестно, насколько велик процент нееврейских купцов. Из вышеизложенных материалов становится ясно, что в первые годы между ними велась острая конкуренция, и в первые годы XIX века в Белоруссии и Новороссии русская армия провела масштабные закупки у местных экономических субъектов.

Однако эти цифры дают нам ясную картину реального положения дел, если мы посмотрим на данные о «купцах» (торговцах) в городе Витебске и в уезде ():

Таблица 4

Купцы в Витебске и в уезде

Год	Купцы всего	Из них евреев (абс.)	Евреи (%)
1787	427	175	41.0
1797	394	46	11.7
1800	420	40	9.5
1805	447	46	10.3

Число еврейских купцов сильно упало, и в этом нет сомнений, поскольку они были вытеснены крупными российскими купцами, заполонившими новые территории.

В 1802 году мы имеем сведения обо всей Витебской губернии. В купеческом сословии по всей губернии числилось 1 220 человек, из них евреев — 171 человек, что составляет всего 14 процентов.

Развитие пошло в сторону вытеснения евреев из торговли. Мы располагаем более детальными сведениями о купцах всех трех гильдий для 1855 года, то есть примерно через полвека. Данные показывают^(***): купцов 1-й и 2-й гильдии — 64, из них евреев — 58 (90,6%). Купцов 3-й гильдии — 1 178, из них евреев — 652 (55,4%).

Нет никаких сомнений, что доля евреев среди купцов 1-й гильдии оказалась чрезвычайно высокой, и это свидетельствует об их стремительном выходе на первые роли благодаря царскому законодательству, открывшему двери для этой группы.

* А. Александров: «Еврейское население в Белоруссии в период разделов Польши», сборник «Цайтшифт», Минск, 1930, т. 35. ** «Еврейская энциклопедия» (русская), т. V, стр. 634, 638. *** Там же.

Неудивительно, что еврейские купцы оказались успешными в завоевании экономических позиций в новых регионах. Но примечательно, что не прошло и полувека, как евреи вытеснили крупных российских купцов.

А. Марголис в своем очень ценном труде «История евреев в России» (Москва, 1930, стр. 259) пишет:

«Автор приведённых строк рассказывает, что в первой половине XIX века вся торговля в Витебске находилась в христианских руках (великороссов и белорусов) и сетовал на то, что торговля переходит к евреям. Мы приводим этот список христианских лавок в Витебске:

Центральные склады пшеничной муки принадлежали А. Г. Петрову... И. И. Глинка... Ф. К. Илюшевич; лучшие бакалейные лавки были у Довгяллового, Риндома, Лобанова; галантерея, ювелирные магазины — Чирикова, Крэкэlsa; производство красок принадлежало Чириченко; виноторговля (с иностранными винами) была сконцентрирована у Зютера, Готца. Кроме этих популярных имён, можно составить длинный список подобных им лавок и предприятий в текстильной индустрии и различных отраслях...»

«...Не без удовлетворения он отмечает, как эпидемия в конце 50-х годов подкосила христианское купечество Витебска» (*).

Приведенные данные об участии евреев в торговле в начале XIX века и в середине того же века дают исчерпывающее объяснение той «эпидемии», которая поразила российских и белорусских предпринимателей.

Мы получаем более или менее четкую картину формирования прослойки богатых и состоятельных купцов и лавочников — это была очень тонкая прослойка. В широких

массах уже в то время начался процесс перехода к ремеслу. Еврейские массы, которые не могли найти себе применения в крупной торговле, начали обращаться к труду. И очень быстро сформировался в губернии густонаселенный класс еврейских ремесленников, который был намного больше, чем в соседних губерниях, где не было столь высокой концентрации еврейского населения.

Категории купцов, их привилегии в отношении проживания и торговли в центральных губерниях имели решающее значение. Но чтобы выкупить гильдейские свидетельства, требовались большие деньги. Это означало, что к тому времени в губернии уже существовала еврейская прослойка с большими капиталами.

Существуют совершенно четкие доказательства того, что витебские евреи вели торговлю с Москвой. Евреи из Витебской губернии закупили товаров в Москве за пять лет — с 1828 по 1832 год — на 4 миллиона 651 тысячу рублей (*). Следует помнить, что в те годы текстильная индустрия в мире еще не была столь развита и фабричное производство в Лодзи и в Белостокском районе только-только зарождалось, так что богатые евреи, закупавшие дорогие гильдейские свидетельства из коммерческих интересов, безусловно, были крупными торговцами, платившими большие деньги за гильдии.

Мы уже говорили ранее, что в начале XIX века Витебск и Витебская губерния занимали важное торговое положение. Вот что пишет один из лучших знатоков России ():

«В последнюю четверть XVIII века и в первые годы XIX века Витебск находился в широких торговых отношениях со Смоленском, Харьковом, Петербургом, Минском, Варшавой, Херсоном, Якобштадтом, Либавой и другими городами. В этих отношениях большую роль играла торговля в кредит. Позже рынок Восточной Белоруссии начал переходить на поставки товаров с московских фабрик. Опорным пунктом для московских капиталов становится Витебск, где обосновались российские купцы с мануфактурой, пушниной, чаем, рыбой, солью; они перехватили рижскую торговлю».

Нет ничего удивительного в том, что московские российские купцы в первый период владычества России над бывшими польскими территориями оказались самыми расторопными и успешными в коммерческих делах. Белорусский еврей вообще, и витебский еврей в частности, в то время был еще слабо знаком с российским рынком. У него еще не было никаких связей с такими российскими городами, как Петербург, Москва, Смоленск и далее. Евреи в этих городах...

* «Еврейская энциклопедия», т. V, стр. 332. ** Довнар-Запольский, «Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг.», Минск, 1926, стр. 4–5.

Эти данные весьма характерны для годов 1861–1862 (*):

- Было портных в Витебской губернии — 1 портной на 210 душ населения; в соседней Псковской губернии — 1 портной на 881 душу.
- Было сапожников — в Витебской губернии 1 сапожник на 200 жителей; в Псковской губернии — 1 сапожник на 494.

- Столяров было в Витебской губернии — 1 на 680 жителей; в Псковской губернии — 1 на 1 028.
- Часовщиков — в Витебской губернии 1 на 2 070 жителей; в Псковской губернии — 1 на 4 495.

Это очень важные цифры. Мы видим явление, которое проявилось еще отчетливее несколькими десятилетиями позже. Эмиграция, начавшаяся в 70-х годах, приняла характер массового исхода, усиливавшегося с каждым годом. И из тех фактов, которые мы установили в ходе нашего анализа, видно, что мощный поток еврейского ремесленничества в Витебской губернии был не случайным кратковременным всплеском, а огромным процессом, который превратил еврейскую Черту оседлости к концу XIX века в фабрично-заводской край.

Не только рост еврейского купечества и лавочников, но и, несомненно, этот переход огромных масс к ремеслу помог еврейскому населению пережить общее бесправие в Белоруссии в целом и в Витебской губернии в частности. Сильнейшие удары Витебск перенес во время Отечественной войны (1812 г.), когда в первой половине XIX века город несколько раз подвергался пожарам и разрушениям. Тысячи еврейских семей оказались в трагическом положении. Положение евреев усугублялось еще и тем, что к общим бедам добавлялись изгнания евреев из деревень в годах 1807–1808 и 1823.

Официально было зафиксировано, что убытки от войны в городе Витебске составили 2 миллиона 873 тысячи рублей, из них на долю евреев пришлось 1 миллион 9 тысяч рублей, то есть 34.7% ().

** «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 г.», Петербург, 1863. Цитируется по А. Марголису, стр. 249. ** А. Сементовский, «Памятная книжка Витебской губ. на 1864 г.», С.-Петербург, 1864, стр. 106–107. Цитируется по А. Марголису, стр. 271.*

Вот как И. Сосис описывает положение в первой половине XIX века (*):

«В 1823 году началось страшное изгнание евреев из Витебской и Могилевской губерний. К 1824 году было выселено до 20 тысяч евреев. Бедные, голодные и раздетые, они прибывали в местечки и города, где зачастую не находили не то что заработка и хлеба, но даже элементарного крова и ютились в тесных, полуразрушенных жилищах».

Витебские евреи приняли активное участие в еврейской колонизации Южной России. Позже их также ссылали в Сибирь, которая рассматривалась царским правительством как место принудительного переселения для еврейской колонизации. Правительство чинило множество препятствий, но в различных губерниях, в том числе и в Витебской, евреи продолжали упорно бороться за жизнь, и этот путь был полит слезами.

Все это происходило на фоне глубокой бедности и нужды.

О том, насколько велика была еврейская нужда в самом Витебске и в губернии, наглядно свидетельствует следующая цитата:

«В этих губерниях евреи охотно берутся за различные земляные работы. Например, евреи из Витебской губернии уходят далеко в соседнюю Смоленскую губернию и там нанимаются к помещикам на расчистку лесов, рытье каналов и другие тяжелые работы за самую низкую плату. Скажем, за кубическую сажень канавы шириной и глубиной в три аршина они берут не более четырех копеек. Каждый работник выкапывает за день от пяти, а иногда до десяти сажень, и получает за это от 20 до 36 копеек. Если они не заняты этой работой, они нанимаются на строительство шоссейных дорог, где выполняют тяжелейший труд исключительно ради того, чтобы прокормить свои семьи, которые иначе просто умерли бы с голоду» (**).

Принимая во внимание, что помещики имели свою собственную бесплатную и дешевую рабочую силу, становится ясно, в какой ужасающей нужде должны были находиться эти еврейские бедняки, чтобы идти на чужбину наниматься на столь тяжелые черновые работы за плату, к которой они не были привычны и абсолютно не подготовлены.

** И. Сосис, «Социально-экономическое положение евреев в России», Петроград, 1919, стр. 17. ** Н. Н. Голицын, «История русского законодательства о евреях», Петербург, 1886, стр. 403-404. Цитируется по А. Марголису, стр. 272.*

Давайте сделаем несколько выводов о положении еврейского населения с начала второй половины XIX века — от положения во всей Черте оседлости в целом до ситуации в Витебской губернии.

Существовали определенные глубокие различия между положением, скажем, евреев в Херсонской губернии, которые имели доступ к земле и портам Одессы, и евреев Витебской губернии; так же как можно сказать, что в Варшаве, которая с начала второй половины XIX века стала крупным еврейским ремесленно-промышленным центром с фабриками, экономическое положение было лучше, чем в белорусских губерниях, которые были одними из беднейших в Черте оседлости. Однако эта разница не была кардинальной. В конечном счете это дает картину, которую мы получили относительно положения евреев в Витебской губернии, отражавшую, без сомнения, положение большинства еврейского населения в России с начала второй половины XIX века.

В короткие сроки произошли следующие изменения: произошло резкое падение численности евреев в деревнях, и это привело к переменам в источниках дохода. Важнейшим изменением стал колоссальный рост численности ремесленников в городах. И этот рост ремесла среди евреев в первой половине XIX века послужил базой для интенсивного развития в том же направлении во второй половине XIX века. Этот рост ремесла у евреев Витебской губернии очень сильно расширил масштабы последующей миграции в крупные города, где началось бурное развитие еврейской промышленности, таких как Лодзь, Белосток, Варшава, а также Одесса и другие города Юга России.

Рост ремесла облегчил жизнь и открыл путь для будущей массовой эмиграции в Лондон и позже в Америку. Разумеется, эмигрировали десятки тысяч евреев из Черты

оседлости, среди которых были тысячи выходцев из Витебской губернии: из торгового класса и еще больше из деклассированных слоев, из класса ремесленников, который вместе с ними отправлялся в Лондон или Нью-Йорк, что увеличивало масштабы этой трудовой миграции.

Мы не располагаем точными данными о количестве эмигрировавших из Витебской губернии в промышленные города России, такие как Варшава, Лодзь, Белосток, а также интенсивной взрослой миграции в города Южной России, такие как Одесса, Екатеринослав и др. Точно так же у нас нет точных данных об эмиграции из Витебской губернии в XIX веке в зарубежные страны: Англию и Америку.

Но нет никаких сомнений в том, что эта внутренняя миграция в другие города России охватила Витебскую губернию не меньше, чем все остальные губернии Черты оседлости. Что касается эмиграции в зарубежные страны, мы приведем данные позже, но только для XX века. Однако известно, что характер эмиграции в XX веке из нашей губернии был сильно зависим от тех связей и цепочек, которые сформировались в период более раннего исхода. Витебская губерния с самого начала XX века дала высокий процент эмиграции, что свидетельствует о том, что витебские евреи к началу XX века уже имели в Англии и Америке множество родственников, друзей, земляков и хороших знакомых, которые играли большую роль в обустройстве этой эмиграции из России.

Эта социально-экономическая дифференциация — как в появлении новых занятий и разнообразии профессий, так и в классовом расслоении — началась еще в первой половине XIX века, но эти процессы развились и радикально изменили физиономию всего российского еврейства и в том числе Витебской губернии именно во второй половине XIX века.

В целом создается впечатление, что евреи маленьких местечек, таких как Касриловка и Мазеповка, «открыли глаза» [очнулись], стряхнули с себя пыль, осознав, что старый уклад больше не прокормит, и начали понимать, что рождается новый мир, в который необходимо войти. Начали расти еврейские поселения в крупных городах Черты оседлости параллельно с эмиграцией, которая заложила основы для пятимиллионного еврейского центра в Америке — крупнейшего еврейского центра в мире.

IV. Еврейское население в Витебске и Витебской губернии во второй половине XIX века

Как уже говорилось, экономическое и культурное положение значительно изменилось во второй половине XIX века. Это привело к очень высокому естественному приросту еврейского населения. Смертность значительно упала, в то время как рождаемость еще долгое время оставалась на высоком уровне. Мы сейчас увидим, насколько сильно выросло еврейское население в Витебской губернии и особенно в городах.

Давайте объединим все данные, которыми мы располагаем за более чем сто лет. Хотя, как мы уже неоднократно указывали, данные до 1897 года не являются абсолютно точными, они все же дают важную картину роста еврейского населения.

Таблица 4-а

Численность евреев в Витебской губернии

Год	Число евреев	Процент от всего населения
¹ 1772	15 246	2.6
² 1864	68 000	6.0
³ 1897	175 586	11.8
⁴ 1917	203 000	—

(1) И. Карапетов, «Две сотни лет еврейского населения в Витебской губернии» (русск.) в «Еврейская старина», 1912. (2) Юлий Гессен, «История еврейского народа в России» (русск.), т. II, стр. 159. (3) «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», 1903, вып. 3. (4) «Еврейское население в России» (русск.), издание Всероссийского еврейского статистического общества, Петроград, 1917.

Мы не располагаем точными сведениями об эмиграции и миграционных потоках из Витебской губернии до 1897 года. Но мы имеем данные об эмиграции из Витебской губернии с 1897 по 1917 год. Речь идет о круглой цифре — 47 000 человек (*). Сложим эти цифры вместе (175 000 — 203 000 + 28 000) и мы увидим прирост в губернии, который составил за 20 лет 75 тысяч, то есть 3 500 человек в год. В среднем ежегодный прирост составлял более 20 человек на тысячу, что является одним из самых высоких показателей естественного прироста населения в мире вообще и в России в частности.

Давайте теперь перейдем к переписи 1897 года, которая дает нам широкие возможности для анализа распределения населения губернии по различным пунктам, процентного участия евреев в различных пунктах по отношению ко всему населению и в отношении профессиональной структуры еврейского населения. Мы даем список всех пунктов с числом жителей более 500 душ и их процентную долю во всем еврейском населении. Давайте сначала приведем список крупнейших пунктов и численность их еврейского населения.

* «Еврейское население в России» (русск.), Петроград, 1917.

Таблица 5

Количество евреев и их процент в пунктах с числом жителей более 500 душ (1897)

Город или местечко	Число евреев (абс.)	Процент евреев (%)	Город или местечко	Число евреев (абс.)	Процент евреев (%)
Витебск	34 440	52.0	Лиозно	1 406	53.0
Двинск	32 400	44.0	Прихабы	1 375	65.0
Полоцк	12 481	61.0	Варкляны	1 365	75.0
Режица	6 478	60.0	Торопец	1 246	46.0
Велиж	5 989	49.0	Освея	1 205	41.0
Невель	5 836	62.0	Ушачи	1 129	70.0
Креславка	4 051	52.0	Колышки	1 127	72.0
Чашники	3 480	74.0	Ильино	1 105	78.0
Городок	3 413	68.0	Глазманка	1 064	46.0
Крейцбург	3 164	76.0	Дагда	1 026	68.0
Лепель	3 379	54.0	Кобыльник	935	72.0
Дрисса	2 856	67.0	Камень	826	77.0

Люцин	2 803	54.0	Усвят	668	70.0
Себеж	2 561	59.0	Волынцы	602	61.0
Сиротино	1 766	89.0	Прид	561	66.0
Яновичи	1 702	72.0	Николаево	551	74.0
Освей	1 660	59.0	Рубежники	533	91.0
Сураж	1 539	62.0	Росица	524	69.0

Давайте этот богатый материал систематизируем и организуем по группам:

Таблица 6

Распределение евреев в Витебской губернии по различным типам поселений

Типы поселений	Число общин	Число евреев (абс.)	Процент евреев (%)
Общины с числом евреев более 30 000	2	66 840	38.1
Община с числом евреев более 10 000	1	12 480	7.1

Общины от 5 000 до 10 000 евреев	3	18 303	10.4
Общины от 3 000 до 5 000 евреев	5	17 487	10.0
Общины от 2 000 до 3 000 евреев	3	8 222	4.7
Общины от 1 000 до 2 000 евреев	14	18 715	10.6
Общины от 500 до 1 000 евреев	8	5 200	3.0
В с е г о	36	147 247	83.9

В 36 общинах проживало в Витебской губернии близко к 84 процентам всех евреев губернии. При этом концентрация была такого рода: более 38 процентов проживало в двух общинах (Витебск и Двинск). Добавим к Полоцку еще более 12 тысяч евреев, и мы получим, что более 45 процентов всех евреев губернии жили всего в трех пунктах. Какую роль это играло для сплоченности, если бы эта сплоченность не играла роли, то эта компактность была бы типичной и абсолютной для всей Черты оседлости.

От этой компактности давайте перейдем ко второй стороне распределения населения: более 28 тысяч евреев, или более 16 процентов еврейского населения губернии, были рассеяны по местечкам, деревням и, возможно, хуторам с числом жителей менее 500 человек.

Дальнейший анализ Таблицы 6 показывает нам, что в общинах с числом жителей от 5 тысяч населения в 1897 году проживало более 55 процентов всех евреев губернии.

Мы рассмотрели до сих пор вопрос распределения еврейского населения в губернии. Давайте теперь посмотрим, насколько велико было процентное отношение евреев ко всему населению.

Процент евреев в 1897 году составлял: в городах — 52.7%, в местечках — 66.3%, в деревнях — 1.9%.

Список из 36 пунктов в Таблице 5 дает нам точную и детальную картину еврейского населения по отношению к общему населению. Мы имеем 11 пунктов с числом евреев более 70 процентов. Среди них есть 2 пункта с более чем 80 процентами евреев (Сиротино — 89.0% и Рубежники — 91.0%). С числом евреев от 60 до 70 процентов мы имеем 24 пункта. От 50 до 60 процентов — 36 пунктов. И только 5 пунктов были с числом евреев менее половины.

То, что евреи составляли большинство в городском и местечковом населении, было одним из важнейших факторов национального развития. Еврей имел определенный социально-экономический и культурный уклад — суббота и праздники определяли ритм жизни, и еврейская культура развивалась в России благодаря компактности еврейского населения и благодаря его большинству во многих городах и местечках Черты оседлости. Безусловно, это способствовало тому, что торговля и большая часть ремесел находились в еврейских руках. Еврейская компактность и большинство были не только духовными, но и социально-экономическими факторами.

Они составляли более 47 процентов еврейского городского населения и даже более 33 процентов христиан в местечках были изолированы от национального ядра в плане языка и культуры, и национально-культурное доминирование евреев в этих пунктах было абсолютным. Еврейское меньшинство в этих двух типах поселений принадлежало к большинству всей губернии и их большинство доминировало также в городском укладе. Национальные черты еврейского населения были так же сильны, как и христианского, особенно из-за того, что национально рассеянное еврейское население, имевшее столь крупные и сильные культурные центры в городах и местечках, оказывало большое влияние на культурную жизнь в сельской местности.

Нас интересует не только религиозная обособленность, хотя эта религиозность очень сильно ослабляла влияние извне. Более важным для нас является языковой и культурно-национальный аспект.

Таблица 7

Распределение населения в Витебской губернии по языкам (1897)

Язык	Абсолютное число	Процент (%)
Белорусский	788 533	52.9
Латышский	264 011	17.7

Великорусский	197 918	13.3
Еврейский (Идиш)	174 204	11.7
Польский	50 181	3.4
Другие	13 301	1.0
Всего	1 488,148	100.0

Белорусы составляют большинство в губернии, но не абсолютное большинство; и из-за своего культурного уровня они были на самом низком уровне, их язык и культура не имели никакого ассимиляционного влияния. С еврейской точки зрения гораздо более важным является распределение языков в городах — в пунктах, которые определяли культурно-финансовую и экономическую жизнь губернии (см. Таблицу 8, стр. 76).

Картина становится более ясной: национальное большинство губернии имело лишь небольшое меньшинство в городах. В пунктах с наибольшим влиянием на финансово-экономическую жизнь всей губернии евреи составляли большинство населения. Они имели не просто локальное большинство, а составляли большинство всего городского населения, в то время как великороссы имели в губернии не более 13 процентов от всего населения. Мы видели выше, что в маленьких местечках процент евреев был еще больше — более двух третей. Следует помнить, что 99.2% всех евреев губернии указали еврейский язык (идиш) в качестве родного языка. Таким образом, не существовало никакого различия между числом евреев по религии и по языку.

Таблица 8

Распределение городского населения по языкам

Язык	Абсолютное число	Процент (%)
Еврейский (Идиш)	112 455	52.2
Великорусский	57 747	26.8

Белорусский	28 728	13.3
Другие	16 560	7.7
Всего	215 490	100.0

...

Давайте остановимся коротко на доминирующих языках в главном городе губернии, в Витебске:

Язык	%
Еврейский (Идиш)	50.0
Великорусский	29.0
Белорусский	12.2
Другие	8.8
Всего	100.0

В главном городе белорусы, большинство губернии, имели еще меньший процент, чем во всем городском населении — всего чуть более 12 процентов. Евреи в Витебске имели чуть меньше, чем во всех городах вместе взятых, но все же составляли ровно половину населения, в то время как вторая половина была разделена между 3–4 народами. Великороссы имели в главном городе самый высокий процент по сравнению со всеми остальными городами, но нужно принять во внимание, что у великороссов солдаты и чиновники составляли огромную часть их населения (более 30 процентов). И если исключить эти два элемента, которые не являлись постоянным и укорененным населением, становится ясно, что среди местного постоянного и интегрированного населения евреи составляли еврейско-говорящие составляли в губернском городе не менее двух третей.

Таблица 9

Возрастной состав общего и еврейского населения в Витебской губернии (в %)

Возрастные группы	Во всем населении	Среди еврейского населения
0 — 9	27.58	26.80
10 — 19	22.42	24.80
20 — 59	43.00	42.00
60 — 69	4.11	3.60
70 и старше	2.89	2.80
В с е г о	100.00	100.00

С экономической точки зрения возрастной состав является наилучшим показателем трудоспособности населения. Мы видим, что процент людей среднего возраста (наиболее активного) среди евреев почти не уступает общему показателю, но в группе от 20 до 59 лет он несколько ниже. Эта группа составляет у евреев 42%, в то время как во всем населении — 43%. Доля пожилых людей (старше 60 лет) у евреев также немного ниже, что связано с тяжелыми условиями жизни и труда.

С другой стороны, доля детей в возрасте до 9 лет у евреев составляет почти 27%, а подростков от 10 до 19 лет — почти 25%. Это указывает на высокую рождаемость и прочный демографический потенциал для будущего социально-экономического развития.

В заключение можно сказать, что с биологической точки зрения возрастной состав еврейского населения был здоровым и устойчивым, создавая прочную основу для роста как самого еврейского общества, так и его экономического потенциала.

V. Грамотность среди евреев Витебской губернии

Витебская губерния находилась в непосредственной близости к внутренним российским регионам. Мы уже видели, что перепись 1897 года зафиксировала высокий уровень грамотности среди городского еврейского населения по сравнению с общим

городским населением Витебска. Этим объясняется и тот факт, что в самой губернии процент грамотных среди евреев был очень высоким: среди мужчин он достигал 55.2%, а среди женщин — 36.0%. В нееврейском населении губернии процент грамотных был значительно ниже: среди мужчин — всего 30.9%, а среди женщин — лишь 19.5%.

Если же говорить о грамотности на русском языке («грамотные по-русски»), то здесь показатели были скромнее, но все же отражали заметную тенденцию. Грамотными по-русски среди еврейского населения были преимущественно мужчины. Естественно, более молодой возраст давал и более высокий процент владения русским языком. Так, среди еврейской молодежи в возрасте от 20 до 29 лет процент грамотных по-русски составлял: среди мужчин — 75.8%, а среди женщин — 56.6%. В старших возрастных группах (старше 60 лет) этот показатель падал до 31.0% у мужчин и до 5.8% у женщин.

В целом перед нами предстает весьма позитивная картина. Очень интересно отметить, что почти 99% еврейского населения указали идиш в качестве своего родного языка. Это означает, что «грамотность по-русски» вовсе не являлась фактором культурной ассимиляции. К 1897 году среди евреев России еще не было заметно сильного влияния политической или национальной русификации, какая наблюдалась позже в Польше или Австрии. Эти данные о родном языке (99.2%!) являются объективным отражением реального положения дел.

Российская «грамотность по-русски» среди еврейского населения в конце XIX и начале XX века была исключительно экономическим фактором. Действительно, даже самые мелкие торговцы и ремесленники Витебской губернии вели дела с соседними крупными губерниями — Псковской и Смоленской. Помимо этого, витебские еврей-купцы и лесопромышленники, сплавливающие лес по Двине, остро нуждались в знании государственного языка.

Лишь после революции 1917 года ситуация кардинально изменилась. Как известно, советская власть широко использовала еврейскую молодежь на государственной службе и в партийном аппарате, что привело к массовому переходу на русский язык и разрушению традиционного уклада местечек, где до этого доминировала идиш-язычная среда.

VI. Социально-экономическое развитие и классовое расслоение евреев Витебской губернии во второй половине XIX века

1. Введение

Невозможно понять процессы социально-экономического развития еврейского населения губернии, если не иметь ясного представления о процессах, происходивших во всем российском еврействе. Витебская губерния была органической частью этой огромной общности, и все тенденции здесь проявлялись с такой же остротой, силой и спецификой, как и в других регионах Черты оседлости.

С освобождением крепостных крестьян в России в 60-х годах XIX века открылась новая страница в истории всех народов Российской империи. Это коснулось и судьбы еврейского населения в целом, и евреев Витебской губернии в частности.

С отменой крепостного права внутренний рынок России начал интенсивно развиваться. Аграрное производство росло, а вместе с ним расширялись возможности для экспорта сельскохозяйственной продукции. Покупательная способность освобожденного крестьянства росла, что создавало огромный внутренний рынок для промышленной продукции и торговли.

Это стимулировало рост городского населения, а следовательно, развивало торговлю и промышленность. Городское население росло культурно, менялись его жизненные потребности, формировался широкий слой разночинцев, что давало мощный толчок развитию торговли и ремесел.

В тесной связи с этими экономическими процессами находился и рост еврейского населения в крупных городах Черты оседлости. Старый уклад постепенно разрушался, менялась роль евреев в экономической жизни. К концу XIX века практически исчезла государственная монополия на продажу алкоголя, что лишило доходов огромные массы евреев. Зато выросла роль крупного капитала и оптовой торговли, увеличилась численность евреев, занятых на государственной службе и в свободных профессиях. Росла численность еврейских рабочих, занятых на крупных предприятиях. Ремесло требовало все больших капиталов, и энергия широких слоев еврейского населения направлялась на поиск новых источников дохода. В рамках этой социально-экономической дифференциации происходило выделение крупных мастерских, где трудились от пяти до десяти наемных рабочих. На этой основе рос и укреплялся еврейский пролетариат.

Мы не будем подробно останавливаться на формировании крупной еврейской буржуазии, такой как банкиры, сахарозаводчики, еврейские фабриканты или крупные землевладельцы, поскольку эта группа не имела прямого отношения к нашей губернии и мало интересует нас в данном контексте. Даже в отношении средней промышленности, такой как кожевенные фабрики, текстильные предприятия, переработка щетины и т.д., Витебская губерния не была в числе лидеров. Развитие крупного капиталистического производства здесь шло довольно медленно. Конечно, существовали еврейские торговые и промышленные предприятия, но они не определяли лицо социально-экономической жизни Витебска и губернии. Последняя оставалась в экономическом отношении слабо развитой.

Социально-экономическая дифференциация развивалась здесь иначе — через мелкую буржуазию. В губернии сформировался огромный слой мелких лавочников, владельцев ларей, ремесленников, кустарей и наемных рабочих в мелких мастерских. Крупные торгово-промышленные предприятия оставались редкостью вплоть до большевистской революции.

Все эти позитивные сдвиги, несомненно, способствовали повышению жизненного уровня еврейского населения, хотя бедность по-прежнему оставалась уделом значительной его части. Процент людей, нуждавшихся в благотворительной помощи

(цедаке), оставался очень высоким в течение всего этого периода как в губернском городе, так и в провинции.

Еврейское население реагировало на эту нужду по-разному. Период пассивности и смирения, характерный для первой половины XIX века, ушел в прошлое. Еврейские массы начали активно искать выход из нужды. Эмиграция за пределы Черты оседлости и самой России в далекие страны росла с каждым годом. В начале XX века этот процесс стал одним из важнейших факторов, определявших положение еврейских масс. Изменилось и отношение к труду: еврейские массы больше не ждали пассивно улучшения условий. На смену этому пришла сознательная борьба пролетарских элементов, ремесленников и наемных рабочих, которая в конце XIX — начале XX века вылилась в активное участие евреев в революционном движении. Борьба велась не только за материальные улучшения и сокращение рабочего дня, но и за политические свободы. Еврейские рабочие массы становились авангардом борцов против царского угнетения.

Давайте приведем примеры, иллюстрирующие эти процессы, и покажем на основе архивных документов, как менялась психология еврейских масс в этих регионах в конце XIX века: как мужество и отвага постепенно вытесняли покорность и угнетенность первой половины XIX века.

В 1891 году голод охватил многие великорусские губернии, а также Витебскую губернию. Ситуация стала настолько трагической и опасной, что правительство издало указ — указ от 15 августа, запрещавший вывоз зерна за границу, чтобы цены на сельскохозяйственную продукцию не взлетели до небес. Хлеботорговцы сразу же бросились скупать зерно и вывозить его за пределы страны до вступления запрета в силу. Массы населения, особенно городские жители, не имевшие собственных запасов продовольствия, стали заложниками этой спекуляции. Цены на хлеб стремительно росли, что спровоцировало волнения среди торговцев зерном и хлебом в белорусских губерниях.

Мы должны признать, что подавляющее большинство торговцев зерном составляли евреи. А. Марголис, имевший доступ к официальным документам полицейских ведомств и министерства внутренних дел, цитирует отчеты специальных правительственных чиновников: «Бедные евреи принимали самое активное участие в этих беспорядках», «евреи составляли самую деятельную и подвижную часть толпы», «среди зачинщиков были в основном еврейские мещане». В официальном рапорте из Полоцка и Витебска сообщалось, что толпы людей нападали на полицию, пытаясь освободить арестованных «бунтовщиков». Полоцкий исправник докладывал, что толпа из 200 человек в течение двух часов осаждала полицию и забрасывала ее камнями. Из Крыславы сообщалось, что «толпа перехватила возы с хлебом» и готовилась ночью совершить нападение на хлебные амбары и склады богачей.

Упомянутый чиновник департамента полиции пишет в своем отчете:

«В самом городе (Витебске — *Прим. пер.*) толпа, под тем же предлогом дороговизны хлеба, начала останавливать возы с зерном, которые направлялись к железнодорожной станции». Он подробно описывает беспорядки на вокзале и добавляет: «Сформировались группы

бунтовщиков, которые, судя по всему, руководили толпой, направляя действия бедноты против трех еврейских купцов. Больше всего пострадали склады богатого торговца зерном Гершмана, у которого большая часть имущества была уничтожена, а оставшееся зерно рассыпано и выброшено прямо на улицу».

(Подчеркнуто мной — И. Л.).

В рапорте далее говорится, что пришлось вызвать военные силы, и было произведено до четырехсот арестов. Но не сообщается, сколько евреев оказалось среди задержанных.

Из процитированных отчетов становится ясно, кто был объектом нападений со стороны беднейшего еврейского населения, однако упоминаются и столкновения между самими евреями. Можно ли верить полицейскому рапорту? Нет никаких сомнений, что в его основе лежали реальные факты.

В газете «Ха-Мелиц» (№ 178 от 1891 года) опубликована корреспонденция из Себежа. Там рассказывается, что в Себеже представители местной общины обратились к исправнику с просьбой не позволять торговцам зерном скупать продовольствие в этом районе, так как это ведет к резкому росту цен. Газета пишет: «Толпа, среди которой было много наших братьев, набросилась на них с криками. Они не давали грузить зерно на суда, стоявшие в порту, и с шумом и криками прогнали полицейских и чиновников, которые пытались защитить погрузку зерна».

Эта корреспонденция подробно описывает, как толпа разорвала мешки и уничтожила запасы зерна, добавляя: «Все торговцы зерном попрятались. Исправник дал знать губернатору и принял меры против погрома, причем среди зачинщиков были обнаружены и наши братья, которые были арестованы и преданы суду».

Раньше или позже — история повторилась. Витебские евреи уже имели в 1891 году определенную традицию «бунтовщиков».

В 1885 году Витебская городская дума решила ввести специальный сбор с различных продуктов, материалов и птицы. Например, с каждого воза дров — 20 копеек, с мела — 15 копеек, с целого гуся — 5 копеек и так далее. «Этот сбор дума отдала на откуп еврейскому купцу Натану Ферльштейну. Когда люди Ферльштейна пришли 1 октября 1885 года на рынок и начали требовать уплату сбора, никто не пожелал платить» ().

Далее сообщается, что агенты не позволяли людям покупать и продавать, и «толпа набросилась на них, избила их и прогнала их с рынка. В конце концов толпа добилась своего — этот сбор был отменен. Пресса того времени писала, что в этой борьбе объединились и христиане, и евреи — «и покупатели, и продавцы — как один человек»

** Все цитаты взяты из книги А. Марголиса «Еврейские народные массы в борьбе против своих угнетателей», Москва, 1940, стр. 94–97 и стр. 132. Все подчеркивания сделаны мной — И. Л.*

*** Там же, стр. 85–86.*

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на этих культурных и политических движениях, которые подняли духовный уровень масс и вместе с тем расширили их материальные горизонты. Одно было связано с другим — улучшение материального положения слоев населения вело к повышению их культурного уровня, а это, в свою очередь, порождало новые духовные потребности. Повышение жизненного уровня поднимало духовное состояние масс и пробуждало их политическое самосознание.

Мы переходим к материалам, которые подтвердят все эти процессы и о которых мы кратко упомянули в первой части нашей работы.

2. Социально-экономическая структура еврейского и нееврейского населения

Самой характерной чертой структуры еврейской занятости в бывшей России было то, что она принципиально отличалась от структуры окружающего населения, причем отличалась весьма резко. Это были как бы два совершенно разных экономических мира, которые сталкивались в постоянных торговых отношениях, но жили обособленно. Каждый из этих миров имел свой собственный культурный и духовный уклад, и они почти не пересекались в сфере профессиональной занятости.

Это хорошо известное явление в Черте оседлости: по субботам еврейские лавки были закрыты, а в христианские праздники и воскресенья нееврейские покупатели устремлялись к еврейским торговцам. Это служит прекрасной иллюстрацией изоляции еврейской группы от окружающего нееврейского мира. Еврейский лавочник или ремесленник практически не имел конкурентов в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией и товарами первой необходимости.

В Витебской губернии эти пропорции подтверждаются на все 100%. Давайте рассмотрим профессиональную структуру евреев и неевреев.

В торговле эти две группы — неевреи и евреи — представлены крайне неравномерно (менее 1 процента для неевреев!). В сфере торговли еврей абсолютно не имел причин опасаться конкуренции. Нужно также учитывать, что это небольшое число неевреев в торговле было занято в специфических отраслях, которыми евреи не занимались — например, торговля свининой и вообще недревесным сырьем. Таким образом, среди торговцев евреи составляли почти 100 процентов. В целом торговля кормила 38.8% еврейского населения. Из общего числа занятых в торговле евреи составляли 86.6%, а оставшиеся 13 с небольшим процентов нееврейских торговцев распределялись между представителями нескольких национальных групп, таких как великороссы, белорусы, немцы, поляки и латыши.

В промышленности ситуация была уже иной. Среди великороссов промышленностью было занято целых 13%, но и здесь евреи составляли большинство в ремесленном производстве. В отдельных отраслях ремесла евреи составляли более 70%, а в некоторых — даже выше этого показателя. Изоляция еврейского населения в этой сфере была очень глубокой.

Давайте сделаем несколько пояснений к Таблице 10. Категория «прочие» у великороссов дает очень высокий процент. Это объясняется тем, что более 20 процентов всех великороссов в Витебской губернии составляли солдаты, офицеры и чиновники. Среди евреев же было много домашней прислуги и извозчиков.

Таблица 10

Структура занятости у евреев, великороссов и белорусов в 1897 году (в %)

Сфера занятости	Евреи	Великороссы	Белорусы
Сельское хозяйство	0.4	37.1	79.5
Торговля	38.8	0.8	0.7
Индустрия (пром-сть)	36.4	12.9	4.9
Прочие занятия	24.4	49.2	14.9
В с е г о	100.0	100.0	100.0

Мы уже подчеркивали тот факт, что национальная обособленность еврейского населения проистекала из структуры его экономики. Это отчетливо видно, например, если мы возьмем швейную промышленность (см. Таблицу 11, стр. 85).

Евреи составляют почти две трети от всех занятых в швейном производстве; остальные распределены между четырьмя крупными национальными группами и несколькими более мелкими (немцы и др.).

В городах этот процент у евреев еще выше. Если мы возьмем швейную промышленность только в городах, мы получим совершенно иную картину (см. Таблицу 12, стр. 85).

Таблица 11

Национальный состав занятых в швейной промышленности в Витебской губернии (1897)

Национальная группа	Абсолютное число	%
Евреи	9 299	63.9
Белорусы	2 066	14.2
Великороссы	1 397	9.6
Латыши	878	6.0
Поляки	856	5.8
Другие	56	0.5
В с е г о	14 552	100.0

Таблица 12

Национальный состав занятых в швейной промышленности в городах Витебской губернии (1897)

Национальная группа	Абсолютное число	%
Евреи	6 435	74.9

Великороссы	913	10.6
Белорусы	657	7.7
Поляки	491	5.7
Другие	92	1.1
В с е г о	8 588	100.0

Евреи составляют без малого три четверти от всех занятых в городской швейной индустрии. Великороссы опустились на третье место, а белорусы, составлявшие большинство в губернии, занимают второе место в этой таблице. Латыши из городов практически исчезли.

При рассмотрении профессиональной структуры мы не останавливались на таких важных отраслях, как свободные профессии, но этот пункт в переписи был сформулирован так нечетко, что на его основе трудно строить выводы. Например, в медицинские занятия были включены все обслуживающие элементы в больницах. И поскольку классовое деление в этой сфере совершенно невозможно проследить, эту категорию нельзя выделить точно.

Мы перейдем теперь к материалам исследования, проведенного Еврейским колонизационным обществом (ЕКО), которое было осуществлено в 1897–1898 годах и дает нам много ценного материала, показывающего, во-первых, развитие еврейского ремесла, а также классовое расслоение (*).

Таблица 13

Развитие еврейского ремесла в Витебской губернии (1887 — 1898)

Социальные группы	1887 (абс.)	1887 (%)	1898 (абс.)	1898 (%)
Мастера	8 202	56.4	10 671	45.4

Подмастерья (помощники)	3 440	23.6	7 077	30.2
Ученики (мальчики)	2 892	20.0	5 725	24.4
В с е г о	14 534	100.0	23 473	100.0

Эти цифры очень важны и показательны. Они подтверждают, что в конце XIX века происходил интенсивный процесс индустриализации, перехода к наемному труду. Всего за 11 лет число ремесленников, включая подмастерьев и учеников, почти удвоилось.

Эти же цифры показывают нам еще более важную вещь — число подмастерьев, то есть наемных рабочих, выросло более чем в два раза; число учеников также увеличилось более чем вдвое, в то время как число мастеров за это время выросло лишь на четверть.

В 1887 году приходилось 56 мастеров на 23 наемных рабочих, а в 1897 году мы имеем уже 45 мастеров на более чем тридцать рабочих. Также пропорционально возросло число учеников. Разумеется, классовое расслоение здесь было налицо, но не стоит преувеличивать общие цифры. В массе своей хозяева мастерских были такими же бедняками, которые почти не использовали наемную рабочую силу, а если и использовали, то имели одного-двух работников, и редко пять или более. Однако следует принять во внимание, что приведенные цифры относятся ко всей губернии. В городах же, особенно в губернском городе Витебске, классовое расслоение было значительно глубже.

В городе Витебске на 34 мастера приходилось 36 рабочих и 30 учеников.

Мы имеем за 1893 год распределение мастерских по величине занятости и по численности рабочих в Витебской губернии, в сравнении с нееврейскими мастерскими.

** «Материалы к экономическому положению евреев в России» (русс.), Петербург, 1904, т. I, стр. 252 и далее.*

Таблица 14

Распределение мастерских у евреев и неевреев по числу рабочих (1893)

Мастерские	Евреи (абс.)	Евреи (%)	Неевреи (абс.)	Неевреи (%)

Без рабочих	1 486	70.4	637	74.0
С 1 рабочим	400	18.9	133	15.5
От 2 до 5 рабочих	206	9.8	83	9.6
От 6 до 10 рабочих	13	0.6	5	0.6
Более 10 рабочих	6	0.3	3	0.3
В с е г о	2 111	100.0	861	100.0

Целых 70 процентов всех еврейских мастерских вообще не имели наемных рабочих; эту группу вполне можно отнести к категории бедняков. Они зарабатывали, возможно, едва на кусок сухого хлеба, и им часто приходилось просить о помощи в случае болезни члена семьи или перед праздниками, например на Пасху.

Вторая группа, имевшая всего одного рабочего, составляла почти пятую часть (18.9%) всех мастерских. Вместе эти две группы охватывали почти 89 процентов всех еврейских мастерских. И лишь немногим более 10 процентов мастерских имели от 2 до 5 рабочих. Более чем 10 рабочих имели всего 0.3% от всех еврейских мастерских во всей губернии, то есть всего 6 мастерских на всю губернию. Если отнести эти две последние группы к числу наиболее обеспеченных, то мы увидим, что лишь незначительный процент ремесленников принадлежал к среднему слою по масштабам Черты оседлости в конце XIX века.

Если мы взглянем на нееврейские мастерские, то увидим поразительное сходство — распределение почти полностью совпадает, и мы считаем излишним останавливаться на более детальном анализе.

Мы располагаем также данными о распределении мастерских по числу учеников среди евреев и неевреев, но нет необходимости приводить их, так как картина почти полностью повторяется. Среди евреев количество мастерских без учеников составляет 69.8%, а среди неевреев — еще выше, 73.5%. Мастерских с более чем 6 учениками было среди евреев всего 0.8%, а среди неевреев — 1.0%.

Мы уже говорили, что в последней четверти XIX века происходил массовый переход к ремеслу среди евреев, и это, естественно, вызывало потребность в поиске новых источников дохода, так как сельское хозяйство было для них закрыто, а торговля в

Черте оседлости была переполнена. С другой стороны, росла потребность городского населения в ремесленных продуктах, и ручной труд давал заработок. Следующие данные показывают характер возникновения мастерских в Витебской губернии и позволяют увидеть, что огромная доля владельцев мастерских были людьми, которые сами основали свои заведения, а не получили их по наследству от родителей или других родственников, что характерно для устоявшихся ремесленных династий.

Таблица 15

Характер возникновения мастерских

Кем основано	У евреев (абс.)	У евреев (%)	У неевреев (абс.)	У неевреев (%)
Основано нынешним владельцем	2 010	96.7	771	89.6
Получено по наследству	60	3.0	79	9.1
Куплено у другого ремесленника	9	0.3	11	1.3
В с е г о	2 079	100.0	861	100.0

Среди неевреев процент унаследованных мастерских был выше — он был в три раза больше, чем у евреев. У неевреев доля потомственных ремесленников была в четыре раза выше.

Это доказывает, что в подавляющем большинстве еврейские мастера были первыми в своем поколении, кто занялся этим ремеслом. Мы имеем данные за 1893 год о том, где нынешние мастера и рабочие обучались своему ремеслу. Разумеется, сыновья ремесленников чаще всего обучались у своих отцов — мальчики и девочки начинали работать в очень раннем возрасте. Но данные открывают нам, где еврейские мастера обучались ремеслу:

Где обучались ремеслу	Число	%

У родителей	288	15.8
У чужих мастеров	1 433	78.7
Самостоятельно («самоучки»)	102	5.5
В с е г о	1 823	100.0

Более 78 процентов мастеров обучались у чужих мастеров. Конечно, это еще не доказывает, что все они происходили из неремесленных семей. Бывали случаи, когда портной отдавал своего ребенка учиться к сапожнику или наоборот, чтобы тот освоил другую профессию. Но в большинстве случаев тот факт, что столь высокий процент обучался у чужих мастеров, служит бесспорным доказательством того, что ремесло привлекало множество детей из деклассированных элементов, сыновей мелких торговцев и лавочников.

Давайте приведем состав еврейского ремесла по отраслям в Витебской губернии (1898):

Отрасль ремесла	Процент (%)
Одежда (швейное производство)	36.9%
Кожевенное производство	16.2%
Пищевые продукты	11.6%
Деревообработка	10.8%
Строительные ремесла	9.3%

Металлообработка	8.5%
Текстильное производство	4.0%
Графические ремесла	2.2%
Химическое производство	0.5%
В с е г о	100.0%

Мы не можем подробно останавливаться на экономическом положении еврейских ремесленников в Витебской губернии. Грустная реальность заключалась в том, что большинство ремесленников, обслуживавших местное население, в огромном проценте были клиентами благотворительных обществ, о чем хорошо известно.

Мы считаем более важным привести следующие факты, которые свидетельствуют о предприимчивости витебских евреев, не имевших никаких исключений из общих правил.

Один еврейский слесарь из Витебска случайно оказался в Риге и увидел там плуг марки «Сакк» («Флюг»). Он заинтересовался этим «Флюгом» и купил один экземпляр. Привезя его домой, он разобрал его и изучил, как плуг устроен. Он скопировал детали, сделал их более дешевыми, и когда этот плуг был готов, он объединился с партнером, чтобы начать массовое производство таких «Флюгов». Это дело пошло настолько хорошо, что они открыли несколько крупных предприятий: заводы в Лудзе и Витебске выпускали в 1898 году каждый по 80 плугов; завод в Берлине — 40 плугов; в Екабпилсе — 20 плугов и так далее.

Мы считаем необходимым привести более крупные цитаты из материалов ЕКО, которые отражают часть еврейской жизни конца XIX и начала XX века:

«В еврейских мастерских постоянно происходят забастовки и конфликты между рабочими и хозяевами, в то время как в немецких фабриках эти явления абсолютно неизвестны. Существуют особые причины, которые интенсифицируют еврейское рабочее движение, такие как скученность населения в районе Черты оседлости, невозможность устроиться на фабрики — как на нееврейские, где число еврейских рабочих жестко ограничено, так и на крупные предприятия вообще. Помимо этих общих причин, в Витебске сыграли роль ужасные условия труда в еврейских мастерских. Раньше, например, в еврейских мастерских работали по 16 часов (с 6 часов утра до 10 часов вечера) при очень низкой оплате труда.

Кроме того, бедные мелкие хозяева, из-за слабости капиталов и частых кризисов, часто не выплачивали вовремя заработную плату, что и привело к обострению конфликтов» (стр. 277).

Описывая бедность среди еврейских ремесленников, застой в работе, частые кризисы и необходимость заниматься сезонным трудом или уходить на заработки в деревни, авторы завершают описание положения ремесла в Витебской губернии следующими словами:

«Но как только исследователь приезжает в эти места, он сразу же замечает: в последнее время все меньше еврейских ремесленников ищут работу в деревнях. На смену этому явлению пришло другое, более важное — еврейские ремесленники покидают свои местечки и уезжают навсегда. Эмиграция, особенно в Северную Америку, поглощает все больше и больше широких слоев еврейских ремесленников».

3. Евреи в индустрии

Витебский регион вообще был индустриально отсталым, и среди губерний этого региона Витебская губерния была самой отсталой. В промышленности доминировали немцы, и конкуренция с немцами была очень тяжелой.

** И. Оршанский, «Евреи в России», С.-Петербург, 1872, стр. 73. ** Яков Лещинский, «Еврейский рабочий в России», Вильно, 1906, таблица 23.*

Согласно официальным данным, в 1864 году в Витебской губернии насчитывалось 209 фабрик и заводов; из них еврейскими были только 52, то есть 25% (*).

На основе данных исследователей ЕКО (Еврейского колонизационного общества) мы составили следующую таблицу за 1897—1898 годы:

- а) Общее число фабрик — 304. Из них в еврейских руках — 120 (39.4%).
- б) Общая сумма произведенной продукции — 5 миллионов 731 тысяча рублей. Из этой суммы на еврейские фабрики приходился 1 миллион 936 тысяч рублей (33.8%).
- в) Число рабочих на всех фабриках — 4 861, на еврейских фабриках — 2 200 (45.3%).
- г) Количество еврейских рабочих [среди всех рабочих] составляло 2 525 человек — 54.0% от общего числа рабочих.
- д) Средний объем производства продукции: на одну нееврейскую фабрику — 20 600 рублей, на одну еврейскую фабрику — 16 100 рублей.
- е) Среднее число рабочих на одну фабрику: на нееврейскую фабрику — 14.4, на еврейскую — 18.3 ().

Какие общие выводы можно сделать из этих данных? Еврейские фабрики были менее механизированы, потребляли больше рабочей силы и производили меньше, чем нееврейские фабрики.

Что касается еврейских рабочих, то получается, что около 300 еврейских рабочих были заняты на нееврейских фабриках.

В отношении еврейских рабочих мы располагаем важным историческим документом от фабричного инспектора Витебской губернии за 1907 год:

«В отчетном году было замечено падение числа еврейских рабочих при параллельном росте числа нееврейских рабочих в тех же отраслях промышленности, в которых евреи [ранее] составляли большинство. Так, например, на кожевенных фабриках и особенно на табачных фабриках, принадлежащих евреям, число еврейских рабочих сильно сократилось. В городе Витебске еврейские рабочие составляли на табачных фабриках более 75 процентов, а сейчас замечается падение их численности. Объяснение этому следует искать не в том, что хозяева хотят...»

* И. Оршанский, «Евреи в России», С.-Петербург, 1872, стр. 73. ** Яков Лещинский, «Еврейский рабочий в России», Вильно, 1906, таблица 23.

В городах Черты оседлости еврейская рабочая сила достаточно дешева. Это исключительно проявление стремления еврейских фабрикантов найти более спокойный рабочий элемент.

«Если принять во внимание, что из 17 рабочих организаций, всё ещё функционирующих в Витебской губернии, 15 являются еврейскими, станет понятно, что вышеуказанная тенденция еврейских хозяев (домовладельцев/предпринимателей) представляет собой своего рода протест против деятельности профессиональных союзов». (*)

ИСРАЭЛЬ ЗЕЭВ ВОЛЬФСОН | ЕВРЕЙСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Воспоминания)

Витебские раввины

Одним из самых видных раввинов в Витебске был р. Исаак Барад. Он был раввином у нас в городе около шестидесяти лет. Его послал в Витебск сам автор «Тании», который и дал ему смиху (раввинское рукоположение), так как в те годы Витебск был одним из важнейших центров хасидизма. Р. Исаак, бывший великим ученым-талмудистом (ламданом), снискал известность как очень авторитетный и при этом облегчающий галахические решения попечитель (посек). Его галахические постановления создали беспрецедентные для своего времени случаи, и раввины Лодзи часто держались общего правила: «Так постановил старый старец». Он также отличался своими решениями в денежных делах, и к нему часто приходили купцы и промышленники для третейского суда (дин-тора). Даже неевреи приходили к нему судиться по имущественным спорам. Он руководил раввином со строгой рукой; ни

перед кем не заискивал и принимал строгие меры против тех, кто хоть в чем-то преступал закон. Витебчане до сих пор поминают его имя с величайшим благоговением. Он стоял на одном уровне с такими великими хасидскими раввинами, как р. Исаак из Гомеля.

В то время в Витебске существовала большая и знаменитая ешива. Среди руководителей (рошей-ешива) были р. Иезекииль Миркин, автор книги «Беньямин Иезекииль», р. Авраам Утянский, который позже стал судьей (даяном) во второй части города, и р. Аарон Левин, или, как его называли, р. Арчик Латвиец. Пика своего развития ешива достигла, когда великий гений р. Иекутиэль-Залман Ланда стал ее главой. Тогда в этой ешиве обучалось около восьмидесяти учеников, среди которых было много по-настоящему способных юношей, выдающихся талантов и даже илуев (вундеркиндов).

После кончины автора «Цемах Цадека», его младший сын, р. Магарша, пришел к р. Исааку, чтобы получить от него благословение. Р. Исаак ответил ему: «Сын автора "Цемах Цадека" не нуждается в благословении от меня». Когда его держали при печати «Тании», дети р. Шнеура-Залмана обратились к нему, чтобы он дал одобрение (хаскаму) на первой странице книги. Р. Исаак сделал это и присоединил свою подпись к одобрениям других витебских раввинов — р. Исаии Левина и р. Залмана Ланды. Р. Исаак жил во второй части города в собственном доме. Заручевская синагога имела особое здание на имя р. Исаака.

Судьями (даянами) тогда в Витебске были — р. Исер и р. Янкеле, раввин со стороны ашкеназов (митнагдим) в первой части города, а во второй, упомянутой выше части — р. Исаия Левин.

Р. Исаак прожил долгую жизнь и скончался в преклонном возрасте около девяноста лет (приблизительно в 1867—1868 гг.).

После кончины р. Исаака на должность главы раввинского суда (ав-бейт-дин) Витебска был принят глава ешивы р. Иекутиэль-Залман Ланда, выходец из известной семьи Ланда из Вильны и зять знаменитого богача р. Дова Рапопорта из Толочина (местечка в 100 километрах от Витебска). Семья Рапопорт была одной из самых богатых во всем крае. Они вели торговлю лесом и отправляли плоты по Двине в Ригу. Р. Иекутиэль-Залман Ланда был партнером в этих делах, но тяжелый кризис в этой торговле привел к тому, что семья потеряла почти все свое состояние. Р. Иекутиэль-Залман начал терпеть крайнюю нужду. Когда в Витебске узнали об этом, руководители общины обратились к р. Исааку с предложением, чтобы тот взял главу ешивы р. Иекутиэля-Залмана к себе в бейт-дин (духовный суд), дабы помочь ему с пропитанием. Р. Исаак, бывший уже глубоким старцем и почти ослепший, с радостью принял это предложение. Он говорил, что Всевышний послал ему на старость лет живой книжный шкаф, так как р. Иекутиэль-Залман, помимо остроты ума и глубоких познаний в гениальности, был феноменальным эрудитом, знавшим наизусть весь Талмуд.

Р. Иекутиэль-Залман вел дела общины с величайшей мягкостью. Он был очень любим и уважаем как своими сторонниками, так и противниками. Он отдавал все свои интересы на благо общины и никогда не лицепрятствовал.

Даже став главным раввином, он не забросил ешиву. Для него она была как любимый ребенок, настолько, что в народе её звали «Ландовская ешива». Ученики этой ешивы обращались к нему по всем материальным и духовным вопросам. В ешиве всегда стоял шум от учебы. Бывало, зайдешь туда и увидишь, как руководители общины обсуждают какие-то общественные дела, а по дороге встречают учеников ешивы и расспрашивают их об учебе, забывая обо всем, ради чего шли. Поэтому внуки р. Исаака имели к нему претензии, что из-за своей увлеченности ешивой он пренебрегал общественными делами, но его безграничная преданность ешиве искупала эту меланхолию.

В то время в Витебске жил один очень благородный доктор, немец по происхождению, по имени Христиан Иванович. Р. Иекутиэль-Залман состоял с ним в близких отношениях, касавшихся как практических дел общины, так и интеллектуальных бесед. Они вели дискуссии о еврействе и вере. Эти двое были хорошими друзьями, и витебская община много выиграла от этой дружбы (доктор часто наставлял евреев в вопросах гигиены, объясняя, почему они не должны держать посты по воскресеньям, и давал указания еврейским ремесленникам, работавшим у него, чтобы в пятницу после полудня они уже прекращали работу, дабы подготовиться к Шаббату).

В 1875 году хасидская община Петербурга пригласила р. Иекутиэля-Залмана стать их раввином. Он согласился и оставался раввином в Петербурге до самой своей кончины.

После того как р. Иекутиэль-Залман покинул Витебск, начались разногласия между хасидами и митнагдим из-за поста главы раввинского суда. Результатом стало то, что этот пост был полностью упразднен, и в городе осталось лишь несколько раввинов по районам (частям города).

В первой части города остался р. Залман Островнер, который уже был там со времен р. Исаака Барада и р. Иекутиэля-Залмана Ланды. Во второй части были два раввина: р. Авраам Утянский и р. Хаим Фогельман. А в третьей части после кончины р. Исаии Левина на должность раввина у хасидов был принят р. Мордехай Шнеерсон, внук автора «Цемах Цадека». У ашкеназов (митнагдим) раввином стал р. Элияху Слободкер.

Различные группы горожан начали жаловаться на то, что в городе нет единого главы раввинского суда (ав-бейт-дин). После кончины р. Залмана Островнера этот вопрос поднялся вновь. После долгих собраний община решила пригласить на пост главы раввинского суда люблинского раввина р. Шнеура-Залмана Фрадкина, автора книги «Торат Хесед». Он был одним из самых знаменитых хасидских раввинов и великим талмудистом. Сам «Цемах Цадек» дал ему смиху и очень приближал его к себе.

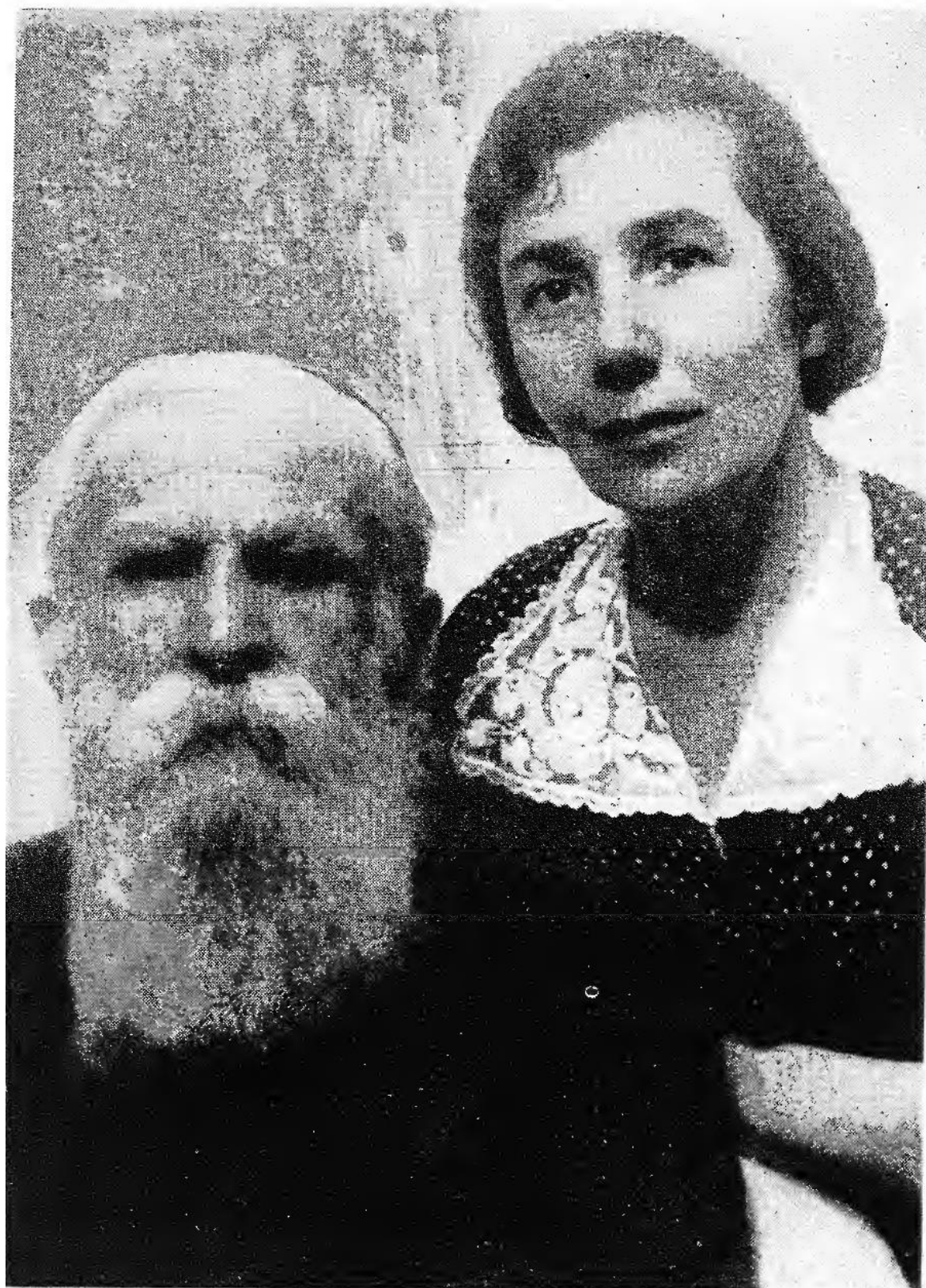
Община отправила двух видных домовладельцев в городе — р. Исраэля Рашкина и р. Шалома-Шамаху Шейнфинкеля с письмом в Люблин и деньгами на дорожные расходы для раввина и его семьи. Раввин Фрадкин согласился стать раввином в Витебске и начал делать необходимые приготовления к переезду. Но в городе нашлась группа людей, которая начала интриговать против этого назначения, дойдя до доносов власти. Было заявлено, что в доме нового раввина собираются революционные кружки... В то время губернатором Витебска был знаменитый фон Валь, имевший

тесные связи с генерал-губернатором в Вильне. Тогда он еще считался либералом в своем отношении к евреям (он еще не приехал в Витебск из Харькова, где был в контакте с тамошним генерал-губернатором Лорис-Меликовым, который, как известно, был либералом).

Фон Валь запретил руководству общины привозить нового раввина, заявив, что «они не должны устраивать торжественных встреч раввину Фрадкину как главе раввинского суда. Если же они ослушаются и все равно примут его, он будет выслан из города в течение 24 часов». Эти слова сильно повлияли на людей, и приготовления к торжественной встрече нового раввина были прекращены.

После этого собрание общины обратилось к губернатору через доверенное лицо. Ему разъяснили, что донос не имеет под собой никаких оснований, и попросили его направить официальный запрос люблинскому губернатору. Ответ подтвердил, что раввин Фрадкин (бывший казимирским раввином до Люблина) чист перед законом. Фон Валь изменил свое отношение, вызвал руководство общины и сообщил им, что получил от люблинского губернатора рапорт, полностью оправдывающий раввина Фрадкина. Он берет назад свое предыдущее заявление и полностью удовлетворен отчетом. В городе воцарилась большая радость. Однако это дело так и не было реализовано, поскольку раввин Фрадкин в итоге принял решение уехать в Землю Израиля, а Витебск остался без официального главы раввинского суда. С тех пор должность общегородского ав-бейт-дина в Витебске была упразднена.

Вскоре вновь начались разногласия в городе, главным образом в первой его части, где почти все это время не было раввина после ухода р. Залмана Островнера. Из-за этого возник раскол среди витебской общины. Одной из причин, приведших к этому, было стремление упразднить должность ав-бейт-дина, поскольку еврейское население росло быстрыми темпами, особенно в третьей части города. 40 процентов еврейского населения проживало там и пользовалось огромным авторитетом в общинных делах. В этой части города служил раввином р. Мордехай Шнеерсон (р. Мордехай Раш), который был чрезвычайно любим всеми слоями населения — как благодаря своему знатному происхождению (он приходился внуком автору «Цемах Цадека»), так и благодаря своему благородному характеру. Его влияние распространялось далеко за пределы его собственного района, и еврейские жители третьей части города чувствовали, что им не нужен общегородской ав-бейт-дин, а потому они не обязаны участвовать в расходах на его содержание.

ישראל-זאב וואלפסאן מיט זיין טאכטער צילה וואלפסאן-האניקבערג

В первой части города раввином был принят р. Залман Неймарк, один из самых молодых и способных деятелей движения ХАБАД. Из-за разногласий, разгоревшихся среди хасидов, он через два года покинул город и обосновался в Невеле. После него на эту должность был принят р. Дов-Нахман Горовиц из Глухова Черниговской губернии. Р. Дов-Нахман был выдающимся знатоком Торы и талантливым публицистом. Его статьи на религиозные и национальные темы, публиковавшиеся в газете «Ха-Цефира» под псевдонимом «Б-н», привлекали внимание всех читателей. Сам Нахум Соколов высоко ценил его. Эти статьи послужили для Нахума Соколова толчком к созданию серии очерков «Ле-маран ве-рабанан», которые позже вышли отдельной книгой.

Поначалу раввин Горовиц был сторонником сионистов. После Полтавского съезда («оппозиции», которую организовал полтавский раввин р. Акива Рабинович в связи с культурным вопросом на Втором сионистском конгрессе) он примкнул к группе «Ха-Палес». В этом антисионистском органе, издаваемом раввином Рабиновичем, он стал постоянным сотрудником. Эту тайну он открыл лишь нескольким людям, включая своего собственного сына, убежденного сиониста Хаима-Беньямина Горовица, да будет благословенна его память, активного деятеля движения «Мизрахи» в Витебске, ушедшего из жизни в раннем возрасте 35 лет. Раввина Горовица постигло большое несчастье: в один год у него скончались жена, сын и внук. Эта тройная трагедия настолько подкосила его, что через короткое время он скончался и сам.

В своем завещании он назначил одним из опекунов известного сионистского деятеля, бывшего верным другом его сына. Он также распорядился издать свою книгу «Хидушей Га-Ба-Дан», которую хранил готовой к печати. При содействии этих опекунов книга действительно вышла в свет в 1903 году в Вильне и произвела большое впечатление в ученом мире. Одобрение (хаскаму) на эту книгу дали рогачёвский гений р. Иосиф Розин, который тогда стоял во главе раввината в Двинске, и они вели переписку по галахическим вопросам. Вскоре после смерти раввина Горовица под влиянием его друга угасла и была сведена на нет та враждебность к сионистам, которая содержалась в его острых статьях, публиковавшихся в журнале «Ха-Палес».

После смерти главы раввинского суда первой части города р. Хамелера раввином там был принят р. Иегуда-Лейб Шнеерсон, племянник автора «Цемах Цадека» и внук автора «Тании». Он оставался на этом посту до Первой мировой войны и даже после революции.

После смерти р. Авраама Утянского во второй части города раввином был принят р. Мордехай-Дов Горовиц. Он был известен как выдающийся талмудист и симпатичный человек, сочувствовавший сионизму. Всю свою жизнь он провел в Витебске, никуда не уезжая, вплоть до своей кончины. Уже после революции он оставался раввином.

После кончины р. Мордехая Шнеерсона р. Шмарьягу-Лейб Медалье стал раввином третьей части города. Помимо своей великой учености, он также был выдающимся

общественным деятелем. Во время Первой мировой войны, когда тысячи беженцев прибыли в Витебск, он был одним из самых активных членов Комитета помощи беженцам, который был создан в то время. Вообще, он обладал чутким пониманием всех общественных дел еврейской жизни. Он часто принимал участие в раввинских съездах, проходивших в Петербурге и в Москве. Его связи с любавичским ребе не мешали ему быть практическим сионистом. Он являлся активным деятелем во всех общественных делах, связанных с сионистами, во многих областях, и отношения между ними были превосходными.

После революции он сильно пострадал от Евсекции. Она чинила ему всевозможные препятствия в руководстве еврейской религиозной общиной, хотя он и был одним из раввинов, подписавших (разумеется, вынужденно) известную декларацию о том, что в России нет никаких религиозных преследований. Из-за гонений, которые становились все более суровыми, он в 1930 году покинул Витебск и переехал в Москву, где служил раввином в течение двух лет. Его самоотверженная деятельность во всех еврейских делах — хотя он и имел на это официальное разрешение властей — привлекла внимание ГПУ, и его вместе с частью семьи сослали в Сибирь, несмотря на все усилия, которые предпринимались, не удалось ничего разузнать о его дальнейшей судьбе.

После кончины р. Слободкера раввином у ашкеназов стал р. Абба-Лейб Шапиро, да будет благословенна память праведника. Он был великим знатоком Торы и пользовался огромной любовью всех слоев населения. После сионистов на эту должность пришел его зять, р. Барух Рабинович, убежденный сионист. Он также подвергся сильным преследованиям со стороны Евсекции. В 1925 году ему удалось покинуть Россию, и он был принят на должность раввина в Чикаго.

Казенные раввины в Витебске

После кончины р. Исаака Барада, который также исполнял обязанности казенного раввина, на этот пост был избран р. Элизер Кадер, шурин р. Шнеура Закса, уроженец Жагор в Литве. Он был известен в Витебске как человек исключительной честности, любивший людей и стремившийся переложить на себя их заботы. Хотя его познания в русской культуре были невелики, он обладал врожденным тактом в отношениях со всеми и пользовался всеобщей любовью. Он прилагал огромные усилия на благо еврейских солдат, служивших в витебской бригаде. Перед каждым праздником он хлопотал о том, чтобы еврейских солдат отпускали на праздничные дни. Эти его старания часто натывались на неприятности, но он принимал их с любовью. Его простодушие и скромность порой доходили до абсурда, из-за чего он не занимал репрезентативного положения, подобающего представителю такой крупной общины. Его русская речь имела сильный литовский акцент, из-за чего он стеснялся выступать на официальных мероприятиях с праздничными речами. По этой причине он также не имел почти никакого влияния на молодежь. В общих общественных делах он не участвовал, хотя пользовался большим уважением за свою честность. Рассказывают, что один офицер, ярый антисемит, задумал наказать и арестовать еврейских солдат за нарушение порядка, утверждая, что закон обязывает отпускать еврейских солдат только в сам день праздника, но никак не накануне вечером. Р. Кадер ни с кем не посоветовался и решил лично отправиться к Гальцову (городскому главе), который

был известен своими дружескими чувствами к евреям, и попросить его о помощи. Городской глава дал ему рекомендательное письмо к губернатору фон Валь. Раввин Кадер в своей простоте считал это достаточным основанием для визита и попросил аудиенции у губернатора. Для этой цели раввин отправил рекомендательное письмо губернатору через его секретаря и ждал аудиенции на протяжении трех дней. Губернатор заставил его ждать до самого последнего момента, и когда наконец принял его, сердито спросил: «С каких это пор раввин должен приносить мне рекомендации от главы города? С каких пор городскому главе позволено писать мне рекомендательные письма по поводу раввина и вмешиваться в дела, касающиеся начальника бригады, которому подчиняется этот офицер, на которого вы жалуетесь? Немедленно уходите!» Тем не менее, эта суровая мера была отменена, и еврейские солдаты отпраздновали праздник в радостном настроении.

При фон Вале было предложено ввести в канцелярии губернатора должность «почетного чиновника по еврейским делам». В прежние годы эту должность занимал р. Липпе Зельцер, известный маскил, состоявший в переписке с Исааком-Бером Левинзоном (РИБАЛем). В определенные годы эта должность была упразднена.

При вступлении в должность фон Валь назначил казенным раввином в Радошковичах р. Иссахара-Бера Гитлисона. Он был выпускником Виленского учительского института, человеком с широким еврейским и общим образованием. Он выступал с речами в синагоге на русском языке, что производило большое впечатление на слушателей. Фон Валь также назначил его представителем от евреев в губернский комитет по еврейскому вопросу. Этот комитет был создан согласно распоряжению от 1881 года. Выступления в этом комитете в ответ на нападки антисемитов были очень логичными, и их выслушивали с большим интересом. Фон Валь, председательствовавший в комитете, всегда предоставлял ему полную возможность отвечать на нападки против евреев. С истинно национальным мужеством он отвергал все наветы и злые обвинения против евреев, которые выдвигались комиссией по погромам и исходили из реакционных кругов.

После кончины раввина Кадера р. Иссахар-Бер Гитлисон был избран казенным раввином в Витебске, и в городе возникла оппозиция. Но на самом деле он был подходящей кандидатурой на этот пост во всех отношениях. Он проживал в старой части города, в Новом переулке был литератором и обладал широким общим образованием. Благодаря своей должности он стал учителем еврейской религии в государственной женской гимназии имени Марии Феодоровны. Его уроки были очень интересными и прививали любовь к еврейству всем слушательницам. Его отношение к сионизму было положительным. На каждом сионистском праздновании он выступал в Большой синагоге, где постоянно молился, и люди из разных частей города приходили специально послушать его речи. Когда Бунд укрепился в Витебске, он начал войну против раввина Гитлисона и обвинил его в том, что тот сотрудничает с тайной полицией. Это обвинение строилось на том, что он, как казенный раввин, должен был переводить еврейские и ивритские документы, которые находили при обысках у различных революционеров. В действительности не было никаких оснований для этого обвинения. Напротив, при каждой возможности он старался смягчить суть дела и выгородить тех, кого только было возможно, перед властями.

Как-то раз в Шаббат Нахаму, когда обычно проходили собрания сионистов, бундисты ворвались в синагогу прямо посреди его речи и начали выкрикивать оскорбления в адрес оратора и мешать ему говорить. Вспыхнула драка. Все закончилось тем, что бундистов с шумом выставили вон из синагоги, и раввин продолжил свою речь.

Раввин Гитлисон живо интересовался делами всех школ в городе. По разным поводам он выступал там. Около пятнадцати лет он занимал свой пост, и в конце концов, в 1901 году, ушел из жизни. На его место был избран доктор Цви Брук, который тогда являлся лидером сионистов в Минской, Могилевской и Витебской губерниях. На этих выборах сионисты одержали великую победу.

Для этой победы сионистов существовали различные причины. Главными причинами были отличные взаимоотношения между раввином Гитлисоном и его помощником Перльштейном из кагала, который был сильно недоволен тем, что ребецн слишком вмешивалась в раввинские дела. Сионисты, которые уже тогда приняли лозунг «завоевания общин», использовали эту возможность, открывшуюся неожиданно, и выдвинули кандидатуру доктора Брука. После этого доктор Брук на Третьем сионистском конгрессе был избран уполномоченным сионистов от Витебской губернии, и его популярность быстро переросла прежние границы.

Помимо этого, он имел родственные связи с известными семьями в Витебске. Его мать была из Витебска, дочь р. Аарона Трейнина, из самых уважаемых семей в городе. При первом же своем визите в Витебск после того, как он был избран уполномоченным сионистов от губернии, он произвел огромное впечатление. Его вежливость и аристократичные манеры полюбились каждому. Во время его визита для него устраивали встречи с местной интеллигенцией в доме нашего знакомого Ш. Горовица, сына знаменитого богача р. Лейба Горовица, а также в доме друга доктора Хаима Шишловского. На этих встречах происходили дискуссии между доктором Бруком и противниками сионизма, среди которых был также руководитель еврейского государственного училища г-н Югенбург. Этот триумф укрепил позиции сионистской стороны, и популярность доктора Брука стала еще больше.

Когда была выдвинута его кандидатура, разгорелась ожесточенная борьба между сионистами и их противниками. С одной стороны, ортодоксальные круги и сторонники раввина Гитлисона, с другой стороны — сионисты. Среди сионистов были такие, кто считал этот шаг ошибкой по нескольким причинам. Во-первых, они не находили достаточных общественных и логических причин для смещения раввина Гитлисона с его поста. В городе еще помнили его молодые годы, когда он занял твердую позицию по отношению к властям в своих защитных речах в пользу евреев, чем спас их честь, и не хотели причинять ему душевную боль. Во-вторых, личность доктора Брука была слишком крупной и важной для сионистов, чтобы на него возлагали ярмо казенного раввина, должность которого официально имела не более чем канцелярскую функцию. Ему пришлось бы тратить свое время на мелочи, и у него не осталось бы возможности посвящать себя сионистской работе как положено. Разумеется, в сионистских кругах эти доводы не высказывались открыто перед общественностью. Они служили лишь материалом для самых внутренних споров и дискуссий. Обе стороны боролись с упорством и использовали даже недостойные методы, как это обычно бывает в разгар борьбы. Обычно право голоса на выборах имели лишь

несколько сотен человек, которые владели имуществом стоимостью в пару сотен рублей. На этот раз выборы вызвали необычайный интерес и волнение в общине. Созывались собрания, проходили горячие споры во всех синагогах, и это дошло так далеко, что начали рассматривать эту борьбу как священную войну (мильхемет мицва). Разумеется, при таких условиях среди противников сионистов нашлись люди, которые позволили себе использовать средства, приведшие к осквернению Имени Господня (хилуль ха-Шем). Крайние ортодоксы и основная масса любавичских хасидов, бывшие величайшими противниками сионистов из-за известных писем против сионизма от любавичского ребе, считали эти выборы религиозной катастрофой. Все средства в борьбе для них были хороши. За несколько дней до выборов ребе даже прислал телеграмму одному из своих хасидов, чтобы тот ни в коем случае не голосовал за сионистского кандидата.

Сами выборы проходили в магистрате под личным надзором полицмейстера — что само по себе уже указывало на особый характер выборов. Полицмейстер и вся полиция стояли на стороне сионистов благодаря влиянию фон Перльштейна, и выборы выпали на четверг. Они начались рано утром и продолжались до двенадцати ночи. В них приняли участие около 1500 человек. На сионистской стороне особенно активно действовала молодежь, которая вкладывала в это дело всю душу. Сионисты заполнили весь магистрат и окружающие переулки так плотно, что сторонникам противоположной стороны было трудно пробиться к столу регистрации, и их немного притесняли, оттесняя назад в очереди. Однако их самоотверженность, проявленная по приказу ребе, поддерживала их и заставляла стоять на ногах весь день до поздней ночи в этой огромной давке.

Даже после того как избирательный участок закрылся, люди не расходились по домам, а ждали в большом напряжении до самого утра, чтобы услышать результаты. Сионистский кандидат получил 1250 голосов. Результаты были встречены с бурным ликованием.

Ярые противники сионистов — хасиды и часть крупной буржуазии — не смирились с результатами выборов. Они отправили специальную делегацию к губернатору, чтобы тот аннулировал выборы, поскольку они якобы прошли незаконно. Сионисты также не сидели сложа руки и не позволили противоположной стороне действовать втайне. Этот шаг произвел тяжелое впечатление на все круги в городе и вызвал ожесточение против лидеров, которые позволили себе такой антиобщественный шаг в столь тяжелый час. Губернаторский ответ был таков, что он не может представить, чтобы имели место нарушения при выборах, когда сам полицмейстер осуществлял надзор. Результаты выборов были утверждены, и доктор Брук занял свой пост.

Доктор Брук оставался на этой должности до 1906 года. Еще во время своей службы он был избран депутатом Первой Государственной думы, для чего покинул Витебскую губернию, и также не оставил свой пост. Из-за этого у него возникли разногласия с известным выборгским воззванием от депутатов Первой Думы, после чего Дума была распущена, а он был приговорен к тюремному заключению. Вследствие этого у него отобрали право быть казенным раввином, а также занимать другие общественные должности.

Было много кандидатов на должность казенного раввина. Среди них был известный раввин, И. Л. Цирельсон из Прилук (позже раввин в Кишиневе). Его кандидатура поддерживалась и защищалась большей частью третьего района города, который тогда стал очень важным из-за кончины раввина Шнеерсона, да будет благословенна память праведника. Местные жители имели намерение занять эту двойную должность раввина, как это было и при его предшественнике. Из-за этого он приехал в Витебск на неделю и оставался гостем в нескольких синагогах. Своими проповедями и другими достоинствами он завоевал большое признание у публики. Даже сионисты не были против его кандидатуры, хотя ходил слух, что он является противником движения. Во время своего пребывания в Витебске он познакомился с сионистскими лидерами в городе и убедил их, что этот слух неверен. Он также принимал участие в «Ха-Палес», который был известен своим противодействием сионизму, и выражал там особую позицию по отношению к сионизму в своей статье «Коц ше-бе-кец». Он был готов передать сионистскую идею в более широком смысле и был согласен с ней всем сердцем.

Тем не менее, выборы не состоялись. Он также имел сторонников в других районах города. Главной причиной этого было нежелание большинства людей в городе объединять две должности — духовного раввина и казенного раввина в одном лице.

Сионисты тогда предложили кандидатуру раввина Иосифа-Эльханана Меламеда, казенного раввина в Мозыре Минской губернии, бывшего ранее руководителем в Двинске. Он был известен как крупный общественный деятель и как сторонник сионизма еще со времен Первого сионистского конгресса. Дорога его была глубоко укоренена в еврейской литературе, и он завоевал имя как выдающийся писатель своими книгами «Шивтей Исраэль» и «Робен шель коль бней ха-гола». В общине он был исключительно популярен как оратор. Он был избран почти единогласно без оппозиции. Он посвятил себя главным образом культурной работе, и его речи производили сильное впечатление. Он оставался на своем посту до Октябрьской революции, когда должность казенного раввина была упразднена.

Синагоги и молитвенные двора (клойзы)

С ростом еврейского населения строились также новые синагоги и клойзы. Многие из старых синагог достраивались в специальные здания. В первом районе города, на старой исторической площади, которую евреи выкупили еще во времена польского правления, на Офицерской улице (позже Смоленская улица), в центре города, была построена Большая синагога, называемая Талмуд-Тора синагога, строительство которой завершилось в 1810 году. В ней молились самые уважаемые домовладельцы. Около 1812 года хасиды ХАБАДа начали строить свою собственную синагогу. Закладка фундамента происходила еще при жизни автора «Тании». В ней принимал участие его сын, известный как Миттелер Ребе. Это здание было завершено после кончины автора «Тании». В нем молились почти все хасиды города. Из-за раскола, возникшего в последующие годы между хасидами Миттелер Ребе и хасидами р. Аарона Страшельского (ученика автора «Тании»), они разошлись. По предложению любавичского ребе, который заключил мир между двумя сторонами, любавичские хасиды выплатили противоположной стороне за их долю в синагоге 3600 ассигнаций (поскольку любавичские хасиды не могли собрать эту сумму сразу, они взяли займы у

двух хасидов — р. Авраама Берлсона и р. Моше Черномордика). На эти деньги страшельские хасиды построили две синагоги — одну в Шул-Гойф (молитвенном дворе), названную именем Гавриила Виленкина, страшельского хасида. Позже её называли Карлинской синагогой. Вторую они построили на площади на Варшавской улице. В этих двух синагогах молились страшельские хасиды. Это продолжалось недолго. После кончины р. Аарона Страшельского все эти хасиды перешли к Миттелер Ребе. Поскольку обе группы хасидов имели одинаковый нусах (молитвенный канон), названия синагог остались лишь как память. Позже, когда число молящихся в Большой синагоге увеличилось, в Шул-Гойф (синагогальном дворе) были построены еще два двухэтажных здания, которые назывались Старая ХАБАДская синагога и Новая ХАБАДская синагога. В одном из этих зданий располагалась Талмуд-Тора, а во втором была построена миква для мужчин.

שול אין וויטעבסק

«Синагога в Витебске»

Этот Шул-Гойф был центральным местом для всех молящихся первого района города. Там молились самые уважаемые домовладельцы — как хасиды, так и митнагдим — и между ними царили самые дружеские отношения. С течением времени в этой части города прибавилось еще семь синагог. Всего же там было 25 синагог.

Во второй части города было около 20 синагог. В третьей части города насчитывалось около 30 синагог. В этой же третьей части находилось историческое деревянное здание синагоги, где молился сам Баал ха-Таня, когда жил в Витебске у своего тестя, р. Лейба Сегала, одного из самых уважаемых домохозяев из знаменитой семьи Писаревских. Эта синагога была построена на их собственном участке земли, и в народе её так и называли по их фамилии. Располагалась она в самом центре города, на Вокзальной улице. В этой синагоге всегда было много молящихся, а миньян продолжался с раннего утра до самого вечера.

Позже домовладельцы решили расширить синагогальный двор и построить большую синагогу. Для этой цели они решили снести старые деревянные постройки и возвести на их месте большое каменное здание, которое служило бы складом, а доходы от него шли бы в пользу синагоги. Однако прихожане старой синагоги не согласились с этим — особенно те, кто помнил, что здесь молился старый Ребе, и настаивали, чтобы всё оставалось в прежнем виде. Из-за этого между семьей Писаревских и молящимися вспыхнул острый конфликт.

В 1881 году в этом районе вспыхнул большой пожар. К моменту пожара на место прибыли губернатор вместе с пожарными командами, чтобы предотвратить распространение огня, но старые деревянные здания спасти не удалось. Прихожане воспользовались этим и стали просить губернатора разрешить им восстановить здание. Он согласился, и — о чудо! — старая деревянная постройка осталась нетронутой огнем. Хасиды увидели в этом явный перст Ребе, и конфликт утих. Старое деревянное здание осталось стоять на своем месте, а рядом с ним было возведено новое здание, где также собирались прихожане. Часто люди стояли на улице и ждали своей очереди, так как новая синагога была почти всегда переполнена. Некоторые едва могли протиснуться внутрь, чтобы послушать чтение молитв.

Кладбища и погребальные братства (Хевра Кадиша)

Как правило, жители разных частей города объединялись для решения важнейших общинных вопросов, но когда дело доходило до обустройства кладбищ и создания погребальных братств (Хевра Кадиша), возникали разногласия в зависимости от районов. Главными причинами были географические преграды, такие как река Двина, разделявшая районы, из-за чего переправа через мост в период ледохода или половодья затрудняла сообщение между частями города и не всегда была возможность вовремя перевезти умершего, чтобы предать его вечному покою. Поэтому было решено обустроить отдельные кладбища и создать обособленные погребальные братства в третьей части города.

Первое еврейское кладбище появилось еще в самые первые дни существования еврейской общины в Витебске. Оно располагалось в первой части города на берегу реки Витьбы. В те времена это была окраина города, но по мере расширения Витебска

кладбище оказалось в самом центре. Вокруг этого старого кладбища были возведены каменные стены. На протяжении сотен лет это место оставалось единственным еврейским кладбищем в городе. После того как на нем больше не осталось свободных мест, погребальное братство выкупило участок земли во второй части города на реке Каспля (Кстово), где и хоронили на протяжении 180 лет. Когда и это кладбище заполнилось, остро встал так называемый «еврейский вопрос» о земле, который широко обсуждался в русской прессе. Общине требовалось приобрести новые участки земли. Согласно закону, евреям запрещалось покупать землю вне черты оседлости, а внутри городской черты евреи также не могли свободно приобретать участки под кладбища. Из-за этого вопрос долго не находил разрешения, пока дело не дошло до Сената. По предложению губернатора было достигнуто компромиссное соглашение: погребальное братство должно было внести определенную сумму в городскую казну, а городские власти взамен расширили территорию кладбища. Так это и произошло. Стоит упомянуть, что местная администрация закрывала глаза на формальности и не вмешивалась в это дело слишком глубоко.

В 1910 году был куплен участок земли в первой части города, на самой окраине, под большое новое кладбище. Габаи приложили много усилий, чтобы навести там образцовый порядок. Ряды могил были пронумерованы, а у входа на кладбище были построены красивые здания, такие как сторожка, синагога для местных жителей, помещение для омовения (тахара) и удобная платформа для проведения траурных речей и т.д. Все эти обустройства были сделаны благодаря финансовой помощи госпожи Мазо, вдовы р. Шмуэля-Дова Мазо, да будет благословенна его память. Среди габаев погребального братства, которые особенно отличились своей преданностью делу, стоит упомянуть р. Исраэля Вишняка и р. Моше-Лейба Гинзбурга.

Также в третьей части города в 1910 году было выкуплено поле под отдельное кладбище.

Витебские иешивы

Большая и знаменитая витебская иешива, которая располагалась при Большой синагоге, была основана еще во времена р. Айзика Барада, да будет благословенна память праведника. В то время главой иешивы (Рош иешива) стал р. Екутиэль-Залман Ландау, который позже уехал в Петербург, где был приглашен на должность раввина. Главой и смотрителем (машгиахом) иешивы тогда был назначен р. Аарон-Хаим Айла. Он был выдающимся знатоком Торы и прекрасным организатором. В его время иешива переехала из старого здания Большой синагоги в новое здание в первой части города. Старое здание стало слишком тесным, и в нем не хватало места для пятидесяти учеников, которые занимались там постоянно. Это место оставалось центром учености на протяжении пятнадцати лет. Благодаря его глубокому влиянию иешива пользовалась большим авторитетом, а ее выпускники занимали видное место в общественной жизни города.

После него главой иешивы стал р. Зеев-Вольф Раковер. Он был приглашен в 1882 году на должность магида (проповедника) в Большую синагогу первой части города. До этого он занимал такую же должность в Шклове. В те времена в Витебске — городе, где преобладало хасидское население — не было официальных городских

магидов. Из-за гонений хасидов возникли сильные разногласия среди широких масс. Люди начали массово ходить в синагогу, что привело к необходимости назначить официального проповедника. Р. Зеев-Вольф Раковер организовал кружки для изучения Гемары, Эйн-Якова и книг по этике (мусар) во многих синагогах. Главным же образом он молился в Большой синагоге, где его проповеди оказывали огромное влияние на слушателей. Другие круги относились к нему с большим почтением, и даже хасиды, которые обычно не жаловали магидов, выказывали ему искреннее дружелюбие и ценили его за праведность и добрые дела. Помимо своих регулярных уроков, перед каждой субботой он выступал с проповедью на актуальные темы недели в определенные субботы — такие как Шаббат ха-Гадоль, Шаббат Хазон, Шаббат Нахаму и Шаббат Шува, и тогда люди со всех концов города стекались в синагогу. Он был человеком мирным, любившим людей и стремившимся к согласию.

Когда р. Зеев-Вольф Раковер был утвержден в должности главы иешивы, его уроки по Галахе привлекали слушателей своей глубиной и широтой познаний кроме того, он оказывал на учеников глубокое моральное и духовное влияние, и они искренне любили его. В те годы в иешиве обучалось около сорока учеников. После кончины р. Зеева-Вольфа Раковера, за несколько лет до Первой мировой войны, иешива полностью потеряла свой прежний блеск, и ученики постепенно разошлись.

Тогда раввин р. Михаил Подольский, живший во второй части города, основал небольшую иешиву. Р. Михаил был одним из самых уважаемых хасидов ХАБАДа, выдающимся талмудистом и прекрасным лектором, однако эта иешива не получила широкого влияния.

Во время Первой мировой войны, когда в Витебск хлынули волны беженцев из прифронтовых районов, среди них оказалось много великих знатоков Торы и молодых иешиботников. По инициативе раввина Баруха Рабиновича (раввина ашкеназской общины) и при поддержке общинных деятелей р. Ицхака Левина (сына р. Иешуа Левина из воложинской династии и автора книги «Цион ле-Иешуа») в городе была основана большая иешива, которая вскоре прославилась на всю округу. Занятия там вели р. Аба Финфер из Городина, раввин из Грабежа, раввин Хирш Рабинович, зять покойного раввина Кука, и другие. Раввин Рабинович также читал там лекции несколько раз в неделю. Р. Ицхак Левин заботился о материальных нуждах учеников, которые также изучали Священное Писание (Танах). Среди учеников было много талантливых юношей. Часть из них позже уехала в Эрец-Исраэль, где они стали крупными знатоками Торы. Один из них, Липкин, погиб мученической смертью во время погромов в Хевроне в 1929 году. Другой ученик, Гутерман, сын сератинского раввина, стал фермером в Кфар-Хасидим и погиб там в 1927 году(?).

Эта иешива располагалась в здании Большой синагоги в Заречье. Часть средств поступала от городского комитета помощи беженцам. Иешива просуществовала до 1919 года. После того как к власти пришли большевики и начали закрывать подобные религиозные учреждения, иешива перешла на подпольное положение. Часть учеников продолжала тайно учиться. Раввин Рабинович с истинным самоотвержением собирал этих учеников у себя дома и проводил для них уроки. Тайная полиция (ГПУ) выследила их и устроила облаву прямо во время занятий. Учеников вместе с раввином арестовали. В очередной раз над руководителями иешивы нависла угроза

сурового суда. Лучшие адвокаты города вызвались защищать раввина. Во время процесса обвинение пыталось доказать, что он открыто и без всякого страха нарушал закон, запрещающий преподавание Торы. Однако исход этого дела оказался неожиданным, так как судьи наложили большой денежный штраф. Этот штраф был немедленно выплачен общиной, и раввин Рабинович был освобожден.

Талмуд-торы

Талмуд-торы существовали в Витебске в каждой части города. В первой части города талмуд-тора располагалась в специальном двухэтажном здании в Шул-Гойф (синагогальном дворе) на Офицерской улице (позже Смоленская улица). Первый этаж этого здания был построен на пожертвования р. Хаима Шмерлинга. Там было четыре классных комнаты, в которых обучалось около сотни детей. На втором этаже располагалась Новая ХАБАДская синагога.

Эта талмуд-тора находилась в самом центре города и под присмотром крупнейших богачей и самых уважаемых домовладельцев общины, таких как р. Эфраим-Залман Шар, р. Моше Гинзбург (Чемериняк). Женский комитет находился под руководством Рахели Шар, жены р. Эфраима-Залмана, которая заботилась об одежде и обуви для учеников, а также обеспечивала их горячими обедами и другими материальными нуждами. Несмотря на всё это, общее положение учреждения было печальным, там царила страшная бедность. Меламеды и учителя старой закалки преподавали по старинке. Родители учеников, бывшие бедняками, не имели никакого влияния на порядок в талмуд-торе. Дети должны были ходить на похороны богачей зимой и летом, в самую сильную жару и лютые морозы. Кроме того, они должны были читать Техилим (псалмы), когда кто-то из богачей заболел. Под влиянием нового духа времени и по требованию властей в талмуд-торе начали вводить преподавание русского языка. Два учителя из государственного еврейского училища, Виттенштак и Рабинович, приходили каждый день, чтобы обучать детей русскому языку и другим общеобразовательным предметам. Эти учителя честно выполняли свою работу, но они не вмешивались во внутренний распорядок талмуд-торы, и всё оставалось по-старому.

В 80-х годах группа маскилим (просветителей), среди которых были Михаэль Гельцер, габай Большой синагоги, и р. Гершон Аминадав, попытались провести реформы в талмуд-торе в духе времени. Они уволили часть старых меламедов и наняли новых, а также отменили обычай посылать детей на похороны. Однако им так и не удалось поставить учреждение на прочный современный фундамент.

Своего расцвета это учреждение достигло лишь в 1898 году, после смерти богача Эфраима-Залмана Шара, который оставил всё свое состояние — каменные амбары и магазины для благотворительных целей, пятнадцать процентов от этих доходов было выделено на нужды Талмуд-торы. Благодаря усилиям габаев этой Талмуд-торы, под эти цели был отведен целый двор, и там были сделаны все необходимые приготовления. Туда же были приглашены и начали преподавать современные учителя, которые обучали детей ивриту на иврите («иврит бе-иврит») в национальном духе. Под влиянием нового руководства вся деятельность Общества просвещения евреев («Мефице хаскала») в Витебске, утвержденная местными властями, перешла

под контроль сионистов. В конце концов это учреждение приобрело ярко выраженную национальную форму. Там получали образование не только дети бедняков, но также дети из семей среднего класса. Это было огромным шагом вперед в воспитательной программе учреждения на пути к осуществлению их просветительского идеала.

Во второй части города Талмуд-тора располагалась в деревянном здании, которое пожертвовал р. Хаим Барад. Там обучалось около семидесяти детей.

В третьей части города Талмуд-тора находилась в одноэтажном каменном здании. Там училось около ста детей. Благодаря усилиям габаев и надсмотрщиков, там всегда поддерживался образцовый порядок.

В 1909 году сионисты решили взять на себя руководство этой Талмуд-торой. Были избраны: доктор Либерман, г-н Финкельштейн (директор Соединенного банка), раввин З. А. Шнеерсон (старший брат любавичского ребе), адвокат Цейтлин и З. В. Вольфсон. Их первые заседания под председательством нового правления проходили на квартире раввина З. А. Шнеерсона. Хотя это шло вразрез с традициями, согласно которым заседания правления должны были проходить непосредственно в здании Талмуд-торы. Однако поскольку раввин Шнеерсон был слаб здоровьем, из уважения к нему встречи перенесли в его дом. Его участие в этой работе имело колоссальное влияние в широких кругах, особенно среди хасидов. Он был старшим сыном покойного любавичского ребе, р. Шмуэля. После кончины ребе хасиды настойчиво просили его занять место отца. Он был одарен острым умом, теплым сердцем, удивительным красноречием и обладал широким взглядом на мир. Поначалу он отказывался, но хасиды продолжали настаивать, и ему пришлось взять это бремя на себя. Около полутора лет он занимал раввинский пост, пока у него не произошел конфликт с самыми консервативными кругами, после чего он отказался от поста ребе.

На первом же заседании мы пришли к согласию относительно необходимости расширения программы обучения в Талмуд-торе. Раввин Кук высказался на этой встрече по поводу учебной программы: он подчеркнул, что для детей крайне важно изучать язык Торы, прежде чем они перейдут к изучению самой Торы. Традиционный метод обучения в хедере он сравнил с человеком, которому дают ключи от сокровищницы прежде, чем он увидит ее снаружи. Он рассказал случай из своего опыта: когда ему было шесть лет, учитель в хедере спросил его по недельной главе «Берешит», кто сотворил мир. Мальчик ответил: «Творец, благословен Он». Учитель похвалил его и добавил к объяснению новые детали. По пятницам к учителям приходили внуки старого ребе, автора «Цемах Цедека», чтобы экзаменовать детей. Они задавали ученикам каверзные вопросы. Когда раввин Кук ответил на один из таких вопросов, учитель погладил его по голове и ласково улыбнулся. Этот момент пробудил в нем сильное стремление к учебе на всю оставшуюся жизнь. Его воспоминания показывают, что он не разделял взглядов тех хасидов, которые выступали против глубокого изучения языка. «Когда я сижу среди раввинов, — говорил он, — и вижу, как они изливают свою горечь, я жду от них мудрого совета. Иногда их проблемы кажутся мне надуманными, и я не нахожу в их словах истинного ответа на вопросы жизни. Лишь позже, когда у меня появляются собственные трудности, я начинаю понимать всю глубину их страданий и тот истинный вклад, который они вносят в жизнь людей, и тогда мы приходим к согласию».

После этой беседы на первом заседании мы согласились принять участие в воспитательной работе, которая принесет большую педагогическую пользу. Главным образом мы стремились внедрить усовершенствованные методы изучения еврейского языка. Мы испытывали большой страх перед противниками этого языка по религиозным соображениям — главным образом со стороны любавичских хасидов, которые видели в этом проявление фанатизма по отношению к системе раввина Рашаба (р. Шалома-Дов-Бера Шнеерсона), противостоявшего любым инновациям, даже самым незначительным. В их представлении мы совершали преступление против нашей программы.

На этом первом заседании рассматривался вопрос о совместном управлении со стороны Общества просвещения. Раввин Шнеерсон был выбран председателем. Мы все были очень довольны тем, что нам удалось привлечь к нашей работе столь выдающуюся личность. Наша радость, однако, вскоре омрачилась. Его болезнь обострилась, и через несколько месяцев он скончался. На его похороны присутствовали тысячи людей. Согласно хасидской традиции, надгробных речей по нему не произносили.

Мы все почувствовали, что ушел великий человек. Доктор Либерман написал о нем статью в журнале «Ха-Палес», но этот очерк не мог полностью охватить весь жизненный путь этого редкого человека. Он прошел через различные периоды своей жизни, и не все они гармонировали с его происхождением. Уже после того как он отошел от раввинского поста, он решил заняться текстильной промышленностью на средства из наследства, оставшегося от отца. Это наследство оценивалось в 200 000 рублей. Ребецин (его жена) и другие братья согласились предоставить в его распоряжение всю сумму. Он построил мыловаренную и текстильную фабрику в Кстово, надеясь, что продукция его фабрики сможет конкурировать с товарами крупнейших российских фабрик этого профиля. Он полагал, что евреи в целом, и хасиды в частности, помогут ему в продвижении продукции. Его экономические эксперименты, однако, не увенчались успехом. Причин тому было много, но главная заключалась в том, что он взялся за дело, в котором ничего не смыслил, и пытался развернуть его на слишком широкую ногу. Кроме того, у него не было доверия к людям, и он не верил в честность каждого сотрудника. В итоге фабрика закрылась. Позже он пробовал свои силы в лесоторговле, в мукомольном деле, но и здесь его ждал минимальный успех. К этому добавились семейные раздоры. Разумеется, хасиды видели во всем этом небесную кару за то, что он оставил раввинский пост ради суетных мирских дел.

В конце концов он признал, что у него нет коммерческой жилки. Он оставил все свои дела, вернулся в Витебск и уединился в своем семейном доме. Там он жил скромно, ведя уединенный образ жизни в окружении книг. Хотя его личные средства иссякли, он по-прежнему пользовался большим авторитетом как религиозный авторитет, к которому обращались в спорных случаях ради поиска компромисса. И в большинстве случаев обе стороны оставались довольны его решением. В основном он посвящал свое время учебе и общей литературе.

На первых же заседаниях нового правления под его председательством был поднят вопрос о назначении управляющего Талмуд-торы. Эта задача была поручена доктору

Либерману и автору этих строк. В газетах было опубликовано объявление, на которое откликнулось большое число кандидатов. Выбран был г-н Нейман, выпускник Виленского еврейского учительского института, человек с большим опытом преподавания иврита по естественному методу. Он также имел позитивное отношение к нашей традиции.

С его приходом в Талмуд-торе началась новая жизнь. Он погрузился в работу с головой; мало говорил и много делал. По его рекомендации мы провели изменения в преподавательском составе, хотя это далось нам нелегко. Новыми учителями стали выпускники педагогических курсов в Гродно*, знающие свое дело, но их методы были чужды нашей среде. Они выполняли свою работу механически, хотя учебная программа Талмуд-торы требовала соблюдения религиозных традиций, как это было установлено руководством общины. Со временем мы обнаружили, что руководство страдает от действий ряда учителей, которые хотели ввести радикальные изменения в учебную программу, главным образом по вопросу расширения часов преподавания светских предметов. Мы не могли согласиться с увольнением этих учителей, так как в то время было крайне трудно найти подходящую замену для наших целей. Директор, будучи по натуре человеком тихим, не хотел обострять конфликт с правлением. Он лишь обратился за помощью к учителю Брискину, человеку преданному еврейской традиции и ивритскому языку. Хотя другие учителя вели борьбу против Неймана, они испытывали к нему уважение за его честность.

Тогда же был поднят вопрос о строительстве центрального здания для Талмуд-торы в центре города, чтобы дать возможность жителям всех трех районов отправлять своих детей в это учреждение. Проект такого здания требовал огромных инвестиций — около 40 000 рублей. Такую сумму местными силами собрать было невозможно. Помимо этого, вопрос нельзя было поднимать публично, так как городские власти очень строго относились к открытию современных богаделен и приютов для престарелых. Старый приют для престарелых располагался во дворе больницы в деревянном здании и был рассчитан всего на 40 коек, в то время как спрос составлял около 200 мест.

** Примечание: Гродненские педагогические курсы были созданы под эгидой Общества распространения просвещения среди евреев (ОПЕ).*

К нашему счастью, тогда выяснилось, что барон Гинзбург получил от одного из уроженцев нашего города, по имени Тобин, фонд для улучшения образования детей бедняков. Этот Тобин уехал из нашего города еще в детские годы и скитался по разным странам. В конце концов он обосновался в Вене, где очень разбогател. Его поведение было весьма странным. Он держался обособленно от своей семьи. Герцль упоминает его в своих дневниках, отмечая, что Тобин предлагал ему крупную сумму денег на сионистские цели. Однако после того как Герцль познакомился с ним поближе, он отдалился от него. Этот странный человек помнил свой родной город и передал барону Гинзбургу 20,000 рублей для развития образования в нашем городе. После смерти Гинзбурга управление этим фондом перешло к его старшему сыну, Давиду, и тот бережно его охранял. Благодаря удачным инвестициям этот фонд вырос до 35,000 рублей. Лишь единицы в общине знали о существовании этого фонда. Жертвователю поставил условие: учреждение, на нужды которого будут потрачены эти

деньги, должно носить традиционный характер. Сам барон также настаивал на этом. По ряду причин эти деньги оставались замороженными.

В то время доктор Брук вернулся в город после того, как специализировался в определенных областях медицины в Петербурге. Он открыл клинику для нервнобольных. Разумеется, он также сразу включился в общественную деятельность.

На одном из заседаний правления было решено кооптировать его в члены правления. Это решение не было принято официально, так как власти могли вмешаться и отклонить его кандидатуру из-за его политического прошлого. Ему запретили участвовать во всех заседаниях и принимать активное участие в работе. Он поднял вопрос о наследстве Тобиана. В течение нескольких месяцев господин Финкельштейн вел переговоры по этому делу с бароном. За это время барон передал деньги правлению. Это дало новый импульс нашей работе. Было решено купить участок земли в центре города, на исторической горе Наполеона, в районе губернского суда и мужской гимназии имени Александра II. План здания был разработан городским архитектором, который также руководил реконструкцией Большой Заречной синагоги после пожара.

Был создан специальный комитет, который занимался надзором за строительством, в состав которого вошли представители правления Талмуд-торы и другие видные городские деятели. Среди них был г-н Авраам-Элияху Саболевский. Согласно смете архитектора, на проект требовалось 50 000 рублей. Комитет начал собирать деньги, чтобы покрыть оставшуюся часть суммы. Благодаря активной деятельности г-на Саболевского и энергичной работе других членов комитета, им удалось собрать необходимую сумму.

Был объявлен конкурс, и подряд на работы был передан подрядчику М. Лурье. В течение полутора лет было возведено трехэтажное здание с подвалом. Дом получился очень красивым, с отдельными комнатами для всех классов, рабочими кабинетами и залом. На третьем этаже был оборудован большой зал для собраний и лекций. Там раввин читал лекции по научным и религиозным темам, на которые приходило до 500 человек. В этой Талмуд-торе обучалось около 400 учеников, и это было едва ли не единственное социальное учреждение, которым город мог гордиться. Управляющий, г-н Нейман, и все руководство смогли придать этому учреждению современный вид, сохранив при этом традиционный дух.

В то же время возник вопрос о создании профессиональной школы при Талмуд-торе. Наследники г-жи Понизовской, уроженки Витебска, оставили по завещанию 140 000 рублей для нашего города, согласившись направить эти деньги на эту цель. На большом собрании, проходившем с участием наследников, было решено основать крупную профессиональную школу с различными мастерскими. Для этой цели под руководством г-на Вишняка был избран специальный комитет. Комитет предложил план развития Талмуд-торы. К сожалению, этот план был прерван Первой мировой войной, и военные конфисковали здание Талмуд-торы под нужды госпиталя.

Из-за того, что здание Талмуд-торы превратилось в военный госпиталь, работа учреждения сильно пострадала. Из-за условий военного времени было крайне трудно найти другое подходящее здание, и невозможно было собрать все отделения

учреждения под одной крышей. Надзор за обучением также пострадал. Правда, после Февральской революции предпринимались большие усилия, чтобы вернуть здание, но безуспешно. А после Октябрьской революции большевики окончательно конфисковали это здание. От этого положения больше всего пострадал г-н Нейман. Вся его работа пошла прахом. Учителя снова разбрелись, и был нарушен весь порядок светского и религиозного образования, хотя советская власть тогда еще не вмешивалась в самые внутренние дела школы. В 1918 году г-н Нейман скончался после продолжительной болезни.

Учебные заведения (Образовательные учреждения)

Государственное еврейское училище было основано в Витебске еще в 60-х годах прошлого века, в эпоху Просвещения (Хаскалы). Первым руководителем был г-н Виттенштак, выпускник Виленского раввинского института. После него руководителем стал г-н Абрамович. Последний также был учителем религии в мужской гимназии имени Александра II. В этом училище преподавали по хорошей системе, хотя религиозные предметы изучались без должного усердия. Тем не менее, влияние этой школы в городе было весьма заметным. Выпускники школы полностью владели русским языком и получали хорошие должности. Они также принимали участие в общественной жизни и помогали преодолевать трудности.

После смерти г-на Виттенштака руководителем школы был назначен г-н Юнгборг. Он завоевал имя прекрасного учителя и способного администратора. При его руководстве школа достигла своего расцвета. Вначале его отношение к еврейским предметам, и в особенности к национальному духу, было прохладным. Однако главным образом благодаря знакомству с сионистами, а позже, с ростом влияния сионизма в городе, изменилось и его отношение к национальному движению. Его педагогические и административные способности привлекли внимание руководства ОПЕ, и его назначили руководителем школы в Петербурге. Его место занял учитель Волькин.

При этой школе существовало также ремесленное училище, где обучали столярному, слесарному и переплетному делу. В училище занималось около двухсот учеников.

В то же время открылось еще одно государственное еврейское училище в третьей части города, под руководством учителя Юдовича, где обучалось около ста учеников. В этой школе также поддерживался хороший и образцовый порядок благодаря прекрасным учителям.

В эти годы еврейские школы, бывшие городскими училищами, стали также посещаться и более бедными еврейскими детьми, хотя для них существовала определенная норма.

С началом политической оттепели в России в 1905 году в Витебске открылся ряд частных школ. Туда принимали еврейских детей почти без ограничений, и многие из них были фактически стопроцентно еврейскими. Первую частную гимназию открыл преподаватель г-н Неруш. Помимо этой частной гимназии, открылась и вторая — Общественная гимназия, основанная Торгово-промышленным товариществом. Эти гимназии имели хорошую репутацию и стояли на высоком уровне. Их дипломы открывали для выпускников двери высших учебных заведений без ограничений, в

соответствии с установленной нормой для евреев. Учителя в этих школах были первоклассными специалистами с многолетним стажем. В первый период Мировой войны, когда в город прибыло множество беженцев, инженер Гутман открыл еще одну частную гимназию. Также г-н Г. Гуц перевел свою гимназию, имевшую ярко выраженный религиозный характер, из Вильны в Витебск.

Благотворительные учреждения

1. Еврейская больница

В 70-х годах барон Гинзбург приобрел на имя своего отца, р. Йоселя Гинзбурга, родившегося в Витебске, большой каменный дом с просторным двором и садом в третьей части города под нужды больницы. Эта больница находилась под опекой еврейской общины и под надзором Магистрата. Своего наивысшего расцвета больница достигла под руководством доктора Иссерсона, который был известным врачом и первоклассным администратором. Его теплое отношение к больным, и особенно к беднякам, было притчей во языцех. В молодые годы он вообще не интересовался еврейскими делами. После окончания университета он был назначен врачом земской больницы в одном из центральных российских городов. Он занимался своей работой, и государственная служба прочила ему карьеру придворного врача в Волынской губернии. Там он и начал знакомиться с еврейской жизнью. Он лечил бедных пациентов бесплатно и даже снабжал их лекарствами и диетическим питанием за свой счет. О его преданности больным ходили легенды в тех краях. Рассказывали, что однажды тяжело заболел ребенок, и врачи уже отказались от него. Доктор Иссерсон тогда произнес молитву: «Владыка мира, я ведь лечил Твоих больных детей бесплатно, так исцели и меня бесплатно». Рассказывают далее, что молитва была принята, и больному сразу стало легче.

Когда он приехал в Витебск, он еще больше углубился в еврейскую общественную деятельность. Хотя его приглашали на консультации в самых серьезных случаях заболевания даже в «Высокие окна» (к высшей знати), тем не менее он спешил в первую очередь к бедному больному, прежде чем шел к богатым, от которых мог получить хорошую плату.

Под его влиянием в состав администрации больницы вошли самые уважаемые люди города. Среди них особенно выделялся г-н Дов Гершман, который взял на себя заботу о финансовой стороне больницы.

Помимо больницы, доктор Иссерсон занимался и другими общественными делами. Он был активным участником Кооперативного банка, а также входил в состав администраций других филантропических институтов города. Во время выборов в Государственную думу он вел агитацию за кадетов. Во время Второй думы он также агитировал за кадетов, хотя большинство евреев тогда поддерживали кандидатуру доктора Хаима Житловского, который тогда находился в Витебске у своих родственников и баллотировался в депутаты. В конце концов Дума была распущена, и кандидатура Житловского была снята.

Во время войны доктор Иссерсон был избран председателем Общественного комитета, который занимался всеми еврейскими делами в городе. В этой деятельности он приобрел друзей во всех кругах.

Помимо доктора Иссерсона, в больнице работали: в хирургическом отделении — доктор Поляк, по глазным болезням — доктор Якерсон, по внутренним болезням — доктор Натандзон. Позже было открыто и родильное отделение в специальном здании, под руководством доктора Ривлин. Больница пользовалась доброй славой, так что даже состоятельные люди предпочитали лечиться там, а не в частных лечебницах. Она располагала пятьюдесятью койками. Во дворе больницы было также построено специальное здание — приют для бедных престарелых и инвалидов. Этот дом также находился под надзором доктора Иссерсона.

2. Бикур-холим

Два общества «Бикур-холим» были основаны в первом и втором районах города, а третье — в третьем. Общество в первом и втором районах было создано группой активных женщин, которые посвящали этому свое время. Особо выделялась среди них госпожа Коэн. Позже к обществу присоединились и мужчины, среди которых был сын госпожи Коэн, который и был назначен председателем комитета. Функции общества заключались в следующем: оказывать медицинскую помощь силами ряда врачей, которые получали ежемесячное жалование из кассы общества; обеспечивать медикаментами по низким ценам через специальные договоры с аптеками; обеспечивать бедных больных едой и специальной диетой, такой как молоко, вино, мясо и т.д. Доходы общества складывались из взносов членов общества, ежегодных благотворительных вечеров (что стало традицией), пожертвований при вызове к Торе и специальных сборов. Члены комитета проводили заседания каждый исход субботы (моцаэй шаббат), где обсуждались пути улучшения и расширения деятельности общества. Помимо членов комитета, были и частные благотворители, которые душой и телом предавались жизни и деятельности общества. Одним из них был р. Лейб Малкин, из уважаемой семьи в Витебске, живший во втором районе города. Там он был назван в честь своего деда (р. Авраам-Аарон Малкин, Клуж). На старости лет он полностью посвятил себя делам милосердия и стал очень популярен среди жителей первого и второго районов, где его называли «Рейбке-Ааронс».

Р. Лейб Малкин был человеком удивительного характера. Каждый день недели он посвящал определенному виду благотворительности. В зимнее время по воскресеньям он отправлялся на рынок, закупал дрова и распределял их среди нуждающихся. Другой день он посвящал исключительно предоставлению беспроцентных ссуд (гмилут-хасадим) для мелких торговцев и ремесленников. Так проходил каждый его день. Для нужд «Бикур-холим» он не пропускал ни одного дня. Рассказывали, что однажды поздно ночью постучали к одному из его родственников и попросили его снарядить сани с дровами и перевезти бедную роженицу с окраины города в теплую комнату. Он также был человеком высоких моральных качеств. Каждого он принимал с радушием и доброй улыбкой. Он старался оказывать помощь бедным семьям в уважительной форме, в виде тайного пожертвования («матан бе-сетер»), прежде чем они сами к нему обратятся. Благодаря этим качествам община его очень любила, и ему ни разу не отказали ни в одной просьбе. Напротив, люди

охотно приносили ему деньги на различные благотворительные цели, даже не дожидаясь, пока он сам попросит для «Бикур-холим» или для конкретного больного, которому он помогал. Он прожил долгую жизнь и оставил по себе добрую память как о великом благотворителе. Народ построил в его честь синагогу в первой части города, которая стала вечным памятником «Рейбке-Ааронс Клуж».

В третьей части города обществом «Бикур-холим» занимались более молодые люди. Среди них особенно выделялись р. Довид Яхнин и р. Шмарьягу Меклер — двое из самых уважаемых общественных деятелей в этой части города. Во времена доктора Брука раввинат объединил два общества «Бикур-холим», и благодаря их усилиям это объединенное общество было официально утверждено администрацией.

3. Хаверат Эцим (Дровяное общество)

Целью этого общества было обеспечение бедных семей дровами на зиму совершенно бесплатно или по очень низкой цене. Специально активными в этом обществе были р. Моше Инглин и р. Авраам Берлин. В летнее время они закупали дрова и сплавляли их по Двине, где складывали их во дворе р. Эфраима-Залмана Шара, который выделил этот двор под благотворительные нужды. В зимний период дрова распределялись среди бедняков согласно спискам нуждающихся. Эти двое активистов не только собирали деньги под эти цели, но и лично следили за распределением, чтобы оно шло по справедливости. Во время Октябрьской революции на складах общества находился большой запас дров, и хотя большевики вмешались и распределили эти дрова по собственному усмотрению, это нарушило работу общества. Ворота этого двора были закрыты, а само общество позже было полностью ликвидировано.

Это общество активно действовало в первой части города. В других частях города также существовали подобные общества, но они уже не были столь эффективными, как в первой части.

4. Хавера «Маахаль Кашер» (Общество кошерного питания)

Общество «Маахаль Кашер» было основано в 80-х годах на Нижнем Рынке еврейскими солдатами по инициативе и при общественной поддержке ряда активистов, среди которых выделялись р. Зеэв Финкель и р. Мордехай Вейнинг. Общество открыло кошерную столовую для еврейских солдат, число которых в то время составляло около 500 человек. Это дало им возможность сблизиться с местными еврейскими жителями и не чувствовать себя совершенно чужими.

Это общество пользовалось уважением даже со стороны военного руководства. В дни рождения императорской семьи и в другие патриотические праздники там устраивались специальные торжества для еврейских солдат в Большой синагоге, куда также приходили офицеры полка. Среди солдат было немало учеников ешив и знатоков Торы. В праздничные дни еврейские солдаты были желанными гостями в лучших домах города. Еврейские солдаты также решили пожертвовать свиток Торы для столовой. Торжественное внесение свитка Торы проходило с разрешения военного начальства и сопровождалось большим парадом с участием высших офицеров полка.

Это общество просуществовало около десяти лет. Позже власти ограничили его деятельность, и оно прекратило свое существование.

5. Хаверот ле-Гмилут-Хасадим (Общества беспроцентных ссуд)

Центрального общества Гмилут-Хасадим в Витебске не было, существовали лишь местные кассы при каждой синагоге. Лучшей организацией отличалось общество Гмилут-Хасадим, которое основал р. Эфраим-Залман Шар. Он выделил под это дело специальное помещение во дворе Большой синагоге под названием «Захария». Эта касса была небольшой, но ее управление было образцовым, и р. Эфраим-Залман Шар лично внес основной капитал для этого фонда. Р. Эфраим-Залман Шар очень интересовался деятельностью этой кассы. Руководство кассой было передано р. Шмуэлю-Ноаху Розенфельду, одному из уважаемых прихожан этой синагоги. Рассказывали, что однажды, когда касса оказалась пустой, а спрос на займы был велик, секретарь обратился к основателю кассы за ссудой. Тот ответил ему: «Я хочу, чтобы вы, молодые люди, не забывали, что Гмилут-Хасадим — это дело, которое требует постоянного поиска источников, и вы должны сами заботиться о привлечении средств». Тем не менее, он сам выдал необходимую сумму для займов.

Была открыта большая льнопрядильная фабрика, на которой трудилось около 1500 рабочих. Также открылись два крупных маслобойных завода — один для соевого масла, другой для конопляного. Один из заводов принадлежал братьям Мендельсон, а второй — братьям Леви из Вильны. Открылись также фабрики по производству красок, свечей, обуви и кирпича. По инициативе и при посредничестве Хаима Житловского (отца) бельгийская фирма получила концессию на строительство в городе электрического трамвая и водопровода. Все эти предприятия находились в руках евреев, за исключением водопровода.

В начале XX века через Витебск были проложены две новые железнодорожные линии — Витебск-Жлобин и Петербург-Витебск. Эти линии связали город новыми торговыми отношениями со многими городами Витебской губернии, через которые эти линии проходили. Еще одним фактором в экономической жизни стало военное присутствие: в городе были размещены крупные казармы, и значительное число жителей получало свой доход от обслуживания военных нужд.

Банки в Витебске

В 1874 году по инициативе еврейских купцов первой гильдии в Витебске был основан Общественный банк взаимного кредита. Банк развивался очень быстро, так что его капитал достиг 120 000 рублей. В то время это был единственный банк в Витебске и во всем регионе. Его влияние на экономическую жизнь было огромным. Банком пользовались лесопромышленники и купцы, чьи обороты исчислялись тысячами. Банк пользовался полным доверием клиентов и накопил большие резервные фонды. Председателем правления банка был нееврей, но в состав правления входили уважаемые еврейские купцы. В 1885 году, когда в Витебске открылось отделение Государственного банка, этот Общественный банк также оказал большую помощь в предоставлении крупных кредитов.

Из-за небрежного управления и отсутствия должного контроля со стороны совета правления, банк начал выдавать слишком крупные кредиты лесопромышленникам и купцам, которые через несколько лет пострадали от кризиса. Дела банка пошли плохо, и он оказался не в состоянии выплачивать свои обязательства. Позже ему удалось встать на ноги, были приняты новые члены и избрано новое правление, которое состояло уже сплошь из евреев.

Постепенно банк снова начал играть заметную роль в экономической жизни, но своего прежнего положения он так и не достиг. Его средства оставались ограниченными, так что лишь мелкие торговцы пользовались его услугами. Банк просуществовал вплоть до Октябрьской революции.

В Витебске также действовал Сельскохозяйственный банк. Его администрация почти полностью находилась в руках польских помещиков. Немногие евреи пользовались кредитами этого банка, однако в нем было размещено много еврейских депозитов. Капитал этого банка достиг миллиона рублей, и почти все финансовые операции и дисконтные дела в Витебске и окрестностях были сосредоточены в этом банке.

В 1885 году в Витебске открылось отделение Государственного банка. В совет этого банка вошли двое евреев из числа самых уважаемых купцов города. Они имели большой вес в кредитном отделе, и с их мнением очень считались. Один из них, г-н Дов Гершман, получил золотую медаль за свою деятельность и оставался на своем посту всю жизнь.

В 90-х годах открылось отделение Московского банка, которое позже сменило название на Соединенный банк. Также открылось отделение Рижского банка, который ранее назывался Азиатским банком.

Помимо этого, открылось множество частных банкирских контор, среди которых конторы братьев Гинзбург, Вишняка и Салавейчика, которые вели крупные дела. Они внесли большой вклад в развитие торговли и промышленности в городе и регионе.

В конце 80-х годов городское управление открыло Городской банк. Его основной капитал составлял 40 000 рублей и принадлежал городскому управлению. Кредиты выдавались домовладельцам и купцам под залог векселей и недвижимости. Общественность имела большое доверие к этому банку, и его капиталы достигли полумиллиона рублей. В совете этого банка также были евреи.

В конце 90-х годов по инициативе местных общественных деятелей и ремесленников была основана кооперативная касса «Кредит фар Мелаха» (Ремесленный кредит). Управляющим этой кассы был избран г-н Шолит, один из инициаторов этой идеи и знаток кооперативного дела. Будучи человеком энергичным и честным, под его руководством и при поддержке других общественных деятелей касса быстро росла и развивалась. Позже ее название изменилось на «Леви у-Шмаркасса» (Ссудо-сберегательная касса).

Капитал кассы формировался из членских взносов и депозитов. В совет кассы входили энергичные общественные деятели, которые посвятили себя этой институции. Касса оказывала большую помощь в виде займов ремесленникам и мелким торговцам. Она

также открыла потребительский кооператив, который поставлял различные товары для своих членов. Вокруг этого учреждения сосредоточилась вся общественная активность города во главе с доктором Цви Бруком и г-ном Шапиро. До Первой мировой войны вся еврейская общественная жизнь координировалась этим учреждением. До этой войны в город также пришли фонды ЕКО (Еврейского колонизационного общества) и ЕКОПО (Еврейского комитета помощи жертвам войны), чтобы помочь пострадавшим от войны. Когда экономические проблемы усугубились, ремесленники расширили деятельность коммерческого отдела и потребительского кооператива при кассе, и благодаря этому положение ремесленников, число которых к тому времени достигло 4000, значительно улучшилось. Власти также были весьма довольны этим учреждением, поскольку его деятельность носила чисто кооперативный характер. Совет этой кассы избирался на ежегодном собрании ее членов. Это учреждение просуществовало еще около двух лет после революции под руководством той же администрации. Только в 1919 году советская власть наложила руку на средства этой кассы, отстранила руководство и назначила комиссара, который не имел никакого отношения к этому делу. Позже касса была окончательно ликвидирована.

Отношения между евреями и неевреями

Отношения между евреями и неевреями в городе были дружественными. Между ними не было зависти или ненависти. Все торговые связи по экспорту и импорту с Псковской, Смоленской и другими губерниями осуществлялись с неевреями, которые часто получали крупные кредиты от еврейских купцов.

Два характерных случая могут проиллюстрировать эти отношения. Один еврейский предприниматель подал в Магистрат предложение ввести налог на продукты, привозимые в город на рынок. Это означало, что каждый крестьянин должен был платить налог за каждую телегу с продуктами. Этот предприниматель также предложил Магистрату крупную сумму денег за право откупа этого налога. Магистрат принял это предложение. Городские чиновники Витебска были очень довольны этим постановлением, поскольку большая часть из них были садоводами, и они сильно протестовали против этого решения. Другая часть городских жителей, в основном крупные рабочие с ограниченными доходами, были крайне недовольны этим новым нововведением. Однако предприниматель имел сильное влияние на гласных Магистрата, в особенности на г-на Городского, и ему удалось добиться утверждения этого постановления в Магистрате. Постановление было также утверждено губернатором. Откупщик действительно приступил к исполнению своих обязанностей.

Это дело вызвало большое возмущение среди нееврейского населения, и возникла угроза погрома. В тот день, когда откупщик должен был начать сбор нового налога, собрались сотни крестьян и начали бросать камни в окна дома откупщика и угрожать ему расправой. Хотя полиция была на стороне откупщика, она не могла справиться с ситуацией и навести порядок. Распространился слух, что толпа собирается устроить погром в еврейском квартале. Однако руководители общины поняли опасность, они не стали полагаться на полицию, а сами явились к откупщику и потребовали от него расторгнуть этот договор. Под давлением общины откупщик действительно уступил, и

губернатор отменил это постановление. Полицмейстер, бывший на стороне предпринимателя, был переведен в другой город.

Второе событие произошло в 1891 году, во время великого голодного года в России. Власти запретили экспорт зерна из страны. Запрет должен был вступить в силу 15 августа 1891 года. Крупные спекулянты решили воспользоваться этим промежуток времени — от дня объявления указа до дня его вступления в силу, чтобы скупить миллионы пудов зерна и переправить его через Ригу за границу. В Витебск ежедневно прибывали тысячи вагонов с зерном для экспорта. Возникла опасность, что этот массовый вывоз зерна приведет к голоду в самом регионе, и это вызвало панические настроения. Тысячи возбужденных людей собрались на третьей станции, где зерно грузили в поезда, чтобы не допустить его отправки. Помимо этого, толпа напала на дома двух крупных еврейских купцов, которые занимались экспортом, так что дело чуть было не дошло до погрома. Однако зачинщики погрома на этот раз заявили, что они не имеют никаких претензий к евреям вообще, а выступают только против спекулянтов и ни против кого более.

Власти со своей стороны приняли строгие меры для подавления этих беспорядков. Было объявлено военное положение, и управление городом перешло к военным под началом генерала Рихтера, коменданта 16-го корпуса. По приказу генерала толпе было вынесено предупреждение, чтобы она разошлась. Однако ситуация была настолько напряженной, что толпа не подчинилась. Тогда военные открыли огонь по толпе, которая в панике бросилась бежать. Было убито два человека. В городе поговаривали, что смерть этих двух человек произвела очень плохое впечатление на генерала Рихтера, и он был сильно подавлен. Через несколько месяцев он покончил с собой.

Отношения местной власти к евреям

Отношение местной власти к евреям было хорошим. Почти все губернаторы с 70-х годов и вплоть до 1917 года были дружелюбны и старались по мере сил облегчить или смягчить директивы центральной власти в Петербурге. Случалось даже, что они отвергали предложения высокопоставленных чиновников о введении ограничений, поскольку те противоречили закону. Главный налоговый и торговый гнет, который сильно ударил по евреям, пришел со стороны финансового инспектора Наркевича.

Этот случай был связан с финансовым инспектором Наркевичем, который был переведен в Витебск из Климовичей, небольшого города Могилевской губернии. Он трактовал законы о налогах самым строгим образом и наложил такие налоги на купцов, которые те уже не могли вынести.

Закон о торговле делил все товары на две категории — высшую и низшую. Прежний инспектор не делал из этого никаких выводов, и в магазинах низшей категории можно было найти небольшое количество товаров из высшей категории. Наркевич же действовал иначе. Едва он находил в магазине низшей категории хоть малейшее количество товаров из высшей категории, он налагал на владельца магазина тяжелый штраф, помимо требования уплатить пошлину за патент высшей категории. Это жестокое отношение привело к частым столкновениям и вмешательству полиции.

Лавочники жаловались местным властям, финансовый инспектор стоял на своей юрисдикции, но ничего не добился. Его ответ был коротким и ясным: «Наркевич действует по закону, и мы не имеем права вмешиваться в эти дела».

Однажды, в ночь на 31 декабря 1885 года, в последний день перед возобновлением торговых патентов, он провел ревизию во всех крупных магазинах и лавках и наложил огромные штрафы на многих купцов, в том числе и на тех, кто относился к высшей категории, утверждая, что у них обнаружены товары, требующие еще более высокой категории патента, и потребовал уплатить штраф, вдвое превышающий стоимость самого патента. В городе поднялся плач и стон. Группа купцов отправилась к полицмейстеру. Тот связался по телефону с губернатором, князем Долгоруковым (шурином Александра II). Губернатор заявил, что эти жестокие действия финансового инспектора приведут к кризису и экономическому краху города. Губернатор согласился с мнением купцов и уполномочил полицмейстера обратиться от его имени к руководителю казенной палаты, указав на огромную опасность для города от подобных действий. Руководитель казенной палаты ответил, что губернатор не имеет права вмешиваться в дела, которые ведутся строго по закону.

Понятно, что губернатор был оскорблен таким ответом, и он немедленно направил телеграмму министру внутренних дел по этому поводу. Также жандармский полковник князь Мещерский, узнав об этом деле, возмущен нарушением справедливости в городе и потребовал от финансового инспектора объяснений. Финансовый инспектор ответил коротко: «Торговля ведется по закону». Мещерский на это сказал: «Закон мы тоже знаем, но нужно понимать и намерения законодателя». Он немедленно связался с губернатором и с центральной властью в Петербурге, и через два дня пришел приказ от министра финансов, чтобы финансовый инспектор действовал согласно пункту 3 статьи 42, то есть не чинил никаких препятствий лавочникам в получении патентов. Понятно, что в тот год это дело закончилось благополучно. В городе наступила радость..Однако руководителя казенной палаты вскоре после этого перевели в другой город.

Только один губернатор в Витебске отличался плохим отношением к евреям. Это был Левашов, который прибыл из Владимира. Он издал секретный приказ всем уездным исправникам обращать особое внимание на евреев, проживающих в деревнях, и выселять всех, кто поселился там после 1 мая 1882 года (после «Временных правил»). Он был лицемером. Когда ему было нужно, он обращался к еврейским купцам с лестью, чтобы получить от них пожертвования для государственных учреждений, уверяя их, что эти учреждения действуют в интересах евреев.

Такой случай произошел в 1895 году, когда императрица Александра Федоровна (жена царя Николая II) выступила с инициативой создания сети мастерских (под названием «Попечительство о трудовой помощи») в российских городах для распространения ремесленного труда среди престарелых и инвалидов. С этой целью она созвала в Петербурге конференцию губернаторов и предложила им основать такие учреждения в их городах. Разумеется, Левашов тоже хотел продемонстрировать свою преданность воле императрицы и основать такое учреждение за счет еврейских пожертвований. Когда он вернулся с конференции, он пригласил к себе группу еврейских богачей. Прием проходил в «царских» залах его дворца. Он принял приглашенных гостей очень

любезно и рассказал им, что только что вернулся из Петербурга, где принимались важные решения, направленные на улучшение положения меньшинств, которые вскоре получат равные права. Эта новая идея императрицы о строительстве мастерских для престарелых, которые смогут зарабатывать своим трудом, принесет огромную пользу всей стране. В эти учреждения будут принимать всех заявителей без различия веры и происхождения. Вывод был ясен: «Евреи, рашеливайтесь!» (кладите руку в карман). Гости так и поступили. Были собраны крупные суммы денег. Но через неделю евреи узнали, что тот же Левашов разослал строгое предписание уездным властям принять самые жесткие меры против деревенских евреев. Несмотря на секретность этого дела, копия приказа попала в руки некоторых еврейских общественных деятелей, и они опубликовали ее. Понятно, что после этого все красивые обещания превратились в ничто.

Покушение на Александра II отозвалось среди большинства российских евреев как гром среди ясного неба. Слухи о том, что евреи якобы принимают участие в революционном движении, а также антисемитская пропаганда в массах привели к волне погромов. Хотя в Северо-Западном крае отношения между неевреями и евреями были дружественными, этот регион также не был полностью застрахован от панических настроений. Правда, расхожие обвинения в том, что евреи избегают физического труда, никак не могли относиться к витебским евреям, которые выполняли самую тяжелую работу на местных кирпичных заводах и других предприятиях. Они настолько отличались своим трудолюбием, что даже нееврейские наниматели охотнее брали на работу евреев. Но всё это не давало полной гарантии безопасности, так как по городу поползли слухи о готовящемся погроме. Было даже названо предполагаемое время — май 1881 года, когда регулярные войска должны были уйти в летние лагеря в Могилев. Витебских евреев охватил страх, и они стали искать выход. В это время в город прибыл командующий Виленским военным округом (к которому относился и Витебск) генерал-граф Тотлебен. Он остановился в губернаторском дворце. Еврейская община направила к нему делегацию, чтобы обратить его внимание на серьезность создавшегося положения. Делегация была принята графом очень тепло. Он заявил: «Я уже обсудил эту ситуацию с губернатором и принял решение не выводить войска из Витебска на лето. Для лагерей будут построены специальные бараки в окрестностях города. Вы можете быть спокойны, у нас погромов не будет». Его слова успокоили умы, и он полностью сдержал свое обещание. Войска остались в городе, и лишь небольшая часть отправилась на маневры.

Сионистское движение

Тяжелое положение в стране вызвало глубокий отклик и в Витебске. В городе существовал элитарный клуб, членами которого были представители аристократии и интеллигенции, куда принимали лишь крещеных евреев, врачей и крупных купцов. В самом клубе изначально не было дискриминации. Но в те критические дни, когда антисемитизм проник в высшие правительственные сферы, это отразилось и на данных кругах. На одном из собраний клуба нееврейский доктор высказался с явным презрением о еврейском происхождении. Тогда двое присутствующих евреев — известные в городе врачи доктор Мейль и доктор Великовский (шурин скульптора Антокольского), встали со своих мест и с силой ударили по столу, заявив: «Мы тоже

принадлежим к тому презираемому вами еврейскому народу, который вы пытаетесь оскорбить! И мы открыто заявляем, что гордимся своим происхождением!»

Эти слова мгновенно разнеслись по Витебску и произвели огромное впечатление. Молодые и старые, и даже те люди, которые уже давно отделились от еврейской жизни, стали говорить о вечности еврейского народа. В Витебске в то время жил шурин Михаэля Хальперина, и в его доме начала регулярно собираться городская интеллигенция, где главным предметом дискуссий стал национальный вопрос. На этих встречах доктор Эльяшберг часто поднимал тему: способны ли евреи создать собственное государство? Достаточно ли сил у интеллигенции, чтобы возглавить этот процесс, и найдет ли эта идея отклик в массах, если начать её открытую пропаганду?

С другой стороны, стоял острый вопрос о практической помощи жертвам погромов. Под руководством барона Горація Гинцбурга в Петербурге был создан центральный комитет помощи, отделение которого открылось и в Витебске. Витебские общественные деятели р. Шломо Шмерлинг, амчиславский раввин р. Гиллель Салантер и другие полностью посвятили себя этой работе. После проведения совещания с Любавичским Ребе (сыном Цемах Цедека) группа активистов отправилась в Петербург на закрытое заседание комитета, куда не были допущены даже представители прессы. На этом заседании произошло трагическое событие, потрясшее еврейскую общину: р. Шломо Шмерлинг, выступая с докладом о тяжелом положении пострадавших, прямо во время речи перенес тяжелейший сердечный приступ и скоропостижно скончался. Община смотрела на него как на святого мученика. В его кармане были обнаружены собранные им 10 000 рублей, предназначенные для помощи жертвам погромов.

Между тем идея еврейского возрождения проникала во всё большее число семей. Еврейская периодика тех лет («Гамелиц», «Гамагид», «Гашахар») в Витебске поначалу имела мало подписчиков. В основном выписывали газету «Гамелиц». Газета «Гацефира» в первые годы относилась к палестинофильским идеям пассивно. Но для читателей «Гамелиц» эти статьи были как живая вода; они зачитывались ими, хотя значительная часть старого поколения всё еще смотрела на них как на чудаков и бездельников («батланам»). Впрочем, в других крупных центрах — Вильне, Белостоке и Ковно — эта идея уже стала стержнем еврейской общественной жизни.

В Витебске это движение нашло практическое выражение в том, что по инициативе еврейского учителя Касина в третьей части города была открыта первая еврейская библиотека. Она располагалась в крошечной комнате на квартире самого Касина и изначально состояла из весьма скромного количества книг и периодических изданий. Библиотека содержалась на небольшие взносы, которые сдавали учащиеся. Именно там стала собираться молодежь для дискуссий, где с огромным жаром обсуждалась каждая новая статья из журналов «Гашахар» или «Габокер ор». Так вокруг этой скромной библиотеки сформировался первый кружок «Ховевей Цион» в Витебске. Сама концепция движения тогда еще не была до конца ясной. Сильным толчком послужили статьи Александра Цедербаума в «Гамелиц» — первого периодического издания, занявшего четкую позитивную позицию. Он прямо ставил вопросы: уезжать или оставаться, и если уезжать, то куда? Движение столкнулось с двумя внутренними препятствиями: религиозные круги усматривали в этом опасную попытку «приблизить

конец изгнания» человеческими силами, в то время как радикальная светская молодежь больше склонялась к участию в русском революционном движении.

В таком положении находилось движение «Ховевей Цион» в Витебске в 1881–1882 годах. Работа Игнатьевской комиссии несколько всколыхнула еврейское общество, но этот всплеск активности был недолгим.

В 1883 году р. Моше Виттенберг, один из богатейших людей Витебска, принял решение навсегда уехать в Эрец-Исраэль. Он перевез туда всё свое состояние, оценивавшееся в колоссальную по тем временам сумму — 700 000 рублей, и построил в Иерусалиме знаменитые «дома Виттенберга». В городе рассказывали, что перед отъездом ему пришлось преодолеть немало сомнений. Будучи преданным хасидом Любавичского Ребе, он отправился к нему за благословением. Вместе с ним поехал молодой человек из уважаемой семьи — Ицхак Каминецкий, который в Эрец-Исраэль сменил фамилию на Хагиз, занялся коммерцией и стал крупным купцом. Под влиянием примера Виттенберга в Эрец-Исраэль уехали еще несколько состоятельных витеблян, включая Леви-Ицхака Эйдельсона (отца Шмуэля Эйдельсона, ставшего впоследствии известным в Тель-Авиве).

Популяризация идей «Ховевей Цион» сделала огромный шаг вперед, когда в Витебск прибыл знаменитый проповедник (маггид) р. Хаим-Зундл Маккавей. Он пробыл в городе два месяца, и всё это время синагоги были переполнены людьми, съезжавшими даже из окрестных местечек чтобы послушать его. Он выступал часами, и его проповеди нередко длились до трех часов подряд. Идею любви к Сиону он искусно вплетал в религиозные тексты. Благодаря его авторитету к движению приобщились даже прихожане Большой синагоги в Заручье, чьи старосты («габаим») ранее являлись яркими противниками палестинофильства.

В тот же период распространился призыв, подписанный раввинами Мордехаем Элиашбергом и Шмуэлем Могилеввером, об установке во всех синагогах накануне Йом-Кипура кружек для сбора средств на заселение Эрец-Исраэль. В Витебске эта инициатива принесла прекрасные результаты. Также вошел в обиход обычай приобретать этроги, выращенные исключительно в Эрец-Исраэль, что стало особенно актуально после погромов в Яффе. Один из крупнейших торговцев этрогами в Витебске, р. Гиллель Ривлин, который ежегодно ездил в Триест для закупки этрогов и лулавов, прекратил эти поездки и стал привозить товар напрямую из Палестины. Даже хасиды Хабада начали использовать для праздничных благословений палестинские этроги.

После исторической Катовицкой конференции разрозненные группы сплотились, и вскоре в Витебске был избран официальный уполномоченный движения — Эммануэль Соловейчик. Он передал оперативное руководство комитету из пяти человек. После изгнания евреев из Москвы Витебск посетил Рувен Бренин (брат Давида Бренина и зять Амстердама, бывший тогда горячим сторонником «Ховевей Цион»). Дом Бренина быстро превратился в главный центр сионистской пропаганды в городе. Бренин также активно выступал в синагогах. Однажды, во время его речи в Большой синагоге в Заручье, на него набросились религиозные фанатики, для которых одно имя Бренина было неприемлемым, и сорвали его выступление. Тем не менее активисты Пинский и

Амстердам продолжали энергично распространять национальную идею среди молодежи и широких масс.

В это же время педагог Меир Магаргаз основал в городе первый «хедер метукан» (модернизированный хедер с преподаванием светских дисциплин). Другие учителя также начали внедрять метод преподавания иврита на иврите («иврит бе-иврит»). Молодой человек по фамилии Малкин открыл специализированную ивритскую библиотеку, где собирались книги по палестиноведению и сионизму. Был также создан кружок ораторов, готовивший докладчиков для проведения собраний. Среди них особенно ярко выделился Фрумкин, студент юридического факультета Московского университета.

Вскоре остро встал языковой вопрос. Бренин являлся принципиальным противником идиша и настаивал на использовании русского языка. Другие общественные деятели возражали, указывая, что идиш имеет колоссальное влияние на массы и без него невозможно найти путь к сердцу простого народа. Напротив, многие приверженцы идиша одновременно оставались ревнителями возрождения иврита, стараясь популяризировать его на улицах.

Отношение самого Бренина к идишу было довольно парадоксальным. Он сам вырос в этой языковой среде и по своему духу был близок к народу, однако интеллигенция, разумеется, поддерживала его позицию и вела все дискуссии исключительно на русском языке. Разговаривать на иврите в повседневной жизни было еще слишком трудно; даже самые преданные сторонники разговорного иврита испытывали серьезные затруднения при выражении сложных мыслей и постоянно переходили на русский или идиш. Большинство членов общины стояло за идиш. Впоследствии сам Бренин был вынужден признать правоту своих оппонентов и сам заговорил и начал писать на сочном, богатом литературном идише.

В любом случае, Бренин оказал глубокое влияние на еврейскую молодежь Витебска, приобщив её к национальным ценностям и идеалам «Хибат Цион». Дискуссии, в которых совместно участвовали как религиозные юноши, так и светская молодежь, привели к важному сближению: светская молодежь стала с большим уважением относиться к традиционным ценностям, перестав видеть в них лишь «пережитки средневековых предрассудков». В этом отношении Бренин служил идеальным примером — он был чрезвычайно корректен в дискуссиях и всегда проявлял глубокое уважение к чужому мнению.

В одной из своих речей он высказал мысль о том, что если национальное движение способно успешно развиваться в странах с тяжелым и ненормальным положением еврейства, где сама жизнь вынуждает прийти к выводу о необходимости исхода, то в странах, где евреи получили полное равноправие (как, например, во Франции), идея восстановления дома Давидова находит отклик в основном в кругах высшей финансовой аристократии, подобно семейству Ротшильдов. Один из слушателей, молодой набожный человек, нашел подтверждение этой концепции в Талмуде (Гемаре), процитировав изречение о том, что Мессия придет не иначе как в поколении, которое будет либо полностью праведным, либо полностью виновным («куло закай о куло хайяв»).

Также нельзя не упомянуть о той гостеприимной и дружеской атмосфере, которую создавала в доме супруга Бренина. Хотя она лично не разделяла сионистских убеждений своего мужа и была более склонна к левым политическим взглядам, она всегда с неизменным радушием и светлой улыбкой принимала всех, кто приходил в их дом по делам движения «Хибат Цион». Все заботы по приему гостей лежали на её плечах, и она делала всё возможное, чтобы каждый посетитель чувствовал себя уютно и непринужденно. Семья Брениных прожила в Витебске около двух лет. Поскольку их материальное положение так и не улучшилось серьезно, Рувен Бренин принял решение покинуть страну и отправиться за границу, чтобы продолжить свое академическое обучение.

Во всех кругах отношение к движению «Хибат Цион» начало меняться в лучшую сторону. Даже ортодоксальная пресса, которая раньше видела в этом движении «скверну от нечистых», — то есть утверждала, что многие молодые люди из-за него отделились от еврейства и религии, — в целом изменила свой тон. В Витебске движение привлекло религиозных людей, и их набожность признавали даже среди хасидов Хабада. Как раз эти приверженцы «Хибат Цион» привнесли в него хасидский дух и огромный энтузиазм.

Помимо интеллигенции, московское изгнание привело в Витебск и ряд крупных промышленников и предпринимателей, которые были связаны с движением «Хибат Цион». Самым заметным среди них был Вольфсон. После того как первый уполномоченный Одесского комитета Эммануэль Соловейчик уехал в Бобруйск, Вольфсон взял на себя руководство движением. Вольфсон сам по себе был очень религиозным человеком, он имел контакты и с кругами ортодоксов, и с интеллигенцией. Главными его соратниками стали доктора Авраам Карлешток, Мордехай Либерман и фон Гамбург.

Доктор Либерман был уроженцем Шклова, сыном религиозного человека, который также дал ему хорошее общее образование. Когда ему было 13 лет, он начал учиться у р. Зеэва-Вольфа Рабиновича, шкловского маггида (который тогда был раввином, а позже уехал в Эрец-Исраэль и стал известен там как Брестский раввин). Р. Зеэв-Вольф Рабинович был выдающимся педагогом и оказал сильное влияние на своего ученика. Во все последующие дни Либерман называл его: «мой учитель». Даже позже, когда он уже стал известным врачом, он оставался одним из его близких людей. Будучи студентом Краковского университета, он с истинным самоотвержением соблюдал субботу и праздники. Рассказывали, что однажды ректор пригласил его к себе домой. Разумеется, он там ничего не ел. Когда ему предложили стакан вина, он отказался его пить. На это ректор спросил его: «До каких пор вы будете держаться этого?» Тогда студент Либерман ответил: «С тех пор как наша земля была разрушена, мы должны аскетично ограничивать себя в удовольствиях от жизни». Этот ответ произвел сильное впечатление на ректора. Либерман также отличался глубокими знаниями древних языков и античной литературы, так что ректор выбрал его в качестве частного учителя для своего сына.

Либерман оставался преданным заветам Торы и позже, когда уже стал известным доктором. Он строго соблюдал субботу и праздники, и по возможности каждый день выделял время для учебы. Его отношение к пациентам было исключительным. С

очень многих он вообще не брал денег за лечение. Иногда он даже оставлял им несколько рублей. Профессиональные визиты такого рода сводили его со многими деятелями «Ховевей Цион» в Витебске, и они оставались его лучшими друзьями на всю жизнь. Один из рабочих, который жил в каморке при фабричном дворе, тяжело заболел. Жена больного вызвала доктора Либермана. Тот сразу пришел к пациенту, который оказался закоренелым алкоголиком, получившим воспаление желудка. Владелец фабрики, который постоянно попрекал этого рабочего, мол, почему тот так много пьет и тратит горькие заработки на алкоголь, воспользовался случаем и упрекнул жену: «Вот видишь результат вашего поведения! У вас нет ни гроша в доме, а вам нужно платить доктору». После визита, когда доктор Либерман уходил, владелец хотел заплатить ему за этот визит, но доктор категорически отказался брать деньги. На следующее утро больному стало хуже, и жена снова позвала Либермана. Во время визита доктор сказал ей, что хозяин фабрики, по всей видимости, заплатит ему. Либерман на это ничего не ответил. Только когда он вышел от пациента, он обратился к владельцу с грозным видом: «Как вы посмели сказать жене, что вы заплатили мне за визит, в то время как я отказался от таких денег ради освящения Имени Всевышнего?» Владелец попытался объяснить причину, но доктор ушел в большом гневе. В конце концов владелец признал свою ошибку, извинился перед Либерманом, и они снова остались лучшими друзьями.

Благодаря своей работе в движении «Хибат Цион» доктор Либерман пришел к тесному контакту с доктором Карлештоком. Помимо дружеских связей, доктор Карлешток также глубоко интересовался медициной. Доктор Карлешток тоже был заинтересован в философском аспекте религии, и это объединяло их духовно. Важное место в движении «Хибат Цион» тогда занял вопрос еврейского образования. Еще задолго до этого они оказали влияние на меламедов и глав иешив, чтобы те ввели умеренные реформы в метод обучения. Это давалось нелегко, приходилось созывать собрания и пытаться воздействовать на меламедов, которые держались мнения, что «всякое новшество запрещено Торой». Только после того, как доктор Карлешток указал на тяжелое социальное положение меламедов, которое делало их в глазах противников бездельниками, меламеды согласились, что действительно нужно что-то делать для улучшения ситуации.

Практическую работу по привлечению членов в движение вел Вольфсон, уполномоченный Одесского комитета. На этом поприще он совершил большие дела, равно как и Ицхак Нисенбаум, секретарь р. Шмуэля Могилевера, которого особо хвалили в «Гамелиц». При этом Витебск был одним из самых активных городов в движении.

В то время революционные движения начали конкурировать с «Хибат Цион». С точки зрения общего интернационального подхода они принялись бороться с национальным движением, которое базировалось на отрицании изгнания (галута). Разгорелись жаркие дебаты, и порой дело шло еще дальше... Националисты пытались воздействовать моральной силой под лозунгом «Голос Иакова», в то время как противоположная сторона не останавливалась перед силой «рук Исава». В этой работе отличились Яков Сапир и Яхнин. Они получали существенную помощь от молодежи, которая выступала в синагогах под руководством двух преданных делу лидеров — доктора Либермана и доктора Карлештока. Среди этой молодежи стоит

упомянуть их соратников: Шломо-Элиэзера Рива, Менделя Горовица (позже преподавателя в гимназии Кагана в Вильне) и других.

Темп работы несколько замедлился из-за новостей о кризисе в Эрец-Исраэль. Также критика Ахад-ха-Ама немного охладила энтузиазм. Доктор Либерман сильно считался с его мнением, хотя и не был согласен с его религиозным подходом.

В этот период атмосфера оживилась благодаря появлению Герцеля и его книги «Еврейское государство». Националисты в Витебске были сразу же увлечены этой книгой. Противники же видели в этом проявление нового «лжемессиянства» в духе Шабтая Цви. Новости о созыве конгресса взбудоражили умы, и люди с огромным нетерпением ждали открытия. Перед выборами на конгресс накал страстей достиг пика. Когда люди услышали речь Герцеля на Базельском конгрессе, они остались под глубоким впечатлением от его слов. Даже самые экстремально религиозные евреи признали: «Это пророческий знак, призыв к спасению!»

Делегатом от Витебска на конгресс был выбран Эммануэль Соловейчик, который к тому времени уже переехал в Бобруйск. Поскольку он не был искушенным оратором, он представил отчет лишь в узком кругу активистов. Массы получали информацию в основном из циркуляров. В это время в Витебск прибыли доктор Коэн-Бернштейн из Кишинева. Была объявлена кампания по продаже шекелей, и это вовлекло широкие массы в движение. Руководство этой кампанией взял на себя доктор Адлер, внук р. Исраэля Салантера, который гостил тогда в городе. В первый же год в Витебске было продано 1000 шекелей.

Началась подготовка ко Второму конгрессу. Культурная работа заметно укрепилась. Появились новые модернизированные хедеры («хедерим метуканим»), началось активное использование иврита на публичных мероприятиях и выступлениях. Делегатом на этот конгресс был избран Шимон Великаковский. В тот год сионистское движение в Витебске понесло тяжелую утрату — доктор Карлешток скончался от сыпного тифа, которым заразился от одного из пациентов. В газете «Гамелиц» р. Ицхак Нисенбаум опубликовал некролог, где упомянул, что покойный разработал целый план мелиорации земель в Эрец-Исраэль.

После Второго конгресса в Витебске началась кампания по продаже акций Еврейского колониального банка. Основной капитал банка должен был составить двадцать миллионов рублей. В праздник Суккот было созвано большое собрание в одной из крупнейших синагог. Люди стояли буквально на головах. Прямо на месте было раскуплено 300 акций. Был создан специальный комитет по реализации акций, который разделил город на районы и составил списки жителей. Повсюду эта кампания встречала горячий прием. Рассказывали о случае, когда г-н Великаковский, руководитель этой работы, пришел в летний полдень к одному богачу, бывшему противником сионизма, который наотрез отказывался покупать акции. Между ними разгорелась острая дискуссия, и от сильного волнения у богача случился обморок. В итоге тот самый богач всё же купил десять акций. Но сын этого человека был настолько потрясен самоотверженностью Великаковского, что сам стал активным сионистом.

В ту зиму в Витебск приехал рав Мелмед, руководитель движения в Двинске и уполномоченный Центрального сионистского комитета. Он выступил на массовом собрании в Большой Заручейской синагоге с речью о сионизме. После выступления сионистские активисты вместе с писателем Яковом Рабиновичем (который тогда был учителем в Витебске) собрались у него в гостиничном номере и просидели допоздна за бокалом вина «Кармель» — единственного тогда доступного продукта из Эрец-Исраэль, беседуя о сионистских делах.

В тот год произошло много событий на сионистском и литературном поприще. Модернизированный хедер Меира Магаргаза добился больших успехов. Среди других учителей иврита выделились Мандельштам и Кейлин. Все они были глубоко преданными сионистской идее людям.

Перед Третьим сионистским конгрессом в Витебске прошли выборы. Делегатом был избран доктор Либерман. В это время в городе вспыхнули сильные волнения из-за выступления раввинов Акивы Рабиновича и р. Л. Чирлина против конгресса. Они начали резкую агитацию против официального сионизма. Когда доктор Либерман вернулся с конгресса, он представил отчет, в котором с огромным воодушевлением говорил о Герцеле. В полупраздничные дни праздника Суккот (Холь ха-Моэд) он выступил с отчетом на массовом собрании в синагоге «Латышский молитвенный дом».

Тогда же в Витебск ради сионистской пропаганды прибыл сионистский оратор рав Хаим Дискин. Вслед за отчетом доктора Либермана в Латышской синагоге на биму поднялся рав Дискин и произнес пламенную речь. В этой речи он выразил свои мысли в виде аллегории, связав их с изречением мудрецов о стихе: «Ибо сияли лучи кожи лица Моисея». Сразу после того, как он закончил, на биму поднялся доктор Либерман и резко опротестовал его слова, добавив, что совершенно ясно, почему религиозные круги борются против сионизма — потому что сионистские ораторы своими неуместными речами искажают идеи движения. Он призвал присутствующих на следующее утро прийти на собрание, организованное в честь визита рава Дискина, где пообещал доказать свою правоту. Этот шаг вызвал огромное волнение среди общественности, главным образом из-за молодежи, которая усмотрела в его выступлении прямое оскорбление почетного гостя. Утром к автору этих строк пришли несколько сионистов, бывших друзьями доктора Либермана и имевших на него большое влияние. Они попросили меня уговорить доктора Либермана не приходить на собрание, чтобы избежать неприятных инцидентов. Автор этих строк выполнил свою миссию и попытался объяснить с Либерманом, сказав, что это, по всей видимости, простое недоразумение — рав не имел в виду ничего плохого. Доктор Либерман ответил, что считает своим священным долгом прояснить этот вопрос. Он действительно пришел на собрание, которое проходило в Большой Любавичской синагоге, и с большой резкостью подчеркнул перед общественностью необходимость корректности со стороны ораторов.

Это событие настолько повлияло на доктора Либермана, что он начал сомневаться, имеет ли он право оставаться в сионистской организации. К тому же рана от полемики еще не полностью затянулась, чему виной послужил циркуляр доктора Коэна-Бернштейна по «культурному вопросу». Помимо этого, приходили печальные известия из Эрец-Исраэль касательно религиозной жизни молодежи. Доктор Либерман вышел

из сионистской организации. Многие противники использовали этот случай для антисионистской пропаганды, ведь авторитет доктора Либермана в религиозных кругах был огромен. Многие из религиозных сионистов, тем не менее, сохранили свои дружеские отношения с ним в надежде, что он еще вернется в движение, хотя он уже начал писать статьи в журнал «Ха-Пелес». Его преданность делу привела к тому, что он даже выступил против доктора Брука как кандидата на пост казенного раввина Витебска. Позже доктор Либерман вернулся в сионистское движение.

На Третьем сионистском конгрессе в 1899 году доктор Брук был избран уполномоченным по России, и в зону его ответственности вошли Минская, Витебская и Могилевская губернии. Той зимой он впервые приехал к нам с официальным визитом. Он остановился у своих родственников, семьи Тренин. Там он встретился с активистами сионизма города. Он произвел удивительное впечатление на всех собравшихся. Он говорил с огромным воодушевлением о Герцеле и проявил себя как преданный ученик лидера. Он потребовал настойчивости от людей в движении и настаивал, чтобы каждый взял на себя конкретные задачи, которые будут ему поручены. Во время этого визита он также встретился с сионистской интеллигенцией в доме г-на Горовица, где состоялась политическая дискуссия.

В то же время в городе был поднят вопрос об избрании казенного раввина. Разумеется, лучшего кандидата, чем доктор Брук, быть не могло. С одной стороны, это сулило большие выгоды. По этому поводу автор этих строк вспоминает определение одного проповедника (маггида), которое тот дал во время обсуждения кандидатуры: когда у Любавичского Ребе (Мителер Ребе) спросили, какими качествами должен обладать раввин, он ответил, что для блага движения нужно брать человека с дорогой душой, который не будет мелочным. Доктор Брук был избран на эту должность. Когда он занял свой пост, его первым официальным шагом стал визит к губернатору Арцимовичу. Губернатор принял его очень дружелюбно, и у них состоялась долгая беседа. Губернатор сказал: «Я очень рад, что еврейская интеллигенция встала на службу своему народу. Разумеется, евреи не должны вмешиваться ни в какие чужие дела...» Доктор Брук ответил ему: «Да, Ваше Превосходительство, это означает служить своему народу, а не властвовать над ним».

Эта беседа быстро распространилась по городу, и все прониклись чувством, что во главе еврейской общины теперь стоит человек с гордо поднятой головой, который знает, как защитить достоинство своего народа. Во время визита губернатор произвел на него хорошее впечатление и дал разрешение на проведение публичных лекций по сионистским вопросам под полицейским надзором. Доктор Брук использовал эту возможность, и каждую субботу читал лекции в большом зале Крейцера. Вход в зал был только по билетам, и спрос на эти билеты был огромным.

В течение нескольких месяцев он подробно анализировал основы сионизма и еврейского национализма. Он вел острую полемику с ассимиляторами, которые атаковали сионизм в ряде статей. Оппоненты сионизма также приходили на эти лекции и принимали участие в дискуссиях.

По пятницам вечером у него дома всегда было открыто. Там собиралась сионистская молодежь, чтобы по diskutieren о сионизме. Среди них был целый ряд его родственников, таких как Цви Закгейм, его племянник Митлянский, сын шумяцкого раввина р. Хаим Шаверла, и Ашбел, брат известной семьи Ашбел в Эрец-Исраэль. Они работали в своем собственном стиле. Они основали организацию рабочих-сионистов в городе. Хотя их отношения с доктором Бруком оставались дружескими, их деятельность не всегда была ему по сердцу. Соглашаясь с идеями Герцеля, он считал, что в сионистском движении нет места для классовой борьбы, которая может расколоть наши силы и ослабить единство еврейского фронта. Он, однако, понимал, что приходится иметь дело с живыми людьми, с которыми нельзя во всем соглашаться. Таким образом, трения в общественной деятельности уменьшились, и даже «Бунд», который в то время сильно укрепился в Витебске, часто приходил к согласию и компромиссам с доктором Бруком. Многие из местных лидеров «Бунда» были его личными друзьями.

На выборах на Четвертый сионистский конгресс в Лондоне делегатом был избран один из активистов движения Бен-Цион Горовиц. Он был просвещенным человеком (маскилом) старой закалки, знатоком и ценителем еврейской литературы. Он служил агентом у одного из крупных землевладельцев, Техновицкого, который получил концессию на городское водоснабжение. Горовиц был управляющим по закупкам материалов и найму рабочих. Ему приходилось иметь дело со множеством людей из разных слоев, и он пытался вовлечь их всех в сионистское движение. Когда он вернулся с конгресса, он выступил с речью в Большой Заручейской синагоге.

Несмотря на острое соперничество со стороны «Бунда», сионизм развивался быстрыми темпами. В то же время значительно продвинулась и культурная работа. В то время город посетил р. Ицхак Брискер, который открыл модернизированный хедер («хедер метукан»), где все предметы, включая Гемару, преподавались по методу изучения иврита на иврите («иврит бе-иврит»). Этот хедер имел огромный успех в обществе. Эту систему переняли учителя Меламедзон, Цейтлин, Дер Блиндер (Шнеур), Цельникер, Иосиф Гуткинд, Блиндер и Касрилин. Они преуспели с этой системой.

Сионизм также проник в среду богатых купцов города. Его пропагандировали р. Яков Сапир, Исраэль Каценельсон и его жена Фрума Михля, которая прекрасно владела ивритом. Также к работе подключился крупный торговец Берковский, агент крупнейшей бельгийской фабрики в Лиозно. Он оказал влияние на многих купцов в этой отрасли, вовлекая их в движение.

Делегатом от Витебска на Пятый сионистский конгресс был доктор Брук. Когда он вернулся, он представил отчет и рассказал о решении созвать всероссийскую конференцию сионистов в Минске. В Витебске сразу же началась подготовка к этой конференции. В Витебске велось много споров по поводу получения разрешения от властей на проведение конференции в Минске. Часть людей смотрела на сионизм как на своего рода «громоотвод» против революционных идей. Другие же утверждали, что власти просто следят за движением и хотят держать его под контролем.

В то время в сионистской работе был очень активен Шалом-Ноах Галаскер, человек широких научных взглядов. Он был настолько предан этой работе, что не хотел тратить время ни на какую другую общественную деятельность и смотрел на нее как на конкурента сионизма. Еще один человек, который отдал всю свою жизнь этой идее, был Хаим-Биньямин Горовиц, сын раввина Горовица из первой части города. Он умер молодым, и движение глубоко скорбело об этой утрате. Также часовщик Шмуэль-Ноах Гилькин был таким человеком. Он был болезненным, постоянно страдал от астмы. Он работал тяжело и с трудом зарабатывал на хлеб. Но он был доволен малым и жил исключительно ради движения. Он также очень любил музыку и пытался основать хор в Заручейской синагоге. Ему посчастливилось посетить со своей семьей Эрец-Исраэль. Один из его сыновей — учитель Шлеги в Хайфе.

Также среди ремесленников было много преданных сионистов. Среди них стоит упомянуть семью Минкин, столяров, которые тяжело трудились и внесли большой вклад в сионистскую работу. Кондитер Цейтлин, в чьем подвале часто собирались сионисты и обсуждали проблемы движения. Он также подписывался на различные сионистские и ивритские газеты. И Элияху Берсудский, чье материальное положение было очень тяжелым, но он не искал личной выгоды от своей сионистской работы.

На Минской сионистской конференции вспыхнул конфликт между сторонниками Ахад-ха-Ама с одной стороны и приверженцами линии Герцеля и Нордау — с другой. Этот раскол нашел свой отклик и в Витебске. Хотя люди считали, что ни одно течение не может идти своим путем и не мешать другому, в рядах религиозных укоренилось подозрение, что невозможно примирить Ахад-ха-Ама с традицией. Правда, у нас в городе, под влиянием доктора Брука, этот конфликт был несколько сглажен.

Между тем стало известно о циркулярах Плеве, и стала ясна позиция государства по отношению к сионистскому движению. Этот указ тяжело лег на движение. Полиция начала с большим подозрением смотреть на активистов, так что им приходилось быть очень осторожными на собраниях и заседаниях. Даже доктор Брук попал под подозрение. В этом отношении ему очень помог Перльштейн, который имел связи с полицейскими чинами, и он предупреждал его, чтобы тот не попался...

Кишиневский погром сильно потряс весь еврейский мир, в том числе и в Витебске люди были ошеломлены этим известием. Предложение Бецалеля, чтобы сироты были перевезены в Эрец-Исраэль, встретило горячий отклик. Были созданы комитеты во всех городах для этой цели. В Витебске также начали собирать деньги. Известный кантор р. Лейб Шлосберг (Аникстер) предложил молиться в Шавуот бесплатно. Он потребовал, чтобы зал и все билеты были распроданы. Во время молитвы доктор Брук произнес пламенную речь, которая глубоко запала в умы и выразила скорбь всего народа. Один из слушателей, рабочий, бывший тогда коммунистом, позже — во время революции — сказал мне: «До сегодняшнего дня в моих ушах звучат слова доктора Брука, сказанные двадцать лет назад. Я помню, как он разрыдался, и когда он заплакал, этот плач открыл окна и разнесся по всему миру! Это вызвало трепет среди людей». Тогда была собрана большая сумма денег.

Это мероприятие было омрачено случаем осквернения праздника. Несколько увлеченных молодых людей продавали билеты в праздничный день. Автор этих строк

обратился к доктору Бруку и рассказал ему об этом. Он был сильно возмущен и извинился, заявив, что ничего об этом не знал.

В то лето сионистская деятельность была ограничена повседневной работой: помощью жертвам погромов, обустройством сирот и организацией самообороны. Бундисты также были инициаторами этой идеи, и в ней сионисты приняли большое участие.

Внезапно пришло известие, что Герцель едет в Петербург, чтобы встретиться с царем ради нашего дела. Эта поездка держалась в строжайшем секрете, так что даже уполномоченные сионистов не знали о ней заранее. Лишь доктор Каценельсон ехал вместе с Герцелем. Когда они проезжали через Двинск, и стало известно, что доктор Брук там, его попросили присоединиться к поездке в Петербург. Доктор Брук рассказал о том, что у Герцеля не было твердого мнения о российских сионистах до этой поездки. Он пытался понять российских сионистов, расспрашивая о том, дадут ли они ему мандат действовать от имени движения, если противники сионизма заявят, что они выступают против движения, и готов ли он бороться против любой оппозиции. Герцель дал ему понять, что он не ищет легких путей. Когда Герцель вернулся из Петербурга, доктор Брук сопровождал его до Двинска.

После визита Герцеля в Россию распространились слухи, что Герцель везет предложение от одной из великих держав, которое принесет колоссальные перемены в ход еврейской истории и особенно сионизма. Пока же это оставалось тайной, которую должны были раскрыть только на сионистском конгрессе. Этой тайной оказался план Уганды, предложенный на Шестом конгрессе.

Когда доктор Брук вернулся с конгресса, мы заметили, что глубоко в сердце он склонялся к идее Уганды. Его поддерживал в этом рав Я. Рейнес, бывший одним из главных сторонников этого предложения. Но в городе у них нашлось очень мало приверженцев этой идеи.

Внезапно пришло горькое известие о смерти Герцеля. Глубокий траур охватил весь город. Доктор Брук поехал на похороны. Когда он вернулся, он произнес траурную речь памяти Герцеля в большой синагоге «Захария». Хотя траурные речи были официально запрещены властями, на собрание пришли тысячи людей. Полиция узнала об этом и пришла расследовать дело, но когда доктор Брук поднялся на биму, они тихо удалились. Доктор Брук произнес тогда блестящую речь, темой которой были слова: «Но мы виновны...» — виновны в том, что не ценили этого великого человека при его жизни должным образом.

После смерти Герцеля многие сионисты, включая лидеров, пребывали в растерянности. Такой преданный ученик и друг, каким был доктор Брук, признавался в интимной беседе: «Со дня смерти Герцеля я перестал слышать шум крыльев ангелов, которые парили вокруг нас, и я чувствую, как нам не хватает личности Герцеля». Через год он произнес речь на годовщину его смерти в большой синагоге «Захария», выбрав эпиграфом слова: «Вижу его, но не ныне, зрю его, но не близко» — я вижу его сейчас, но не рядом с нами.

В то время разразилась Русско-японская война. Антисемитизм усилился. В городе был расквартирован полк донских казаков. Они постоянно искали повод напасть на евреев. Сионистская работа немного ослабла из-за сильной агитации со стороны «Бунда». Многие учителя из школ перешли в бундистское движение. Еврейское рабочее движение шло с ножом в спине нашей культурной работы, которая еще не успела укорениться как следует. Даже доктор Брук стал немного апатичен в своей культурной деятельности. Он проявлял терпимость к еврейскому рабочему движению и участвовал в организации клуба, где бундисты были самой живой силой. Он был убежден, что через народный язык (идиш) еврейские массы в конце концов придут к сионизму.

После поражений, которые потерпели русские войска на фронте, царь решил объявить амнистию в городах России, чтобы успокоить народ. Примерно в то же время в Витебск прибыли представители еврейских общин для организации приема царя. Было решено преподнести ему подарок — свиток Торы в ковчеге (Арон ха-Кодеш), сделанном из серебра и покрытом золотом. Этот ковчег был заказан у известного золотых дел мастера в Вильне. Ковчег обошелся в 1300 рублей. На нем также были написаны золотыми буквами слова: «Подарок от еврейской общины Витебска». Свиток Торы был написан на оленьей коже, также очень красиво сделанной. Представители общины вместе с доктором Бруком передали свиток Торы царю. Свиток Торы царь принял, но, поскольку российские монархи не принимали подарков из золота или серебра, ковчег Бруку вернули. В те дни на встрече автор этих строк спросил доктора Брука: «Стоило ли прилагать усилия, чтобы встречаться лицом к лицу с врагом нашего народа, который является причиной всех бедствий для нашего народа, и стоило ли протягивать ему руку и приветствовать его?» Разумеется, левые движения в целом и в городе в частности также напали на Витебск за то, что представители общин проявили такое унижительное смирение и целовали ноги тем, кто их топчет.

Затем наступил 1905 год. Он принес потрясения для всей страны. 15 октября, в самый разгар дня, пуля сразила офицера жандармерии, и он был убит. Полиция заподозрила евреев, и это послужило сигналом: «Бей жидов, спасай Россию». Через два дня после этого пришло известие о новой конституции. Хорошие новости были переданы редактором официальной газеты в Витебске с балкона редакции. Собралась большая толпа людей, которая встретила это известие с радостными криками. Внезапно появились казаки, которые принялись разгонять толпу и безжалостно избивать людей. Семь человек были убиты на месте, среди них один старик, точильщик ножей, у которого была лавка в городе. На следующее утро погибших хоронили на старом кладбище в Заручье. В похоронах приняли участие десятки тысяч человек.

В рамках подготовки к выборам в Государственную думу в провинции начали выходить новые газеты. В Витебске начали издавать газету на русском языке «Витебский голос», редактором которой был доктор Брук, а спонсором — известный богач Лейб Гуревич. Газета была основана на средства Гуревича. Вокруг нее развернулась острая борьба между сионистами и бундистами. Сионистская сторона выдвинула кандидатом доктора Брука в Первую думу, и он был избран. В том же списке был избран Алексей Волкович, кадет, либерал, который имел позитивное отношение к евреям.

Для нас, витебских сионистов, было большой неожиданностью услышать, что в Думе существовали разногласия между доктором Бруком и другими сионистскими депутатами. Другие сионистские депутаты хотели создать отдельную еврейскую фракцию, которая бы представляла исключительно еврейские интересы и не была связана ни с какой другой партией. Доктор Брук был против отдельной фракции. Было ли это продиктовано его сионистскими взглядами или желанием сотрудничать со всеми «прогрессивными силами»? В общем, многие удивлялись: где же здесь дисциплина и принципиальность?

Как известно, Выборгское воззвание положило конец Первой думе. Все еврейские депутаты подписали Выборгскую декларацию, включая доктора Брука. За это они получили по три месяца тюрьмы. Доктор Брук к тому же потерял право быть казенным раввином. Это стало для него тяжелым ударом. Кроме того, его материальное положение ухудшилось. От своей общественной деятельности он не имел ни гроша выгоды. Медицинскую практику он оставил. Он отказался от доходов со своего наследства, которое его отец оставил ему, решив посвятить себя исключительно этой сфере. Он уехал в Петербург и начал работать в клинике профессора Вредена.

В то время у нас укрепилась еврейская социалистическая рабочая партия (СЕРП) под руководством Иегуды Новоковского и Исраэля Ефройкина. СЕРП вела острую борьбу против «Бунда». На выборах во Вторую думу у нас в городе уже не было прежнего энтузиазма. Обсуждали кандидатуру доктора Хаима Житловского. С этой целью он приехал в город и принял участие в тайных собраниях.

Сионистская деятельность в то время сосредоточилась на «культуре» и просветительской работе. Были приглашены лекторы, которые просвещали публику по коренным проблемам сионизма и национализма. Жаботинский прочитал две лекции — о еврейском университете и о еврейском языке. Лекции он читал в городском театре. Его выступления произвели впечатление не только на сионистов, но даже на их противников. После лекций был устроен прием в доме доктора Брука. Трудно было поверить, что этот молчаливый человек, из которого в обычное время трудно было вытянуть слово, был тем самым человеком, который всего час назад говорил как пламенный оратор. Чуть позже он говорил слово за словом. Также доктор Иосиф Клаузнер говорил (на русском языке) о проблемах еврейской культуры. Зал, где он выступал, в Гражданском клубе, был переполнен, и публика восприняла его лекцию с большим воодушевлением.

Практическая сионистская работа заключалась в продаже шекелей, сборе денег для Керен Каемет и продаже акцизных марок для Палестинского общества в Эрец-Исраэль. Главную работу вели наши товарищи Ицхак Пеклер и Шмуэль Ратнер. Они организовали поездку по Эрец-Исраэль. В 1915 году Пеклер был арестован и сослан в Сибирь за сионистскую деятельность. После войны он поселился в Эрец-Исраэль.

Первая мировая война

В первой половине 1914 года работа шла регулярно. Даже после покушения в Сараеве на австрийского престолонаследника, когда ситуация обострилась, никто не хотел верить, что это приведет к кризису и войне. 16 (29) июля пришла телеграмма, что объявлена частичная мобилизация в ряде военных округов России. Даже тогда

люди не хотели верить, что Россия будет втянута в войну. В тот день к нам приехал рав Меир из Берлина. Группа сионистских активистов собралась в доме раввина Меламеда и выслушала доклад гостя о положении дел в сионизме. Разумеется, затронули и вопрос о возможной войне и её влиянии на еврейский народ и сионизм. Никто не ожидал, что через несколько часов будет объявлена мобилизация и в Виленском военном округе. Чудом берлинскому раввину удалось пересечь российскую границу.

В три часа ночи полиция пришла сообщить автору этих строк, что объявлена всеобщая мобилизация. Потребовали произвести расчеты с рабочими фабрики, которые должны были отправиться в армию. В полдень, когда я зашел в Общество взаимного кредита (банк), управляющий сказал мне, что пришла телеграмма о том, что Германия объявила нам войну. Это было накануне Девятого Ава.

Поговаривали, что война стала наказанием для нас за дело Бейлиса. Начало войны сразу же оказало тяжелое влияние на торговлю. Сама мобилизация лишила заработка десятки тысяч душ, которые остались без кормильца. Все банки временно приостановили выплаты. Разумеется, и частные заимодавцы перестали ссужать деньги, возник острый дефицит наличных денег, так что даже богатые фирмы начали задыхаться. В тот год государство начало строить в Витебске крупные здания, такие как Крестьянский поземельный банк и финансовое управление. На этих стройках было занято множество рабочих. Также фабрики стройматериалов были связаны с этими предприятиями. Как только разразилась война, работа сразу же прекратилась.

Денежный кризис становился все острее. Когда автор этих строк потребовал расчет у бельгийской фабрики в Лиозно, управляющий сообщил ему, что в кассе имеется всего 15 000 рублей, которые были специально ассигнованы на выплату заработной платы рабочим. Если в этой ситуации не произойдет никаких изменений, фабрику придется закрыть. Разразившаяся паника парализовала всю торговую жизнь. Государство вскоре приняло определенные меры и решило помочь развитию промышленности и строительных предприятий. Поступили правительственные телеграммы с распоряжением продолжить возведение государственных зданий, а банки получили инструкции возобновить выдачу кредитов в обычном режиме. За несколько недель экономическая жизнь вернулась в нормальное русло. Хотя наш город находился достаточно далеко от фронта, последствия войны все же сильно ощущались здесь. Было открыто множество военных госпиталей, куда привозили сотни раненых и искалеченных солдат с поля боя. Основной же удар пришелся на ужасающие сцены, разыгравшиеся после сокрушительного удара, который нанесла армия в Восточной Пруссии.

Экономическое положение улучшилось, но политическое положение в еврейском вопросе только ухудшилось. Еврейская пресса, лояльная властям, с началом войны прекратила всякую критику. Из-за огромного количества беженцев из приграничных городов и фронтовых зон начали высылать евреев в глубь России. Чуть позже стало известно о преследованиях евреев в пограничных и фронтовых районах. Так, стало известно о приказе главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и его адъютанта Янушкевича касательно так называемого «еврейского шпионажа». Из-за этого еврейские беженцы столкнулись с ложными обвинениями в шпионаже, что

привело к депортациям даже из тех мест, где эвакуация не была строго необходима по военным соображениям, и отношение к еврейскому населению было враждебным.

Первым, кто передал нам эти печальные известия, был раввин из Едвабне Ломжинской губернии, который прибыл в наш город как беженец. Через несколько дней начали поступать еще более тревожные новости из Петербурга, с которыми приехал тамошний активист. Далее передавали, что в Ковно «Комитет по защите прав еврейского народа» создал специальный комитет для оказания юридической помощи по обвинениям в шпионаже. Тем временем поступали сообщения, что смертные приговоры по этим ложным обвинениям уже приводятся в исполнение. В то же время встал вопрос об экономической реабилитации беженцев. По этому поводу существовали два разных мнения среди еврейских общественных деятелей: одни требовали максимальной помощи от государства и того, чтобы беженцев расселяли в глубь России. Это рассматривалось как надежда на будущее. Они полагали, что коль скоро беженцы уже обустроятся там, они там и останутся. Таким образом, черта оседлости в России откроется для евреев сама собой. С другой стороны, высказывались опасения, что не стоит полагаться на милость враждебного правительства, и мы должны сделать все возможное, чтобы помочь беженцам на месте, а не позволять расселять их по самой России.

В Витебске этот вопрос также встал на повестку дня. Сионисты придерживались мнения, что, помимо экономических потребностей беженцев, у них есть также религиозные, культурные и общественные нужды, и их нельзя оставлять без внимания — например, снабжение табаком для удовлетворения их бытовых привычек. Они считали, что для беженцев будет лучше оставаться в пределах черты оседлости. Оппоненты же поднимали вопрос: откуда возьмутся средства на это? На это сионисты ответили своим убедительным аргументом — они сами выступили с инициативой собрать значительные суммы, что произвело впечатление даже на оппонентов. Один из них признался: «Я вижу, что вы правы и что у вас есть чувство сострадания к людям, страдающим от гнета наших властей. Мы должны взять это бремя на себя».

Некоторые члены комитета согласились и заявили, что они не могут оставить на произвол судьбы несколько человек. Раз это дело только начинается, и кто знает, сколько еще беженцев прибудет, сионист ответил: «Мы требуем от вас лишь того, чтобы вы от имени комитета разрешили начать сбор денег в пользу школ. Мы начнем в бедных районах, и по результатам мы сможем принять решение на следующем заседании комитета».

Это предложение было принято. Мы разработали следующий план. Автор этих строк, а также р. Авраам Берлин, не будучи сионистом, а просто порядочным человеком, должны были прийти в субботу во время молитвы в две синагоги — в Песковатиках и на Слободке — и обратиться к молящимся. После чтения Торы мы поднялись на биму и говорили около десяти минут. Мы объяснили, что они первые, к кому мы обращаемся за помощью, и как евреи призываются помочь в этой катастрофе своим братьям в Польше и Литве. Это глубоко взволновало всех присутствующих; они проявили истинное еврейское милосердие. Это открыло сердца людей, и присутствующие начали жертвовать такие суммы, какие мы даже не ожидали получить

от бедных рабочих — от трех до пяти рублей. В двух синагогах было собрано 700 рублей.

Разумеется, это подействовало. На заседании комитета было единогласно решено начать масштабный и энергичный сбор средств, а также обратиться к местным властям за разрешением расселить определенные категории беженцев в самом городе. На том же заседании было принято и предложение, чтобы беженцы регистрировались в школах. Автор этих строк был против этого предложения. До тех пор пока не было принято решение принимать беженцев в домах, мы не имели права предпринимать столь радикальный шаг. Было решено расселять беженцев в частных квартирах.

Тем временем прибыли ужасные известия о том, что все евреи Ковенской губернии и Курляндии эвакуируются. Первые из этих эвакуированных прибыли к нам в субботу в шестнадцати вагонах. Активисты отправились встречать прибывших на вокзал. Мы узнали, что в течение шести часов они должны покинуть вагоны. У нас не было другого выбора, кроме как временно разместить беженцев в школах. Только староста одной синагоги отказался впустить беженцев. Он предложил закрыть синагогу и спрятаться. Когда мы прибыли туда, двери действительно оказались закрыты. Вместе с членом руководства комитета автор этих строк подошел к дверям, и, поскольку тот не обращал внимания на святость субботы, приказал взломать замок.

Число эвакуированных в городе росло быстрыми темпами. За короткое время прибыло уже 2 500 беженцев. Г-н Аменитов, активный член комитета, р. Авраам Берлин и я обратились к раввину Медалье, который также был в комитете, чтобы проконсультироваться о положении дел. Было решено пригласить около 60 богатейших и виднейших домовладельцев на заседание в дом раввина. В тот же день к трем часам дня пришли все приглашенные. Прямо на месте было собрано более 50 000 рублей, не считая обязательств по ежемесячным взносам.

Тогда же начали обустривать беженцев. Было открыто жилье в разных частях города, и там установили кухни для беженцев. В разных районах города открыли столовые. Для детей открыли специальные хедеры, а также открылась ешива под руководством раввина Рабиновича и при содействии известного активиста р. Ицхака Левина. Медицинскую помощь беженцы получали от доктора Иссерсона и доктора Либермана. В общем число беженцев достигло 4 000 человек, которых комитет содержал и обеспечивал. Кроме того, в городе обосновалось множество беженцев-евреев из других эвакуированных мест.

Экономическое положение в городе значительно улучшилось. Торговля пошла в рост. Было начато строительство множества государственных зданий, главным образом военных госпиталей, а также частных домов. Были также открыты новые фабрики и военные пекарни купцов. Беженцы вскоре нашли там работу и преуспели. Среди беженцев оказалось немало ученых людей, которые давали уроки в школах. Среди них стоит упомянуть г-на Фридмана из Сувалок (отца покойного д-ра Фридмана). Несколько раввинов, которые поселились в городе, получали финансовую поддержку. Комитет выделил для этой цели субсидию из фонда Яакова.

В целом Витебский комитет помощи отличался своей отличной работой. Председателем нашего комитета был доктор Иссерсон, а главным секретарем — Григорий Аронсон (племянник р. Мордехая бен Халлела ха-Козна), молодой, талантливый человек, редкий оратор и интеллигентный общественный деятель. Хотя он был социалистом и принадлежал к «Бунду», он тем не менее проявлял глубокое понимание еврейских национальных проблем. Разногласия в их взглядах по еврейским национальным вопросам ни в коей мере не мешали их совместной общественной работе. Аронсон отдавал много времени и энергии нашему комитету. Витебские евреи, и даже его идеологические противники, относились к нему с большим уважением. Наш комитет принес много пользы в своей обширной деятельности.

Летом 1915 года военная ситуация ухудшилась, и немцы начали продвигаться к Двинску. Комендантом района был назначен генерал Зильвов, а его штаб-квартира находилась в Витебске. У нас также начались наветы по поводу еврейского шпионажа. В конце июля ситуация стала еще хуже, когда военные власти начали принудительно сгонять население на окопные работы вокруг города. Гражданские власти должны были организовать рабочие бригады из гражданского населения. Они начали ловить людей на улицах. Хватали тех, кто попадался под руку. Были окружены кирпичные заводы, на которых работало около 400 человек, евреев и неевреев, и их забрали как рабочих на рытье окопов. «Облавы» эти вызвали панику среди населения. И мы обратились к властям с просьбой, чтобы гражданскому населению позволили самому организовать рабочую бригаду. В конце сентября полицмейстер передал, что поступил приказ направить на шесть недель 400 человек на рытье окопов. Это вызвало острый спор между сионистами и бундистами в комитете. Бундисты утверждали, что организация рабочих бригад пахнет старой системой «каперов» при тогдашнем «кагале». В итоге было решено составить обращение, и для этой цели был выбран «Миликер бейс-медреш» (Миликовская синагога), где молились ремесленники. Этот вопрос был изложен перед молящимися, и их ответ был положительным. Записались сотни человек.

Арест сионистов

В октябре 1915 года военные власти взяли под свой контроль все управление городом. Главнокомандующий назначил своего адъютанта Степанова ответственным за порядок в городе. Это был жесткий и безжалостный человек, который сразу же начал причинять большие неприятности. Стало известно, что он не принимает никаких подарков. Были выбраны три члена комитета беженцев — Аменитов, Берлин и Вольфсон, чтобы встретиться с ним. Понятно, что никто в городе не знал об этом визите. Вскоре в городе заметили перемены к лучшему. Прямые переговоры с ним вел г-н Аменитов.

В субботу в Хануку сионисты говорили в школах о положении беженцев и просили поддержки для них. В субботу ночью были проведены обыски в домах многих товарищей, и десять из них были арестованы. Мы сразу же обратились к Степанову. В присутствии г-на Аменитова Степанов позвонил ротмистру жандармерии Говоровичу и сказал ему: «Я слышал, что ночью произошли обыски, и мне не доложили об этом». Тот ответил, что «были арестованы сионисты». На это Степанов сказал: «Неужели

вам больше нечего делать? Я считаю, что эти люди не представляют никакой опасности для нас». И, повернувшись к Аменитову, он сказал: «Не беспокойтесь, я заинтересуюсь этим делом, и арестованные скоро будут освобождены».

Все вышло иначе. Арестованные содержались под стражей более двух месяцев. Степанов содержал их под стражей, чтобы доказать, что арестованных удерживают исключительно ради формальности, и вскоре их освободят. Случайно автору этих строк стало известно от сотрудника официальной газеты, что дело арестованных приняло плохой оборот: их собираются выслать в Сибирь. Мы узнали, что Степанов обманул нас. Как раз тогда д-р Брук, который был мобилизован в армию, находился в это время в городе. Мы встретились с ним на совещании в доме г-на Тобина. В совещании также участвовали д-р Адлер, раввин Медалье и Шмарьягу Меклер. Было решено отправить посланника к петербургским сионистам, чтобы те обратились через Протопопова к министру по внутренним делам. Тем временем четырех из арестованных — Берлина, Пеклера, Цепкина, Ривкина и слепого Шнеура — выслали. Остальных должны были освободить.

Автор этих строк обратился к раввину Меламеду, чтобы тот использовал свои личные связи с Зильвовым, с которым он встречался во время визита в синагогу, и попытался что-то сделать. Раввин Меламед согласился, но раввин Медалье потребовал, чтобы он сам принял участие в этой делегации к Зильвову. Однако нам так и не удалось получить аудиенцию у Зильвова до самого дня отъезда. Тогда было решено отправить посланника в Смоленск, чтобы тот попытался с помощью местных сионистов задержать арестованных в Смоленске, пока в Петербурге будут вестись хлопоты.

Направляясь на Смоленскую улицу, я увидел, что наши товарищи закованы в кандалы под конвоем. На санях везли слепого Шнеура, который с улыбкой смотрел во все стороны. Было решено отправить в Смоленск товарища Боруха Рая к Ривкину, который служил у г-на Шварца, известного общественного деятеля, чтобы с его помощью попытаться задержать арестованных в Смоленске.

Утром меня встречает полицейский чиновник и спрашивает: «Где ваши сионисты?» Я ответил: «Вы же знаете, что их угнали вчера вечером». На это он сказал: «Знайте, что поступил приказ от военного коменданта освободить их. Поспешите, чтобы их задержали в Смоленске». Я сразу же побежал домой, чтобы сообщить об этом. Вечером я отправился в Смоленск, встретил там Боруха Рая, и они сообщили мне добрую весть.

Ривкин был ученым человеком; он опубликовал исторический труд о евреях в России. Он также был преданным сионистом. Его работодатель, г-н Шварц, был злейшим противником сионизма. Он был крупным богачом, владельцем банка и фабрики.

Утром мы пришли в банк к г-ну Шварцу. Ривкин представил нас, и я рассказал ему обо всем, что произошло. В нашем присутствии он позвонил вице-губернатору, который управлял делами центральной тюрьмы. Мы получили разрешение встретиться с арестованными в тюрьме. Начальник тюрьмы встретил нас вежливо и провел в канцелярию, куда привели наших арестованных товарищей. Они были напуганы, так как думали, что нас тоже арестовали. Мы успокоили их и передали им радостную весть, но тут выяснилось, что витебский полицейский чиновник совершил ошибку:

приказ предписывал не освободить их, а разрешить им ехать до места ссылки за собственный счет в сопровождении жандармов.

Дело шпиона-сапожника Ефрема, ученика ешивы «Хафец Хаим»

Как-то раз, поздно вечером в субботу в месяце тевет 5676 (1916) года, ко мне пришел мой друг, раввин ашкеназской общины в Витебске р. Барух Рабинович, вместе со своим зятем р. Аароном Коэном. Они рассказали мне об аресте молодого человека из ешивы «Хафец Хаим» в Радине по обвинению в шпионаже. Его оговорил еврейский сапожник, который шил обувь для военных. Обвиняемым был пятнадцатилетний юноша по имени Ефрем, сын состоятельных родителей. Доносчик познакомился с этим юношей, когда тот искал квартиру, и подкинул ему папку с немецкими книгами и военными картами. Ночью местная полиция провела обыск и обнаружила эти подброшенные материалы. Юношу арестовали и отправили сначала в Ошмяны, а затем в Вильно, а оттуда куда-то в глубь России. Тем временем Хафец Хаим был вынужден перевести свою ешиву в Шумячи Могилевской губернии. Хафец Хаим не оставлял усилий, чтобы выяснить судьбу своего ученика. Выяснилось, что дело парня находится в Витебской центральной тюрьме. В связи с этим Хафец Хаим прислал в Витебск своего зятя и одного из старших учеников, Менделя Закса, чтобы организовать защиту. Было выяснено, что суд уже назначил для защиты на военном трибунале адвоката. Мы встретились с ним и убедились, что он честный человек и сочувствует евреям. Мы спросили его, нужно ли предпринять какие-то шаги, чтобы получить юридическую помощь от Еврейского комитета в Петербурге под руководством адвоката Грузенберга. Он заверил нас, что в этом нет необходимости.

После этого на серьезном совещании с Хафец Хаимом было решено, что он сам должен поехать в Петербург. Результаты этой встречи были весьма удовлетворительными. К процессу в Петербурге прислали русского адвоката для помощи в защите. Хафец Хаим, его семья и руководители ешивы были вызваны для дачи показаний. Хафец Хаим прибыл за неделю до начала процесса. Когда мы пришли навестить его через час после приезда, мы застали его углубленным в изучение Гемары. В субботу Хафец Хаим по просьбе габаев молился в Большой синагоге в Заручье.

Судебный процесс продолжался два дня. Приговор был суров: десять лет каторги. Хафец Хаим не был удивлен этим приговором. Он лишь сказал: «Кто знает, что может быть завтра? Через две недели в стране разразилась революция». Юридический совет в нашем городе принял решение освободить всех арестованных. Сотни арестованных вышли на улицы. Я вспомнил об этом «шпионе». Любавичские [хасиды] закричали: «Кто из вас Любавичский, ученик Хафец Хаима?» Из толпы вышел бледный юноша. Я взял его к себе на субботу, и сотни людей пришли поздравить его.

В период большевизма

В первые месяцы после (Октябрьской) революции у нас в городе новые веяния еще не ощущались столь сильно. Торговля и общественная жизнь пока шли по накатанной колее. Новая власть направила все свои силы на борьбу с врагом номер один — то есть с силами, которые хотели восстановить царизм. В то время они еще не начали

причинять вред еврейским партиям. Никаких ограничений со стороны большевиков пока не было. Каждый жил в безопасности, и никто не рисковал быть арестованным в любую минуту.

В то время сионисты основали организацию «Шиват Цион» с целью переселения в Эрец-Исраэль. Члены организации обязались выплатить в Центральное бюро по 3 000 рублей в течение пяти лет. Активное участие в этой организации приняли наши товарищи Мариангоф, Швелик, Бойм, Бейлин и другие. Вторая организация, «Шаарей Цион», была создана позднее. В ней активно действовали товарищи Галяркин, раввин Рабинович, Залман Якобсон, д-р Либерман, Ривлин и другие.

В июле 1918 года местная власть наложила на еврейское население налог (контрибуцию), который составил около семи миллионов рублей. Это была гигантская сумма, совершенно непосильная для жителей. На основании этого распоряжения был составлен список лиц, у которых должны были изъять эти деньги. Паника охватила всех, и люди начали бежать из города. Выяснилось, что председателем оценочной комиссии был латыш Борадзецкий. Мы обратились к нему за советом. Он согласился пересмотреть список и снизить налог, в результате чего сумма налога была уменьшена на сто тысяч рублей, снизившись до 25 000 рублей. На одном из наших заседаний еврейский коммунист Пикман напал на нас с ужасными угрозами. Понятно, что коммунисты не могли допустить, чтобы мы сидели за одним столом с их врагами.

После того как община была официально ликвидирована, мы постарались организовать комитет синагог в первом районе. Комитет открыл народную кухню в здании бывшей Талмуд-Торы под руководством г-на Залмана Якобсона. В 1920 году 3 000 человек пользовались услугами этой кухни. Мы также открыли классы для изучения иврита и Танаха в Любавичской синагоге. Средства для этого мы получали от частных лиц. Однажды мне передали сумму денег, которую внес молодой человек, ярый бундист, с замечанием: «Мне все равно, пусть евреи едят кошерное мясо» (Крылов был тогда председателем ЧК в Витебске). Через несколько дней этот молодой человек сам стал жертвой ЧК.

Как-то раз в субботу, в начале 1919 года, ко мне приходит раввин Меламед и передает, что в местной официальной газете появилось извещение о том, что представителей общины вызывают на заседание в Облисполком. Раввин Меламед, Галяркин и я отправились туда. Когда заседание началось нам зачитали циркуляр из центра, в котором говорилось о нехватке школьных зданий и предлагалось передать ряд синагог. Я ответил на это, что синагоги не подходят для этой цели, поскольку в городе много пустующих домов, которые можно было бы с небольшими затратами приспособить для этих нужд.

Позднее вышел приказ конфисковать серебряные и золотые предметы в церквях и синагогах. Ответственным за проведение конфискации, к сожалению, был назначен еврей. Когда солдаты окружили монастырь и хотели провести конфискацию, сбежались тысячи христиан и не пустили солдат в монастырь. Также часть чешского полка, который тогда стоял у нас в городе, встала на сторону верующих христиан. Большевики провели тогда совещание и решили отказаться от этого плана.

С того времени у нас возникли сильные антисемитские настроения. «Евреи, — говорили, — хотят закрыть церкви». Мы созвали заседание комитета синагог в Любавичской синагоге. Было принято решение выразить протест против этого осквернения святынь. Резолюция гласила примерно следующее: «Мы, евреи, которые всегда страдали от религиозных преследований, считаем своим долгом выразить протест против этих явлений». Эту резолюцию мы с разрешения военной цензуры отпечатали и распространили в тысячах экземпляров.

В тот год мы основали кооператив «Ахиэзер» в первом и третьем районах города. Мы начали заранее думать о маце на Песах. Было подано заявление на получение разрешения от властей, и мы начали закупать муку. Позже мы объявили, что в определенный день мука будет распределяться. Во время распределения внезапно ворвались солдаты с криками: «Мы покажем вам, что такое восстание!» Я обратился к командиру солдат: «Все, что мы делаем, делается с разрешения властей». Он приказал показать удостоверения личности. Не у всех из нас были карточки с собой. Их арестовали. У меня тоже не было такой карточки, и меня тоже арестовали. Я должен был передать деньги и счета Галяркину, у которого было удостоверение личности. В это время ко мне подошел солдат и потребовал выдать ему «царские пятирублевки», которых у меня вообще не было. Я отдал то, что у меня было. Вскоре подошел второй солдат и потребовал разменять сторублевую банкноту на 250 рублей. Я ответил ему, что у меня нет такой крупной суммы денег, чтобы выдать её. Тогда он указал на свой штык и сказал: «Этим штыком был убит не один еврей...»

Позже выяснилось, что это было недоразумение. Огромная толпа людей собралась у склада, и кто-то поднял крик, что нужно зайти внутрь склада. Тогда позвонили в Облисполком, а оттуда — в ЧК. По чистой случайности в городе в то время находилась анархистская бригада под руководством известного анархиста Антонова. В ЧК дали ему приказ навести порядок. Приблизительно 40 человек из нас увели и заключили под стражу. Позже это дело прояснилось, и нас освободили.

После того как у нас конфисковали сионистское помещение, мы получили разрешение перенести библиотеку в частный дом в Заручье. Вскоре Евсекция (еврейская секция при Коммунистической партии) изгнала нас и оттуда. Как-то раз нас попросили прийти в дом нашего товарища Мариагофа. Туда прибыли чиновники из Евсекции и потребовали, чтобы мы передали им все сионистские материалы, поскольку сионистская работа запрещена. Через несколько часов у наших товарищей начались обыски в домах. Обыск у меня дома продолжался четыре часа. Нашли английскую брошюру, которую привез мой сын, бывший в Германии, и забрали её. Они усмотрели в этом знак, что мы стоим в контакте с империалистической Англией. Через два дня, поздно вечером, меня вызвали в ЧК, которая тогда располагалась в гостинице «Савой». Туда уже были доставлены раввин Меламед, Галяркин, Бейлин, Меклер, Шломо Шапиро и Гися Либоркин. После допроса, который длился несколько дней, нас освободили.

В апреле 1920 года мы получили циркуляр от сионистского центра в Петербурге о том, что 20-го числа месяца состоится конференция. В то время было очень трудно получить разрешение на проезд по железной дороге. Поскольку я работал в государственном учреждении, мне было проще получить такое разрешение. Я был

выбран делегатом от организации «Шиват Цион». Вместе со мной поехал наш товарищ Мариагоф. На заседании присутствовало около 15 человек. К нам в комнату вошла девушка и приказала прекратить заседание. Тем временем прибыл военный отряд и окружил дом. Мы были очень напуганы. У многих делегатов была с собой переписка, которая могла нанести большой вред. Чудом удалось уничтожить эти бумаги в уборной. Товарищ Мариагоф успел спрятать финансовый отчет организации «Шиват Цион», который был у него с собой. Нас арестовали. Мы провели под арестом 48 дней, после чего нас освободили.

Накануне праздника Суккот к нам прибыл человек, который представился раввином. Он был прислан к нам, чтобы основать новую организацию «Сеутмас» — союз еврейских трудящихся масс. В Шмини Ацерет были расклеены объявления, что в Симхат Тору раввин Тверский, «зеленый раввин из Сеутмаса», будет выступать в Большой синагоге. В своей речи он принялся атаковать традиционных раввинов как мошенников. В синагоге в тот момент находился высокопоставленный еврейский офицер, который пришел прочитать Кадиш по своей матери. Услышав слова этого «раввина», он поднялся на биму и спросил у него, кто дал ему разрешение говорить подобные вещи. «Зеленый раввин» вынул бумагу с разрешением. Я спросил его: «Как вы взяли на себя право возрождать старые наветы врагов Сиона?»

Суд над хедером

В начале января 1921 года меня вызвал председатель «Комитета синагог» в бюро Евсекции (Еврейского комиссариата). Там меня принял заместитель руководителя Пикман, учитель, левый бундист. Он сообщил мне, что было принято решение устроить общественные дебаты о хедере. Я сказал ему, что не вижу никакой пользы от подобных дебатов. Ведь истинная цель таких дебатов — атака на еврейское образование. И к чему внезапно закрывать хедеры в этот момент? На заседании нашего комитета я представил отчет о беседе с Пикманом. Я был крайне удивлен, услышав, что другие придерживаются мнения, будто мы должны принять участие в этих общественных дебатах. «Если нет, — утверждали они, — это будет выглядеть со стороны нашего сообщества как капитуляция». Было решено, что со стороны комитета участие примут доктор Либерман, раввин Меламед, Закс и я. Мы уведомили Евсекцию о нашем участии в дебатах.

Через два дня по всему городу появились большие официальные афиши, извещавшие о публичном суде над хедером... Я сразу же выразил протест против изменения формата с дискуссии на суд. Тем не менее мы решили участвовать и в этом суде. Поскольку зал, в котором должен был проходить суд, был не слишком велик, а наплыв публики ожидался огромный, заседание суда перенесли на следующий день — на этот раз в Городской театр. Местная еврейская газета «Дер Штерн» («Звезда») тем временем почти не упоминала о предстоящем суде над хедером. Понятно, что они держали детали под завесой тайны.

Вечером, когда процесс должен был открыться, в театре выстроилась рота солдат с оружием. Тысячи людей заполнили зал. Председателем суда был Словин, адвокат и левый бундист. Судьями были: Качман, рабочий и левый бундист. Обвинителями выступили: Чемеринский, бывший учитель Талмуд-Торы, Левитман, поэт на идише и

бывший активный сионист, а к тому времени сотрудник Евсекции, и Красинский, левый бундист. В качестве эксперта был назначен Ратницкий, учитель в Талмуд-Торе, человек с сионистскими наклонностями, который позже стал членом коммунистической партии.

Слово получила представительница обвинения Фрума Кренцель, местная учительница в еврейской школе. Она рассказала, что комиссия Евсекции исследовала состояние хедеров и обнаружила, что они находятся в ужасном состоянии с педагогической, санитарной, кадровой и программной точек зрения. В конце она потребовала закрыть хедера и привлечь к ответственности всех тех, кто виновен в сохранении столь дикой системы образования.

После этого обвинительного акта вызвали свидетелей со стороны обвинения. Они рассказали, что сами учились в хедере и пережили там тяжелые вещи. Они рассказывали дикие небылицы. Одним из свидетелей был высокопоставленный чиновник милиции. Он возвел напраслину на раввина в своем навете, что вызвало возмущение. На вопрос со стороны защиты: «Имеет ли хедер право на существование?» — он ответил: «Я не вынес из хедера никакого положительного слова». Из аудитории поднялась женщина: «Г-н Ривкин, из того хедера, в котором вы учились тогда, вы, конечно, вынесли много хорошего!» Эти слова вызвали в зале бурные аплодисменты.

Затем вызвали свидетелей со стороны защиты. Защита протестовала, указывая, что свидетели не были подготовлены и это ничего не даст против обвинения. Если суд вызовет свидетелей со стороны идишской общественности, это будет справедливо. На биму поднялся некто Мильштейн и рассказал, что он учился в хедере с 5 до 11 лет и хедер прославляет человека. Защита хотела знать, является ли он пролетарским свидетелем, на что тот ответил, что он чистокровный пролетарий, и никто не может не поверить его словам.

Вслед за свидетелями начались обвинительные речи. Было предложено не давать одному из обвинителей, Марисину, договорить его речь, поскольку время истекало. Защита выразила протест, заявив, что это противоречит принятой процедуре. Председатель суда ответил, что суд не связан никакими процедурными правилами старых судов. Марисин все же произнес свою обвинительную речь.

Затем продолжили вызывать свидетелей. На трибуну поднялся портной, сын портного, по имени Минц. До 12 лет он учился в хедере и был вполне доволен обучением. Сторона обвинения и эксперт принялись задавать ему различные вопросы — например, о законах про «красную корову» (Пара Адума) и другие сложные вещи. Он ответил на все с легкостью. Когда его спросили, почему он пошел работать подмастерьем, свидетель ответил, что даже на казенных фабриках люди работают ради этой заповеди (труда). Обвинение продолжило задавать каверзные вопросы — например, о китайцах. Это были странные вопросы, не имевшие никакого отношения к хедеру, а их целью было просто запутать свидетеля.

Затем выступил эксперт Ратницкий. В длинной речи он обрушился на меламедов и на сам хедер, обвиняя их в том, что в них воспитывают эгоизм. При этом он ссылаясь на Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема, которые критиковали хедер. Он даже

процитировал р. Эфраима Лунчица и его книгу «Амудей Шеш», находя в ней критику современной системы еврейского образования. На вопрос со стороны защиты, кем был р. Эфраим Лунчиц и какие еще книги он написал, этот эксперт начал уходить от темы и не дал четкого ответа. Защита разъяснила публике, что р. Эфраим Лунчиц является автором «Олелот Эфраим» и других трудов, которые, несомненно, знакомы многим. Далее защита сказала ему: «Вы, наверное, знаете, что ваши аргументы вовсе не новы. Это уже высказывалось просветителями, которые говорили Б-гу: "Отвернись от нас, мы не желаем знать Твоих путей". Знаете ли вы, чьи это были слова?» Здесь он попытался выкрутиться, но кто-то из аудитории выкрикнул: «Если вы действительно специалист и знаток Танаха, вы должны дать четкий ответ!» Публика громко зааплодировала.

В конце заседания председатель объявил, что следующее заседание состоится завтра, то есть в пятницу вечером. Защита заявила, что считает это оскорблением субботы и не примет участия в заседании. Председатель уступил, и заседание перенесли на вечер исхода субботы (субботу вечером).

В последующих заседаниях в качестве свидетелей защиты приняли участие д-р Неулин, врач, и г-н Зив, учитель в реальном училище. Они затронули исключительно научные аспекты вопроса, а не религиозные. Д-р Неулин говорил о хедере с гигиенической точки зрения, а г-н Зив — с педагогической. Д-р Неулин попутно признал, что многие негативные аспекты хедера были неизбежны в условиях гетто.

Эксперт со стороны защиты, раввин Меламед, направил дискуссию в правильное русло. В течение более чем часа он излагал историю хедера и еврейского образования. Он закончил свою речь предложением создать авторитетную комиссию для рассмотрения этого дела. Ему тут же начали задавать каверзные вопросы. Среди них был вопрос: действительно ли Тора вечна?

Идишская газета «Дер Штерн», которая каждый день публиковала полный отчет о ходе процесса, сделала вывод, что раввин Меламед не знал, что ответить на этот вопрос, хотя он и дал абсолютно позитивный ответ.

Перед последним заседанием к нам обратился раввин Медалье. Он заявил, что хочет участвовать в защите на последнем заседании. Это заседание было полностью посвящено речам со стороны обвинения и защиты. Со стороны обвинения выступили Чемеринский и Красинский, а со стороны защиты — Закс, раввин Медалье и Вольфсон. Обвинение сделало все, чтобы очернить хедер и выставить его на позор. Каждый выступающий сокрушался о бедности, которая была в хедере. Защитник Закс признал, что за долгие годы он и сам боролся с негативными аспектами хедера. Но это вовсе не означает, что нужно выплескивать ребенка вместе с водой. Раввин Медалье говорил со слезами на глазах. Он сказал: «Здесь был поставлен вопрос: вечна ли Тора? И я говорю вам: да, Тора вечна». Трижды зал прерывал его аплодисментами, и огромная часть публики повторяла вслед за ним: «Да, Тора вечна».

Последний оратор со стороны обвинения, Красинский, попытался внести новую струю в дискуссию. Он поставил хедер на одну доску с революцией. Он утверждал, что в то время как революция стремится к глубоким переменам, хедер, по сути, замораживает

те самые аспекты, которые позже превратились в обузу, мешающую нести свитки Торы к царю.

От лица защиты последнее слово взял я. Я указал на то, что в еврейской традиции хедеры и меламеды всегда были оплотом и хранителями города (Шомрей ха-Ир). Хедер не только не ослабил умственные способности детей, но, напротив, развил и обострил их. Из хедера вышли гении и мудрецы; он также очистил и укрепил их моральные качества. Доказательством служит то, что еврейская семейная жизнь всегда вызывала восхищение во всем мире. Число преступников среди евреев всегда было ничтожным. Более того, хедер подарил миру практичных людей: Бродский, Поляков — все они вышли из хедера. Не случайно народная легенда рассказывает, что сам Бааль-Шем-Тов раскрыл свою святость, будучи помощником меламеда (бейт-мидгаршем).

А теперь я хочу рассказать кое-что из моего собственного опыта работы в хедере: я родился и вырос в маленьком городке Лиозно. Там было четырнадцать хедеров и меламедов. И я могу сказать на основании моих верных воспоминаний, что все они были людьми Торы и высоких моральных качеств. Среди них всех был только один меламед, у которого не было доброго имени и который был строгим человеком. Он не жалел плетки, и ему отдавали только самых несносных сорванцов, с которыми родители не могли совладать. Публика в зале смотрела на меня в оба глаза. Один старый хасид рассказал, что однажды он увидел, как меламед бьет мальчика, и укорил его: «Как ты можешь так поступать? Разве нееврей бьет еврея?»

Однажды ко мне пришел бедный человек и попросил дать ему работу. Он оставил жену и ребенка и должен был скитаться в поисках заработка. Когда он скопил немного денег, он вернулся домой и прислал мне письмо. В нем он выражал признательность, приложив расчет, сколько он потратил на деньги, три рубля из которых он заплатил меламеду. Когда этот человек услышал приговор, его лицо просияло, и он воскликнул: «Хорошо, хорошо! Значит, этот еврей тоже видит плод хедера».

Председатель Словин подвел итог всему процессу. Судьи удалились на отдельное совещание, чтобы вынести вердикт. Вердикт, как и ожидалось, уже был напечатан в книге «Суд над хедером». В том же году коммунисты начали закрывать хедеры и преследовать меламедов, накладывая на них тяжелые штрафы. Одного меламеда судья спросил: «Правда ли, что вы учили этих детей?» Тот ответил: «Не только учил, но и сейчас учу, и дальше буду учить».

Конфискация синагог

В месяце адар, вскоре после Пурима, меня вызвали в бюро Евсекции. Товарищ Абрам принял меня в присутствии милиционеров и зачитал мне решение Облисполкома о конфискации синагогального двора со всеми зданиями. Нам дали два дня на то, чтобы вынести свитки Торы и другие предметы культа. Мы немедленно созвали заседание нашего комитета синагог. Было решено отправить делегацию из шести человек в Облисполком. В эту делегацию вошел и я. Нас принял бундист Будницкий, который обычно приходил в нашу синагогу. Помимо него, в заседании участвовали Ривлин, Закс, Якобсон, Минц и Вольфсон. На следующее утро мы прибыли в назначенный час в бюро начальника Облисполкома. Он встретил нас с высокомерным видом, заявив,

что не может пересматривать дела, которые уже решены. Мы ответили ему, что мы все являемся членами профессионального союза и имеем право требовать, чтобы это решение не проводилось в жизнь без директивы из центральных органов власти. Он приказал своему секретарю созвать заседание на три часа дня.

Заседание состоялось под председательством Вариксона. Я получил слово и заявил, что этот шаг жестоко ранит религиозные чувства евреев. Кроме того, этот шаг является проявлением дискриминации по отношению к евреям. После меня выступил бундист, который поддержал мои слова. Председатель Облисполкома, Вариксон, грубо прервал его речь и сказал: «Вы вмешиваетесь тоже в религиозные дела? Ладно, старые люди еще могут не понимать, но от ваших слов веет контрреволюцией. С вами я буду разговаривать в другом месте».

Чуть позже нам дали понять, что первое решение остается в силе. Мы решили созвать в синагоге собрание, чтобы объявить публике о результатах. Тем временем рабочие из Окружного профсоюзного бюро (ВЦСПС) и Высшего революционного трибунала под руководством Карсакова заявили, что это решение незаконно. В синагоге в тот вечер собралось много молодых людей, и я решил остаться там до утра. После молитвы раввин Рабинович поднялся на биму и с горьким плачем начал читать главу из Псалмов: «Боже, язычники пришли в наследие Твое...» В этот момент в синагогу ворвались вооруженные солдаты и начали силой вытеснять людей из здания. Я выскочил через окно и сразу же направился в бюро Облисполкома к председателю Карсакову. Он принял меня вежливо. Он тут же связался по телефону с юридическим консультантом, адвокатом Черномордиком (евреем, чей отец когда-то был близко знаком со мной и даже присутствовал на свадьбе одного из моих родственников), и попросил его созвать экстренное заседание в тот же день после полудня. На заседании Карсаков заявил: «Я сделаю все, что в моих силах, но это вряд ли возможно».

Активисты Евсекции потребовали ключи от синагоги и предложили нам добровольно передать здание. Мы отвергли это предложение, чтобы не давать коммунистам повода говорить, будто мы «капитулировали». Вопрос о конфискации синагог стоял на повестке дня на многих заседаниях рабочих, и они требовали отменить этот указ.

В четверг, идя по улице, я увидел в газете «Дер Штерн», которая вывешивалась на стенах (из-за нехватки бумаги газеты вывешивались на стенах), большую статью о том, что контрреволюционная пропаганда ведется вокруг синагог. В этой статье меня уже выставили контрреволюционером. Я решил пойти на риск и обратиться к председателю ЧК по этому делу. Я сказал ему: «Вы, наверное, уже читали статью в газетке о конфискации синагог и этот навет, будто Евсекция готова поднять бунт против советской власти из-за нападок на меня. Поэтому я пришел, чтобы вы оградите меня от политических обвинений. Ведь я — активист сионистского движения. Из-за этого меня уже несколько раз арестовывали, но никогда не находили причин обвинить в контрреволюции против государства. В деле конфискации синагог мы боремся против Евсекции, которая нарушает городские законы и общие постановления. Мы требуем, чтобы ничего не предпринималось, пока не поступит директива из центрального правительства». Он ответил: «Хорошо, что вы пришли ко мне до того, как мне пришлось вас вызывать». Он спросил меня: «Знаете ли вы

доктора Ш. — одного из лидеров сионистов в Ковно?» Когда я ответил, что не знаю его лично, он сказал: «Он мой брат». Перед уходом он добавил: «Я должен вас предостеречь против ведения пропаганды среди масс. Помните, с революцией шутики не шутят. Для вашего личного блага я хочу сделать вам подарок». Он достал пакет с газетой «Га-Цефира» и сказал: «Садитесь за стол и читайте».

Вечером мы услышали о решении Облисполкома обратиться в ЧК с просьбой прислать нам официальную копию постановления. К утру мы получили эту копию. Тем временем разнесся слух, что Евсекция решила продолжить свои действия, несмотря на протесты. Я направился в Облисполком, чтобы выяснить суть дела. Вдруг мне говорят, что площадь перед нашей синагогой окружена кавалерией. Я сразу же поспешил туда. Из здания Евсекции вышли около пятнадцати членов руководства во главе с Коэном. Когда они подошли ко мне, я сказал им: «Обернитесь, дети Амона, разрушители». Кто-то из них закричал: «Арестуйте его!» Два милиционера схватили меня, но вскоре поступил приказ отпустить меня. Они направились в сторону синагоги, и я пошел за ними. Когда мы подошли к рядам кавалеристов, меня не хотели пропускать дальше. Я потребовал, чтобы мне дали возможность ознакомиться с официальным документом Облисполкома. Один из солдат направил штык на меня. В этот момент подошел офицер, и я показал ему решение Облисполкома. Он дал приказ пропустить меня. Я вошел в Любавичскую синагогу. Святой ковчег (Арон ха-Кодеш) был открыт, и рядом с ним стоял Коэн со своими помощниками. Я поднялся на биму и громко зачитал решение Облисполкома. Коэн начал спорить со мной, утверждая, что это решение не распространяется на Евсекцию. Вдруг один из активистов Евсекции набросился на меня и попытался силой вытащить из синагоги. Как раз в этот момент пришла моя дочь, доктор по профессии, и начала протестовать против такого обращения. Но это не помогло.

Сломленный и подавленный, я вернулся домой. Всю ночь я не смыкал глаз. Я думал: что делать? Я решил пойти молиться утром во двор синагоги. По дороге я встретил людей и спросил, где будут молиться. Они сказали, что пойдут молиться во двор синагоги. Там собралась огромная толпа, двор был слишком мал для всех. Среди людей был кантор Большой синагоги г-н Маставой, который почти тридцать лет служил посланником общины (шалиах цибур). Хотя был сильный мороз (дело было в марте) и это было сопряжено с опасностью для жизни, кантор настоял на том, что будет молиться перед амудом. После чтения Торы на стол поднялся наш друг доктор Либерман и начал свою речь со слов: «"Если я дам сон глазам моим, веждам моим — дремание, доколе не найду места Господу, жилища — Сильному Иаковлеву" (пока не найду место для Бога)». Он говорил около двадцати минут и закончил словами: «Мой единственный сын находится уже пять лет на фронте. Разве он не заслужил право, чтобы у его отца был уголок, где он может уединиться со своим Создателем? Этот уголок вы хотите отнять у меня».

Среди толпы были люди, которые хотели взломать замки и проникнуть в синагогу. Я успокоил их и указал, что у нас есть только одно оружие — протест...

После молитвы люди остались во дворе. Через несколько минут ко мне подходит шамаш (служитель) синагоги и сообщает, что рота солдат под командованием Черного, начальника ЧК, окружила площадь возле синагогального двора и Черный

хочет немедленно видеть меня. Хорошие друзья дали мне совет бежать через боковую дверь. Я поблагодарил их... и вышел навстречу Черному. Он схватил меня, и мы начали говорить на тему дня. Чтобы нас не отвлекали пошли в Карлинскую синагогу. Он сказал нам, что есть отчет, в котором говорится, что ведется пропаганда против правительства среди народа. И хотя наши отношения с ним были хорошими, мы должны были, как ответственные за порядок, просить людей немедленно разойтись. Мы обратились к людям с этой просьбой, чтобы они мирно разошлись. Толпа подчинилась.

Из надежного источника мы узнали, что центральное правительство приняло решение конфисковать синагоги, и это решение не будет пересмотрено или отменено центральными инстанциями. Из-за этого активисты Евсекции осмелели и начали выносить свитки Торы и другие религиозные книги из двора в другое место. В пятницу, накануне новомесечья нисан 5681 года (1921), все свитки Торы были насильно перевезены в Заручскую синагогу. Очевидцы рассказывали, что при погрузке свитков Торы активисты Евсекции буквально пинали их ногами.

В субботу утром я пошел молиться в Заручскую синагогу и увидел ужасающую картину: более ста свитков Торы лежали прямо у дверей синагоги. Люди плакали горькими слезами. Наш товарищ Закс сфотографировал эту сцену. Те свитки, что были осквернены во дворе, комитет синагоги перенес в другие места.

Мы решили отправить меморандум по этому делу в центральное правительство в Москву. Этот меморандум вызвался отвезти наш товарищ Минц, который поехал в Москву. Мы также обратились к раввину Медалье, чтобы он высказал свое мнение и предложил исправления. Мы не пожалели денег. Адвокат, которого мы наняли для составления меморандума с юридической точки зрения, попросил исключить пункты меморандума о конфискации свитков Торы, которые были написаны в очень резком тоне. Позже этот адвокат внес изменения, и меморандум был отправлен.

Перед праздником (Песах) мы решили обратиться к Вариксону, чтобы он разрешил молиться в конфискованной синагоге. Доктор Либерман и я побежали к нему для беседы. Он нас встретил и высказал мнение, что мы не должны отдавать синагогу под другое использование, так как это имеет огромную историческую ценность, и это вернет нам большую синагогу. Мы ответили ему, что с нашей точки зрения все синагоги святы, и мы не можем от них отказаться. Кстати, мы упомянули, что пропаганда Евсекции направлена на то, чтобы настроить людей против Большой синагоги, чтобы там молились богачи. Вариксон сказал, что если мы не примем его предложение, он ничего не сможет сделать.

В первый день Песаха я молился в Большой Заручской синагоге. После чтения Торы я поднялся на биму перед людьми и очень резко осудил тех мошенников, которые позорят наш народ, и сказал, что нельзя допускать такого осквернения святынь, и что книги должны лежать в углу. Выступавшие возбудили толпу, которая двинулась к конфискованной синагоге. Толпа, в которой было несколько тысяч человек, подошла к зданию ЧК. По дороге к ним присоединялись все новые люди, пока их число не достигло двух тысяч. Толпа очень сильно шумела и требовала объяснений от ВГК

(Всегубчека). Люди подошли к зданию ЧК, где председатель Карсаков принял от них делегацию и пообещал, что правительство отменит решение местного исполкома.

Через несколько дней состоялось заседание комитета синагог. Было решено собирать подписи всех прихожан под петицией к центральной власти. В комиссию по этому делу вошли раввины: Медалье, Шейнин, Айзик Ривлин, Беньямин Коэн, бывший раввин Залман Якобсон, Закс, Шейнин, Галяркин, а также я, Бер-Яков Минц, Мушкин, Соркин и другие. За короткое время удалось собрать более 10 000 подписей. Мы также начертили план тех синагог и указали, что в большинстве своем это были маленькие здания, и что у ЧК нет никаких оснований претендовать на эти синагоги, которые стоят пустыми. К этим материалам мы добавили петицию. Немного позже мы отправили г-на Айзика Ривлина в Москву, чтобы выяснить результаты рассмотрения нашего меморандума.

Через три недели после Песаха я получил извещение от Юстиц-комиссара явиться в бюро. Председатель встретил меня очень строго и спросил: «Почему вы не обращаетесь к нам? Это ведь юридическое дело; во-вторых, что это за мерзкие слухи о таких пустяках? Из мухи вы сделали целого слона». Я ему ответил: «Мы просто не знали, что это дело имеет к вам отношение. Это важность дела, а не субъективный взгляд». Я также получил копию решения ВЦСПС, которую Закс передал мне. В то же время прибыл наш член товарищ Закс и привез телеграмму, в которой центральное правительство запрашивало отчет у местных органов власти и требовало прислать представителя от комитета синагог на заседание в ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), которое должно было состояться в понедельник в десять часов утра по этому вопросу.

Мы сразу же созвали заседание комитета синагог, и было решено отправить делегата в Москву. Эта миссия была возложена на меня. Но пока я добирался до Москвы, Ривлин, который уже находился там и ждал меня в «Вокзале», успел съездить в бюро ВЦИКа. Руководитель ВЦИКа Смидович принял его. Ему передали все материалы. Секретарь Калинина заверил, что нас вызовут. Тем временем пришел Калинин, человек среднего роста, худой, простой крестьянин. За ним шли его помощники, один выше другого, что наводило страх на всех. Те, кто обращался к Калинину, были простыми людьми. Крестьяне просили, чтобы им вернули лошадь, а крестьянки просили — обувь. Калинин выслушивал их, смотрел на их босые ноги и на их рваную обувь и не отказывал.

Смидович впустил нас и спросил, почему Вариксон, председатель Облисполкома, не приехал. Ведь его присутствие необходимо. Нужно также выслушать вторую сторону. Было решено отправить комиссию для расследования этого дела на месте. Было также оговорено, кто войдет в состав этой комиссии от нашего комитета синагог. Одним из них был Каганович, председатель исполкома в Нижнем Новгороде.

Когда Евсекция узнала о решении ВЦИКа отправить следственную комиссию, они дали указание отремонтировать синагогу и перестроить ее, чтобы как можно скорее заявить свои права на это здание. В июне комиссия дала знать, что Каганович отказался ехать. В комиссию на его место был назначен один из партийных лидеров — Нюмецковский. В качестве секретаря был назначен молодой человек из витебской

семьи — некто Клебановский. Когда комиссия прибыла в Витебск, Ривлин и я, как представители комитета синагог, навестили их. Это была наша первая встреча. Смидович, как я понял, не проявил к нам никакого лишнего дружелюбия. Ситуация, в которую мы попали, не оставляла места для сантиментов к центральной власти вообще и к комиссии в частности. Мы ответили? Мы не собираемся поднимать этот вопрос, только Евсекция хочет отнять у сотен тысяч людей их права. Ньюецковский немного успокоил нас. Мы продолжили рассматривать это дело, и я привез фотографию тех свитков Торы, которые валялись в Заручской синагоге. Он воскликнул: «Это же выглядит как погром! Есть ли у вас фотография, циркулировавшая среди масс? Это ведь пропаганда против правительства!» Мы ответили, что мы делали все открыто. Фотография была сделана для того, чтобы показать правительству истинное положение дел. Мы объяснили ему, что мы готовы предоставить государству здания для культурных целей, но мы хотим получить взамен другие помещения. После этого Ньюецковский спросил о моем отношении к Коммунистической партии.

Комиссия оставалась в городе два дня. В течение этих дней синагога или другие места не вызывали у нас никаких сомнений. Члены комиссии были в сопровождении людей из Евсекции. В эти дни огромная толпа на улицах города указывала пальцем на Абрама Ньюецковского, говоря, что это он пришел забирать здания у богатей. Так они вели себя — эти уважаемые места и этот бедный народ стояли у дверей. Поэтому мы написали меморандум для комиссии, в котором было указано, что синагога была построена на частные средства, в то время как церкви строились на государственные деньги. Поэтому синагоги должны отдавать выкуп за свое имущество. Через несколько дней мы узнали, что комиссия предложила Облисполкому использовать под свои нужды другое здание. Нам нашли большое трехэтажное здание, в котором раньше располагалась частная гимназия. Правительство, однако, закрыло ее. В течение двух лет здание, стоявшее пустым, превратилось в руины. Мы разработали план ремонта и получили на это одобрение от местного совнархоза. При этом нам помогали инженеры из совнархоза, главным образом Каганов, Маерашкевич и Фишгаут. Для восстановления здания требовалось пять миллионов рублей.

Когда это решение комиссии стало известно, Евсекция предприняла еще одну большую атаку на синагогу. Эта деятельность возмутила многих людей, даже членов Коммунистической партии. Официальный орган партии, газета «Правда», выступила с резкой статьей против диких действий Евсекции и специального председателя Вариксона, которые своими действиями дают в руки врагов партии оружие, поскольку в то время они хотят полностью разрушить здание, предназначенное для культурных целей и образовательных нужд, конфисковать эти синагоги, в которых нужно будет разместить сокровища, чтобы сделать их пригодными для этих целей. После всего этого наше предложение все же было отвергнуто. Нельзя было делать никаких уступок этой «черной сотне». Они должны были рассматривать это как победу реакции над правительством.

В месяце элуль, когда ремонт был закончен, Евсекция решила отпраздновать открытие клуба большим парадом. За две недели до Рош ха-Шана было проведено большое собрание в Латышской синагоге, и там было решено, что в день открытия клуба нужно устроить письменный протест. Текст протеста был зачитан в синагоге и

единогласно принят. В субботу вечером, когда я вернулся домой после собрания, и у меня еще не было времени переодеться, раздался звонок в дверь. Пять человек из ЧК во главе с Чечеком предъявили ордер на обыск в доме и, в случае необходимости, на мой арест. Обыск продолжался несколько часов. У меня забрали всё: деньги, ювелирные украшения, другие вещи. У меня также потребовали текст протеста, который был зачитан в синагоге. У меня его не было. После обыска меня арестовали и доставили в ЧК. После того как меня допросили по нескольким формальным вопросам, меня спустили в подвал и заперли в темной комнате, заполненной другими арестованными. Когда арестованные увидели испуганного нового «гостя», они уступили мне традиционное почетное место: «Эй, Маруся, дай чаю!» Я встал у двери и искал место у стены, чтобы прислониться...

Так я провел целую неделю, и никакого обвинительного акта мне предъявлено не было. Я вспомнил мой «старый роман» с главой ЧК Черным и решил обратиться к нему. Я заявил ему, что сижу уже неделю, будучи арестованным в подвале, и не знаю за что. Я попросил его о скором и справедливом суде. Через два дня я наконец получил обвинительный акт. Меня обвиняли в контрреволюции и спекуляции золотом. Основанием для второго обвинения послужило то, что у меня нашли шесть золотых пятирублевых монет. В глазах потемнело...

ГРИГОРИЙ АРОНСОН | ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В ВИТЕБСКЕ (1913–1917)

1. Я — витеблянин

Когда я вспоминаю о своей жизни в Витебске — а это был период самой активной моей работы в 1913 году, — я сразу же мысленно погружаюсь в очень близкую и интимную для меня среду. И не только потому, что мои родители жили в Витебске (мой отец был директором местного отделения Русско-Азиатского банка, а через несколько месяцев покинул Витебск). Дружба и близость с витебским окружением сыграли свою роль и в моей профессиональной деятельности — я был приглашен редактировать небольшую русскую ежедневную газету, вокруг которой сплотилась широкая общественная группа во главе с местными либеральными деятелями Алексеем Волковичем и доктором Григорием Бруком. Но не только этим определялось мое особое чувство близости к Витебску, которое очень глубоко укоренилось во мне и всегда связывало меня с этим городом. Само это чувство имело историческую подоплеку, которая совершенно не имела отношения к моему прошлому, от которого со временем почти не осталось и следа. Но когда я пробудился и начал перелистывать пожелтевшие страницы моей жизни, они всколыхнули меня до самых глубин души.

А дело было вот в чем. Как только я приехал в Витебск, я вспомнил, что я вовсе не чужак для Витебска — моя семья происходит из Велижа, а велижский кровавый навет

был очень тесно связан с Витебском. Эта трагедия стала также и моей личной трагедией.

И она связывает меня с теми ужасными катастрофами, которые в дни Александра I разорили еврейские местечки в Белоруссии, когда безумная сила и фанатичное изуверство обрушились на мирные дома старого Миреля Аронсона, приведя к гибели его самого, его детей и внуков, а другие родственники были брошены в тюрьмы. Были закрыты все синагоги и хедеры в городе, разорены и превращены в руины еврейские дома, а сама община была обложена тяжелым бременем на 10–12 лет. Тот велижский кровавый навет стал трагедией для моих собственных предков. И нет ничего удивительного в том, что в 1913 году, в дни процесса Бейлиса в Киеве, у меня ожили эти полузабытые воспоминания о прошлом.

В те дни процесс Бейлиса стоял в самом центре нашей жизни в Витебске. Все телеграммы из Киева читались с замиранием сердца. В больших газетах Петербурга и Москвы, которые получали на витебском вокзале, сообщения поглощались моментально. Моя редакция в Витебске имела собственного корреспондента в Киеве — студента Юдея Митляндского. Я помню и сейчас, как наш «собственный корреспондент» присылал для витебской газеты, и я никогда не забуду те телеграммы, которые я получал от него из Киева, сообщавшие о том, что Бейлис оправдан. С этой радостной телеграммой я побежал к доктору Бруку, где мы сидели и ждали новостей в кругу самых близких друзей. Доктор Брук, который всегда отличался сдержанностью в проявлении чувств, не сдержался, обнял меня и поцеловал, и у всех на глазах стояли слезы радости. Особенно я помню слезы в глазах Алексея Волковича, который вместе с нами переживал глубочайшее волнение. Он повернулся ко мне и сказал: «Позволь мне поздравить тебя, а через тебя — простых крестьян в Киеве. Они своим решением спасли честь России»...

Я должен поблагодарить доктора Брука за то, что был приглашен в качестве редактора общественной русской газеты. За долгие годы в Гомеле я хорошо узнал этих двух редких людей, их близких и их разные характеры — братьев докторов Брук. Один из них был лидером сионистов в России, доктор Григорий Брук был далек от меня. Напротив, его старший брат, доктор Абрам Брук, человек независимых взглядов, беспартийный, стоял очень близко к демократическим и социалистическим кругам и всегда поддерживал Бунд. За последние годы, еще до моего приезда в Витебск, я близко подружился с Абрамом Бруком и его женой, бундисткой Розой Карабачевской. Оба брата были общественными деятелями еврейской жизни, как среди врачей, так и в вопросах морали. И для нас, молодых парней и девушек, они оставались примером высокой личной порядочности, они не искали выгоды, не гнались за деньгами и были готовы отдать последнее, чтобы помочь бедным людям. И хотя в Витебске у меня были такие друзья, как доктор Григорий Брук, он, тем не менее, находился в лагере моих политических противников.

2. Общая картина

Согласно официальным данным, которые были известны перед Первой мировой войной, считалось, что еврейское население Витебска составляет около 50 тысяч человек. Но позже, через несколько лет, в 1915 году, это население выросло почти

вдвое. Гражданское население — без военных — составляло тогда уже от 195 до 200 тысяч человек.

Этот колоссальный рост витебского населения объясняется ходом войны и теми катастрофическими событиями, которыми она сопровождалась. Поражения русской армии, эвакуация городов и местечек, которые занимали немцы, привели в Витебск, ставший одним из первых пунктов на пути отступления, тысячи и тысячи беженцев.

Уже в первый год войны главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, и начальник Генерального штаба, генерал Янушкевич, приказали выселить евреев из прифронтовой полосы. В течение 24 часов евреи были вынуждены покинуть свои дома и имущество и отправиться в неизвестность. В мае-июне 1915 года евреи были жестоко депортированы из Курляндии и Ковенской губернии — более 200 тысяч евреев. Каждый из нас, кто пережил эти ужасные недели, никогда не забудет те поезда с тысячами еврейских семей, которые brutальная военная сила гнала в «неопределенном направлении». Витебск стал одной из главных транзитных точек, и немало беженцев нашли здесь свою первую остановку и убежище.

Трудно точно сказать, сколько именно евреев было в Витебске во время Первой мировой войны. Считается, что до войны в Витебске проживало около 50 тысяч евреев. Но это число резко увеличилось с началом войны и росло от месяца к месяцу.

Население города представляло собой пеструю национальную мозаику: русские, поляки, евреи. Позже к ним добавились латыши и литовцы. Если мы попытаемся схематизировать социально-экономический состав этого населения, то получится следующая картина: русские были в основном государственными служащими или занимали административные должности (статские советники), поляки были представлены группой интеллигенции и богатых помещиков, латыши и литовцы служили в армии, а часть из них относилась к рабочему классу и беженцам. Но именно евреи представляли собой дифференцированную нацию со всеми классами и профессиями: купцы, фабриканты, ремесленники, рабочие, служащие в конторах и магазинах, а также представители либеральных профессий — врачи, дантисты, адвокаты, учителя и т.д. Как можно себе представить, никакой русской общественной жизни в городе не существовало. Поляки, напротив, обособлялись в своей национальной среде. И только у нас, евреев, кипела бурная, страстная и глубокая общественная жизнь, охватывавшая почти все направления общественно-политической борьбы.

В глубине России, как известно, центрами общественной жизни часто выступали городские органы самоуправления (земства и городские думы). Но на северо-западе, в таких городах, как Витебск, их общественное значение было ничтожным. В городской думе заседали только христиане-домовладельцы. Евреи, составлявшие абсолютное большинство домовладельцев, не имели никакого права голоса в городском самоуправлении. То земство, которое существовало всего несколько лет согласно закону Столыпина, ставило своей главной задачей ограничить и подавить позиции польских помещиков, чтобы поляки не имели влияния на земские дела. При таком положении дел городская дума и земство имели в Витебске репутацию органов

государственной администрации. Лишь в исключительных случаях они привлекали к себе общественное внимание.

Одним из таких случаев, когда городская дума оказалась в центре внимания, стал инцидент накануне Первой мировой войны.

Это стало возможным потому, что среди членов городской думы нашлось несколько «белых ворон» — два-три либерала. В конце 1913 года, когда в Государственной думе проходил законопроект о введении всеобщего начального образования, председатель комиссии Витебской городской думы, октябрист Петр Синяков, обратился к некоторым еврейским общественным деятелям с предложением разработать план включения еврейских школ в общую сеть городских училищ. На заседании Витебского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) мы обсудили этот вопрос и разработали такой план. Доктор И. Якерсон и я были уполномочены защищать этот план на пленарном заседании городской думы. Позже, в 1914 году, при содействии гласного думы, польского адвоката Вацлава Федоровича (который сразу после Февральской революции был назначен комиссаром Временного правительства по Витебскому уезду), в думу было внесено предложение об ассигновании средств на еврейские школы.

Но это были лишь единичные исключения. В целом городская дума оставалась для евреев чуждым и враждебным учреждением. Два еврейских гласных думы — доктор Лазарь Исерсон и типограф Нейман — были лицами, назначенными губернатором и утвержденными в думе, и, само собой разумеется, не играли никакой роли. Если я не ошибаюсь, оба этих еврейских гласных фактически саботировали заседания городской думы. И вплоть до начала Первой мировой войны это положение дел не менялось.

3. Межнациональные отношения

Прежде чем дать более детальную картину еврейской жизни в Витебске, её институтов и той борьбы, которая велась за создание демократической еврейской общины (общины-кехилы) в неблагоприятных условиях царского режима (особенно во время войны), я хочу сначала остановиться на некоторых, в общем малоизвестных, попытках совместных действий, которые предпринимались представителями еврейской интеллигенции совместно с представителями русской и польской интеллигенции. Политический кризис в стране и разруха, возникшая вследствие поражений на фронте, очень сильно стимулировали потребность в контактах между демократически настроенными слоями различных народов. В целом витебские евреи в определенной степени отражали массу тех русских коалиций, совместной работы людей из разных групп, которые имели значение и обозначали конец одной эпохи и наше вступление на порог новой. Мне кажется, что все эти бессознательные или полусознанные контакты подготовили ту революцию, которая уже назревала над нашими головами.

Интерес к общей политике еще больше усилился, когда в Витебск стали приезжать видные гости из Петербурга, депутаты Государственной думы и другие лица, которые информировали нас и делали доклады по актуальным вопросам. Первым, кто приехал из Петербурга, был А. Керенский. Это было еще до войны. Он выступал на закрытом собрании, организованном представителями Союза торгово-промышленных

служащих. Керенский незадолго до этого стал председателем Всероссийского союза этих служащих в Москве (который правительство впоследствии разогнало). Затем приехали лидеры кадетов, профессор Ф. Милюков. Он выступал с докладом о национальной проблеме на небольшом общественном собрании, и мы провели с ним целый день. Первым же еврейским депутатом, как я помню, и не один раз, у нас был депутат А. Шингарёв. Несколько раз приезжал к нам собирать материалы для запроса в Думе по поводу «патриотических» антисемитских спекуляций на фронте, в которых обвиняли земство Карташова и витебского председателя Государственной думы Савича и Афанасьева. Приезжали из Петербурга и другие видные люди: кадет В. Набоков, известный русский поэт Фёдор Сологуб, литературный критик профессор Д. Овсяннико-Куликовский, русско-еврейский писатель и философ С. Минский (Виленкин). Со всеми ними мы проводили небольшие или более крупные частные встречи.

В центре нашей общественной жизни стояли главные политические вопросы: борьба между Думой и правительством, пропасть, которая день ото дня росла между царским двором и всеми слоями народа, демократизация, которую распутинщина завела в тупик, борьба на верхах. Были две тактики: между умеренными, надеявшимися, что Прогрессивный блок сможет найти выход, компромисс с определенными элементами бюрократии, и между левым крылом, видевшим единственную перспективу в революции или в перевороте сверху. Они обострили ситуацию в стране, а на фронте всё это затронуло абсолютно каждого. И в нашем тихом Витебске провинциалы оказались во власти общего настроения в стране.

Чего же мы ждали? На что надеялись? Сейчас трудно ответить на эти вопросы применительно к 1914–1916 годам. Но откликом на эти тревоги стали организованные в Витебске периодические совещания представителей местной интеллигенции. На эти совещания собирались люди разных политических взглядов и направлений. Эти совещания созывались примерно раз в 2–3 недели. Обычно на них приглашалось от 20 до 25 человек: евреи, русские и поляки. Совещания проходили на частных квартирах или у бывшего депутата Первой думы кадета Алексея Волковича, или у доктора Берштейна, беспартийного, стоявшего левее кадетов. Доктор Берштейн незадолго до этого приехал в Витебск. Его жена, госпожа Сафи, также доктор, была сестрой известного в Витебске доктора Григория Брука.

В этих совещаниях принимали участие русские и польские кадеты-либералы, еврейские демократы из числа сионистов, социалисты различных направлений. Надо, однако, сказать, что не только на этих совещаниях, но, вероятно, и за пределами наших стен все участники не носили партийных штампов. Я считаю, что это было характерно почти для всей провинции в то время. Никакие партийные центры тогда почти не руководили. Связи с партийными центрами были прерваны или ослаблены. Сами партийные центры едва ли существовали. Это замечание относится как к социалистическим партиям, так и к кадетам, которые оставались характерными не для партийных масс, а для интеллигентских элементов.

Когда я вспоминаю то время, мне хочется особо выделить одно совещание, созванное в первый год войны, на котором обсуждался очень острый вопрос — польско-еврейские отношения. Это было время экономического бойкота в Польше. Из Петербурга приехал студент Фёдорович, брат местного известного адвоката Вацлава

Фёдоровича. Он устроил на своей квартире совещание, пригласив группу людей — представителей пяти национальностей: евреев, русских, а также поляков. Я не могу привести здесь подробный отчет о том, что происходило на этом совещании. Я помню только, что референт протестовал против И. Шабад-Якобсона и высказал мнение в «Рассвете», что с точки зрения российских евреев нет нужды так остро ставить вопрос о политической независимости, как это делает хорошее российское губернское руководство. Сионист Соловейчик, сын местного банкира, почувствовал, что нужно защитить Шабад-Якобсона от нападков. В общем, я должен сказать, что это совещание привело к определенным положительным результатам в наших делах. Стоит добавить, что студент Фёдорович, наш референт, позже присоединился к Пилсудскому, участвовал в легионах польско-австрийской армии, затем попал в руки русских и закончил свою жизнь на виселице.

Мы также неожиданно получили возможность установить контакт совершенно в другом направлении — с группой офицеров, служивших в штабе Двинского военного округа, который тогда находился в Витебске. Я не помню точно, как мы узнали об этом, но однажды нам стало известно, что в этом военном центре есть несколько интеллигентных офицеров, которые хотят установить с нами связь. Это были: казачий есаул Михаил Гнилорыбов, окончивший Военно-юридическую академию, полковник С. Коренев, адъютант генерала Зуева, начальник штаба капитан Базаров и еще несколько человек. Мы встретились с ними, беседовали на различные темы, переходя от военных вопросов к политическим. Со временем у нас образовался кружок военных и гражданских лиц — около 8–10 человек. Между нами установились вполне дружеские отношения. Я был частым гостем у Гнилорыбова. Мы оба были выбраны в редакцию небольшого кооперативного журнала (вышло всего два номера). Гнилорыбов помог нам получить разрешение открыть кооперативное общество при Витебской рабочей больничной кассе. Благодаря этим усилиям удалось облегчить положение 15 сионистов, которых собирались отправить в Сибирь. Их обвиняли в том, что они собирали деньги для враждебного государства (так царские власти именовали Эрец-Исраэль, которая тогда принадлежала Турции).

В самом конце этой главы я хочу рассказать об одном деле, которое по сей день скрыто под плотной завесой. Это дело заслуживает того, чтобы о нем упомянули. У нас в Витебске существовала масонская ложа. В ней принимали участие и евреи (д-р Брук, Михаил Цейтлин, Б. Гинзбург и др.). Само существование этой ложи было глубокой тайной, о которой никто из участников ни слова не рассказывал. Насколько мне известно, местная масонская ложа была организована депутатом Калябякиным, который остановился здесь по пути на фронт в начале войны. Я знаю также, что Александр Керенский присутствовал на заседании местной масонской ложи в Витебске, куда меня привел мой друг и о чем я имел возможность узнать подробнее впоследствии.

Я никогда не принадлежал к масонам и не знаю в точности, в чем заключалась их роль в России в период войны до Февральской революции. Если масонское движение в своей основе было объединяющим началом для различных политических группировок, имевших общую цель, то наши совещания преследовали ту же задачу. Совещания объединяли интеллигенцию разных политических направлений, всех национальностей и партий, подчеркивая необходимость сплочения всех общественных сил. Была ли

необходимость еще и в масонской ложе в Витебске — для меня по сей день не вполне ясно. История этой масонской ложи, к сожалению, еще не написана, и масоны крепко держатся за свои секреты.

4. На еврейской улице

Общественная жизнь витебских евреев не выглядела подавленной накануне Первой мировой войны, несмотря на общую атмосферу угнетения. Не только представители интеллигенции занимались общественными делами. В этом также участвовали купцы, промышленники, ремесленники и рабочие, внося свой вклад в еврейские институты, общества и союзы.

В известной степени еврейскую общественность можно разделить на три сектора. Первый сектор — религиозный, состоявший из раввинов, шойхетов, хазанов, меламедов и просто верующих евреев. Второй сектор представлял собой модернизированное общество, развивавшееся главным образом после революции 1905 года. В этих институтах руководство принадлежало демократически настроенным кругам интеллигенции: врачам, адвокатам, учителям и др. От этого второго сектора можно было легко провести нить к третьему сектору — рабочему и служащему, который имел свои собственные институты. Однако он всё больше испытывал потребность в более широкой культурной среде и в национальной демократической атмосфере. Пролетарская, социалистическая интеллигенция была в Витебске в то время очень немногочисленной, поэтому контакт между этими двумя последними секторами был выражен более рельефно.

Бросалось в глаза, что более демократически настроенные промышленники и купцы, интересовавшиеся общественной работой, всё дальше и дальше отходили от религиозных традиций. Они уже перестали участвовать в традиционных институтах, возглавлявших первый — религиозный — сектор. Они по-прежнему вносили свои пожертвования, ежегодные и ежемесячные взносы в различные благотворительные общества, такие как Линат-ха-Цедек, Шомерей-Нефалим, Хакнабат-Кала, Хакнабат-Орхим и др., но это было для них не более чем формальностью. Их общественные устремления не были связаны с этими учреждениями, которые управлялись на патриархальный лад старыми габаями по старинке. В то же время они стремились помогать ремесленникам в их труде — через ЕКО (Еврейское колонизационное общество) и позднее в Обществе помощи через труд (ОПТ). Они также проявляли интерес к новой еврейской культуре и литературе. Вполне возможно, что «идишизм» уже тогда обладал такой притягательной силой, что им трудно было этим не интересоваться. Витебское отделение Общества любителей еврейской литературы накануне войны играло одну из центральных ролей в еврейской жизни города. Кстати, я вспоминаю обращение Самуила Нигера, который тогда жил в Петербурге: я от имени этого общества провел сбор средств в Витебске. Среди жертвователей были в основном пожилые люди, известные богачи и купцы города.

Смена поколений! Именно в то время молодое поколение начало занимать места старших. Когда я приехал в Витебск, еще помнили имя богатейшей женщины города, старой Ханы Гуревич, которая еще незадолго до этого имела большой вес в общинных делах. Её дети ранее также играли общественную роль в Витебске. Но её

сыновья поселились в Петербурге, а сама она была уже слишком стара, чтобы продолжать заниматься общественной работой. То же самое можно сказать и о других известных банкирах: Моше-Лейбе Гинзбурге и Саловиче, а также о некоторых купцах, которые ранее занимали определенные позиции: Лейбе Марковиче, Хершмане, Писаревском и др. Место этого старого поколения заняли их дети, новые люди. Даже банкир Израиль Вишняк, который считался меценатом, уже отошел от активного участия в общественных делах.

Но я помню, что как только приехал в Витебск, Вишняк устроил концерт в своем прекрасном дворце. На этот концерт он пригласил лишь небольшой, но весьма почтенный круг еврейского общества: от губернатора до меня, грешного. Стоит упомянуть, что этот музыковед, когда он закончил свою речь о Шопенгауэре, подошел ко мне с бокалом вина в окружении моих партийных товарищей. Этот музыковед Константин Клячко, которого отправили из Петербурга в Витебск для участия в социал-демократической работе, и в Витебске нашел у нас приют. Его смерть в Вашингтоне оборвала нашу дружбу.

Смена поколений проявилась во всех слоях. Так, например, ни один человек не играл столь долгой и важной роли в еврейской жизни, и особенно в сионистском движении, как доктор Либерман. Среди вождей этого либерального направления уже нельзя было встретить представителей старого поколения. Вскоре после моего приезда в Витебск я был приглашен к раввину Шнеерсону на трапезу, устроенную в честь 19 кислева (день, когда раввин Шнеур-Залман был освобожден из крепости). Там я с большим удивлением встретил человека, который был бундистом. В бундистских кругах его называли «подолянином». Позже, когда был организован комитет в Витебске, раввин Шнеерсон не вошел в число раввинов.

В Витебске также не было склонности к ассимиляции. Евреи занимали видное положение, часто даже ключевое. Кто были эти ассимилированные? Это были еврейские кадеты, так называемые «виннаверовцы». Принадлежали ли они к нашей интеллигенции? При новых условиях они также немного изолировались, их лозунгом было «идти в ногу». Тем не менее, с ними приходилось считаться. Они сами не проявляли никаких амбиций, держались скромно и не претендовали на активное влияние на ход еврейской общественной жизни.

Интересен такой случай. В начале войны мы должны были отправить двух делегатов на общееврейское совещание, которое было созвано в Петербурге. Приглашение, подписанное Генрихом Слиозбергом, мы получили из петербургского бюро при еврейских депутатах Государственной думы. Адресовано оно было доктору Лазарю Исерсону, адвокату Якову Юдину и мне. Мы созвали собрание, на которое пришли около 50–60 человек, представлявших все направления и оттенки. Собрание выбрало в качестве первого делегата Шмарью Медведя, умеренного общественного деятеля, религиозного человека, который не принадлежал ни к «виннаверовцам», ни к сионистам; для второго делегата кандидатом выдвинули меня. Ассимиляторы не претендовали на то, чтобы послать своего представителя. Сионисты были слишком слабы, доктор Брук был мобилизован в армию. Левые же объединились вокруг моей кандидатуры.

Я хочу здесь указать на одну деталь, которая касается моей кандидатуры. У меня не было никакого желания ехать в Петербург. Я очень хотел, чтобы центральный комитет «Бунда», специально Марк Либер, который долгое время находился в Витебске, принял участие в этом совещании. Я имел определенные основания полагать, что мое предложение будет принято. Но вместо меня Либер предложил кандидатуру Эрлиха и М. Рафеса, которые тогда руководили в центральном комитете бундистскими делами в Петербурге. С глубоким сожалением я должен признать, что центральный комитет «Бунда» вообще ничего не знал об этом совещании. При таком положении дел я решил отказаться от своего мандата и поехать на первое всееврейское совещание периода Первой мировой войны.

Накануне этого совещания в Витебске произошло событие, о котором стоит упомянуть. Осенью 1914 года в официальной газете витебского губернатора «Витебские губернские ведомости» (№ 188) появилась статья с открытым антисемитским характером. В этой статье, озаглавленной «Непостижимые факты», рассказывалась вымышленная история о том, что еврейские дамы привезли подарки для транспортируемых раненых солдат, но проявили особый интерес к пленным немецким раненым. При этом приводились различные ложные слухи о телефонах, могилах с золотом и прочие небылицы, которые распространялись в то время.

Эта статья, особенно в официальной газете, естественно, вызвала огромное возмущение среди еврейского населения. Мы созвали заседание и отправили делегацию к губернатору Арцимовичу. В делегацию вошли доктора Исерсон и Берштейн. Губернатор, как он сам сказал нашей делегации, статью эту не читал. Однако, когда ему её показали и он её прочитал, он предложил Михаилу от имени еврейской общины написать ответ на статью, и он пообещал опубликовать этот ответ в той же официальной газете. И этот ответ действительно был вскоре опубликован в «Витебском вестнике».

Я храню сейчас этот ответ, который сам по себе является протестом против обвинений, выдвинутых против целого народа. «В это тревожное время, когда под впечатлением от этих ужасных событий еврейская общественность переживает моменты нашего общего страдания и несет бремя жертв... — говорилось в этом ответе, — тяжелые жертвы солдат на поле боя и экономическое разорение трудящегося народа. В такой момент невозможно замалчивать те клеветнические обвинения, которые выдвигаются против евреев на военном театре, материальные потери, которые несет торгово-ремесленное население городов и местечек наряду с другими... Нужно полностью опровергнуть эту ложную картину, чтобы на фоне общих испытаний не выдвигались отдельные, нехарактерные факты. Согласно мнению автора статьи, безответственные факты и дикие слухи о евреях, которые помогают якобы врагу во время войны, — это слухи, распространение которых мы оставляем на совести автора. Мы считаем низким для нашего гражданского и национального достоинства отвечать на эти инсинуации».

Так еврейская община отреагировала на нападки со стороны дикого антисемитизма, который проявился в редакции официальной газеты. Это стало возможным благодаря тому, что губернатор Арцимович не был антисемитом, он вообще был либеральным человеком. Вскоре после этого он покинул свой пост, так как не хотел работать в

согласии с тогдашним министром внутренних дел Хвостовым, который был одним из покровителей Распутина.

Была еще одна причина, почему наша делегация так легко добилась аудиенции у губернатора: чтобы показать еврейскому населению, что совершенная несправедливость будет немедленно исправлена. В состав нашей делегации входили доктор А. Берштейн, человек с прекрасными качествами. Доктор Берштейн, блестящий хирург, держался со всеми на равных — просто и благородно — со всеми, будь то губернатор, или бедный водовоз. Он был спокойным и мужественным человеком, благородным и честным.

После того как Берштейн окончил Московский университет, он уехал работать в земские больницы — в Смоленск, Тверь и другие губернии. Повсюду он пользовался репутацией отличного врача и благородного общественного деятеля. В 1905 году, после манифеста 17 октября, в Твери, как и во многих других городах России, был организован погром против интеллигенции и евреев. Во время этого погрома доктор Берштейн был тяжело ранен. Об этом упоминает в своих мемуарах один из известнейших русских либералов, Иван Петрункевич, который был дружен с Берштейном: «Наш старший доктор в земской больнице в Новоторжске (Новый Торжок) Давид-Аарон Берштейн — пишет он — один из благороднейших, умнейших и талантливейших хирургов, общественный деятель, приехал из Твери с ранением в голову. Ему посчастливилось спастись от смерти» (*«Из архива русской революции»*, т. 21, Берлин 1934, с. 404).

5. Еврейские общества и партии

Мы были хорошо знакомы в то время с витебскими еврейскими институтами и их многообразной работой: Общество просвещения («ОПЕ»), Еврейское литературное общество, «ОЗЕ» (Общество охранения здоровья еврейского населения), Общество помощи («ОРТ»), общество помощи жертвам войны, возникшее в годы войны и позже фактически выполнявшее функции еврейской общины (комитет). Эти общества играли большую роль в жизни витебских ремесленников. Во всех этих институтах я принимал активное участие. Я также был тесно связан с несколькими рабочими союзами: с союзом торгово-промышленных служащих, с союзом печатников, с сапожной артелью. В основном я был связан с городской больничной кассой, которая была центральной рабочей организацией для евреев, как и для неевреев. Евреи в этой кассе имели подавляющее большинство и руководили всей работой.

Все вышеупомянутые организации представляли собой истинное лицо еврейской общественной жизни. Чтобы получить полную и ясную картину Витебска, я хочу добавить здесь несколько слов, чтобы охарактеризовать политическую деятельность на еврейской улице.

Сионистская организация в то время была единственной организованной еврейской группировкой. Тем не менее, она не имела никакого влияния на общественную жизнь, за исключением узкого круга своих приверженцев. В еврейских институтах сионисты не играли никакой роли. Даже в комитете еврейской общины, который позже, со временем, был создан, сионисты оставались в небольшом меньшинстве.

Почему это было так? Я считаю, что это объясняется нехваткой репрезентативных людей. Сионизм в Витебске, особенно в период Первой мировой войны, был очень слабо дифференцирован. В нем отсутствовали различные течения и направления. Поалей-Цион, как и сеймисты, не участвовали в общественной жизни. Даже организованной группы Цеирей-Цион у нас тогда не было, хотя мы слышали, что среди учащейся молодежи было немало молодых сионистов. Среди сионистской молодежи нашелся способный поэт, чьи стихи печатались в русском сионистском журнале «Рассвет». Это был гимназист Ш. Левинман. Позже он перешел к коммунистам, выпустил несколько книжек рассказов на русском языке, отличился также как шахматист. Как советский писатель, он сплотил вокруг себя витебских сионистов, но от него не исходило никакого влияния как от общественного деятеля.

Помимо доктора Брука, который тогда служил в армии, среди сионистов активными были: казенный раввин Медведь, ученый, но тихий и скромный человек; владелец кирпичного завода Вольфсон, очень симпатичный, добросердечный, религиозный человек с сильными общественными наклонностями; младший сын банкира Саловича, характерный, но темпераментный человек; владелец щеточной фабрики Абрам Сабольсон, который позже уехал за границу, разбогател и много жертвовал на сионистские предприятия. Вот все они и представляли официальное руководство сионистов в Витебске.

«Бунд» в те годы также не мог играть большой роли в общественной жизни. Два его признанных лидера, доктор Бен-Цион Шейнин и доктор И. Якерсон, с началом войны были мобилизованы. Из-за этого пострадала и общественность, с которой они и они руководили. Особенно пострадало Общество распространения просвещения (ОПЕ), где доктор Шейнин был председателем. Официальное руководство «Бунда» перешло в мои руки. Но у социал-демократических рабочих кругов Витебска «Бунд» всё еще сохранял определенное влияние. Среди сапожников была группа старых преданных бундистов. Один из них, Мендель Рашковский, умный и хороший оратор, член минского боевого отряда («камфс-группе») после 1905 года, стал моим близким другом еще в прежние годы. Симпатии к «Бунду» испытывали и многие из тех, у кого была организационная возможность. Накануне войны «Бунд» еще имел нелегальный коллектив, состоявший из трех рабочих и двух интеллигентов. Мы организовывали небольшие кружки, где проходили дискуссии о «Форвертсе» и немецких социал-демократах, о фальшивых патриотических позициях, об интернациональных настроениях в социализме.

Нелегальная работа, однако, становилась всё слабее и слабее. Крупные события, особенно проблема беженцев, заставили небольшое число бундистов всё глубже и глубже вовлекаться в легальную общественную работу. Аресты со стороны жандармерии в то время почти не проводились. Я помню лишь один случай, когда несколько молодых бундистов, ремесленников, которые были замешаны в какой-то небольшой забастовке, были арестованы и высланы. Я также знаю случай, когда бундистский коллектив собрал подписи под приветствием для социал-демократической фракции в Думе, и печатники переправили это приветствие в Петербург. Социал-демократические депутаты были очень популярны среди еврейского населения, потому что они часто выступали в Думе в защиту евреев. И именно в то время депутат Н. Чхеидзе направил через меня М. Рафесу (который тогда

жил в Петербурге под именем Виттенберг) письмо о том, что он получил 15 тысяч долларов от «Рабочего круга» (*Workmen's Circle*) в Америке, которые были предназначены для еврейских организаций.

Время от времени в Витебск приезжали представители Центрального комитета «Бунда». Сначала у нас был Роза Левит, а затем приехал из-за границы Марк Либер (Гольдман), который очень быстро сориентировался и заинтересовался нашими общественными делами.

Здесь стоит упомянуть, что Либер проявлял большой интерес к новым формам общественной жизни, которые мы здесь создавали, как к прямой связи с малочисленной местной бундистской организацией. Я даже не подозревал, что у него нет особого желания ходить на заседания нашего коллектива. Зато он очень поддерживал мысль, которая тогда у нас возникла — создать межпартийное или беспартийное рабочее совещание, чтобы координировать нашу деятельность. На таком совещании Либер сделал доклад о ситуации в рядах Социалистического Интернационала и специально отстаивал позицию российских социалистов, которые во Франции, Бельгии и Англии вошли в правительства. Кроме бундистов в этих совещаниях принимали участие социалисты-революционеры (эсеры) Михаил Цейтлин, а от меньшевиков — Гутерман, Либинзон, бывший сионист Симон Бер-Лев Гинзбург и др.

Здесь мы также обсуждали различные вопросы витебской общинной жизни. На повестке дня у нас в то время стоял вопрос об участии в делах общины-кехилы. Рабочие вообще были против того, чтобы социалисты имели отношение к кехиле, поскольку практически она находилась в руках буржуазного большинства и управлялась традиционными деятелями, домовладельцами и сионистами. Особенно они были против вхождения в общину, когда узнали, что в бюджете общины также предусмотрены расходы на содержание раввинов (в Витебске тогда было шесть раввинов).

Либер как раз в то время во второй раз приехал в Витебск. Мы решили, что он должен пойти с нами на заседание общины и выступить там с докладом. Нам было не так-то легко убедить его. Интересно, однако, что и на общину он произвел очень большое впечатление (он выступил со своей блестящей речью перед всеми присутствующими). Хотя Либер сначала разделял сомнения рабочих относительно общины, теперь он высказался за то, что рабочие должны войти в общину и комитет.

Не следует, однако, получать ложное впечатление, будто левые элементы в нашей общественной жизни были исключительно бундистской ориентации. На самом деле у нас была и широкая демократически-социалистическая прослойка. В ней были серьезные и квалифицированные общественные деятели: пара бывших бундистов — Шмуэль Писаревский, адвокат Шефтель Левинсон и экономист Евгений Лурье. С нами также сотрудничал инженер Залман Гурвич (он долгое время жил в Париже, участвовал в эмиграции, был знаком с лидерами меньшевиков, подписывался псевдонимом Гегэлио) и Аарон Гинзбург, который принимал участие в Якутском восстании в 1904 году («романовцы»). В еврейской жизни этот сектор занимал важное место. Не будет преувеличением сказать, что по инициативе этой группы почти все

общественные дела в военное время вышли из нашего демократически-социалистического сектора.

Немного иной была ситуация в отношении культурной общественной жизни, где в центре стояли такие еврейские общества, как Литературное общество и ОПЕ. Председателем Литературного общества был доктор Григорий Брук, лидер тамошней сионистской организации. Он вообще был примечательной личностью, глубоко демократичной натурой и при этом — любящим евреем. Ему, сионисту, удалось сплотить вокруг себя все еврейские элементы города во главе с такими учителями, как Яков Герштейн и Т. Шапшович. В Литературном обществе велась острая дискуссия об извечном языковом вопросе: идиш или иврит. Брук часто приглашал в качестве компромисса в эти дебаты, когда они проходили в Витебске, лекторов: Израиля Ефройкина из Петербурга и Лазаря Мотзиля из Москвы. И настоящим праздником у нас бывало, когда из Петербурга приезжал с лекцией музыкальный лектор Зиновий Киссельгоф, или сотрудник знаменитой фольклорно-экспедиционной группы Ш. Анского. Из других лекторов, которых Литературное общество приглашало, я должен еще упомянуть Хаима Гринберга и Самуила Дубинова-Эрлиха (выступавшего с лекцией о Бялике).

Два других светских общества — «ОПЕ» и «ОЗЕ» — вели скромную жизнь.

«ОПЕ» имело пару школ для девочек с несколькими прекрасными педагогами: Кренцель, Радзинская и др. Идиш как язык преподавания уже проявлял признаки ухудшения. Его пытались использовать в соответствии с духом родного языка. В связи с этим велись переговоры с директором народных школ. Также в «ОПЕ» не утихали дебаты — идиш или иврит. Петербургское «ОПЕ» созвало совещание, и мы должны были отправить своего делегата. На собрании, которое приняло решение послать делегата, разгорелась дискуссия вокруг языкового вопроса. Сионисты мобилизовали своих людей, идишисты — своих, и в конце концов было решено, что ни одна из сторон не преобладает и побеждает. Доктор Берштейн, блестящий хирург, держался со всеми на равных — просто и благородно — всё одно, будь то губернатор, или бедный водовоз. Он был спокойным и мужественным человеком, благородным и честным.

Позже, когда мы создали комитет еврейской общины, встал вопрос о принятии на себя руководства еврейской больницей. Мы провели ревизию больницы, выработали бюджет. Мне даже пришлось выступить на заседании врачей, чтобы отчитаться о больнице и представить план, как её включить в общую систему общины. Старейшим врачом больницы был доктор Лазарь Исерсон. Управляющим там в течение многих лет был бундист Шлиахтер. Его адресом и был как раз «Явке» из «Бунда» в Витебске.

6. Витебский «ОПТ»

Незадолго до Первой мировой войны у нас организовалось новое общество — «Помощь через труд» (ОПТ). Стоит дольше остановиться на этом обществе. И не только потому, что «Помощь через труд» заняла центральное место в нашей общественной жизни, но и в определенной степени из-за того, что с её организацией связаны некоторые интересные моменты.

Скончалась госпожа Понятовская, уроженка Витебска, которая принимала участие в знаменитой текстильной фирме Понятовских (в Лодзи и в Москве). В своем завещании она оставила для витебской общины 140 тысяч рублей. Её сын, Матвей Григорьевич Понятовский, приехал из Москвы в Витебск, созвал местных общественных деятелей и изложил этот вопрос: как и на что потратить такую большую сумму? После долгих обсуждений было решено, что нужно создать фонд помощи еврейским ремесленникам в Витебске. Сначала для этой цели хотели использовать ссудо-сберегательную кассу. Для этого был приглашен директор кассы, авторитетный общественный деятель Шалит. В конце концов было решено основать специальное общество, которое должно позаботиться о самостоятельной работе, но сохранить тесный контакт со ссудо-сберегательной кассой.

Было принято решение установить постоянные отношения с «ОРТ» в Петербурге и просить известного деятеля «ОРТ», инженера Л. Балатлина, специалиста в вопросах ремесла, разработать программу для «Помощи через труд». Балатлин не раз посещал Витебск. Специальная комиссия из местных деятелей работала вместе с ним. Важную роль в разработке программы этого нового общества сыграл Евгений Лурье, витебский демократический деятель, который был членом экономической комиссии при «ОРТ» в Петербурге. Он также опубликовал ряд статей в русско-еврейской прессе по проблемам экономической самопомощи среди евреев.

Когда все формальности были выполнены, было созвано общее собрание и избран комитет нового общества. Председателем был избран доктор Григорий Брук. В комитет вошли, кроме Брука: Евгений Лурье, Шмарья Медведь, Макс Тубин, Бер-Лев Гинзбург, Шмуэль Писаревский, я и еще несколько человек. Руководителем был приглашен инженер Залман Гурвич, а секретарем общества — Ливия Фридман. С самого начала работа заключалась в выдаче ремесленникам различных ссуд, а также в обучении и специализации молодых парней в ремеслах. Позже, уже во время войны, возникли более сложные задачи — создание ремесленных мастерских для портных, сапожников, жестянщиков и выполнение больших заказов для армии. Эта работа дала пропитание тысячам семей у нас в городе.

При обществе «Помощь через труд» на широких началах было создано и бюро труда. Его цель заключалась в поиске работы как для витебских рабочих, так и для беженцев, которые прибыли в Витебск. Этим бюро труда руководили мы с Евгением Лурье — и оно очень скоро стало одним из узлов рабочего движения в городе и привлекло к работе нескольких способных молодых людей (Ваймениц, Л. Гинзбург, Канин и другие).

Стоит привести некоторые сведения, характеризующие работу общества. За первые шесть месяцев — так писала пресса — «Помощь через труд» изготовила для армии через земство 100 тысяч головных уборов, 20 тысяч шинелей, 50 тысяч рубах, 400 тысяч пар кальсон. 80 рабочих заработали при этом более двадцати тысяч рублей. Общество «Помощь через труд» имело вместе со ссудо-сберегательной кассой изготовило для армии 3 421 пару сапог на сумму 15 776 рублей. В течение двух с половиной месяцев там трудились 103 сапожника, среди которых 31 были неместными (*«Еврейская неделя»* [*«Еврейская жизнь»*], 1915, № 29). Было также организовано несколько общественных мастерских, где трудились от 10 до 20 рабочих в каждой.

Работа нашего бюро труда развивалась быстрыми темпами. Только за три месяца — с 28 июня по 28 сентября — зарегистрировались 1 189 рабочих. Места работы были предоставлены 1 691 рабочему. Бюро не могло удовлетворить запросы всех работодателей, устроив лишь 551 рабочего, что составляет 46,3 процента от тех, кто получил работу. 80 рабочих получили работу в других городах через посредничество бюро труда. Мы снабжали их деньгами на дорогу, чтобы они имели возможность переехать в указанные города. Необходимость координировать деятельность с другими городами привела к созданию объединения всех бюро труда. Витебское бюро труда подняло в прессе этот вопрос и связалось с другими бюро, чтобы обсудить идею совместной работы. В феврале 1916 года в Петрограде созвали совещание, и я представлял на нем витебское бюро.

Однако было бы несправедливо оценивать общество «Помощь через труд» и наше бюро труда только с практической точки зрения. Прямая работа этих учреждений стала притягательной силой для широких слоев еврейского населения. В 1914–1916 годах наше общество стало центром еврейской жизни и в определенной степени переняло те функции, которые в более ранний период принадлежали Еврейскому литературному обществу. Достаточно было понаблюдать за атмосферой на этих собраниях, чтобы понять, насколько ясными становились дискуссии по насущным еврейским проблемам, отражавшие бурную политическую активность. Представители всех политических направлений собирались на эти встречи. Дебаты часто затягивались до поздней ночи. Политики, которые вообще мало интересовались внутренними еврейскими делами, были вынуждены замечать происходящее вокруг. В конце концов администрация обратила внимание на наши массовые собрания. И в 1916 году власть полностью закрыла оба общества, которые мозолили ей глаза: Литературное общество и «Помощь через труд» (ОПТ).

Случайно у меня оказалась связь с ликвидацией обоих обществ. Я как раз тогда заменял председателя общества доктора Брука. Доктор Брук, председатель «Помощи через труд», находился на фронте; председатель Литературного общества Адольф Левинсон также куда-то уехал. И вот в один прекрасный летний день 1916 года пришло экстренное извещение явиться в главное управление жандармерии к полковнику Шульцу. Он сообщил мне, что на основании приказа Министерства внутренних дел и командующего Двинским военным округом закрываются оба общества, и мне предлагается подписать протокол. Я попытался сначала выразить протест против такого решения. Я пытался доказать ему, что это несправедливо и вредно для еврейского населения. Полковник Шульц выслушал меня и мимоходом прочел цитату из текста (я уже забыл суть этого текста), где говорилось, что моя деятельность в Витебске вообще вредна для государственных интересов, и если бы не рекомендация министра военному командующему выслать меня на пять лет в Восточную Сибирь, то из Петрограда... ничего бы не вышло — меня бы не арестовали и не отправили в Сибирь. Из секретного циркуляра, который попал ко мне в руки уже после революции, я узнал, что эта просьба не была удовлетворена потому, что Департамент полиции был против того, чтобы меня арестовывали или высылали как человека, занимающего легальные позиции в рабочем движении. В то время я действительно был секретарем городской больничной кассы.

7. В рабочей среде

Среди различных легальных институтов рабочей среды городская больничная касса занимала центральное место. Правление кассы было смешанным, интернациональным, но ключевые посты занимали еврейские деятели.

Председателем кассы с самого начала и до Октябрьской революции, если не ошибается моя память, был Дов-Бер Гинзбург. Первым секретарем кассы был Наум Быховский, социал-демократ. Большое влияние на привлечение рабочих к кассе имела партийная принадлежность руководства. В кассе также работали следующие представители: Б. Гинзбург, русский социал-демократ Борисов, а председателем кассы от рабочих был Григорий Бородулин, очень способный и одаренный рабочий. Позже он вместе с Кузьмой Гвоздевым сыграл большую роль в рабочем движении в Петрограде, став вице-председателем Центральной рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. Вместе с ними мы организовывали совещания, чтобы обсуждать различные вопросы общественной и рабочей жизни.

В связи с этим в Витебск приезжал из Петрограда известный представитель социал-демократов Батурский, редактор русской социал-демократической газеты «Страхование рабочих». Батурский был в Витебске своим человеком.

Батурский, когда приезжал в Витебск, мало интересовался нашими нелегальными кружками, которые пытались выжить. Он был противником ликвидаторства, но интересовался новыми формами легальной социалистической деятельности, которые стали возможны в России между двумя революциями. С ним мы быстро подружились.

Второй гость, ставший впоследствии большевистским беллетристом, Сергей Решетов, приехал к нам специально из Москвы, чтобы обсудить вопросы, стоявшие перед рабочими бюро. В этом беспартийном кругу мы обсуждали все вопросы. Там мы также дискутировали по поводу участия в Общероссийском съезде, который социал-демократическая фракция в Государственной думе созвала в Москве для борьбы с дороговизной. Мы наметили в качестве делегата Дов-Бера Гинзбурга. Все рабочие организации — больничная касса, профсоюз печатников, профсоюз служащих, сапожники — подтвердили его кандидатуру. Если я не ошибаюсь, Гинзбург был единственным еврейским делегатом на этом съезде, который собрался в Москве в конце 1915 года.

Другие рабочие организации, о которых я упоминал ранее, были менее активны. Профсоюз печатников ограничивался лишь чисто профессиональными вопросами. То же самое можно сказать и о профсоюзе служащих. Однако стоит немного подробнее остановиться на этой теме. Профсоюз служащих имел совершенно иной характер и иное лицо, чем другие рабочие организации. В его деятельности отражался дух старого времени. Профсоюз, основанный много лет назад, включал в себя как служащих, так и домовладельцев. Разумеется, классовый характер союза из-за этого размывался. Даже после реформы, проведенной в 1905 году, он все еще оставался вспомогательной организацией, не более того. Всё велось в патриархальном духе, очень скромно. Председатель союза Бабин, коммерсант, либерально настроенный человек, был далек от борьбы, скорее симпатизировал союзу, как и бывшие бундисты или Дов-Бер Гинзбург, хотя последний имел там довольно большое влияние.

Я хочу упомянуть здесь небольшую сапожную артель. В этой артели участвовали 14 человек. Они ранее работали на крупные фабрики, но теперь хотели освободиться от эксплуатации. Я помог им выработать устав, как и их уполномоченному — конституцию. Во главе артели стояли два бундиста — Мендель Рашковский и Ш. Дикштейн, сыгравшие большую роль в местном рабочем движении. Артель действительно развивалась успешно.

Во время войны как в Витебске, так и в других городах организовалась рабочая группа при Военно-промышленном комитете. Эта группа провела несколько собраний, на которых разгорались бурные дебаты между «оборонцами» и «интернационалистами». Обе группы были очень слабы и не имели большого влияния. Что касается большевиков, то в Витебске не было ни одного большевика. Из Москвы иногда приезжал в Витебск студент Розенгальц. Его отец, владелец крупного магазина в городе, пользовался плохой репутацией, его считали доносчиком. Сам большевик Розенгальц не участвовал в витебских делах. После Октябрьской революции он занял важные посты в Москве. Долгое время он был министром внешней торговли, а в 1937 году, когда Сталин расправлялся с правыми и левыми коммунистами, он стал одной из жертв.

8. Беженцы в Витебске

Война стала все сильнее сказываться на городе. Потоки людей — евреев и неевреев — хлынули сюда. В течение нескольких месяцев прибыли тысячи беженцев. Они прибывали из Риги, Двинска, Шавлей, Вильны, из приграничных местечек Северо-Западного края. Витебск стал важным перевалочным пунктом. Отсюда их распределяли по учреждениям, фабрикам и заводам. Крупные типографии из Риги, которые обслуживали Рижско-Орловскую железную дорогу, были эвакуированы сюда. Также и Виленская еврейская гимназия Рубина устроилась здесь.

Через несколько дней приехал доктор Брук. За это время он сильно изменился. Он выглядел уставшим, постаревшим. Те новости, которые он привез, не были радостными. Не так давно он встречался с Милюковым, и от него доктор Брук узнал о настроениях в петроградских политических сферах. И эти новости не были оптимистичными.

Мы уже немного привыкли к военному времени, ко многим кризисам — к жилищному кризису, продовольственному кризису, топливному кризису и т. д. Никакая спекуляция у нас также не обходилась без взятки. Одним словом, в Витебске воцарилась атмосфера «последних дней».

И вдруг — новый ад! Мы погрузились в самую глубину еврейской трагедии. С фронта начали поступать сообщения о жестоких преследованиях евреев. Фантастические истории о еврейском предательстве, сказки о шпионаже публиковались в официальных военных газетах. Ко всей этой клевете добавилось «дело Кушни» (*), которое потрясло всё еврейское население. Оно напомнило нам о погромах, деле

Бейлиса, высылках и преследованиях прежних времен. Чтобы прояснить историю с Кушни, левые фракции Государственной думы направили Керенского расследовать это дело. Еврейский депутат Фридман — его не хотели пускать в Ставку — расспросил местных людей. Из расследования стало ясно, что всё «дело Кушни» является чистой клеветой, сфабрикованной и подготовленной антисемитами в Ставке. К нам из Москвы приехал адвокат Аарон Фактор, который провел расследование дела Кушни. В своем докладе он раскрыл перед нами низость высшего командования русской армии, которое распространением слухов о якобы еврейском предательстве готовило почву для дальнейших преследований евреев.

** Примечание автора:* «Справка» официально объявила, что в литовском местечке Кушни евреи прятали немцев в своих подвалах и после этого подожгли местечко со всех сторон. Вся эта история была клеветой. Когда немцы заняли Кушни, там не оставалось ни одного еврея. Всё это было хорошо известно военной власти, но это не помешало ей создать вокруг Кушни целую историю о «еврейском предательстве».

Вскоре мы в полной мере ощутили эти беды. В мае — июне 1915 года начались массовые депортации евреев из балтийских регионов и Ковенской губернии. Открылась новая глава в великой еврейской трагедии. Ни один человек, видевший это несчастье своими глазами, никогда не забудет те ужасные ночи, когда в Витебск прибывал один товарный поезд за другим, до отказа забитый людьми. Старики и дети, больные, целые детские приюты, сумасшедшие из лечебниц — все были эвакуированы. Напуганные, грязные, с потемневшими лицами, брошенные, потерявшие веру в Бога и людей, они смотрели на нас, «счастливчиков». Мы должны были дать им кров, еду, питье и оказать медицинскую помощь.

Было уже около 2–3 часов ночи. Мы, группа витебских евреев, стояли у рельсов, недалеко от вокзала, ожидая прибытия товарного поезда, «нашего поезда». Мы уже знали, что этот поезд везет беженцев к нам и что их нужно где-то разместить в Витебске. Тяжелая меланхолия висела в воздухе. В темноте ночи у рельсов прохаживались около 15–20 человек, витебских еврейских интеллигентов. Грубые или пьяные железнодорожные служащие сгоняли нас с путей и осыпали проклятиями. Наш протест мало чем помогал. И тут на помощь снова пришел наш доктор А. Берштейн. Он лично позвонил губернатору домой и потребовал, чтобы тот немедленно прибыл на вокзал и распорядился принять беженцев. Через полчаса на станцию действительно прибыл чиновник от губернатора и навел порядок. Мы распределили беженцев по нескольким группам, под присмотром нашей молодежи отвели их на квартиры, которые были определены заранее.

Было не так-то просто найти места для такого количества беженцев. Прежде всего людей размещали в синагогах и молитвенных домах (батэй-мидраш); затем постепенно находили и частные квартиры. Специальные группы женщин, учителей взяли на себя заботу о снабжении беженцев едой и одеждой. Доктора также подключились к этой спасательной работе. Молодежь, которая ранее стояла далеко от еврейской общественной жизни, теперь спонтанно мобилизовалась. Всё еврейское население, как только узнало, что прибыли изгнанники, поспешило на помощь. Тысячи беженцев прибыли в город. Город почувствовал, что на него ложится определенная ответственность. Город преобразился, когда пришла большая беда, и все витебские

евреи забыли все прежние распри и разногласия и принялись помогать несчастным. Вскоре было получено разрешение от администрации организовать Общество помощи жертвам войны. Согласно прессе, уже к началу июня в Витебске скопилось более 3 000 беженцев... Самым острым и болезненным был жилищный вопрос. Для беженцев в темных комнатах, в синагогах, воздух был удушающим. Многие спали прямо на полу. Большинство беженцев — женщины, дети и старики — не могли работать (*«Еврейская неделя»*, 1915, № 3). Позже число беженцев, которых приходилось содержать, достигло 5 000 – 6 000 человек.

Не только в самом Витебске, но и вокруг него, в других городах и местечках Витебской губернии развивалась широкая общественная деятельность по помощи беженцам. Наше новое общество созвало совещание. На это совещание прибыли специально приглашенные Меер Пинслив с ближайшими сотрудниками: госпожой Пинслив-Лагуновой, Валентиной Винавер, Урянским и др. Центральное общество помощи беженцам (ЕКОПО) назначило своим уполномоченным доктора Одеса, который помогал нам в нашей работе. Вскоре к нам приехал и известный общественный деятель Мирон Крейнин.

В то же время Земский комитет в Москве направил в Витебск своего уполномоченного Шполянского, чтобы организовать помощь беженцам — евреям, латышам, литовцам и др. Был создан специальный интернациональный комитет под председательством витебского земского деятеля Карташева. Я тоже вошел в этот комитет. В Пскове член Государственной думы Савченко, который по поручению правительства занимался организацией помощи беженцам в государственном масштабе, также создал отделение Татьянинского комитета — официального учреждения, преследовавшего те же цели.

Я рассказываю обо всех этих обществах потому, что мы, представители еврейской общественности, были вынуждены иметь с ними дело. Мы просили у них поддержки для еврейских беженцев. Если я не ошибаюсь, была выделена делегация из трех человек — доктор Л. Исерсон, доктор А. Берштейн и я — для переговоров с упомянутым комитетом. Не раз мы проводили заседания под председательством витебского земского деятеля Карташева. Одно заседание я провел в присутствии губернатора. Там мы включили в бюджет еврейского общества помощь жертвам войны.

9. Попытки создать еврейскую общину

Все наши заботы были сосредоточены прежде всего на одном важнейшем вопросе: как получить денежные средства, чтобы смягчить нарастающую нужду? Это заставило нас подумать о бюджете наших учреждений. Было ясно, что без легальной и признанной властями общины-кехилы мы не сможем решить эту проблему. Проблема еврейской общины стала насущным вопросом дня. Община, которая имела бы право вводить обязательный налог на еврейское население, стала бы финансовым спасением, единственным выходом из наших финансовых трудностей. Ранее мы пытались провести самообложение в рамках Общества помощи жертвам войны. Как раз сейчас у меня под рукой отчет о результатах этого самообложения, и я имею возможность привести некоторые интересные цифры из этих данных.

Это самообложение, которое Общество помощи жертвам войны провело, охватило около 4 600 плательщиков и принесло за семь месяцев (с сентября 1915 по апрель 1916 года) более 100 тысяч рублей. Очень важно отметить, что не только состоятельные слои еврейского населения внесли свой вклад, но и мелкие торговцы, ремесленники, служащие и рабочие приняли участие в этой акции. Демократический характер этих сборов можно наглядно увидеть из следующей таблицы:

Число плательщиков	Сумма взноса (в рублях)	Число плательщиков	Сумма взноса (в рублях)
2 500	от 1 до 3	2	до 800
1 000	" 3 " 10	1	" 900 "
500	" 10 " 25	1	" 1100 "
250	" 25 " 60	3	" 1200 "
60	" 60 " 100	3	" 1300 "
100	" 100 " 300	2	" 1400 "
25	" 300 " 500	1	" 1500 "
10	" 500 " 700	1	" 2000 "

С самого начала нам было ясно, что невозможно на основе добровольных взносов содержать весь бюджет еврейской общины. Эти собранные 100 тысяч рублей едва покрывали лишь треть бюджета. Тем не менее, это уже был большой шаг вперед по сравнению с рутинными сборами в синагогах, с «тарелочными сборами» и «кружками», которые практиковались во время похорон или при вызове к Торе. Даже уличные сборы, которые проводились время от времени, не давали больших результатов — не более 2 000 – 5 000 рублей (только в 1915 году уличный сбор принес 13 000 рублей).

Несмотря на то, что с помощью этого самообложения можно было покрыть лишь треть бюджета общины, тем не менее был указан верный путь, по которому должна идти будущая еврейская община. Нельзя забывать, что еврейское население Витебска составляло тогда от 10 до 12 тысяч семей. И если откликнулись 4 600 семей, готовых поддержать наши институты, это было хорошим доказательством того, что у общины есть отличные перспективы.

Забота о покрытии бюджета всех еврейских учреждений была вопросом не только для еврейского населения Витебска. С такой же проблемой сталкивались все города и местечки с еврейским населением. Обычно часть бюджета общины покрывалась за счет «коробочного сбора». Наше отношение к коробочному сбору было в целом негативным. Это был налог на кошерное мясо, то есть специальный налог на бедных евреев. Руководство этим сбором находилось в руках городского управления, которое использовало эти средства по своему усмотрению — на нужды города, а еврейские бедняки получали от коробочного сбора лишь малую долю, фактически копейки.

Один раз мы созвали специальное заседание, чтобы обсудить вопрос о коробочном сборе. На заседание пришел Исраэль Вишняк, банкир и старый общественный деятель. Он предложил нам проект: если коробочный сбор принесет не менее 200 тысяч рублей дохода, его следовало бы полностью передать в руки еврейского общества. Если управление общины передадут общественному деятелю, то община сможет получить около 48 тысяч рублей для наших институтов, в то время как в текущем году было получено лишь 20 тысяч рублей. С помощью этих денег — вместе со 100 тысячами рублей от самообложения — можно было бы покрыть весь бюджет общины. Нам этот план очень понравился. В особенности потому, что мы понимали: легализация еврейских общин заставит себя ждать еще очень долго.

Хотя подобный проект и лежал в Государственной думе, было ясно, что так скоро он не пройдет. Поэтому приходилось искать паллиативные, временные средства. Мы находились в постоянной переписке с другими общинами, чтобы прояснить ситуацию. Поскольку городские думы тогда в военное время были настроены несколько прогрессивно, можно было практически использовать институт «почетных граждан и жителей» (*) и под этим прикрытием фактически легализовать общину и взять под контроль коробочный сбор, что принесло бы большие средства.

Перспектива получить для общины около 300 тысяч рублей дала бы возможность обеспечить в бюджете не только традиционные религиозные и учебные заведения, но и бюджеты всех культурных и экономических обществ, которые постоянно нуждались в средствах. Эта надежда не только радовала нас финансово, но и придавала сил для дальнейшей общественной работы.

Я хочу здесь вкратце описать, как именно мы организовали в Витебске совет общины. Прежде всего мы обратились ко всем еврейским обществам, чтобы они предоставили нам необходимые сведения о количестве своих членов, а также указали свои доходы и расходы. Эти сведения были нам необходимы, чтобы составить общий бюджет общины. Затем мы предложили, чтобы каждое общественное учреждение выбрало — соразмерно своему общему собранию — двух делегатов, которые войдут в совет общины. А если не будет возможности созвать общее собрание, пусть правление

учреждения временно выберет этих двух делегатов. Сразу же возникли и другие важные организационные вопросы, например, вопрос о том, как должны быть представлены синагоги (батэй-мидраш), и должны ли раввины также войти в совет общины. Мы решили эти вопросы положительно, то есть включили в совет общины шесть раввинов, которые тогда были в Витебске. Более того, часть жалования раввинов была включена в общий бюджет.

С самого начала было ясно, что невозможно построить секулярную светскую общину; слишком много места в нашей еврейской жизни занимало всё, что было связано с религиозной традицией

** Примечание автора:* Тот, кто интересуется всеми подробностями, связанными с коробочным сбором и этим планом, может ознакомиться с моими двумя статьями «Вокруг коробочного сбора», которые я опубликовал в русско-еврейской прессе («Еврейская неделя», Петроград, № 44, 45, 1916).

Однако сразу же возникла оппозиция, особенно в бундистских рабочих кругах, против того, чтобы признавать религиозную общину как в принципе, так и на практике. Об этом я уже немного рассказывал ранее, когда характеризовал настроения в социалистических кругах. В конце концов бундистские рабочие, вошедшие в совет общины, примирились с этой мыслью, осознав, что раввины и старосты (габаим) молитвенных домов (батэй-мидраш) являются органической частью еврейской демократии. Этому, возможно, способствовал и психологический фактор: при ближайшем знакомстве раввины и габаим не произвели на рабочих активистов плохого впечатления. Напротив, они очень импонировали своим поведением.

С подготовительной работой закончили довольно быстро, и уже можно было созвать совет общины. Он состоял примерно из 70 членов (между собой мы называли этот совет нашим синедрионом). Сейчас я не могу вспомнить имена всех членов совета общины. Президиум, если я не ошибаюсь, состоял из пяти человек: председателем был избран доктор Лазарь Исерсон, членами президиума — адвокат Яков Юдин и практичный коммерсант Макс Тубин. Все трое принадлежали к народной группе Винавера. Казначеем стал лесопромышленник Моше Левинсон, а я — секретарем.

Я хочу упомянуть здесь еще нескольких общественных деятелей, которые были преданы общинной работе всем сердцем и душой. Из религиозных кругов в общине были активны: Шмарьягу Медведь, человек очень умный и способный; раввин Медалье, который отличался хорошими светскими и подлинно демократичными отношениями с людьми; Вольфсон — горячий, темпераментный оратор у сионистов; Галяркин — владелец крупного стекольного завода; типичный и практичный активист Именитов, имевший репутацию «сердитого еврея» — этой своей «сердитостью» он прикрывал глубокую преданность делу помощи. Это были представители правой фракции в совете.

Левую фракцию представляли мы, бундисты и социалисты. Среди них я могу назвать Бер-Лева Гинзбурга, сапожников Ривкина и Рашковского.

Между этими двумя крайностями, которые, к слову, были не такими уж крайними, находилась также группа демократических деятелей — прежние социалисты, теперь

настроенные несколько умереннее. Они поддерживали с нами очень близкие отношения. Ранее у меня уже была возможность охарактеризовать их и назвать их имена. Среди них особенно выделялся Шмуэль Писаревский, образованный и умный человек, вызывавший у всех нас глубокое уважение. Шмуэль Писаревский особенно выдвинулся в еврейских кругах в 1917 году после октябрьского переворота, когда он стал председателем комиссии, которая хотела организовать в Витебске демократическую еврейскую общину на основе всеобщего и равного избирательного права. Почему организацию общины так долго затягивали, мне неизвестно. Во время Февральской революции эта возможность не была использована. Выборы в еврейскую общину провели только в марте — апреле 1918 года. Результат этих выборов мне неизвестен. Мне пришлось покинуть Витебск еще раньше, когда он уже находился под давлением большевистского террора. Но хотя меня уже не было в Витебске, «Бунд» выставил мою кандидатуру на выборах в общину, и я был избран. В июне 1918 года в Москве состоялся первый съезд еврейских общин России. Раввин Медалье, который также был избран делегатом на съезд, как раз в Москве и передал мне этот мандат.

В заключение я хочу упомянуть здесь, почему в 1917 году я отделился от совета. Накануне Февральской революции в общине вспыхнул конфликт между нами, левыми, и правыми. Военные власти хватали людей на улицах и отправляли их на различные тяжелые работы по всему городу. Никакие протесты не помогали. Некоторые из наших вожakov пришли к мысли нанимать бедняков за счет богатых молодых людей и отправлять их на работу. Горячий Вольфсон стал главным защитником этой «блестящей» идеи. Мы, социалисты, решительно боролись против этого. Мы требовали, чтобы еврейскую общину оставили в покое с подобными сделками. После того как большинство приняло это предложение, левые покинули заседание. Мы вступили в затяжной конфликт. Но об этом конфликте мы все забыли, как только вспыхнула революция.

Вот перевод следующего крупного фрагмента книги (страницы 210–214 оригинального текста), который открывает новую главу мемуаров под авторством Цви Кана. Эта часть посвящена зарождению хасидизма в Витебске и двум его столпам — р. Менахему-Менделу Витебскому и р. Шнеуру-Залману из Ляд.

ЦВИ КОГАН | Р. МЕНАХЕМ-МЕНДЕЛ И Р. ШНЕУР-ЗАЛМАН ИЗ ЛЯД

1. Менахем-Мендел Витебский

Город Витебск занимает в истории хасидизма весьма значительное место благодаря тому, что в нем жили и вели свою деятельность два великих мыслителя, бывшие главными учениками р. Дов-Бера из Межирича. Именно они стали организаторами и распространителями хасидского движения. Первым был р. Менахем-Мендел из Витебска, создатель движения «коллелей» (общин) в Эрец-Исраэль; вторым — р. Шнеур-Залман бен Барух, создатель течения Хабад в хасидизме.

Сам термин «коллель» возник гораздо позже. Раньше те деньги, которые собирали в Литве и на Руси на содержание тех, кто уезжал жить и учиться в Эрец-Исраэль, назывались «халука» (распределение). Впоследствии, когда начали собирать средства на эти цели и в других странах, таких как Польша, Германия, Венгрия, Румыния и т. д., вполне естественно, что каждая страна захотела иметь свою отдельную группу (коллель), которая заботилась бы о своих мудрецах в Эрец-Исраэль. Так возникли «коллели», состоявшие из коллеля Руси, коллеля Польши, коллеля Германии и им подобных.

Р. Менахем-Мендел в совсем молодые годы учился у Магида из Межирича, еще до того как тот стал духовным преемником Баал-Шем-Това (Бешта), а после кончины Бешта р. Менахем-Мендел поехал к Магиду и стал его верным последователем. Он подолгу беседовал с ним как о явном, так и о скрытом учении (каббале).

В хасидском мире ходит множество легенд о том, как р. Менахем-Мендел стал лидером хасидского движения в Белоруссии.

В те времена поездка из Литвы и Белоруссии в Межирич была делом крайне нелегким. Приходилось добираться неделями, и подолгу задерживаться в пути. Из-за трудностей дороги бедные хасиды часто жаловались Магиду. Магид воззвал к ним:

— У меня есть для вас совет. Вам вовсе не нужно каждый раз приезжать ко мне. Достаточно того, что вы будете видеться с р. Менделом в Витебске, и он заменит вам меня. Ступайте к нему, и пусть он повяжет мой пояс (гартл) вокруг своих глаз, и тогда он сможет видеть так же, как вижу я.

И вот группа хасидов немедленно отправилась в Витебск, чтобы найти того, кого зовут р. Мендел. Но когда они прибыли в город, они никак не могли его отыскать. В какой бы еврейский дом они ни постучались с расспросами, кого они ищут, им отвечали:

— Какого р. Мендела? У нас в Витебске живет много евреев по имени Мендел. У нас есть Мендел, который учится день и ночь, так что его можно смело назвать р. Менделом. Может быть, вы имеете в виду его?

Однако хасиды сразу поняли, что речь идет о нем. Они пошли к нему, повязали вокруг его глаз гартл Магида, и тотчас он превратился в совершенно иного человека — на него снизошла Божественная шехида, и он обрел покой. С тех пор он стал известен как р. Менахем-Мендел Витебский, учитель и предводитель.

Хасидские легенды также рассказывают о р. Менахеме-Менделе, что он любил щеголять в красивых одеждах, что было совсем не в обычае молодых людей и учащихся в Белоруссии в те времена. Он очень строго следил за тем, чтобы его волосы были аккуратно подстрижены, и чтобы во всем его облике сквозила опрятность. Рассказывают, что именно из-за этой его привычки он однажды в пятницу засиделся, ожидая Бешта (Баал-Шем-Това), и из-за этого опоздал с приготовлениями к субботе. Согласно хасидским преданиям, р. Менахем-Мендел в молодости учился у р. Дов-Бера из Межирича. Как-то раз р. Дов-Бер сидел и учился, а этот юноша сидел рядом и очень радовался, но его шапка сдвинулась набок и вот-вот должна была упасть. Р. Дов-Бер тихо спросил его:

— Сколько листов Гемары ты выучил сегодня?

Юноша ответил ему:

— Шесть.

На это р. Дов-Бер сказал:

— Если шесть листов Гемары могут так вскружить голову, что шапка чуть не слетает с нее, то сколько же листов Гемары нужно выучить, чтобы она слетела окончательно?

Р. Менахем-Мендел сразу понял намек, и этот упрек так глубоко запал ему в душу, что он раскаялся, стал горько плакать и пообещал, что исправится. Ранее р. Дов-Бер утешил его, пообещав взять его с собой к Бешту. И вот они отправились в путь и прибыли в Меджибож в пятницу. Р. Дов-Бер сразу же пошел к Бешту и сообщил ему о приезде юноши, и что р. Менахем-Мендел скоро тоже явится. Но р. Менахем-Мендел так долго прихорашивался, что это заняло у него целых два часа, а Бешт имел обыкновение встречать субботу уже в полдень. Бешт из-за этого более не принимал его в тот день и даже не ответил ему «Шалом алейхем» в субботу вечером, когда тот пришел раскурить его трубку (люльку).

После кончины Бешта р. Менахем-Мендел поехал к Магиду вместе со своим лучшим другом р. Шнеуром-Залманом бен Барухом. После того как Магид ушел из жизни 19 кислева 5533 года (декабрь 1772), в еврейской среде начался глубокий раскол, и в Вильне был объявлен херем (анафема) против хасидов. Этот херем стал тяжелым ударом для хасидского движения. Во многих местах их миньяны (молитвенные собрания) разгонялись. Лишь спустя время они смогли вновь собираться и открывать свои миньяны, особенно в Белоруссии. Как раз в то самое время Белоруссия была оторвана от Польши и присоединена к России.

Этот херем принес немало бед, породив ненависть и раскол, а также доносы с обеих сторон — как со стороны митнагдим (противников хасидизма), так и со стороны хасидов. В то самое время херем вызвал у хасидов сильное желание и далее распространять свое учение. Они не могли забыть слова Бешта:

«Однажды, — рассказывал Бешт, — я повстречал на пути к небесам Мессию и спросил его, когда же он придет. На это он ответил мне: "Я приду тогда, когда твои мысли и твои тайны, которые я открыл тебе, распространятся и станут известны всему миру"... И те ученики свято верили, что еврейский народ не будет спасен, пока учение Торы не завоеует мир».

После кончины Магида его ученики разъехались по разным странам. Группа хасидов из Белоруссии — р. Менахем-Мендел Витебский, р. Шнеур-Залман Лиозненский, р. Исраэль Полоцкий и р. Авраам Калискер — начали распространять хасидизм в своем крае. С общего согласия всех присутствующих было речено, что р. Менахем-Мендел станет их ребе, а р. Шнеур-Залман будет первым, кто станет разъяснять его учение. Р. Менахем-Мендел был чрезвычайно популярен среди хасидов, став для них учителем и советчиком.

О деяниях р. Менахема-Мендела можно узнать из множества его писем, которые были напечатаны в книге «При ха-Арец» («Плод земли»), изданной его учениками после его кончины. Из них видно, что он не отличался от других цадиков (праведников). Он был очень скромен и не считал себя чудотворцем. Сохранилось письмо, в котором он отвечает одному из своих хасидов, просившему его помолиться, дабы Всевышний послал его жене сына-первенца. Он пишет ему дословно следующее:

«...Но самое главное — это твоя просьба о детях... Я очень сильно стыжусь этого. Разве я стою на месте Бога? Да, Бешт был великим человеком. Он мог отменять приговоры, и это исполнялось. Никого из старых цадиков, подобных ему, уже нет в живых. И хотя в нашем поколении есть много великих праведников, у которых уста могут говорить, а очи видеть пророчества, я к ним не отношусь...»

Р. Менахем-Мендел был ребе в течение пяти лет — с 5532 по 5537 год (1772–1777). В то время он жил в местечке Городок, неподалеку от Витебска. Позже, однако, как рассказывают, он почувствовал, что не может достичь должного духовного возвышения (алият нешама), пока находится в изгнании (галуте), и тогда у него зародилась мысль переселиться в Эрец-Исраэль. Возможно также, что р. Менахем-Мендел, который все это время стремился установить мир между двумя течениями в еврейской жизни — между митнагдим и хасидами, — в конце концов не выдержал преследований со стороны противников и окончательно решил на переезд. А то, что хасиды еще в 1764 году (до поездки учеников Бешта в Эрец-Исраэль, куда отправились р. Нахман из Городка и р. Мендел Перемышлянский вместе с группой галицийских хасидов) обосновались там, послужило дополнительным стимулом.

Когда его близкие друзья и приверженцы услышали это, они заявили ему, как некогда Руфь заявила Ноэмини: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду». Таким образом, вокруг него быстро сформировалось движение из примерно 300 душ, которые решили подняться (совершить алию) вместе с ним в Эрец-Исраэль. Что касается массовой эмиграции в Эрец-Исраэль, которая была первой за многие сотни лет, существует множество легенд в хасидских книгах. Но одно можно утверждать наверняка: р. Менахем-Мендел Витебский намеревался уехать в Эрец-Исраэль, чтобы заключить мир между хасидами и митнагдим, дабы еврейский дом снова объединился. С этой целью он согласился со своим младшим другом, р. Шнеуром-Залманом, поехать в Вильну и объясниться с Виленским Гаоном. Они надеялись, что им удастся заключить мир между двумя сторонами. Однако приближенные Гаона подстроили так, что он даже не впустил их к себе. Тем не менее приближенные все же испытывали страх, как бы Гаона не переубедили, и он не заключил бы мир с хасидами. Поэтому по их настоянию он покинул город Вильну на несколько дней и вернулся только тогда, когда р. Менахем-Мендел Витебский и р. Шнеур-Залман уже уехали восвояси.

Вскоре после этого р. Менахем-Мендел вместе с р. Исраэлем Полоцким и р. Авраамом Калискером в середине месяца адар 5537 года (1777) покинул Россию во главе общины численностью около 300 еврейских душ. В том же году, в месяце элул, они прибыли в город Цфат.

Когда р. Менахем-Мендел уже был готов отплыть в Эрец-Исраэль, хасиды окружили его, плача и взывая: «На кого же ты покидаешь нас, ребе?» Тогда р. Менахем-Мендел

указал им на р. Шнеура-Залмана и произнес: «Он достоин занять мое место!» Так оно и случилось. Р. Шнеур-Залман вскоре после отъезда р. Менахема-Мендела стал главой и предводителем всех хасидских групп в Литве и Белоруссии.

Но и в Эрец-Исраэль фанатичные митнагдим не давали хасидам покоя. Они отправляли в Эрец-Исраэль своих специальных посланников (мешулахим), р. Саадию и других, что породило и там жестокие раздоры. В своих письмах р. Менахем-Мендел жаловался на митнагдим, которые и в Святой Земле разжигали костры вражды, мешая ему поддерживать контакт с хасидами в России. И, как пишет Ш. Дубнов в своей «Истории хасидизма», р. Менахем-Мендел часто посылал своим хасидам за границу (в диаспору) письма, в которых наставлял их на путь хасидизма, отвечал на их вопросы о вере, а также касался повседневных житейских дел.

Р. Менахем-Мендел скончался в Твери в первый день месяца ияр 5545 года (1785).

2. Рав р. Шнеур-Залман

Он был в городе Витебске великим мастером, ребе и философом, галахическим авторитетом (посеком) и организатором. Р. Шнеур-Залман бен Барух глубоко осмыслил и разработал систему Хабад (акроним от слов Хохма — мудрость, Бина — разумение, Даат — знание).

הרב שניאור-זלמן

Р. Шнеур-Залман родился в 5508 (1748) году в местечке Лиозно в весьма знатной семье. Женился он в возрасте 15 лет на дочери витебского богача р. Иегуды-Лейба Сегалю. Его тесть договорился с зятем, что предоставит ему отдельную комнату (хедер), где тот сможет сидеть и учиться. Именно в этой комнате р. Шнеур-Залман в то время принял решение построить большой дом, который впоследствии превратился в Межирич, а сам он стал «приемником и сосудом» в руках Магида р. Дов-Бера.

В возрасте 20 лет р. Шнеур-Залман стоял на распутье. Он уже тогда был известен как великий знаток Талмуда. К тому времени он уже прослышал о великом кабалистическом движении, которое распространялось в еврейской среде. С другой стороны, его манило поехать к Виленскому Гаону. Он стоял перед дилеммой: куда же все-таки ехать, где учиться и стать великим знатоком? В конце концов выбор пал на поездку в Межирич к Магиду. На дорожные расходы тесть денег давать не хотел, поэтому ему пришлось идти пешком.

Прибыв в Межирич, он встретился с величайшими праведниками того времени: с р. Леви-Ицхаком из Бердичева, р. Нохумом Чернобыльским, р. Аароном Карлинером, р. Менделом Витебским, р. Элимелехом из Лижска и многими другими. И. Хародецкий очень точно описывает эти годы ученичества и лидерства: «Магид сразу же разглядел в нем глубокий ум, понял, кто он и кем станет в будущем. Он очень приблизил его к себе и сделал его товарищем для своего единственного сына, р. Авраама, который в хасидском мире известен под именем Ангел (Малах). Р. Шнеур-Залман учился с ним: открытому учению (глубокой галахе) обучал он р. Авраама, а тот учил его тайному учению (каббале)».

Рассказывают, что однажды, когда р. Шнеур-Залман зашел к Магиду, тот воскликнул: «Этот литвак — просто чудо!» А когда Магид увидел, что р. Шнеур-Залман засмутился, он поспешил добавить: «Не бойся, ты не обычное чудо, а чудо из Литвы, и теперь ты один из наших».

Полтора года р. Шнеур-Залман провел в Межириче, после чего вернулся домой в Витебск, где его ждала жена. Дома он оставался недолго, так как его снова неудержимо тянуло в Межирич к Магиду.

Но примечательно то, что р. Шнеур-Залман с самого начала своей юности не удовлетворялся исключительно лишь духовными материями, а уже тогда начал живо интересоваться экономическим положением евреев. Мы приведем здесь выдержки из того, что пишет любавичский ребе, адмор р. Иосиф-Ицхак, который был шестым в ряду лидеров Хабада, описывая эти события в своих записях:

«Старый Ребе (р. Шнеур-Залман), который был известен под именем Рав из Ляд, автор книги "Тания", с самого детства питал глубокую любовь к земледелию. Он был одним из первых в свое время, кто призвал еврейский мир к тому, чтобы люди брались за производительный труд. Еще будучи совсем молодым, он прилагал много усилий для помощи евреям, которые были изгнаны из пограничных зон в Богемии и стали беженцами, стремясь помочь им обустроиться на земле, рядом с его покойным отцом р. Барухом. Многие из них действительно вняли его совету и обосновались в этой местности».

Далее адмор р. Иосиф-Ицхак пишет:

«Когда Старый Ребе стал зятем р. Иегуды-Лейба Сегалья в Витебске, он согласился на помолвку при условии, что отец невесты отдаст в качестве приданого всю сумму — 5 000 золотых дукатов — лично ему в руки, чтобы он мог использовать эти деньги по своему усмотрению и тесть не вмешивался. Через год после свадьбы Старый Ребе с согласия своей жены, ребецн Стерны, передал все это приданое группе еврейских семей, которые хотели осесть на земле и заняться сельским хозяйством. Эти деньги были потрачены на покупку участков земли, скота, рабочих орудий, а также на постройку мельницы, прядильни для шерсти и льна, и на строительство домов для этих семей, которые обосновались там... Сам Ребе лично принимал участие в этих заботах, но при этом продолжал много ездить и время от времени выступал с проповедями перед людьми, призывая евреев оставлять свои "воздушные" профессии и браться за производительный труд на земле. Он также часто призывал людей выделять время для изучения Хумаша, Мишны и тех, кто может больше, — для изучения Гемары».

Но еще больше Старый Ребе начал интересоваться экономическим положением евреев, когда впервые побывал в Межириче и узнал, что и в хасидском движении думают об улучшении еврейских заработков.

«Когда Старый Ребе впервые прибыл в Межирич, он узнал от Бешта о его подходе к улучшению заработка евреев через производительный труд и сельское хозяйство, через создание пашен и разведение птицы, овец и скота, а также через пчеловодство. Поэтому, когда он вернулся домой в Витебск, он сразу же развернул широкую агитацию среди евреев, призывая их браться за сельскохозяйственные работы. Он также организовал сбор средств, чтобы евреи могли воспитывать своих детей в духе труда. Он настаивал на том, чтобы молодежь обучалась Торе, но при этом все еврейские юноши имели бы и ремесло».

«В то время, — пишет далее р. Иосиф-Ицхак, — вышел указ от правительства, согласно которому евреев забирали на тяжелые земляные работы, если их освобождали от подушного налога. Это произвело огромное впечатление на все еврейские общины, и многие из тех, у кого не было постоянных источников дохода, добровольно записывались на эти работы...»

3. Учение Хабад

Р. Шнеур-Залман был признан одним из «светил галута», известным «законоучителем и исследователем» своей эпохи, которую можно поставить в один ряд с периодом от р. Амрама Гаона в X веке до Рамбама в XII веке и далее до XIV века.

Р. Шнеур-Залман был во многих деталях очень похож на Рамбама. Точно так же, как р. Моше бен Маймон в свое время создал для еврейского народа кодификацию законов в ясной и простой форме, так же и р. Шнеур-Залман позаботился о создании аналогичного кодекса законов для современных ему евреев. Он создал свой труд «Тания», чтобы указать путь, сочетающий веру и разум, подобно тому как «Путеводитель растерянных» в свое время указывал путь через размышление (*хитбоненут*).

Этот Ребе был яркой и многогранной личностью, в которой всякий раз можно было увидеть новые черты. Он был гигантом Галахи, равным которому в его время не было никого, за исключением разве что Виленского Гаона, с которым его можно сравнить. При этом он был великим кабалистом, глубоко проникшим в тайны «Пардеса» и вышедшим оттуда с миром. Он был Ребе, который стремился помочь каждому еврею, а с другой стороны — ученым с широким научным кругозором. Он был общественным деятелем, стремившимся улучшить положение евреев через производительный труд и создание ремесел; он также был выдающимся педагогом, разработавшим целую систему воспитательных учреждений для еврейских детей, и одновременно великим визионером с редким талантом организатора, руководившим всем твердой рукой, будучи величайшим искателем мира, но и на этом нельзя останавливаться, ибо его личность была гораздо шире.

Каково же было подлинное учение Хабад? В чем заключалась его суть? В чем он соприкасался с философско-мистическим учением, которому дал имя «Хабад»?

Мы попытаемся изложить это здесь вкратце. Согласно хасидской традиции, то, что начал Ребе, уходит корнями туда, где стоял Бешт. Иными словами, р. Шнеур-Залман часто говаривал о Беште, что тот был его духовным дедом, а сам он считал себя его духовным внуком. И в иерархии поколений лидеров Любавича Бешт считается самым первым первоучителем. Из этого следует, что учение Хабад — это вовсе не какая-то новая система, а прямое продолжение того, чему учил Бешт.

Согласно книге «Тания», все, что существует в мире, — это лишь одеяние Всевышнего. В этом одеянии Бог открывает Себя человеку. Все, что есть в мире, на самом деле является ничем по сравнению с Божественной силой (*коах ха-элоки*), которая оживляет и творит все вещи из ничего (*ме-аин ле-еш*). Когда мы видим вещь, нам кажется, что эта вещь и есть абсолютная материальная реальность, но это не так, и это видение ложно. Мы не можем видеть своими глазами Божественную силу, которая присутствует в каждом творении, в каждой вещи, в миллионах и миллиардах атомов и оживляет их. Если бы когда-нибудь произошло чудо, и мы смогли бы увидеть своими глазами ту Божественную искру, которая оживляет каждую вещь, и если бы мы смогли узреть Божественную силу, которая исходит из Божественной сущности и овеществляется в материи, тогда вся материальность мира исчезла бы, превратившись в абсолютное ничто. Материальный мир растворился бы в Божественной силе, которая во много раз больше, глубже, выше и фундаментальнее.

Душа человека, учит Хабад, состоит из двух начал: животной души (*нефеш ха-бехемит*) и Божественной души (*нефеш ха-элоки*). В человеке присутствует также оболочка зла (*клипа*), из которой происходят все влечения к материальным удовольствиям этого мира и дурные качества. Но зато в человеке есть и «часть Божества свыше» (*хелек элока ми-мааль*), которая призывает его к справедливости, честности, милосердию, любви и суду, помогая ему оставаться человеком.

Божественная часть души человека состоит из трех начал: Хохма, Бина, Даат. «Хохма» — это благость (*хесед*), «Бина» — это строгость (*дин*), требующая доходить до самого конца, до сути («пусть закон прорубит гору»). «Даат» означает понимание и примирение между ними, их объединение, дабы проложить средний путь. «Познание

Бога свыше» означает творить мир между благостью (*хесед*) и строгостью (*дин*), гармонию между справедливостью и честностью.

Согласно Хабаду, основой является «размышление, превосходящее эмоциональный восторг» (*хитбоненут ха-гвура ве-хитпаалут*). Это значит, что понимать вещь разумом — это гораздо выше и важнее, нежели просто испытывать эмоциональный восторг. Разум стоит выше чувств. Поэтому в человеке должен действовать принцип «власти разума над сердцем» (*шлитат ха-моах аль ха-лев*). Человек должен служить Создателю из глубин размышления, а не из простого «порыва чувств». Служение должно рождаться из любви и страха Божьего (*ахава ве-йира*). Любовь и страх, которые человек обретает через познание путей Торы, — это гораздо выше, чем слепые эмоции, идущие от сердца. Высшее признание Бога заключается в том, что человек должен соблюдать все законы Шулхан Аруха, ибо именно в них открывается воля Творца.

Согласно каббале, существуют четыре мира, которые получают свое излияние от Бесконечного (*Эйн Соф*): Мир Ацилут (Эманация), Мир Брия (Творение), Мир Йецира (Формообразование) и Мир Асия (Действие). Мир Ацилут — самый высший мир, в нем царит полная гармония между всеми идеями, мыслями и концепциями. Там нет борьбы, потому что этот мир находится надо всем. Он был, есть и будет прежде, чем возникнет что-либо иное.

Мир Ацилут полностью духовен. В этом мире нет никаких различий во взглядах. Мир Брия — это мир зарождения, мир, где вещи рождаются и обретают бытие, но еще не имеют материальной формы. Это мир, где присутствует материя, служащая основой для всего, что проявится в последующих мирах. Мир Йецира — это уже оформленный мир, где все облекается в конкретные формы, обретает лицо, и где вещи становятся завершенными. И наконец, из этого мира все переходит в Мир Асия — наш материальный мир, мир осязаемой реальности.

Согласно Хабаду, еврей должен жить во всех мирах. Он должен уметь возвышаться над Миром Асия, куда он погружен ради заработка, и подниматься в Мир Йецира, оттуда в Мир Брия и затем к Миру Ацилут, где человек находится надо всем.

Однако Ребе понимал, что требовать этого от каждого человека — слишком много. Сам Ребе, будучи уникальной личностью, мог свободно «путешествовать» из одного мира в другой, подобно тому как человек переходит из одной комнаты в другую. Но не всякий человек удостоивается таких ступеней. Поэтому он создал путь и для одиночки, который способен столь высоко вознестись — путь для обычных, средних людей. Для тех, кто не может взлететь так высоко. Поэтому он посвятил свою главную книгу им, назвав ее «Сфер ха-Бейноним» («Книга средних»). Этим он показал, что даже самый обычный человек может встать на путь духовного восхождения. Им лишь нужно делать это постепенно, шаг за шагом.

4. Ребе как миротворец

Стремление к миру стояло у Ребе во главе угла всей его деятельности, поскольку он видел в этом практическое воплощение хабадского мировоззрения. Мир и единство ведут к единению со Всевышним — к «Эхад» (что в числовом выражении, по гематрии,

составляет 13, так же как и слово «Ахава» — любовь). Гармония означает целостность, совершенство; и когда-нибудь человек удостоится увидеть совершенство Творения, когда мир исправится и вернется к состоянию до грехопадения Адама Ришона (Первого Человека), когда не существовало зла и люди не вели войн, проливая кровь. Но прежде всего единство должно воцариться среди самих евреев, ибо «Кто подобен народу Твоему, Израилю, народу единому на земле».

И ради этого Ребе посвятил большую часть дней своей жизни, ведь только тогда, когда воцарится мир среди евреев, сможет прийти и всеобщий мир во всем мире — к вечному миру.

Уже в самом начале, как только он стал лидером, он сразу же ступил на путь мира, но столкнулся с немалым противодействием. Его первым шагом, как уже говорилось, была поездка к Виленскому Гаону, чтобы попытаться примирить обе стороны — хасидов и митнагим. Вместе с ним выступил и р. Шломо Карлинер, который призвал и других раввинов пойти с ними. Р. Шломо говорил, что он уверен: митнагим не захотят мира. Но Ребе держался иного мнения. Он утверждал, что если есть хоть малейшая надежда на мир, даже на волосок, то нужно обязательно встать на этот путь. В конце концов, р. Шнеур-Залман вместе с р. Менделом Витебским отправился в Вильну к Гаону, но тот отказался их принять. И в итоге они уехали оттуда ни с чем.

Позже Ребе предпринимал и другие попытки заключить мир между хасидами и митнагим, но те лишь становились все ожесточеннее, и разногласия углублялись. В конце концов, дело дошло до доносов. Первой жертвой стал сам р. Шнеур-Залман. На него донесли, заявив, что он ведет опасную для российского правительства политическую деятельность, поскольку собирает деньги для Эрец-Исраэль, которая находилась под властью Турции, враждовавшей с Россией. Р. Шнеур-Залман был арестован и заключен в одиночную камеру в Петропавловской крепости, где он пробыл до 19 кислева 5559 (1798) года, когда был освобожден. Этот день стал великим праздником избавления у хасидов Хабада, который они празднуют и по сей день.

Однако митнагим не успокоились даже после освобождения р. Шнеура-Залмана и не прекратили свои преследования хасидов. Главным образом они хотели нанести удар по главе движения. На р. Шнеура-Залмана снова был подан донос, и его вновь отвезли в Петербург и там арестовали во второй раз. На этот раз он пробыл под арестом недолго, всего три недели, но из Петербурга его не выпускали до тех пор, пока Сенат не примет окончательного решения. Но в конце концов новый российский император Александр I, вступив на престол в 1801 году, полностью освободил его.

Когда Ребе вышел из тюрьмы, измученный, но не потерявший веру в людей, он продолжил свои усилия по достижению мира. На этот раз раскол произошел уже в собственном лагере, среди самих хасидов. Случилась история с р. Барухом из Меджибожа (внуком Бешта), который ополчился на Ребе за то, что тот приехал на его территорию собирать деньги для бедных, изгнанных из деревень. Р. Барух считал, что р. Шнеур-Залман не имел права входить в его «владения» без его согласия. Когда Ребе пришел навестить его, чтобы успокоить бедных изгнанников, которые буквально голодали, и сделать что-то для них, р. Барух спросил его: «Какое тебе дело до них,

если они голодают?» На этот вопрос у р. Шнеура-Залмана не нашлось иного ответа, кроме как уйти.

Еще большие душевные страдания причинил ему разразившийся ранее спор между ним и новым представителем «коллелей» в Эрец-Исраэль р. Авраамом Калискером, который занял это место после кончины р. Мендела Витебского. Ребе возвысил р. Авраама Калискера, сделал его предводителем и велел всем относиться к нему с таким же уважением, как и к покойному р. Менделу Витебскому. Однако новому лидеру, р. Аврааму Калискеру, совершенно не нравился метод р. Шнеура-Залмана; он утверждал, что тот вмешивается в дела, которые его не касаются, и критиковал его за сбор средств для «коллелей» без его разрешения.

Последняя мирная попытка в жизни р. Шнеура-Залмана была направлена на то, чтобы установить «мир на небесах» — в войне между Россией и «ангелом Франции» (Наполеоном) в период наполеоновских войн.

Наш Ребе был твердо уверен, что если победит Наполеон, то это принесет большое благо для материального положения евреев: они получают больше возможностей для заработка, но при этом изучение Торы ослабевает и уменьшится, и, не дай Бог, это может привести к тому, что «забудется Тора в Израиле». Поэтому он просил всех праведников того поколения молиться о том, чтобы Наполеон проиграл эту войну. Однако против него выступили многие цадиким, особенно р. Исраэль Кожницкий (Козеницкий Магид), который просил Владыку мира, чтобы Наполеон победил, дабы евреи получили облегчение в заработках. Никто на небесах не знал, что делать и чья сторона должна одержать верх. Легенда рассказывает, что было решено: в день Рош ха-Шана, во время трубления в шофар, чья молитва окажется более искренней и кто из праведников раньше направит свои помыслы (*каванот*) во время трубления, тот и одержит победу над другим.

Однако, как рассказывает легенда далее, когда р. Шнеур-Залман узнал об этом, он ничего не сказал никому, а просто поторопился в Рош ха-Шана и на рассвете, когда р. Исраэль Кожницкий только готовился к трублению и настраивал свои помыслы, р. Шнеур-Залман приказал баал-токеа (трубящему в шофар) протрубить в шофар еще до молитвы Шахарит и при этом направил свои помыслы к тому, чтобы «ангел России» победил.

Так оно и произошло. Вскоре на небесах победа была присуждена «ангелу России». И когда р. Исраэль Кожницкий позже стал трубить в шофар с великой святостью, ему дали знать, что дело уже решено: р. Шнеур-Залман опередил его. Р. Исраэль Кожницкий тогда всплеснул руками и воскликнул:

— Этот литвак победил меня при трублении в шофар!

Однако спустя время сам р. Исраэль Кожницкий признал, что Ребе был прав.

Во время этой войны Ребе был вынужден покинуть Ляды. Он едва добрался до Курской губернии, и там, в одной из деревень, на исходе субботы, 24 тевета, ушел из жизни (не стало его).

Влияние, которое р. Шнеур-Залман оказал на Витебск, было исключительным. Долгие годы там существовали хабадские синагоги, где гордились тем, что создатель Хабада был почти местным жителем, и вплоть до большевистского переворота в Витебске можно было чувствовать, что хасидизм Хабада наложил свой глубокий отпечаток на город. У р. Шнеура-Залмана там осталось множество преемников, которые передали свое наследие детям и детям своих детей из поколения в поколение.

ГИРШ КЛЕЙН | Д-Р ХАИМ ЖИТЛОВСКИЙ

Хаим Житловский, один из самых известных представителей еврейской мысли, родился на Исходе Пасхи (Исру Хаг) 5625 (1865) года в Ушачах, маленьком местечке неподалеку от Витебска. Вскоре семья переехала в Витебск. Хаиму тогда было не больше трех лет, и он прожил в Витебске до 1886 года. Как и все еврейские мальчики того времени, он сначала учился в хедере, а затем дома у раввина. В 13 лет он поступил в гимназию.

Здесь, в гимназии, он начинает впитывать идеи русской культуры и настроения радикальной молодежи. В другой среде и при другом воспитании это, безусловно, привело бы к культурной и языковой ассимиляции. Подобные случаи не были редкостью среди обеспеченных семей.

Однако свои юношеские годы он провел не только в гимназии. В «теплом гнезде» в нем «проснулась та самая душа фельетона», которая крепко привязала его к еврейскому укладу жизни, к еврейским людям (своим и чужим), к еврейскому языку. И не удивительно, что в нем был такой сильный еврейский дух, от которого он потом так и не смог освободиться. «В нашем доме, — пишет Житловский в своих воспоминаниях, — царила единая, органичная жизнь... еврейская жизнь, полная богатого, духовного содержания. Отец, родственники и сватья были евреями-учеными (ломдим), а отец был весьма видным знатоком Талмуда. Языком в доме долгое время был исключительно тот богатый, многогранный "ученый" идиш, о котором — о, если бы я владел им сегодня так же! Особенно выделялся мой отец в отношении языка. Доминирующим тоном в жизни был интеллектуальный и одновременно душевно-поэтический».

К этому нужно добавить, что Житловский жил в Витебске, который в его детские и юношеские годы представлял собой «еврейское государство». «Если бы я, — пишет Житловский далее в своих воспоминаниях, — не знал теоретически, что мы, евреи, живем в галуте (изгнании)... я имел бы полное право сказать, что жил и вырос в еврейской стране, настолько мало ощущался галут в нашей местности, в "Руси", в те 15 лет — с 1865 до конца семидесятых... Неевреи были меньшинством, а в том еврейском квартале, где мы жили — в Заручевье [Заручевская слобода] — совсем незначительным меньшинством. Редко когда между еврейскими домами, на краю улицы, находился изолированный нееврейский дом с вечно закрытыми ставнями и запертыми воротами...»

Не дом и не хедер заложили фундамент его еврейства — признает сам Житловский. Дом обеспечил его достаточным количеством еврейского духа. Хотя он уже тогда не был религиозным, он все же по случаю своего бар-мицвы произнес проповедь на специфическую тему: «На какой руке нужно возлагать тефилин». Наряду с этим духовным багажом, который он получил дома в виде еврейской и русско-еврейской прессы, которую он мог найти дома, соперничало влияние гимназии и друзей-радикалов. Русская речь и литература занимали все больше и больше места в его духовной жизни. В этом направлении на него повлиял его первый друг по гимназическим годам, Ниске Цейтлин, и дружба с Шломо-Занвлом Рапопортом (С. Анским).

«Еврейское государство», тем не менее, не смогло удержать молодежь, когда в России возобладал дух всеобщего смущения и бунтарства. Вместе с частью русской интеллигенции еврейская молодежь откликнулась на призывы к свободе и справедливости, которые они слышали со страниц радикальных журналов того времени. Их привлекали теории Лаврова и Михайловского, Чернышевского и Писарева, а также гуманизм русской классической литературы. Как и некоторые другие его товарищи, Житловский не смог устоять перед этим соблазном и примкнул к освободительному движению, которое с магнитной силой притягивало к себе молодежь.

Однако после волны погромов евреев в 1881–1882 годах наступил перелом. Еврейская интеллигенция начала возвращаться «домой», вернулась обратно в

«еврейское государство», свою нужду и заботы.

ש. אַנ־סְקִי און חיים זשיטלאָווסקי (ווינטער 1882)

חיים זשיטלאווסקי

Хаим Житловский тоже вернулся «домой», но его путь отличался от других — он начал искать синтез общих социально-революционных проблем с еврейскими национальными устремлениями.

Правда заключается в том, что Житловский, как видно из его воспоминаний, никогда полностью не отрывался от своего народа. У его деда, Шнеура-Залмана Житловского, возникла идея (как вспоминает Хаим), чтобы его брат Бебе поехал в Эрец-Исраэль, «купил» там колонию и поселился там навсегда.

Мойше Житловский, младший брат Хаима, рассказывает в своих воспоминаниях «Из моих детских лет» некоторые интересные подробности о деде Шнеуре-Залмане и его отношении к Хаиму.*

«Дед Шнеур-Залман, — пишет Мойше Житловский, — родился в Витебске в митнагидской семье... Дед был мастеровым, кондитером. Он не бросил ремесла, хотя и был вполне состоятельным человеком — у него в Витебске был собственный каменный дом, где располагался один из лучших отелей города. Он любил говорить, что каждый человек должен зарабатывать свой хлеб трудом собственных рук и что любое занятие, основанное на эксплуатации чужого труда, — не что иное, как грабеж и нажива...»

Интересные подробности о деде и его отношении к социализму Житловский рассказывает в своих воспоминаниях (см. его главу воспоминаний в «Витебск бывшие времена», стр. 242).

Стоит привести из воспоминаний Мойше Житловского еще несколько деталей о деде:

«Дед был высоким, стройным, красивым евреем с длинной седой бородой, с удивительно красивыми голубыми глазами. Известный витебский художник Иегуда Пэн, который уже славился своими картинами, такими как "Старый раввин", "Трудный вопрос", "На третьей трапезе", "Развод" и другими, однажды встретил деда. Тот сразу привлек его внимание своей классической красотой, выражением глаз и лица, в которых отражалась вся трагедия еврейского изгнания. Пэн попросил деда разрешить ему написать его портрет, и дед сразу согласился. Портрет деда Пэн подарил брату Шмуэлю... Сейчас он находится у меня в Эрец-Исраэль... Дедушка умер в 1906 году в возрасте 103 лет».

В Витебске было несколько активных народников: Лаховецкий, Дубовицкий и др., и Хаим Житловский вступает в их кружок и с энтузиазмом участвует в революционной работе. Но интерес к еврейским проблемам доминирует в его идеологическом мире.

Летом 1883 года Житловский проводит время в Ушачах. Там он присматривается к еврейским заработкам и вообще к местной жизни, и это производит на него такое сильное впечатление, что по возвращении из Ушачей в Витебск он пришел к твердому убеждению, что «в глубине России я больше не поеду... И все планы и юношеские фантазии о жизни среди "русских" отпали, будучи оттеснены глубоко на задний план. На передний план выдвинулась еврейская проблема, которая смотрела на меня, как настоящий Сфинкс: "Разгадай меня, или я погложу тебя!"»

И здесь у Житловского возникает мысль, что евреи должны отказаться от своих старых источников дохода и полностью перестроить всю социально-экономическую жизнь. И эта идея привлечь евреев к производительному труду занимала его от начала и до конца жизни.

В то время Житловский носился с идеей создания «народническо-еврейской» организации. Зачем нужна специальная еврейская организация?

Житловский объясняет важность такой организации тем, что «прежде всего мы должны, из-за необходимости, перенести нашу экономическую жизнь главным образом на почву земледелия. Народническое правительство дало бы нам возможность свободного доступа к земле, и оно дало бы нам средства обустроить людей по принципам нового социалистического строя страны. Но не только по экономическим, но и по национальным соображениям необходим такой союз и движение».

Было решено издавать пока нелегальный журнал «Тешуат Исраэль» («Спасение Израиля»). План и программу «Тешуат Исраэль» Житловский представил исполнительному комитету партии («Народная воля»), чтобы получить их согласие. Исполнительный комитет не захотел признавать отдельную еврейскую организацию, и из всего этого плана ничего не вышло.

Хаим Житловский, однако, продолжал носиться со своей идеей создать «синтез» между социализмом и национализмом. Позже это стало одной из главных работ всей его жизни. Но интересно, что эта идея возникла у него, когда он был не старше двадцати лет. Он тогда серьезно начал изучать еврейскую историю. В 1886 году он уехал в Петербург — и там написал на русском языке свою первую работу: «Мысли об исторической судьбе еврейства». Работа вышла в Москве в 1887 году.

Уже в этой работе находятся идеи, которые были так дороги ему и в более поздний период. «Не преследования евреев, — писал он тогда, — а скорее благодарность за собственное существование в различные эпохи и в разных формах привели к борьбе за существование, которая позволила еврейскому народу остаться жить на свете».

Публикация Житловского вызвала тогда довольно резкую критику, в том числе со стороны Семена Дубнова в «Восходе». Молодой автор, который жил с далеко идущими планами, ненадолго снова поселился в Витебске. Витебская атмосфера вскоре вновь захватила его почти полностью. Хаим Житловский ведет пропаганду в революционных кружках, распространяет литературу и в то же время изучает Маркса и занимается идеологическими проблемами социалистического движения.

В 1888 году Житловский покидает Россию. На короткое время он останавливается в Берлине вместе со своей будущей женой Верой Лоховой. Но в Германии тогда еще действовал исключительный закон против социалистов, и Житловского вскоре оттуда выслали. Он уехал в Швейцарию и пробыл там почти пятнадцать лет. Он учился в университетах Цюриха и Берна и получил степень доктора философии. Его диссертация была на историко-философскую, но также и на еврейскую тему: «Авраам ибн Дауд (Раббад I) и начало аристотелевского периода в еврейской религиозной философии». В эти годы в Швейцарии Житловский снова обращается к еврейскому

вопросу. Особенно громкий резонанс вызвала его брошюра на русском языке «К евреям!», которая вышла в Лондоне в 1892 году под псевдонимом С. Касин. Но центр его интересов в Швейцарии сместился в сторону изучения теоретических проблем социализма. Как последователь русского субъективистского направления в социологии (Лавров и Михайловский), Хаим Житловский выступил как последовательный противник марксизма. В национальном вопросе он был близок к австрийскому направлению Карла Реннера, а в 1899 году опубликовал на немецком языке одну из своих самых известных работ: «Социализм и национальный вопрос» (*Der Sozialismus und die Nationalitätenfrage*).

Однако основным фокусом его деятельности в конце XIX и начале XX веков стали новые политические партии России — Партия социалистов-революционеров (эсеров), которая в то время как раз начинала организовываться. Вместе со своей женой Верой, Чарльзом Раппопортом, Менделем Розенбаумом и др. Житловский организовал в 1893 году первую социалистическо-революционную организацию — «Союз русских социалистов-революционеров», который издавал на русском языке небольшой журнал «Русский рабочий», посвященный именно русской социалистическо-революционной политике. Несколько лет спустя, в 1898 году, Житловский стал признанным теоретиком Партии социалистов-революционеров, когда он опубликовал целую крупную работу на русском языке «Социализм и борьба за политическую свободу» под псевдонимом С. Григорович. В то же время он публикует в русских легальных журналах «Начало», «Слово» и «Русское богатство» ряд критических работ против марксизма, материализма, диалектики под псевдонимом Н. Гайдеров. В тогдашней студенческой среде Швейцарии Хаим Житловский стал очень знаменит своими рефератами против марксизма и русской социальной демократии, а также дискуссиями с Плехановым и др. Его ораторский талант оставил глубокий след в революционных кругах еще с 1889 года, когда эти дискуссии вошли в историю под названием «72 ночи».

Все это, однако, не мешало Хаиму Житловскому и дальше углубляться в еврейский вопрос. Он изучал историю евреев, различные национальные программы у евреев и все современные движения. В то время у него еще сильнее укрепились во взглядах несколько базовых идей, которые всегда оставались основами его последующих теорий. Среди них первое место занимала мысль о том, что между социализмом и национализмом нет никакого противоречия, а вторая идея — о том, что для укрепления рабочего элемента в еврейском народе — рабочего, крестьянина, земледельца — должна быть радикально изменена социально-экономическая структура, причем таким образом, чтобы полностью изменился характер определенных профессий у евреев. Это была та самая идея, которую он выразил еще несколькими годами ранее. В своей борьбе против ассимиляции Хаим Житловский выступил как один из самых решительных борцов за идиш. В этом вопросе он не хотел делать никаких компромиссов. Он защищал идею о том, что «национальная борьба за язык, национальное равноправие — это равноправие языков». Его преданность идишу привела к тому, что с 1904 года он начал писать и выступать с докладами почти исключительно на идише.

Интересно отметить, что принадлежность к Партии социалистов-революционеров не помешала Житловскому искать общий язык с «Бундом». Мемуаристы-бундисты (Душман Миль и др.) рассказывают, что он даже хотел вступить в «Бунд». Из этого,

однако, ничего не вышло. В бундистском журнале «Дер йидишер арбейтер» («Еврейский рабочий») . Житловский опубликовал в 1899 году большую работу «Сионизм или социализм», под псевдонимом Бен-Эхуд — и выступил против антиссионистской работы, а также с критической статьей о журнале «Дер ид». Через несколько лет х. Житловский привлечен в другой круг еврейских социалистов, которые издавали журнал «Возрождение» (Бен-Адир, М. Зильберфарб, Марк Ратнер и др.), а позже присоединился к Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП / «Сеймисты»), которую создала эта группа. Когда «сеймисты» выдвинули Хаима Житловского кандидатом во II Государственную думу во время выборов в Витебске в 1907 году, он приехал в свой родной город. Но ему пришлось быстро уехать в Петербург, а немного позже — в Финляндию, где проходил съезд Партии социалистов-революционеров России.

Шмуэль Житловский в своей статье «Воспоминания о моем брате Хаиме» («Житловский-самбух», Варшава, 1929) рассказывает некоторые подробности о последнем визите Хаима Житловского в Витебск во время избирательной кампании во II Государственную думу. «Инициатива выдвинуть кандидатуру д-ра Хаима Житловского, — пишет он, — исходила от Ан-ского, который специально приехал в Витебск и вел переговоры с еврейским избирательным комитетом. Его кандидатуру забаллотировали и даже хотели арестовать. Он спасся от ареста случайно, так как заночевал не дома, а у д-ра Голока. Ему сразу дали знать об этом, и он уехал из Витебска на почтовых лошадях до станции Городок, а оттуда — в Петербург. После съезда Партии социалистов-революционеров в Финляндии Житловский пробыл короткое время в Киеве и оттуда уехал за границу. Его кандидатуру аннулировал департамент полиции». «Знаменитые адвокаты, — пишет Шмуэль Житловский, — Винвер и Маклаков вмешались в высших инстанциях, но бессмысленно: петербургское правительство точно знало о политико-социалистической деятельности Житловского на протяжении многих лет».

В 1908 году Житловский переезжает в Соединенные Штаты Америки. В первый раз он посетил Америку еще в 1904 году как посланник от партий социалистов-революционеров; тогда он сопровождал «бабушку русской революции», Екатерину Брешко-Брешковскую. Он пробыл в стране почти два года и впервые фактически за всю свою жизнь, благодаря широкой работе среди широкого еврейского населения, вкусил вкус культурной работы. Это жизнь в Америке и большой успех его культурно-просветительской работы, которую Житловский вел в Америке в течение десятка лет, оправдали величайшие надежды, когда он прощался в последний раз с Россией и отправлялся во второе отечество.

Деятельность х. Житловского в Америке развилась в огромных масштабах. Как писатель, публицист, лектор, популяризатор Хаим Житловский занял здесь главное место. С 1908 по 1913 год он издавал журнал «Дас найе лебн» («Новая жизнь»), который в 1922–1923 годах выходил под его же редакцией. С 1914 года Хаим Житловский стал постоянным сотрудником газеты «Дер тог» («День»). Не раз он объездил с лекциями всю ширину и длину Америки и Канады, совершил три лекционных турне (в 1923, 1925 и 1930 годах) по Восточной Европе (Польша, Литва и Латвия). К его юбилеям его приверженцы издали специальные посвященные ему сборники книг. Хаим Житловский никогда не был практическим общественным

деятелем, но различные общества и движения тем не менее постоянно искали защиты и руководства под его именитым именем. Так, Житловский одно время был председателем Совета еврейского культурного союза (ИКУФ / *Идишер культур-фарбанд*). И благодаря огромному влиянию на еврейскую культурную жизнь, особенно в Америке, справедливо заметить, что «в Америке д-р Хаим Житловский, без сомнения, отец еврейской светской школы, ранее — национально-радикальной школы, затем — школы им. Шолом-Алейхема и, наконец, школы Рабочего кольца (*Арбетер-ринг*)».

Д-р Хаим Житловский скончался в возрасте 78 лет (в 1943 году) во время лекционного турне в Калгари (Канада). Его литературное наследие огромно и очень интересно. Есть его «Собрание сочинений». Мы приближаемся к концу, и последние годы его жизни Хаим Житловский был изолирован от широкой еврейской среды. Большая часть его преданных приверженцев и старых учеников, которые с величайшим энтузиазмом праздновали его 60-й день рождения (1925) и 70-й день рождения (1935), были уже далеки от идейного пути своего учителя и наставника. О последнем периоде жизни Хаима Житловского мы приведём цитату, которая раскрывает печальный факт, что *«Он, всю жизнь боровшийся за свободу личности и за безграничное свободомыслие, не стал коммунистом, но позволил коммунистической шумихе вокруг себя использовать его...»* (Юдель Марк: «Д-р Хаим Житловский — Избранные сочинения». Книжное издательство ЦИКО, Нью-Йорк, стр. 17–18).

ХАИМ ЖИТЛОВСКИЙ | В ЕВРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ*

1

То, что я здесь даю, к сожалению, — не более чем листок воспоминаний, да и тот вовсе не в своей законченной форме. В нем полно отдельных деталей, которые не имеют никакого отношения к делу, пока еще спят в бессознательной памяти и, возможно, проснутся позже, когда интерес к настоящему и будущему поблекнет с годами — ослабнет, и когда начнет вдруг всплывать в сознании ясный образ давным-давно прожитых времен, как это обычно бывает с людьми в преклонном возрасте. Пока же я еще не так стар; меня еще не тянет исключительно к воспоминаниям.

Я знаю, правда, что история того еврейского поколения, к которому я принадлежал, того поколения, в чьем уме и духе родилась идея синтеза общечеловеческого прогресса с сознательным национально-еврейским бытом, — их жизнь должна быть очень богата интереснейшими духовными переживаниями. И если бы любой из нас погрузился на долгое время в море своих воспоминаний, он вернулся бы с богатым уловом жемчуга и кораллов, которыегодились бы нашей культурно-исторической, да, пожалуй, и эстетической ценности. Ибо время, эпоха, в которую мы выросли и жили, была революционной эпохой в истории нашего народа за последние четыреста лет — как в жизни, так и в мысли.

Даже предшествующая эпоха, эпоха Просвещения (Хаскалы) 50-х и 60-х годов прошлого века, была достаточно революционна по мысли — возможно, даже более радикальна (что касается её отношения к прошлому, понятное дело), чем эпоха 70-х и 80-х годов, когда мы выросли. Но революционность той первой эпохи была скорее критической мыслью в жизни; старый религиозный и экономический фундамент еврейского бытия стоял еще крепче крепости, и лишь небольшая кучка революционеров-маскилим (просветителей) с мужеством и самоотверженностью осаждала ее и отражала нападения осажденных. В наше же время сама крепость уже была взята, стены упали во многих местах, и сквозь проломы ветер, дождь и шторм разрухи всё глубже и глубже подтачивали ее

** Впервые напечатано в «Йидише велт» (1913), перепечатано в первом томе «Воспоминаний моей жизни».*

Хасидские основы еврейской жизни (по крайней мере у нас в Литве) начали перестраиваться по принципам маскилим. От бурноеврейской революции мысли осталась тихая эволюция действительности. Низкий уровень жизни, светскость, человечность стали обыденными вещами, с которыми сталкиваешься почти в каждом еврейском, даже верующем доме: «Алеф-бейс», «Ха-Цфира» и даже «Ха-Мелиц» — газеты, которые читают в самых хасидских кругах; сорочка с крахмальным воротничком и коротко остриженные пейсы — уже вовсе не противоречие широкому шелковому поясу (гартлу) в Шаббат и праздник; а воротничок и галстук даже в театре — уже не грех и не препятствие для строгой и богобоязненной молитвы в пост.

Какая дивная и удивительная встреча культурных явлений, которые поколением ранее ни за что не ужились бы в одном доме! Какая сладкая идиллия «веры» и «просвещения», о которой «слабые умом» мечтали в средневековой поэме наших маскилим!

И эта идиллия уже претворилась в жизнь почти в каждом еврейском доме, в той или иной степени, — как раз в самых глубоких недрах еврейского духа выросли новые духовные бури. Радикальная ассимиляция, Хибат-Сион (палестинофильство), а под конец — прогрессивный социально-революционный национализм, захвативший всех и включивший в себя всё: и старое еврейство, и Просвещение, и радикализм, и Хибат-Сион.

Кипящий котел идейных течений, связанных с вулканическими подземными толчками, приводящими к землетрясению катастрофического значения, — вот чем были эти тридцать-сорок лет нашей жизни в России, примерно с 1870 по 1910 год. И параллельно — вихрь отдельных человеческих судеб и форм жизни, о которых мы еще не успели задуматься, чтобы развернуть все их свойства. Только импет (порыв) еврейской жизни — или ее катастрофический развал — рвал их всех на части, как рвут и уничтожают, а потом снова создают и снова уничтожают пенистые волны в бурлящем потоке.

Никакая рука художника не может запечатлеть и зафиксировать стремительный бег этих живых картин, потому что рисовать надо с натуры, а художник хочет, чтобы они хоть ненадолго остановились. Но им не суждено было остановиться. Лишь отдельные воспоминания каждого из нас — пусть и не художественные — могут вырвать из

забвения хотя бы отдельные штрихи и моменты того, что наш народ пережил. Это мне стало понятно именно сейчас, когда я погрузился в море прошлого, чтобы с уверенностью отыскать, когда и как я стал идишистом. Да, настоящим идишистом! И если бы меня не напугал чарующий манок этого моря, если бы я не боялся, что оно увлечет меня далеко от «сегодня» и «завтра», я пробыл бы в нем еще долгое время. Но меня потянуло обратно к текущей жизни и смерти; поэтому мне пришлось оставить на глубине много воспоминаний.

Да, мои нынешние воспоминания — не более чем листок. Но слово это не следует понимать в строго хронологическом смысле. Мое «становление идишистом» не может быть точно датировано с точностью до конкретного момента: конец 1884 или начало 1885 года. Но «как» — это длинный процесс, который теряется в самом глубоком истоке еврейского исторического бытия.

Чтобы полностью прояснить это «как», мне пришлось бы погрузиться в мои «личные» воспоминания если не до времен «Разрушения Второго Храма» — примерно на 2000 лет назад — когда формировалась судьба нашей жизни в изгнании (галуте) и когда мы под лидерством Бар-Кохбы сражались против римского владычества — то, по крайней мере, до XIV или XV века, когда я вместе с изгнанниками из Германии перебрался в Польшу, принес туда «идиш-дойч» (еврейско-немецкий) диалект и развивал его до нашего родного языка.

К сожалению, мои личные воспоминания не идут так далеко. Но жизнь моих предков — вся история еврейского народа, которую я изучил вместе со своим Ангелом, когда я был зародышем и рос под сердцем моей матери, — слава Богу известна «вдогонку», то, что Ангел дал мне перед моим последним рождением, вовсе не исчезло из моей памяти. Относительно истории моего «идишизма» (как и моего национализма в целом) я должен говорить только на основе моего жизненного опыта в текущем воплощении. И здесь я должен перебрать факт за фактом, оказавшие на меня наибольшее влияние, превосходящее все остальные воздействия на мою жизнь. Это факт, что я на Исро-Хаг (на следующий день после) Пасхи 1865 года родился в еврейском доме в еврейском местечке, у еврейских родителей, говоривших на идише.

Ввиду этого обстоятельства я придаючайшее значение вопросу: и если бы теперь спросить будущего историка нашего поколения, где ему искать объяснение нашего национализма, пусть он прежде всего остановится на факте нашего еврейского происхождения и задумается над ним. Мне кажется, что ему не придется гоняться за другими объяснениями: наш идиш с рождения — это единственный, естественный, истинный «смысл» нашего еврейского сознания. Объяснение нужно искать скорее тому, почему это еврейское сознание оказало так затуманено и искажено, что едва не задохнулось в чуждом воздухе...

2

Я родился в чисто еврейском доме; прожил свои детские годы и первые юношеские годы в чисто еврейской среде; и если бы я не знал теоретически, что мы, евреи, живем в галуте (изгнании), и если бы мне пришлось формулировать мой жизненный опыт так, как он представлялся на первый взгляд, я имел бы полное право сказать, что я жил и

рос в еврейской стране; настолько мало ощущался галут в нашей местности, в «Руси» («Белоруссии») в эти 15 лет, с 1865 до конца семидесятых годов.

Торговый еврейский город, который как раз в то время начал расцветать, начал приобретать свой собственный интересный еврейский уклад, полный внутренней духовной силы, полнокровной энергии. Европейская цивилизация уже начала засылать туда свои лучи, которые падали на свой лад и трансформировались в еврейской атмосфере, сливаясь с чисто еврейскими основами в единый, гармоничный, чисто еврейский быт, где русский элемент не играл никакой роли, прямо-таки никакой — если рассматривать жизнь только изнутри — вопреки Иллюзии, что мы живем в изгнании у «русских». Скорее наоборот: «русские», сколь бы мало у нас с ними ни было общего, жили в изгнании у нас, в нашей собственной еврейской стране.

Во всяком случае — согласно самому внутреннему опыту детей и первых юношеских лет — ничто не мешало этой Иллюзии, будто можно было подумать, что эта страна когда-то принадлежала гоим; но мы, евреи, забрали ее, как это часто бывает в истории, завоевали своим оружием и мечом и стали, как это естественно в таких случаях, правящим народом, если не в политическом отношении, то, по крайней мере, в экономическом, национальном и культурном.

Гоим в нашем городе, в Витебске — куда мои родители переехали из местечка Ушачи, когда мне едва исполнилось три года — гоим были меньшинством и в том еврейском квартале, где мы жили — в «Заручевье» — совсем незначительным меньшинством. Редко когда между еврейскими домами, на краю улицы, находился изолированный нееврейский дом с вечно закрытыми ставнями и запертыми воротами, из-за которых слышался лишь хрюканье свиней да лай собаки.

В нашем доме эта поработенная нееврейская нация представлена — и то не всегда — в лице «прислуги», дворника (иначе его называли «геемшечер» [помощник], который убирал наш двор и ухаживал за лошадьми в конюшне; и время от времени у нас появлялись: Юлка, прачка, которая приходила раз в месяц стирать наше белье; она сидела в своей сорочке, распустив свои черные волосы, куря с мамой папиросу за папиросой, а в нашем районе такую кухарку, у которой был свой дом от хозяина, называли Катей); и еще одна Юлка, девка «с улицы», передавала сплетни, набросав большие кучи на «брик» (пост); водоносы, которые сливали воду из ведер, воду, налитую в бочки, за что им давали на Шаббат халу; почтальон, который приносил письма, получая свои четыре копейки, часто присаживаясь ненадолго к столу, где мама угощала его рюмкой водки и сахаром или кусочком «цукер-лекера»; та самая упомянутая Юлка, девка с улицы, которая часто заходила к нам в дом помогать служанке в уборке дома, выносить лохани, мыть полы, доить корову и тому подобное.

Эта Юлка была уже почти полностью «ассимилирована» с «правлящим» народом. Она говорила на «языке господствующего языка страны» — на идише — и притом на вполне изящном идише, уместно используя крылатые словечки. Она постоянно стояла на своем — я не знаю почему — в оппозиции к Нищечеру и никогда не упускала случая докучать ему. Когда ему отдавали горячие остатки еды со стола или старый кафтан, что его вполне устраивало, она всегда протестовала:

— Давать ему, этому пьянице? Великая милостыня, как собаке перед смертью! (Нищечер любил выпить в дни Песаха, но пьяницей, надо сказать правду, он вовсе не был).

А когда Нищечер в дни Песаха слишком много ходил со своей трубкой в служебную комнату, где лежала посуда, накрытая тряпками, Юлка, уже вымыв на четвереньках полы в столовой, поднимала свою взъерошенную голову и кричала с перепуганным голосом к кухарке:

— Смотри, смотри, Сася! Этот дурак крутится там возле посуды, он сделает тебе квасное!

И даже когда имя Нищечера при этом не упоминалось, он всё равно отлично понимал, кого имели в виду, и отзывался с глубокой обидой:

— Чаво? Камей? Разви я не знаю? — и выставлял себя с истинно еврейским проклятием, какое только приходило ему на ум: «А траска ей в голову!» — на что Юлка отвечала звонким хохотом...

...Наш дом в то время не был еще богатым купеческим домом. Мой отец, молодой торговец лесом, дела которого шли неплохо, был не более чем зажиточным хозяином, который только начал зарабатывать на то, чтобы стать богачом. Но и мы жили в той естественной роскоши, в какой живет средний помещик в деревне, у которого двор полон всякого добра. У нас во дворе тоже стоял большой амбар, нагруженный всеми видами товара: почти четверть анкера сушеной рыбы из Риги, не говоря уже о провяленной корюшке (тоже из Риги), висевшей на дощечках под балкой. Зимой на двор заезжали сани, доверху груженные замороженной рыбой, от самых мелких «снеточек» до длинных-предлинных карпов и лещей. Всё это дедушка, попробовав кусочек, нарезал, вымачивал пару дней в воде и отправлял к нам, велел передать, что в эти дни он будет у нас в гостях и чтобы ему сварили молочную крупу с «снеточками» — блюдо, которое он очень любил.

А в другое время — в начале зимы — дедушка превращался в мастерскую по скупке мехов, где Нищечер сдирал шкуры с волков, хорьков, лисиц, соболей и засаливал их, готовился к ярмарочному дню и делал «сальп» с соболиным воротником для мамы и прекрасные меховые вещи для дам.

Разумеется, не все из «правлящего народа» жили в таком богатстве. Были среди нас и бедные евреи — «возможно, даже богаче». В нашей собственной семье была довольно большая группа бедняков как со стороны отца, так и со стороны матери. В нашей квартире постоянно крутился кто-то из самых бедных родственников, а иногда они и ночевали у нас. Они спали на «диванах» и «тапчанах» в столовой или вовсе на сдвинутых стульях. Дядя Шломо из Эрец-Исраэль так и прожил у нас целую зиму, сидя всегда на диване в зале, поджав под себя ноги по-турецки. В доме постоянно говорили о нуждах и заботах того или иного родственника: этому нужно сыграть свадьбу, тому — сберечь заведение, открыть лавочку или еще что-то в этом роде. И я уверен, что наш дом в этом отношении вовсе не был большим исключением из всех остальных еврейских, богатых и зажиточных семей. Почти в каждой семье, где было несколько зажиточных людей или богачей, вокруг них проживали десятки бедных родственников.

И помимо родных бедняков, был еще «Нищий», который «не просил, а приходил и брал», и о котором в песенке поется: «Бедность — не порок, давайте не стыдиться своей собственной крови» — помимо них, были еще массы «чужих» бедняков: ремесленники и рабочие, меламены и служащие, «воздушные люди» и мелкие лавочники. Не говоря уже о нищих в буквальном смысле этого слова, которые регулярно обходили богачей каждую пятницу, накануне праздников и в рош-ходеш. В эти дни двери нашего парадного входа не закрывались: одна группа выходила, другая входила.

Как и у каждого народа, в каждую историческую эпоху, у нас были свои бедные и богатые: много бедняков и немного богачей. Но у нас еще не было никаких классовых различий, никаких классовых противоположностей и никакой классовой борьбы, которая проявилась лишь гораздо позже, с развитием еврейского рабочего движения. Тогда вполне можно было говорить о национальной, экономической солидарности всего народа, поскольку всё еврейское население — по крайней мере в нашем районе — действительно составляло единый, живой организм...

Спор с моим дедушкой о галуте и социализме*

«Нелегальные» гости, которые должны были связать «Спасение Израиля» с новым Исполнительным комитетом партии «Народная Воля», уехали сразу же после моей встречи с ними в их долгой и тяжелой поездке. Ожидалось, что ответ от комитета придет не так быстро. Я рассудил, что он придет вовремя, то есть когда все рукописи будут уже готовы для первого выпуска журнала. Однако он прибыл с большим запозданием: только в конце года после нашей встречи, в начале лета 1886 года.

Но за этот год в моей жизни произошли важные события.

Моя работа летом 1885 года двигалась в тех же направлениях, что и прежде, только с еще большей энергией. Главная работа для журнала уже велась в гораздо более благоприятных условиях, так как этим летом почти никого из взрослых нашей семьи не было дома. Отец и брат Борис были по делам в Риге. Мать и, кажется, мой брат «Мотя» были в Двинске, на морских купаниях. Дома остались только сестра Рая, маленькие дети, кухарка и дедушка, который уже давно был вдовцом, жил в доме на том же дворе, а теперь перебрался к нам. Чужие заходили редко, и, кроме Калеи, никто не мешал мне в моей работе. Он проводил большую часть времени с моей сестрой Раей и с дедушкой. Кого из них он интересовал больше — кто знает?

Однажды, в июле, я пришел домой в горячий полдень, абсолютно уставший. В доме никого не было. Дверь в мою комнату была заперта. Я открыл ее и вошел — и замер: прямо посередине комнаты стоит большой ящик, а дедушка с Шломой пакует туда все книги из моего книжного шкафа.

** Напечатано в «Воспоминаниях моей жизни», том II.*

— Что вы здесь делаете? Что произошло?

Дедушка рассказывает мне, что только что прибежала Леа-Баша (Вера) и велела передать мне, чтобы я незамедлительно уничтожил или спрятал все нелегальные

вещи («трефные вещи», как выразился дедушка). Ночью были «обыски» (досмотры), и к нам тоже наверняка придут.

— Нет у меня никаких «трефных» вещей, ставьте всё обратно! — вырвалось у меня в гневе, и я вышел в сад.

Нелегальные вещи у меня тогда действительно были: как мои собственные, так и чужие. Но я вовсе не думал бежать «на берег», к Шломе. Оттуда я пришел домой утомленный, плетясь под палящим солнцем по каменистому берегу. В гневе я заклинал всё на свете. И Шлома не мог знать точно, спрятал ли я что-то у себя. Не сказав дедушке, где я прячу запрещенный товар, он тоже долго не задержался.

Это действительно была самая умная вещь — убирать всё, что попало.

Я снова вошел в комнату и был в хорошем, дружелюбном настроении, готовый исправить свою необдуманную вспышку.

Вскоре мы сидели и пили чай во дворе. Шлома ушел, и я остался с дедушкой. Как всегда во время чаепития, дедушка смотрел в «сефер» (священную книгу), а я — в «бук» (книгу). Через некоторое время дедушка отложил книгу и начал говорить.

Ему очень понравилась Леа-Баша. «Очень благородная натура». И Николай Святополк-Мирский (Каляев) — тоже очень идеальный человек. С ним действительно одно удовольствие проводить время.

И вдруг он начал говорить в таком духе:

— Скажи, я не понимаю, что вы за компания? С одной стороны — я понимал тебя; с тобой всё ясно. Как ты думаешь: ты ведь не потерял надежду?..

— Какую надежду, дедушка?

— Избавиться от галута (изгнания). Я уверен, ты её не потерял. Какое тебе дело до их работы?.. Или ты уже больше не веришь?

Мой мудрый дедушка положил палец прямо на самый центр того вопроса, который так долго мучил меня: «Какое тебе дело? И как это связано с нами?»

Я начал объяснять ему свою точку зрения.

Надежду я, конечно, не потерял. Но освободиться от галута нужно в самом галуте. Я не помню точно всех деталей моей тогдашней речи. Помню только хорошо, что я гордо говорил о еврейских заработках и о нашей экономической роли в стране, о том, как вредны для трудящихся масс. При этом я должен был дать евреям «агитацию» в законах социализма. Я объяснил моральные основы социализма и почему нужно уничтожить «мое и твоё», откуда берутся все беды и страдания в нашей жизни. Я с воодушевлением описывал то великое будущее, которое социалисты обещают создать.

Тут начался дискуссия, которая шла по линии, на которую я никак не рассчитывал. Я помню, как с нашей амвона у него вырвался выкрик:

«Они приходят учить нас справедливости? Нас? Нам нужно объяснять про уничтожение "моего и твоего"? Полно, посмотри, что говорит "Сефер Юхасин"».

Дедушка открыл страницу в «Сефер Юхасин», которую он до этого читал и которая лежала перед ним. Я думаю теперь: было ли это удивительное совпадение, что дедушка смотрел именно в «Сефер Юхасин»? Или он заранее взял эту книгу, готовясь к разговору со мной? Но на той странице, которую дедушка мне подставил, действительно было написано нечто такое, что стало для меня совершенно неожиданным и крайне замечательным.

Этот отрывок из страницы с двумя столбцами шрифта Раши навсегда запечатлелся в моей памяти. Я не имею сейчас книги «Сефер Юхасин» под рукой. Я помню только, что на том месте, которое я должен был перечитать, рассказывалось о некоем р. Цадоке из школы Шаммая, который основал общество под названием «Есееи», живших только трудом своих рук и вевших жизнь по принципу «один кошелек для всех» (общая касса для всех).

К слову: «Сефер Юхасин» сделал здесь историческую ошибку: р. Цадок из школы Шаммая основал не партию ессеев, а партию «кнаим» (зелотов). Я не знал тогда из еврейской истории времен Второго Храма даже «формы буквы» (ק), и эта историческая справка произвела на меня грандиозное впечатление. Я был сильно углублен в ту страницу, которую перечитал еще раз. А дедушка тем временем еще подробнее объяснял мне этот предмет.

— Ты понимаешь? Набожные евреи... из школы Шаммая... из самых набожных! И — «один кошелек для всех»!

Это было для меня поистине самым неожиданным откровением! Как будто подняли небольшой занавес над углом мира, совершенно мне неизвестного. Но дедушка продолжал говорить:

— А наши пророки? Разве они не заступались за бедных людей? «Горе тем, кто присоединяет дом к дому, поле к полю». Забыл? А наши молитвы: «И сделаются все они единой общиной» — единым союзом для всего мира!

И еще такие цитаты он приводил. Я смотрел на красивое лицо дедушки с его седой бородой, с его воодушевленным выражением лица. Мой дедушка не был учёным-талмудистом («ламданом»). В конце концов, он был бывшим «кондитером», ремесленником. Как давно это было, когда он ещё стоял с умением и знанием за «мастерской» и раскатывал с большим громким скалкой большие камни «скалок», массу для «цукеркес»! И всё это жило в его душе! Я сидел, затаив дыхание, глотая его речи, которые наполняли меня любовью и восхищением к нему.

Цитаты, которые приводил дедушка, не были для меня новыми. Многие из них я сам когда-то знал, хотя никогда над ними глубоко не задумывался. Но ни одна из них не

была для меня столь неожиданной, как тот короткий отчёт в «Сефер Юхасин» о набожно-еврейских коммунистах, эссеях.

Я дал дедушке высказаться до конца. Только тогда я взял слово и выступил со своим «ответом». Да, правда. Всё это очень красивые вещи. Но! Как мы живем? Что мы делаем? Я согласен, что наши эссеи знали настоящую правду и пытались претворить ее в жизнь в своей собственной жизни. Но что с остальным миром за их пределами? И что мы знаем об их жизни и угасании? Разве есть разница между благочестивыми евреями, верившими также в справедливость и социалистический идеал, и нынешними социалистами? Те ждут «конца дней», когда придет Мессия и осуществит социальную справедливость, а пока живут во власти чуждой гармонии; а с собственными силами уже сейчас бороться за реализацию справедливости — это совершенно другое дело.

И этот вопрос очень хорошо увязывался с моим еврейством. Социалистическая партия — это партия для всех народов, и для евреев. Должны быть и еврейские социалисты, которые будут работать среди евреев, как еврей для той же цели. И это то, что у меня перед глазами. «Они» не могут работать среди нас. Это мы должны делать сами. Борьба за всеобщее освобождение должна вестись совместно с ними, но само освобождение мы не можем выпросить.

Никогда в своей жизни я не говорил с моим дедушкой так открыто и так интимно. И никогда наша любовь друг к другу не была так сильна, как в тот час, когда мы пробыли до тех пор, пока звезды не начали появляться на небе, и дедушка поднялся идти в Минху и Маарив в минъян. Минху он из-за этого разговора пропустил.

— Я должен из-за тебя простоять два Молитвы Шемоне-Эсре! — замечал он, с упреком.

Поднимаясь, он положил руку мне на плечо, как бы небрежно опираясь. Но я чувствовал, что это было выражение любви и доверия.

Я остался сидеть один в возбужденном настроении от этой новой встречи. Я был также удовлетворен исходом спора и моим скромным триумфом.

Я видел перед собой высокую фигуру моего дедушки, его величественное лицо, с его пейзажами и ярмолкой, с его полным любви взглядом. И мне подумалось: вот один из лучших сынов нашего народа, в сущности — воплощение нашего народа, его не испортишь, его не совратить покупкой и продажей. Разве мы далеки друг от друга? Я чувствовал, что в глубине дедушка солидарен со мной. Мы оба в глубине — одно. Мы оба верим в одно и то же: в светлое будущее для всего человеческого рода.

И красиво расцвела во мне тогда вера в наш народ.

История же с эссеями глубоко запала мне в душу и заставила задуматься о вещах, которые до того времени были мне совершенно чужды.

ВИКТОР ЧЕРНОВ | Ш. АН-СКИЙ — РАППОПОРТ*

В той Швейцарии, где я рассчитывал найти, согласно давней традиции, «сердце и мозг» российской революции, я застал лишь очень слабый отголосок. Здесь господствовали социал-демократы-марксисты с их тогдашним лозунгом о «идиотизме деревенской жизни», от которого у меня каждый раз темнело в глазах и рушились все мои революционные перспективы. Я часто встречал лишь иллюзии, покрытые пылью поколений. В первое время я был сильно разочарован. Но группа молодых студентов, моих земляков и друзей, подарила мне надежду: в Париже, возможно, отнесутся иначе к моим планам. Там есть замечательный и очень симпатичный человек — сам еврей, но обладающий душой русского «народника», ученик Глеба Успенского. Его имя — Семен Акимович Ан-ский. Нужно вести с ним переписку. Я должен признаться, что не возлагал на это больших надежд. Но тут ко мне приходят с вестью:

— Письмо из Парижа! Семен Акимович отозвался! Он приезжает сюда встречаться и обсуждать всё!

Никакое дело не было мне сейчас так близко к сердцу, как это. Он рвется встретиться со мной как с родным. У него есть план касательно эмиграции... Он советует: пока вы не встретитесь с ним, воздержитесь от принятия окончательного решения!

Легко представить, с каким интересом и нетерпением я ждал встречи с ним...

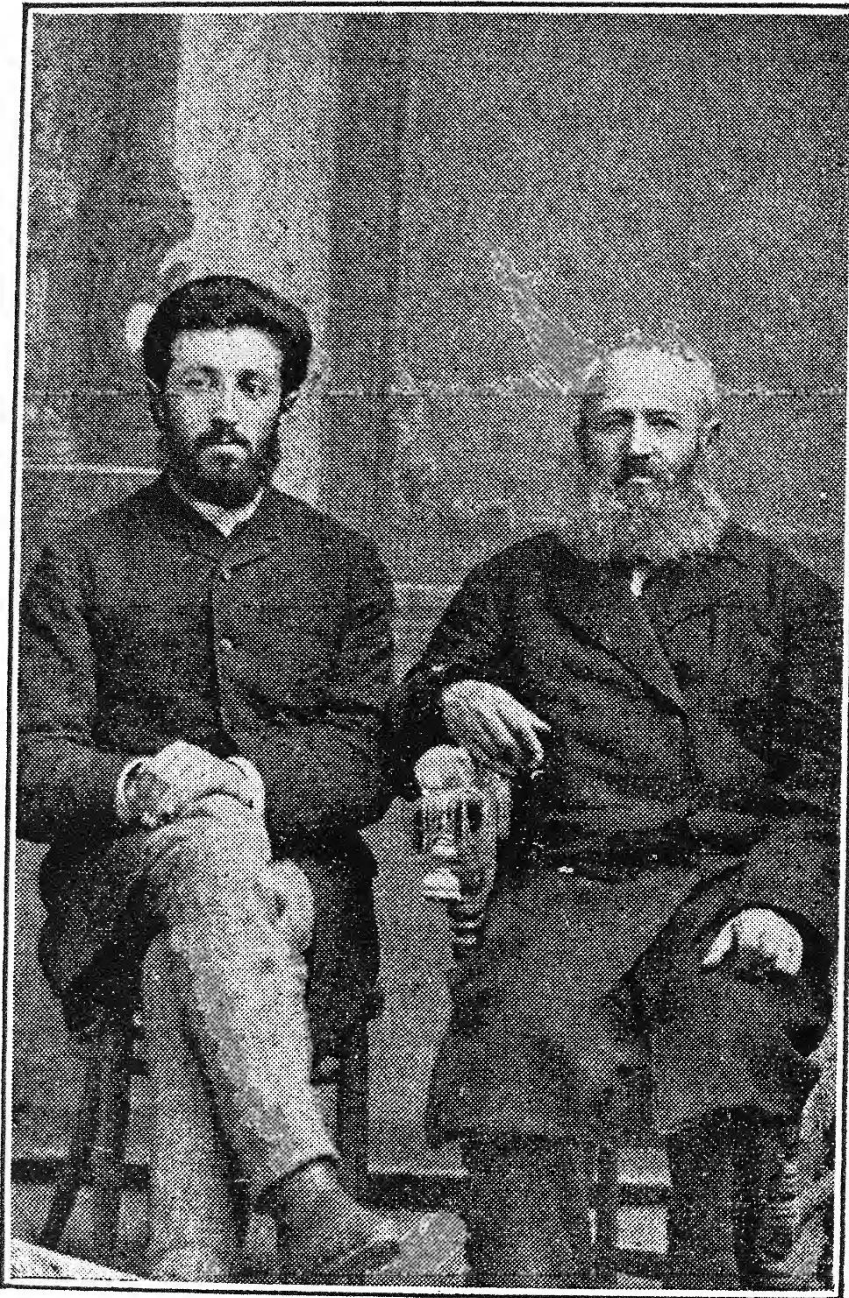
** Напечатано в «Еврейском вестнике» партии социалистов-революционеров под ред. Виктора Чернова.*

Приехавший был высоким, широкоплечим, крепко сбитым человеком с мускулистыми, как у кузнеца или рабочего, руками; с широким лицом, солидным, типично еврейским, слегка крючковатым носом, горящими глазами, глубоким лбом. Но щеки ввалились от тяжелого туберкулеза легких, который уже подтачивал его, и от этого сердце у него тоже часто сдавало. Когда он задумывался, его лицо принимало какое-то трагическое выражение, как будто он о чем-то сожалел. И я думал: если приставить к этому лицу широкую седую бороду — какой величественный образ библейского пророка получился бы!

И что за имя такое для Семена Акимовича, и к тому же с несовсем естественной добавкой «Ан-ский»? Выяснилось, что его урожденное имя — простое и естественное — Соломон Раппопорт! Это было совсем другое дело: настоящая еврейская душа! Это был вовсе не «ребёнок Соломон», а скорее задорный, озорной дедушка...

Обычно, когда совершенно чужие люди встречаются в первый раз, они чувствуют себя скованно и неловко. Но при первой же встрече с Ан-ским у меня не было абсолютно никакого подобного чувства. Он сразу повел себя со мной как старый, оригинальный и веселый друг... или как озорной мальчик лет 40 от роду! (Ему было ровно на 10 лет больше, чем мне: родился в 1863 году, а я — в 1873...).

Вообще я довольно редко и с трудом сближаюсь с людьми при первом знакомстве. Мне нужно время, чтобы перейти на «ты». Но с Ан-ским всё произошло само собой, и я даже не заметил, как и когда это произошло. Такой характер был у него: открытый, искренний, с детски-примитивным подходом к людям; эмоциональный, с артистической натурой, подвижный, экспрессивный. Он буквально очаровывал своей душевностью. Часто он прибегал, входил и сразу осыпал шутками, анекдотами, смеялся сам и смешил всех вокруг. И вдруг он становился совсем другим человеком — сидел тихо, молча, завораживал своей глубокой грустью... Из его глубоких глаз проглядывала печаль, исконная еврейская печаль, возможно, отголосок той самой еврейской печали, которую выразили предки, «сидя и плача у рек Вавилонских».

ש. אַנ-סקי אין זיין פאָטער

И в этом человеке можно было очень хорошо видеть тот глубокий контраст между его еврейско-национальной душой и внутренними противоречиями и контрастами, которые выливались в нем в многоликость. Переменчиво-грустный и в то же время жизнерадостный, полными приключениями и шутками; с глубоким чувством национальной боли, он в то же время был интернационалистом и революционером — но в то же время почти до детской наивности космополитичен; с открытой душой для всех, задорный с трезвым реализмом и мечтательный, почти фантазер; больной эгоист, но способный жертвовать собой, подшучивать над анекдотом; казалось, в любую минуту он готов собраться и отправиться в дорогу — в путь к новому Сиону; обладал талантом привлекать к себе чужих людей как своих, и не знал более высокого счастья, чем «умереть в Иерусалиме»...

Оригинальной была фигура Семена Акимовича Ан-ского, оригинальной была и его личная судьба.

Будучи совсем молодым парнем, на пороге 70-х годов, он примкнул к движению Просвещения (Гаскале), выражавшемуся в отрицании всех старых еврейских традиций, старого образа жизни, начиная с семьи и заканчивая бейт-мидрашем. Это был своего рода специфический еврейско-вольнодумский период с примесью русского нигилизма. Та роль, которую в России 60-х годов сыграли семинаристы, на еврейской улице сыграли ученики иешив. Порывая из-за традиционных еврейских предметов с русским языком, литературой и наукой, они тянулись к ним как к запретному плоду, в большинстве своем тайком от родителей. Они учили русский язык без системы, примитивным образом, просто заучивая целые вещи из литературных образцов, плохо понимая их содержание или искажая его, разговаривая так, что истинные русские с трудом понимали их. Они могли таким образом читать Писарева, учить Добролюбова, дискутировать о длинном и широком в Белинском, увлекаться радикальными романами Чернышевского, Михайлова, вести жаркие споры: кто стоит выше — Чернышевский или Достоевский. То, что они понимали, они сразу же пытались претворить в жизнь, рвали семейные узы, связывавшие их со «старым миром», и начинали строить жизнь по-новому...

— Мы, понимаешь, верили в идею! — любил с улыбкой рассказывать Семен Акимович. — И все голодали одинаково; ни у кого из нас не было постоянных источников дохода. Время от времени кто-то получал лекцию за гроши, случайный заработок; пара рублей перепадала из гимназической кассы. Месяцами мы перебивались на одном хлебе и чае, а бывало и этого не было. Но к своей бедности мы относились не просто с философским пренебрежением, а с гордым энтузиазмом...

Всё это было в духе того времени. Семен Акимович пересказывал мне то, что он сам лично описывал как авторитетный член исполнительного комитета «Народной Воли», где описывал время своей юности:

«Бывали дни, когда все шесть человек, жившие в одной квартире, имели всего две пары сапог. Четверо оставались сидеть в комнате, ожидая пары обуви от товарища, который должен был вернуться из города; две пары обуви подходили всем шестерым... Спали на полу, натянув одежду вместо матраса, ели черный хлеб с колбасой, запивая чаем. Лидер нашей коммуны обладал невероятной независимостью

от обстоятельств и от кого бы то ни было. "Чернышевский герой (из "Что делать?") Рахметов был для него образцом, которому нужно подражать", — говорил он, — "как и все пропагандисты-революционеры"».

Чтобы окончательно убедить меня, Семен Акимович зачитал мне воспоминания о Некрасове, как тот жил в одной комнате с художником Данненбергом: «У них была только одна пара сапог, один сюртук для двоих, так что они выходили на улицу по очереди!.. Сам он, Семен Акимович, не видел ничего дурного в этих "принципах" спартанской жизни. У него не было ничего... он был беден и не имел больше ничего...

Ан-ский пробовал себя в роли учителя. Учеников он искал среди типичных мелкобуржуазных элементов маленького еврейского местечка. Но его быстро распознали как вольнодумца: его пышная шевелюра, рыжеватая борода — всё это отпугивало от него религиозно-ортодоксальные элементы, то есть почти всех еврейских жителей местечка. В одном месте на него даже обрушилась русская крестьянская атмосфера — его обвинили в «христианстве» и ассоциациях с христианами... Его обвиняли в том, что он миссионер и хочет увлечь учеников к крещению и т.д. Особая опасность угрожала ему в местечке, когда один юноша из местных «вольнодумцев» взял у него почитать лилиенблюмовские «Грехи юности», которые были тогда Библией для вольнодумной молодежи. Местный раввин, узнав об этом, уже готовился провозгласить ему херем (анафему). К счастью, «Грехи юности» были переплетены вместе с «Завулоном» (двумя днями и одной ночью), содержание которого было совершенно невинным по сравнению с лилиенблюмовским апиборосом (еретическим памфлетом), а ревнители веры не очень хорошо разбирались, когда хозяин вырвал из переплета «Грехи юности» и оставил лишь невинную книгу, потребовав от доносчиков указать те еретические места, о которых они заявили. Доносчики ушли с позором. Нашли также записную книжку Ан-ского, где он излагал мысли о погромах начала 80-х годов. В местечке судачили, что погромы — это наказание небес за плохие поступки таких евреев, как Семен Акимович...

Вот в такой атмосфере жил юноша, рвавшийся к просвещению и прогрессу. Неудивительно, что он не выдержал: новая волна увлекла его с собой — «Нужно идти в народ!». Его надежды и ожидания перенеслись с еврейской улицы на широкую улицу общероссийской жизни. Серый будничный быт маленького еврейского местечка он променял на таинственную, полутьму шахт и рудников... И надо признать, что этим последним шагом своей юношеской биографии он меня просто поразил...

— Хорошо, — сказал я ему, — вы пошли «к народу», но «народ»-то в те годы означал прежде всего — крестьянство. Этот «народ» сидит на земле; откуда же у вас взялась такая дикая идея — зарыться под землю?

Его ответ был прост: все доступные средства и пути для пропаганды среди крестьянства были исчерпаны в 70-х годах; в 80-х годах уже хорошо знали шпионов и жандармов от политической полиции; сыск и полиция, скрывавшиеся под маской деревенского учителя, писаря или фельдшера, стали обычным делом. Нужно было искать новые пути! И такой способ ему действительно удался: всё то время, пока он работал в шахтах, он ни разу не попался на глаза полиции, он не был замечен, растворившись среди огромной массы подземных рабочих. Весь характер такой

работы не допускал никаких мыслей о фальши, маскарade или лицемерном переодевании. В то время как у себя в местечке Раппопорт, еврей среди евреев, привлекал к себе общее внимание и вызывал подозрения, здесь всё перевернулось: среди шахтеров-угольщиков он скрывался под чужим именем, потерял себя и ничем не выделялся в поддельном паспорте. Шахтеры уже привыкли к тому, что к ним приходят самые разные люди, не найдя своего пути в жизни.

«...Я видел перед собой целостную и завершенную личность "народника", с психикой, не отравленной скептицизмом, который был для него чужд. Однажды я спросил его: не была ли народническая идеология у него смесью Достоевщины, Рахметовщины и Толстовства, не сливались ли у него аскетизм и самоотречение с духовным удовлетворением? Он горячо протестовал против этого, но не мог отрицать, что из своей жизни шахтера-угольщика он вышел с подорванным здоровьем, с истощенными силами и с израненными легкими (цингой).

— Разве я толстовец, развращенный Рахметовщиной? — протестовал он. — Что бы ты сказал про того самого Лаврова, когда тот на своем пути "хождения в народ" услышал от какого-то прохожего мужика оклик: "Эй ты, мил человек!"? Это произвело целый переворот в его душе: он бросил всё, отказался от звания генерала и превратился обратно "в народ" — в простого человека, в бродягу! Сегодня Павел Борисович Аксельрод — разве он не блуждал в Подольской губернии под видом легендарного торговца, который раздавал беднякам всё, что зарабатывал у богатых; он не находил покоя и призывал всех евреев бросить всё и вернуться в Палестину; кто мог ожидать от него будущего марксиста? А Лев Дейч? Он был готов совершить покушение на царя... А позже, когда он уже утратил свои царистские иллюзии, он всё еще был полон злобы на царя: почему русские и даже еврейские социалисты начали добиваться конституции для Варшавских, Бродских, Поляковых, Гинцбургов и им подобных, вместо того чтобы полностью объединиться с "народом", отказавшись от любой личной выгоды для себя, как он хотел сам быть бедняком, уйти и отказаться от всего! Нет, не у меня одного нужно искать подобные странные вещи, а у всего нашего поколения, незаурядных людей, которые считали это образом позитивности и благородства!

После этого двухлетнего периода — шахтера и шахтерского учителя — для Семёна Акимовича наступил третий: литературный.

Стать писателем ему помог случай: писательский талант в нем открыл и взрастил другой сознательный народник и эссеист, который тоже происходил из евреев — Григорий Ильич Исаев; позже, после революции 1917 года, он был на почтенном посту петербургского градоначальника ("Галеаво"). В те времена он был лишь главным редактором нашей провинциальной газеты "Юг" (на Юге) в Екатеринославе. Он обладал редким чутьем редактора и заинтересовался подробными корреспонденциями о жизни шахтеров, которые написал, как он их любил, сам рабочий. Он почувствовал у этого автора корреспонденций художественную жилку, решил лично познакомиться с автором, пригласил его к себе и сказал ему вот что: "Ты, старый литератор и редактор, совершенно не понимаешь, или Соломон Раппопорт, рожденный беллетрист, сам не понимает, каким талантом он обладает. Из него нужно сделать хорошего учителя, а еще точнее — развитого, талантливого писателя-

беллетриста. Лучше человека не нашлось бы для него, чем такой фатальный учитель, как Глеб Успенский. И вообще, ему нужно оказаться в атмосфере большого русского литератора в столице. Он, как писатель, может дать рекомендательное письмо к Успенскому, вообще к редакции народнического ежемесячного журнала, группировавшегося вокруг Н. К. Михайловского".

У Семена Акимовича от захватывающих дух перспектив, открывшихся перед ним, голова пошла кругом. Он воодушевился, решился и вернулся назад, скопив денег на поездку. Здесь у него поднялось настроение, он вдохновился, сильно поверив в себя как в будущего писателя, но... в итоге полностью разочаровался в своих силах. В конце концов его ждала печальная участь.

Ан-ский прибыл в Петербург. Прямо с вокзала он попал на вечер — дружеское чаепитие у штаба руководства народников. Здесь находился цвет лучшей прогрессивной русской интеллигенции, здесь же был литературный олимп еврейского революционного движения. Там был и Глеб Успенский. Он прочитал рекомендательное письмо и отнесся к Ан-скому с подчеркнутой дружелюбностью; он уходит, но вскоре возвращается — у него семейная неприятность у близких друзей, где он, вероятно, сидит до поздней ночи; поэтому он зашел лишь на минутку, чтобы пробежать регулярные еженедельные выдержки из фронтовых писем. И на наших глазах Семен Акимович превратился в оцепенелую, "немую фигуру". Он ловит каждое слово из уст собравшихся. "Они же все — светлые умы!" Он не замечает, как вечер переходит в ночь. В 12 часов ночи публика начинает расходиться. Прощаются и расходятся по домам. По домам?! Семен Акимович до этого момента даже не задумывался: а куда он пойдет? У него же здесь нет ни родственников, ни знакомых в столице! У него же нет ни квартиры, ни ночлега. Спросить совета у кого-то? Он тоже не может. Глеб Успенский, к которому его рекомендовали, ушел; все остальные для него — коллективный аноним: редакция. Кому из них он должен рассказать о своем несчастье? Слава богу, бросает его то в холод, то в жар. Не придя ни к какому конкретному решению, что ему делать, он делает то же самое, что делают все: прощается, уходит и выходит на пустые улицы незнакомого большого города.

Куда ему идти ночью? Он идет, идет — из одной улицы в другую, из одного бульвара на другой. Теряет направление и сам уже давно не знает, где находится. Уставшие ноги сами несут его на бульвар, где скамейки манят его присесть. Он не замечает, как садится и засыпает, пока от вида патрульного полицейского не вздрагивает. Нужно вскочить и сделать вид беспечно гуляющего прохожего. Так проходит час за часом. Как ужасно долго тянется ночь! И вдруг — навстречу ему идет какая-то знакомая фигура. Да, без сомнения, это Глеб Успенский! Он ушел со встречи у семейных друзей и сейчас идет домой... Успенский смотрит на него с большим изумлением, удивленный, узнает "коллегу-писателя из шахтеров" и начинает расспрашивать: что и почему он делает так поздно ночью, почти на рассвете?! Скрывать тайну уже нельзя. И Успенский сейчас своими глазами увидел печальную, полную унижения трагедию еврейской "черты оседлости", о которой он когда-то что-то слышал; теперь перед ним открылась ее кровавая рана.

Успенский берет за руку Семена Акимовича, приводит его к себе в квартиру, поит его чаем, укладывает его спать в постель, а сам сидит у его ног: он хочет знать во всех

подробностях обнаженную правду о жизни евреев. Семен Акимович рассказывает и рассказывает, сам не замечая, как от усталости начинает бормотать слова ни к селу ни к городу, погружаясь в легкую, а затем в глубокую дремоту. Вдруг его что-то толкнуло изнутри, он открывает глаза, но спросонья не может сориентироваться, где находится и что с ним происходит. Он оглядывает комнату... у его ног, как немая статуя глубокого горя, сидит Успенский, погруженный в себя, плачущий. Из его глаз ручьями текли слезы — крупная слеза... вторая... третья...

В Еврейско-русской энциклопедии совершенно верно указано, что целый период творчества Ан-ского, главный период между 1886 и 1892 годами, проходил под тематическим и жизненным влиянием Глеба Успенского. Экстремальный субъектность, которой отличалось творчество Успенского с его бурным публицистическим порывом, всегда присутствовала и в работах Ан-ского. В этих "записках" художественный фрагмент в его творчестве без сомнения уступал место наступающему шторму психической болезни. И в своем стиле тщательно разработанная детализация содержания "чисто художественного искусства" иногда смешивалась с легким тоном бытового юмора, редким — с острой иронией. Но главное, что у него доминировало вместе с Глебом Успенским — это специфическая писательская скромность.

— Ты знаешь, Виктор, как мне тяжело далось начало моей писательской деятельности? Ты никогда не угадаешь: дело в том, как я должен подписываться под своими произведениями! Подписывать собственное имя мне было стыдно. Я понимал, что Тургенев, Писемский или Остроговский — ты сразу видишь, что за эстетическое наслаждение ты получишь. Это литераторы, как фирма в торговле. Но что прозвучит с "Соломон Раппопорт"? Ничего! Это было для меня истинным мучением, когда мне сказали, что можно подписываться псевдонимом. Но псевдоним нужно же придумать! И моя фантазия совершенно обанкротилась перед этой задачей. В конце концов, у меня получилось то же самое «Семен Иванович». Он задумался и сказал мне, взяв ручку в руку, написав инициалы своей подписи под корреспонденциями из жизни шахтеров: **С. А.** Написал гладко вот так: **Ан...** Задумался на минуту, поставил дефис и добавил **«ский»**. «Хочешь так?» — спросил он. Я согласился. Мне очень понравилось: должно быть, потому что это было написано его почерком. Вот так я и стал «С. Ан-ским». Семён Иванович сразу же дал мне первые уроки беллетристики, дал мне литературное имя и, наконец, подарил мне идею уехать в Финляндию, чтобы раз и навсегда оторваться — как он выразился — от еврейского провинциализма и стать одновременно и русским. И главное — здесь, в Париже, он устроил меня личным секретарем у Лаврова.

Если Глеб Успенский долгое время владел сердцем Семена Акимовича, то Лавров дисциплинировал его ум и поднял его на высшие ступени человеческих знаний. Когда Лавров умер у нас на руках, я увидел, что духовный родитель Семена Акимовича отдал ему почти всю свою глубокую признательность.

На первый взгляд, поверхностно, могло показаться, что Семен Акимович — это полностью национализированный еврей. Но такое впечатление было ошибочным, это выяснилось лишь позже. Хотя он выучил русский язык довольно поздно — в 16–17 лет — он так сильно полюбил русскую литературу, так глубоко ушел в нее, прочувствовал

ее, что русский язык стал для него больше, чем «вторым родным языком». Еврейский и русский не были для него «первым» и «вторым», они оба выражали на двух языках его единую духовную жизнь... Это характерно, что он сам не любил переводить свои собственные вещи с одного языка на другой (хотя Некрасова, например, и Никитина он переводил на идиш). Несмотря на многочисленные просьбы, обращенные к нему, он так и не перевел на русский свой знаменитый гимн «Ди швуэ» (Клятву), который стал гимном Бунда. К слову, этот гимн — произведение от души русского Ан-ского — долгое время оставался у нас неизвестен почти никому, в лучшем случае редакторам энциклопедии.

ЯКОВ ШАЦКИЙ | Ш. АН-СКИЙ — ФОЛЬКЛОРИСТ

Ш. Ан-ский — это псевдоним Шломо-Зайнвля Раппопорта, чья мать звалась Хана (Гене). Он родился в Витебске в 1863 году, учился в хедере и получил традиционное еврейское воспитание. Его отец был отчасти человеком просвещенным (*мескелем*) и из-за торговых дел долгое время жил даже в Москве. О еврействе сына заботилась мать, а о его «нееврействе» гораздо больше заботились витебская улица и окружающая среда. В Витебске уже тогда существовали нелегальные кружки социалистически-фольклористской молодежи. Под прямым влиянием чтения русской радикальной литературы Шломо-Зайнвл решил обучиться какому-нибудь ремеслу. Сперва он взялся за кузнечное дело, но, по-видимому, это оказалось выше его сил, и он выучился на переплетчика. Уже в самом выборе переплетного дела в качестве профессии крылся осознанный порыв быть ближе к миру книг, чтобы со временем обогатить его собственными, уже написанными произведениями. Великим мастером переплетного дела он, впрочем, не стал. Об этом рассказывает Рудольф Ракер, который тоже был переплетчиком и работал вместе с Ан-ским короткое время в Париже (Р. Ракер: «В бурю», Буэнос-Айрес, 1952, с. 38–42). Ракер смягчает «дилетантизм» Ан-ского, который сопутствовал тому на пути к его достоинствам, отмечая, что суровый Ракер назвал те несколько месяцев совместной работы с Ан-ским «незабываемыми».

В Витебске Ан-ский первое время был всецело поглощен еврейскими делами. Писать он начал еще в юные годы. Штиловодский, его самый близкий друг юности, рассказывает, что Шломо-Зайнвл Раппопорт в совсем юные годы написал на идише драму, в которой изображается «ад хедера». Эту пьесу он даже читал в рукописи актеру Якову Адлеру.

Вместе со Штиловодским Ан-ский издавал в Витебске листок под названием «Витебский голос». Этот листок, как сообщает Штиловодский, вышел всего в одном номере.

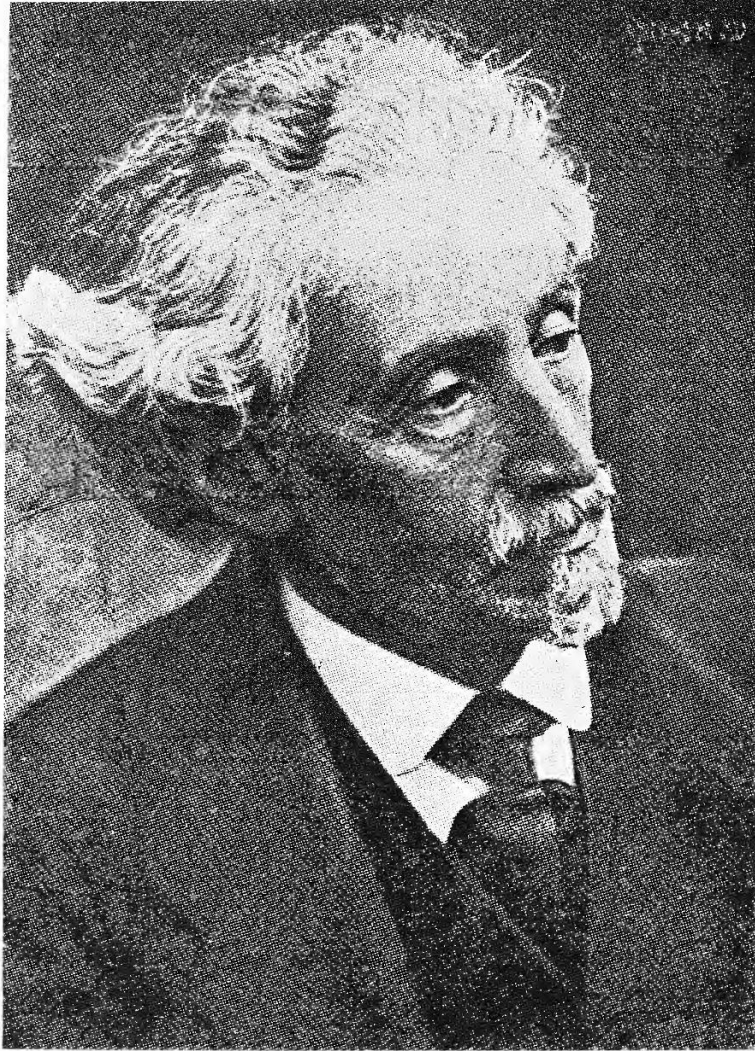
Желая не сидеть сложа руки и хоть что-то делать в Витебске, Ан-ский в 1881 году отправляется в одно хасидское местечко, где берет на себя роль «миссионера».

Однако его культурная миссия вскоре прерывается. Став «эпикуром» (отступником), Ан-ский уходит из местечка. Штиловодский рассказывает, что в то время Ан-ский вел дневник на русском языке — и это стало знаком того, что он начал относиться к своему писательскому труду со всей серьезностью. В 1881 году Ан-ский написал большую повесть под названием «История одной семьи». Опубликовать ее не удалось: издатели отказались дать разрешение на ее выход в свет в таком виде. Спустя два года эта повесть была переведена с идиша на русский язык совершенно иначе и, хотя снова не получила дозволения к печати, была издана под названием «История одной семьи» в журнале «Восход» (1884), причем автор долгое время скрывался под псевдонимом. Спустя годы Ан-ский сам переработал эту повесть и включил ее в сборник русских повестей под названием «Пасынки» (1905).

В привычной еврейской среде Ан-скому делать было нечего. Подобно народнику, он устремился к русским народным массам. Если там ему и удавалось найти отклик — как, например, в Галиции, — то в еврейской среде, как это случилось в Лиозно, его предавали анафеме (*кели-кодеш*). Он был до того удручен этим, что полностью отчуждился от евреев и затерялся среди рабочих масс, ставших суверенными в ту пору в том регионе.

Штиловодский рассказывает, что в 1892 году Ан-ский был уже весьма далек от еврейства и, испытывая сильное увлечение народническими взглядами, разделял их. Ему было тесно в еврейском мире, и он чувствовал, что на идише невозможно создать ни науки, ни искусства.

Некоторое время Ан-ский провел в Москве, где отец, которого он почти не видел и не знал, зарабатывал деньги. Зимой 1891–1892 годов Ан-ский уезжает в Петербург. Там он сближается с группой выдающихся русских писателей-народников и начинает писать очерки из русской народной жизни. По натуре своей писатель Ан-ский начал оформляться из русской народной стихии, вбирая в себя ее огонь, высоту, идеалистический настрой, который даже Штиловодский считал поверхностным и полным преувеличений.

ש. אַן-סקי (1863-1920)

Годы спустя, когда Ан-ский вернулся к еврейскому творчеству, он перенял тот же подход при описании ушедшего еврейского быта. Летом 1892 года Ан-ский впервые в жизни уезжает за границу. Он обосновывается в Париже, становится личным секретарем Петра Лаврова (1894–1900), живет переплетным ремеслом и работает вместе с Рудольфом Ракером.

Во Франции Ан-ский заинтересовался французским фольклором — темой, которая глубоко захватила его еще в России в беседах о русском фольклоре. Книга «Очерки народной литературы», вышедшая в России в 1894 году, стала результатом исследования того, как русская народная масса отражается в русской литературе.

Французский метод исследования фольклора заключался в том, что социальные мотивы, нашедшие свое выражение в песне, балладе или сказке, использовались в качестве источников для изучения психологии народной массы. Подлинность такого

рода материалов исследователя не интересовала, как и происхождение этих текстов. В подобном ключе Драгоманов составлял свои украинские думы, не вдаваясь в такие подробности, что они вполне могли быть — и действительно были — написаны отдельными авторами из высших социальных классов.

Ан-ский во Франции собрал обширный материал и намеревался сопоставить его с аналогичным русским материалом, чтобы на этой основе прийти к определенным выводам относительно различий в социальной психике русского и французского человека. Этот труд должен был выйти на немецком языке в издательстве, совладельцем и редактором которого отчасти являлся Хаим Житловский. Однако после смерти Лаврова (1900) Ан-ский перебирается в Швейцарию. Книга так никогда и не была написана, и есть все основания полагать, что собранные материалы утеряны.

В Швейцарии он активно включается в деятельность союза русских социалистов-революционеров и некоторое время руководит еврейским отделом. После некоторого перерыва он вновь берется за перо — на этот раз на двух языках: русском и идише. Эти шесть лет (1902–1908) стали самыми плодотворными в его жизни. В своих русскоязычных трудах он возвращается к еврейской тематике. В 1904–1905 годах он пишет свою новеллу «Пионеры», (напечатано в «Восходе»), «Мендель турк», работает над своими «Пасынками», пишет повесть «В бурю» (на русском языке, 1907) и множество других рассказов о еврейской жизни. К своему прежнему просветительскому подходу он стал относиться гораздо критичнее: переходный период в русско-еврейской жизни, особенно в небольших местечках, он изображает с большей ностальгией, нищетой и нарождающейся капитализацией.

В этом романе «Пионеры» отец-просветитель (*мескель*), который сам проложил себе путь к общей культуре, говорит своим детям-гимназистам:

— Не спешите сбрасывать с себя всего еврея, не спешите разрушать все преграды (Русский сборник, III, с. 181).

Русские народники полагали, что при всей эмоциональной проникновенности отношение Ан-ского к старому еврейскому укладу жизни носит в целом негативный характер. Критик Гарнефельд рассказывает, что один русский редактор отказался печатать его рассказы о еврейской жизни в своем журнале под тем предлогом, что «это может обидеть евреев».

По этой причине рассказы Ан-ского, за редким исключением, печатались в «Восходе» — русско-еврейском издании, которое никто не мог заподозрить в желании «обидеть евреев».

В период революции (1905) Ан-ский возвращается на родину. Он, автор бундовской «Шавуот» — «Марсельезы» еврейского рабочего класса, — вновь со всей страстью бросается именно в общую революционную просветительскую работу. Он работает среди деревенского и городского пролетариата, собирая материалы, которые решительно не имели ничего общего с витающими в облаках материями революционного подъема. Он ставил перед собой скромную задачу: рассказать о том, что читает простой человек — если он вообще умеет читать — и что он стал бы

читать, если бы умел. Годы спустя (1913) этот материал лег в основу новой книги («Народная книга»).

В то же время с еврейской тематикой был связан московский русскоязычный альманах «Луч», который Ан-ский редактировал в 1907–1910 годах и задачей которого было «распространять верные сведения о евреях», иными словами — выполнять апологетическую функцию. Само это издание вызвало протесты в украинской и белорусской прессе, поскольку Ан-ский слабо ориентировался в национально-политическом пробуждении этих народов России.

Одновременно Ан-ский выступает с докладами, в которых использует нагроможденные русские материалы, которые он принимал за фольклор, в то время как по сути они являлись литературными произведениями. Одним из таких докладов был, например, доклад о «войне и ее отражении в литературе» (1910) с тезисом о том, «что русская народная масса воспринимает войну как величайшее бедствие», поскольку это явствует из русских народных песен. Однако в том же докладе содержался и второй тезис, противоречащий первому, а именно: что «русский солдат всегда героически идет на смерть» («Из недавнего прошлого», 1937, с. 310–320). Разочаровавшись в революции, Ан-ский начинает оглядываться назад — «домой». В период с 1908 по 1914 год, ставший вершиной его жизни, он обращается к фольклору не тех, кто покоится в братских могилах под землей, а тех, кто лежит в земле без всяких могил и памятников, — к бедной еврейской народной массе. Его взгляды на все формы еврейской жизни приобретают глубоко консервативный характер. Это со всей очевидностью проявилось в его юбилейных речах 1909 года, когда отмечалось двадцатипятилетие его литературной деятельности. Тогда же он выступил в защиту того, от чего некогда отрекся в 1878 году, — а именно хедера.

Годы 1908–1914 стали «фольклористическими годами». Была организована фольклорная экспедиция, которая обследовала 66 населенных пунктов на Волыни и Подолии и собрала богатейший материал. Финансирование этой исторической работы в значительной мере взял на себя императорский барон Владимир Гинзбург. В экспедиции (1913–1914) приняли участие несколько студентов высших курсов востоковедения (хахмат Исраэль) в Петербурге. Огромная любовь и энтузиазм участников стали тем весомым итогом, с которым вошла в нашу историю эта первая еврейская фольклорная экспедиция.

Ан-ский начал публиковать — сначала в качестве пробы на русском языке — работы, призванные стать теоретическим фундаментом еврейской фольклористики. Вокруг фольклористических тезисов Ан-ского и поныне не утихают научные споры, хотя по сути они уже давно опровергнуты. Достаточно почитать Гастера, Хартланда и других выдающихся еврейских фольклористов, чтобы убедиться: еврейское народное творчество ничем принципиально не отличается от нееврейского. Если в еврейском фольклоре и отсутствует «триумфальная физическая доблесть», то ее точно так же нет ни в раннехристианском, ни в древнерусском, ни в индусском эпосе. Об этом же пишет и сам Ан-ский («Фольклористика», I, с. 276–314; «Собранные сочинения», XV)

- 2 000 фотографий.
- 1 800 сказок, преданий, легенд и агад.
- 1 500 фольклорных и мистических песен (фольклорных).
- 500 волынок с еврейской народной музыкой.

- 1 000 мелодий к песням, а также мелодий и словарей.

Кроме того, множество приспособлений, а также амулетов. Он также собрал:

- 100 исторических документов,
- 500 рукописей,
- 700 антикварных предметов, купленных за 6 000 рублей.

Все это было собрано для создания еврейского национального музея. В конце 1916 года весь этот огромный клад был передан еврейскому историко-этнографическому обществу (*«Еврейская старина»*, 1918, с. 319).

Второй отчет был напечатан уже после смерти Ан-ского и сообщает, что также из той же самой общины было найдено 2 327 писем из собрания Ан-ского.

«У меня нет ни жены, ни детей, ни дома, — писал Ан-ский в письме, — нет даже комнаты, нет имущества, нет даже того, что закреплено привычкой. Единственное, что связывает меня с силой сильной и глубокой, — это нация».

Кроме того, сохранилось 1 371 документов о евреях в Первую мировую войну, большое собрание хасидских свадебных мелодий, всех других мелодий и других документов (*«Еврейская старина»*, 1924, с. 306–311).

Вот этот клад Ан-ский решил забросить, когда после большевистской революции он оказался в изгнании.

Во время войны, возвращаясь из Галиции, Ан-ский часто выступал с рефератами о еврейском фольклоре (в 1916 году). Годом ранее вышел большой опросник, который он составил при помощи десяти студентов, принимавших участие в его экспедиции.

Эта книга называется: *«Две еврейские этнографические программы»*, первая часть, 1915, 238 страниц. Эта программа состояла из 2 657 вопросов и была утверждена бароном Владимиром Гинзбургом и отредактирована этнографом Л. Штернбергом.

В кратком, но весьма интересном предисловии Ан-ский называет еврейский фольклор: *Тора ше-бааль-пе* — «Устная Тора», «Еврейское тело и душа», «Голос масс» — созидание самой жизни «еврейского духа», который представляет собой устную Тору. Это означает приверженность старым элементам его первых театральные статей.

Ан-ский жалуется, что еврейское народное творчество гибнет, поскольку «еврей относится к себе легко и с пренебрежением к тому великому и богатому творению, которое живет в народе».

Вся эта анкета является, очевидно, не более чем скелетом.

«Нужно иметь 20 опросников, — писал Л. Кан (*«Студии о еврейском народном творчестве»*, YIVO, 1952, с. 133), — чтобы найти ответы на этот грандиозный вопрос».

В январе 1916 года Ан-ский прочитал доклад на русском-еврейском театральном вечере. Он упомянул, между прочим, что ему удалось собрать около 100 вариантов «Пьесы об Ахашвероше». Однако он переставил текстовые элементы «Пьесы о царе Давиде», введя в них «социальные элементы» (*«Еврейская старина»*, 1916).

В 1917 году он был избран депутатом Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров. Он пережил распад учредительного собрания партии, и в сентябре 1918 года уехал из России и обосновался в Вильно. Там, в Вильно, Ан-ский нашел себя в теплой еврейской среде. Хотя у него уже проявлялись симптомы опасной болезни.

20 февраля 1919 года в Вильно было создано Еврейское историко-этнографическое общество, которое после его смерти было названо его именем.

9 июня 1919 года Ан-ский перенес удар в Виленской общине, что после его смерти стало величайшим ударом по еврейскому театру, представляя собой адаптацию части собранных им этнографических материалов.

Из Вильно Ан-ский уехал в Варшаву, оставив Виленскому этнографическому обществу 40 томов фольклористических материалов. В Варшаве Ан-ский вместе с другими участвовал в создании этнографического общества.

Ан-ский скончался 8 ноября 1920 года, на следующий день после учредительного съезда общества, и, кстати, не успел застать жизнь в столице Польши. После смерти Ан-ского этнографическое общество в Вильно создало специальную «комнату Ан-ского», где были собраны материалы, касающиеся автора «Дибук».

В декабре 1920 года в Нью-Йорке было создано Общество Ан-ского во главе с И. Л. Каном. Были выпущены издания и даже фольклористический журнал, но для такой работы не было соответствующей среды.

В Варшаве комитет выпустил соглашение с Ан-ским на его собрание сочинений, из которого вышло лишь 15 томов. Многие из них были переведены с русского. Однако это собрание сочинений так и не было завершено.

В 1922 году вышел монументальный *Альбом Виленского этнографического общества* (864 страницы) с богатством фольклористического материала. В 1936 году аспирант YIVO и житель Вильно Реувен Ракоб начал работу над библиографией Ан-ского. Лишь одна глава («Первый отъезд Ан-ского») была напечатана в *YIVO Bleter* (XI, с. 443–453). Библиографию об Ан-ском под названием «*Биография Ан-ского*» напечатал Хелль Чайтлин в «*Десятилетнем юбилейном альманахе Майнта*» (1921, с. 49–72), а также Хаим Шитловский в «*Воспоминаниях из моей жизни*» (первый том, с. 9–114) и Виктор Чернов в своем томе «*Еврейские деятели в партии социалистов-революционеров*» (1948, с. 52–90).

Письма Ан-ского печатались в различных изданиях — в журналах «*Дер Ходеш*» (1919, Варшава), «*YIVO Bleter*», «*Фун Нонтн Овер*», «*Цкунфт*» и других.

Воспоминания об экспедиции печатались ее участниками: М. Чуднер («*Дер Майнент*», 1937), А. Рехтман и Ицхак Гуревич (П. Гуревич в «*Яде-ем*», Иерусалим, часть Б).

Фольклорная экспедиция Ан-ского готовится к изданию А. Рехтманом. Совокупной оценки Ан-ского как писателя, фольклориста и общественного деятеля до сих пор не существует.

Ан-ский был посланцем еврейского фольклора, точно так же как посланец в «Дибук» переносит рассказы о живых и простые слухи, и точно так же Ан-ский выражал эту функцию (см. Яков Шацкий в «*Йорбух*», т. 1, Еврейский книжный совет в Америке, с. 119). Ан-ский был писателем совершенно особого рода в истории еврейской литературы. Из индивидуальности он выходил с идеализмом поистине святым и наивным. Как фольклорист, Ан-ский придал новый импульс делу сбора чистейших произведений. Годы фольклористической работы были его самыми прекрасными и счастливыми годами. Он поистине слился с народом, хотя и не был специалистом-фольклористом. Романтик как фольклорист, он также воспринял романтическую любовь.

Ан-ский тесно связан с историей еврейского фольклора.

То, что он собрал — возможно, это в значительной мере уже ушло на вечный покой, — представляет собой великое дело. Своим «Дибук» он вписал в вечность историю еврейского театра. Его исторические труды по еврейскому быту останутся источниками для социальной истории евреев во второй половине XIX века в России, особенно в Витебском регионе.

В конце, чтобы пролить свет на одну характерную черту: еврейские фольклористы в Витебске печатали фольклористические работы Ан-ского не на идише, а в русских фольклористических журналах («Витебская старина», «Живая старина», «Русская этнография» и др.). В Белоруссии был богат еврейский фольклор, и если бы еврейские фольклористы собирали народные материалы, которыми обладало старое и поэтичное еврейское население — подобно тому, как Оскар Кольберг постоянно делал это для Польши, — то еврейскому фольклору (а не только исследованиям еврейского языка) не пришлось бы испытывать недостатка, как это было в Польше. К сожалению, было недостаточно борющихся тружеников. Все держалось скорее на любви к искусству, чем на искусстве любви.

Высшую любовь к искусству еврейского фольклора явил Шломо-Зайнвл Раппопорт (С. Ан-ский).

Л. БЛЕК (АБРАХАМ, ОТЕЦ) | ВОСПОМИНАНИЯ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Шестьдесят или шестьдесят пять лет назад население Витебска составляло примерно 65 000–70 000 душ, причем больше половины из них составляли евреи. Витебск не был индустриальным городом; в городе не было ни фабрик, ни заводов, которые могли бы занять большое число рабочих. Существовали мелкие мастерские, где хозяин работал с одним или двумя подмастерьями либо с одним или несколькими учениками. Исключением были слесарные мастерские. Здесь уже можно было встретить несколько слесарных, которые занимали большее число рабочих. В слесарной Калфина, например, работало 20–25 рабочих. У Зорицкого была фабрика сельскохозяйственного железа, косилок и серпов, где работало уже 25–30 рабочих. Подобное положение было и у торговцев. В столь крупной бакалейной лавке, как лавка Кальбановского на Смоленской улице, работали: сам хозяин с двумя-тремя и пара служащих. Так же обстоило дело и в других лавках. Лишь в железоторговле Витенберга работало большее число служащих — от 10 до 15 человек. В то время, кстати, служащие не хотели считать себя рабочими. Если бы тогда сказать служащему, что он такой же рабочий, как портной или сапожник, он бы оскорбился.

В Витебске, как и во всех городах и местечках, дети учились главным образом в наших традиционных хедерах. В то время, когда я жил в Витебске, имелись: один талмуд-тора, где учились дети из беднейших семей, и три иешивы. Самая маленькая иешива не обосновалась в городе прочно. Там училось около 10 юношей. Содержал эту иешиву богатый еврей, любавичский хасид Аврахам-Зелман Гинзбург.

Рош-ишава, Нахман Мариошин, тоже любавичский хасид, был большим фанатиком. Однако этот фанатизм ему не передался его ученикам. Во второй иешиве, иешиве Михаэля, училось уже около 35 юношей. Большая часть иешивников только здесь впервые начинала изучать Гмару. Третья иешива, Фадлокская, была самой большой. Здесь училось уже 50–60 взрослых юношей. Довольно большая часть из них действительно умела хорошо учиться. Рош-ишава был пожилым человеком и крупным знатоком Талмуда. Значительное число этих иешивников впоследствии заняло видное место в социалистическом рабочем движении.

Я учился в обеих иешивах — сначала у Михаэля около двух лет, затем в Фадлоке около двух лет. В обеих иешивах ни рош-ишивы, ни ученики не были фанатиками. Если рош-ишива замечал, что юноша читает книжку или учит русский язык, он делал вид, что не замечает. И хозяева синагог, при которых юноши-иешивники находились, были весьма толерантны. В Фадлокской иешиве я уже начал читать древнееврейскую литературу. Позже я начал учиться русскому языку. И когда я достиг такой ступени, что уже мог понимать русскую книгу, я начал читать и русскую литературу. Из древнееврейской литературы я покупал и буквально зачитывался произведениями Моше-Лейба Лилиенблюма, Ицхака-Бера Левинзона (Ралбага), Переца Смоленскина и других. Русские книги я читал всё, что попадалось мне под руку, без всякой системы.

В то время я немного сблизился и подружился с сыном глубоцкого раввина — Шмуэлем. Он был очень серьезным юношей, более образованным и интеллигентным, чем я. Шмуэль хорошо разбирался как в древнееврейской, так и в русской литературе. Он вообще был скромным, логичным, сдержанным и в разговорах с другими не употреблял громких фраз. Несмотря на большую разницу в интеллигентности, мы стали очень близкими друзьями. Шмуэль позже познакомил меня со своими двумя младшими братьями — Менделем и Матъе. Мендель был простоватым юношей со средними способностями и ничем особенным не выделялся. Матъе, наоборот, был юношей с блестящими способностями, веселым, с большим юмором и умным.

ל. בלעק

(אברהם דער טאטע אין יאר 1906)

В то время (я полагаю, это было в 1891 году) в Витебске никаких организованных социалистических групп не было, партий — тем более. Я не знаю, была ли раньше — в 80-х годах — в Витебске организация партии «Народная воля». Если даже да, то от

нее не осталось и следа. Многие «народовольцы» были заточены в тюрьмы, другие сосланы в Сибирь, а некоторые бежали за границу. О «народовольцах» у нас говорили с благоговением. Восхищались их героизмом, самоотверженностью и преданностью.

Радикальное изменение произошло после высылки из Москвы. В Витебск прибыло много высланных из Москвы, среди них семья Амстердам с зятем Рувимом Брейниным. Брейнин был ярким сторонником «Ховевей Цион» и, разумеется, еврейстом. Главным образом он вращался среди буржуазных евреев. Он выступал с речами на иврите на небольших собраниях. Вокруг него сгруппировались и некоторые молодые люди, но меня эта группа не привлекала. Амстердам, отец семейства, был из старых просветителей. Когда он прибыл в Витебск, он был уже пожилым и больным человеком, в общественной жизни он не участвовал. Из двух его сыновей младший был еще совсем юным, лет 11–12. Старший — Абраша — был двадцатилетним, очень интеллигентным человеком с солидным образованием. Абраша был хорошим оратором, вспыльчивым, с большим запасом энергии, и он сразу же принялся организовывать молодежь.

Как раз тогда мне довелось познакомиться с замечательным человеком. Однажды в синагогу пришел молодой человек, возрастом под двадцать, с несколькими книгами под мышкой и еще с несколькими в карманах, и завел со мной разговор. Сначала он хотел узнать, что я читаю. Затем он принялся расспрашивать меня, что я читаю. При этом он назвал какую-то еврейскую книгу (я уже не помню какую) и хотел узнать, читал ли я ее. Когда я ответил ему, что еще нет, он вытащил из кармана книгу и сказал мне: «У меня как раз эта книга с собой. Если вы хотите, я могу одолжить ее вам на несколько дней. Через несколько дней я снова приду, и я смогу забрать ее у вас». Мое имя — Жарров. Через несколько дней он действительно пришел, спросил, как мне нравится книга, немного побеседовал и дал мне адрес некоего Гиллеля (Ильи) Виленского, сказав, что я могу пойти туда и сослаться на него, и там я смогу получать книги для чтения. Я послушался его и отправился к Виленскому. Когда я отворил дверь, я увидел перед собой четырех девушек и молодого юношу. Я замер на пороге и не знал, что делать и что сказать. Слово язык отнялся от смущения. Юноша сразу вывел меня из неловкости: «Входите, не стесняйтесь», — и вышел мне навстречу с протянутой рукой. Теперь у меня прибавилось смелости, и я рассказал им, кто меня сюда направил и чего я хочу.

Юноша указал на шкаф и этажерку с книгами и сказал мне: «Посмотрите, что вы можете здесь найти». Он действительно помог мне выбрать книгу. Перед уходом он познакомил меня с четырьмя девушками. Это были его сестры, и он пригласил меня заходить к ним, даже когда я не буду нуждаться в книгах.

Прием и обращение произвели на меня очень хорошее впечатление, и я действительно стал частым гостем у них. Я познакомился со всей семьей и дам здесь несколько характерных штрихов этих лиц. Гиллель, лет 20 от роду, был симпатичным и интеллигентным юношей, он много читал, по природе был добрым и привлекал к себе людей. Старшая из четырех сестер, Фейге-Ите, имела очень серьезное лицо, мало говорила, была замкнута в себе. Я никогда не видел ее смеющейся. Вторая, Батья, имела открытое лицо, была разговорчива и тоже много читала. Миря, девушка со средними способностями, была несколько менее интеллигентна, чем ее сестра. Все

трое были нейтральны и работали дома. Младшая, Саня, была мастерицей на все руки, веселая, живая, всегда с улыбкой на лице. Серьезными вещами она не интересовалась. Дома ее вообще мало видели.

У них дома я познакомился с Бейлке Осишкин, модисткой. Весьма интеллигентная девушка. Она свела меня со своим братом Хацкелем Осишкиным. Он был немного старше меня, очень интеллигентный юноша с большим образованием. С первой же встречи с Осишкиным мне стало ясно, что у него можно чему-то научиться. Я начал заходить к ним. Это был дом не богатый, но зажиточный. Отец семейства был подрядчиком по покраске квартир. Их дом был открытым, туда всегда можно было зайти запросто. Часто там можно было встретить еще юношей и девушек. Велись душевные беседы, свободно высказывались мнения, и у них было очень приятно проводить время. Время от времени Хацкель подкидывал мне небольшой заработок, он давал мне переписывать рукописи. Я помню, что в рукописях речь шла о политических и общественных вопросах. Само собой разумеется, что в них остро выступали против правительства. Такие рукописи ходили по рукам, и их нужно было переписывать в десяти, пятнадцати, а иногда и в двадцати экземплярах. Мне платили за лист.

Все мои описываемые встречи и знакомства были тесно связаны с организацией, которая существовала в городе не случайно, а регулярно, обсуждала и решала различные вопросы, причем не было замечено ничего случайного. Один раз в субботу ко мне зашел Шломоке Амбург и привел меня к себе в гости. У Шломоке был мануфактурный магазин на Смоленской улице. Он любил ухаживать за радикальной молодежью. Его отец вскоре умер, и он сам должен был принимать гостей в большой квартире. Когда я узнал об этом и спросил, можно ли мне прийти, он ответил, что я могу прийти, когда захочу. Когда я пришел в гости к Амбургу, я застал там друзей: Шминела — сына раввина, Кацпеля Осичкина, Амстердама, Лизу Гринблат с ее сестрой и еще тех, чьих имен я уже не помню. Это было в 1893 году. Какие вопросы там дискутировались, я не помню. Весь характер кружка был в общем неясен. Когда вечер подошел к концу, нас пригласили и дали знать, что в следующую субботу мы соберемся в комнате старого Амстердама. За пару недель до этого я уже начал ближе знакомиться с характером кружка. Оценка этого кружка казалась мне тогда довольно высокой (эта оценка исходила от людей, для которых весь общий порядок — уклада вообще и порядок в России в частности — был чужд). Мы были прежде всего обязаны уяснить себе, для чего все это так отлично устроено, инициировать дальнейшие действия и бросать вызов существующему порядку через критику и доказательства. У нас были и другие важные дела.

В ходе дискуссий начали кристаллизоваться два направления — одно сионистское, другое революционно-социалистическое. С сионистской точки зрения выступал некто Амстердам. Все остальные стояли на революционно-социалистической позиции. Поначалу это сопровождалось удивительно бурными и страстными спорами, но лагерь оставался открытым. Со временем, однако, они становились все более ожесточенными, и тенденции резко разделились. Временами во время дискуссий страсти накалялись до предела. Некоторые из них выходили за рамки приличий. Обе стороны были очень яростно настроены друг против друга и менялись в худшую сторону.

Я не помню точно, был ли дебаты кружка постоянным явлением. Если да, то это продолжалось лишь короткое время. В конце концов этот кружок распался.

Это не значит, однако, что институт кружков самообразования исчез или потерпел крушение. Наоборот, число кружков стало еще больше. Никаких официальных лидеров у кружков не было. Если кто-то выделялся, на него смотрели не как на лидера, а просто как на человека с лучшими способностями. И он сам тоже так к этому относился.

Мы глубоко погружались в труды радикальных русских писателей, таких как Чернышевский, Добролюбов и другие. Мы изучали и дискутировали их сочинения. Мы также познакомились с работами социалистических писателей — Плеханова, Лассаля и Каутского. Мы получили некоторое понимание философии Маркса. Мы также обсуждали программы, тактику и методы борьбы противоборствующих партий — «Народной Воли». Уже тогда мы были убеждены, что русское победоносное движение при определенных обстоятельствах может попытаться принести народу правильные инструменты, но эта победа неспособна к организованной борьбе, к переустройству политики и общественной традиции в России. Поэтому мы придерживались мнения, что «Народная Воля» шла по ложному пути и зашла в тупик. Мы считали, что на этом фундаменте даже студенческий класс и народ должны будут осознать себя пролетариатом, и когда пролетариат станет более сознательным и организованным, он уже присоединит к себе и эти победы. Мы были также против методов «Народной Воли», мы были убеждены, что посредством отдельных террористических актов группы революционеров, силами одной лишь группы, невозможно переломить устоявшиеся традиции в России. Мы сопоставляли то, что происходило тогда у народников и марксистов, но мы были солидарны с марксистами. Наш авторитет и волевой центр были сознательными; для нас было ясно, что главным является привлечение к борьбе рабочих на предприятиях.

Я верю, что именно эта самая обстановка у нас была главной причиной, почему некоторые товарищи не пожелали учиться — это занятие казалось им лучшей возможностью поддерживать тесный контакт между рабочими и находиться в постоянном общении с ними, живя в одинаковых условиях. Насколько я помню, уходя учиться к товарищу Аврааму-Ицхаку Саркиту (он выучился на гравера), Исор Равкин стал сапожником; Вольф Минец — башмачником; Идель Абрамов — сапожником; Пейсах Муттивуцкий — самый младший из нас — сапожником. Все эти товарищи пошли учиться к сапожникам. Тогда ученики-мальчики не получали никакого жалованья, и мы, хотя были уже взрослыми парнями, тоже учились на положении учеников-мальчиков. Но чтобы жить, я должен был зарабатывать; я договорился с хозяином-домовладельцем работать только полдня. Вторую половину дня я зарабатывал вдвое больше, чтобы иметь хоть что-то на жизнь. Кроме того, я еще ухитрялся находить время для участия в кружках самообразования.

Долго, однако, мы на работе не засиделись. Идель Абрамов вскоре бросил работу, он решил посвятить себя интеллигентной профессии. Я продержался на работе только 5 или 6 месяцев. Работа у старых сапожников была мне по душе, и мне не хотелось ее бросать. Исор Равкин, когда он увидел, что уже хорошо овладел делом, захотел устроиться на большую фабрику и проявить свою пролетарскую мечту — развернуть

агитацию среди рабочих масс. Он уехал в Екатеринослав и там устроился на большой завод, где работали христиане. Но при своей первой попытке учить рабочих они ему быстро «обрезали крылья» и вышвырнули с той фабрики. Из Екатеринослава Исор Равкин вернулся обратно в Витебск без гроша в кармане. От движения, однако, он не отошел. Он долгие годы работал в еврейском рабочем движении, главным образом в содействии — как в России, так и за границей.

Организованное рабочее движение началось в Витебске впервые в 1895–1896 годах. Новые рабочие, приходившие в наши кружки по сравнению со старыми, более интеллигентными рабочими, начали организовывать рабочих различных профессий. Насколько я помню, в этой конкретной работе активно участвовали: Арке Рам, Вольф Шалит, Брух Бродский (ныне рабочий), Арке Фастшпик, Янкель дер Стайлер, уже упоминавшаяся моя двоюродная сестра Вилленски со своими дочерьми и Бейлке Осипский.

Вскоре, в 1894 году, в Витебск из Петербурга приехал портной Абрамчик. За пару лет до этого его никто не видел, теперь же он появился на сцене. Он показал себя с той стороны, что Абрамчик был не просто хороший портной, но и хороший конспиратор. Все это время он вел пропаганду среди портных и сплотил их настолько, что уже сформировал определенную организацию. В каждом цехе была организована группа из самых интеллигентных рабочих. Такая группа называлась «кружок». Также была организована касса, куда каждый рабочий был обязан отчислять определенную сумму. Целью этой кассы было покрытие расходов в случае стачки. С помощью кассы поддерживался тот же «кружок». Эта же корпорация бралась улаживать вопросы различных цехов, а также вопросы получения и распространения литературы — нелегальной и полунелегальной. Насколько я помню и могу припомнить, мы первыми распространяли нелегальную агитационную литературу на идиш, такую как «О том, как живет „Найер, длинный и магарин“» и другие. Мы также распространяли русские брошюры. Каждому лидеру был выделен интеллигент из моего кружка. Спустя короткое время был организован Центральный или Двухнедельный комитет, в который входил представитель от каждого кружка. Этот комитет также имел право кооптировать человека, когда в этом возникала необходимость. Комитет регулярно собирался и обсуждал вопросы, имевшие отношение ко всему общероссийскому рабочему движению, а также часто рассматривал сложные проблемы отдельных цехов.

В то время начинали организовываться кружки для самообразования. Раньше каждый товарищ оценивал свои собственные силы с долей интеллигентности как новичок, но теперь с большинством голосов принимались и получали одобрение от большинства предложенные кандидаты. Раньше при рассмотрении кандидатур учитывались характер, способности, интеллигентность и, главное, что они собой представляли в рабочем движении и какую пользу могли принести рабочему движению; тогда кандидат впервые получал поддержку и сплоченно утверждался в кружке. Организовывались курсы, в том числе для учениц.

Вместо этого можно даже сказать, что эти кружки становились инкубаторами, где формировались активисты для рабочего движения. Руководителем кружка, к которому принадлежал я, был Авраам Гинзбург. Кроме меня, в кружок также входили: Соломон

Ланда, его сестры, Бака Хофман, Хнекке Розенфельд и еще пара товарищей, чьих имен я уже не помню.

Авраам Гинзбург был сыном очень богатых родителей. Его отец и мачеха очень любили его. Его внешность была приятно-симпатичной. Он был красивый, высокий и широкоплечий. Гинзбург обладал блестящими способностями и неиссякаемым источником энергии. Несмотря на свои способности, он тем не менее закончил гимназию (в 1897 году) без каких-либо знаков отличия. Из-за своей активности в движении он забросил учебу в гимназии. Это перекрыло для него возможность поступить в один из университетов — в Москве, Петербурге или Киеве, — которые считались лучшими. Он решил подождать с год; возможно, ему удастся поступить в один из упомянутых университетов. Тем временем он бросился в движение со всей страстью и энергией. Он руководил стачками, рабочими кружками и кружками для интеллигентов. Гинзбург никогда не отказывался от технической работы.

Среди рабочих различных профессий шла лихорадочная деятельность. Сначала нужно было улучшить экономическое положение рабочих. Условия труда были ужасными. Люди работали по 14–15 часов в день. В некоторых профессиях рабочая неделя начиналась в субботу ночью сразу после авдалы и заканчивалась в пятницу незадолго до зажигания свечей. Зарботки были нищенскими — около 2–3 рублей в неделю. В конце 1897 года забастовали портные (не из всех мастерских). Какие требования рабочие выдвинули, я не помню. Я могу себе, однако, представить, что главным было стремление сократить рабочий день, так как это требование было очень популярным среди рабочих. Стачка была проиграна; хозяева были едины, и стачка была сломлена, потому что некоторые стачечники, непривычные ни к чему, вернулись к работе на старых условиях, а у остальных уже не было выбора, и они тоже вернулись к работе. Но примечательно, что за короткое время в Витебске был введен более короткий рабочий день в портняжных мастерских. Позже забастовали слесари. Главным требованием, я помню, был 12-часовой рабочий день — с 6 утра до 6 вечера. Во время забастовки жандармерия уже не спала. Арестовали нескольких рабочих. Один из них — Велвл Шалит — я помню его очень хорошо, он был мне близким другом. Я не знаю, почему жандарм, который вел расследование, решил, что Шалит — главный забастовщик. Жандарм пытался выпытать у других арестованных, является ли Шалит руководителем забастовки, но никто его не сдал. Арестованных продержали в тюрьме короткое время и освободили. Тем не менее забастовку рабочие выиграли.

В первое время полиция нам не мешала. Это было вполне естественно: собирались 5–10 парней и девушек, иногда больше, в одной комнате и читали или обсуждали различные вопросы. Нам не нужно было беречься. Всё изменилось, когда рабочее движение начало организовываться. Тогда за нами уже начали следить, и нам нужно было беречься как зеницы ока. Двух шпионов мы знали и знали, что они смотрят за нами: жандарм с большой бородой, которого мы называли Пимель, и цивильный — Кавукин; а третий — Яшка-подворотник. От первых двух мы еще могли избавиться, но от третьего мы терпели лишения годами. Он появлялся каждый раз словно из-под земли именно там, где его меньше всего ожидали и меньше всего хотели видеть. Стоит немного остановиться на этом персонаже. Яшка был сапожником, но, еще сидя за сапожной лавкой, он больше занимался воровством, чем сапожным делом. Со временем он полностью бросил сапожничество и специализировался на краже

лошадей. Чтобы проникнуть во двор, когда ворота были заперты изнутри на засов, он подкапывался под воротами. Отсюда и пошло его прозвище «подворотник». Позже, когда он связался с преступным миром, он рассудил, что сможет сделать лучшую карьеру, если станет служить полиции и выдавать тайны преступного мира. Он пошел в полицию, и его приняли. В первое время он выдавал только тайны уголовных преступников, но когда рабочее движение началось, он со своим воровским чутьем почувствовал, что что-то варится. Но что именно происходит, он не знал. Яшка начал следить за отдельными лицами, прикладывал ухо везде, где ему позволяли, чтобы чего-то добиться. Наше движение выросло, и подворотник полностью занялся шпионажем за «бунтовщиками», и мы терпели от него горести.

До 1898 года мы праздновали 1 мая в маленьких группах в разных квартирах и часто даже в разные дни. На этот раз мы решили отпраздновать 1 мая с большим размахом, несмотря на полицейские условия. Мы хотели организовать большую сходку где-нибудь в лесу. Как мы рассчитали, на сходку должны были прийти около 200 человек, а может и больше. Выбрали специальный комитет для подготовительной работы, который должен был найти подходящее место, позаботиться о знамени с соответствующими лозунгами и так далее. За несколько недель до 1 мая Авраам Гинзбург дал нам знать, что подготовительный комитет собирается в определенный вечер в конспиративной квартире (в районе Троцкого в Витебске). Там мы собрались вечером и обсудили некоторые вопросы. Мы засиделись поздно ночью, и некоторые из нас, я и Авраам Гинзбург, остались там ночевать. Утром Авраам Гинзбург говорит мне, что сегодня он идет с Рацке-булочником искать подходящее место для сходки, и предложил, чтобы я пошел с ними. Я согласился.

Днем мы все трое встретились и пошли за город, на Лучесу, на несколько верст дальше. Там был большой лес. Мы вошли в лес, ходили около часа и в конце концов нашли идеальное место — большую поляну, окруженную со всех сторон высокими соснами, густыми одна возле другой. Поляна была окружена естественной стеной. Мы были очень довольны этим местом и ушли обратно в город. На следующий день собрали опять подготовительный комитет. Но прежде чем должно было состояться заседание комитета, я зашел к Виленским, и Бася рассказала мне, что она достала очень хорошую книгу. Эту книгу цензура запретила к распространению, и её очень трудно достать. Она может поддержать её только несколько дней, и если я хочу почитать её вместе с ней, то я должен прийти к ним вечером и за несколько вечеров закончить книгу. Я принял предложение. Вечером иду к Виленским, и возле их дома мне навстречу идет Яшка-подворотник. Он смерил меня своими шпионскими глазами и пошел дальше. Я уже не пошел к Виленским и не пошел на заседание комитета. Я ходил некоторое время по улицам, а затем пошел ночевать к товарищу — старому Марясину. Рано утром, когда только начинало рассветать, стучат в дверь. Марясин открыл дверь, и я слышу, как кто-то спрашивает: «Лейбеке здесь?» Услышав свое имя, я подошел к двери и вижу: стоит Авраам Гинзбург, и он кричит мне: «Катастрофа! Арестовали комитет!» Он сам случайно опоздал на заседание. Когда он подошел ближе к дому, он увидел городского (полицейского) у входа. Он укрылся, чтобы его не могли видеть. Долгое время он ждал, пока всех не вывели в окружении полиции. Он издали следовал за ними, пока их не привели в полицейское управление.

Из окон камеры, где сидели наши товарищи, выбросили маленький папиросный огарок. Гинзбург разработал план, как мы можем вступить с ними в связь. Нужно организовать группу девушек, двое из группы должны усесться там на скамейку и постоянно смотреть на окна. Возможно, удастся перемигнуться с арестованными короткими словами или, возможно, они выбросят записку. Девушки должны меняться каждые два часа. Сам Гинзбург не мог осуществить этот план, потому что он слишком мозолил глаза, я взялся за это сам. Я пошел в юелду (молодежная организация/группа), к важным фигурам в движении, рассказал про арест комитета и план, как связаться с арестованными. Они взялись осуществить этот план, и мы договорились, где встретиться вечером. Когда мы встретились вечером, они передали мне записки, которые арестованные выбросили. Они написали, что главный виновник всей этой свадьбы — Яшка-подворотник. Им удалось подслушать, как подворотник приказал, чтобы искали и арестовали Фридмана, одного из наших интеллигентных рабочих. Фридман, разумеется, должен был немедленно покинуть Витебск. Передавая детали, как я помог ему выбраться из города и кто мне в этом помог, заняло бы слишком много места. Я хочу только сказать, что ему удалось ускользнуть.

На второй день я снова встретился с Велвлом на Шлос-гасс (Замковой улице). Мы гуляли туда и обратно. Вдруг мы видим, что Яшка-подворотник идет нам навстречу. Мы быстро повернулись и пошли прочь в разных направлениях. Я почувствовал, что он идет за мной. Мне не очень хотелось встречаться с ним глаза в глаза, и я начал думать, как от него избавиться. Я вспомнил, что на углу улицы находится прачечная, у которой есть задняя дверь на другую улицу. С хозяйками прачечной я был хорошо знаком. Из прачечной можно было войти в прачечную и оттуда через заднюю дверь исчезнуть. Когда я уже держался за дверную ручку, чтобы открыть дверь, я почувствовал руку на моем плече. Я оглянулся — Яшка стоит возле меня.

— Как тебя зовут? — спросил он меня. Я на его вопрос ответил вопросом: — Какое тебе до этого дело? — Мне надо знать, я полицейский чиновник.

Чтобы я ему поверил, он показал мне какую-то бляху. Чтобы это служило доказательством, что он действительно на службе в полиции. Тогда я назвал ему имя и адрес семьи, где я якобы жил. Имя, разумеется, было взято с потолка. Яшка задумался, как будто раздумывая, что со мной делать. Я воспользовался моментом и ушел в прачечную, а через заднюю дверь вышел на другую улицу и ушел далеко за город. На несколько часов я там ходил, а затем вернулся назад в город. Я пришел к моему другу старому Марясину и рассказал ему, что со мной случилось. Марясин собрал немного белья и пошел в прачечную якобы сдать стирать белье. Но на самом деле он хотел узнать, что там произошло после моего исчезновения. Он вернулся с печальной вестью. Как я и выкрутился из рук подворотника, он вошел в прачечную и спросил: «Где тот парень, который вошел сюда с узлом? Я не видел, чтобы он выходил». Хозяйка прачечной — отец с четырьмя сыновьями — вступили с ним в перепалку, что они не знают, о ком он говорит. В общем, они ему ответили, что никто из пришедших оттуда не остался. Яшка сделал тщательный обыск и наткнулся на заднюю дверь. Он уже понял, куда я делся, и пригрозил им, чтобы ему сказали мое имя, фамилию и адрес. Они ему ответили, что не знают, кто я такой. Яшка ушел. Через пару часов он снова пришел вместе с приставом и двумя полицейскими. У них был приказ закрыть прачечную, если они не дадут информацию о моей личности. Это

ничего не помогло, и отец семьи был вынужден сказать мое настоящее имя. На второй день арестованные дали знать, что Яшка получил приказ арестовать и меня. Нам оставался только один выбор — покинуть Витебск. Нам удалось благополучно выскользнуть из города.

Когда витебская рабочая организация примкнула к «Бунду», трудно сказать. За короткое время до своей смерти Курский сказал мне, что витебская организация вошла в «Бунд» значительно позже основания, которое состоялось в сентябре 1897 года. Я сам вошел в «Бунд» в мае 1898 года, когда прибыл в Белосток. До этого времени я даже не знал, что «Бунд» есть на свете. Хотя как Курский, так и Гиллель Кац упоминают в своих воспоминаниях, что Идель Абрамович представлял Витебск на учредительном съезде «Бунда», тем не менее я знаю, что витебская организация присоединилась к «Бунду» лишь спустя какое-то время. Почему это было так, я не знаю.

Здесь стоит привести некоторые сведения о деятелях, сыгравших важную роль не только в витебском рабочем движении, но и в других городах.

Абрам Гинзбург после ареста в апреле 1898 года в Витебске уже не мог оставаться. Он, кажется, уехал в Харьков и поступал там в университет. Там он тоже не мог удержаться, его исключили из университета. Он тогда обосновался в Двинске и со всем своим импетусом (порывом) и пылом бросился в тамошнее рабочее движение. Некоторое время он буквально на своих плечах нес всё движение. Его бурлящая натура не давала ему покоя. Это гнало его к чему-то большему. Когда он был еще в Двинске, он состоял в постоянной связи с различными городами на юге России, и оттуда он отправился прямо туда, где ранее отбывал наказание — в Двинск. Там он объединил все революционные группы и основал «Южно-русский союз рабочих» (*Южно-русский рабочий союз*). Гинзбург организовал нелегальную типографию в Елисаветграде и начал издавать там орган под тем же названием, которое носила организация.

В этой нелегальной типографии работали: Абрам Гинзбург лично, Хена-Рахель Розенфельд, Раде Терман и Борис Цейтлин, который незадолго до этого был исключен из Московского университета.

Гинзбург и Цейтлин были близкими друзьями ещё со времён гимназии. Цейтлин был юношей с блестящими способностями, но ему не хватало энергии и предпринимательского духа Гинзбурга. В конце 1901 или начале 1902 года типографию со всеми её участниками арестовали и заключили в Одесскую тюрьму. В апреле 1902 года в ту же Одесскую тюрьму попал и я. Мы сидели в том же крыле, и у нас была возможность переговариваться через окна. Держаться в тюрьме так, как держался он, вызывало настоящее восхищение. Все в тюрьме — как арестанты, так и администрация — питали к нему глубочайшее уважение. Через жандарма Осова, который надзирал за политическими арестантами, Гинзбург установил связь с городской организацией и с Политическим Красным Крестом. Он получал все новости движения. После большой и бурной голодовки 18–16 арестантов, который они устроили, их распределили по разным тюрьмам. Среди них был и Абрам Гинзбург. В 1903 году его арестовали в типографии и, как и остальных, сослали на пять лет в

Якутскую область. Прежде чем его сослали, он женился на Хене-Рахель Розенфельд. Он прибыл на место ссылки вскоре после восстания в «Романовке». Местечко, где он жил, находилось недалеко от места, где произошла трагедия. Он тут же отправил письмо генерал-губернатору Кутаисову, в котором резко осудил его за то, что прибыл слишком поздно и не имел возможности участвовать в протесте; однако он присоединяется к этому протесту. Как известно, участников «Романовки» приговорили к 12 годам каторги. Гинзбурга на этом процессе не судили. После революции он с женой и детьми находился в Москве. Долгое время он работал в союзе металлистов. В 1931 году, когда устраивали процесс против 12 меньшевиков, он получил 10 лет тюрьмы. Больше я о нём не слышал.

Хецкель Ошишкин занимал видное место в социалистическом движении — сначала в Крейцбурге, а затем в рабочем движении. Его несколько раз арестовывали. Но когда он находился на свободе, он снова проявлял активность в движении. В марте 1902 года я встретил его в Могилёве. Он находился там под надзором полиции. Из-за конспирации мы встретились ночью в боковой переулке. Я тогда ездил в интересах «Бунда» кожевников. С могилёвскими кожевниками у меня не было никакой связи. Ошишкин меня с ними связал. Через несколько лет он умер.

Абраша Амстердам и Лейзер Гринблат в 1895 году уехали в Вильно. Там они женились и обустроили свой дом. Через несколько лет полиция не давала им покоя. В конце концов Абрашу арестовали. Я думаю, что его продержали в тюрьме около года. Затем его освободили и сослали в Шклов. Шкловские ортодоксальные евреи относились к нему очень враждебно; его буквально преследовали на каждом шагу. Из-за этого он ходил купаться чуть дальше от того места, где купались остальные. Вода в том месте была очень бурной. Однажды, когда он вошёл в воду, течение подхватило его и понесло всё дальше и дальше. Амстердам изо всех сил боролся, чтобы добраться до берега, но это уже было невозможно. Он утонул.

Лиза, его жена, снова стала активной в движении. До 1905 года она работала в нелегальной бундовской типографии. Долгое время я ничего о ней не слышал. В 1927 году, когда Марк Гарвиц (сын глубоцкого раввина) был в России, он встретил её в Витебске. Она работала при правительстве и, тем не менее, осталась демократической социалисткой.

Сыновья глубоцкого раввина — Шмуэль, Мендель и Матвей — уехали в 1895 году в Гомель. Там выяснилось, что младший из них, Матвей, имеет не только светлую голову, но и золотые руки. Из дощечек и мелких колесиков он сконструировал печатную машину, которой дал название «Карманная типография». Они напечатали немного шрифта и начали печатать прокламации. Прокламации они сочиняли сами, сами печатали и сами же распространяли. Я не знаю, как долго они продолжали эту работу. Когда они почувствовали, что воздух в Гомеле становится для них слишком горячим, они разъехались. Матвей, самый младший, отправился со своей типографией в Южную Россию и продолжал там делать ту же работу, что и в Гомеле. А когда в Южной России ему начали наступать на пятки, он вернулся в Витебск. И здесь он снова попался с нелегальной типографией. Позже он снова уехал в Южную Россию. В Полтаве он устроился на работу в статистический отдел местной земской управы. Со временем он стал специалистом-статистиком, а также специалистом в

области политической экономии. В конце концов он достиг такого уровня, что получил кафедру по этим предметам в Харьковском университете. Он оставался там профессором до тех пор, пока несколько лет назад не был вынужден уйти в отставку из-за преклонного возраста.

Мендель вернулся из Гомеля в Витебск. Здесь он прожил некоторое время, но в движении участия не принимал. Позже он уехал в Двинск, и там снова стал активным. Долгое время полиция его не трогала, но в конце концов его арестовали. Когда его освободили из тюрьмы, его выслали в Полтаву. В 1903 году он приехал в Америку. Здесь он выучился на дантиста и сменил имя на Марк Гарвиц. После большевистского переворота он стал ярым коммунистом и занял видное место в местной коммунистической партии. В 1952 году он здесь умер.

Шмуэль из Гомеля уехал в Южную Россию. Там он участвовал в революционном движении. На свободе он пробыл недолго. Его арестовали и долгое время продержали в Одесской тюрьме, а затем сослали в Сибирь на три года. В 1905 году я встретил его в Витебске. Он вскоре уехал во Францию. Там он выучился на инженера и окончил курс в специальной школе воздухоплавания. Во время Первой мировой войны он вернулся в Россию и работал на заводе аэропланов. Несколько лет назад он умер в Ленинграде.

Абрамчик Шнейдер с 1894 года был важной фигурой в витебском рабочем движении и занимал видное место. После ареста в апреле 1898 года он, несмотря на тяжелые полицейские условия, пробыл в Витебске еще долгое время. Оттуда он ездил по разным городам и повсюду принимал активное участие в рабочем движении. В 1905 году он уехал во Францию. Там он женился на Рахли, дочери глубоцкого раввина. Рахля до 1904 года действовала в Витебске и других городах. После того как она отсидела срок в тюрьме, она уехала во Францию. Они оба — Абрамчик и Рахля — примкнули в Париже к группе русских социал-демократов. Через несколько лет после Первой мировой войны они переехали в Америку. Они живут в Нью-Йорке. Они принадлежат к группе социал-демократов. Здесь, в Америке, они изменили свое имя на Катин.

К интеллигентным рабочим принадлежал также Ицке Фарбер. В 1906 году меня познакомили с ним как с юношей, чтобы я с ним познакомился. Мы разговорились, и он произвел на меня очень хорошее впечатление. Я часто с ним встречался. Он очень быстро проявил себя в движении и сам стал агитатором. Ицке Фарбер был важным деятелем в движении еще в 1898–1899 годах. В том же году его призвали в армию. Казарменная жизнь была ему не по душе. Он решил, что в русской армии можно и сойти с ума, и бежал. В 1900 году он пришел в Белосток, и там его случайно арестовали. Его отправляли по этапу обратно в Витебск. Ему удалось вырваться из рук полиции и исчезнуть. Затем он уехал во Францию. Несколько месяцев он жил в Париже и пару лет в Лондоне. В 1904 году он приехал в Америку и здесь стал подрядчиком. В Америке он остался преданным демократическим социалистом. Свое имя он изменил здесь на Айзек Лиф.

ГРИГОРИЙ АРОНСОН | К ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

1. Авраам Амстердам И Его Эпоха

Едва ли найдется в истории революционного и рабочего движения другой город, как Витебск, где начало движения было бы столь ярко окрашено под большим влиянием, которое имела одна личность, — личность Авраама Амстердама. Люди, которые были знакомы с ним и делали свои первые шаги в общественной жизни под влиянием Амстердама, всегда испытывали к нему благодарность и никогда не могли освободиться от того очарования, которое исходило от Амстердама. Своими речами и своим родом пропаганды Амстердам зажигал души первых витебских социалистов — интеллигентов и рабочих — особым идеалистическим пламенем.

Не случайно один из бывших деятелей «Бунда», Тарас Кац (Цалин), вспоминая о первых проявлениях движения в Витебске, сказал, что в противоположность сухим «митнагдим» из Вильны и Минска, витебские выглядели как «хасиды от социализма». В то время как вильнюсские рабочие относились уже более трезво к своей работе и борьбе, витебские рабочие еще не могли освободиться от того духа, который господствовал в революционных кружках (Сборник «Революционное движение среди евреев», русский, Москва, 1930, стр. 130). Должно быть, это действительно отражало истинную суть начала революционного рабочего движения в Витебске: первые социалисты, которые прошли через кружки Амстердама глубоко впитали в себя его идейное и моральное влияние, были действительно были, возможно, наивными, но верящими, фанатичными, преданными борцами за социальную справедливость, за лучшее будущее для забитых трудящихся масс.

И можно очень легко себе представить, как на учеников Амстердама подействовало внезапное и печальное известие о его смерти в возрасте 28 лет и слухи, которые ходили, что его смерть не была естественной и что жандармы, которые его после тюрьмы отправили в Шклов, совершили что-то заинтересованное, чтобы избавиться от Амстердама, от этого светлого человека, и приложили свою руку к его смерти. Нет ничего удивительного в том, что в Витебске возникла легенда вокруг имени Амстердама: этот пророк от социализма стал святым. Поколениями долго в самой глубине витебского движения сохранялась эта легенда, и эта легенда выполняла вполне важную функцию в истории этого народного движения.

אברהם אַמסטערדאַם און זײַן פֿרוי ליווע

Авраам-Меер (Авраам) Амстердам родился в Витебске (или в Клыни, возле Витебска) в 1872 (или в 1871). Приписан он был в Шклове. Должно быть, там умер его отец Исразель. Произошло, как почти у всех еврейских мальчиков, обучение в хедере, а затем отец Авраама поселился со своими родителями в Москве, где он учился в слесарном цехе в Московском еврейском ремесленном училище и позже работал на фабрике у «Братьев Бромлей». В Москве, в возрасте 16 лет, Амстердам примкнул к Ховевей Цин, стал членом кружка «Бней Цин», которым руководили Е. Членов и Менахем-Мендл Усышкин, впоследствии известные сионисты. Но после большого изгнания из Москвы (1891) семья Амстердама была вынуждена покинуть Москву и поселиться в Витебске. Здесь начинается новая глава в его деятельности. Первое время он в Витебске еще оставался убежденным сионистом. Но здесь он встретился с одним из первых еврейских социалистов того периода, — с Кремером (Аркадием) из Вильны, и это имело на него большое влияние. Анна Розенталь в своих «Листках из жизни» («Исторические записки» из ИВО, т. III, Париж 1939, стр. 435) пишет о встрече Кремера с Амстердамом в Витебске:

«Аркадий не задолго до своей смерти рассказывал о том, как он в первый раз встретился с Амстердамом. Один раз, когда Аркадий возвращался из поездки, которую он совершал в Витебскую губернию, ему довелось быть в Витебске; товарищи рассказали ему, что здесь есть молодой сионист, который имеет колоссальное влияние на витебскую молодежь, и предложили ему устроить дискуссию с Амстердамом. Это собрание собрало большую публику, и там произошел поединок между Амстердамом и Аркадием. Дискуссия затянулась до поздней ночи; Аркадий вышел победителем, и с тех пор Амстердам перешел к социалистам».

Это, должно быть, произошло в 1893 году. Амстердам Витебск покидал полностью всего лишь на год, 1893—1895, после того как он стал сионистом. Но на короткое время он отлучился, чтобы повлиять на революционное движение того времени. Его младший брат Владимир рассказывает в письме, которое опубликовано в упомянутом томе «Исторических записок», что «нет никакой гиперболы в том, чтобы рассматривать его как первого из пионеров революционного рабочего движения в Витебске... Я помню также, что некий Рубинштейн, приехав из Германии, привез в Витебск "Ткачей" Гауптмана, "Ткачи", и сразу же принялись переводить это произведение на идиш, и у Явитша в доме тогда происходили первые нелегальные собрания, где читали "Ткачей"... В 1894 году, когда умер Александр III, у нас дома состоялось строго тайное совещание, в очень узком кругу, и результат был такой, что Авраам уехал на некоторое время из Витебска в Ригу, как я теперь понимаю, чтобы найти связи и организовать что-то вроде общероссийской демонстрации...»*

Характер деятельности Амстердама в 90-х годах, насколько можно ее сейчас реконструировать, состоял главным образом в организации пропагандистских кружков. В этой работе он привлекал не мало преданных людей. Среди них выделились Амстердама близкие друзья: Махлин, Мендельсон и в особенности Хацкель Ольшевич, который также в последующие годы играл важную роль в витебском движении. Авраам Гинзбург-Наумов, который позже стал центральной фигурой в витебском движении, дает интересную характеристику Ольшевичу: «Он был близким другом Амстердама, но он был во многом ином взгляде. Была в нем также большая риторическая энергия и тот же увлекающий идеализм, только он был гораздо более трезвым и расчетливым, чем Амстердам... Ольшевич был уже более организатором, чем Амстердам» («Революционное движение среди евреев»). Что касается самого Амстердама, Илья Виленский, один из деятелей того времени, считает Амстердама «фолькистом и сионистом». Гинзбург-Наумов, который встретился с Амстердамом позже (в Шклове в 1899 году), называет его «марксистом, но с террористическим уклоном».

Илья Виленский дает нам список имен из Амстердама и Ольшевича витебского кружка. Он называет из семьи Абрамов — двух братьев и сестру — один из них был делегатом от Витебска на первом учредительном съезде «Бунда»; из семьи Гуревич (3 брата и две сестры), Рам, Гринблат, Гофман, также Алгу Дрейзин, Хеню-Сару Виленкин и Арона Гуревича, которого он называет «фолькистом». Илья Виленский со своими сестрами, Басей и Мирой, были тогда также примкнувшими к кружку Амстердама.

** Письмо от вдовы Амстердама Эльзы и его брата, которые жили в Москве, историк и деятель ИВО А. Чериковер получил через посредничество зятя Амстердама, писателя Рувена Брайнина, в 1935 году. Эти письма опубликованы в томе III «Исторических записок».*

Короткое время Амстердам жил в Могилеве, где он служил в армии; он использовал эту возможность, чтобы там также организовать первые революционные и социалистические кружки. Вернувшись в Витебск, он вскоре вместе с двумя друзьями — Ольшевичом и Мендельсоном — уехал в Вильну. Главная задача была для него найти связи с вильнюсскими социал-демократами. Когда Амстердам в сентябре 1896

года приехал в Вильну, его специально заинтересовали «шарфганише комитеты», которые тогда там выросли и которые поставили перед собой вопрос о ведении пропаганды на идише для более широких народных масс и создании популярной литературы. Как известно, создателями «шарфганиших комитетов» были Ф. Розенталь, А. Литвак и другие. Анна Розенталь в своих воспоминаниях («Исторические записки», том III) рассказывает, что Амстердам, как только он приехал в Вильну, примкнул к работе «шарфганиших комитетов». Ее запись особенно интересна тем, что она дает нам портрет Амстердама.

«Из сотрудников "шарфганишен комитета", — пишет Анна Розенталь, — мне особенно остался в памяти Авраам Амстердам. Высокий, худой молодой человек, с бледным лицом, мечтательными глазами и длинной темной бородой, он выглядел так, как изображают христианских святых. Он говорил глубоким баритоном. Мне рассказывали про него, что он редкий агитатор и вел за собой всю витебскую молодежь. Никаким марксистом он не был, это вообще не подходило ко всей его личности; он был в комитете больше еврей для всех нас; за исключением, может быть, Ильи Розенбурга, мы все говорили по-русски, а к еврейской литературе и еврейскому языку имели малое отношение» (страницы 434–435).

Амстердам не успел в Вильне осуществить свои большие планы. 27-го января 1897 года его там арестовали. Его потом таскали из одной тюрьмы в другую: из Вильны в Вилейку, из Вилейки в Витебск. Из тюрьмы, особенно в Витебске, он поддерживал связи с городом. Об этом рассказывает его брат в уже цитированном письме, где он пишет: «Его связи с Витебском Авраам не прерывал даже тогда, когда он сидел арестованным в вильнюсской Антокольской тюрьме... Он умудрялся пересылать обратно совершенно невинные книжки, которые имели определенные незаметные знаки на буквах строка за строкой». Это было условленным шифром для корреспонденции. Опять в тюрьме передал Владимир брату книгу в твердом переплете, где были спрятаны отчеты о движении в Витебске.

В июле 1898 года против Амстердама, в то время как он сидел в витебской тюрьме, был оформлен специальный процесс, потому что при аресте на конспиративной квартире 17-го апреля нашли у Амстердама проект речи к первому мая, адресованный витебским рабочим, которую он прислал из тюрьмы, а также письмо, в котором Амстердам просит перевести его речь на идиш. Как мы видим, его духовная энергия действительно не знала границ. Будучи на свободе, находясь в тюрьме, он не отдыхал и продолжал свою революционную борьбу.

В 1899 году Амстердама освободили и выслали под полицейский надзор в Шклов, Могилевской губернии. В Шклове, потому что он там был приписан. И здесь внезапно он погиб. Его жена Лиза Амстердам-Гринблат в своем письме, которое опубликовано в «Исторических записках», том III, возлагает категорически легенду на то, что в его смерти виновата тайная рука жандармов. Она пишет: «Авраам утонул в Шклове во время купания в Днепре на моих глазах; он хотел переплыть на другой берег реки, но там внезапно налетел пароход, который поднял большую волну, и это стало причиной его гибели»...

Так, в 28 лет, ушел внезапно из жизни человек, который благодаря способностям и благодаря своей духовной и моральной силе мог вырасти в подлинного лидера рабочих масс. Важно, что традиция Амстердама оставила такие большие следы в витебском движении, что от нее черпали силу несколько поколений еврейских социалистов. Его имя и легенда вокруг него распространились за пределы Витебска.

Подробный некролог об Амстердаме появился после его несчастной смерти в органе «Бунда» за границей, в «Идишер Арбейтер» (1899, номер 7).

2. Движение До 20-Го Века

В период «НЭПа» (Новая экономическая политика) еврейская секция при Обществе исследователей края провела в Москве несколько собраний касательно истории еврейского рабочего движения в России. Общество уже давно закрыто. Все те люди, которые принимали участие в собраниях, либо ликвидированы, либо умерли естественной смертью. Но от этих собраний осталась книжка на русском «Революционное движение среди евреев» (Сборник I, Москва, 1930). Эта книжка уже давно конфискована и сейчас является большой редкостью. В этой книжке опубликованы несколько воспоминаний о Витебске (мы их уже ранее цитировали). Воспоминания сохранили Илья Виленский и Авраам Гинзбург-Наумов, которые сыграли очень большую роль в витебском подполье в 90-х годах 19-го века — от Амстердама времен до первых лет 20-го века (накануне первой революции 1905). В дискуссии о движении в Витебске приняли участие в. Цалин (Тарас Кац) и еще два витебчанина, Григорий Лурье (Альберт) и Песах Меерович. Кроме этого, о революционном рабочем движении в Витебске за годы 1897–1901 опубликованы материалы в заграничном журнале от Союза русских социал-демократов «Рабочее дело» (номера 2, 3, 6, 9) и к номеру 2–3 этого журнала приложена брошюра из 16 страниц «Борьба витебских рабочих за лучшую жизнь». Все упомянутые материалы мы использовали, чтобы дать представление о первых шагах движения в Витебске. Мы также использовали «Библиографический указатель» революционного движения, где имеются сведения о нескольких деятелях из Витебска, которые стали позже известны за пределами Витебска.

Идеалистическая традиция, которую Авраам Амстердам посадил в витебских кружках революционной молодежи и рабочего класса, наложила свой отпечаток на последующие поколения лидеров и деятелей. Остались в движении люди, которые помнят, с каким воодушевлением Амстердам держал свои речи, читал им брошюру Лассалья. В движении остались его близкие друзья, и из них нужно на первом месте упомянуть Хацкеля Ольшевича — одного из преданнейших и энергичнейших лидеров революционеров, которые считались прямыми наследниками Амстердама. Нужно также здесь подчеркнуть, что среди пропагандистов с 90-х годов держались тысячи из прежнего фолькистского движения: «идти в народ». Чтобы иметь возможность вести пропаганду среди рабочих, члены бывшего кружка Амстердама пошли в рабочие: Матитьягу Шалит, Идель Абрамов, Илья Виленский и другие стали обучаться слесарному делу, Х. Ольшевич стал красителем.

В годы 1895–1896 в центре движения еще стояли кружки из учащейся молодежи. Но уже в 1896 году проявляются первые проявления экономической борьбы, в которую очень быстро вовлекаются целые массы трудящихся. В 1896 году в Витебске состоялась сходка при участии социал-демократов, которая рассматривала вопрос об объединении сил социал-демократов во всей стране. Сходка наметила программу и решила, что участники должны разъехаться на работу в разные города (в. Невоский, «Очерки по истории в.к.п.б.», стр. 490). В 1897 году в Витебске организовалась первая «группа революционеров социал-демократов». Лидерами социал-демократов были Залман Гуревич (Самарин, позже Негаев), который приехал из-за границы и созвал собрание, где организовалась группа и была принята социал-демократическая программа.* Среди лидеров группы были Ольга Дрибин, Минц, Флагман, Исаак

Меклер, Семен Халперин, Гавриил Мизиел и другие. Была также тогда в Витебске группа нееврейских социалистов: Иван Теодорович, А. Карелин, Стушин, Рашевский (связанный с П. П. С.). В этот год вошли в рабочее движение из молодежных кружков два лидера — Авраам Гинзбург (Наумов) и Борис Цейтлин (Батурский), которые сыграли большую роль в Витебске. Они оба вошли в кружок Иделя Абрамова, который стал их учителем в конспирации, и Ольшевича. В социал-демократической группе приняли участие до конца 1897: Идель Абрамов (он вскоре заболел и уехал за границу), Миша Гуревич, Вульф Шалит, Лиза Гринблат-Амстердам, Александр Трафловский из Варшавы и щеточник Хаим (Гирш Баран) из Вильны.

Через несколько месяцев к группе примкнули несколько рабочих: Хике Абрамов (вечериночник), Рахке Граув, молодой слесарь Песах Меерович, модистка Рада Терман,

** Стоит зафиксировать, что Залман Гуревич в 1905 году, по поручению Северо-Западного комитета Р.С.Д.Р.П., перевел на идиш в первый раз программу Р.С.Д.Р.П.*

столяр Янкев Яффе («очень талантливый человек — рассказывает про него Авраам Гинзбург-Наумов — с большой аналитической головой, хороший агитатор»), столяр Моше-Шехна Штам, Ичка Красильщик, портной Абрамчик, Идл и Рахке Гуревич и другие. Существовал тогда специальный кружок для пропаганды, в который входили Анна Розенфельд, Зинаида Швелик-Ханович, София Граланд, Сендер Ланда, Анна и Берта Рабинович, Идл Гуревич, Айзик Платник (сапожник). Руководящую форму в первом социал-демократическом комитете заняли: Ольшевич, Абрамов, Трафловский, Авраам Гинзбург, В. Шалит, М. Гуревич.

Интересно привести первые корреспонденции, которые были опубликованы в бундовской «Арбейтер-Штими» (номер 8, от 17-го февраля 1898): «В прошлом году была забастовка из 16 слесарей в 2 мастерских на 10-часовой рабочий день.

Забастовка не удалась. Одного из бастующих выслали в его родной город. Не задолго до этого закончился годичный процесс по поводу организации касс. Гуревич приговорен к одному году тюрьмы и двум годам полицейского надзора, Шалит на три месяца тюрьмы. Оба руководят кассой. Были также наказаны семь слесарей».

В 1898 году был поставлен вопрос о переходе от пропаганды к массовой агитации. Новая тактика была принята, и это привело сразу же к организации рабочих по цехам.

В каждом цехе была создана касса. Были организованы сходки от каждой кассы и объединенная сходка от делегатов из отдельных касс. Во главе этой последней сходки стоял комитет. Сходка, которая объединяла все кассы, начала энергично работать. Она руководила забастовками от строительных рабочих. На бирже строительных рабочих собралось до 300 забастовщиков, и это начало борьбу с полицией за биржу на Замковой улице. Борьба охватила также другие профессии, и вскоре превратилась из чисто экономической в политическую борьбу. Полиция не разрешала рабочим собираться на Замковой улице, и центром рабочего движения стал «Дворянский садик». Здесь снова начались столкновения с полицией.

Прежде всего произошли аресты. Был арестован сход от организаторов первого мая. Попали в руки жандармерии: Ольшевич, Меерович, Рада Терман, Идл Гуревич, Вульф Шалит, Абрам Рам, Мендель Бас, Гершон Канин. Пришлось создавать новый комитет, в него вошли: Авраам Гинзбург, Анна Розенфельд, Сендер Ланда, Янкев Яффе, Ичка Бер, Штам, Абрамчик. В Хорьково жилье была библиотека, которой руководил студент Борис Цейтлин. Но в августе Цейтлина арестовали. Авраам Гинзбург вместе со слесарями попробовал спасти библиотеку и вывезти ее на лодке через Двину, но

агенты тайной полиции во главе с Левицким и Падволоцким арестовали их при переправе...

В это время возник вопрос о языке идиш. Ольшевич требовал, чтобы вся работа велась на идише, и не только в кассах, но и в пропагандистских кружках. Предложение было принято, и это было действительно осуществлено. Первую брошюру на идише привез Залман Рабинович из Гомеля. Среди них было популяризировано стихотворение от Давидзона, которое Илья Давидзон сочинил.* От имени «Бунда» приехал тогда в Витебск Тарас (Дод Кац), который укрепил идишистские тенденции среди лидеров движения. Авраам Гинзбург рассказывает, что когда он уехал из Витебска, он поселился в Двинске, и оттуда посылал в Витебск прокламации на идише. Комитет, которым руководили Борис Цейтлин, Г. Лурье (Альберт), Анна Розенфельд и другие, требовал литературу на идише. Возможно, что еврейская литература была специально необходима для пропаганды, которую успешно вели среди иешиботников. Песах Меерович рассказывает, что эти иешивы были резервуаром для всех движений: для «Бунда», для сионистов, для эсеров. Интересно известие из «Идишер Арбейтер» (август 1899), что «в Витебске к первому мая была выпущена брошюра на идише и листок на святом языке».

** Интересна политическая биография Ильи Давидзона. Сначала он был сионистом, потом бундистом, но позже, во время борьбы между «Искрой» и «Бундом», он выступил как яростный «искровец» со статьями под псевдонимом К. К. В бундовской литературе его называли: «Оташан из искровцев». В начале 20-х годов он умер в Киеве. Политически он принадлежал к меньшевикам.*

Замечается большой спрос на книги по различным областям знаний, даже среди отсталых слоев.

В течение лет 1894–1900 сотни интеллигентов и сотни рабочих прошли через все этапы революционного и социалистического движения в Витебске. Они принимали активное участие в первых пропагандистских кружках, откуда они черпали первые знания о социалистическом учении, от Лассалья и Маркса. Позже они занялись политической агитацией и стали борцами за политическое освобождение России. Переход на идиш как на средство агитации также сыграл свою роль в том, что идиш привнес в социалистические и рабочие кружки, наряду с гражданским самосознанием, также и национальный момент. В этой связи замечается определенная пропасть между ассимилированной образованной еврейской интеллигенцией и рабочими. Рабочие не отмежевывались от еврейской жизни и стремились не оторваться от национальной традиции, а модернизировать ее. В этой связи, надо полагать, сыграли свою роль посредников бывшие иешиботники, которые по своему социальному положению и материальной нужде были психологически ближе к рабочим, чем политические лидеры. Особую роль здесь сыграл также «Бунд». В Витебске развитие социалистической мысли, по всей видимости, шло своим собственным путем: сначала возникла социал-демократическая группа, а затем эта группа постепенно сблизилась с «Бундом» и со временем объединилась с ним организационно.

В годы 1897–1900 время от времени проводились обыски в Витебске, за которыми следовали аресты. Сотни витебских пионеров, интеллигентов и рабочих сидели в тюрьмах по всей России — от Витебска до Петропавловской крепости в Петербурге. Сотни лет тюрьмы и ссылки выпали в то время на долю витебских революционеров. И

многие не выдерживали и молодыми умирали в тюрьме или в глухих местах Сибири. Просто невозможно составить список жертв царского режима за те годы. Это были безымянные герои русской революции.

И точно так же, как мы выделили в эпоху Амстердама роль легендарного Амстердама, так и сейчас, когда мы описали второй этап революционного и рабочего движения в борющихся витебских рабочих за лучшую жизнь, подробно описано социальное положение рабочих и условия, в которых находились рабочие в годы 1897 и 1898 в Витебске.

Стоит привести резюме, которое делает этот брошюра:

«Прошедший год, который ознаменовался в жизни нашего города совершенно новым явлением для обывателей: целым рядом забастовок в мелких мастерских и в более крупных предприятиях; в особенности крупной забастовкой строительных рабочих, несколькими демонстрациями... все это произвело неизгладимое впечатление на все слои населения... Наше рабочее движение нашло здесь благоприятную почву и пустило глубокие корни... Даже наши местные сионисты не могут оставаться равнодушными, закрывать глаза на эти явления; говорят об единстве всех евреев и со своей высоты обращаются к "философам" (так называют они сознательных рабочих). Эти "философы" говорят, что уже давно прошло то время, когда можно было говорить о еврейском единстве в нашем городе, хотя он еще слабо развит индустриально. Примерно с того времени, когда начали выселять евреев из Москвы... начался в нашей индустрии в нашем городе очень сильный подъем. Старая кустарщина расширяется, и на смену ей приходят довольно крупные фабрики — бумажные фабрики, табачные фабрики, конфетные фабрики, мыловаренные, кафельные заводы с 50 или 200 рабочими, также производятся изделия в Бристоль, сургуч. Начали появляться заводы, которые работают на керосине. В текстильном производстве начинают играть все большую роль магазины готового платья, и работа ведется на тысячи — дешевый товар для крестьян из фабричных рабочих».

После описания экономического положения населения мы читаем в брошюре: «К концу 1897 года проявляются отдельные случаи протеста... Первыми начали слесари... А в 1898 году уже все специальности были охвачены забастовкой». Далее мы находим интересное замечание: «Их влияние отразилось на отношениях между рабочими с одной стороны. Вместо прежней, довольно частой вражды среди рабочих, приходит теперь осознание единства их классового интереса... Под впечатлением от улучшенных материальных условий и новых явлений, которые вызваны к жизни борьбой, начинают просыпаться наши рабочие».

Первая политическая демонстрация в Витебске состоялась в июне 1899 года. Она была вызвана тем, что в камере при полицейском управлении нашли повешенным слесаря Менделя Кливонсона. Его арестовали еще в 1897 году и выслали в Вилейку. Оттуда он сбежал и жил в Витебске под полицейским надзором. В июне 1899 года его встретил на улице Витебска тайный агент Смолоковский (Яшка-Падволочник), арестовал его и в течение трех дней избивал его. Падволочник требовал от него, чтобы он выдал своих товарищей. 18-го июня Кливонсона нашли в камере повешенным. В городе говорили, что Яшка избил его до смерти и потом его повесил. Возле больницы, куда отвезли Кливонсона, собралось до 500 человек. Демонстранты пошли к дому, где жил Падволочник. Яшку дома не нашли, его квартиру полностью разгромили. К похоронам Кливонсона полиция подготовилась поздно ночью, чтобы никто не знал. 25-го июня по поводу этой трагической истории был распространен листок на русском и на идише. Листок был подписан: «Витебский рабочий социал-

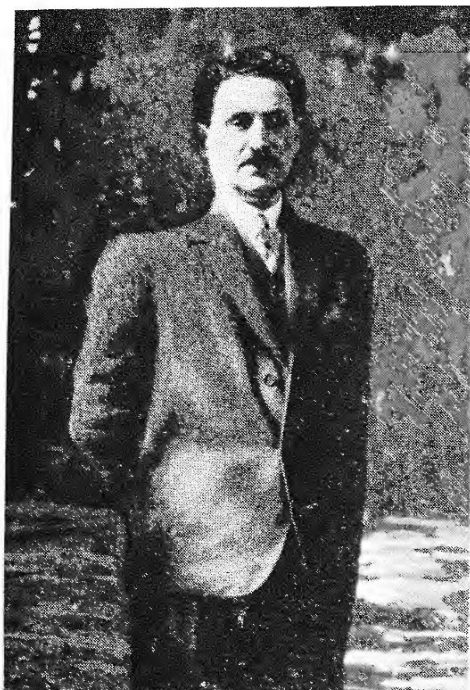
демократический комитет». Сверху на листке было написано: «Для всеобщего еврейского рабочего союза в России и Польше». В связи с этой демонстрацией жандармы провели большие аресты. 5 человек были сосланы в Сибирь, 20 человек были отправлены в местечки под гласный полицейский надзор. Среди арестованных были: фельдшер Гуревич (вскоре вернулся из Сибири), его брат, дантист, Сniorсон, Канин и другие. Интересно, что помощник казенного раввина Перельштейн перевел еврейский текст прокламации, а «Губернские ведомости» опубликовали перевод на русском: «Правительство, которое сейчас...» («Нижегородское правительственное вестничество»...). В том же 1899 году в середине ноября произошла вторая демонстрация против милитаризма. Когда провожали рекрутов, собралось от 200 рабочих, и они заставили рекрутов петь песни на русском и на идише, среди них и «Марсельезу». Также распространялась прокламация.

В брошюре, которая вышла за границей под названием «Рабочее дело», впоследствии издававшейся Российским социал-демократическим журналом, которая печаталась в нелегальных типографиях, было много людей из витебского кружка привлечено к этой ответственной конспиративной работе. В редакции работали, помимо Гинзбурга, Борис Цейтлин, Анна Розенфельд, София Граланд, Айзик Платник. Айзик Ольшевич помогал в работе, М. Купермахер, шляпник, доставлял шрифт для типографии. Борьба за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы бурно развивалась в 1897–1898 годах и охватила все профессии. В 1898 году жандармы писали в своем отчете: «Подпольная пропаганда глубоко проникла в рабочую среду». Они подсчитали, что в Витебске было до 400 организованных рабочих. В отчете от 18 января 1899 года жандармы писали: «Ведется сильная пропаганда по цехам. Имеется до 500 организованных рабочих». И далее сообщает полицейский департамент: «Большая часть из еврейских ремесленников — до 600 — участвуют в рабочих кружках». В 1899 году начальник полиции Зубатов отправил в Витебск группу агентов во главе с Меньшиковым и доктором Шапиро. В связи с этим в ночь с 29-го на 30-е августа 1900 года был проведен обыск в Витебске более чем у 100 человек и было арестовано более 40 человек. 14 октября 1900 года произошло столкновение между рабочими и полицией с жандармами на Замковой улице. Были арестованы 7 человек. В архиве департамента полиции были обнаружены переписки между «вельможами» из охраны — Меньшиковым, Ратаевым и Зубатовым — касательно витебских дел. Из этих официальных материалов стоит привести некоторые факты из витебского революционного и рабочего движения. В архиве имеется отчет от фабричного инспектора, где рассказывается, что в 1898 году произошли волнения у столяров, слесарей, портных, строительных рабочих, красильщиков. 26-го и 27-го июля рабочие планировали устроить волнения на Смоленском рынке... Собралось действительно от 400 до 500 рабочих. Кроме отдельных столкновений, все обошлось без инцидентов. В течение лет 1894–1900 сотни интеллигентов и сотни рабочих прошли через все этапы революционного и социалистического движения в Витебске. Они принимали активное участие в первых пропагандистских кружках, откуда они черпали первые знания о социалистическом учении, от Лассалья и Маркса. Позже они занялись политической агитацией и стали борцами за политическое освобождение России. Переход на идиш как на средство агитации также сыграл свою роль в том, что идиш привнес в социалистические и рабочие кружки, наряду с гражданским самосознанием, также и национальный момент. В этой связи замечается определенная пропасть между ассимилированной образованной еврейской интеллигенцией и рабочими. Рабочие чувствовали себя привязанными к еврейской жизни и стремились не оторваться от

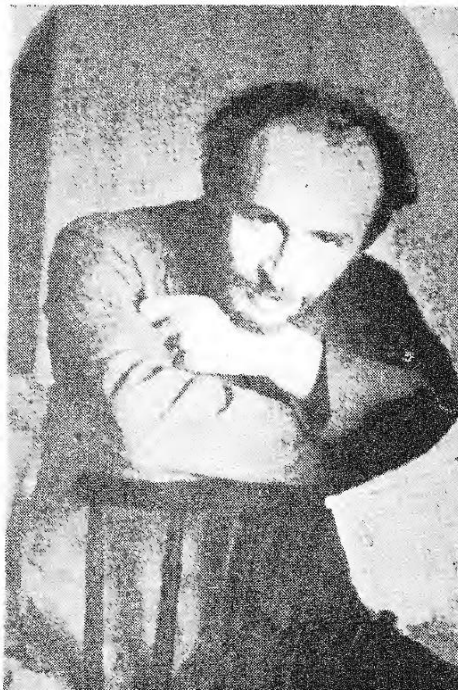
национальной традиции, а модернизировать ее. В этой связи, надо полагать, сыграли свою роль посредников бывшие иешиботники, которые по своему социальному положению и материальной нужде были психологически ближе к рабочим, чем политические лидеры. Особую роль здесь сыграл также «Бунд». В Витебске развитие социалистической мысли, по всей видимости, шло своим собственным путем: сначала возникла социал-демократическая группа, а затем эта группа постепенно сблизилась с «Бундом» и со временем объединилась с ним организационно. Замечается большой спрос на книги по различным областям знаний, даже среди отсталых профессий.

Мы приведем некоторые биографические сведения о тех, кто были истинными лидерами этого этапа: биографии Авраама Гинзбурга и Бориса Цейтлина.

Авраам Гинзбург родился 8-го сентября 1878 года. Его партийные псевдонимы были: Шлоймке, Андрей, Григорий, Ефим, Наум; литературные — Наумов, Велокос. Его участие в движении начинается с 1897 года. В 1899 году он был вынужден покинуть Витебск и занялся социал-демократической работой в других городах. Из Двинска он уехал в Екатеринослав. В 1900–1902 годах он издавал нелегальный социал-демократический журнал «Южный рабочий» и организовал нелегальную типографию, которая кочевала из города в город: Екатеринослав, Могилев, Смоленск, Кишинев, Николаев, Херсон, Кременчуг, Елизаветград. Здесь, в Елизаветграде, Авраам Гинзбург был арестован вместе с Борисом Цейтлиным, Анной Розенфельд (его женой) и другими. Он сидел в тюрьмах в Одессе, Ломже, после этого в Петропавловской крепости (с августа 1902 по июнь 1903 года), и был сослан на 8 лет в Якутск, Восточная Сибирь. В начале 1905 года он оттуда бежал и работал как меньшевик в Москве, Риге, а с 1906 по 1910 год — в Петербурге, легализовался, работал в легальных меньшевистских изданиях, был «ликвидатором». После очередного ареста в 1910 году он короткое время в 1911 году провел в Витебске, с 1912 по 1922 год жил в Киеве, ранее сотрудничал в газете «Киевская мысль». Во время Февральской революции его избрали товарищем (помощником) городского головы в Киевском муниципалитете. В октябре он был назначен помощником министра труда Кузьмы Гвоздева. В 1922 году он переехал в Москву и занимал ряд важных постов у большевиков — в 1928 году он был заместителем председателя коллегии Планового хозяйства и управляющим Конъюнктурного бюро, в 1929 году — заместителем председателя Института промышленных экономических исследований. А. Гинзбург-Наумов выпустил несколько научных книг: в 1909 году — «Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих-металлистов», в 1913 году — «Бюджеты рабочих в Киеве», в 1923 году — «История социализма и рабочего движения», в 1925–1927 годах — «Экономика индустрии» (лекции, которые он читал в Институте имени Плеханова), в 1930 году — «Промышленная экономика».

אברהם גינזבורג (נאומאָו)

באָריס צייטלין (באַטאָרסקי)

(Фото слева): Авраам Гинзбург (Наумов) (Фото справа): Борис Цейтлин (Баторский)

Авраам Гинзбург фактически отошел от меньшевиков вскоре после большевистского переворота. К большевикам он не примкнул. Но в 1930 году его арестовали и привлекли к так называемому «Процессу меньшевиков», который был инсценирован в Москве в марте 1931 года. Гинзбург был приговорен к 10 годам тюрьмы. Из тюрьмы он уже никогда не вышел.

Борис Цейтлин родился в Витебске 1-го января 1879 года, умер в Витебске в ЧК от тифа 5-го декабря 1920 года. Партийные и литературные псевдонимы: Г. Б., Георгий, Г. Смолин, Г. Баторский. Участвовал в движении с 1897 года. Арестован в первый раз в Витебске в 1898 году, отсидел полгода в тюрьме, во второй раз — в августе 1900 года. В 1901 году Цейтлин был делегатом от Витебска на 4-м съезде «Бунда». Но в 1901 году он перешел к социал-демократам, вошел в «Южный рабочий» и работал совместно с Авраамом Гинзбургом. В 1902 году его арестовали в Елизаветграде и выслан на 6 лет в Якутск. Он вернулся в Витебск после амнистии в 1905 году. На партийном съезде в Стокгольме в 1906 году (псевдоним Германов) он был делегатом от Екатеринослава. В 1911 году он окончил университет в Москве, был одним из лидеров ликвидаторов, участвовал во всех легальных меньшевистских журналах и газетах. Вместе с Соломоном Шварцем редактировал журнал «Страхование рабочих». В 1912 году он был назначен членом Организационного комитета от меньшевистской партии, в 1914 году, перед Первой мировой войной, он был одним из представителей Организационного комитета на Международном совещании в Брюсселе. Во время Февральской революции он был членом Центрального комитета от партии и членом редакции «Рабочей газеты» в Петрограде. После Октябрьской революции стоял далеко от Центрального (левого) органа Социал-демократической партии. В 1920 году его арестовала ЧК в Витебске.

Среди деятелей еврейского рабочего движения первого периода стоит также привести портрет Розы Гринблат, который Б. Михалевич дает в своей книге «Воспоминания социалиста» (ч. I, стр. 46–48):

«Это была, — пишет Михалевич, — экзальтированная девушка с сильной склонностью к мистицизму. Уже в юные годы она напугала своих родителей безумным поведением. Будучи дочерью богатых родителей, она решила в начале 90-х годов вместе с кружком распространять образование среди народа. Она одевалась как торговка книгами в большой платок, бедно одетая, ходила по еврейскому кварталу по домам и предлагала книги для чтения. Иногда она узнавала торговку, которая заходила к ним в дом, и та сразу шла сообщать её родителям. Те были уверены, что их дочь не в своём уме, и взяли её под строгий надзор. Новые еврейско-социалистические идеи проникли также в Витебск, и весь этот кружок, в котором находились Роза и её сестра Лиза, объявил себя социалистическим. Её сестра Лиза долгое время работала в подпольной типографии "Рабочего голоса" и была там переплетчицей, "техником". Роза уехала в Белосток, выучилась на ткацкой фабрике и начала жить как простая рабочая. С её идеализмом и энтузиазмом она имела большое влияние на рабочих, особенно на молодых девушек в движении. Она также обладала прекрасным пером, которое в идеалистически-романтических тонах рисовало стороны движения. Она больше держалась за идеалы Лассалля, прежде чем Маркс высушил науку. В её агитации всегда слышался призыв стать людьми-ангелами.

«На первом учредительном съезде "Бунда" (1897) она от Белостока была прислана как делегат. Характерным для неё было предложение, которое она там сделала (в то время ещё почти не было популярной социалистической литературы на идише), чтобы издали для еврейских рабочих перевод книги Энгельса о философии Фейербаха. Она также написала для Белостока и после этого для Лодзи несколько листовок-прокламаций, которые находятся сейчас в архиве "Бунда"»*.

«Через несколько лет позже она уехала за границу, там она стала горячей сионисткой и мечтает уже всё время об Израиле (Палестине). В сионизме она нашла свою метафизическую природу, ещё большую широту, как в социализме она нашла временного противника из "Бунда". Незадолго до [Первой мировой] войны мне довелось встретиться с ней в Швейцарии. Её мистицизм поднялся к тому времени очень высоко. Она зажигала каждую пятницу вечером свечи, постилась в Йом-Кипур и соблюдала множество ритуальных законов, не из-за набожности, как она мне объясняла, а потому что хочет быть тесно связанной с еврейским народом. О её деятельности в "Бунде" остались самые прекрасные воспоминания»...

3. Под знаменем «Бунда»

Движение в 1900–1902 годах

Начало 20-го века в «Бунде» ознаменовалось тем, что он стал почти единственным лидером еврейского рабочего движения в Витебске. Организации социалистов-революционеров и социал-демократов появились лишь несколько лет позже (1903–1904), «Поалей-Цион» и другие группировки получили определенное влияние только накануне революции 1905 года. Экономическая борьба за сокращение рабочего дня и

более высокую заработную плату в 1900 году была сильнее, чем в предыдущие годы. Политическая деятельность «Бунда» также значительно укрепилась. Об этом опубликовано в подробной корреспонденции из Витебска в бундовском «Рабочем голосе» (декабрь 1900, номер 20), которая дает нам картину экономической борьбы в различных цехах в 1900 году (у портных, обувщиков, скорняков, модисток, приказчиков, часовщиков, на табачной фабрике Кальбановского).

С 25-го июля по 5-е августа 1900 года за забастовку арестовали 30 кожевников. Эту забастовку рабочие выиграли, и через две недели арестованных отпустили. Начиная «работать», жандармы уже не могли остановиться. 29-го августа ночью на улицах Витебска поднялся шум; в эту ночь были проведены обыски в 100 домах и были арестованы до 40 человек.

В том же номере «Рабочего голоса» мы находим интересные сведения о деятельности «Бунда» в Витебске в 1900 году:

«Через короткое время после полицейского налета 29-го августа начались новые рабочие собрания, на которых часто бывало более 500 человек. На них произносились речи, заслушивались отчеты обо всем, что произошло за последнее время, велись беседы о прокламациях Центрального комитета нашего "Бунда", о суде над варшавскими рабочими. Эти собрания очень воодушевляли рабочих. 10-го октября Витебский комитет распространил 1 000 еврейских и 300 русских прокламаций по поводу последних арестов. Этот факт очень сильно встревожил полицию... В субботу, 14-го октября, жандармы, городовые, приставы начали избивать гуляющую публику саблями, нагайками и палками. Напуганная публика разбежалась».

В 1901 году происходят забастовки во многих цехах, которые заканчиваются частичным успехом. Из бундовских «Последних известий» (русских, № 21 от 21-го июня) узнаем, что 150 кожевников бастовали 8 недель. Произошла также забастовка на табачной фабрике с участием 100 рабочих («Последние известия», № 24 от 9-го июля). По поводу забастовки на табачной фабрике Кальбановского и по поводу политической демонстрации, которая произошла 24-го ноября 1901 года в связи с этой забастовкой, было напечатано подробное письмо из Витебска в «Последних известиях» (№ 50 от 1-го января 1902), которое стоит здесь привести:

«24-го ноября 1901 года состоялась демонстрация. Прошлым летом была забастовка на табачной фабрике Кальбановского. По доносу мастера и одного рабочего 2 рабочих были высланы из своего родного города и получили от 4 до 5 лет Сибири. Это были простые, малосознательные рабочие, которых обвинили в участии в забастовке. Витебский комитет "Бунда" выпустил призыв (гектографированный) 22-го ноября... 24-го ноября рабочие решили организовать демонстрацию перед зданием тюрьмы в 4 часа дня. Полиция, однако, узнала об этом заранее и приняла меры. Губернатор вызвал к себе казенного раввина и предложил ему повлиять на евреев, чтобы они не принимали участия в демонстрации. Рассказывают, что раввин созвал интеллигенцию и произнес перед ними речь. Рабочие все же собрались в назначенное время на главной улице, но они были атакованы полицией. Демонстрация не удалась. Группа из 50 рабочих попыталась собраться в другом месте и запела "Варшавянку", но они также были разогнаны, и при этом 7 человек были арестованы».

В 1902 году настроения среди витебского рабочего класса несколько не упали. В марте было арестовано нелегальное собрание из 30 человек. Но арест ослабил как политическую борьбу, так и забастовочное движение. 1-го мая не работали до 400 человек. В полицейских районах были мобилизованы военные части, произошли аресты, причем полиция избивала и пытала арестованных рабочих («Последние известия», № 64, 69, 72). В связи с поведением полиции Витебский комитет «Бунда» выпустил призыв, в котором, среди прочего, говорилось: «Если полиция не прекратит так жестоко обращаться с рабочими, пусть она не удивляется, когда в витебских рабочих проснутся их леопарды и ягуары, и они ответят на насилие насилием» («Последние известия», № 80 от 9-го августа 1902).

В «Рабочем голосе» (№ 31 от января 1903) опубликовано подробное письмо из Витебска, которое подводит итог положению и настроениям рабочего класса в 1902 году. Письмо проникнуто пессимистическим впечатлением:

«После того как полиция в недели Шавуот разогнала собравшихся рабочих, избивала их и сдала до 150 человек под надзор полиции, жандармы начали искать интеллигентов. Они перевернули весь город и в конце концов состряпали какое-то "дело" об интеллигентах-революционерах... Город наводнен шпионами, которые шныряют по всем углам. Это напоминает рабочим, что они должны быть крайне осторожными и конспиративными... Кроме общевитебских прокламаций, Комитет выпускал и распространял прокламации по поводу последнего ареста, и призыв к христианским рабочим к Первому мая, от Красного Креста Общества, к торгово-промышленным служащим и к христианским рабочим бумажной фабрики Киммеля. Распространение прокламаций прошло очень хорошо.

Жизнь в Витебской организации, — заканчивает корреспондент, — не очень богата праздничными проявлениями. Правда, работа идет дальше: распространяются прокламации, разделяются и читаются литературные произведения, ведутся дискуссии, собрания, забастовки. Рабочие недовольны тихой работой и ждут терпеливо лучших времен. Но точно так же, как недовольство не сопровождается никаким активным революционным духом, которого можно было бы ожидать от представителей и в случае активности рабочей массы. Здесь не место подробно объяснять причины, которые привели организацию к такому состоянию. Мы можем только указать, что она переживает тяжелый кризис. Организация должна сбросить с себя старые формы работы, создать новые, более революционные, и проводить их с большим мужеством и пониманием жизни. Витебские рабочие уже давно отказались от своих профессиональных касс, но они ещё не создали никаких новых форм политической организации, которые должны были бы объединить и наполнить их жизнь революционным содержанием».

Канун революции

В 1903 году для работы «Бунда» в Витебске создалась гораздо более благоприятная атмосфера. В январе Комитет выпустил первый номер листовки «Витебский листок». В марте работа организации начала усиливаться. 21-го марта в городском театре во время представления пьесы Максима Горького «На дне» была организована манифестация. В середине второго акта из галереи посыпался град листовок с

лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует поднадзорный Горький!». Полиция, жандармы и шпионы бросились отнимать листовки у публики и при этом арестовали несколько человек. Через три дня состоялось политическое собрание с участием 150 человек. На бирже, которая тогда находилась на Замковой улице, в субботу распространили «Летучий листок». Вскоре после этого состоялись ещё два собрания, которые посетили 50 и 40 человек («Последние известия», № 118, апрель 1903). Интересно отметить, что на одном из собраний обсуждался вопрос о том, насколько необходимо «поднадзорным», то есть тем, кто находится под полицейским надзором, выполнять требование и регулярно являться в полицию. Этот вопрос был очень болезненным, так как в Витебске тогда находилось до 400 «поднадзорных»...

Понятно, что ужасные известия о Кишиневском погроме всколыхнули еврейское население города. Сразу же организовалась самооборона под названием «Молодежная группа» («Ди югэнт-групэ»). Полиция снова провела аресты и передала суду нескольких членов группы. Бундовский комитет также организовал «боевую группу» («камфс-групэ»), которая незамедлительно опубликовала приветствие товарищам в других городах — Баку, Одессе, Киеве, Екатеринославе, которые тоже создали самооборону. В Грозные дни (Ямим-нораим) распространился слух, что готовится погром. Бундовская «боевая группа» была подготовлена как следует. Как сообщают нам «Последние известия» (№ 125, 7 ноября 1903), делегация обывателей посетила полицмейстера Брауна. Он потребовал 1200 рублей на усиление полиции. Эти деньги ему дали.

В 1903 году «Бунд» развернул большую работу в экономической сфере. В августе вышел листок «Бунда» ко всем витебским сапожникам. Наряду с политическими требованиями листок выдвигает и ряд экономических — повысить заработную плату, сократить рабочий день, отменить сдельную работу и улучшить обращение.

Как известно, в конце 1903 года, на 2-м съезде Р.С.Д.Р.П., произошел разрыв с партией, и [«Бунд»] стал самостоятельным. Этот шаг взбудоражил умы. Витебские бундисты также были втянуты в этот клубок вопросов и споров, которыми была охвачена вся социал-демократическая пресса. Как же отнеслись к этому конфликту между Социал-демократической партией и «Бундом» витебские бундисты? «Искра», тогда уже меньшевистский орган, писала (№ 74), что в Витебске «многие из организованных бундовских рабочих не согласны с фракцией "Бунда" на втором съезде, особенно с тем, что "Бунд" покинул партию». Это льстило уму и надеждам меньшевиков. Но у нас есть также тексты резолюций, которые были приняты после раскола как в Витебске, так и в нескольких городах Витебской губернии. Эти резолюции доказывают, что настроения были твердыми и единодушными. «Рабочий голос» (февраль 1904, № 36) приводит текст этой резолюции:

«1. Задача Р.С.Д.Р.П. в России — развивать классовое самосознание и руководить классовой борьбой пролетариата всей России; 2. развивать классовое самосознание, вести к активной борьбе за освобождение еврейского пролетариата (как за освобождение российского пролетариата в целом), вести борьбу против любого угнетения еврейства, которое стремится омрачить классовое самосознание еврейского пролетариата; вести борьбу против антисемитизма (среди народных масс)

вообще и против погромов в частности, — это еврейский пролетариат может организовать только в самостоятельной организации С.Д., которая должна прийти с постоянной помощью пролетариату всех остальных наций; 3. Так как условия, которые 2-й съезд поставил "Бунду", ведут к его уничтожению, собрание находит, что выход "Бунда" из партии был единственным шагом, который он мог сделать. Собрание выражает своё убеждение, что сама жизнь покажет нашим русским товарищам их вину в расколе партии; 4. Собрание выражает свою солидарность с позицией бундовской делегации на партийном съезде».

Эта резолюция была принята на двух собраниях в Витебске, в которых участвовали 62 и 83 человека. Из 145 человек за резолюцию проголосовали 134, против — 1, и 10 человек воздержались. Эта же резолюция с небольшими изменениями была принята также в Полоцке (60), Бешенковичах (50), Невеле (140).

После того как «Бунд» вышел из Социал-демократической партии, она создала свои организации в городах, где до сих пор не имела никаких организаций. В марте 1904 года сформировался Северо-Западный комитет Р.С.Д.Р.П. (в него входили как большевики, так и меньшевики). К Комитету примкнули также социал-демократические группы из Витебска и нескольких городов Витебской губернии (Невель, Велиж, Двинск, Полоцк). Эти группы были небольшими по численности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что со стороны С.Д. началась «конкуренция» с «Бундом». Конкуренция была весьма открытой, потому что Северо-Западный комитет начал свою деятельность с «военной декларации», обвиняя «Бунд» в национализме, сепаратизме и других грехах и грешках.

Витебский и Двинский комитеты «Бунда» выпустили совместное воззвание, в котором ответили на выпад Северо-Западного комитета, заявляя:

«Новый Северо-Западный комитет Р.С.Д.Р.П., как это становится ясным из его сообщения, поставил перед собой цель не развивать классовое самосознание среди тысяч русских рабочих, живущих в Северо-Западном крае и из-за своей неорганизованности являющихся помехой в деятельности еврейской и польской социал-демократии. Комитет считает делом первостепенной важности втянуть нового члена в семью борющегося пролетариата и посредством этого укрепить силы. Перед ним стоит более грандиозная задача: подавить среди самого пролетариата с помощью С.Д. критику чуждых националистических тенденций и тем самым очистить рабочие организации от тех вредных элементов, которые к ним присосались». Говоря простыми словами, это означает, что Северо-Западный комитет имеет намерение бороться с "Бундом"» («Последние известия», 28 августа 1904, номер 192).

Борьба между Социал-демократической партией и «Бундом» развивалась и дальше очень энергично в Северо-Западном крае. В самом Витебске эта борьба была более мягкой. Это объясняется тем, что «партийцы» («искровцы») были в большинстве своем меньшевистски настроены. Это было уже в 1904 году, накануне революции, когда многие еврейские организации и фракционные разногласия потеряли своё значение.

Деятельность «Бунда» в Витебске в течение 1904 года была вообще довольно слабой, особенно в первой половине. Как обычно, распространялись листовки Центрального

комитета «Бунда». Выходили также отдельные листки на местах, но настроение было подавленным. 1 мая пробовали устроить забастовку в некоторых цехах, но забастовки не произошло. К тому же полиция провела массу арестов. Арестованные рабочие пытались устроить демонстрацию в тюрьме в честь рабочего праздника — в итоге некоторые получили карцер.

Главную причину подавленного настроения среди бундистов можно объяснить провокацией, которая очень сильно повредила движению. По поводу провокации в Витебске были выпущены два листка в двух тысячах экземпляров на русском и еврейском языках от Витебского комитета «Бунда». В нелегальном органе «Бунда» сообщалось об этом случае («Дер Бунд», апрель 1904, номер 3). Провокатор назывался Нахум Исаксон (или Нахке). Его внешность описывали так: «среднего роста, полный, с красными щеками, лицо грубое, светлые усы». О нем также сообщалось в городе: «Нахум Исаксон выдал почти всю нашу организацию в Витебске. Нахум Исаксон родился в Могилеве. В Витебске он находился на военной службе. Последнюю зиму он жил в Витебске. Он был известен под именем Яков. Нахум Исаксон — это опасный провокатор, и мы предупреждаем всех товарищей быть осторожными с ним». В бундовском воззвании также говорилось, что Исаксон выдал нескольких товарищей. По его вине находится в тюрьме отец Х. Шаткина, который был арестован по обвинению в хранении нелегальной литературы.

Ясно, что в связи с этой провокацией полиция смогла провести полный разгром бундовской организации. Полиции и жандармам уже казалось, что им удалось полностью искоренить революцию в Витебске. В письме из Витебска («Дер Бунд», номер 2, 1904) описывалось, какими средствами полиция пыталась воздействовать на христианское население. Распространялся слух, что «у арестованных нашли письма к японцам и деньги от них», что означало, что евреи и еврейские революционеры помогают в войне врагу, японцам...

Несмотря на аресты, «Бунд» в Витебске во второй половине 1904 года сумел развить широкую революционную деятельность и укрепить свою организацию. В связи с холерой в Белостоке в том же году, в городском театре в Витебске, как и во многих других городах черты оседлости, 1 октября была проведена демонстрация. Когда в Витебске узнали, что «романовцы» приговорены к долголетней каторге, «Бунд» немедленно организовал протестную демонстрацию. Как известно, среди «романовцев» было также несколько витебских рабочих.

Городской комитет в своих листках откликался на важнейшие явления в политической жизни. Также выходили и распространялись речь Леона Гольдмана, которую он произнес на Кишиневском процессе (напечатанная в типографии «Искры»), воззвания к солдатам, и распространялись важные статьи из газеты «Арбейтер-штимме».

В опубликованных материалах, главным образом в нелегальной литературе, отсутствуют не только имена деятелей того времени, «профессиональных революционеров», но и активных участников движения, которых насчитывалось тогда десятки, если не сотни. Отсутствуют также сведения о борьбе вокруг политических вопросов и по еврейскому вопросу в частности. В годы накануне революции 1905 года, в связи с борьбой между «Искрой» и «Бундом», целый широкий круг был втянут в

идейные споры, особенно по национальному вопросу. В те годы в Витебске также появились первые сионисты-социалисты различных оттенков. Известны случаи, когда сионисты переходили в ряды «Бунда», и бывали случаи, когда бундисты переходили в другие партии (социал-демократы, эсеры и Поалей-Цион). Но, как сказано, на основе материалов невозможно воссоздать ту важную, живую, колоритную картину движения, которое так сильно разрослось в революционный период 1905–1907 годов.

События 1905 года

9 января 1905 года, «Кровавое воскресенье», было воспринято во всей черте оседлости как начало революции. Как электрическая искра, оно пронзило широкие рабочие массы, вызвало подъем в рабочем движении. В самом Витебске, Невеле, Двинске, Полоцке, Креславке, Люцине — во всех городах и местечках Витебской губернии эхо петербургских событий было очень сильным. «В первые два дня, — пишет В. Невский в "Красной летописи" (1922, номер 4), — в Витебске бастовали тысячи рабочих, почти исключительно евреи». В эти «январские дни» Комитет «Бунда» и Р.С.Д.Р.П. создали совместный коалиционный комитет, который руководил забастовочным движением и в феврале снова вывел рабочих на забастовку в связи с событиями на фронте. Витебский пролетариат с большим сочувствием реагировал на всё, что происходило в стране. В марте 1905 года началось большое забастовочное движение, которое охватило и привлекло широкие массы. Заметили также значительный подъем среди торгово-промышленных служащих. В то время они ещё не имели сильного влияния от «Бунда», а скорее от «Поалей-Цион» («Последние известия», номер 228).

Интересен тот факт, что из всех городов Северо-Западного края только в Витебске нашли отклик правительственные комиссии по рабочему вопросу. Как известно, в Петербурге 18-го февраля была создана такая комиссия под председательством сенатора Шидловского. Комиссия состояла из представителей предпринимателей и рабочих. В Витебске тоже 30-го марта было созвано такое комиссионное совещание под председательством губернатора. Витебский и Двинский комитеты «Бунда» выпустили по этому поводу специальное воззвание под названием «Полицейский фокус», где дали точную оценку таким комиссиям и указали условия, при которых рабочие готовы в них участвовать.

Революционный подъем в городе не вызвал никакого антисемитизма. Не удалось даже создать в Витебске, как в других городах, ни одной черносотенной организации. Правда, среди старообрядцев было начато тайное движение. «Бунд» сразу же отреагировал на это воззванием «Ко всему христианскому населению Витебска». В этом воззвании он очень популярно объяснял, кто стремится разжечь самодержавный строй, и что царская власть с помощью погромов хочет отвлечь массы всех народов от борьбы против царизма. Первомайская забастовка охватила большинство рабочих. В июне в городе не произошло никаких особых событий. Но рабочие, как и всё население, с большим интересом прислушивались к сенсационным известиям о баррикадных боях в Лодзи, о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» в Одессе.

В июле «Бунд» в Витебской губернии, согласно директиве Центрального Комитета, провел протестную кампанию против плана созыва так называемой Булыгинской думы. С этим планом петербургское правительство хотело ослабить общие требования конституции для России. Бойкот такой Думы получил симпатии среди самых широких кругов. Происходили большие рабочие собрания. Хроника бойкотной кампании показывает, что забастовки и протестные митинги происходили не только в Витебске, но почти во всех городах Витебской губернии. 7-го, 24-го и 28-го июля в Невеле были проведены митинги. В одном митинге на кладбище приняли участие 600 человек. Другой митинг собрал 400 человек. В Креславке 23-го июля состоялся митинг из 350 человек. В Велиже состоялось собрание еврейских и христианских рабочих. В Полоцке полиция стреляла во время демонстрации, и 3 человека были ранены. В Лioзно и в Освее состоялись митинги на кладбище. В Чашниках также была проведена воскресная забастовка.

Экономическая борьба в течение 1905 года шла с энергичным темпом. Все начали организовывать профессиональные союзы. «Бунд», который стоял на партийном принципе в профессиональных союзах, принимал активное участие в выступлениях рабочего класса и помогал им формулировать их экономические требования.

Хозяева (домовладельцы) были, конечно, не очень довольны тем, что «Бунд» так активно вмешивался в экономическую борьбу. Но общая атмосфера в этот год революции была благоприятной для рабочих, и хозяева должны были уступать.

То, что происходило в Витебске в «октябрьские дни», подробно описано в корреспонденции, которая опубликована в журнале «Дер Бунд» (ноябрь 1905, номер 10).

Хотя железнодорожная забастовка началась в Петербурге и Москве еще 12-го сентября, а всеобщая забастовка, к которой присоединились все индустриальные центры страны со своей миллионной массой рабочих, а также демократическая интеллигенция из крупных городов во главе с «Союзом союзов», — известия об этом дошли до Витебска с большим опозданием. Достаточно сказать, что в Витебске было решено присоединиться к забастовке только 17-го октября. Как раз в этот день уже был провозглашен манифест, который гарантировал все свободы и обещал стране конституцию. В Витебске перед днями 17-го и 18-го октября произошли ужасные столкновения между рабочими, полицией и казаками. Стреляли в толпу. Были убитые и раненые. Возможно, городская администрация сделала это по расчету, чтобы выиграть время. Возможно, губернатор получил секретные директивы из Петербурга не подчиняться сразу манифесту и удерживать порядок в городе. Даже после опубликования манифеста в Витебске еще в течение некоторого времени царил «смешанный стиль» в порядке. С одной стороны, освобождали из тюрьмы десятки людей, с другой стороны, избивали людей на улицах. Проходили тысячи копеечных митингов, где говорили о вооруженном восстании, о демократической республике и т.д.*

Распространялись также слухи, что полиция и местные «патриоты» готовятся к погрому. К счастью, в самом городе погрома не произошло. Примерно в 150 городах и местечках в течение трех недель после манифеста произошли еврейские погромы,

организованные «черной сотней» с помощью или по указанию полиции и департамента полиции в Петербурге. Витебск на этот раз избежал этого.

После трагических дней 17-го и 18-го октября в Витебске начались «дни свободы» — дни короткой политической весны. Эти дни были использованы для собраний и митингов. Развернулась широкая агитация для целей и задач «Бунда». На политической арене появились все социалистические и революционные организации — социал-демократы, социалисты-революционеры и Поалей-Цион. В городе было очень оживленно. Рабочие различных профессий поспешили использовать возможность organizоваться. Политическая атмосфера в «Бунде», как мы видим из воззваний того времени, была очень радикальной.

** См. об этом воспоминания со съезда «Октябрьские дни 1905 года в Витебске». Автор был тогда активным членом Социал-демократической организации. Он написал воспоминания сразу, как только прибыл в Америку в 1907 году.*

В манифест, особенно после погромов евреев в революционных городах, больше не верили. Считали, что революция должна пойти глубже и шире. Стало ясно, что предстоит еще более глубокая и решающая борьба. От всеобщей забастовки в октябре нужно перейти к новой всеобщей политической забастовке, которая должна превратиться во всеобщее вооруженное восстание, которое окончательно свергнет деспотическую монархию и создаст в России демократическую республику. Такие настроения царили в Петербургском Совете рабочих депутатов, под влияние которого подпал и Центральный комитет «Бунда» (как известно, в Совете депутатов от Северо-Западного края, из еврейских городов, не было никаких представителей).

О жизни в Витебске в «дни свободы» у нас мало материалов. Известно, что витебские либералы, кадеты, использовали этот период и выпускали газету на русском языке — «Витебский голос». Они также готовились к избирательной кампании в Государственную думу. Бундисты, однако, были настроены на бойкот. Вообще, ни одна социалистическая организация не выставляла кандидатов и собственную газету.

Интересно упомянуть здесь о борьбе и партийной конкуренции, которая велась тогда вокруг профессиональных союзов. Петербургская меньшевистская газета «Начало» (номер 8, 1905) приносит письмо из Витебска, которое рассказывает об атмосфере в профессиональных союзах в «дни свободы». «Профессиональные союзы тянутся к С.Д. Другие революционные организации ждут их конкретных указаний. И как у нас есть целые группы для революционных организаций — Р.С.Д.Р.П., "Бунд", социалисты-революционеры и Поалей-Цион — понятно, что между всеми организациями доходит до трений, которые мешают работе. Главная ответственность, по нашему мнению, падает на "Бунд", который требует, чтобы все профессиональные союзы были беспартийными, то есть бундовскими... Эта политика вызывает противодействие со стороны других партий — как от эсеров, так и от Поалей-Цион. Первое открытое сражение "Бунд" дал на собрании торгово-промышленных служащих, где присутствовало 700 человек. В бундовский союз записалось только 300. Остальные принадлежат к другим партиям или не хотят подчиняться никакому партийному флагу, и были вынуждены создать отдельный беспартийный союз».

Нужно отдать себе отчет, что после октябрьской забастовки еврейское революционное движение вообще потеряло то значение, которое оно имело в предыдущие месяцы. Всем стало ясно, что судьба революции зависит от развития событий в крупных индустриальных центрах и в ключевых политических пунктах страны: Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Варшаве, Одессе, Риге, Тифлисе, Нижнем Новгороде и т.д. Черта оседлости, особенно Северо-Западный край, еврейская провинция со всей своей преданностью требованиям революции, играла в эти исторические дни ноября и декабря 1905 года уже подчиненную роль и не имела прежнего большого веса.

В ноябре был объявлен второй политический страйк. Петербургский Совет рабочих депутатов призвал рабочий класс помочь почтово-телеграфным служащим, поддержать восстание матросов в Севастополе и Кронштадте. «Бунд» имел мало возможностей вдохнуть новые силы в движение. Но все же нужно признать, что участие в событиях со стороны витебского рабочего класса было довольно слабым. Коалиционный комитет «Бунда» и С.Д. в конце ноября выпустил обращение ко всем гражданам и призвал готовиться к общему вооруженному восстанию: «Слушайте! — читали мы там, — трубы уже дают сигнал. И вы, старые, испытанные борцы, воспряньте духом... Выходите все на улицу смело и мужественно и бросайтесь в бой против врага — против царского самодержавия»... И когда после ареста Петербургского Совета рабочих депутатов была объявлена всеобщая забастовка в декабре, резонанс, отклик на этот призыв в Витебске был очень слабым.

Между революцией и мировой войной

После ареста Петербургского Совета рабочих депутатов, после поражения декабрьской забастовки и восстания в Москве, которые наглядно продемонстрировали изоляцию рабочего движения, как со стороны социалистических партий, так и растущее разочарование в революционные ряды. Эти настроения стали острее ощущаться в еврейской провинции. В 1906–1907 годах почти повсеместно можно было видеть одну и ту же картину: интеллигенция покидает партии, рабочие чувствуют себя растерянными. Среди молодежи, которая еще совсем недавно была увлечена романтично-революционными надеждами и иллюзиями, царит дух отчаяния и даже деморализация. В городах и местечках берут верх полуанархические, максималистские, аморальные настроения. Молодежь втягивается в стихию экспроприаций, «эксов». Местные правительственные органы, желая отомстить революции, проявляют жестокость в своих действиях. У оставшихся революционеров не было другого выхода, кроме как применять террор против полиции и жандармерии. Для них итог революции 1905 года был таков: вместо того чтобы выйти на поверхность и снова вести широкую политическую работу, им пришлось опять скрываться в подполье, хотя и в более тяжелых условиях, и продолжать борьбу. Все еще сохранялись иллюзии о новом подъеме революции, который вот-вот начнется снова.

В этой атмосфере вполне понятен лозунг бойкота выборов в Первую Государственную думу, который приняли все социалистические партии в стране (позже даже Ленин признал, что этот бойкот был политической ошибкой). Поэтому стало возможным, что в Витебске в Первую думу были избраны кадеты (д-р Брук, А. Волкович и др.), в то время как «Бунд» и социал-демократы были обречены на пассивную тактику.

В то же самое время, когда было замечено ослабление политической борьбы, обострилась экономическая. В мае-июне 1906 года в Витебске произошел ряд экономических конфликтов и забастовок. Особенно острыми были конфликты между торгово-промышленными служащими и их хозяевами.

Осенью 1906 года «Бунд» и социал-демократы уже активно участвовали в избирательной кампании во Вторую Государственную думу в Витебске. 30 ноября 1906 года было определено комитетом «Бунда» как день, когда нужно было создать избирательный фонд. Рабочие, члены партии и сочувствующие должны были внести однодневный заработок в этот фонд. 5–8 декабря в Витебске была созвана губернская конференция бундовских избирательных бюро, которые существовали почти во всех городах. Повсюду «Бунд» объединился с партией С.Д., и были созданы совместные избирательные бюро. Агитация в деревне была интенсивной и хорошо организованной как социалистами-революционерами, так и социал-демократами. «Сионисты, — пишет "Наша трибуна" (номер 4, от 3 января 1907 года), — не имеют влияния, но в Витебске, Двинске и Велиже у них есть довольно хорошие шансы в этом году достичь цели, то есть избрать депутатов». Еще ранее, 20 декабря, тот же журнал (номер 2) сообщал, что в Витебске сформировался, кроме сионистского избирательного комитета, избирательный комитет сеймовцев. При учреждении было 30 человек. На заседании Чичеловский прочитал реферат и защищал платформу сеймовцев. В номере 3 от 27 декабря было напечатано известие, что бундисты создали с сеймовцами блок и совместно выставили кандидатуру адвоката Гиллерсона. В «Нашей трибуне» (номер 9 от 8 февраля 1907 года) и в «Фольксцайтунг» (номер 275-276 от 2 и 4 февраля) опубликованы письма из Витебска о ходе избирательной кампании. Вкратце ситуация была следующей: 14 и 15 января во второй раз был организован съезд всех еврейских избирательных комитетов губернии, на который также приехал Марк Ратнер, представитель сеймовцев. Съезд высказался за создание еврейской курии в губернском избирательном собрании и за соглашение между всеми партиями и группировками, которые не правее кадетов. Между еврейским избирательным комитетом (сионисты и демократы) и сеймовцами было заключено соглашение, и был выставлен общий избирательный список из пяти кандидатов — четыре от комитета и один от сеймовцев (д-р Х. Житловский). 20 января представители еврейского избирательного комитета пришли на заседание комитета С.Д., чтобы договориться об общем списке. Переговоры не привели к соглашению. Условия, которые предложил еврейский избирательный комитет, были следующими: 1. На втором этапе выборов поддерживать только те группировки, которые не правее кадетов и крестьян; 2. Если не будет возможности провести собственного кандидата, поддерживать кандидатуру прогрессивного человека; 3. Если же оба вышеупомянутых случая также невозможны, подчиниться решению двух третей городской курии.

Сеймовцы приняли эти условия. «Бунд» отверг третий пункт, мотивируя это тем, что третий пункт открывает возможность объединения с реакционными кандидатами. В переговорах от имени еврейского избирательного комитета принимали участие д-р Брук, Нейфах, Шалит и др.

«Бунд» и социал-демократы тогда выставили своего собственного кандидата — д-ра Бен-Циона Шейнина. «Бунд» вел свою предвыборную пропаганду совместно с социал-демократами. Бывали дни, когда выступали до 12 раз в день. Результат был таков:

кандидаты еврейского избирательного комитета получили более 3.000 голосов, кандидаты «Бунда» и социал-демократов — 1.080 голосов. Полиция тоже «помогала» в избирательной кампании. Она срывала плакаты «Бунда» и группы «демократических избирателей» и арестовала около 20 человек...

В 1907 году экономическое положение витебского рабочего класса снова стало тяжелым. С января месяца шли непрерывные забастовки. Синдикат, объединявший все кожевенные фабрики Северо-Западного края, провел локаут в Витебске. У портных был острый конфликт с хозяином Полозовицким с Вокзальной улицы. Он уволил рабочего. Рабочие объявили забастовку. Полозовицкий взял на их место «истинно русских штрейкбрехеров». Витебский комитет «Бунда» в связи с этим выпустил прокламацию (август 1907) с призывом ко всем гражданам и товарищам не давать никакой работы Полозовицкому и не покупать у него никаких товаров.

Мы имеем официальные сведения о состоянии профессиональных союзов в Витебской губернии до конца 1907 года согласно отчетам Министерства внутренних дел. Как известно, в марте 1906 года были легализованы профессиональные рабочие союзы. Согласно официальным отчетам, до 18 декабря 1907 года зарегистрировалось 45 профессиональных союзов. 14 из них были закрыты, и еще 3 собирались закрыться «из-за их вредного направления». Работа союзов ведется в тесном сотрудничестве с революционными организациями. Они проводят забастовки, объявляют бойкоты и т.д. В союзах была обнаружена нелегальная литература, а в союзе торгово-промышленных служащих была обнаружена бомба.* На собраниях профессиональных союзов выступают партийные деятели с революционными речами. Жандармерия находит необходимым закрыть все союзы. Союз портных уже до этого был нелегальным.

Политическая активность «Бунда» ослабла в 1907 году. К Первому мая «Бунд» совместно с группой Р.С.Д.Р.П. выпустил воззвание. В ноябре оба комитета снова совместно выпустили воззвание: «Суд над социал-демократической фракцией» Второй Государственной думы, которую царское правительство распустило. Замечалось разочарование в политике в более широких рабочих кругах. Начала усиленная эмиграция в Америку. Отток — как интеллигенции, так и рабочих из движения — имел, конечно, очень плохую видимость (влияние) на дальнейшую работу. В 1908 году «Бунд» и социал-демократическая группа выпустили только одну листовку на русском языке — к 1-му мая (18 апреля по старому стилю), которая призывала к всеобщей забастовке. «В наши смутные дни, — читаем мы в листовке, — когда волна тишины и апатии охватила нас после не так давно прошедших светлых дней, этот день должен быть как маяк, пункт сбора, который должен служить для всех рассеянных товарищей». Нам, однако, неизвестно, действительно ли эта листовка вызвала необходимый подъем в движении. По всей видимости, нет, поскольку мы не находим никаких материалов об этом.

В экономической области забастовки продолжались как в 1908, так и в 1909, и в последующие годы. В 1909 году отмечена большая забастовка на фабрике «Двина», где работало до 1.000 человек, исключительно христиане. Рабочие требовали, чтобы технический директор был смещен, а заработная плата повышена. Забастовка провалилась. В 1912 году, после Ленских событий, а также к Первому мая были

выпущены воззвания, это можно считать последними проявлениями нелегальной деятельности социалистических группировок в городе. Еще время от времени существовали рабочие кружки. Все еще существовал коллектив «Бунда» в городе, который по-прежнему регулярно проводил заседания и обсуждал политические и общие вопросы. В 1913 году снова произошли экономические конфликты и забастовки. Мы знаем о таковых на текстильной фабрике «Двина» и на стекольном заводе.

** Бомбу подложил провокатор по прямому поручению жандармов.*

В профессиональном журнале «Дер шнейдер» («Портной») (Вильна, 1913) подробно описано тяжелое положение рабочих-портных Витебска. Никакого профессионального союза не существует. Настроение подавленное. Отношения между самими рабочими тоже плохие. Этим положением пользуются хозяева во время забастовки. Заработная плата уменьшилась. Хозяева, владельцы крупных мастерских, особенно Каценеленбоген, платят на 50–60 процентов меньше, чем 4–5 лет назад. Требования рабочих, объявивших забастовку, в общей сложности состояли в следующем: повысить заработную плату на 25 процентов. Хозяева, однако, не идут ни на какие уступки. Более того, они готовят локаут...

Деятельность наиболее активных элементов «Бунда» и других социалистически сознательных рабочих и интеллигентов во все эти последние годы перед Первой мировой войной выражалась в новых легальных формах общественной работы, которые создались в то время. Изоляция бундистов и социалистов в широкой общественной культурной работе, которая была характерна для прежних лет, в предвоенные годы уже почти не ощущалась. В 1908–1910 годах, когда в Витебске организовалось Еврейское литературное общество и укрепились позиции демократических идишистских элементов, к этому обществу примкнули прогрессивные общественные деятели. Нельзя было также стоять в стороне от обществ, которые в те годы развернули в городе важную культурную работу — общество «Мафицей Гаскала» («Просветители») с его школами и борьбой за еврейский язык (идиш) как язык преподавания, и общество «ОЗЕ», которое разработало важные планы социальной гигиены и гигиенических жилищных условий, общество «Помощь через труд» и т.д.

На рабочей улице до 1914 года существовали только два легальных профессиональных союза: торгово-промышленных служащих и печатников. В связи с новыми законами о страховании рабочих в Витебске возникла общегородская больничная касса, которая объединила весь рабочий класс — почти 6.000 рабочих, евреев и христиан. Рабочая жизнь, политические и духовные стремления рабочего класса получили свое выражение в этой кассе.

Такое положение преобладало в Витебске до лета 1914 года, когда началась Первая мировая война, которая открыла новую главу в истории социалистического и рабочего движения.

4. Участники революционного движения в Витебске

(По официальным материалам Департамента полиции и другим источникам)

Амстердам, Вольф-Бер (Владимир), родился в 1882 году, Авраам Амстердам — его младший брат. В 1900 году арестован в связи с транспортировкой нелегальных изданий из-за границы. Около года сидел в тюрьме, после чего в 1901 году снова арестован в Риге за принадлежность к «Бунду».

Гинзбург, Арон (партийные имена: Альфа, Сергей, Леонид), родился 3 декабря 1878 года в Витебске. Был студентом Казанского университета. 30 августа 1900 года арестован в Витебске. В мае 1901 года его освободили под залог в 5.000 рублей. В феврале 1903 года сослан в Восточную Сибирь на 4 года, и снова его освободили под залог (15 тысяч рублей). В апреле 1903 года снова арестован и отправлен в Якутск. За участие в восстании («романовцев») (1904) получил 12 лет каторги. В 1905 году освобожден по амнистии. В 1905–1906 годах работал в Витебске. Во время сидения в тюрьме перевел Л. Эрити де «Историю французской революции 1848 года» и Эдуарда Бернштейна «Анатомию графики». В 1917 году принадлежал к плехановцам, жил в Витебске. Умер 30 ноября 1927 года в Москве.

Айсман, Иосиф, родился в 1878 году в Витебске. В первый раз арестован за агитацию среди кожевников в Самарканде. В последующие годы был одной из ведущих личностей у меньшевиков. Вместе с Гарви и Ермолаевым Айсман был избран в Центральный Комитет от партии в Лондоне (май 1907 года). Они категорически отказались сотрудничать с большевиками. Айсман принадлежал к направлению «ликвидаторов», писал в меньшевистских изданиях под псевдонимом Михайлов. В 1917 году был членом Совета рабочих депутатов в Москве и одним из лидеров меньшевиков. Умер в 1920 году.

Камермахер, Мордух (Кефали), печатник, родился в 1882 году. В первый раз арестован в 1900 году за принадлежность к «Бунду», после этого — в Минске. Принимал участие в С.Д. «Рабочее знамя», был сослан в Восточную Сибирь. Два раза бежал из Сибири (в феврале 1902 и в феврале 1903 годов), оба раза его ловили. В 1904 году принимал участие в восстании «романовцев». Получил 12 лет каторги. После амнистии 1905 года стал в Петербурге одним из лидеров профессионального союза печатников, редактировал журнал союза, снова был арестован и сослан. Бежал в Париж, Франция, где жил до 1917 года. В Февральской революции стал одним из лидеров профессионального движения, примыкал к большевикам в тюрьме. Был избран в заграничную делегацию меньшевиков, жил в Берлине, Париже и Нью-Йорке, писал в «Социалистическом вестнике». Умер в октябре 1943 года в Нью-Йорке.

Лурье, Гирш, родился в 1878 году (партийное имя: Альберт). В первый раз арестован в 1900 году. Позже сослан в Якутск, Восточная Сибирь. В 1904 году принимал участие в восстании «романовцев». Приговорен к 12 годам каторги. В течение многих лет был активен в «Бунде». На Пятой конференции «Бунда» после Февральской революции был избран в Центральный Комитет. Выпустил несколько книг, был секретарем еврейской секции Общества бывших политкаторжан в Москве.

Найдено 3.693 экземпляра революционных публикаций

30 августа 1900 года жандармы провели обыск у Арона Гинзбурга и у его сестры Шейны. При обыске они нашли 3.693 экземпляра различных нелегальных изданий. Это был транспорт литературы, который бундовский центр за границей прислал сюда. Этот транспорт литературы должен был быть распределен по разным городам. В связи с этим транспортом в Витебске произошли массовые аресты. Кроме Арона Гинзбурга, были арестованы следующие лица: Хия Абрамов (арестован во второй раз в 1902 году), Лейб-Арон Гершович, Рахиль Иешуа-Левиняк, Крейне Яффе, Малка-Рейза Каган (училась в университете, Швейцария), Авраам Лабас, Хана Розенфельд, Ицхак-Айзик Саскин.

Известные большевики, родившиеся в Витебской губернии

Розенгольц, Аркадий, родился в 1889 году, работал в Витебске в 1905–1909 годах, принадлежал к движению в Москве во время Октябрьской революции 1917 года. Занимал различные важные посты в комиссариате по иностранным делам, внешней торговле и т.д., также занимал партийные посты, был членом Ц.К.К. и т.д. В 1937 году был осужден на Московском процессе за оппозицию вместе с Пятаковым, Радеком и другими. Был приговорен к смерти и после процесса был расстрелян.

Бреслав, Борис (партийное имя: Захар), родился в 1882 году в Хариндаке, сапожник. В 1899 году вступил в «Бунд» в Витебске. В июне 1901 года был арестован за забастовку и сослан в Восточную Сибирь на 4 года. Бежал оттуда. В 1904 году стал большевиком. В 1909 году жил в Париже в окружении Ленина, посещал большевистскую партийную школу в Лонжюмо. В 1911–1912 годах был агентом в России от большевистского центра. В декабре 1912 года арестован, получил каторгу, которую отбывал в московской Бутырской тюрьме. После Октябрьской революции 1917 года занял пост председателя Витебского Совета рабочих депутатов. В 1918–1919 годах был председателем Московской ЧК, в 1930 году был представителем Наркомвнешторга во Франции и занимал другие государственные и партийные посты.

Грузенберг, Михаил, родился в 1884 году в Яновичах, Витебской губернии. С 1904 года — в эмиграции, с 1907 по 1918 год жил в Соединенных Штатах, издавал журнал на русском «Американский рабочий». В годы 1923–1927 — агент Коминтерна, сыграл большую и таинственную роль в революционных событиях в Китае, прославился под именем «Бородин».

ИЕГУДА БИННЕР | ОТ ПОАЛЕЙ-ЦИОН К СЕЙМИСТАМ (ВОСПОМИНАНИЯ)

1.

В 1901 году доктор Цви Гирш Брук (Григорий Яковлевич) был избран витебским «казённым раввином». В то же время он был очень активен в сионистском движении. Его публичные выступления всегда привлекали большую аудиторию, и среди его слушателей было много молодёжи. Доктор Григорий Яковлевич Брук по своему характеру был фолькистом (народником), питал большую любовь к широким еврейским массам и вообще был очень порядочным человеком. Доктор Брук уделял много внимания еврейской молодёжи, и она действительно сплотилась вокруг него. Он также был идишистом, очень любил еврейский язык (идиш). Он помог основать в Витебске сионистскую фракцию «Доршей-Цион», которая состояла из учащейся молодёжи.

В 1902 году в Витебск вернулся Гирш Закаим из Варшавы, где он учился (он родился в Витебске, его отец Ошеа Закаим имел в Витебске крупную торговлю железом). Он присоединился к «Доршей-Цион», но вскоре начал агитировать за «Поалей-Сионизм». Речи Закаима о марксизме, социализме и национализме вызывали у нас большой интерес. Для части слушателей это было тогда в новинку, ведь национализм — как Закаим любил подчёркивать в своих речах — вовсе не противоречит социализму; сионистские рабочие должны выделиться в отдельную партию «Поалей-Цион», которая помимо сионистской работы должна также заниматься социалистической работой: добиваться улучшения экономического положения еврейских рабочих и вести классовую борьбу на еврейской улице, даже если работодателями являются сионисты. Речи Закаима привлекали многих представителей еврейской учащейся молодёжи, как и меня из рабочей интеллигенции.

Летом 1902 года в Витебске была основана организация «Поалей-Цион». На её создание из Минска приехал товарищ И. Бергер, посланник минской организации «Поалей-Цион». Было созвано большое собрание, на которое пришли несколько сот человек, и товарищ Бергер произнёс программную речь. Собрание проходило на Замковой улице, в зале бракосочетаний возле городского театра. На этом собрании выступил и я, как и обычно выступал Закаим. Среди товарищей на этом собрании помнятся мне: Юдель Виленкин, Иозель-Довид Пескин, Шмерл Касин, Йелед Хавив, Моше Галаскер (младший), Эцем Хозак (Бейнфест), Нотке Левинталь и его брат Исраэль-Майер из Задвинья. Все это имена товарищей, которые позже были активны в организации «Поалей-Цион» и вели всю её теоретическую и практическую работу.

Организация «Поалей-Цион» за три года (к концу 1905 года) выросла примерно до 700 членов, а может и больше. Работа состояла из двух частей: теоретической и практической. Теоретическая часть вращалась вокруг следующих главных вопросов:

1. **Политическая борьба** — должны ли «Поалей-Цион» принимать участие в политической борьбе в России и бороться против самодержавия или нет, поскольку еврейский вопрос — утверждала часть — может быть решён только через территориализм.

2. **Палестинизм или территориализм** — может ли еврейский вопрос быть решён только путем концентрации на определенной территории? Вопрос заключался в том, должны ли мы бороться просто за территорию, где бы она ни находилась (например, Уганда), или же только за Землю Израиля (Эрец-Исраэль).
3. **Языковой вопрос** — за какой язык мы должны быть? За иврит или за идиш?
4. **Непролетаризация еврейских масс в черте оседлости**, и главное, что еврейские рабочие не могут войти в крупное производство.

Практическая работа заключалась в организации еврейских рабочих в профессиональные союзы (нелегальные), помощи им в борьбе за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы. Из-за этого мы старались связываться с другими рабочими организациями. Особенно во время забастовок нам приходилось координировать нашу работу с другими партиями в городе — социал-демократами и социалистами-революционерами, но главным образом с «Бундом», который был самой сильной еврейской рабочей организацией в Витебске. «Бунд» однако не хотел идти на объединение с нами, «Поалей-Ционистами», утверждая, что он является единственным представителем еврейского пролетариата. Это отнимало много времени и сил, пока удавалось наладить совместную работу.

Теоретическая работа велась почти исключительно своими силами.

Организовывались небольшие кружки по 15–20 человек, и в них направлялся докладчик. В кружках обсуждались все те вопросы, о которых я уже упоминал выше. Докладчиками были: Юдель Виленкин, Иоэль-Довид Пескин, Йелед Хавив, Нотке и Исраэль-Майер Левинталь, Бар-Левв Гинзбург и другие. Всей этой работой руководил комитет.

Практической работой руководили: Шмерл Касин, Бере-сапожник (Лapidус), Эцем Хозак и еще несколько человек. Главным пунктом сбора был дом Бере-сапожника, где у него также была мастерская. На праздник Ханука в 1904 году в доме Бере-сапожника состоялось собрание. На собрание пришёл гость из Екатеринослава — Матес Левушковский (он же «Батька», как его называли в еврейско-сионистских кругах). «Батька» был блестящим оратором для масс и пользовался большим успехом у публики. Для «Поалей-Цион» тогда уже острая дискуссия велась вокруг вопроса: Эрец-Исраэль или просто территория. В то время уже дебатировался вопрос об Уганде. И организации разделились на палестинцев и территориалистов.

В Минске на территориалистских позициях стояла группа интеллигентов, которая позже основала партию СС (Сионистско-социалистическая партия). Среди её основателей были: Шмуэль Нигер, В. Лацкий-Бертольди, Даниэль-Чернихов, Яков Лещинский и другие. Екатеринослав, наоборот, был оплотом палестинцев. Витебск поддерживал переписку с обоими городами — и с Минском, и с Екатеринославом. И вот из Екатеринослава, как я уже упоминал, прислали к нам Матеса Левушковского агитировать витебскую организацию за Эрец-Исраэль, и мы действительно остались палестинцами. Из Екатеринослава к нам в Витебск прислали также товарища Дода (Михеля Левитана), студента, очень разумного молодого человека. Тогда он говорил только по-русски, а позже перешел на идиш. Сам он был из колонии в Екатеринославской губернии. Он был прекрасным оратором и с полной отдачей работал с нами в Витебске зимой 1904–1905 годов.

В то же время в Витебск пришли Цви Овербук, позже известный под именем Александр Кашин (погиб в автокатастрофе в Нью-Йорке), и Зелик, меламед из Глубокого. Они пришли пешком прямо из ешивы к нам в Витебск и горячо включились в работу нашей организации, особенно Овербук, который был прекрасным оратором. Мне запомнилось одно большое народное собрание летом 1904 года, когда витебские евреи прощались со своим любимым лидером д-ром Бруком, который был мобилизован в армию. Его отправляли на Дальний Восток, где шла «счастливая» война с Японией. Собрание проходило на Офицерской улице в зале еврейской дешёвой кухни, и главным оратором был наш Овербук (Кашин). У него хватило мужества выступить на публичном собрании на идише, что тогда было строго запрещено полицией. Впечатление от этой речи было настолько сильным, а аплодисменты публики — столь громкими, что оратора несколько раз прерывали, и пристав прижимал его к стене, не разрешая говорить по-еврейски. Об этом собрании долго говорили в городе. Огромное впечатление произвёл на публическую массу д-р Брук, прощаясь с городом. Он действительно был богом одарённым оратором. Здесь следует отметить, что Брук был большим другом «Поалей-Цион» и очень нам помогал. В его канцелярии мы часто проводили свои заседания. Мы использовали его на каждом шагу. Его не долго держали в Вильно, где он пробыл несколько месяцев и работал военным врачом. В начале 1905 года он уже вернулся в Витебск и снова давал нам себя эксплуатировать.

На Пасху 1905 года мы провели большое общее собрание всех членов нашей организации «Поалей-Цион». Собрание состоялось в Прохоровском переулке в пустом доме. Собралось несколько сотен человек. Главным оратором был тогда Гирш-Хайим Закаим, который говорил пару часов. После него к нашему великому удивлению выступил д-р Брук. Он пришёл на наше нелегальное собрание очень поздно ночью... Говорил он тогда так искренне и горячо, с пафосом. Мы восхищались его мужеством прийти на нелегальное собрание и рисковать своей карьерой. Он занимал тогда должность раввина и мог вместе со всеми нами быть арестован, если бы на собрание совершили облаву.

Также мы отпраздновали 1 мая 1905 года с большим собранием в Большой Любавичской шule (синагоге). Мы собрались туда ещё в десять часов утра, и туда пришло несколько сот человек. Главным оратором был Йелед Хавив; выступали также Бар-Левв и другие. Собрание прошло гладко и без арестов.

Всё лето 1905 года до осени было у нас периодом очень интенсивной работы и прихода новых товарищей. Главными ораторами в кружках были: Йелед Хавив, Бар-Левв, Юдель Митланский, Шимон Альтшулер, Израэль-Иосеф Абрамс, Нотке и Израэль-Майер Левинталь и многие другие. Практической работе летом 1905 года отдавали себя: Бере-сапожник, Бар-Левв, Яков Альтшулер (Тушев), Шмерл Касин, Гиршл Корноф (Петиш), а также Бейнфест (Эцем Хозак) и другие. В то время к нам примкнул студент Матвеев, позже адвокат в Москве и еврейский общественный деятель там. Хороший оратор с хорошим аналитическим умом.

Тем летом мы подготовили большую забастовку всех приказчиков и торговых служащих города. Забастовка велась всеми социалистическими партиями, но главным образом «Поалей-Цион» и «Бундом». Забастовка увенчалась большим успехом.

Прежде чем соединиться с «Бундом», забастовка длилась 3–4 месяца. Я был в забастовочном комитете от нашей организации, и мне пришлось вести переговоры с «Бундом». Я очень хорошо помню, что в то лето я не спал ни одной ночи дольше 3–4 часов, пока мы не договорились между обеими партиями, «Поалей-Цион» и «Бундом», и они благословили забастовку. Забастовка прошла с большим идеализмом и за три-четыре дня была выиграна.

Теоретическая работа в то лето 1905 года ослабла. Главным образом потому, что наша интеллигенция разъехалась. Большая часть интеллигенции уехала в Базель на 7-й Сионистский конгресс, на котором разгорелась острая борьба вокруг Уганды. На этом самом конгрессе образовалась Территориалистическая партия, а сионистская партия раскололась. На этот сионистский конгресс в Базель поехали несколько наших товарищей: Дод (Михель Левитан), Левушковский, Шимон Добин и ещё несколько человек.

Этим конгрессом воспользовалась группа «Возрождение», которая на полупраздник Суккот 1903 года провела конференцию в Киеве. В этой конференции тогда приняли участие: Залман Абрамсон (Залман Двинский), Бен-Адир, Шимон Добин, Шмуэль Вейнцвейг, Моше Зильберфарб (Базин, у нас его называли товарищ Эзра), Альтер Яффе, В. Лацкий-Бертольди, Л. Мандельберг, Владимир Фабрикант, Беня Фридлянд, М. Б. Ратнер и Нахум Штиф (Баал-Дмион, у нас его называли товарищ Марк).

На этой конференции был заложен фундамент для будущих основополагающих принципов партии СС (Еврейская социалистическая рабочая партия), где выступили против пессимистической теории «Поалей-Цион» и позже противопоставили ей концепцию автономии (отсюда и название «Возрождение»). На той же конференции было решено издавать теоретический орган под названием «Возрождение». В редакцию были избраны Бен-Адир, М. Б. Ратнер и В. Фабрикант.

В этом органе работали в основном Бен-Адир, Моше Зильберфарб, Хаим Житловский, В. Фабрикант и М. Б. Ратнер. В «Возрождении» была также напечатана статья Моше Литвакова (под псевдонимом М. Сименович) и Ш. Нигера — корреспонденция из Минска. «Возрожденцы» всё время вели борьбу против «отрицания галактики» (отрицания диаспоры), как в брошюре с таким названием; всего вышло 4 номера этого журнала.

Группа «Возрождение» состояла сквозно из интеллигенции. На первых порах им было очень трудно привлечь рабочих к своей новой теории. В Минске, например, благодаря агитации Израэля Ефрозикина и М. Раскина время от времени туда приезжал и В. Фабрикант. Тем не менее им за несколько месяцев усиленной работы удалось привлечь только одного рабочего — Гиршла-сапожника (Гиршл Альперин), которого называли «Гиршл — масса». Это означало, что вся масса состояла из одного Гиршла.

«Возрожденцы» вышли на еврейскую улицу немного поздно, когда еврейские рабочие уже были организованы в различные партии, такие как СС, «Поалей-Цион», «Бунд». Кроме того, еврейские рабочие в то время были организованы и в российские партии — социал-демократы, социалисты-революционеры и в другие партии, такие как польские, литовские, латышские социалистические партии, когда «возрожденцы» вышли на еврейскую улицу со своим учением и своим мировоззрением, у них уже не

было еврейских рабочих, потому что то время уже было насыщено первой русской революцией 1905 года, которая увлекла широкие массы и привлекла их в различные революционные партии. «Возрожденцы» пошли по другому пути, по пути интеллигенции: они начали объединяться с лидерами СС и «Поалей-Цион». У них при этом расчёте было то, что они убедят лидеров этих партий в своих принципах и тогда вместе с ними им будет легко переманить и массы от партий к себе. И они взялись за работу. Вскоре им удалось переманить к себе нескольких важных интеллигентов, таких как Михл Левитан, Юде Новаковский, который до этого работал в СС, Матес Левушковский, Исраэль Ефрозикин, З. Калманович и ещё нескольких.

На Базельском конгрессе в 1905 году, как мы уже упоминали ранее, были несколько витебских поалей-ционистов. Мы ждали от наших товарищей, что они приедут дать нам отчёт с конгресса, но никто не приехал. Закаим и Юдель Виленкин были не в городе. Вскоре, в конце лета, подходили праздники, а мы не знали причину, почему никто из наших лидеров не находится в городе.

Позже приехал Юдель Виленкин. Он был на поалей-ционистской конференции в Екатеринославе, созванной в конце сентября 1905 года. О том, что эта конференция приняла новую программу «Возрождения», Виленкин не сказал нам ни слова. Виленкин только сказал нам, что к ежегодному празднику в честь основания нашей витебской организации «Поалей-Цион» приедут из Екатеринослава Михл Левитан (Дод), и он попросил нас позаботиться в то время о квартире, где мы могли бы отпраздновать праздник с большим массовым собранием от 500 до 600 человек. В те нелегальные времена это была нелёгкая задача. Тем не менее мы взялись за работу и нашли такое помещение. Мы устроили торжество в центре города в большом зале, где обычно сдавались помещения для богатых свадеб. Это был Мадельс-зал для свадеб на Канатной улице. В последний день праздника Суккот, вечер Симхат-Тора, в этом зале собралось около 600 членов на праздник дня основания организации «Поалей-Цион». На это собрание пришли все наши руководящие кадры организации: Юдель Виленкин, Йелед Хавив, Юдель Митланский, братья Левинтал, братья Калфин, Песя Закаим, сёстры Гирша Закайма (Гирш Закаим как раз находился не в городе), братья Шнеем-Эхад, Янкель-сапожник, Моринсон, Бар-Левв и многие другие.

2.

Михл Левитан пришёл на собрание с гостем, который в первый раз приехал к нам в Витебск — человеком с красивой бородой, выглядевшим как раввин, а не как лидер революционной партии. Его представили под именем товарищ Майер. И этот товарищ Майер взял первое слово и говорил не слишком долго, около получаса, не больше. Он очень красиво и складно рассказал нам, что мы должны бороться за национальную автономию, которая должна называться Сеймом, в отличие от бундовской культурной автономии; это значит, что мы принимаем участие в политической борьбе на улицах и требовании полной национальной автономии, как и «Бунд», не только культурной, а полной автономии во всех вопросах, затрагивающих еврейский народ. Его речь очень увлекла нас. Он говорил красиво, тихо, спокойно, на очень красивом языке и на чистом идише объяснил нам всю теорию Сейма. Вслед за ним сразу же выступил Михл Левитан и обосновал теорию «Возрождения», резко выступил против СС с их теорией

не-пролетаризации. Он камня на камне не оставил от отрицания диаспоры, и лишь несколькими словами упомянул, что наша конечная цель — территориализм.

На этом собрании больше никто не выступал. Юдель Виленкин закрыл собрание, которое закончилось поздно ночью. Публика была увлечена новой теорией, которую Юдель Виленкин с Михлом Левитаном принесли через гостя с раввинской бородой — Иуду Новаковского (товарищ Майер). На следующий день публика проснулась и принялась спрашивать: что здесь произошло? где мы находимся в мире? что это за новая теория Сейма? Стали обращаться к Юделю Виленкину и просить его объяснить, что здесь произошло?

У нас начались дискуссии между нами и товарищами Михлом Левитаном и Юдой Новаковским. Из наших домашних товарищей выступали против них Йелед Хавив, Юдель Митланский и еще другие. В конце концов победили Левитан с Новаковским. И мы приняли «Отречение» — приняли теорию «Возрождения» и программу Сейма. Только после этого началась работа среди масс.

Тем временем в октябре 1905 года начались большие забастовки по всей России. Не ходили поезда, отключился телеграф. Нельзя было проехать из одного города в другой. Начались публичные выступления на улицах, а также в публичных местах. Наша организация почти непрерывно имела ораторов Левитана и Новаковского. Нам действительно нечего было стыдиться.

Товарищ Майер Новаковский сразу же взялся за реорганизацию организации нашей партии — вместо мелких кружков он разделил всю организацию на четыре группы по признаку возраста. В каждой группе было не менее ста членов, были однако и такие, где одна или две группы насчитывали более двухсот членов. Я помню, что самая молодая группа назвалась «Будущее», старшая назвалась «Борьба». Наша партия росла с каждым днём.

Новаковский вообще был очень дорогой человек, у него было тонкое перо, был также хорошим оратором. К 18 годам он уже имел раввинскую смиху. В 1913 году, когда в Киеве проходил процесс Бейлиса, он был при московском раввине Я. Мазе правой рукой при составлении защиты. Он был так же силен в Талмуде и Поским, как и в заправском святом еврее. Было удивительно, как он тогда в Витебске, при создании организации Еврейской социалистической рабочей партии (Сеймистов), принимал участие в каждом практическом вопросе, вмешивался в каждую мелочь, давал нам советы, которые всегда оказывались к месту; и мы действительно от него сильно учились. В течение тех 3–4 месяцев, что он находился в Витебске, он не знал покоя ни днём, ни ночью, работая на организацию. Каждый вечер он где-то выступал: на собрании, читал реферат или участвовал в заседании.

Когда железнодорожная забастовка окончилась и мы начали получать письма, мы узнали, что и поалей-ционистские организации в других городах — Екатеринославе, Бердичеве, Вильне, Двинске, Полоцке — приняли платформу «Возрожденцев». Позже, когда дело дошло до разговоров о новой платформе «возрожденцы» стали жаловаться, что ни в одном другом городе им не удалось так легко убедить публичную массу в своей теории, как в Витебске. На Витебск они положили больше сил, чем на все остальные города. Недаром пишет Моше Зильберфарб в своих воспоминаниях,

что «работа в Д. [Витебской] группе шла вовсе не гладко. Напротив, она натолкнулась на логическое и психологическое сопротивление со стороны массы» («Социалистический территориализм», стр. 75).

И на самом деле Витебск не так легко дался. В конце 1905 и начале 1906 года наша витебская организация охватила почти всех лидеров сеймистов. К нам приехал товарищ Эзра (Моше Зильберфарб-Базин). Он пробыл у нас довольно долгое время и сблизился с нами. Он выступал на публичных собраниях, где его принимали с его спокойным, тихим голосом, но он умел убеждать людей своими речами в идеи территориализма. Когда Зильберфарб приехал к нам, он ещё не говорил по-еврейски на публичных собраниях. Я помню, как на закрытом собрании группы «Борьба» он попросил, чтобы ему разрешили выступить на русском языке вместо еврейского, как он делал раньше. Он также попросил, чтобы не смеялись над его волынским произношением, и если вдруг он выразится не совсем верно, то пусть его поправят. Прошло не так много времени, и он уже начал выступать по-еврейски. За короткое время он выучился говорить на красивом идише — как на публичных собраниях. Зильберфарб сам рассказывает об этом: «Я сам понял, что если я не буду выступать на идише, то у меня и слова не вытянешь. Кроме того, у меня была тоска, что с моим волынским диалектом на идише я буду делать дыры в ушах витебской массы... Я всё говорил на русском и не смел приблизиться, чтобы сквозь эти подробности установить стену между мной и массой» («Социалистический территориализм», стр. 76).

Израэль Ефразикин (Александр) приехал к нам в октябре 1905 года. Свою первую речь он произнёс в Задвинской синагоге. Там же сразу принялись организовывать в городе самооборону. Собрали большую сумму денег. Направили список к богатым евреям и наложили на них налог; все они почти без всяких исключений внесли назначенные суммы. За эти деньги мы купили браунинги (револьверы). Александр очень помогал организовывать самооборону, а также собирать эти деньги.

В конце 1905 года к нам пришли Миша Раскин из Москвы и Зелик Калманович (с прозвищем «Турок»). Почему его называли «Турок»? Как-то раз, после того как собрание закончилось поздно ночью, все были очень голодны, и по дороге назад мы зашли в турецкую пекарню перекусить. Дасман (владелец пекарни) стал о чём-то спорить с хозяином пекарни, и Калманович начал говорить с хозяином пекарни по-турецки — о вагонах. За это ему и дали прозвище «Турок».

Миша Раскин и Израэль Ефразикин почти каждую пятницу вечером выступали на наших публичных митингах, которые обычно проходили в Большой Любавичской шуле. Но однажды в конце февраля 1906 года на такой митинг «в гости» пришла полиция, разогнала митинг и арестовала всю публику. Но Ефразикину удалось уйти через заднюю дверь, и он не был арестован. Старый Моринсон поручился перед полицмейстером, и через несколько дней отсидки в аресте почти всех освободили.

Той же зимой к нам приехали товарищи Бен-Адир и Нахум Штиф (товарищ Марк). Бен-Адир на публичных собраниях не выступал, а Нахум Штиф выступал с рефератом для товарищей по партии. Как раз в то же время в Витебск приехал активист «Поалей-Цион» Бер Борохов. Он приехал к нам в Витебск со специальным поручением — сохранить старую организацию «Поалей-Цион», точнее сказать, спасти организацию.

Но ему это не удалось. Против него выступил Нахум Штиф. Бер Борохов уехал ни с чем.

Той же зимой к нам приехали В. Лацкий-Бертольди и Даниэль-Чернихов. Они стояли во главе партии СС (сионистов-территориалистов). Они старались переманить нас на сторону своей партии. Против них выступали главным образом товарищи Майер (Иуда Новаковский) и Эзра (Моше Зильберфарб). Чернихов и Лацкий-Бертольди пробыли у нас несколько недель, но никакой организации СС им организовать так и не удалось. Те дискуссии я никогда не забуду. Насколько интересными они были, настолько же красивыми по форме и содержанию; кто бы из них ни говорил, всё приковывало аудиторию. Все четыре товарища уже находятся в мире ином, да будет память о них благословенна. Даниэль-Чернихов погиб как святой мученик; он был застрелен большевиками в начале Второй мировой войны.

В апреле 1906 года в Киеве состоялся учредительный съезд нашей партии. На съезде был избран Центральный комитет. Доклад о съезде нам дал Нахум Штиф, который сразу после этого приехал в Витебск.

Около Шавуота 1906 года к нам пришёл Шимон Добин. Его прекрасные речи и его душевность произвели на нас глубокое впечатление. В том же 1906 году начал выходить наш партийный журнал «Ди фольксштимме» («Голос народа»). В самом первом номере (от 1 декабря 1906 года) была напечатана большая статья Хаима Житловского — «Письмо от еврейского социалиста», которая произвела на всех нас огромное впечатление.

В конце 1906 года д-р Хаим Житловский сам приехал к нам в Витебск. Но он уже не мог выступать на публичных собраниях, так как тогда в России уже свирепствовала реакция. Он выступал только для активных деятелей партии и для выбранной группы интеллигенции. Тогда уже велась подготовка к выборам во Вторую Государственную думу.

Наша партия участвовала в выборах во Вторую думу. В Витебске мы выдвинули кандидатуру д-ра Хаима Житловского. Мы вели сильную кампанию за своего кандидата, но сам Житловский не мог принимать участия в предвыборной кампании. Из Петербурга пришло распоряжение, что его нужно арестовать. Всей избирательной кампанией руководил Израэль Ефросикин. Д-р Григорий Брук и Ш. Ан-ский, который тогда жил в Витебске, также очень сильно работали за его кандидатуру. Житловский получил большинство голосов и был избран выборщиком за г. Вильно (Вильнюс), но его кандидатура была кассирована по приказу из Петербурга.

Летом 1906 года к нам приехал М. Б. Ратнер и выступил с публичным рефератом о главных принципах нашей партии. Его реферат заинтересовал почти всю еврейскую интеллигенцию. Реферат он читал по заранее подготовленному тексту. Каждое слово было взвешено и обдуманно. М. Б. Ратнер произвёл на всех огромное впечатление.

В 1907 году в Финляндии состоялся съезд национально-социалистических партий, которые положительно относились к национальному вопросу. Съезд должен был рассмотреть вопрос о национальной и территориальной автономии в России. И если можно, разработать общую национальную программу и создать необходимые

организационные формы для общего объединения партий. Наша партия участвовала в этом съезде. Доклад о работе съезда нам в Витебске дал Исраэль Ефрозикин.

Всё лето 1907 года Исраэль Ефрозикин провёл у нас в Витебске. Реакция тогда уже господствовала повсюду. Партийная работа в городе была почти полностью парализована. Активен был в то время ещё только студент Шимон Альтшулер. Главные лидеры организации уехали или остались пассивными.

Зимой 1908 года к нам пришёл товарищ Бенедикт (Берн); он происходил из Курляндии (Латвия), говорил полу-по-еврейски, полу-по-немецки. Его задачей было подготовить и организовать конференцию нашей партии. В конференции участвовали активисты с мест вместе с нашим Центральным комитетом. Мы собирались вместе с д-ром Бруком, и он разрешил нам проводить наши заседания в его канцелярии, которая находилась при Задвинской шуле. Товарищ Бенедикт встречал приезжавших из других мест товарищей на вокзале и отводил их на заранее определённые квартиры. Большинство товарищей уже бывали раньше в Витебске и знали город, но некоторые были новыми, теми, кто ещё никогда у нас не бывал. Среди новых товарищей были Владимир Фабрикант и ещё один товарищ из Екатеринослава — д-р (Абрам Ефребоим). Приехали на конференцию и прежние избранники: Моше Зильберфарб, Бен-Адир (Абрам Розин), Иуда Новаковский, Шимон Добин, Миша Раскин, Михл Левитан и другие. Но Штиф и Ефрозикин не смогли приехать.

В конференции участвовал также Саша Рабинович, позже известный адвокат. Он был одет в форму студента Петербургского военно-медицинского института и выглядел прямо как военный человек. Вообще он был похож больше на гоя, чем на еврея. Первая заседание, насколько мне помнится, состоялось в пятницу во второй половине дня. В 7–8 часов вечера все разошлись по своим квартирам. Казалось, всё прошло спокойно, хорошо и ладно. Мы были уверены, что конференция закончится без всяких помех. Но в субботу на рассвете к нам домой пришла полиция, устроила обыск и арестовала меня. Когда меня привели в тюрьму, было уже семь часов. Пока я проходил процедуру в тюремной канцелярии, стало уже восемь часов утра. В это же время привели и Бен-Адира. Когда я его увидел, у меня «посветлело» в глазах. Понятно, что мы между собой не разговаривали. Мы держались так, будто вовсе не знаем друг друга. Полковник из охранки, который допрашивал нас при аресте, очень хотел знать, были ли мы знакомы.

Когда меня ввели в камеру, я нашёл там весь наш Центральный комитет: Моше Зильберфарб, Шимон Добин, Миша Раскин, Михл Левитан, Владимир Фабрикант, Бенедикт. Последним ввели Новаковского. Я как раз стоял у двери, когда его вводили в камеру. Новаковский громким голосом по-русски сказал мне, так чтобы надзиратель слышал: «Ну, и самого раввина сюда привели».

В камере было страшно тесно. В одной комнате находилось около 70 человек. Позади нашего народа там уже находились важные деятели из социалистов-революционеров, социал-демократов и несколько бундистов. Там был и наш старый Шахнович, который попался с нелегальной типографией партии социалистов-революционеров.

Абрам Ефребоим, екатеринославский товарищ, в субботу утром уехал, и этим самым избежал ареста. Саша Рабинович остался в городе, но его почему-то не арестовали.

Лишь спустя несколько лет мы узнали, почему он остался на свободе. Всё время он прогуливался по городу в своей студенческой форме. У него, понятно, не было никакого страха. Причину мы узнали намного позже.

Наша камера вскоре превратилась в университет. Уж со первого дня нашего ареста там проводили заседания, а день был разделён между лекциями и рефератами, которые читались социалистами-революционерами, социал-демократами, бундистами и нашими товарищами. Как раз с нами сидел Моше-Лейб Гинзбург (сын банкира) — студент Московского университета, социалист-революционер, важный человек в партии, максималист. Он дискутировал с нами о национальном вопросе. Как раз тогда выпадало 25-летие со дня смерти Карла Маркса, и все говорили о Марксе. Все эти речи у меня запечатлелись в памяти, и я их никогда не забуду.

Через несколько месяцев меня освободили. Едва я переступил порог своей квартиры, как Саша Рабинович пришёл ко мне в дом и расспрашивал меня со всеми подробностями о ходе вызовов в тюрьме и что мы отвечали. Тогда ещё никому из нас не приходило в голову думать, что это он сам нас выдал.

Некоторых из товарищей выслали, другие сменили паспорта с тем, чтобы уехать из России, и они уехали в Вену, Австрия. В Вену в то время уехал и М. Б. Ратнер. Ему тоже пришлось уехать из-за различных причин. Там жили и активисты из социалистов-территориалистов, такие как Лацкий-Бертольди, Шац-Анин и др. Наши товарищи пытались там вместе с нами влиять на то, чтобы продолжить нашу партийную работу. Но это было совершенно невозможно. Реакция и «чёрная сотня» уже тогда сильно подняли голову и всё разгромили. Многие из наших товарищей разъехались, другие стали пассивны. Никаких энтузиастов не осталось и в Витебске.

В 1909 году снова приехал в Витебск Исраэль Ефрозинкин. Это было летней порой. Он пробовал кое-что сделать, но ему не удалось. Наша организация в Витебске распалась. Из старой гвардии осталось не больше 20–30 товарищей, которые всё ещё держались вместе. Мы всё ещё поддерживали связь с Екатеринославом через Милку (Хмельницкого), портного. Нам всю зиму 1909–1910 годов помогал товарищ Абрам Ефребоим, которого полиция выслали из Екатеринослава. Ему удалось добиться у полиции разрешения, чтобы его выслали в Витебск. Он должен был каждые три дня отмечаться в местной полиции.

Летом 1909 или 1910 года к нам пришёл наш товарищ Лейзер Калфин и принёс газету с вестью, от которой у нас прервалось дыхание: Саша Рабинович оказался провокатором! В газете подробно рассказывалось об этом. И тут у нас встал вопрос, не он ли в 1908 году предал нашу конференцию? Мы начали анализировать все факты нашего ареста, пришли к выводу, что нет никакого сомнения в том, что это была его работа. Пусть его имя, Рабинович, стрётся из памяти, продал нас ни за грош!

Наша конференция не состоялась, а лучшие наши товарищи не были сосланы и им не пришлось покидать Россию. Единственным товарищем, которого не выслали, был Моше Зильберфарб. Ему удалось вырваться из их рук. Его поместили в городскую больницу, где он пролежал пять месяцев, пока его не освободили. Я ходил к нему каждую субботу после обеда и беседовал с ним несколько часов. Только тогда я по-настоящему оценил его величие, его преданность и заинтересованность в наших

национальных и политических вопросах. Он уехал из Витебска в конце 1908 года и больше уже с нами в Витебске не был.

В 1908–1909 годах, когда в Петербурге было основано Еврейское литературное общество, мы, оставшиеся товарищи в Витебске — Бар-Левв, Лейзер Калфин, Нахум Лифшиц и ещё несколько человек, при помощи д-ра Брука открыли отделение этого общества, и началась большая культурная работа. Главными деятелями в этом обществе были наши товарищи. К нам тогда принесли и прочитали рефераты лучшие представители нашей интеллигенции. Первым к нам пришёл Авраам Рейзен. В 1910 году пришёл Нахум Штиф, он пробыл у нас 4–5 недель. Он в Литературном обществе прочитал реферат о языковом вопросе. Штиф уже тогда был убеждённым идишистом. И в узком кругу — это было в доме у д-ра Брука — он прочитал написанную им работу под названием «Национальная идея». Также другой реферат он прочитал, я не помню его точного названия, но тоже о национальном вопросе. От нас он поехал в Вильно. Там он пробыл несколько месяцев в библиотеке Страшуна, где занимался различными исследованиями.

В 1911 году я был в Ровно, навестил его несколько раз. Там он тоже был сильно занят изучением еврейской филологии. В Ровно я также встретился с Моше Зильберфарбом. В том же году я был и в Киеве. Там я встретился с Михлом Левитаном и Шимоном Добиним. Они тогда руководили нелегальной еврейской детской школой для девочек в Демиевке, предместье Киева. Мне трудно передать то впечатление, которое эта школа на меня произвела. Как раз выпадало 1-е мая. Шимон Добин объяснял детям значение Первомая и его значение для еврейского рабочего.

В Киеве я также встретился с Новаковским. Он был тогда управляющим в бюро одной сахарной фабрики. По вечерам он занимался написанием статей на общественные темы. Никакой партийной работы в Киеве он не вёл.

Осенью 1912 года я жил в Риге. Там тогда развернулась большая культурно-просветительская борьба на еврейской улице, главная суть которой заключалась в вопросе «идиш — иврит». Эта борьба началась ещё после Черновицкой конференции в 1908 году, где идиш был провозглашён национальным языком.

После Черновицкой конференции наши товарищи включились в культурную работу и борьбу за идиш. В Риге тогда существовали два культурно-просветительских общества: одно — гебраистское, там работали сионистская интеллигенция, общество назвалось «Иврия». Другое общество называлось «Кармель», его направление было идишистским. Вокруг «Кармеля» сгруппировались сеймисты, бундисты и радикалы, которые боролись за идиш. По моему предложению общество «Кармель» пригласило нашего Михла Левитана прочитать реферат о языке преподавания в школах. Понятно само собой, что Левитан был за идиш в школах. Тогда было не так-то легко приехать в Ригу, потому что Рига находилась вне Черты оседлости и обычным евреям там не разрешалось жить. То, что он пробыл в Риге, он прожил у меня в доме. Его реферат в «Кармеле» привлёк огромную публику. Говорил он очень красиво. Все мы слушали его с величайшим вниманием. Рядом со мной сидел Анохи, автор «Р' Абба»; он несколько раз перебивал меня: «Как красиво он говорит и как глубоко обоснованы его тезисы».

В конце 1916 года, в самый разгар Первой мировой войны, я был по дороге в Харбин, на Дальнем Востоке. Я остановился на несколько дней в Петербурге. Там тогда жили наши товарищи: Моше Зильберфарб, Нахум Штиф, Исраэль Ефрозикин и Бере-сапожник (Бере Лapidус). Я со всеми ними виделся. Они тогда работали в Литературном обществе. Там работали также писатель-историк Исраэль Цинберг и Шмуэль Нигер. Нахум Штиф тогда много писал по языковому вопросу. Моше Зильберфарб был занят в ЕКО (Еврейское колонизационное общество), Нахум Штиф — в ЕКОПО (Комитет помощи евреям, пострадавшим от войны, а также беженцам, выселенным из прифронтовой полосы). Мы тогда говорили о преследованиях евреев в России, о запрете писать на идише, даже частные письма запрещалось писать во время войны. Также еврейские газеты не разрешалось издавать. Затронутые темы о войне мы в наших разговорах не обходили. Интересно отметить, что Нахум Штиф тогда сказал: «И всё-таки мы должны молить Бога, чтобы Россия выиграла войну, а не Германия». Он всё предвидел, что произойдёт с еврейским народом, если Германия выиграет войну. Моше Зильберфарб тоже был согласен с мнением Штифа. И это наши товарищи говорили в то время, когда еврейская пресса в Америке и других странах хотела, чтобы только Германия выиграла войну и нанесена была поражение России.

Февральская революция застала меня в Харбине. Я был мобилизован в армию, и меня туда отправил Всероссийский союз городов для интересов войны. Я считался специалистом по сырью. Из Харбина я отправил много сырья на фабрики в Россию для сапог для армии.

Из Харбина я переписывался с товарищем Бере-сапожником и знал обо всём, что происходит у наших товарищей. Тогда разворачивалась большая работа по подготовке Петербургского Всероссийского еврейского съезда. В этой подготовительной работе наши товарищи принимали большое участие, особенно Ефрозикин. Съезд этот, однако, не удалось созвать — большевики захватили власть.

Летом 1917 года я получил письмо от Моше Зильберфарба. Он писал мне, что в Москве состоялась конференция нашей партии и на ней обсуждался вопрос об объединении с партией СС. Он также просил меня о материальной помощи для нашей партии. Я отправил ему две тысячи рублей. В то время это была ещё сумма денег. В то же лето я получил письмо от Штифа. Он писал мне, что создаётся Еврейская народная партия. У истоков этой партии стоят Исраэль Ефрозикин, Нахум Штиф, Лацкий-Бертольди, Даниэль-Черников, Калманович и другие. Он подробно познакомил меня с принципами новой партии и причинами, которые привели к её созданию.

Также Лейзер Калфин написал мне о том, что произошло на нашей конференции в Москве. Он попутно сообщил мне, что Шимон Добин вышел из нашей партии и перешёл в «Бунд». Также наш витебский товарищ Бар-Левв перешёл в «Бунд».

Из еврейской прессы я узнал о предстоящем объединении нашей партии с СС и о том, что вся работа Объединённой партии перенеслась в Киев. И именно в Киеве была создана большая партийная газета и издательство.

Из прессы я также узнал, что Моше Зильберфарб назначен министром по еврейским делам в Украине.

Некоторое время я ещё мог поддерживать переписку с некоторыми товарищами. Но вскоре, после большевистского переворота в октябре месяце, я оказался отрезан от России, и моя связь с товарищами была прервана.

Когда Ефрозикин приехал в Париж и работал в Комитете еврейских делегаций, я узнал об этом из американской еврейской прессы. Я снова с ним связался. С тех пор мы время от времени поддерживали переписку по поводу некоторых еврейских общественных дел. Я на Дальнем Востоке руководил миграцией беженцев, жертв Первой мировой войны. Я был председателем Харбинского «ХИАС» в течение пяти лет. И когда мне приходилось обращаться к Ефрозикину по важному общественному делу, он мне всегда помогал. Своей помощью он принёс много пользы нам в работе на Дальнем Востоке.

ГИРШ КЛЕЙН | СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ВИТЕБСКЕ

Организация социалистов-революционеров (эсеров) в Витебске, возникшая в начале XX века, накануне первой русской революции, имела глубокие идеологические корни в предшествующий мирный период революционного движения. В 70-х годах XIX века, когда русская молодёжь «шла в народ» и несла идеи освобождения и социализма перед ошарашенной крестьянской массой, когда революционные организации «Земля и воля» (Замля и воля) и затем знаменитая организация «Народная воля» (Народная воля) вели упорную террористическую борьбу против царского самодержавия — не мало еврейских революционеров оказались втянуты в эту борьбу. Уже тогда Витебская губерния не осталась, к сожалению, в стороне от этого движения. У нас нет конкретных фактов о влиянии «народнической» идеологии в Витебске, но известно, что в соседних местах, в Смоленской и Могилёвской губерниях, были настоящие святыне этого движения того времени. Известно также, что в нескольких местах поблизости от Витебска властные органы разгромили участников движения.

В Витебске и окружающих его городах и местечках деятельность и идеология революционеров-кружковцев также успела оказать определённое влияние на местную молодёжь в 80-х и 90-х годах XIX века. Имена Желябова, Перовской, Гельфман и Лева Гартмана буквально почитались революционно настроенной молодёжью, которая была охвачена их героизмом и мечтала о тихих героях из провинции, которые проложат путь к новому и лучшему миру. И вне всякого сомнения, Ш. Ан-ский (Шломо Раппопорт), Хаим Житловский, Саломон Гурвич и другие, кто позже принимал активное участие в освободительном движении, сформировались под влиянием народнической традиции в революционном движении, как их идеологами были Лавров, Михайловский и другие. Собственно говоря, можно сказать, что эта народническая традиция была первой, связавшей витебскую молодёжь, и главным образом еврейскую молодёжь, с тем новым миром, который сеял семена свободы и социального равенства.

Когда о русских марксистах ещё ничего не было слышно, когда идея социал-демократии, «Бунда», в России ещё даже не родилась, в Витебске уже делались первые шаги будущего революционного движения, принявшего на заре XX века форму

партии социалистов-революционеров. Мы знаем, что в то время происходили аналогичные события и в других городах: в Вильно, где существовал кружок народновольцев, к которому примыкали Чарльз Раппопорт, Исай Айзенштадт (будущий бундист) или в Прилуках, где действовал будущий эсер Яков Юделевский. Хаим Житловский и Ан-ский, имевшие огромное идеологическое влияние на целые поколения русской и еврейской революционной молодёжи, могут считаться прямыми носителями народнической традиции в Витебске, прямолинейными предвестниками местного движения социалистов-революционеров. История местной эсеровской организации в Витебске, несомненно, связана с тем наследием, которое Хаим Житловский и Ан-ский в свои молодые годы передали более молодым поколениям.

Первое сообщение о том, что в Витебске создана организация партии социалистов-революционеров, было опубликовано в центральном органе партии «Революционная Россия» (№ 37 от 1 декабря 1903 г.). Оттуда становится известно, что витебская группа социалистов-революционеров совместно с местным "Политическим Красным Крестом" выпустили совместный призыв против политических преследований и призыв о помощи. 1 января 1904 года в том же журнале (№ 39) была напечатана первая корреспонденция из Витебска о положении местных рабочих, занятых на лесопильных заводах за Двиной. В этой же корреспонденции мы находим сведения об организации и о первых шагах эсеров в Витебске.

זלמן סקארעבאגאטאוו דערשאסן געווארן
אין 1906 אין תפסה.

ציפקע סאפרא פארוואונדעט געווארן אין
1905 בעת אַ דעמאנסטראציע.

סאלאמאן שיף

«В начале августа 1903 года — читаем мы в корреспонденции — создалась в Витебске группа социалистов-революционеров, которая начала вести пропаганду среди рабочих, учащейся молодёжи и солдат. Группа организовала несколько собраний, на которых ораторы знакомили слушателей с программой партии социалистов-революционеров. Она также распространила забастовочные листовки на фабрике... Полиция и жандармы были поставлены на ноги. Шпионаж укрепился, но не принёс никаких результатов. Усиленная охрана продолжается уже год. И не без причины! Несмотря на то, что наш город не такой уж большой и у нас почти нет фабрик, у нас существуют две социалистические организации: социалисты-революционеры и Бунд, а также кружок искровцев. 500 человек находятся под полицейским надзором...»

Интересный отчёт о деятельности витебской группы эсеров мы читаем в «Революционной России» (№ 41 от 15 февраля 1904 г.):

До того как организовались социалисты-революционеры, в городе существовал только комитет «Бунда», который работал исключительно среди еврейских рабочих. Русские рабочие, крестьяне, учащаяся молодёжь и вообще общество оставались совершенно вне сферы влияния революционных идей; бундовская литература не была приспособлена к потребностям нееврейской массы. По этой причине несколько человек занялись транспортировкой нелегальной литературы. Они связались с издавшей её организацией социал-демократов и эсеров. Главное ядро эсеровской организации — группа людей, проводившая массовые сходки, где дебатировались программы ранее упомянутых партий. На эти собрания приходили как сознательные рабочие из «Бунда», так и несознательные рабочие вообще. Многие сознательные рабочие-бундисты ознакомились таким образом с программой социалистов-революционеров, приняли её и заложили основу для витебской группы.

В октябре 1903 года группа выпустила листовку «К рабочим» (1000 экз.) о забастовках на юге России. Прокламация призывала к забастовке и борьбе против самодержавия. Руководимая забастовкой эсеровская организация... В ноябре была распространена прокламация о создании организации среди политического «Красного Креста». Общественность отнеслась к этому очень хорошо. В том же месяце вышла и хорошо распространилась листовка «К солдатам», которая произвела хорошее впечатление на солдат и общественность. С этого времени группа укрепилась благодаря учащейся молодёжи и началась агитация в деревне. Кроме прокламаций, группа распространила ряд брошюр и 150 экземпляров «Революционной России». Доходы составили 500 рублей.

В апреле 1904 года состоялась региональная конференция, образовавшая Северо-Западную организацию партии эсеров. Витебская группа имела делегата на этой конференции и вошла в эту региональную организацию.

Во второй половине 1904 года, особенно после удачного покушения 15 июля на министра Плеве, царевубийцу, организация социалистов-революционеров стала очень популярной. Организация разрослась, связи с еврейскими и нееврейскими рабочими укрепились. Эсеровская группа развила весьма энергичную деятельность. С началом

революции 1905 года социалисты-революционеры организовали нелегальную типографию, которая часто выпускала прокламации. В январе 1905 года началась голодовка забастовщиков в Витебской тюрьме. 4 января эсеровская группа выпустила листовку «Ко всем» (в 3000 экз.) по поводу этой голодовки. Произошли аресты. До 20 человек были схвачены полицией и избиты.

В начале 1905 года был создан Витебский рабочий союз при Северо-Западной организации партии. По этому поводу партия опубликовала отдельную листовку «Ко всем трудящимся». Вскоре после этого, в ночь с 29 на 30 апреля, жандармерия накрыла нелегальную типографию и арестовала трёх человек. Кроме того, были арестованы ученик гимназии Левинсон и рабочий Фридсон.

Террористическая деятельность социалистов-революционеров в Витебске развернулась особенно летом 1905 года. 17 июня боевая группа витебского комитета убила пристава 2-й части города Кудрявцева за жестокое избиение арестованного революционера. Об этом покушении было опубликовано специальное сообщение комитета. 14 июля комитет опубликовал новое сообщение, что по решению витебского комитета партии социалистов-революционеров вчера, 13 июля, в 7:30 вечера был застрелен жандармский исправник Патрасов («Памелу»). Патрасов был тяжело ранен. Товарищам удалось скрыться («Революционная Россия», № 72). Террористические акты не прерывали пропагандистскую деятельность. 15 июля 1905 года были отпечатаны две прокламации, посвящённые первой годовщине покушения на Плеве — одна от имени комитета, другая — от имени Рабочего союза партии. В октябре 1905 года комитет, среди прочего, выпустил листок «К роспуску», напечатанный в эсеровской типографии в Витебске.

Пропаганда партии социалистов-революционеров и её террористическая деятельность в 1904 и 1905 годах (покушения на Плеве и великого князя Сергея) вызывали симпатии в Витебске среди еврейских рабочих и молодёжи. Группа социалистов-революционеров в Витебске была не очень большой в сравнении с «Бундом» и социал-демократами, имевшими глубокие корни в рабочем движении; организация эсеров была значительно меньше и слабее. Обе организации не хотели объединяться с социалистами-революционерами. Когда в разгар событий 1905 года возникла идея выступить совместно, из этого ничего не вышло. По этому поводу в корреспонденции из Витебска в «Революционной России» (№ 73 от 1905 г.) рассказывается: «В определённое время тамошние организации (эсеров, „Бунд“ и с.-д.) пытались организовать совместную демонстрацию к 1-му мая. Но, как водится, социал-демократы в конце концов не согласились на связь с т. н. мелкобуржуазными эсерами. Мы не смогли сделать ничего к 1-му мая, так как не имели достаточно сил».

Но всё же в ряде случаев совместные «акции» проводились эсерами вместе с «Бундом». Так было как в самом Витебске, так и в Крыславка (Креславке). Эсеровская организация имела свою собственную тактику в борьбе с угрозой погромов: как только распространились слухи о погроме в Витебске, они отправили администрации предупреждение, что если они, эсеры, возложат на неё всю ответственность за погром. Это предупреждение, которое эсеры публично заявил, вызвала уважение и привнесла им симпатию. Именно такой случай описан в ранее упомянутой корреспонденции. Из Витебска — читаем мы — распространились слухи о погроме.

א גרופע סאציאליסטן-רעוואלוציאנערן אין 1908 — פון רעכטס צו לינקס: משהקע שעכמיסטער, עסקע די נייטערין ("בויד"), פיילקע יאטקין, משהקע דאנסקא, אברהם אפראמיס (ה. א. אפראמסאן), ישראל וואיכאנסקי

ביילקע יאטקון (שטייט) און ליובע פראדקין

Наш комитет предупредил администрацию, что она будет нести ответственность за погром. Губернатор тогда опубликовал сообщение, что он примет самые строгие меры и прикажет стрелять при беспорядках, погромах и т. д.

Определённое идеологическое влияние эсеры имели среди витебской интеллигенции также благодаря тому, что Витебск был давным-давно связан с д-ром Хаимом Житловским, Ш. Ан-ским и Саломоном Гурвичем, позже редактором «Смоленского вестника». Еврейская литература, которую Ан-ский и другие создали за границей, попадала и в Витебск. В этой связи также важно отметить, что некоторые эсеровские лидеры (как д-р Житловский, Марк Ратнер и др.) примыкали к группе «Возрождение», из которой чуть позже выросла Еврейская социалистическая рабочая партия (т. н. «серповцы» или «сеймисты»), имевшая весьма хорошую организацию в Витебске и политически стоявшая близко к эсерам. Интересно, что сеймисты в 1906 году вели переговоры о постоянном блоке с эсерами, и последние использовали это, чтобы усилить своё влияние среди еврейских рабочих кругов Витебска.

Очень интересные подробности об эсеровской работе в Витебске после 1905 года приводит Г. А. Абрамсон (Абрам Абрамс), который ещё юношей принимал участие в работе эсеров в Витебске. Это было в 1906–1907 годах. Вместе со многими другими он попал в Витебскую тюрьму и отсидел там 8 месяцев.

Г. А. Абрамсон рассказывает, кстати, что сразу после того, как правительство Столыпина разогнало Вторую Государственную думу, 3 июня 1907 года, в Витебске произошли массовые аресты среди эсеров. До 150 человек оказались за решёткой. Почти весь актив, руководивший эсеровским движением в 1904–1907 годах, был арестован. Тем не менее арестованные продолжали работу в тюрьме и поддерживали связь с оставшимися на свободе.

В те годы среди ведущих элементов организации были: Егор Равиш, известный агитатор и пропагандист, Соломон Шиф, Самуил Гинзбург, который позже стал «максималистом», братья Иовновичи, Павел и Дмитрий, Михаил Цейтлин, Уильям Фрос, агитатор и оратор «Конко» (помощник провизора, сын меламеда), Хаим Дяпкин, Двора-Хайка Шейкин, Сима Гиршович, Войнианский, который руководил кружком учащейся молодёжи, армянин Эдуард Капшпурд, работал среди военных, Моше Шейнзон, партийная кличка «Куропаткин», Иосиф Глабас и другие.

Среди рабочих выделялись Мошка Беляк-Беллер («Двинский»), Фишка-столяр, Зиске-сапожник, Нисон Протасевич, Залман Скарабогатова, а также Проташевич (застрелен в Витебской тюрьме), Пинхос Дальник, Лейбеке Будницкий (он в Первую мировую войну активно участвовал в помощи беженцам), столяр Гиршке Левин и его жена Бейлка Якубсон, Израиль Вейхновский, который работал в Земстве, Лейбеке Лиссин, Етка Приказчикова, Сарра-Хайка шапочница, Фейга Эрлинсон и Мошка Шмерлинг («Мурчешик»). В 1906–1907 годах эсеровская организация имела большое влияние в военных частях города, среди христианских сапожников и слесарей, среди железнодорожников и вела разветвлённую работу среди учащейся молодёжи.

Гиршел Левин, который уже долгое время живёт в Америке, привёл ещё несколько интересных подробностей об эсеровской работе в Витебске, особенно в 1906–1908 годах. Он вспоминает о жене фельдшера, которая работала в Политическом Красном Кресте и очень помогала эсерам. Он вспоминает также, как эсеры использовали подпольную типографию на Большой Могилёвской для печатания своих прокламаций и некоторых публикаций. Самое важное место в его рассказе занимает активная

эсеровка Бейлка Якубсон, которая позже стала его женой (она умерла в Америке в 1950 году). В течение нескольких лет Бейлка Якубсон совместно с Любой Фрадкин (тоже не так давно умершей в Америке) выполняла самую опасную конспиративную работу в эсеровской нелегальной типографии. Эта типография должна была переезжать из города в город со всеми своими сотрудниками: из Витебска в Смоленск и затем в Горки и Гомель. Главным организатором для Витебска был тогда смолянин Ратнер, с которым комитет находился в постоянном контакте.

По другим источникам мы должны упомянуть ещё имена следующих эсеровских деятелей: работница Ципка Сафра, которая была ранена во время демонстрации в 1905 году, и Абке Гальбрехт, который в 1905 году стрелял в жандарма «Памелу». Что касается агитации витебских эсеров в деревнях, то о ней не раз появлялись сообщения в прессе. Мы встретимся с бундовской «Нашей трибуной» (№ 4 от 3 января 1907 г.), где упоминается об интенсивной агитации среди крестьян, которую вела витебская эсеровская организация.

В последующие годы, как известно, эсеровское движение во всей России получило серьёзный удар от «делу Азефа». Это отразилось также и на судьбе витебской организации. В период Третьей Государственной думы рабочие были апатично настроены. В Витебске остались единичные рабочие и интеллигенты, сохранявшие эсеровские традиции в городе, поддерживавшие связи с Трудовиками в Петербурге, принимавшие участие в новых формах легальной и полулегальной рабочей общественной деятельности (больничные кассы, профсоюзы, еврейские институты). Время нового подъёма в организации эсеров в Витебске наступило только после Февральской революции 1917 года.

ИЕГУДА ПЭН | ВОСПОМИНАНИЯ ХУДОЖНИКА*

1. Хедеры

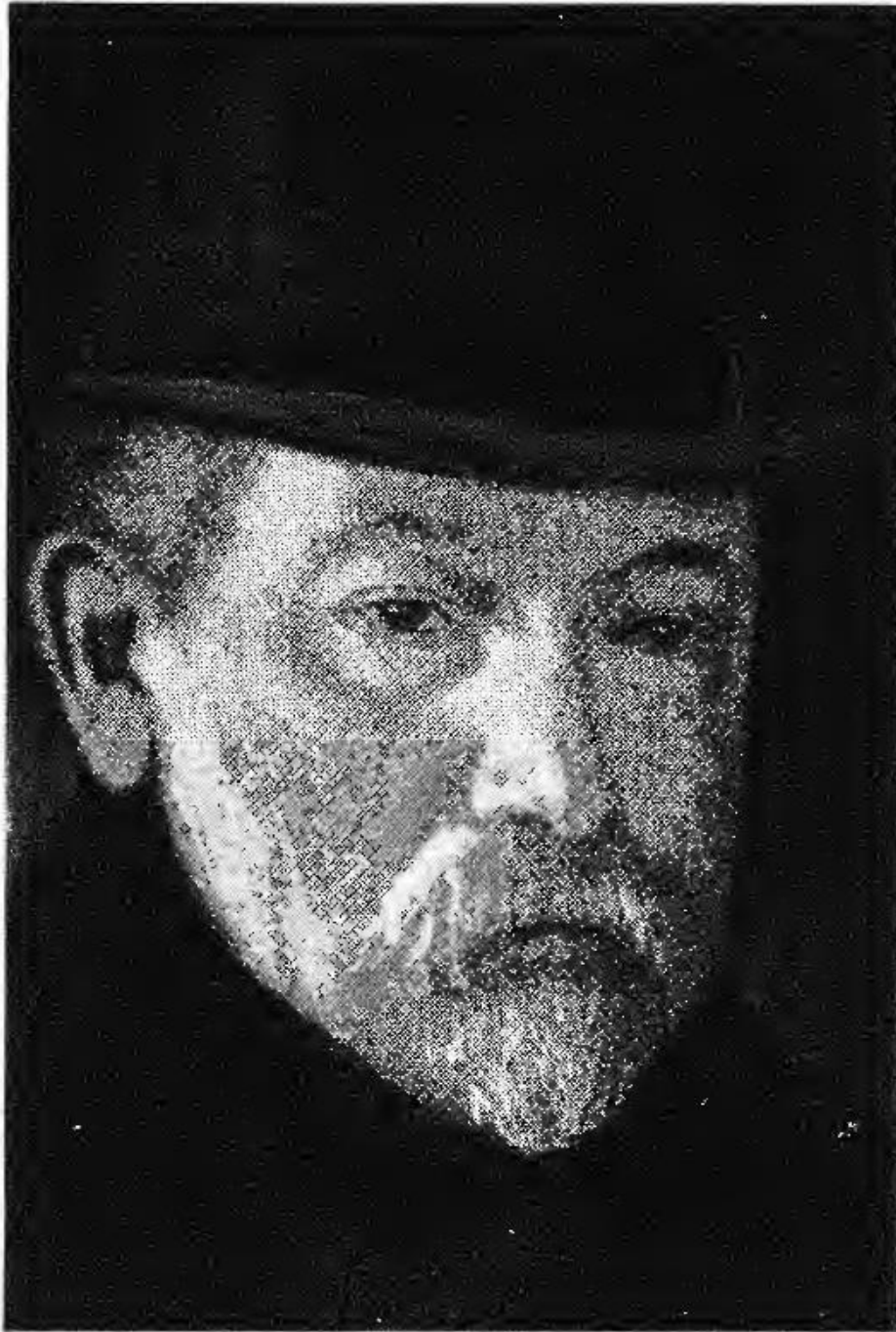
Когда я родился и сколько мне лет — я не знаю. И даже мама не знает точно. Когда я появился на свет, у моей мамы не было времени заметить мое рождение. У моей мамы голова была забита более насущными вещами. Ей нужно было обеспечивать хлебом десятерых ртов.

Моя мама была вдовой. То, что у нас дома было из имущества, было распродано или заложено. Когда все было исчерпано, она начала продавать водку, то есть открыла шинок без патента. Доход их был очень мал, кроме того, страх перед урядником, который часто заходил к нам и забирал бутылку водки под мышку в качестве взятки, а также страх перед обыском, который время от времени у нас случался.

Помнила ли моя мама точно день моего рождения? Только один знак был. Мама вспоминала, что в тот самый день, почти в тот самый месяц у нашей соседки Енте-Грине Авраам-Лейзеровой окотилась коза. И еще один знак был: в тот год в нашем городке чинили погреб из-за голода.

Но в каком именно году окотилась коза у той самой Енте-Грине? Этого, к сожалению, никто не знает, как и того, в каком именно году наш городок голодал. Потому что бедность и голод были в нашем городке постоянно, каждый год. И в каком году я родился, осталось ни в чем не отмеченным, потому что я не был ни сыном короля и даже ни единственным сыном у мамы.

** Опубликовано в «Штерн», Минск, 1926, № 2, 3, 4.*

יהודה פען

(Портрет Иегуды Пэна) **Иегуда Пэн**

Когда мне было 4 года, когда мой отец уже умер, как это принято у евреев, меня отдали в хедер учиться алфавиту. Мой первый ребе был очень бедным, плата за обучение едва хватала ему на жизнь, и ему помогали зарабатывать куски хлеба. Зимой он торговал сушеной рыбой и лесными яблоками, которые он продавал ученикам хедера. Но основным источником их дохода были субботние блины, которые его жена пекла на продажу для всех учеников хедера всего нашего городка. Когда их начинали печь, мальчики стояли в очереди, потому что блины пользовались большим успехом. Они были большие, горячие и стоили всего грош за штуку, мы наедались ими почти до отвала.

...Что я должен вам сказать — я получил много побоев в хедере и дома. Когда играли в солдат, меня всегда делали «царем», потому что я был красивее остальных детей. А чтобы стать царем, нужно было только заложить пейсы за уши и повернуть шапку козырьком к затылку. Представьте себе: кто был равен мне тогда? Но моя великая слава иногда доводила меня до такой степени, что я долго не мог поднять голову и становился бледным как полотно.

И история была такова. Один раз мы читали «Адон Олам», который мы должны были петь перед тем, как разойтись из хедера. Последние слова мы пели с такой силой, аж стены хедера дрожали, и тот, кто пел громче всех, получал похвалу от ребе. В тот раз один из нашей святой компании перекричал меня. Я почувствовал себя глубоко оскорбленным, и, долго не раздумывая, я поставил ему синяк под глазом, а тот, другой, набросился на меня с криком, и я поставил ему синяк под вторым глазом. Я сразу понял, что зашел слишком далеко, и, долго не думая, пустился наутек. Весь хедер вместе с ребе во главе бросился за мной, поймал меня и с триумфом привел обратно в хедер. Ребе должен был идти на минху, поэтому он оставил меня под присмотром до своего возвращения, а чтобы я не убежал, он заставил двух мальчиков держать меня и вдобавок привязал меня к столу. Те двое мальчиков, воспользовавшись тем, что я был связан, пошли в сад нарвать огурцов, а я воспользовался этим и зубами развязал узлы — и бежать! На завтра я пришел позже всех. Весь класс уже ждал, как бывший царь будет стоять в Судный день и получит за свои «добрые дела» сорок ударов без одного. Меня не пожалели, наказали телесными и душевными страданиями, а после этих страданий я получил еще и прибавку: «И увидите его и вспомните». Это называется новым титулом, который получает «грешник», и тут уже стоит сам дьявол и ждет мести.

Но тут я увидел чудо Божье. С этими словами: «Встань, Аарон, ты Самсон-богатырь» — ребе взял меня за руку, усадил меня между своими худыми ногами и разложил передо мной «Парашу» (главу Торы), взял в руку свою плетку — и вдруг раздался голос (как во время жертвоприношения Исаака): «Что ты хочешь от него? Ведь он сирота и слабый ребенок». И я вижу, что это ребецин держит руку ребе с плеткой, точно как ангел Авраама, нашего отца, в тот момент, когда тот занес нож, чтобы зарезать Исаака. И ребецин говорила так много хороших слов, которые подействовали на ребе, и он отпустил меня со словами: «Больше не балуйся, будь умницей, слышишь?» И так я спасся, и больше ребе меня никогда не бил.

Ее добрые слова, как «руки Исава», перед которыми ребе смирился.

Не думайте, что я не ценил этот поступок ребецин. Я часто заходил к ней; когда у нее не было времени, я качал ее детей в люльке, я ходил для нее за покупками, приносил воду и выполнял другие поручения.

Хотя в тот раз я спасся, царем я больше не был. И поскольку не каждый день случается чудо, я решил уйти от ребе. Я дождался конца срока хедера и сказал маме, что я уже умею хорошо учиться и что мне нужен уже более крупный учитель (меламед). На следующий срок я перешел к другому ребе.

Вторник был у нас рыночным днем. Ребецин обычно стояла на рынке с фасолью, а ребе часто ходил помогать ей вести торговлю. Мы оставались тогда в хедере одни и делали тяжелую работу. И вот в один вторник, когда ребе ушел к ребецин на рынок, вбежали к нам в хедер мальчики из соседнего хедера с криком: — Лошади, скоты, что вы сидите здесь? Сегодня же Симхат Бейт ха-Шоэва! — Ну, так что нам делать? — спросили мы. — Идите с нами! — сказали они, — и мы пойдем на синагогальный двор и будем смеяться.

Ребе пришел домой и никого не нашел, он пошел искать нас и нашел нас на синагогальном дворе. — Что за праздник сегодня? — спросил он. Один ответил: — Если сегодня Симхат Бейт ха-Шоэва, — сказал он, — то мы сейчас будем бить Ошанот.

Когда мы пришли в хедер, ребе избил нас Ошанот (ивовыми ветками) так, что мы кричали «Голос вестника»...

...В этом хедере мне было очень хорошо, и я не знаю, почему мама забрала нас с братом оттуда в конце срока и отдала в Талмуд-тору. Вероятно, у нее не было денег платить за обучение. Хотя для детей бедняков Талмуд-тора считалась унижением, просто нищенским приютом, и потому наше положение тогда было очень плохим.

В Талмуд-торе мне было очень хорошо, потому что учились там очень мало. Ребе был также и шамесом (служкой) в синагоге и большую часть времени был занят синагогальными делами, а мы, ученики, были предоставлены сами себе целый день.

Ребе был очень высоким, широкоплечим мужчиной с маленькой бородкой. Он любил нюхать табак из рога. От этого табака он обычно чихал и сопел в горле. Он был немного строгим, но совсем не злым человеком. Ребецин была полной противоположностью ребе. Она была маленькой, худой, суетливой, как говорят, она торговала молоком: покупала в деревне и продавала в городке. Главным образом, ее «бизнес» пользовался известностью на весь городок. За одну копейку мы покупали целую миску, и с хлебом это было истинное удовольствие.

Зимой мы учились у него в его собственной комнате, которая состояла из кухни и еще одной комнаты. Там было так тесно, что ребе приходилось в комнате сгибаться, не имея возможности встать во весь рост. Но зимой в этой комнатке было тепло и уютно. Только время от времени дым из печи нам не нравился. Летом же мы переходили учиться в витебскую синагогу. В синагоге мы чувствовали себя совершенно

свободными во всем. Учились мало, зато резвились, ломали головы — сколько хотели. Там же мы узнали много страшных вещей, от которых волосы вставали дыбом. А именно: что мертвецы приходят каждую ночь в синагогу молиться. Один раз один мальчик уснул и остался ночевать в синагоге, и он сам видел, как мертвецы молились в синагоге, вызывали к чтению Торы точно так же, как у нас, живых.

...И еще много таких вещей мы узнали в Талмуд-торе, как о чертях, колдунах и прочем.

Я должен вам сказать, что ребе из Талмуд-торы был одновременно и шамесом синагоги, и шамесом погребального братства (Хевра Кадиша). И когда кто-то умирал и был богатым, мы шли перед гробом и кричали: «Правда пойдет пред ним», а также читали Псалмы (Тегилим) в доме умершего. И когда происходила, не дай Бог, свадьба у бедняка, мы помогали ребе разносить билеты, и благодаря этому мы уже были гостями на свадьбе. На свадьбах я играл на полную катушку. Я уже тогда начал любить музыку, хотя вся музыка состояла только из скрипки... Сегодня представляешь себе, что происходило, когда играли наши клезмеры! И какие танцы? Танец ребе, семеле, гецугеня, голд-танец, хитл-танец, казачок, бейгеле, франкэш. Сегодня эти мелодии считались бы унылыми, с плачущим настроением, но еврею это нравилось. Я знал наизусть все танцы. К моей сестре приходили ее подруги танцевать, я обычно подыгрывал им «фигуры», когда не хватало музыканта, и был за тапера. Свадьбы и бар-мицвы в Талмуд-торе мы справляли нечасто, зато у нас было много свободного времени.

...Я не знаю причины, но мама забрала меня из Талмуд-торы и отдала в частный хедер. Этот хедер сыграл большую роль в моей жизни, потому что именно там у меня начали проявляться способности к рисованию. Мой первый рисунок был создан совершенно случайно. Я был зол на ребецину дочку, поэтому нарисовал её портрет, как она несет ведро воды с карамыслом. Мой рисунок очень понравился всем мальчикам, и они стали смеяться. Моей второй работой было вырезание из дерева «Амана, висящего на виселице», на которое я тоже потратил немало сил. Когда ребе увидел эту работу, он дал мне пощечину за то, что я вместо учебы занимаюсь глупостями... «Но, — сказал он мне лучше, — посмотри-ка ты хорошо на этот свиток Эстер (Мегилат Эстер), который нарисован в синагоге на стене, вот это я понимаю! А твои глупости — попробуй-ка еще раз...»

Короче говоря, пощечина от ребе мне очень помогла. С тех пор, как только дело доходило до рисования на бумаге, я уже слушал свое сердце и принимался рисовать везде, где только было возможно. Рисовать на бумаге не получалось — рисовал летом на песке, а зимой на снегу.

Стоит дать характеристику самому ребе. Он был знатным человеком («ихусн») — всегда ходил очень опрятным, гордым, пугливым и немного сумасшедшим. Если мальчик не отвечал ему правильно, он обычно бил его Гемарой по голове (или головой о Гемару), хотя без причины никогда не бил. За свои последние деньги он любил покупать книги, и к тому же он был прекрасным молитвенником («давэнером») и кантором («хазаном»).

Летом, когда начинались жаркие дни, он обычно разрешал нам ходить купаться, но с условием, чтобы мы не лезли на глубину и чтобы мы умели плавать. Но один раз все

же мы доставили ему немало хлопот. Нашей соседкой была христианка Яшка, и у нее была собака. Когда мы приходили к воде, собака лаяла на нас и не давала нам раздеться. Мы пожаловались на нее ребе. В один жаркий летний день, когда мы снова пожаловались ребе на Яшку, он говорит: «Пойдемте, дети, идите со мной, вы сейчас увидите, что с ней будет!» Вы можете себе представить нашу гордость, ведь с нами шел сам ребе, как царь во главе войска. И вот сейчас он идет с нами совершить месть над гоем. По дороге ребе рассказал нам обо всех героях, которые спасали всех евреев во все времена. И вот наш герой, то есть наш ребе, подошел к берегу реки, окруженный своим воинством, и мы начали раздеваться. Кругом тихо, никакой Яшки, никакой собаки. «Какая удача, — подумал я, — как раз сегодня ее нет». Теперь он хотел увидеть поражение своего врага, как погибнет Амалек (да сотрется имя его). И вдруг, когда ребе уже успел снять с себя все, так что святое тело нашего ребе осталось только в воде вместе с нами, выпрыгивает Яшка, которая, по-видимому, пряталась, и натравливает свою собаку на нас. Ну ладно, мы-то успели поспрятать нашу одежду в номерные шкафчики, а четыре конца нашего ребе — то есть его талит-катан остался снаружи... И наш ребе, не имея больше сил защищаться, схватил свой большой талит-катан и, о Боже, нагишом, вместе со всеми своими пожитками в руках бросился бежать с криком, как лев: «Евреи, спасайте!» В город он вбежал, хотя собака за ним больше уже не гналась.

С тех пор мы все были убеждены, что этот Голиаф все еще силен и что остаток Амалека еще не истреблен. После этого случая ребе с нами больше не ходил.

У этого ребе я начал учиться Гемаре по самым легким трактатам. Мое рисование я тоже не оставлял. Но никакой большой важности мне не придавали, то есть мои критики (мальчики) не были сильно заинтересованы моими рисунками. Это оказало влияние на меня, и я уже не так часто рисовал. Летнее время мы проводили в основном за сбором всякой «всячины» — рвали огурцы, морковь, мак, а позже яблоки, груши, хотя все это стоило сущие копейки, но ни у кого из нас не было лишней копейки, чтобы купить всё это.

Зима была для нас, детей, еще более интересной. Из хедера домой мы обычно уходили учиться с 9 до 10 часов вечера. И поскольку большинство хедеров были устроены так, что дети расходились по домам со светильниками или факелами, некоторые дети пели народные песни, и это производило впечатление... Каждый хедер должен был иметь факел, когда наступало время расходиться, как народ со знаменем. Факел делали из старого горшка. Сначала из всего этого нужно было сделать сито, затем жестянку, натянуть ее гладко на шест перед факелом, налить туда деготь, и когда он хорошо разгорался, факел был готов. С этим факелом я тоже прислуживал у мамы. Но откуда взять факел? Это было для моего кармана слишком тяжело, потому что факел стоил 4 гроша. Только нужда заставила. Я пошел к нескольким мясникам, чтобы они дали мне работу, и за это я получил этот самый факел.

Один раз случилось так, что нам не разрешили уйти домой. И это дело сделал никто иной, как мой брат — упал на чердак. На нашем дворе стоял сарай, а в сарае стояла высокая лестница. Говорит мой брат: «Давайте сегодня ночью не пойдем в хедер, а завтра я уже сам за все отвечу».

Назавтра ребе спросил нас: «Что это за история с вами, мои прекрасные евреи?» Тут вышел мой брат с днем страха, аж ребе перепугался, и начал рассказывать, как, проходя мимо открытых дверей сарая, мы увидели на лестнице чертей, которые лезли вверх, а на них были черти в черных цилиндрах и во фраках, длинные и тонкие как соломинки, в черных сапогах, до самых колен. Все свидетели подтвердили его слова, и я поклялся жизнью ребе. Никто, и в том числе ребе, не усомнился в рассказе моего брата. Только после этого мы уже провели несколько ночей, не заглядывая в тот хедер (мы якобы боялись чертей), и в это время лучше катались на льду или просто ломали себе головы где попало.

В нашем городке до сегодняшнего дня нет водопровода, и воду берут из колодцев или из реки. Ребе обычно пользовался колодезной водой, на самовар же, который ставили ради гостя или на праздник, воду приносили из реки. У нас, детей, был целый праздник, когда ребецин просила нас принести ведро воды из колодца. Экспедиция за водой состояла обычно из трех мальчиков: двое — чтобы нести ведро воды на коромысле, а третий — в качестве ассистента, на случай если кто-то устанет...

В этом хедере я очень прилежно взялся за рисование, потому что у моего рисования появились ценители. Я рисовал царей, казаков на конях, особенно мне удавались восточные мотивы. Платили мне за мои работы пуговицами, потому что денег ни у кого из хедерных мальчиков не было, а у кого они и водились, те находили более важные вещи, на которые их потратить. Я эти пуговицы продавал на копейку за шесть штук, а в другой раз еще дороже (когда мальчику нужно было отыгаться в пуговицы).

Только один нашелся мальчик, каунасец (коквенец), который гостил здесь у дяди. Он просто воровал деньги и покупал у меня рисунки: платил от трех до четырех грошей за штуку. Так я заработал на то, чтобы купить бумагу и карандаши.

Я рисовал свои портреты только в профиль, потому что анфас я еще не умел. Губы и щеки я делал красными, а глаза синими. Это объяснялось тем, что я раздобыл синий карандаш. Искусство рисовать в профиль я перенял вот от чего: у мамы в ящике стола я нашел пустую пачку цикория, которую она когда-то купила на Шавуот (на Шавуот принято пить кофе или цикорий). На этой пачке было клеймо, девочка, которая собирала цикорий на фабрике. Мне кажется, что это был портрет Франца Иосифа. И отсюда я начал рисовать этот портрет. Кое-как, я уже не помню точно, из-за какого-то случая, я нарисовал лицо анфас, то есть анфас. От этой моей работы я получил огромное впечатление и ходил сам не свой. Я чувствовал себя выше всех мальчиков. Так, расхаживая по городу, я зашел к одному знакомому сапожнику. Его мать как раз чистила к субботе подсвечники и винтом чистила ружья. Она взяла его с собой, и так я пошел с ним к знакомому. Он как раз сидел в синагоге, и я сразу показал ему свои новые работы. Он посмотрел на них и рассмеялся над моим искусством, а потом показал мне географическую карту и похвастался, что нарисовал её сам. Больше всего меня поразили горы и вода с синей краской из акварели, о которой я до тех пор ничего не знал. Я ушел от него совершенно потрясенным. Его синагога и его рисование стерли меня полностью. Я часто задумывался над этим сапожником, что его мама была прачкой, а его отца он ненавидел как свинью, потому что тот его сильно бил. При всем этом я завидовал ему, что он умеет работать с акварелью и может рисовать горы и моря.

Я принялся еще больше за свою работу: цари, генералы, казаки на конях — и моё портретное искусство стало еще шире. Моя мама не была рада моему рисованию и часто сильно ругала меня, называя мою работу «глупостями», а также грехом. Из-за этого рисования я стал учиться хуже, и на экзамене перед Рош ха-Шана я провалился. Мама решила, что из меня больше не выйдет толку как из ученика, и потому отдала меня в учение к ремесленнику.

Но к какому ремеслу? Мама хотела отдать меня к часовщику, так как это считалось чистой работой, но часовщик потребовал за обучение 15 рублей, а таких денег у мамы не было. Тогда она решила отдать меня к скрипачу, но скрипач тоже потребовал денег. После долгих поисков меня отдали к маляру. Маляр взял меня без денег, но с условием, что я буду служить у него 6 лет.

Мой хозяин жил на Подвинской улице. Работа началась с того, что меня заставили качать люльку с ребенком, мыть полы, чистить самовар, ходить на базар за покупками. Краски я почти не видел, кроме тех случаев, когда хозяин приносил домой куски сухой краски, и я должен был их тереть на плите. Эта работа была очень тяжелой, от нее у меня болели руки и спина.

Так прошел целый год. Я чувствовал себя очень несчастным и горько плакал по ночам. Моё рисование я забросил совершенно, потому что у меня не было ни времени, ни бумаги.

Через год хозяин взял меня с собой на настоящую работу — красить дом одного богатого купца. Там я впервые увидел, как работают настоящими большими кистями и разводят краски в больших ведрах. Это произвело на меня сильное впечатление, и во мне снова проснулось желание рисовать. Когда никого не было в комнате, я взял кисть и попробовал провести линию на стене... Хозяин застал меня за этим занятием и сильно избил за то, что я порчу чужую стену.

После этого случая я решил убежать от маляра. Однажды ночью, когда все спали, я собрал свои немногие пожитки, открыл окно и выпрыгнул на улицу. Я пошел пешком по дороге, которая вела из нашего городка в сторону Динабурга (Двинска)...

2. От хедера до Двинска

Вот так я оторвался от хедера. Я стал совершенно свободным человеком. С утра до ночи я бегал, разгуливал, купался, играл с такими же бездельниками в «крадуна» и «палочку», оборванный, грязный, голодный и ничуть не заботящийся о своем рисовании. Мама видела, что из этого хождения не будет никакого толку, и отдала меня в «приходское училище». Платить там много не требовалось, зато обещали, что из меня выйдет человек и я избавлюсь от своего малярства с углем на стенах. В школе я сначала учился не очень хорошо, потому что не умел говорить по-русски и не понимал, что учитель объясняет. Позже я немного исправился и перешел в «кружок» (уездное училище), но вскоре бросил ходить, потому что у меня не было обуви и приличного сюртука, а главное потому, что нужно было платить несколько рублей в год, чего мама не могла себе позволить.

Я снова вернулся к своей работе. Я решил сделать большой портрет на трех склеенных листах бумаги. Красильщик дал мне бумагу (которая стоила 3 гроша), и я нарисовал великого царя в красном мундире с синими брюками, с синей лентой и многими медалями с орденами, которые я выдумал из своей фантазии. Я устроил собрание из моих знакомых ребят, и это собрание решило: поскольку продать этот портрет невозможно, так как здесь нет богатых покупателей, нужно этот портрет разыграть в лотерею. И цена билета была определена в один грош. И этот билет был разыгран в лавке, в подвале, и тот, кто его выиграл, должен был заплатить один гульден.

Короче говоря, я стал Ротшильдом, а Корах (богач) был ничем против меня. Весь городок говорил обо мне, и имя Юдка Шиф-Моше-Гершонс было у всех на устах. После этого я получил заказ сделать рисунок к книге отзывов для общества «Кона Бина». Цена работы была не менее 15 копеек. Этот заказ вышел красивым, разукрашенным, и отсюда начали говорить о поездке в Двинск.

А вышло это так: наш местный еврей был зятем в Двинске, его тесть звался большим художником. Он был маляром, умел писать вывески, красить стены, паркет, брички и тому подобное. В то время у него была большая покрасочная фабрика в городе и на железной дороге. Когда этот «художник» услышал от своего зятя о таком одаренном мальчике, то есть обо мне, он попросил, чтобы тот поговорил с моей мамой, чтобы я приехал в Двинск на пробу.

Двинск находится от нашего городка на расстоянии 25 верст. Ездят лошадьми по шоссе. Было это в преддверии месяца Элул. Мама договорилась с извозчиком за пару фур и дала мне медную копейку на путевые расходы с небольшими слезами в придачу. Лет мне тогда было примерно 13–14.

Прежде чем я начну рассказывать о двинских приключениях со мной, я хочу дать характеристику тем людям, к которым я приехал.

Сам маляр был ярим хасидом, ненавидел митнагдим как десять свиней, был гурманом в еде, любил поесть, чтобы перед ним в отдельной кастрюльке было именно то, что лучше. Не любил иметь дело с простыми людьми. Не был дураком, честный человек. Любил ставить себя у богачей на равную ногу, насколько это было возможно — с Митуполиным и Арьяшем. Только газету он читал втайне от всех. Имел привычку расхаживать по дому в халате с криками: «Черти бы вас побрали! Смотрите, чтобы я не наткнулся на стул и не сломал, не дай Бог, ногу!» — хотя чертей там и в помине не было. Можно себе представить, какая болезнь это была! Кто-то постоянно должен был оказывать ему почет, поэтому у него дома все было выстроено так, чтобы бегать перед ним на цыпочках. И если у него не было красивой жены, то была слепая. Умная, разумная, благородная, дочка меламеда. Ее семья была очень богатой. Их старшая дочь, уже немолодая и не очень красивая, но с характером — Фейга и её муж Шувель; их младшая дочь — девочка лет двенадцати, красивая и умная, и бойкая, и отец её очень сильно любил.

Теперь краткая характеристика меня самого. Я был митнагедом из дома, то есть жил не в хасидской среде. А стеснительный, не привыкший есть, когда кто-то смотрит,

держался в стороне, дрожал перед каждым, кто выглядел чуть лучше меня. Вот таким я прибыл в Двинск.

Когда я вошел в дом к маляру, его не было дома. Женщины меня расспросили, кто я и откуда. Когда я ответил, они дали мне немного кислого молока с куском хлеба, чтобы я немного перекусил с дороги и пришел в себя. Этого было достаточно, так как я больше не возвращался к еде. Сначала меня попросили помочь служанке, затем старшая дочь попросила отодвинуть от меня это кислое молоко и самому убраться. Я был очень голоден, но ни разу не попросил есть в то время, когда они стояли и смотрели на меня.

Вечером пришел маляр. Его первым вопросом было, дали ли мне поесть. Ему ответили, что я не ел, поэтому он распорядился, чтобы мы оба сели ужинать. Он приказал подать миску, и я лег к нему лицом обратно в тарелку, он же кричал громким хасидским голосом на повара, так что ложка выпала у меня из рук. Откуда он взял это «кракату»? Его отношение ко мне было уже очень ясным, и я уже сильно пожалел, что приехал, и уже приготовился ко сну под лавкой. Так я промучился два дня, а на третий день, когда маляр ушел молиться, я вышел на улицу и купил на пару копеек пару ковриг, которые мама дала мне на дорогу, съел их, взял ноги в руки и — айда — обратно домой.

Я был очень голоден, измучен, и к полуночи еле-еле добрался домой. Когда я зашел в дом, мама меня спросила: «Что это значит? Почему ты так плохо выглядишь? Что с тобой случилось?» Я расплакался и не мог вымолвить ни слова. Тогда мама мне говорит: «Не бойся! Больше ты туда не поедешь!» И я успокоился. Я пробыл дома в чужом городе совсем недолго. Никто мной не интересовался, чтобы дать мне поесть, меня видели в глаза и надо мной смеялись.

Я снова принялся за свою старую работу — рисовать царей. Как и в то время, когда я не ходил в хедер, мой брат принялся ходить в бейт-мидраш, где он учился. Он ходил туда и вечером. Только учился он без аппетита. И в один прекрасный день это уже было зимой. Служка имел обыкновение натапливать большой котел, чтобы днем прийти и немного погреться. Тогда мы обычно наполняли котел картофелем и пекли его. У нас это было лучшей едой в мире. Плохо было, когда внезапно заходил шамеш и ловил нас на горячем. Он обычно нападал на нас и конфисковывал картофель. И когда кто-то из нас хотел попробовать протестовать, он обычно не ленился почтить того плетью. Тогда мы, мальчики, обычно мстили шамешу. За украденный картофель мы обычно вытаскивали у него огарки поминальных свечей («йорцайт-лихт»), якобы для учебы.

Я был одним из главных «картофельных акционеров», потому что время от времени рисовал для своего «акционера» портрет. Я обычно покупал целый горшок картофеля на пятак и делил его с мальчиками, у которых этот день выдавался «голодным» (мальчики обычно ели «дни» у хозяев, но часто случалось, что в эти «дни» они пробовали утолить свой голод моими картофелинами).

Здесь стоит упомянуть одну из веселых историй в клоизе. Когда мальчик обычно засыпал во время Гемары, над ним подшучивали вот как. Из кусочка бумаги делали пять фитилей. Этот тонкий фитиль смачивали слюной и вставляли спящему между

пальцами ноги, а потом поджигали. Вы можете представить себе, как он просыпался — не живой, не мертвый.

Интересно было наблюдать в нашем клоизе по пятницам днем. Клоиз по пятницам превращался в баню и мастерскую. В одном углу, на скамье, сидит мальчик, декламирующий Песнь Песней до пятидесяти раз подряд для больного, который лежит на кровати. Второй латает свои порванные сапоги. Третий рассматривает с философским видом стул, который открыл рот вроде Писхера и т.д. Все при этом веселы. Один рассказывает сказку, другой рассказывает истории про «дни», где он ел, а третий — про «дни», которые у него закончились. Вот последовательный текст, в котором устранены все повторы дублирующихся страниц, восстановлен правильный хронологический порядок событий и полностью сохранены все детали:

Один раз, возвращаясь домой из бейт-мидраша, я увидел у ворот несколько повозок. Мое сердце забилося. Не напрасно! Оказывается, у ворот сидит мой бывший хозяин, маляр из Двинска. Я сразу понял, что он приехал за моей душой. И о Боже! Ранним утром приходит посланник к моей маме, чтобы я немедленно явился вместе с ним к маляру, так сказать. Сначала мама не хотела, но потом её уговорили.

Мы пришли туда и застали там целое общество, которое принялось говорить и убеждать нас, что это для меня просто счастье, и что из этого может еще что-то выйти,

что Бог даст время, и маляр выдаст за меня замуж свою младшую дочь, эту красивую девочку. Хотя её не столько ласкали, сколько ругали, но я устыдился и покраснел как буряк. Я хотел в ту же секунду убежать обратно. Но меня уже не отпустили, и уже принялись вырабатывать условия.

Сделка была заключена на таких условиях: он берет меня к себе на четыре года, дает мне еду, одежду. После четырех лет он должен выдать мне наличными 50 рублей. Если я захочу остаться у него и дальше, он должен платить мне за каждый год по 100 рублей. Ради праздника выпили немного водки, и мне дали кусочек пирога. Мама сказала, что завтра утром я уже должен быть готов к дороге.

Мама просидела всю ночь и сшила мне шапку, то есть взяла старую шапку, перелицевала её на другую сторону, подложила вату, приладила мне на голову и готово. О Боже — какая это была шапка! Её забрали у старшего брата ради штреймла с закрученными хвостами, нашитыми снаружи — и вот такую шапку я тоже имел. Я был обут с головы до ног. На следующее утро меня упаковали в крестьянские сани, укутали в овечий тулуп — и с богом — в путь! К вечеру мы благополучно прибыли в Двинск.

3. Работа, любовь и изгнание

В Двинск мы приехали прямо к вечеру. Мне было очень горько сидеть вместе со всеми за столом и есть, но мой хозяин преподавал мне такой урок по-хасидски открыто, что я должен был подчиниться.

Прямо на следующее утро он оставил меня за работой, а сам ушел на целый день. Когда он пришел и увидел мою работу, он сказал, что это совсем неплохо, только я должен слушаться его указаний в работе, и тогда из меня выйдет толк. Я должен только выбросить из головы моих «человечков» — так он называл вывески — «Кодашневских, Кудашевских» — сказал он — «это для бедных людей, чтобы умереть с голоду или сойти с ума». От того, что он наговорил, я не знаю точно, но на меня его слова произвели сильное впечатление. Я немного боялся его, к тому же он любил сильно ругаться, когда его не слушались.

Мое удовольствие заключалось в том, что когда он уходил по своим делам, а остальные домашние были заняты своими делами, я оставался один рисовать картинки, сидеть и рисовать... С его младшей дочерью мы любили разговаривать, рассказывать друг другу сказки. Она очень любила озорничать и баловаться. Однажды она так разыгралась, расшалилась и мешала мне работать, что я взял её за руки, отложил в сторону и в шутку отшлепал. Она во время этой истории любезно улыбалась.

Я превратился во что-то растерянное с того времени. И как это выяснилось, это было началом нашего романа, хотя я был тогда совсем юнцом, а она еще моложе. Этот роман мог изменить мою жизнь. Со временем я бы стал отцом, потом тестем, но никогда не стал бы художником. Но кто знает, как все обернулось, и я стал святым и чистым. Только в то время мы с ней часто играли вместе, боролись и испытывали радость, когда были вместе.

Хозяин дома сначала взялся делать из меня хасида. Вместо того чтобы идти после работы гулять с рабочими ребятами, я должен был идти к Минхе в синагогу и оставаться там до Маарива, слушать, как учат для народа «Эйн Яков». В субботу я должен был сидеть целый день дома и учить книги по морали (у моего хозяина был целый шкаф с морализаторскими книгами и старый Шах). Когда он увидел, что я не из «Постияк», он начал вести меня по-хасидски, то есть слушать, как повторяют, что хороший еврей, ребе, говорит или проповедует.

Перед сном он заставлял меня читать с ним главы из Танаха. Он ложился спать. Я же продолжал свою работу по рисованию картинок до часу ночи, а то и позже. Я со временем стал у него как собственный ребенок. Он любил брать меня с собой повсюду, куда бы ни шел — в субботу или на праздник, так как своих сыновей у него не было.

...Мой хозяин, дай Бог ему здоровья, любил во все времена выпить немного водки — особенно на Пурим, когда выпить — это заповедь. Он принимался за эту заповедь со всем фарфором, и к вечеру он уже был хорошенько пьян. И к вечеру он уже подготовился, чтобы к трапезе можно было исполнить, как заведено, «до потери различения», точно так же, как он считал себя хасидом.

Он позвал меня и приказал мне, чтобы я ни в коем случае не прерывал его до Минхи. Он тут же принялся храпеть, а мы, дети, принялись развлекаться. Мы играли в «шалахмонес», который состоял из гладкого пирога и т.д. Время шло незаметно. Его дочка, которая вспомнила, что уже пора будить отца к Минхе, подошла ко мне и попросила разбудить его. Я подошел к нему и принялся его будить — а он как стена. Я попробовал в другой раз и в третий раз. Он со словами: «Ты уходишь от меня, мерзавец?» — перевернул меня на другую сторону. С моей стороны я бы позволил ему спать до самого прихода Мессии, но я видел, что солнце клонится к закату, и он может, не дай Бог, пропустить Минху (предвечернюю молитву), поэтому я принялся будить его дальше.

Он вскочил как сумасшедший с постели, не говоря ни слова, ушел в угол, вылил воду для омовения рук, вернулся и влепил мне такую пощечину, что у меня искры из глаз посыпались.

Все домашние выбежали из комнат, услышав этот шум. Из-за этого шума я тоже проснулся. Хозяин дома уселся спокойно и ушел на улицу за напитками к трапезе. Я же сразу забрался на свои нары на печи и заснул. Посреди ночи меня стаскивают с печи и наливают мне в рот несколько рюмок водки, так как я не знал, что они делают. Я открыл глаза и ничего не понимал — крутятся ли вокруг меня черти или шуты. Потом я понял, что это означает просить прощения за пощечину.

...Тем временем в доме заметили, что парень влюбился. Меня начали расспрашивать о хозяине дома, чтобы он взял меня в зятья. К тому же я был самым большим художником в их глазах, и я был им верен, как послушный хасид. И почему бы не взять книгу и просто заглянуть в нее — да что мне еще нужно? Мой хозяин сразу зашел ко мне. Но так как он совершенно не ладил с ребе, он остался при своем плане, а именно — поехать со мной к ребе, потому что все-таки, как он говорит, я не хочу быть просто

хасидом. Не говоря ни слова, мы в скором времени собрались и поехали на поезде в Витебск на первой лошади, потому что хозяин дома был очень богатым хасидом.

Я уже был не каким-то гадким парнем лет 18, а худым, ходил по-еврейски одетый, немного франтоватый. Когда я зашел к ребе, мне пришлось подождать немного времени. Я заметил комнату и взглянул на дочку ребе. Она была вовсе не дурнушкой. Мы принялись переглядываться, но я сразу же должен был отвернуться, потому что меня позвали к ребе на собеседование. Мой хозяин сказал мне, чтобы я не смотрел на ребе. Но когда я зашел к нему, я должен был украдкой взглянуть на него, так как он должен был благословить меня перед дорогой.

Мы провели у ребе целую субботу. Вернувшись в Двинск, мы были очень веселыми, потому что это была поездка, полная хасидов. Мы всё время пели хасидские песни и нигуны. Я чувствовал себя совершенно как новорожденный, я стал другим человеком в собственных глазах. Мало того — я стал хасидом! Вернувшись в Двинск, я стал смотреть всем прямо в лицо. Приходя домой в субботу перед молитвой, я шел в микву (окунался в воду). Я стал хасидом со всеми принадлежностями. Идя по улице, я опускал глаза, чтобы, упаси Боже, не споткнуться о женщину, ел меньше, и когда наступало время еды, их удовольствие улетучивалось от того, как скромно я ел.

О моем врожденном таланте я уже перестал думать. Мне приходилось рисовать лучшие заказы, которые заказывал мой хозяин: вывески, паркет, стены в цветах или фигурах. Мой хозяин не подпускал меня к простой работе, потому что это было для его пользы — из-за этого он зарабатывал доброе имя на лучших заказах, и все остальные художники в городе превращались в грязь перед нами. Однажды приехал маляр из Ковно, по имени Мошеле Ковнер, маленький, худой еврейчик. Он лежал у самых вывесок на дощечках и рисовал там игрушки, соединенные друг с другом, красивые для глаз — фавнов в одну руку и ведра с краской в другую. Мой хозяин взял меня как-то раз, чтобы показать на примере Мошеле Ковнера, как это выглядит, когда ты настоящий художник. «Он работает так много и всегда бедный; у него даже нет дров на зиму». Хозяин ждал, как яотреагирую на его «практические» речи. Но когда он услышал мой ответ, что «лучше быть в десять раз беднее и быть таким художником, как он», он рассердился и сказал с гневом: «Ты коровья голова... и останешься коровьей головой... Я больше не буду с тобой разговаривать. Иди работай, и побыстрее».

С тех пор во мне засела мысль именно о такой цели: что со мной будет? Я ведь здесь уже восемь лет, и если я даже красиво рисую, я не могу ничего сделать для себя. Неужели всё уже потеряно?

Перед тем временем жили два брата, Аба и Лейзер, молодые люди с «Полоты». Старший стал становым приставом в Городке, а младший — секретарем у помощника прокурора. Оба зарабатывали неплохо. Они построили красивый «дом», как называют это у нас в городке, и я часто приходил к ним в гости.

У нас в городке был дом Помпианского. Они были очень интеллигентными людьми. Старшие были набожными, но не фанатичными. Их дети — четыре сына и три дочери — окончили гимназию; двое из них уже были студентами. У них дома всегда было шумно: бедные, богатые, званные и незванные гости — все приходили туда. Каждого там

принимали дружелюбно и благородно. Эта молодежь говорила по-русски. В то время к ним приезжали юноши из иешивы, из гимназии, открыто или скрытно, и каждый гимназист имел у них кого-то, кто готовил его к поступлению в школу или гимназию.

Мои братья тоже были вхожи в дом Помпианского, и однажды они пригласили меня в гости, взяв с собой. Мне там очень понравилось, особенно их обращение с людьми, и я, который совершенно не умел говорить по-русски и был благочестивым хасидским юношей, тоже чувствовал себя среди них как равный. Я обычно скромно помалкивал, потому что ничего не знал и не умел поддержать светскую беседу с ними или с другими, кто у них бывал; но они делали так, чтобы я не чувствовал себя чужим и лишним. Я нашел там свой дом, так что я нарушил волю моих родителей ради братьев моей невесты, то есть моё желание поступить в «Академию художеств». Но я удерживал себя от этого, потому что моё главное условие было — не писать и не рисовать в субботу. Также мой ребе боялся, чтобы я не писал в субботу, на что я ответил ему, что в этом нет запрета, ведь даже один немец окончил Академию и не рисовал в субботу.

Затем я стал размышлять о трактатах. В Академии я хотел найти кроме всего прочего утешение для своей любви, которая принялась угасать. Хозяйка дома нашла во мне то, что не подходит моему происхождению — ведь кто она и кто я? Я ремесленник, маляр. Нет причин торопиться, как она говорит, и нечего впутываться. Она, сама хозяйка, стала ко мне как-то холодна, и из той прежней молодой, красивой девочки выросла большая девушка, которая смотрела странными глазами: «Не подходи ко мне!»

Это навело на меня страх и беспокойство. К тому же я был гордым и стеснительным человеком, и потому, когда я хотел поговорить с ней, я, возможно, вел себя иначе; но тем временем я стал чувствовать себя в их доме чужим. Появился сват, который заговорил о сватовстве из нашего городка. Я ходил почти каждую субботу в тот городок повидать невесту, но когда я подходил к дому, меня охватывал стыд, и я поворачивал обратно. Так я и не увидел невесту до сегодняшнего дня.

На праздник в наш городок приехал погостить студент Академии третьего курса. Я тоже был тогда дома. Мне рассказали о нем, и он дал мне работу на пробу. Когда он увидел мой рисунок, он сказал мне, что я могу ехать в Академию и что я выдержу эти экзамены.

Тем временем кто-то начал говорить о сватовстве с дочерью петербургского николаевского солдата — очень богатого мясника. Отец с дочерью приехали ради этого к нам в городок. Ему пообещали за дочерью приданое, так как я был «ремесленником» и жил в Петербурге, к тому же я не был из простонародья, а благородным человеком. Меня вызвали на субботу из Двинска, и сват устроил свидание с дочерью за пределами города, чтобы никто из знакомых не видел. Мы встретились как бы случайно, прошли и поговорили немного. И вдруг как будто из-под земли вырос сват и повел нас домой. Он спросил меня наедине, понравилась ли она мне, и я ответил, что не знаю. Когда спросили её, она ответила, что если её отец хочет, она не против. Устроили сговор («кнас») и пообещали тысячу рублей приданого. Меня сразу пригласили на Суккот в гости в Петербург. После этого я вернулся в

Двинск и снова принялся за работу. Из дома пришло известие, что меня освободили от воинской повинности, что, впрочем, имело для меня второстепенное значение.

Я работал тогда у одного богатого человека, рисовал для него софиты в цветах и узорах. Там я работал с одним мальчиком («капоу»), у которого была привычка рассказывать сказки. У него был свой излюбленный трюк: он брал веревку, привязывал один конец к балке, а второй конец зажимал зубами и прыгал сверху на землю, удерживая весь свой вес исключительно зубами. Этот номер проходил успешно, но его зубы со временем вывернулись наружу, и когда он начинал говорить, у него выглядело так, будто он смеется, и от этого рот становился каким-то уродливым и искривленным. Когда я стоял наверху на подмостках и рисовал, этот мальчик подошел и говорит мне: «Послушай, Юдка, что ты там малюешь? Это все ерунда и гроша не стоит. Вот на дворе живет парень, просто чудо — там, где я живу, мальчик, настоящий знаток. Он берет карандаш, делает раз, два, три — и на листе уже сидит казак на коне». При этом он передразнил его своими вывернутыми зубами и добавил: «И мне тоже кажется, что до него ты никакой не знаток». Что я мог сказать? Этими словами он сбросил меня с неба на землю. Я считал себя величайшим художником в мире, а в конце концов выходит, что есть кто-то еще больший. И кто? Мальчик, который ни у кого никогда не учился.

Я едва дождался окончания дня и сразу побежал к этому мальчику. Этот мальчик был Яков, впоследствии ставший моим близким другом в Академии. Его не было дома. Когда я увидел его работы, у меня радостно забилося сердце. Это были очень наивные рисунки. Я взял бумагу и карандаш и нарисовал портрет прямо у него на столе. С большой гордостью я вышел из дома и пошел к Минхе в синагогу, как обычно. Когда Яков пришел домой и увидел это лицо, которое я нарисовал, он пришел в восторг. Короче говоря, на следующий день за мной прислали, нашли меня и наняли за 50 копеек в месяц учить его рисованию. Для нас деньги не играли никакой роли — 50 копеек в месяц или то, что он сидел со мной вместе (болтал); с того самого дня он открыл мне глаза на многие вещи. Но я очень благодарен ему, потому что благодаря этому случаю я познакомился с Яковом.

Яков был из очень хорошей семьи. Он учился у лучших мелаamedов и учил русский язык у лучших учителей. Это был парень лет 15–16, красивый и благородный. Его отец был очень ученым евреем, мудрецом с истинно патриархальным лицом. Мать — просто бриллиант, праведница. Кроме моего ученика, в семье было еще два старших и два младших брата. Мы стали очень близкими друзьями и часто гуляли вместе в свободное время.

Это было настоящим прогрессом для того времени, когда сын зажиточного и уважаемого человека дружил с простым ремесленником. Некоторые приятели даже упрекали его в этом, но он отвечал им, что для него это величайшая честь — ходить со мной или приходить ко мне в гости.

Тем временем праздники закончились, наступил Суккот, и нужно было ехать в Петербург к отцу невесты, как это было оговорено. Это имело под собой цель, чтобы один из нас, попутно, показал тестю свободное время и свободу, которую тот

описывал в провинции, и это должно было показать мне жизнь среди порядочных людей.

Отправились мы трое сами по себе: я — главный герой — мать и младший из братьев моей невесты, Аба, который учился. У них дома была боязнь перед мирскими делами, и они боялись, как бы тесть не вмешался в их дела; поэтому они поехали со мной вместе.

Мы приехали в Петербург не в очень хорошем настроении, и никто нас на вокзале не встретил. В доме, куда они нас привезли, это было заметно, так как они не знали, в какую сторону повернуться. Я и сам не был уверен в этом доме, так как это был канун Суккота. Сама невеста была дома со своей лавкой, которую они там держали. В доме была только мать, здоровая женщина, голубка, которая встретила нас очень тепло, как будто близких родственников. Мои братья сразу же поехали по городу, и я остался один. Я подумал: «Зачем мне это нужно, ведь я в первый раз в жизни становлюсь женихом?» Нам с мамой пришлось пережить небольшую трудность: было уже очень поздно, а никого из лавки не было слышно. Нам стало как-то не по себе. Я вспомнил о доме, где все ходят в синагогу, молятся, там светло. А здесь? Огонь и снова огонь, и не чувствуется ни волоска еврейства.

Вскоре зашел тесть, поздоровался с нами («Шалом алейхем») и, поправив свою шапку, говорит мне: «Пошли, мы купим картуз (капелюш), так как в синагогу нельзя идти в картузе, который выглядит как фуражка приказчика». Мы пошли в магазин шляп, и там мне нахлобучили на голову что-то высокое. В этом доме всё было устроено так, что я просто переродился в этот день, только моя мать плакала. Она встретила меня вопросом: «Что это сегодня, Пурим? Ты выглядишь как Аман». Братья уже успокоили её, сказав, что в этом доме я не буду носить цилиндр.

К Маариву мы пошли в синагогу, молились, затем пошли в общественную сукку, где собралось около десяти семей. Вы можете себе представить, как я себя чувствовал: все смотрели на меня, на жениха. Шум и гам в сукке был огромным. После того как поели, пошли спать. Квартира была маленькой, её не прибрали; кто лег на кушетку, а кто на стулья, и от этого вскоре уснули.

Утром мы оба пошли в синагогу. При выносе Торы для чтения я услышал возле себя шум: летели подсвечники, люди не желали уступать место. Сват моего тестя устроил скандал перед молитвой. Выяснилось, в чем дело: мой тесть — известный мясник, и он забрал много мяса, сколько хотел. На него были злы как собаки, но ничего не могли поделать с ним, потому что он был связан с полицией. Раз уж они повстречались с тестем, они нашли хорошую минуту, чтобы поквитаться с ним.

Так прошли первые и вторые дни праздника Суккот. Мои братья, которые больше интересовались миром и светскими делами, переговорили с моим тестем обо всем, что оставалось сделать, так как тесть должен был купить мне золотые часы в подарок. Из магазина принесли двое часов: тесть, я и младший брат. Мой брат выбрал часы с цепочкой, за которые просили 150 рублей. Но тесть хотел купить простые часы за 50 рублей. Начали спорить. Я стоял совершенно в стороне, для меня не было разницы, какие это будут часы, те или другие. В конце концов, дело кончилось тем, что никакие часы не были куплены, и мы вернулись домой рассерженными. Брат сказал: «Нам

здесь больше делать нечего, давай поедem домой». И в тот же самый день они уехали от меня.

Я не мог понять и свести концы с концами, что всё это значит: что-то произошло, кажется, жених и женитьба, но из-за чего? Из-за часов, которые не понравились моему брату. Так я рассуждал. Но истинная история была в том, что мне не понравилась сама невеста: она не умела ни писать, ни читать с подругами, и я не мог с ней поговорить. Перед отъездом мне повстречался знакомый (хотя он был старше меня). Он посоветовал мне познакомиться с кем-то из русских литераторов, чтобы я мог подучиться и держаться с невестой. Я нашел «Прекрасную Елену». И в один из дней, гуляя со своей невестой, я пересказал ей от «а» до «я» по-русски эту историю. Вы можете себе представить эту великую литературу, когда она прошла через мой фильтр.

Вот так я вернулся из своей поездки ни с чем. Но всё-таки у меня была выгода: я побывал в Эрмитаже и в театре. Я также виделся там с учеником Академии, который когда-то был у нас в городке, и от него узнал некоторые вещи касательно поступления в Академию.

Возвращение домой было как в тумане. Главным образом из-за золотых часов, поднявших шум; а что? Я еще больше испугался, чтобы обо мне не узнали у хозяина дома. Выяснилось, что они уже знали всё, даже историю с часами. С этого времени они стали присылать за мной спрашивать, сколько стоят часы? Я каждый раз краснел, понимая, что они имеют в виду. Выходило, что они не переставали думать обо мне, но их гордость не позволяла им говорить открыто. Я тоже стал холоднее к моей прежней «возлюбленной» и уже стоял одной ногой в Академии.

У меня оставалось совсем немного времени до ухода от хозяина. К этому времени я подговорил Якова. Я тайне снял комнату в мезонине на третьем этаже, и когда хозяин уехал на несколько дней, я забрал свои узелки и перебрался на новую квартиру. Туда же пришел Яков со своими друзьями. Мы поставили самовар и устроили новоселье. Когда хозяин вернулся и не нашел меня, он прибежал с криками на всю улицу: «Помилуйте, как это так, что его отпустили? Ведь он уже пропал!» Но я уже взялся за работу, от которой заработал на дорогу около 50 рублей и паспорт в Петербург.

Моя прежняя «возлюбленная», от которой я еще не слышал ни слова, пришла как-то ко мне в гости. Она стала просить меня прийти к ним, когда отец будет занят по своей линии. Я пришел к ним. У неё были ко мне слова признания, и если бы она обошлась со мной лучше, я бы, возможно, от них не уехал. Но дело уже было сделано. Она попросила меня остаться у них переночевать, и я дал себя уговорить.

Мое решение «всё ради искусства» осталось твердым, хотя наша любовь еще продолжалась. Где дым, там и огонь, но я с большим трудом скрывал в себе этот огонь и уберег себя от того, чтобы совсем не сбиться с пути. За короткое время я получил письмо от того ученика Академии, что через три недели начинаются экзамены. Яков и родители испугались отпускать меня одного в Петербург, потому что я был еще очень молод, у них не было никого в Варшаве, где жил богатый дядя,

который мог бы присмотреть за мной и давать советы, чтобы я не пропустил Минху и Маарив, и я сразу поехал в Петербург.

4. Первый Год В Академии

Гиршовиц — это был ученик Академии, о котором я упоминал выше; затем он стал известным архитектором — он встретил меня очень дружелюбно. Через несколько дней я уже пошел сдавать экзамены. Экзаменовалось около ста человек. Я не помню уже точно, сколько экзаменов выдержал, но помню очень хорошо, что я их выдержал и остался совсем свободным. Приехав из Витебска, я думал: «Да, природа здесь — ничего особенного». Гиршовиц утешал меня и говорил, чтобы я не падал духом, потому что за короткое время пройдут экзамены, и я смогу учиться в течение этого времени. Он гарантировал мне успех.

При Академии есть музей античной скульптуры, и туда я стал ходить каждый день и очень усердно рисовать. Очень часто туда заходил Гиршовиц со своими коллегами смотреть мою работу, поправлять и показывать, как нужно рисовать. Туда же часто заходил знаменитый еврейский художник Антокольский, который в то время с большим успехом окончил Академию. Я сделал хорошие успехи. В мае я пошел сдавать экзамены, но результаты нам не объявили и в третий раз. Яков и я приехали из Варшавы сдавать экзамены в Академию точно так же, как он рисовал, и его приняли. Вместе мы стали ходить в музей работать. Экзамены мы оба выдержали, но нас не приняли, и я потерял 3 месяца. Наша радость была недолгой. Я уже не мог проходить мимо «дворника» и не снять перед ним шляпу. Я хочу спросить: кто будет смотреть на «дворника»? Должен сказать, что у меня не было жилья в Петербурге, и это из-за истории с «пропиской» того времени, когда в Петербурге только-только стал править великий губернатор.

Во вторую ночь по приезде в Петербург, как только я улегся спать, я проснулся от здоровой оплеухи со словами: «Вставай, паспорт есть?» (Вставай, паспорт имеешь?) От этого я в один миг вскочил с постели, открыл свои глаза и увидел большого крестьянина с зажженным фонарем в руке, это был старший дворник. Рядом с ним стоит полицейский, а сзади — хозяин квартиры (это был часовщик, у которого я и еще один человек снимали комнату). Он стоял бледный как полотно и дрожал как лист: ведь он тоже имел долю. Я сразу же отыскал с большим почтением свои бумаги, которые состояли не более чем из паспорта. Мои бумаги показывали его права, и их приняли хорошо. Но мои бумаги были какими-то не такими, нет, не такими. Я очень сильно испугался и принялся показывать какие-то рисунки, эскизы, на которые дворник посмотрел и сказал хозяину квартиры: «Где твои паспортные книги?» (Где твоя паспортная книга прописки?) Так как он увидел, что я много ищу, он сказал: «Вставай, и пойдём в участок» (Вставай и пошли в участок). Я уже стал одеваться, и гости тем временем зашли в комнату хозяина квартиры. Подходит ко мне хозяин квартиры и берет у меня из рук пятирублевую монету и говорит: «Вы можете оставаться дома». В хозяйской комнате гости сделали из этого третейский суд, и один из них от страха спрятался у хозяина квартиры в постели. Но как? Он засунул голову под подушку, а всё его остальное тело осталось торчать на постели. За его «незаконное поведение» его вытащили и увели в участок. Но выкуп его тоже спас, и все мы провели ночь на ногах в наших постелях.

На следующее утро ко мне зашел дворник и принес мне лапшу, и уселся как дома... Вспомнил только: вчерашний убийца сидел со мной за столом как ни в чем не бывало. После всех предисловий об ответственности и о страхе, который он несет из-за этого, и о том, как он подставляет свою шею, он потребовал, чтобы я платил ему три рубля каждый месяц в карман. Я сразу же дал ему первый «взнос» (откуп), и он принес мне большую лапшу, так что дело завершилось миром. С тех пор, проходя мимо двора, я первым делом снимал перед ним шапку. Не нужно было иметь уважения к нему, которого он не заслужил. Когда я чувствовал, что он не в духе, я подходил к нему спросить, как его здоровье, хотя он был здоров как десять свиней, и от него можно было научиться очищать свиней как я. Так я стал законным и получил уважение у «нашего...»

Когда Яков приехал, он сразу направился ко мне и жил на моих правах совершенно спокойно.

Однако такое положение продолжалось недолго. Когда мы выдержали экзамены, нам выдали билеты (удостоверения), в которых нас записали как вполне добропорядочных людей. Когда я пошел регистрировать свой билет в участке, я узнал, что был записан там еще раньше на основании того, что являлся претендентом на поступление в Академию. Это устроил надзиратель, который тогда приходил с проверкой, но дворник промолчал об этом, чтобы иметь возможность вымогать у меня мелочь.

Мы еще не считались полноценными академистами, так как выдержали только те экзамены, которые относились к искусству, но не к общему образованию, и это могло помешать нам получить все привилегии художника. Для нас, евреев, это было особенно важно, потому что без этого нельзя было получить право на жительство («право жительства»). В первый год мы были вольными слушателями. На второй год вышел закон, что нужно сдать экзамен за пять классов средней школы, а теперь, в наступающем году, нужно будет сдавать уже за восемь классов. Что делать? То, что касалось искусства, у меня шло хорошо, но в «чуждых предметах» (общеобразовательных) я ничего не смыслил. Я очень не любил эту русскую зубрежку, которая к тому же отвлекала бы меня от работы. На это Гиршович намекнул мне, что, во-первых, художник должен быть образованным человеком, а во-вторых, без этого еврей не получит право жительства и не сможет жить в «священной Руси». Словом, крутись как хочешь — выбора нет, но с чего начать?

Я по сей день благодарен студентам Яснопольскому, Бернштейну, Гинзбургу, Берману, Войтинскому и остальным, чьи имена я уже забыл. Нас было человек десять, которым нужно было подготовиться, и упомянутые студенты взялись за это дело. На экзаменах каждого из нас спрашивали, что мы знаем и что читали из литературы. Я с большой гордостью заявил, что читал «Прекрасную Елену» и «Тайны мадридского двора» в четырех частях. Последние слова я особенно подчеркнул: не забывайте, в четырех частях! Все расхохотались, а экзаменатор лишь улыбнулся и сказал: «Маловато». Мне стало очень стыдно за свою оценку собственных познаний в литературе. Я подумал про себя: «Погоди, погоди, я еще докажу».

«Зато я ведь могу учиться, а они — просто неучи и двух слов связать не могут».

Мы все начали учиться. Мне было удобно заниматься вместе с Яковом, потому что он учился дома еще раньше. Ему из-за меня пришлось изрядно попотеть, прежде чем он вбил мне в голову все эти науки, которые мы должны были подготовить для наших курсов. В конце концов из всех десяти человек выстояли только двое — Яков и я. С большими трудностями, но все же выдержали, и оба мы стали настоящими академистами (так называли себя студенты Академии). Мы получили форменные билеты со всеми надлежащими знаками. Мы оба купили себе форменные фуражки с синим бархатным околышем и золотыми пуговицами. Кто тогда мог с нами сравниться? И к тому же я перешел на курс выше по живописи.

На каникулы мы поехали домой — он в Двинск, а я через Двинск в свое местечко. Я счел необходимым зайти к своей «бывшей». Когда она увидела меня в этой форменной фуражке, она просто ахнула. Вместо ремесленника, как они меня раньше называли, которому стоило только сказать «иди сюда», и он уже бежал на все четыре стороны, перед ней стоял студент с бархатным околышем и золотыми пуговицами, пусть даже исхудавший и побледневший. Ей пришлось тогда пережить очень многое. Она рассказала мне, что после моего ухода сразу заболела нервной болезнью, и ее едва спасли. Мне было жаль ее, и в то же время мне льстило самолюбие, что такая гордая барышня, в которую я был влюблен и которая меня так не ценила, исчахла из-за меня.

В Двинск приехал встречать меня мой брат Лазарь, который, увидев меня, заставил сразу же пойти к доктору. Доктор сказал, что у меня немного задеты легкие, но здоровье поправится, если я буду хорошо питаться этим летом и совершенно ничего не буду делать.

Этим летом я совсем не занимался искусством. Ко мне в гости приехал Яков из Двинска, и мы вместе прогуливались в фуражках с золотыми пуговицами и бархатными околышами. В местечке уже думали, что я стал вторым Рафаэлем, если не выше того.

МАРК ШАГАЛ | СВОЁ АВТОБИОГРАФИЯ

1.

Первое, что бросилось мне в глаза, это было корыто. Простое, четырехугольное, неглубокое, обычное корыто. Я весь в нем и находился.

Я не помню, кто именно, но мне кажется, мама рассказывала, что в то время, когда она рожала меня в Витебске, на Песковатике, позади тюрьмы, в маленьком домике у шоссе — случился большой пожар. Город горел, та его часть, что была заселена беднотой, евреями. Кровать с матрасом, вместе со мной у ног мамы, перенесли в безопасное место, на другую окраину города.

Но прежде всего я родился мертвым...

Я не хотел жить на этом свете... Представьте себе бледный комочек, который вовсе не хочет жить в этом мире... Будто он посмотрелся на картины Шагала. Его кололи булавками, окунали в ведро с водой и, наконец, он издал слабый писк. Но самое главное — это то, что я родился мертвым. Я бы очень хотел, чтобы психологи не делали из этого никаких нелепых выводов... Имейте сострадание!

Затем дом отца на том еврейском «Песковатике», у шоссе, остался позади. Я недолго там прожил. Отец, когда у него начались небольшие заработки, переехал. Это местечко напоминает мне о вывеске на лавке Хаима Дериного, которую я нарисовал в Витебске в 1914 году; и еще напоминает мне картофелину, брошенную в селедку и вывалившуюся в муке.

Когда я смотрю на этот домик с высоты своего нынешнего величия — я так горько спрашиваю себя:

— Как вообще я мог здесь родиться? Как здесь дышат?

Но когда умер мой чернорабочий, дедушка с почестями, отец купил за полтора рубля другой дом. Это уже не было так близко к сумасшедшему дому, как на Песковатике. Вокруг были церкви, заборы, лавки и синагоги. Простые, вечные здания, как на картинах флорентийцев. Мимо нас пробегают и возвращаются обратно, или просто так ходят самые разные евреи: старые, молодые — любавичские и черныбыльские. Бедняки бегут домой, богачи идут домой. Мальчик идет домой из хедера. Отец идет домой. Тогда ведь еще не было никакого кинематографа! Шли либо домой, либо в лавку.

Я не говорю о небе, чтобы не тревожить свои детские звезды. Это ведь были мои звезды — мои тихие звезды — они ходили со мной в хедер, они ждали меня снаружи на улице, пока я не возвращался домой...

Бедняжки, простите меня. Я оставил вас одних на такой высоте.

Мой тихий, мой печальный город! Ребенком я с трепетом смотрел на наш «калитку» в детские годы. И для тебя, детские глаза, я был так ясен для созерцания. На том заборе я сидел. Если ты еще тогда не видел меня, я забирался на крышу. Что с того — мой дедушка тоже забирался на крышу.

Теперь я вижу тебя перед своими глазами.

Здесь, на Покровской улице, я родился во второй раз.

2.

А вот и он, один из персонажей моих будущих картин: с бородой, никогда не расчесанной, глаза — пепел и охра одновременно, с лицом из дубленой кожи, покрытым морщинами. Это мой отец.

Или вы видели его на картинах из Агады, пасхальной и праздничной... «Извини меня, папа». Помнишь, я нарисовал с тебя этюд, и твой портрет должен был произвести впечатление при свете свечи в запертой комнате.

מאַרק שאַגאַל מאַלט אַ בילד פון זיין פרוי (1932-1933)

Тот запах — это запах сна. Муха жужжала над зеркалом! Но кто спал...

Стоит ли вообще говорить о моем отце? Кем становится человек, которого никто не ценит? Непостижимая личность. И как раз поэтому, потому что он совершенно ничего не стоит, мне особенно трудно подобрать для него подходящее слово.

Дедушка, благочестивый меламед, не нашел ничего лучшего, как отдать моего отца еще подростком в услужение к торговцу сельдью, а его брата — к портному. Но нет — второй за тридцать лет так и не стал портным, а остался простым рабочим. Бывало, поднимут пяти-восьмипудовую бочку, и мое сердце сжималось от страха, когда я видел, как отец берет эти грузы и возится с покрытыми рассолом руками в селедке...

Но мой отец был известен тем, что у него было поэтическое народное сердце, запечатое молчанием. Он почти до самых последних лет брал за работу двадцать рублей. Те копейки от розничных покупателей служили лишь для увеличения его капитала. И все же мой отец не был бедняком. Нет, фотографическая карточка из его молодых лет и изысканный вкус нашей одежды говорят о том, что мой отец женился на моей маме будучи молодым человеком с приличным багажом физической силы; он подарил шаль своей невесте, коротенькой девушке, которая только после свадьбы подросла.

Сыграв свадьбу, отец оставил дедушке его заработки и зажил своим собственным хозяйством.

Но я хочу закончить рассказ о своем чернобородом дедушке. Я не знаю, долго ли он еще учился со своими детьми. Говорят, что он был очень красивым и почтенным евреем. Когда мы с бабушкой были на его могиле много лет назад, я, высекая надпись на надгробии, убедился, что это был хороший еврей. Не какой-то там «святоша», а праведный еврей. Он лежит у самой реки, возле черного забора, куда стекает мутная вода... лежит в самом низу, у подножия холма, где покоятся давно умершие мудрецы. Слабый, но все же достаточно четкий след остался на его надгробии, высеченный еврейскими буквами:

«Здесь лежит человек мудрый!»

Бабушка лишь указала пальцем:

— Вот это могила твоего дедушки, отца твоего отца и моего первого мужа.

Она что-то прошептала губами, не умея плакать. Она бормотала слова — свои ли, или из молитвенника. Я слышал, как, наклоняясь над надгробием, она говорила с ним так, будто он лежал живой, прямо под каменным гробом, будто он находился у себя дома. Будто она заглядывала внутрь земли, или в тот шкаф, в котором лежит что-то, что берегут на вечные времена:

— Давид, я прошу тебя, Давид, будь за нас заступником; за твоих детей, я — твоя Бат-Шева. Будь заступником за твоего спящего сына, Хацкеля, за твою мачеху Хану и за их детей. Проси, чтобы они выросли людьми, чтобы они были угодны Богу и людям.

Зато бабушка, мать моего отца, была мне гораздо ближе. Эта старушка состояла всего лишь из платка, платья и сморщенного лица. Фигурка ростом в полтора аршина. Вся душа — преданность и любовь к своим внукам и к своей «жертве вечерней». Когда она осталась вдовой, она, с разрешения раввина, вышла замуж за другого еврея, отца моей мамы, у которого тоже умерла жена. Она умерла в первый же год моего совершеннолетия.

На Кройштейнском кладбище лежит моя мама.

Когда сжимается сердце: во сне ли, или при горьких воспоминаниях, или в день годовщины (йорцайт), когда идешь на ее могилу — на могилу матери. Кажется мне, я

вижу тебя, мама. Ты идешь так медленно ко мне, так медленно, что хочется помочь тебе. Ты улыбаешься какой-то своей улыбкой. Ах, эта улыбка мне так знакома.

Мама родилась в том самом местечке Лиозно, где я нарисовал дом священника. Возле дома стоял забор, а у забора — свиньи... Она была последней дочерью у моего дедушки, и это в полутора верстах от Лиозно, в квартале возле синагоги и в квартале от бойни. В те времена, когда она росла на этой бойне, бабушка не выдержала и умерла в своей цветущей молодости. Тогда дедушка остался вдовцом. Шумное дело пришлось вести ему самому среди скота и колод.

Была ли моя мама действительно такой коротышкой? Отец до конца дней закрывал глаза. Но это ошибка. По нашему мнению, мама была редким выражением деятельной натуры, насколько это вообще было возможно в ее маленькой среде. Я не хочу говорить громких слов о своей маме, которой уже нет. Могу ли я говорить? Иногда мне не то что говорить — только плакать хочется... На кладбище, у ворот, я разрываю себя на части - от пламени, воздушный от тени, я готов пролить слезу...

Я вижу ту сторону реки, дальше — мост, и рядом — вечный парк. Земля и могила. Вот она, моя душа. Мне чудится, что здесь я, здесь мои картины, мое рождение. Печаль, грусть. Вот ее картина. Разве не все равно — это ведь я. Кто я? (Ты улыбнешься, будешь дивиться и смеяться, прохожий). Источник страданий, великолепная серость, глаза — врата печали, душа, которой почти нет, мозг, которого нет. Что же здесь есть?

Я помню ее, когда она хлопотала по всему дому с моим отцом; когда она, не зная усталости, строила дома, открывала бакалейную лавку; когда она нанимала извозчиков, когда она привозила телегу с товаром, без денег, в долг.

Где те слова? И какие есть средства, чтобы показать ее стоящей у двери с улыбкой, или когда она сидит подолгу за столом, ожидая соседа, чтобы поговорить с ним и проявить мудрость. А в пятницу вечером, после субботней трапезы, когда отец частенько засыпал прямо за столом, сидя на том же месте, а после благословения — ее глаза становились грустными, и она говорила своим восьмерым детям:

— Дети, давайте споем напев Ребе. Помогите мне.

Дети засыпали во время пения. Она плакала, а я говорил ей:

— Ты уже начинаешь? Я уезжаю.

Я хотел сказать, что где-то в ней был мой талант. Что всё она передала мне, кроме своей мудрости. Кажется, она заходит в мою комнату (при вечерних сумерках во дворе), стучит и спрашивает:

— Сынок мой, ты здесь? Что ты делаешь? Был ли у тебя кто-то? Хочешь поесть?

— Смотри, мама, это тебе нравится?

Она смотрит на мою картину своими глазами, полными слез. Я жду ее суда. Наконец она произносит с достоинством:

— Да, мой сын, я вижу. У тебя есть талант. Но послушай меня, сынок: может, тебе лучше было бы стать приказчиком?.. Мне так жаль тебя. Где ты будешь таскаться со своими красками? И откуда это пришло к нам?..

Уже сколько лет прошло с тех пор, как она умерла. Когда я был в первый раз на кладбище, у парка, ее нашли, поставили надгробие. Рядом лежат другие такие же [люди] из Могилева, или из Лиозно. Там лежат сердца. Похоже, их тоже погубил тот же недуг, который унес мою молодую, дорогую бабушку, изнуренную тяжелым трудом, еще в те времена, когда мой дедушка стоял и молился у синагогального ковчега. Все то же сердце. Мой дедушка, «чудный мясник», тоже умер в субботу вечером, после Йом-Кипура, вслед за суточным постом, на исходе дня.

Дорогой мой дедушка. Как сильно я любил тебя, когда бывал в твоих комнатах в Лиозно, пропахших сушеными шкурами животных. Я любил твои меховые шубы, висевшие по всему гардеробу, всегда развешанные на вешалках у двери; твои теплые одежды, шапки, кнуты и тому подобное, создававшие такой силуэт на серой стене, который я до сих пор еще недостаточно изучил. Каждый день на бойне забивали по две-три головы скота, и это свежее мясо обычно доставляли спозаранку другим домохозяевам.

В хлеву стоит корова, стоит с бочками и смотрит куда-то вдаль. Подходит к ней дедушка и говорит ей: — Ну, послушай, дай ноги, надо тебя связать. Товар нужен, мясо, слышишь?

Она издает тяжелый вздох. Я протягиваю руку, обнимаю ее за морду, шепчу ей несколько слов, чтобы она не боялась, — я ведь не ем мяса... Что я могу сделать... Она слышит, как катится телега, а позади нее синее небо. Но черно-белый резник с ножом в руках уже засучил рукава. Едва слышно благословение. Он перерезает ей горло... хлещет кровь... фонтан крови.

Потом всё стихает. Кишки разбирают, вынимают части, и с них капает жир. Розовые легкие, такие раздутые... пара пустяков. Такая сноровка в руках. Мне это нравится. Но есть это мясо мне не хочется. У меня самого была вторая бабушка в Лиозно, набожная, с отдельными мясными кастрюлями, с солеными огурцами. Что это было за мясо, я не знаю. Может быть, оно было прямо из моего живота, из горла, легких, — живое, — я ведь этого не понимал... Я был тогда глуп и, кажется, счастлив.

Дедушка, дай мне еще немного подумать о тебе. Как-то раз, наткнувшись на рисунок с изображением обнаженной женской фигуры, он отвернулся, будто это его вовсе не касалось, или будто это было чем-то чуждым на базарной площади, что совершенно не подобает почтенным домохозяевам. Я понял тогда, мой дедушка (да и моя маленькая бабушка) ценили мое собственное искусство меньше, чем искусство портного (которое хотя бы приносит пользу?). И они были тверды в своей плоти.

Или вот еще, что мама рассказывала о своем отце, моем лиозненском дедушке. Возможно, ей это приснилось. На Суккот или Симхат Тору — навещает дедушка. — Где он? Где он? — доносится снаружи.

И вдруг в комнату заходит красивый дедушка, усеянный сухими листьями. На нем одежда не хуже, чем на картинах. Все люди рады ему, и с большой радостью встречают этого простодушного человека из моей семьи, тайну моей работы. Да, это идет от него. И сколько любви у вас, граждане.

А теперь я расскажу вам еще об одном человеке, если уж я взялся приводить факты для будущих поколений в подтверждение вашей справедливости и моей вины перед судом здравого смысла — о том, что рассказывала мне мама о моих хороших лиозненских родственниках... Один из них нашелся сам, весьма практичный, чтобы показать на улице, в самом низу местечка, у реки. Что это за ужасы? Воспоминания о том «Хацкеле» всегда наполняют мое сердце солнечной радостью. Точно так же, как улицы средь бела дня, отразились в картинах Мазоччо, Пьеро делла Франческа. Хочется подружиться с ними.

Мое искусство не играло никакой роли в моей жизни, но их жизнь и их искусство были едины. Вы знаете? Бывало, закроюсь со своими евреями в синагоге... бедными, несчастными... я кручусь, верчусь, пока не приближаюсь к моим «восточным» сородичам, лицом к окну, держа сидур в руках, чтобы смотреть на панораму Лиозно, этого местечка. Вот сзади начинают уже петь Мусаф, евреев уважают у амвона. Он молится, он поет, он покачивается, и вновь начинает, и снова держит в руке цитит, точно так же, как у меня в сердце был бы маслбойный завод. Это было тепло и горячо... как олады.

...течет во мне этот благодатный ручей. И когда он плачет, я вспоминаю о каком-то своем неоконченном рисунке и думаю про себя: — Выйдет ли из меня великий художник?

Но я никогда не забуду тебя, дядя Ноах. С тобой мне приходилось ездить за скотиной. Как счастливы мы были, когда ты соглашался взять меня с собой в своей двухколесной телеге. Это не вредило. Ездить ведь умели. Для этого были и на обеих сторонах.

Дорога и путь. Пыльный песок. Покрикивает мой дядя Ноах на лошадей: — Но! Пошла!

Взамен я решил, что должен выказать свою прыть и расторопность, и потащил животное за хвост, приговаривая: — Не отставай...

Проезжая через деревянные мостки местечка, я всегда думал, что во мне и волнорез, и несколько деревянных корыт... Колеса имели другие рукописи. Дядя ничуть не заботился ни о реке, ни о заборах, что тянулись вдоль берега до самой мельницы и дальше; эти одинокие домишки на рынке, где всё уже погрузилось во тьму, и мы приехали усталые; и я с Божьей помощью знаю — что в этой душе...

Я бы скорее стал рисовать моих сестер и братьев, ради которых я с любовью принялся бы за фактор их волос, их кожи. С какой скоростью я вносил бы эти штрихи в их складки, запечатлевая движения и дыхание с помощью моих разноцветных красок. Но писать о них?!

Я берусь не ради того, чтобы рассказать хоть пару слов о моих тетках, из которых одна была с длинным носом, с доброй душой и с дюжиной детей. Другая — с коротким мокрым носом, с половиной дюжины детей, и она любила меня. А почему нет? Третья — вовсе с носом, как из мармеладного теста, с тремя детьми, из которых один обладал способностью быть глухим, а третий еще подрастал. У дяди было еще около полутора десятка. Все эти праздные евреи: кто с большой бородой и с пустой головой, а кто с черной бородой, а кто с желтой бородой, с одним лишь словом: это живопись.

Каждую субботу дядя Ноах надевал талит, читал Тору. Играл на скрипке, как сапожник, а его сестра...

Только Рембрандт знает, что думал этот старый еврей, мясник, лавочник, кантор, когда его сын играл у окна.

Я тоже знаю это, но не могу передать.

Хотелось спать.

Всю жизнь его половинка сидит на скамейке у дяди Леви, их дочери пасутся, как коровы. Дядя Иуда всегда на печи, не ходит даже в синагогу, он сидит дома у окна. Бормочет молитвы. И его желтая борода опускается на лицо у окна-листа, идет прочь на улицу и растворяется на куполе костела.

Он выглядит как деревянный дом с дырявой крышей... Я могу нарисовать его за один-два раза...

Сидит дядя Исраэль в синагоге, на своем месте, руки сзади, греется у печи, глаза закрыты, а лампа горит на столе. Черная густая тень легла на занавесь у ковчега завета. Читает он и покачивается, покачивается и поет, шепчет и вздыхает. Встает: время молиться Маарив.

Уже вечер. Синее небо. Лиловая земля. Люди закрывают лавки. Просят ужин. Сыр, тарелки. Почему я не умер у них под столом? Мой дядя пугается, когда дает мне руку. Говорят, я художник. «Вдруг он возьмет и нарисует меня».

Бог уберет от греха...

И пусть Бог простит меня, если в моих характеристиках нет любви к людям, которых я вообще люблю — и мои родственники для меня более святы, чем другие. Я так хочу.

У меня есть дядя, он мясник — Хацкель. Он так похож на меня, сердечный дядя, у которого была стальная трость (единственная, которая была из стали!) Со мной на всей улице, даже перед барином. Ну, довольно о них. Добрый день.

3.

День за днем, день за днем. Семь лет зимой и летом отец просыпался и шел в синагогу, неизменно читая Кадиш по кому-то. Ставил самовар, пил чай и уходил на работу. Что за жизнь? И как это рассказать? Словами не сделаешь жизнь моего отца

легче (я прошу счастья, я не милосерден, у меня нет никакого сострадания). За столом всегда стоял отец, как рабочий.

Хлеб с маслом был как вечный знак, никогда не выходивший из моих детских рук. И где бы я ни находился: во дворе ли, на улице ли, по нужде ли, я везде ходил — и со всей нашей мелочью — с хлебом и маслом. Были ли мы тогда голодны? Совсем нет!.. Просто хотелось есть, грызть, жевать. Особенно любили все мы ночью ходить «до ветру» в сад — это укрепляло мою смелость. Был ли я трусом? Просто при луне, когда страшно идти далеко, ноги не слушаются. Правда, на следующее утро отец, с кнутом в руке, стоял в дверях хлева и кричал туда: «Ну-ка! Дети, свиньи!..»

Я любил спать. Не ночью — утром я любил спать. Когда луч солнца из-под ворот заглядывал в окно. Мухи жужжали и целились в нос. О, наконец! Кажется, входит отец с ремнем в руке и говорит: — Кажется мне, пора идти в класс, а?

Я разглядываю синие обои, кушетку со спинкой, окно с домами и небо: действительно, все уже встали, хватит чесаться. Наконец открывается дверь, и входит женщина. «Доброе утро, — говорит она, — хорошая селедка, за три копейки, но хорошая. У вас есть хорошая селедка? Вы ведь должны иметь хорошую селедку!» Я тоже встаю. Не знаю, который час...

Утром. Чай на столе. Я не в силах переварить этот цвет, этот запах. И этот сладкий напиток проливается во мне вслед за булкой.

По пятницам начинался «генеральный туалет» моего отца к субботе; мама спешила вынуть поленья из печи, а отец мыл голову, грудь и свои черные руки. Вздыхал: «Нет никакого спасения, никакого проку нет». Вся семья толпилась вокруг меня, и пусть кто-нибудь поможет мне! Я скорбел и размышлял о своем бедном искусстве и о своем будущем. Краски горячей воды смешивались с запахом мыла и особенно раздражали меня. И субботние свечи, которые зажигались, казались мне окровавленными, точно так же, как то животное при забое на стальной колоде. Святая кровь! Было тепло и жарко... Празднично.

Пятничная трапеза. Омытые руки, лицо отца и его белая рубаша успокаивали. Всё было хорошо. Подавали ужин. Мой аппетит — хоть бы только вернуть его!... халы, фаршированная рыба, лапша, мясо, цимес, компот. Температура поднялась. Отец переложил последний кусок рыбы из своей тарелки обратно в мамину тарелку. «Ешь сама». «Ешь ты». И отец уже укутался [одеялом] еще до благословения после еды (ну, что поделаешь?), а мама уже запела у разрушенной печи старый раввинский напев.

Я вспоминаю своего дедушку, дедушку-кантора. Я вспоминаю синагогу у маслобойного завода и плачу глубоко внутри, спрятавшись за углом у разрушенной печи, когда мамин напев уже переходит в плач, со слезами, во весь голос... Какое сердце (не только мое) не задрожит субботней ночью на этой бесприютной земле, когда на улице никого нет. Кривые фонари, и только тени волочатся вокруг...

Погасли свечи у нас в комнате — на небе они светят. Голова болит. Я боюсь выходить в переднюю комнату, во двор (как-то поздно ночью я застал там воровку). Спрашивает она меня: «Где здесь трактир? Я иду с кладбища»...

Все ложатся спать. Только с рыночной площади я слышу какую-то далекую музыку. В саду играют. Там гуляют. Обнимаются деревья, гнутся в темноте. Листья шуршат.

В будние дни у меня, кроме всего прочего, была беда с тертой кашей. Никакая другая каша, кроме гречневой, не была мне по вкусу. Ощущение, когда у меня во рту были эти крупинки, наполняло меня радостью, будто мой рот был набит фисташками. Только теперь, во взрослом возрасте, я стал знатоком и даже любителем проса и каши. Особенно тогда, когда это просо улеглось на моей плоти.

В дальнейшем я спал по привычке в одеждах, и мама подходит уже и будит своего сына: — Я не знаю что, но вставай, ишь как спит. Вставай, иди есть. — Что есть? — Кашу. — Какую? — Тертую с молоком. — Я хочу спать. — Иди есть.

— Я не люблю [ее]. — Иди, упрямец. Если ты не поешь, то потеряешь сознание, или ослабеешь и не сможешь есть.

Я должен признаться, что часто любил падать в обморок. Иногда это спасало меня. Приходило это, однако, в другое время, по другим причинам и в другом месте.

Зима. Мои ноги стоят на голове. Я стою часто у печи, этой черной, чтобы согреться. Около нее так гладко. Спереди сидит мама на скамейке, погруженная в книги. Отец подает самовар, и сейчас будут крутить папиросы.

Господин мой, кусочек сахара! Как я доволен. Мама говорит, говорит, стучит пальцами по столу, качает головой, и чай остывает. А отец у плиты смотрит на золу. Она выросла в гору папирос.

Когда кто-то из наших детей заболевает — это тотчас снится маме. Ночью. Прохлада. Комната спит. Только внезапно [фигура] выросла на улице. Бабушка Хана заколотила фартуком у окна, со словами: — Дочь моя, почему в твоём доме так холодно, и в эту ночь ты без фартука?

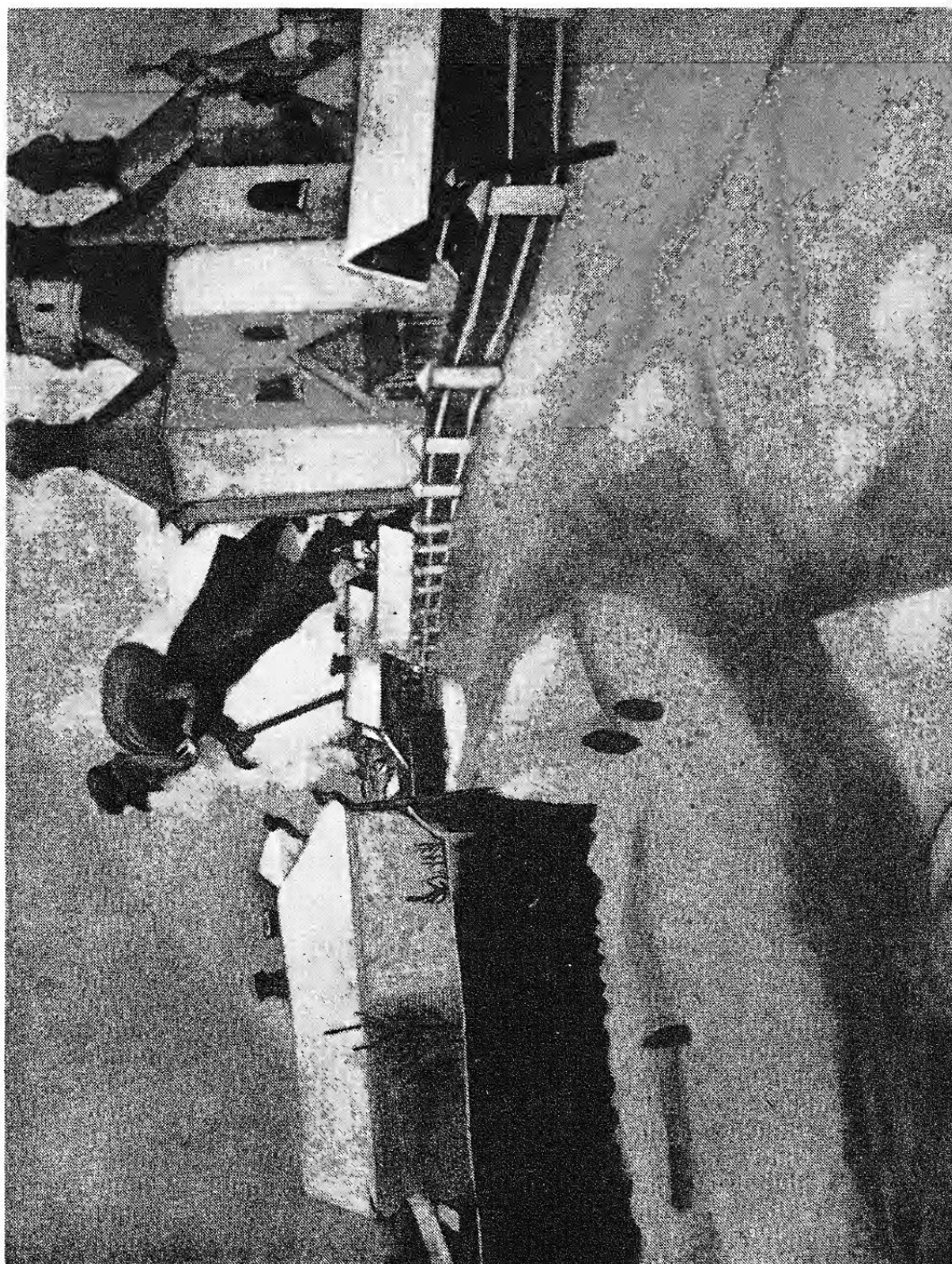
И в другой раз входит в комнату старик, белый, из того мира, какой-то дядя с длинной бородой. Идет внутрь и останавливается. Просит милостыню. Я даю ему кусок хлеба. Он благодарит и хлопает по руке. Выпал этот кусок хлеба. — Качи, — говорит мама, просыпаясь от сна, — загляни, что там с детьми.

Так мы заболевали.

Стены и одеяла, подушки и матрасы были для меня радостью. И то, что скрывается за ними, находится и на моем рисунке «Над городом». Или я должен сказать:

Чистый воздух, окна напротив окон, ворота, куры, фабрика, которая не работает, клозет, холмик, старое еврейское кладбище, где уже никто не лежит.

Еще больше я любил смотреть из окон, вниз... Высовываешься, протягиваешь голову и вдыхаешь свежий воздух. Птички летают мимо меня. Я слышу — Сорка умывается, я вижу ее ноги. Она рассыпала свои любимые игрушки, кусочки разбитых чашек, свои камешки..

מארק שאגאל — דער פליענדיקער ייד איבער הייטעכסט

Она торопится на свадьбу. Она бесплодна. И они будут там на счастье невесты...

Я люблю музыкантов, звук тарелок, флейты, скрипки. Я бегу тоже на свадьбу и плачу вместе с мамой. Я люблю плакать. Когда бадхен затягивает своим высоким голосом в зале: — Невеста, невеста, — говорит он, — поплачь, посмотри только, кто стоит перед тобой до венца; и посмотри назад, что стоит за тобой...

Оно стоит за тобой. Что стоит за тобой? У мамы текут слезы на ее платочек из кармана и капают где-то на кухне, где готовятся рыбы, чтобы их скоро подали к столу. Отревелись — довольно. Разгорелся зал — и с шумом начинается конфетти, бумажки всяких цветов. — Мазл тов!

Бабушки и тетушки, девушки и парни, и бедняки, и музыканты. Мы толкаемся и спим. Мы хлопаем руками. Мы обнимаем друг друга. Мы поем, мы кружимся, мы танцуем. — Мазл тов!

И с кем я должен поцеловаться? Надо выбрать, с кем поцеловаться. Я не могу целоваться со всеми этими старыми евреями с бородами.

Со страхом я смотрел на девушек вокруг меня. Так долго они уходили от меня...

Я не знаю, сколько мне лет было тогда — десять или одиннадцать. Всё хочется обратно к маме, говорю я ей: — Хочешь со мной немного поиграть, я верну тебе кошку...

Но это были дни, когда я играл не только с палочками, с пуговицами, с косточками и стеклышками; или я воровал в соседнем дворе у моего друга, который любил стучать по жести... Это меня очень пугало. Бывали дни, когда я проводил время на берегах Двины, купался, мылся и бросался вновь и вновь в воду. Только одно: я стеснялся заходить в воду. Мой школьный друг, Чарльсон, слишком утомлялся, брызгался и смеялся: — Смотри, какой маленький хрен!...

Ничто так меня не раздражало, как замечания по поводу этого органа. Считаю свой лучшим, хотя он и длиннее, и моложе...

מֵאָרֶק שְׁאָגָל — אַ יִיד בֵּינָם דֶּאָוונען

Но кроме колючих талантов купаться и стоять на крышах во время пожаров, у меня было еще кое-что.

Слышали ли вы в Витебске мой голос?

Я поступил в помощники к кантору. В Йом-Кипур вся синагога и я сам слушали мой дискант. Я думал: — Я буду певцом, кантором. Я поступлю в консерваторию.

Кое-чему Клезмер научил меня - играть на скрипке. Я уже заглядывал в ноты. Я думал: — Я буду скрипачом. Я поступлю в консерваторию.

Впрочем, в каждом доме имели свои скрипки, сосед с моей сестрой занимался, занимался сам — танцевать. Я был влюблен в грацию, кучерявость. И думал: — Я буду танцором. Я буду «почтамтом» (Postamt).

Я и сам не знаю, где и как. День и ночь я писал стихи. Меня хвалили. Я думал: — Я буду поэтом. Я поступлю... Я не знал, куда и броситься.

4.

Но проходят годы. Надо уже быть человеком, как все люди. И я несу в один прекрасный день маленькую тетрадь со своими рисунками к раввину. Спустившись со своего стола, рисунок от мамы вышел из цирка. Его зовут никем. Он приходит сам, как приходит сват в дом или — старый нищий после смерти.

Какое время, времена — говорит он.

Я смотрю ему прямо в бороду. Я уже знаю алфавит. На этот алфавит я засну и стану этим алфавитом... И как раз в это время застаёт меня учитель за дремотой. Я получаю [на орехи].

С молниеносной быстротой я бегу в хедер. И с плетью в руке возвращаюсь я каждый вечер домой. В пятницу ведут меня в баню, кладут меня на скамью, осматривают мое тело с мочалкой, прямо как Гемару.

Таких раввинов у меня было трое. Первый — это маленький могилевский бездельник, второй — Ури учитель (я ничего не помню), третий — страшный парень: «Дядя раввин». Он научил меня знаменитой речи, которую я говорил наизусть посреди бар-мицвы с табуретки — речь о тфилин. Я признаюсь, эту речь я держал как долг (я забыл ее через полчаса или на полчаса раньше).

Но мне кажется, что мой первый, маленький могилевский учитель имел на меня больше влияния, чем все они. Как же, вместо того чтобы мы все шли купаться в субботу к реке, мама без всякой причины отправила меня учить главу Торы. Но я ведь знаю: в это время (суббота после полудня) спит раввин с ребецн — в честь субботы — совершенно раздетые. Ждешь, пока он наденет рубаху. Постучавшись в дверь, я разбудил собаку ребецн. Желтый, старый, злой, с лаем и шумом он спустился с лестницы, прямо к мальчику, ко мне, и...

Я не помню ничего, что со мной дальше произошло. Я знаю только, что я очутился у ворот, рука в крови, ноги тоже. Собака меня искусила. — Ничего еще не кончено. — Надо его увести скорее к матери.

Собрались зеваки, гнались за собакой и сзади кричали на нее. В тот самый день дядя поехал со мной в Петербург лечиться. Врачи сказали, что на четвертый день я умру.

Как хорошо! Что с каждым днем ближе к смерти. Все ходят вокруг меня. Я герой. Собака взбесилась (радуйтесь, нашли секрет!)

Каждый год я чувствовал, что с кем-то я хочу поговорить о незнакомых вещах. Началось это тогда, когда отец ворчал над моим тринадцатилетним телом, окутанным в талит: — Барух ше-птарани! (Благословен освободивший меня!)

Что делать? Должен ли я оставаться невинным мальчиком, молиться утром и вечером? И куда мне идти, и что в рот не брать, и чего мне не слушать (все звучало как гром). Что делать? Бежать ли из синагоги и выбросить сидур, талит, бежать через улицы к реке?

Я испугался этой мысли. Я ведь уже большой человек, у меня будут все признаки взрослого человека, даже борода... И вот тащит меня мама в «Городское» [училище]. Сначала смотрю на школу снаружи и думаю: «Наверное, здесь уже выздоровеешь от хедера» — и там учитель не наплюет на ковер. Наденешь кокарду, и если пройдет офицер, нужно будет отдать ему «честь». Мы все — будто чужие люди, только евреев туда не пускают. Но мама идет уверенно к учителю. Наш отец, он ведь такой простой, что возьмет... Двадцать рублей — это ведь немало. Я сразу прихожу в третий класс после кокарды, и меня начинают втискивать в открытые окна женской гимназии. Само тело вздрагивает. Надеваю черную классную форму и становлюсь глупым, наверное, на несколько фунтов. Во-первых, я сразу начал заикаться. И хотя не заикался, но я испугался уроков. Да ведь я с жестокостью не хотел им отвечать. Было весело и трагично. Хватает их черт, этих «двоечников». Только море голов на всех партах пугало меня до смерти. Что-то дрожит и хватается меня кругом. И приближаешься к черной доске, я становлюсь черным, как сажа, и мысли мои; и краснею — по словам других. И — стоп! Часто я даже улыбался, только это было издевательством над моей растерянностью. Понимаете же, что экзамены у учеников на первых партах были излишними. Я ведь уроков не знал. Только я научился заикаться. Плеть, желтизна, растерянность напали на меня. И, может быть, она грезилась над моим лежащим телом. И во рту моем было сухо, и зубы мои — едва белели...

К чему мне нужны уроки? Сто, двести, триста, четыреста листочков-тетрадок я не вытаскиваю из своих книг. Рассейте их по ветру, по воздушным пространствам. Пусть они сами шепчутся в воздухе, по-русски, про страны и моря. Только оставьте меня. Я хочу быть дикарем. Покрываться зеленью, кричать и плакать.

Только с одной стороны мои уроки тогда, с другой стороны — головы, с третьей — я не знаю кто, тот, кто меня запутал и оставил.

— Ну, Шагал, кто ответит сегодня урок? Я молчу или начинаю: «Та-та-та-тараская наештсвие...»

Думалось, что выбросят меня вон из четвертого этажа. Жизнь в черной куртке дрожала, как лист в месяце элул. Но кроме возвращения на место, не было ничего. Только учительская рука извлекла из-под стола листок и вывела «2». Это я уже видел. Через окно класса я глядел на деревья и на дом женской гимназии.

— Разрешите мне выйти, Николай Иванович, мне очень...

Я забыл, как это называется, когда зовут друг друга в праздничные дни целые толпы евреев и одинокие фигуры волочатся по кладбищам. Через час прогулок вокруг здания, точно голый лев на улице среди одетых. Со своими книжками под мышкой я шел туда один. Прийти, уйти, заглянуть в парк. Был ли я печален? Только мне и знать, как легко заблудиться, узнать здесь знакомого, войти, перевернуть эти домики раввинов, разобрать листочки. Кто знает, о какой просьбе в постели. Выброшенный, как мусорный ящик, я бы там был. Рабочий плачет.

Только в один день, когда никто не вызывал и настроение у нас поднялось, никто не знал, куда деваться. Не я — обычно, сидя на скамейке, я уже знал, где я должен очутиться.

Я искал крошки хлеба в кармане. Я шевелился, вертелся, я поднимал себя, я видел себя. И вдруг я высовываю голову вместе с рукой через окно, чтобы ласковый, ветреный, обдувающий поцелуй.

Инспектор идет. Рука, собственная, хватает его прямо. Я пойман, я багровею, я бледнею.

— Напомни мне, Мерзоев, завтра поставить тебе «2» за поведение!...

Тогда я запутался в рисовании. Я не знал, что это такое. Но головы летали, часто встречались толстые учителя. И мой сосед по скамейке, Скориков, отдавался своему любимому занятию: щелкал под скамейкой... Этот щелчок был завистливым и героическим. Иногда он будоражил весь класс. Было тихо. Смеются.

Скориков!

Учитель вызывает Скорикова, тот багровеет и, найдя «2», садится на свое место.

Но больше всего я любил геометрию. Линии, углы, треугольники и квадраты манили меня и звали к каким-то отдаленным далям. И на уроках я не смыкал глаз предо мной. Тут я был единственным, образцовым. Я обычно приходил вторым. Под конец, когда я уже вдоволь наигрался палочками и навозился с этим мерзким предметом — я остался в классе еще на год. Что это означает для меня, не ясно, я не помню. Что схватить? Слугу или бухгалтера я еще не подготовил. Пусть идет время. Пусть оно тянется. Я буду сидеть ночами и держать в руках карандаш прямо и учиться до тех пор, пока мама не заговорит из спальни:

— Довольно уже жечь керосин, иди спать. Я же говорила тебе, что уроки нужно делать днем, сумасшедший.

Поэтому в пятом классе со мной случилось вот что: во время рисования один из первых учеников вдруг открыл на папиросной бумаге рисунок (копию из «Нивы»).

И... хаос. Оставьте меня! Я не помню рисунок, но рисунок этот, то, что он был сделан этим шкодником и не мной, зажег меня, как огонь. Я побежал в библиотеку, вытащил эту толстую «Ниву» и начал копировать — Рубинштейна портрет из-за его глаз и карманов и с его морщинами; то — гречанку, то другое, то третье — что-то свое, и всё это я развесил в нашей спальне.

Я хорошо знал все ругательства с улицы — и еще немного литературных слов. Но такое фантастическое слово, как мое не-еврейское слово вроде «художник» — я никогда не слышал. То есть, я слышал, но в нашем городе никогда не говорили. Как оно приходит? Я никогда не встречал, по словам приезжих — я не знаю, что. Разрешить себе даже такую мысль, произнести такое слово. Но когда мой товарищ увидел развешанные картины на нашей стене, он сказал так:

— Послушай, парень, ты же настоящий художник!

— Что значит художник? Кто такой художник? Могу ли я в самом деле быть им... скажи?

Он ушел и ничего мне не ответил. И я вспомнил, что где-то, в городе Витебске, я видел в самом деле большую вывеску, как на лавках:

«Школа живописи и рисунка художника Пэна».

И я подумал: Моя судьба определена. Нужно только пойти туда и, окончив школу, я уже буду настоящим художником. И я распрощаюсь с маминими снами о слуге, о бухгалтере, или в лучшем случае — о фотографе с мебелью.

5.

В один прекрасный день (других дней ведь нет!), когда моя мама закладывала хлеб в печь, я подошел к ней, взял ее за испачканный в муке локоть и сказал:

— Мама, я хочу быть художником!

— Пропади ты пропадом!

— Я не хочу быть ни слугой, ни бухгалтером.

— Художником я хочу быть!

Что-то мне сердце подсказало, что это будет не совсем гладко, я и дальше втискивался в мою маму:

— Смотри, мама, суди сама: разве я человек? Гожусь ли я на что-то? Я прошу тебя, спаси меня и пойдем со мной, пойдем! Есть в городе такое место, где если я только туда войду и выучусь, я буду настоящим художником.

— И я буду счастливым.

— Что? Художник? Ты, упаси Господь, не сошел с ума? Оставь меня, я прошу тебя, дитя мое, закладывать хлеб в печь и не путай меня. У меня ведь горит хлеб в печи!

— Мама, я хочу, пойдем со мной.

— Отвяжись ты!

Конец был таков, что я настоял. Я и моя мама идем искать его, и если он скажет, что у меня есть талант, то уже будут платить копейку; а если нет, я и так стану художником, я ведь думал только о своем расчете.

И легко себе представить, что моя судьба была вложена в руку художника Пэна — так это, по крайней мере, выглядело у моей мамы в глазах. И это означает: весь мусор из нашего дома, потому что папа дал пятерку за обучение, как вырвал из самого сердца, и я это взял. Сейчас же я пошел, собрал все мои рисунки, как свиток, я, дрожащий, с большим страхом и с мамой, отправился в школу-ателье.

Вскоре, как только мы подошли к лестнице, меня сразу охватил запах красок и картин. Портреты со всех сторон.

Губернаторские жены; мадам Левинсон; сам барон Корф со своей баронессой, и как их зовут — кто их всех может знать. А сосчитать? Я — ни в коем случае! И в то же время я убедился, что здесь не то место — не мой путь. Но тогда это меня очень сильно увлекло.

Всё меня поразило: картины, живость, запах. Проходя мимо лестницы, я украдкой потрогал, ткнул пальцем сюда, сюда, в бок.

Мастера не было дома.

Я никак не мог понять, отчего моя мама так растерялась в ателье художника.

Ее глаза разбегались по углам, карабкались по стенам и еще не имели малейшего удивления, дает она три шага ко мне и говорит почти с молитвой, с такой любовью и взрослой рассудительностью:

— Ну, дитя мое, смотри, ты же никогда не сможешь так сделать. Пойдем домой!

— Мама, подожди!

В моем сердце я уже тоже чувствовал, что так сделать я в жизни не смогу. Пропало. И не нужно так делать!

Иначе!

Но как иначе? Не знаю.

И мы ждем его. Он должен сейчас решить нашу судьбу. Владыка мира! И то, что будет, будет ли оно сейчас на мою удачу со всеми?

И даст ли он пощечину маме: — Вон!

Сердце бьется во мне. — Всё возможно. Будь готова. Если не с мамой, то в пламени.

В ателье никого нет. Только во второй комнате прячется ученик. Мы входим внутрь.

Тот замечает нас едва. — Здравствуйте! — Здравствуйте, если вам угодно! Он сидит верхом на стуле и рисует натурщика.

Это мне понравилось.

Мама сразу обращается к нему с вопросом:

— Скажите мне, будьте добры, есть ли какой-то заработок, какая-то профессия в этом рисовании? А?

— Э, что; я знаю: ни лавки, ни товара. Разумеется, ни копейки от извозчиков и торговцев не дождешься. Но это было вообще излишним — убеждать мою маму в ее правоте, и во мне, мальчике, который перепуган, родилось какое-то горе.

Но вот идет уже «метр» — этот коротышка с торчащей бороздкой — Пэн! Он уже заканчивает то, что его ученик начал. Он сейчас положит этому конец. Передает механически привет (как он может смотреть на сапожника — подумал я — в то время как он привык к совсем богатым людям и губернаторским?) и выпускает:

— Что вы хотели?

— Да вот он. Сам не знает. Захотелось ему стать художником, я знаю, какой-то сумасшедший. Посмотрите, если в этом есть толк, пусть учится, а если нет...

— Пойдем домой!

Пэн даже не моргнул глазом.

— Ну — думаю я — хоть подмигни глазом!

Без промедления, по старой привычке, берет он мои рисунки из «Нивы» и бормочет что-то:

— Да, есть тут способности!

— Ах, отлегло... — подумал я про себя.

Мама поняла мало что. Мне же этого было вполне достаточно.

И так я выуживал у отца каждый месяц пятерку и два месяца с половиной учился у Пэна в школе в Витебске.

Что я там делал на самом деле, не знаю. Напротив меня висел гипс. Мне велели, наряду со всеми, его рисовать. Я очень прилежно усаживался, приставлял карандаш к глазам и — измерял и делал точки.

Только всё это было не так — не точками.

И натура меня тянет вниз; она тянет меня ко всему низкому.

При белении краску разбавляли цветами.

Я имел свое собственное: коробку и флакончики лежали у меня в кармане, как детские игрушки. Денег не было вовсе.

Свободный, я уходил за город. Всё, что за городом — всё стремился я рисовать. Без страха, что я уже вышел за «черту оседлости», возле солдатских палаток, я красил красками и становился синим, и рисование приносило мне мучения.

Где эти мучения, которые висели у камина в той грязной комнате?

Выглядит это как сказка, что как только та грязная комната пустеет, кладут они на пол вместо нее ковер.

Становится еще красивее.

Нужно обтереть ноги, и когда этот случай исключен.

Дети решают, что ради этого рисуют картины вообще на той грязной комнате.

И вот я от этого решения едва не задохнулся.

У Пэна я имел одну лишь сторону, выкрашенную лиловой краской.

Что это? Откуда?

Это подняло такой шум, что я уже дальше учился попусту, так долго я был в истинном ослеплении, что «нечего тут копать, нет тут никакого товара».

Как Пэн, ученик, рассудил.

Окрестности Витебска и Пэн.

Земля с остатками моей семьи, которые мне сейчас так близки и дороги.

Пэна я любил. Не раз тянуло меня переступить порог его ателье и просить его:

— Мне не нужно быть знаменитым — только рабочим, тихим рабочим быть у нас в городе, как вы.

— И так же, как ваши развешанные картины, хотел бы я сам вывеситься на этой улице, рядом, бок о бок.

— Разрешите мне!

6.

У берегов Двины водился я с девочками. И те ходили толпами на крыши, и вдвоем кружился я с мальчиками. Один из них: ходит к нашей калитке.

Его видят.

Соседки шумят, бранятся и сплетничают.

Я прячусь за фартуком, высовываю голову и говорю:

— Да, завтра придет окончание.

Остаюсь я у него ночевать и рассматриваю его затылок. Мы будем вместе делать горшки.

Пирог с изюмом, яичница с цыплятами, мачанка с пирогами. Всё меня манило. Перевернулось всё во мне. Такая природа была у меня.

В один из разов выделился мне среди учеников Пэна один. Был он сыном купца первой гильдии. Товарищ по школе, который ее бросил, чтобы работать на более балебатише [прим. пер.: солидном, хозяйском] — на Камершескую [коммерческую].

Чернявый, бледный, он был мне чужим, как вся его семья. Встречаясь на мосту, он обычно с высокомерием подходил ко мне и спрашивал про небо, и про облака — с иронией и высокомерием.

— Нашел ли ты, Марк, то облако, которое там плывет, возле моста, такое слишком синее? Когда оно светит в воду, красится ли оно в лиловый цвет? Ты тоже, как я, любишь лиловый цвет, да?

Я сдерживал свое отвращение, накопившееся за все время моих несчастных лет учебы в школе, где этот аристократ смотрел на меня, как на деревянную древность. Нужно признаться, что этот парень отличался превосходным аппетитом. Я часто не знал, с кем и с чем сравнить его голову.

Забыв о богатстве и гордости, в которую он одевался, я в конце концов сблизился с ним по-особому и провел мои детские годы.

— Хорошо — говорю я. — Через несколько месяцев я стану учителем. Только я не хочу брать денег за учебу, давай лучше будем друзьями.

Я перестал бывать дома у своих родителей и всё больше проводил время на даче Виктора, где мы бродили по полям и терялись. Зачем писать это? Оттого, что только большая городская скука моих друзей давала мне повод думать, что я значу что-то большее, чем улица. Как тот единственный, кто уже бывал на краю света, кроме города Витебска. Виктор дал мне знать, что он готовится ехать в Петербург поступать на свои художественные студии.

— А что же я, мы поедем вместе?

Что же мне оставалось делать? Я, приживальщик и сын никого, не из купцов первой гильдии. Меня уже влекло к городскому фотографу на учебу, я уже начал сидеть за ретушерским столом и смотреть на лампу при аппарате. Хозяин дома, фотограф, обещал мне великолепное будущее, с условием, если я не буду капризничать и — если я останусь работать еще на год бесплатно.

— Искусство — вещь хорошая, но только ты не убежишь. Вернись назад, что такое искусство?

— Смотри, как я живу!

И вдруг! Схватив те единственные двадцать рублей, что я получил от отца на учебу и на дорогу — я уезжаю с моим другом в Петербург.

Убегаю.

С каким количеством слез и с какой гордостью собрал я те бумажные копеечки, которые отец бросил мне на стол (я прошу прощения, у нас не принято так). С большим трудом эти копеечки перелетели стол. Я нагнулся и собрал их. На вопросы отца, что именно и для чего я собрал, я ответил, что я еду учиться в «художественную школу». Ответ отца я или не помню вовсе, или его не было. Как всегда, он сразу поднялся ставить самовар и, провожая меня в путь, вообще — никаких денег не дал. Посылать нечего было.

— У тебя нет на что надеяться.

Сейчас я вспоминаю, что это был не день и не час, я бы не мог сам сказать:

— Я ведь еще ребенок.

Нет, скорее случалось мне принимать. Как именно я начну, из чего буду кормиться, кроме живописи я ни к чему не годен. Что даже слугой, как отец, я тоже быть не могу. Нужно иметь эту небывалую силу, чтобы поднять пятирублевый паспорт. Но я был хотя бы доволен, что мне суждено быть художником. Для меня это чудесная причина, чтобы не зарабатывать на жизнь.

Ну, разумеется, если я художник — думал я — я уже вообще порядочный человек. Измученный там, где нет какого-то купеческого патента на право жительства в Петербурге, я в 1907 году уезжаю жить в этот город.

7.

Тем не менее, ничто не мешало мне играть в это время с палочками и разгуливать по крышам во время пожаров, заканчивая в то же время — также без жалости бегать за девочками. И невыносимая лихорадка обнимала меня, когда я видел тех гимназисточек, их кофточки и их туфельки. Я признаюсь, что по мнению одних и согласно вероятному подтверждению зеркала, мое 14–15-летнее юношество представляло собой смесь пасхального мацы-муки с розовыми лепестками, найденными в книге. Я казался уже себе хорошеньким, и я часто замечал, как стою перед зеркалом. Но на самом деле я гляделся в зеркало, думая о сложностях, если придется писать о себе и автопортрет (так выражаясь). Впрочем, почему бы и нет? Часть из этого была моей любовью к себе. Я признаюсь, что я несколько не был против того, чтобы подкрашивать щеки и румянить губы, хотя они и так не были обделены цветом. И да, да, я хотел нравиться им... на берегу реки.

Успех был на моей стороне. Но из всех этих успехов я не имел никакой пользы. Вот я с ней, в переулке. Прогулка ни к чему не ведет. Я чувствую что-то дрожащее, напротив, мы под мостом, или мы находимся под забором старого города, на

скамейке, ночью. Мы одни. Только свинья остановилась на базарной площади, заколдованная луной. Издалека извозчик погоняет лошадь к вокзалу. И больше никого нет. Ты можешь делать всё, что хочешь. И что я хочу? Я целую. Я целую сегодня, целую завтра, у всего есть предел. Скоро уже рассвет. Я не удовлетворен.

Идем мы к ней в родительский субботний дом. Там душный, густой воздух. Все дети спят. Завтра суббота. И когда увидят меня рано утром, все будут довольны: их подходящий жених... Разразится мазл-тов. Я и она.

Остаться?

Что это за ночь?

Горячая.

Где ты?

И всем сердцем погружаюсь я в вопросы истинной романтики, вокруг таскался и крутился с Анютой целых четыре года, чтобы в конце четвертого года ответить ей тем же — одним-единственным поцелуем.

Поцелуй возле забора, у парка, ночью.

Именно тогда, когда на ее лице выступали такие свежие веснушки. И сколько золотых гор и дворцов было у тех греческих гимназисток, раскинутых передо мной, и сколько интимных, домашних романов, специально инсценированных мной и ее подругами. Я не знаю вовсе, что со мной случилось и как я дошел до этой жизни?

Я был совершенно ничтожным человеком. И если бы она почувствовала, что это могло бы быть совсем по-другому, если бы я был немного посмелее. Нет, нет. Я смертельно боялся ее зашнурованного корсета. Я ничего не понимал, и понимал я только то, что я теряю время. Специально она провожала меня за моими мещанскими огородами, на еврейское кладбище. Ни лесная тишина, ни долины, ни пустые места не разбудили во мне накопившуюся мужскую энергию, я не мог преодолеть свой страх.

И вот... мы у реки с Анютой, у самой окраины города, где старая, каменная баня, в поздний час ночи, за рекой. Слышится шепот —

— Волк! — подумал я.

Сидя так открыто, я нахлобучиваю свою шляпу ей на голову. Я наклоняюсь к ее плоти. И вдруг идет человек.

Идет банда, приближается к нам, ко мне; и я прошу у нее шляпу.

Зато за мостом, на глине, я уже завел знакомство с другой. С четырехугольным лицом, растрепанной косой и полуказацкими глазами. Снова потеряны два-три года. Она сама ко мне ластилась. Я не могу смотреть ни на одну порядочную.

И когда я думал о ней, передо мной представляли картины из образованных евреев. Они требовали от меня различных вещей, и она не меньше требовала вечной любви — другая не соглашалась.

Мне хотелось сразу уйти в другую комнату и устроить скандал, но слабые руки и короткие ножки взывали к милосердию. Она тоже жаждала вечной любви. И для этого я вовсе не был ремесленником. И когда я ушел, я был послан потерять стихотворение примерно следующего содержания:

«И только к вечной любви я еще не создан. Стоит ли мучить себя моими детскими любовьюми? Зачем каждый год попусту влюбляться? И за фланками [сторожевыми постами] в огородах, на холмах, у нас едва завязалась любовь. Нас отовсюду прогоняли. И никто не помнит ваших имен. Я буду проходить по вашим улицам, и горечь не встретит меня, и я перенесу ее на Литву. Пусть блещут в туманах наши дни. И чужой будет смотреть и смеяться...»

В новый дом я вхожу.

Ну, стоит ли сейчас обременять свои воспоминания моими романами. С каждым годом кристаллизовалась во мне память целого ряда потерянных возможностей. Мне жаль и обидно. Но к моему третьему роману я был уже совершенно неузнаваем. Я целовался направо и налево. И мне не было стыдно.

Тогда мне сразу указали на своеобразные границы.

Впрочем, я сохраню воспоминания обо всех моих любовных похождениях, если я вообще упоминаю их. Ведь кроме моих последних встреч, которые соединились в моем представлении в единые и те же скучные сны, и которые принесли мне лишь мучения, ведь я был опасным трусом. Они меня мучили и терзали, и я гнал их от себя, эти выдуманные воспоминания. Всё уходило из-под рук. Я стал каким-то женоненавистником. Так что это самое чувство отразилось в моих работах: «Рождение», «Парикмахерская (Дядя Зусман)», «Накануне» и других ранних вещах 1909 года.

8.

Много комнат, углов тоже. Много зеленых бумажек и много сырости. Я нахожусь у одного начинающего скульптора, о котором Шолом-Алейхем говорил, что он будущий Антокольский (он вообще станет доктором). Как молодое животное, он был взъерошен и опрыскан, так что клей не успевал высохнуть.

И к чему я здесь?

Я ведь человек, и я не могу в час ночи проснуться там, оттого что он снова взъерошен. Один раз я сделал бросок лампы и сказал ему так:

— Иди к своему Шолом-Алейхему... я останусь один.

По прибытии с моим другом в Петроград, мы сразу отправились сдавать экзамены в школу барона Штиглица.

Ну, и как раз там я получил место и стипендию. Но меня испугали тамошние практические занятия и рисование с натуры орнаментов, которые казались мне вырезанными из целых журналов.

Вот эти орнаменты предназначены специально для копирования, чтобы люди не знали, с чего начать, возможно, специально для евреев, чтобы они не получали никаких удовольствий. О, они промахнулись. Этого экзамена я не выдержал. Я остался без права и без стипендии.

Нечего делать.

Пришлось поступить в более доступную школу Общества поощрения художеств, и там я сразу был принят в третий класс. Что я там делал, мне стыдно рассказывать. Гипсовые головы римских греческих граждан вертелись вокруг меня, а я, бедный провинциал, должен был врезаться в них и высматривать несчастный нос Александра Македонского или какую-то другую гипсовую идиотку. Случалось порой, я подходил к какому-то уголку в классе, смотрел вот так долго на бюст Вольтера.

Меня даже хвалили за успехи, но это всё же могло быть концом истории. Я не мог и не хотел больше смотреть на этих извозчиков-учеников, которые работали резинкой и белилами, как кондитеры по бумаге.

Собственно говоря, это были совершенно вольные «ребята». Моя семитская внешность вызывала любопытство. Меня уважали все мои коллеги (ни один из них не остался) — выдвигали на конкурсы. И хотя я стал одним из четырех, кто получил стипендию, я почувствовал, что это прошедшее время не будет жить. Я получал в течение года по десять рублей в месяц. Я был почти богат и почти ежедневно обедал в общественной столовой у Горького на Троицкой, еще задолго до того, как раз или два в месяц впадал в слабость и обязательно обедал в маленькой комнате-туалете.

Ситуацию спасал скульптор Гинзбург. Маленький, как еврейчик, но очень знаменитый человек. С особой благодарностью вспоминаю его. Его ателье в Академии художеств, наполненное вещами вроде статуэток Антокольского и статуэток всех знаменитостей его времени — служило мне убежищем в тот центр, где живет этот выдающийся человек, который прошел тяжелый жизненный путь. Действительно, эта маленькая фигура находилась в отношениях с графом Львом Толстым, со Стасовым, с Репиным, Горьким и Шаляпиным.

Его популярность в центре. А я — ничто, и зарабатываю двадцать рублей в месяц. Я не знаю, помнит ли он это, или стоило бы упомянуть об этом скульптора Гинзбурга, чьи художественные заслуги меньше моих прежних работ. Во всяком случае, он имел обыкновение делать то со всеми нами, кто приходил к нему, посылал меня с письмом к барону Гинзбургу. Барон снова, убедившись, что такой существует, и если он докажет возможность, по его мнению, на «кинематографический» (сколько разрушенных снов!) определил мне по десять рублей в месяц стипендии на несколько месяцев... и живи.

Этот ученый барон, друг Стасова, имел уважение к искусству меньше, чем его держали за золото, на всякий случай, одновременно очень дружелюбен, любил пошутить мимоходом и рассказать притчу без предупреждения вроде: значит, художнику нужно быть артистом.

«Вот, например, у Антокольского жена была нехорошей женщиной. А бедняга — говорит он — на пороге не оставил... Смысл в том, что жена в жизни художника может иметь большое значение...»

Я думал о его разговорах совсем иначе.

И вот в то время, когда мои дела не ладились в школе Общества поощрения художеств, меня познакомили с целым обществом меценатов и эстетов в салонах, где я чувствовал себя так, будто попал туда вместе с баней — рыцарь, юрист, рафинированный... о, интеллигент. Там я был слугой, который прислуживал у известного адвоката Винавера (дорогой человек).

Вот не по непредвиденным причинам я перебираюсь в редакцию журнала, рядом с квартирой депутата Винавера. Но мое знакомство с ними я до конца не использовал, где я должен был пользоваться. Мои материальные возможности не давали мне никакой особой свободы, и я был вынужден ютиться в углу.

В тех уголках, в соседстве с рабочими и торговцами, я остался только для того, чтобы лежать на своей койке и думать. О чем еще? И сны окружили меня:

Четырехугольная пустая комната. Внезапно посреди пола появляется белая простыня, спускается крылатое существо, ангел с движениями и с облаками в комнате. Шум расправленных крыльев. Я подумал — ангел. Я не могу открыть глаза — свет, светло. Осмотрев комнату, он поднялся в высь через потолок, улетел и унес весь свет и синий воздух. Снова темно. Тогда я проснулся.

Моя картина «Явление» напоминает об этом сне.

Второй раз.

Я снимаю полкомнаты где-то на Фонтанке. Только ночью я не могу спать, не понимаю, почему такой шум в соседней половине комнаты, которая отгорожена ширмой. Почему шепчутся так... Это не давало мне уснуть. И вот один раз, когда пьяный муж — тряпичник на ночном базаре — домовладелец из той второй половины комнаты, пришел ночью домой и, ругаясь со своей «еврейской» женой.

Она не согласилась на его требование и вошла в мою часть комнаты. Из комнаты в коридор, в одной нижней рубашке. И он — за ней с ножом.

И я перебрался в другую комнату. Там мне уже суждено было быть с персом, из знатного рода, бежавшим из своей страны, то ли революционером, то ли близким к свергнутому шаху. Трудно было понять. Он любил меня как птичку, задумчиво о своей Персии и о каких-то тайнах шептал.

Оказывается, что немного позже он выстрелил себе пулей в голову на одном из бульваров.

К тому времени матерью из «Моей» [прим. пер.: вероятно, опечатка, должно быть «Майны»] и Войнерухт — с одной стороны, и призыв на военную службу — с другой стороны, дали о себе знать.

В один прекрасный день, после каникул, когда я вернулся назад в Петроград из Витебска с документами, мне пристав участка заявил: «Убирайся!» И у паспортиста, придя в то время «внутрь» (я зашел проведать), он обратился ко мне с благословением «жида» со следующим приказом:

— Эй, кто там? Ты сам, самовольно явился в розыск и к тому же «проживающий» — арестовать, посадить тем временем с ворами в «кутузку» и вместе с другими отправить по этапу.

Так и сделали.

Слава Богу. Я успокоился. Здесь у меня, конечно, есть право на жительство, и я могу свободно и сытно немного пожить и немного порисовать. Хочу сказать, что нигде нет большей свободы, чем в арестном доме, где меня раздели и одели в новые одежды, нигде я не чувствовал себя так хорошо и свободно. Язык воров и проституток был импозантным. Они меня не задевали, не оскорбляли, наоборот: выказывали мне даже уважение. Потом меня перевели в отдельную камеру с каким-то фантастическим стариком. Мне нравилось порой поваляться, в длинной душной [кутузке] перечитывать надписи, возиться внизу вокруг длинного стола от скуки за тарелкой воды... И здесь, в камере на двоих, когда в девять часов гас электрический свет — и ни рисовать, ни читать — я спал всласть. Сны переплетались. И вот один из них:

Где-то мы, дети одного отца, живем на берегу моря. Все, кроме меня, заперты в клетке для зверей — высокой, широкой. Отец, какой-то орангутанг, смоляной, с кнутом у клетки, то ли не угрожает нам, детям, то ли не поучает нас о чем-то... Вдруг изменилась для всех нас почва и наш старший брат — Врубель, тот самый русский художник, и он стал моим братом среди всех наших бесчисленных братьев.

Первым выпустили купаться Врубеля.

Я помню, я вижу, он разделся, наш любимец, и вот издалека видны его золотые ноги, раздвигающиеся как ножницы. Он уже далеко. А море кипит, шумит, такие белые, кипящие волны, верблюды набегают, вода как смола, сталь, вспышки меда — такая густая, медленно и шумно несется она.

Где же мой бедный брат? Мы все беспокоимся. Видна уже только его голова.

Больше не светятся его ноги, как ножницы, и наконец головы тоже больше не видно. Протянулась рука — и скрылась.

Все дети завyli:

— Утонул наш старший брат, Врубель.

Отец вторит басом:

— Утонул наш сын Врубель, остался у нас только один сын!

Ты, мой сын!

Это я, значит...

Что это за сон?

Я проснулся.

9.

Но сколько бы я ни учился в школе Поощрения художеств, я не чувствовал, где, собственно, граница неудовлетворенности. И почему, сколько бы я ни рисовал, кроме избавления от горечи, во мне ничего не оставалось? А между тем, кроме похвал, я больше ничего не слышал.

Я чувствовал, что так это может тянуться без конца и без края, но никакой цели в этом нет. Время от времени длиннотелый надзиратель натурного класса публично меня ругал...

Дело в том, что рисование натурщиков — голых натурщиков, и это вырисовывание пяток и мускулов в холодном классе — приводило меня в такое странное, отсутствующее состояние.

Сидели там мужики по несколько лет. Я не знал, что мне делать и как делать: давить ли на бумагу углем и пальцами или хлопать ушами вместе с ними.

Надзиратель рассматривал мою профессию как какую-то бессмысленную мазню. И услышав от него критику, как, например: «Что это у вас за задница? И к тому же еще стипендиат!...» — я ушел навсегда.

В Петербурге была знаменитая школа Бакста. Это была единственная школа, далекая от Академии и от Поощрения художеств, в которой пахло Европой.

Но тридцатирублевая плата за обучение каждый месяц меня пугала. Где мне это взять?

Набравшись смелости и взяв все свои работы из школы и несколько домашних, я отправился на квартиру Бакста на Сергиевской.

— Барон еще спит, — ответила мне таинственная служанка Льва Бакста.

Час дня — а он еще спит.

Тишина, ни детского шума, ни запаха жены. Стены. Репродукции греческих богов.

Завеса от ковчега (парохет).

Модерн.

Его квартира меня заворожала. Меня никогда так не лихорадило, как в ожидании его. И я никогда не забуду — то ли простую улыбку, то ли улыбку сострадания, с которой он меня встретил...

— Чем могу вам служить?

На губах Бакста отдельные звуки тянулись по-особенному, и этот своеобразный акцент придавал ему нерусский характер.

Его слава, связанная с Русским сезоном за границей, тоже немного вскружила мне голову.

— Покажите вашу работу, — сказал он.

Я... что ж. Отказываться было не к чему. Стыдиться — тоже нет. Я чувствовал, что если тогда, когда на мне висели тринадцатилетние штанишки, я пришел к Пэну в Витебске с маминым вопросом — есть ли у меня талант, а если нет, то мне нужно стать приказчиком, по мнению моей мамы, — и насколько тот первый визит был для меня безразличен и имел значение лишь для мамы, настолько же этот второй визит к Баксту имел для меня решающее значение, и тот или иной ответ казался мне моей судьбой.

Я требовал только одного: чтобы не было ошибки. Будет ли признан во мне талант или нет.

Просматривая мои работы, которые он поднимал с пола, он сказал так со своим французским акцентом:

— Да-я — да-я-я, талант есть, но вы ка-я-лека [испорчены]. Вы на ложном пути, вы испорчены.

Достаточно.

Боже мой, Боже мой, это я, тот самый стипендиат школы Поощрения художеств, тот самый, кому директор Рерих так расточал ослепительно-льстивые улыбки (немного механически), тот самый, чью «манеру» (будь она проклята) там хвалили, но тот самый, который действительно не знал: когда же придет конец этой бесконечной неудовлетворительной мазне...

И только голос Бакста, его слова с замечанием: «испорчен, но не совсем» — спасли меня.

Если бы эти же слова были сказаны кем-то другим, я бы, сплюнув, успокоился. Но авторитет Бакста был слишком велик, чтобы я не выслушал его решение; беспокойный, с полной верой в каждое его слово и со стыдом я собрал и свернул свои рисунки.

То, что я встретил в его школе, останется навсегда в моей памяти. Я, не имевший представления, что в мире где-то существует художественный Париж, увидел здесь Европу в миниатюре.

С большим или меньшим дарованием ученики знали путь, по которому они идут, и с особым убеждением, что мое прошлое должно быть забыто, я сел писать этюд.

Стояла натурщица.

Толстые, розовые ноги, синий фон, обычная, нанятая натурщица. В ателье среди учеников графини Т. — танцор Нижинский, мне снова стыдно.

Этюд готов.

В пятницу приходит Бакст.

Он приходил один раз в неделю.

Все бросают работу. Мольберты выстроились в ряд. Ждут.

Он идет, Бакст, не зная, чья это работа. Только после этого он спрашивает: «Кто писал?» Он говорит мало. Вот то и это.

Но волшебство, страх и запах Европы сделали свое дело. Он приближается ко мне. Я пропал. Он говорит мне, то есть о моей работе, не зная (или делая вид), слова, не совсем удобные для приличного общества.

Все смотрят на меня с сочувствием.

— Чья это работа? — спрашивает он.

— Моя!

— Я так и понял, — отвечает он.

Ну, понятно. Я вспомнил все углы моих квартир, мои полкомнаты, но нигде мне не было так не по себе, как здесь после рецензий Бакста.

Я чувствовал, что долго это так продолжаться не может. Я пишу второй этюд.

Пятница. Визит Бакста. Он не хвалит.

Я покидаю ателье, и в течение трех месяцев за меня платят по тридцать рублей, а меня там нет. Это было выше моих сил.

Я ведь, собственно, вообще не могу учиться. То есть, точнее, меня вообще нельзя выучить. Не зря еще в городском училище я учился, по общественному мнению, плохо.

Я схватываю только внутренним слухом. Вы понимаете? Общие, принятые методы школы ко мне не прилипают.

Обычно мое посещение школ носило в конце концов характер скорее обобщения и знакомства, чем вынужденного ученичества.

После неудачи в новой школе у Бакста в течение первых двух этюдов и не понимая толком (не желая понимать), почему, собственно, Бакст меня ругал, я сбежал, чтобы на свободе сориентироваться, попытаться сбросить с плеч какую-то ношу, которая мне мешает.

И через три месяца я вернулся в школу Бакста с решимостью подчиниться и вырвать у него в глазах и в глазах уважаемых учеников — признание. И так оно и было. Я забыл все прошлое, написал этюд, и в ближайшую пятницу Бакст выделил его как образец и повесил его на стену. С того времени я встал на путь, с которого уже вообще нельзя сойти.

Сомневаться в сути теперь уже не приходится, потому что этот путь — не что иное, как путь искусства. Ответвления и углубления могут быть разными.

И чтобы прийти к этой переходной границе, я шел четыре-пять лет. Через короткое время я почувствовал, что в школе Бакста мне больше делать нечего. Более того, сам Бакст, в связи с Русским сезоном за границей, оставил свою школу в Петербурге навсегда.

Я начал заикаться.

— Может быть, возможно, Лев Самойлович, вы знаете, Лев Самойлович, я хочу... в Париж.

— Пожалуйста! Послушайте, вы умеете писать декорации?

— Конечно (не зная даже, как начинают).

— Нате вам сто франков!

Все же наши пути разошлись, и я отправился в Париж один.

10.

Я позвал отца поднять бунт. — Папа, — говорю я, — послушай, у тебя уже взрослый сын, художник. До каких пор ты будешь лежать на этой каторге и гнуть спину на хозяина? Смотри, мало я изголодался в Петрограде? Мало ел рубленых котлет? Что будет со мной в Париже? А он — мне: — Что ж, может, мне уйти? Ты будешь меня кормить? Плавали — знаем. Мама схватилась за сердце: — Дитя мое, мы ведь твои родители. Пиши нам чаще. Проси у нас что-нибудь. Из-под ног уплывала родная земля, только река текла нахмурившись, не та самая, возле которой я целовался... Успенский собор, костел на горке — всё выше и резче. Двина течет в Витебске, я уже не мальчик. А в Петербурге — Государственная дума. Заседания. Газета «Речь». И я пишу такие картины, почти как Леонардо (кто скажет нет?). А мама — надзиратель над моей живописью. Она находит, например, что на картине «Рождение» нужно женщине перевязать живот. Я тут же исполняю её желание. Верно. Тело становится более

живым. Берта приносит цветы, синие, зеленые; сама она вся в белом и в черных перчатках, и я пишу ее портрет. Пересчитав все краски города, я пишу «Смерть». Пульс домашних — проверен, и я пишу «Свадьбу». Мне хорошо с вами, но... слышали ли вы о традициях, о «быках», о художнике с отрезанным ухом, о кубах, квадратах, о Париже? — Витебск, я покидаю тебя! — Оставайтесь одни, торговцы селедкой!

11.

По правде говоря, я не могу сказать наверняка, что я с большим рвением рвался в Париж. Этого чувства у меня тоже не было, когда я ехал из Витебска в Петербург. Я только знал, что ехать нужно.

Мне было трудно определить, чего я, собственно, хотел. Было бы слишком провинциально, если бы я признался в этом вслух. Влюбленный в странствия, я ведь мечтал встретиться со многим в меньшем масштабе. Я всегда говорил, что маленькая комнатуха с дырочкой в двери, через которую мне бы передавали еду и другие вещи, могла бы меня навсегда удовлетворить. И с таким чувством я ехал в Петроград и в Париж. Но на поездку в Париж у меня совершенно не было никаких материальных средств. И из-за этого, чтобы не стать одним из тридцати тысяч художников из всех стран и народов, заполняющих город, мне с самого начала нужно было обеспечить себя возможностью учиться там и работать. В то время я был представлен Винаверу. Последний, приобретя мою картину «Свадьба», обещал мне ежемесячную стипендию. Я уехал. Четыре дня, и я в Париже. Только большое четырехдневное расстояние от Парижа до России удержало меня от того, чтобы вернуться назад — тотчас, или через неделю, или через месяц. Мне хотелось выдумать какие-нибудь каникулы, лишь бы можно было метнуться обратно домой. Все эти мысли и идеи перебил Лувр. Кружась по круглому залу Веронезе и внизу по залам Мане, Делакруа, Курбе, Милле — я ничего не хотел. Россия всплыла в моем воображении как подвешенная корзина под воздушным шаром. Воздушный шар остался висеть; окаменел; и медленно опускается он с годами вниз. Так представлялось мне русское искусство. Или что еще? Каждый раз, когда доводилось думать или говорить о русском искусстве — переживаешь всё те же мутные и туманные тревоги печали и горечи. Обреченными они казались — по ходу их исторических судеб — быть привязанными к Западу. И если русские художники были обречены быть учениками Запада, то их уже нельзя было винить в том, почему они не были настоящими учениками. Возможно, потому что по своей природе они не могли быть другими. Потому что лучший русский реалист был ведь — оскорблением реализма Курбе. Самый настоящий русский импрессионист выглядел ведь пародией, насмешкой над Моне и Писсарро. Я больше ничего не могу сказать! Я ведь люблю Россию... Утром я отправился в Салон независимых. Мой друг, сопровождавший меня, предупреждал, что осматривать весь салон — утомительно. Он сам, например, остался без сил от осмотра таких гигантских салонов. С жалостью к нему в душе и вооружившись собственным методом осмотра выставок, я промчался мимо передних залов, словно за мной гнался проливной дождь — и ворвался в центральные залы. Таким образом я сберег свои силы. Я ворвался в самое сердце

французской светской живописи 1910 года. Я вцепился в неё. И никакие академии или школы каких бы то ни было городов не могли мне дать того, что я кусал и грыз в самом сердце французских выставок, уличных витрин и музеев. Всё, начиная от французского рынка, где из-за своей бедности я покупал лишь часть длинного огурца. Рабочий в синей блузе, и заканчивая усердными последователями Пикассо, Глеза, или высоченного Делоне — всё говорило о подлинно французском вкусе, ясности и форме, о такой живописи, которая более живописна на холстах, даже у второстепенных французских мастеров. И я не знаю: было ли у кого-нибудь более ясное представление о том почти непреодолимом различии между живописью Франции до 1914 года и живописным искусством других народов? Мне кажется, в России об этом различии думают очень мало. Я же в Париже думал о нем постоянно. Дело, оказывается, тут не в меньшей или большей одаренности того или иного индивида или народа. Тут действуют просто такие более кровные психофизиологические силы, которые движут предрасположенностью народов: кого — к музыке, кого — к живописи или литературе, или к дремоте. Прожив некоторое время в ателье на Монпарнасе, я перебрался в ателье, более скромное, и более подходящее к моему положению, уже в «Ля Рюш» [«Улей»]. Так называлась сотня объединенных вместе ателье, окруженных садиками и городскими мясными лавками, где обитала художественная богема всех народов. В то время, когда в русских ателье всхлипывала натурщица, в итальянских — лились песни и звуки гитары; а в еврейских ругались. А я проводил время с керосиновой лампой в одиночестве за работой... Небо — синее. Светает. Там дальше резали скот. Возле боен ревели коровы. И я писал коров, не спал ночами. Вот уже неделя, как не убирали в ателье. Картины, яичная скорлупа, коробочки от «двухкопеечного бульона» повсюду. Горела лампа. И я вместе с ней. Горела так долго, пока не начинала блестеть в утренней синеве. Тогда я поднимался на «софу». Хотя уже можно было выйти на улицу и купить свежих «круассанов». Но я ложился. Чтобы зайти в мое ателье, требовалось лишь немного времени. Подождать у двери полчаса. Времени было достаточно, чтобы я привел себя в порядок, оделся. Я работал голым... Я вообще не переносу тяжести одежды. У меня нет вкуса к костюмам. Я лично одеваюсь безвкусно. Посещая школы и академии бульвара Монпарнас, я одновременно усердно готовился к салону. Как одному перетащить через «Ля Рюш» эти кричащие холсты? Ловкий эмигрант брался за всё, тем более тогда, когда можно было подзаработать. По дороге моя «рикша» встречалась с другими «Рембрандтами», которые везли свои картины в салон. Все туда — к полотняному барaku. Там мне нужно в скором времени отчетливо увидеть то, что отделяет меня от традиционной французской живописи. Вот развешаны картины. Через час вернисаж. Вот приближается французский цензор и приговаривает одну к снятию: «Осел и женщина». Я и Турпов убеждаем его: «Мсье, это ничего». Исправлено — осталось. Для французов несомненно были чужды мои прежние склонности. И я так вглядывался в их искусство. Было обидно, и я спрашивал: «Неужели и вправду навсегда этому народу принадлежат права на исключительность? Неужели не может хоть на время удалиться второму, иному народу вырвать право на своеобразие наравне с ними? Я пока не знаю ни одного народа, который мыслил бы так, как французы, и они и только они суть эссенция мира в области искусства. Значит, во многом они правы. Но всё же это безжалостно». Ирония к чужаку невыносима и необоснованна. И я признаюсь, что, лежа с такими мыслями в Париже, я не раз думал о заговоре против этих традиций, против уверенности их художественного самосознания. Мои выступления в салоне носили такой характер. Я на время расстался с красками моей

родины и сразу вошел в кризисы французских фактов и художников. Вот Анонда. Вы встречаете здесь Глеза, Метценже, Леже, Валантена де Сен-Пуэна с тремя любимыми мальчишками, один ниже другого, тепло и горячо. Поистине говорю вам, обращаясь к Канудо: ваше лицо напоминает мне голову Христа. Черт бы побрал эту газету. Обо мне тут вообще не говорится. И они бросают их здесь вниз. Трудно вспомнить, без кого вспоминается ваше лицо — «Италия, Рю де Данте, и вместе с вами я ношусь в буалье "Монжуа", точно как около и вокруг вас носились бы сверкающие щепки. Несется стая белых чаек, словно скомканные белые пятна поднялись бы на проволоке к небу». Как неожиданный дождь, пронизывающий, хлещет нас смысл ваших слов. Вам снятся, конечно, акварели; новое лицо картин, фактов, горьких судеб. Нам всем, о ком вы когда-то замолвили слово. — Прочь — оставленная или увядшая на мертвом лице — улыбка... Источники солнца, бедность и ритм, и сети красок, огненная текучесть искусства, порыв едва рожденных холстов, головы, коровы, летящие куски — всё это я помню. — А ты? Мне хватит. И мои дни блуждают по площади де ла Конкорд, возле Луврского сада; я смотрю на Дантона и Ватто. Я рву листья. О, если бы мне удалось, оседлав каменную химеру Нотр-Дама, руками и ногами процарапать свой путь на небе!

— Вот он! Париж, ты мой второй Витебск.

12.

Я часто говорил, что я не художник, а скотина какая-то. Какое это имеет значение. Думал я поместить её изображение на своей визитной карточке. Казалось: что корова тогда вершила мировую политику. Кубизм рубился, а футуризм вертелся, и вдруг предчувствия сбылись на Востоке. Я сам видел, как в галереях Канвейлера скорчились картины Дерена и других, краски спрыгнули... Мне казалось, что летом 1914 года я увез с собой из Парижа в Берлин начало вымечтанной предштормовой эпохи. Мои картины уже раздувались на Потсдамерштрассе, когда поблизости уже готовились вооружения. Что поделаешь, если мировые события предстают перед нами именно через холсты, краски, материалы, которые сгущаются и вибрируют, как дикие удушливые газы. Европа, начинай войну. Пикассо — конец кубизму. — Что там Сербия? — Атаковать лапотных мужиков. — Поджечь Россию и всех за ней.

13.

Будучи в Берлине, я не чувствовал, что через месяц начнется та кровавая комедия, из-за которой вся земля вместе с Шагалом перевернется в эдакую новую театральную площадку, где разыгрываются такие массовые акты с балетом. Предчувствия не беспокоили меня настолько, чтобы я удержался от поездки на три месяца в Россию, где я думал, с одной стороны, побывать на свадьбе сестры, а с другой — встретиться с ней... Из этого четвертого и последнего романа за четыре года жизни во Франции мог бы выветриться ветер. В конце моего пребывания в Париже у него осталась только кучка писем, в которых не было даже намека на конец. Еще несколько писем от интересных людей, и я решил, что у нас между собой всё кончено.

Проведя два месяца в Берлине, я уехал в Россию. Въезжая в Вильну вместе с толпой французских эмигрантов, я сказал ей: — Знаешь, это ведь Россия, больше того, этот

багаж едва не потерялся вместе с моим багажом. Более того, тот факт, что император соизволил поехать в Одессу и принимает там делегацию на вокзале. Такой колоссальный город этот... И мы должны оставаться на платформе. Это ведь жалость к нам обоим, особенно к тебе... Но ничего, я усажу тебя в вагон, и ты приедешь в Кисловодск к сенатору. А гувернанткой ты будешь... Но это ведь Россия. Я ведь даже не смотрел на Россию хорошо. Или я видел Дон? Или Ростов, или Киев, или, или?

За всю мою жизнь до сегодняшнего дня я видел только Петроград, Москву, местечко Лёзно и Витебск. Витебск — это вообще отдельная страна, особое государство — и несчастливый город. Скучный город. Город, наполненный девушками, молодыми людьми, которых я не удостоил (или у меня просто не хватило ума) сблизиться с ними. Город, где сотни семей, лавочников, моих, которых я нашел. Тогда я действительно написал мою витебскую серию 1914 года. Я писал всё, что попадалось мне на глаза. Я встречался с парикмахерами, со стариками, с отцами, с парнем у стола. Я писал из окна (я никогда не пишу из головы), писал бедняков в талесах. За двадцать копеек. Как я не торговался и не скупился, я, как под проливным дождем ночью, писал под хупой, как положено писать, как у меня на картине.

Сыграли свадьбу, как это водится. Эта церемония была преддверием маленькой комедии с очень серьезными актерами. Ну и что? Родители и вся многочисленная семья моей невесты не были в восторге от моей «родни» (вы ведь знаете, что означает это слово). Действительно, мой отец ведь простой служащий. Тот дедушка — просто стыдно признаться. А ее отец — не мелочь — торгует на Замковой часами и ложками, серебряными и золотыми. Что означает: у них по утрам подают на стол десятки ложек, каждый из их многочисленной семьи Абрамсонов ел со странным аппетитом. И у нас дома — обычные, прозаические «натурсортные» сковородки. Бедный папа: как он перед моей свадьбой хотел лучше спать. Стыдно ли закрывать рот перед людьми из такой знатной семьи?

Придя немного поздно в дом моих родителей, я уже застал там целый синедрион. Жаль, что меня не предупредили. Там вокруг стола сидит мудрец, этот шикарный раввин и какой-то умный купец первой гильдии. Сидел целый класс бакалейных евреев, у которых изо рта пахло дрожжами на версту и еще дальше. Разве мы можем быть еще дальше... Я это знал. И приготовился со своим аппетитом. Сидят, понимаешь, надутые вокруг невестки. Служанки. Слезы, улыбки, конфеты. Всё, как должно быть. Надо понимать жениха. Ждали меня, а пока разговаривали немного о сплетнях... Неловко было признаться, что «он» — художник. Между прочим, говорят, что «он» — известный и получает много денег за свои картины. Вы ведь знаете, между прочим, это ведь тоже не профессия. Что скажете вы: почет и уважение. Только кто его отец... Да, я знаю...

Мне казалось, и если бы меня заставили влезть в их шкуру, то мои члены имели бы более эластичный вид, как та маска, которую я усадил рядом со своей будущей женой. Но в то же время я жалел о том, что сделал, из-за какой-то глупой скромности, у меня не хватило смелости удрать к горам и виноградникам, фруктам и другим сокровищам еды.

Через полчаса (что я говорю — гораздо раньше, синедрион поторопился) положили мне на голову свадебный балдахин, благословение ли, проклятие ли, кто знает, невеста ли. Голова закружилась. Я особенно прижимал худые косточки моей невесты. Хотелось быстрее убежать с ней куда-нибудь на дачу, обняться и разрыдаться, мы ведь действительно так и сделали через несколько дней.

Счастливым я не был. Я гнался еще за одной. Я её убил. Если бы не она, я бы точно пошел на убийство... (нет, только на кражу). Это было не в тот праздничный месяц, а в какой-то мягкий. Вокруг нас шуршали военные шинели. Солдаты брали у нас всё бесплатно за целое ведро молока по двадцать копеек. Моя жена, которая выросла исключительно на пирожных, питалась теперь только молоком. Короче говоря, работать я ведь с большим усердием продолжал в своем первом гнезде. Эта комнатка высотой в двенадцать футов в саду превратилась в гениальный плафон роскошного зала. Пока не разразилась война. И передо мной закрылась Европа. И делать было нечего. Но нужно было где-то спрятаться. Петроград ли, где? По правде говоря, я не собирался сразу ехать в Питер.

В Заольше, в дачном местечке, жил любавический ребе, Шнеерсон. Жители из окрестных городов приходили к нему за советами. Кому-то не везло. Кому-то было больно и горько. Этот хочет пойти на военную службу, едет он к ребе за советом. У кого-то жена не рождает детей, едет он к ребе — пусть тот помолится. У кого-то не ясен стих в Геморе, едет он тоже к ребе за толкованием. Кто-то едет к ребе просто так, уже давно не виделись, просто так, мало ли что.

Только в списках хасидов ребе уж точно не был записан художник. Прости меня, владыка мира, немного неудобно. Только в минуту, когда я не знал, действительно куда деться в конце работы и в начале войны, и куда податься, решили мы поехать к упомянутому ребе за советом (я ведь вспомнил мелодию ребе, которую мама пела по субботам).

Действительно ли он в этот раз такой святой? Ребе ведь всегда проводил лето в Заольше, в своем постоянном дачном доме, который дали ему прихожане — какой-то старый дом с пристройками, с огородами, с террасами и с кухнями.

В эти предпраздничные дни передняя комната была забита народом. Шум, крики, плач, суета. Только в этот раз, перед самым грозным днем Судного дня, туда не пускали. Обычные смертные не говорят с ребе много. Нужно обо всем написать на записке и подать записку при входе. Не разговаривать. В конце концов открылась дверь из этой шумной, русской передней, и я вошел прямо в зеленую пустую четырехугольную комнату, где сидит сам ребе у длинного стола. А на столе — бумажные горы. Монеты, исписанные просьбы, записки, молитвы, вопросы и советы... Горит свеча. Его взгляд. — Значит, ты хочешь ехать в Петроград, мой сын. В Петроград. Ну, Васька, сын мой, благословляю тебя, поезжай, сын мой, в Петроград. — Ребе, — говорю я, — в Витебске мне было бы приятнее; там, вы знаете, там мои витебские родители и невеста... там. — Ну, Васька, дитя мое, если ты хочешь в Витебск, благословляю тебя, поезжай в Витебск.

Не будучи удовлетворенным, я придвинулся к двери и вышел.

Я побежал к своей невесте. Это было ночью. И сегодня нет ничего лучше, чем... Боже мой, что это у тебя еще за ребе? — Ребе Шнеерсон.

Несмотря на это, праздничные месяцы притупили мои мысли, и я бегал по мольберту, и вообще остался бы на даче в Заольше, или в худшем случае поехал бы вместе с ребе в его резиденцию не в Любавичи. Но война и этот призыв на военную службу. Что поделаться: жена рвется в столицу, в большие города (и как она права!). И я в городе, в заброшенном месте, мне ведь там было бы хорошо. Ну, я сидел бы в синагоге и смотрел. Больше ничего. Ну, сидел бы на лавке. Или за столом у гостей, ходил бы и писал картины, которые были бы суетой сует. Нет.

В один прекрасный день, прекрасным вечером, я забрался в вагон и уехал в Петроград. Это потому, что жена была довольна. Она любит культуру (и как она права!). Мало-помалу она вытаскила меня.

Там меня уже ждала канцелярия — моя спасительница. Я писал налоги, а в Витебске воевали... со мной воевал мой пристав уже два года, пока он не удостоил меня еще одним талантом: с тех пор я хорошо понимаю в исходных и входящих бумагах. Я вообще пишу не плохо в рапортах.

Немцы одерживали победы. Те удушливые газы загнали меня на Литейный 46, и живопись была заброшена. Я просил Вильгельма: «Встретимся со Варшавой, с Ковно, только не с Двинском, не наступай на Витебск... Там я пишу картины». На их счастье, у русских солдат плохо держалась война. То есть войну они держали очень хорошо, только — Немцы были — с кулаком им не совладать. И без кулака эта война не была войной. Шли в бой солдаты. Николай Николаевич командовал и соглашался, что они во всем виноваты. «Выслать в 24 часа и расстрелять и выслать и расстрелять».

Под шумок русская армия отступала, и еврейское население бежало из городов и местечек. Поэты поднимали глаза к небу. И я писал военные листы и регистрировал до тех пор, пока не грянул гром — февральская революция.

14.

Первое, что я выполнил, это то, что с моими коллегами по канцелярии было покончено. Волынский полк восстал. Я ушел на Знаменскую площадь, оттуда на Литейный, с Литейного на Невский — и обратно. Там стреляли, готовились к атакам. Сдался тот, кто сдался. Пулеметные команды решили: «Они за полк». Пулеметы на телегах. Шагом марш! Полки идут на присягу. Офицеры и матросы. И в Думе гремит Родзянко: — Помните, братья, враг у ворот, клянитесь! — Клянемся, ура! И так далее. Стал трибуном. Что-то произошло. Революция. Действительно свобода. Я впал в какое-то обморочное состояние.

Керенского я так и не слышал. Кадетское министерство работало наполовину с демократическим кабинетом. Демократическое — наполовину с демократическим. Это не идет. Вслед за этим Корнилов хотел спасти Россию.

Кто я — писатель или кто? Должен ли я описывать, как в эти годы наши мускулы превратились в кисти, плоть превратилась в краску. Это любовь во мне, как перо. И в

голове у меня — башня. И я с ума схожу, прижавшись к стене театра, на которой кряхтит в небе моя живопись. Вы видели? Наряжаются — люди моего времени. Мой первый театрально-художественный алфавит — это то же самое в вашей книге. Разве это не решение? Я щажу свою скромность перед бабушкой. Она меня поцеловала. Вы можете меня ненавидеть, но будете смотреть.

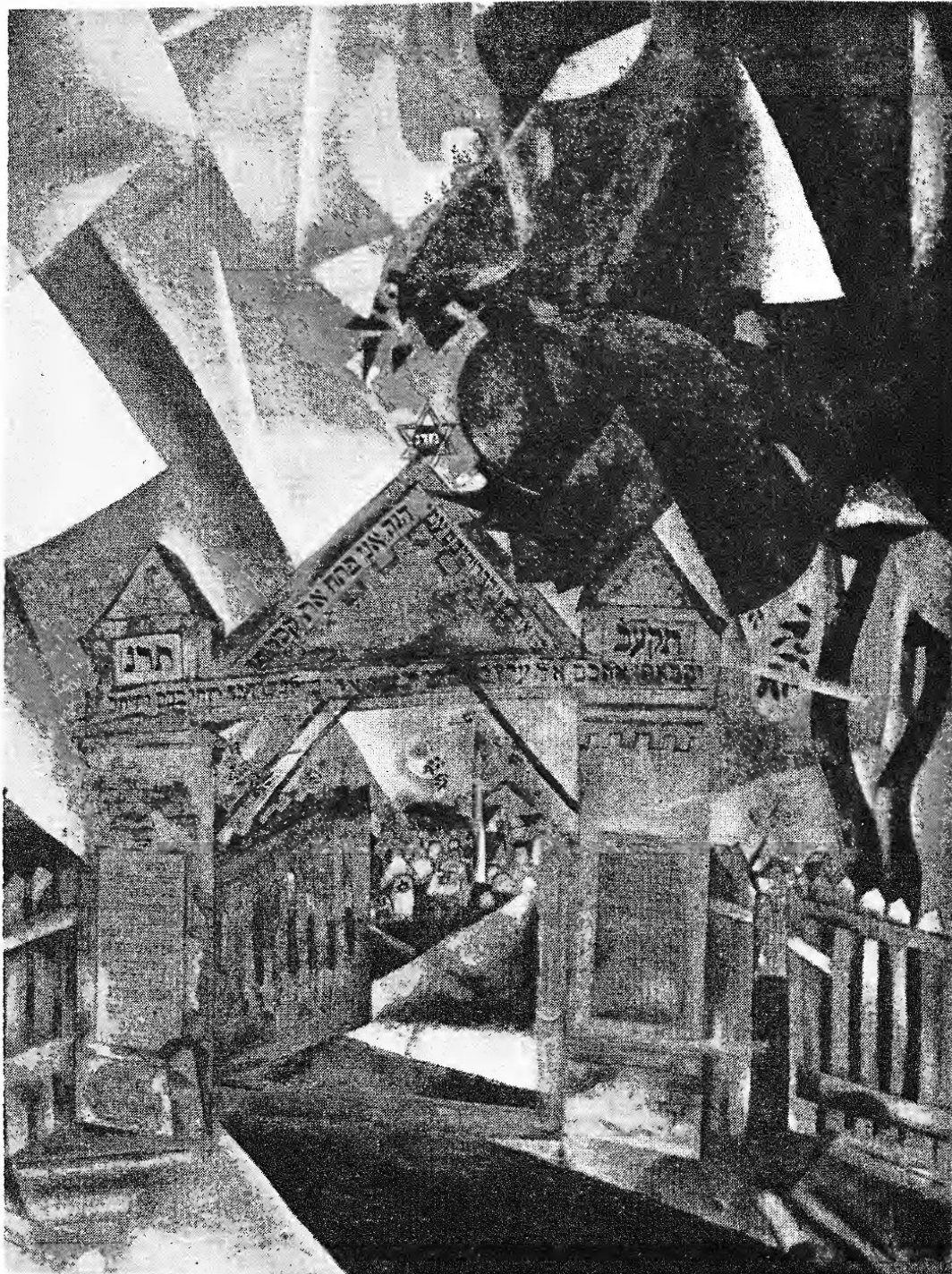
И вы просите у меня всё время, чтобы я писал и говорил о еврейском искусстве. Я готов в последний раз. «Что это такое?» Как долго еврейское художественное творчество вело борьбу за так называемое еврейское искусство. В шуме и в огне вышла группа еврейских художников, в числе которых и Марк Шагал. Будучи еще в Витебске, когда меня постигло это несчастье, но вернувшись из Парижа, я рассмеялся в душе. Я был занят тогда совсем другим. С одной стороны — новый мир, евреи, мои местечковые люди, базарные торговцы, старые евреи, отцы, тетушки со своими вопросами: — Слава Богу, ты уже вырос, стал большим. И я тебя помню еще ребенком... С другой стороны, я был тогда моложе лет на сто и любил вас, просто любил... И в это время у меня было больше картона, это меня больше увлекало, прежде чем пришла мысль, что меня сочтут за еврейского художника.

Когда-то в Париже, в моей комнате в «Улье» («La Ruche»), где я работал, я через испанскую стену слышал, как спорят еврейские эмигрантские голоса: — Ну что ты думаешь, в конце концов, Антокольский ведь не еврейский художник, и не Израэльс, и не Либерман? Когда лампа догорала так темно и освещала мою картину, которая стояла вверх ногами (так я работаю — радуюсь я!), и в конце концов, когда дневной свет занимал парижское небо, я весело прогонял праздные мысли о моих соседях и о судьбе еврейского искусства:

— Ладно, говорите вы — а я буду работать. — Представитель всех стран и народов — ко мне обращение. Скажу честно: когда Ленин сидит в Кремле, ни одной щепки дров нет, дымит, и жена не ладит со всеми, у вас сейчас национальное искусство? Вы, умный Б., и вы, другие разные люди, проповедующие интернациональное искусство, тончайшее французское и (если они еще живы) вы мне ответите: — Шагал, ты прав! Евреи, если это им по сердцу (мне как раз да), могут плакать, что художники из местечковых деревянных синагог (почему я не в могиле с ними?) и резчики деревянных надгробий — «тише» — ушли в анонимные коллекции, испугались, ушли в небытие. Но какая разница на самом деле между моими разукрашенными могилевскими предками — евреями, которые расписали могилевскую синагогу, и мной, который расписал еврейский театр (хороший театр) в Москве? Уверен ли я, что когда я испущу дух, то кто-то сделает мой точный портрет... Кстати, мой отец. Поверьте мне, немало труда я вложил, и не меньше любви (и еще воды) мы оба пролили. Разница только в том, что он принимал заказы и на вывески, и я учился в Париже, о котором он вообще не имел понятия. И то, и то, и то, и другие (если такие есть) — еще не еврейское искусство в целом. И почему не сказать правду? Откуда мне её взять? Не дай Бог, если это должно исходить от какого-то яблока! Из того, что напишет какую-то статью Верас или В. даст мне «академический паёк»!

Будь то японское искусство, египетское, персидское, греческое, только со времен «Ренессанса» национальные искусства начали стираться. Границы исчезают. Приходят художники-индивидуумы, выходцы из той или иной страны, рожденные там

(слава богу, мой Витебск) и имеющие хорошую регистрацию или даже паспорт от еврейского стола, чтобы все художники могли «национализироваться».

מאַרק שאַגאַל — דער טויער פון בית-עולם

Я бы вообще не был евреем (в том смысле, который я вкладываю в это слово), я бы вообще не был художником, или я был бы совсем другим. Тоже мне новость! Я ведь сам очень хорошо знаю, что этот народ может сделать. К несчастью, я бессилен и не могу высказать то, что он может сделать. Шутка ли сказать, что этот народ сотворил!

Захотел — создал Христа и христианство. Захотел — дал Маркса и социализм. Может ли быть, чтобы этот мир не увидел никакого искусства? Убейте меня, если нет.

15.

Умерла эта улица. Покончено с витебским путем, и семья вымерла (я хочу написать несколько слов для себя — вы можете их не читать. Отвернитесь). «Дети, ведь это ужасно, не ставить теперь памятников, не делать дел, не радоваться. Напишите мне сразу, мы объединимся. Мы забудем, кто где лежит».

Моя память горит. Я написал тебя: отца с селедкой. А Белла сидит на картине. Ты лежишь в Крыму, в чужой земле. И ты, мама, которую ты так печально писал через окно флигеля — возьми мое сердце. Отец, никого нет дома. Всё мое искусство я бы разорвал пополам — так тяжело мне вспоминать, думать о вас. Это не вы, эти белые ручки и эта выглаженная одежда. Я почти пролетарий. И художник, и исключительный (и еще как!), утонченный — гнет последних лет в моем животе, и мои легкие дышат их агонией. И он пригласил в автомобиль, едва имел хлеб, раздавил его, он умер от голода — умер. Просто и легко. Я позже увижу твою могилу. От мамы до тебя — два шага. Я буду лежать в этой длинной могиле, и ты всё равно не воскреснешь из мертвых. И когда я состарюсь (или, может, раньше), я лягу недалеко от тебя. Довольно Витебска. Закончен его путь и конец его искусству. Только ты одна со мной, ты, о которой моя душа не говорит лишнего слова. Когда я смотрю на тебя долго, мне кажется: ты моя работа и наша дочь с нами и в наших картинах. Не один раз ты спасала судьбу моих неизвестных картин. Я не понимаю людей. Я не понимаю судеб моих картин. Всё, что ты не хотела сказать, это правда, веди меня за руку. Возьми кисть и, как капельмейстер, веди меня к тайным пространствам. Пусть благословят покойные отец и мать семья нашей матери. И пусть оно будет черным — чернее и белым — еще белее. Прости меня, что я не упомянул раньше и что я сразу не пришел к маме в больницу, а только на четвертый день после твоих родов. Позор, я думал о мальчике, а родилась девочка... И ночью, когда ты кричала просто так, я уложил тебя на кровать... Это ужасно... Спустя еще несколько лет, помнишь, дитя, в Малаховке, что случилось? «Сон мне приснился: Собака немного укусила». Ночью. Через окно моей комнаты виднеется небесный баллон, пересеченный гигантскими цветными квадратами, радиусами, кругами, меридианами, исписанный надписями: Москва — точка, Берлин — точка, Нью-Йорк — точка, Рембрандт, Витебск, миллионы страданий. Они горят и сжигают все краски, кроме ультрамарина. Я вглядываюсь назад и вижу свою картину, где люди — «жидкие». Оно горячее и зеленое. Я сплю между этими двумя мирами и смотрю в окно, для меня в небе светят и ночью, и днем те же самые, как плоские и легче, чем солнце. Есть ли в этом правда, что касается этого сна к моему бегу по полю, когда на следующее утро моя дочь упала, и, захлебываясь кровью, она бежала ко мне с палкой в щеке. И от этого я чувствую, что всё крутится во мне. И один иду я по какой-то безумной земле.

Если бы я мог писать, источники моих слов были бы более безвкусными, чем земля, чем та лужайка, на которую ты упала, дочь.

Кажется, что после нас будет совсем что-то другое. И разве будет ещё жить вот этот мир?

Это имеет какое-то фактурное значение. Или, если бы в моих картинах было такое окошко, я бы определённо спрятал туда этот текст: и, возможно, он полностью растянулся бы на спине какого-нибудь героя или в штанах музыканта-клезмера из моих театральных полотен.

ИЦХАК ЛИХТЕНШТЕЙН | ВИТЕБСКИЕ ХУДОЖНИКИ

В различных художественных центрах по всему миру мне доводилось встречать еврейских художников, которые любили рассказывать о своей жизни и творчестве своего учителя Юрия (Иегуды) Пэна, руководителя художественной школы в Витебске.

Первым, от кого я услышал о нём, был художник Марк Шагал. В 1911 году мы были соседями в Париже, в «Ла Руш» (Улье) — художественном общежитии на пассаже Данциг, недалеко от Версаля.

Иегуда Пэн родился в начале 70-х годов XIX века в Ново-Александровске Ковенской губернии. Он получил строгое религиозное воспитание. С самого детства он испытывал сильное влечение к рисованию, но это считалось грехом. Тем не менее, ещё мальчиком он уехал поступать в Петербургскую Академию художеств, а позже открыл собственную художественную школу в Витебске. Через эту школу прошли сотни молодых людей. Разумеется, среди них было немало выходцев из окрестных бедных местечек.

Пэн глубоко интересовался еврейским укладом, еврейским бытом, традиционными обычаями и, в первую очередь, характерными типажам еврейских обывателей. Он создал такие произведения, как «Портной», где изображен простой еврей, который «мучается» над книгой; еврейка с «Цэна у-Рэна» (популярным текстом Библии для женщин) — образ, столь характерный для наших мам и бабушек. Пэн также создал целую галерею различных еврейских типов в драматических сценах из еврейской жизни. Картина «Сват» характеризует художника так же хорошо, как и картины «В предбаннике у пана» и «Письмо в Америку» — практически характерное мамино «письмецо», полное тоски и любви к родному человеку. Пэн трактовал всё это в своём реалистично-романтическом стиле как искренний художник своего времени, он делал то, что должен был и умел делать.

Вскоре художественный мир начал часто слышать о еврейском Витебске — не только слышать, но и видеть его на художественных выставках: витебские мотивы, прежде всего у Шагала, разумеется.

Наша еврейская группа в парижском художественном мире получала много радости от маленького местечка, шагнувшего на стены больших художественных салонов. И Шагал ведь не был единственным витебским художником в Париже. Там уже находились в то время Абель Пэн, Осип Цадкин, Оскар Мещанинов. Каждый из них обладал своим неповторимым лицом, и их творчество не имело ничего общего с Витебском, словно они никогда там и не бывали. О Шагале и Юдовине можно сказать

обратное: они часто использовали местечковый колорит, даже как своего рода программное заявление.

Возможно, дело в том, что в Париже у каждого в какой-то степени отразилось что-то от Витебска, но это не вылилось в характерное выражение. Они были в плену определенных изысканных рефлексов. Париж подействовал на каждого иначе, чем на Шагала.

Правда, Шагал тоже находился под влиянием парижской школы, но совсем иначе, чем другие витебские художники. Цадкин и Мещанинов не имели ничего общего со своим родным городом. У Шагала же всегда можно найти определенную витебскую ностальгию, в красках — отблески рефлексов. Но Цадкин и Мещанинов ушли далеко от этого, от того, что напоминает о старом доме. Они представляют собой художественные индивидуальности, которые полностью освободились от какой-либо связи с витебским мотивом.

Шагал не просто изображал тоску по родине. Он воспевал, оплакивал и в определенной степени даже романтизировал её, прямо как в популярной песенке «Моё местечко Белз» — так это у Шагала с Витебском.

В 1912 году на парижском «Осеннем салоне» можно было увидеть макабрическое видение Шагала — картину с необычайно жуткой атмосферой. Какая-то перевернутая улица с мертвецом на переднем плане. Горящие свечи вокруг мертвеца в углу перевернутой улицы, скрипач сидит на крыше хижины с сапожной вывеской — вот одна из тех лаконичных вывесок: сапог в треугольнике; дворник подметает улицу, испуганные люди бегут в панике... В этом макабрическом видении Шагала смерть — это местечковая улица, охваченная великим страхом, витебский мотив. В этом мрачном видении, на фоне перевернутой крыши и улицы с мертвецом, на этой гротескной скрипке Шагал открыл для нас своего рода метафору того, что я позже обнаружил в латгальском местечке Резекне (Режица), куда приехал жить в 30-х годах. Я приехал туда, чтобы увидеть еврейский уголок — и обнаружил там следы шагаловского корня. Я нашел там те самые шагаловские колеса, стоящие на головах другие повозки. Даже крыши домов напомнили мне скрипку Шагала. Я нашел там глиняные фигурки, вылепленные латгальскими гончарами. Это были лошадки с всадниками. Иногда всадник — это маленький человечек с большой трубкой, иногда всадник сидит на лошади задом наперед, а то и на человеке, который едет на лошади, сидит птичка. Это были крашенные глиняные птички. Их продавали на ярмарках между Резекне и Витебском, который находится недалеко от Латгалии.

Меня это очень заинтересовало, и я начал искать информацию. Я узнал, что латвийский художественный департамент собирает всё, что можно найти на латгальских полях. Позже я посетил этот департамент, и мне рассказали и показали эти свистульки; передо мной открылась большая коллекция. Мне разрешили выбрать около двенадцати из самых любопытных, возможно, самых оригинальных образцов. Я привез их в Париж, и они часто рассматривались как характерный пример того, что имеет отношение к Шагалу и Цадкину.

Эти два художника, надо знать, представляют собой две разные личности. Но где-то они соприкасаются в чем-то — как бы это сказать? — можно, пожалуй, назвать это: коренная грубость.

Правда, это звучит немного усложненно. Но фигурки на латгальских пастбищах подсказывают мне эту мысль.

Осип Цадкин — скульптор, гравер, рисовальщик и живописец акварелью. Активный художник с большими возможностями. Обладает сильным стремлением к инновациям. Он родился в 1890 году. Около 1906 года приехал в Англию и учился в лондонском политехникуме на Риджент-стрит. Позже, в 1909 году, он уже в Париже. Провел около полугода в тамошней Академии художеств. В 1911 году начинает выставаться в парижском «Салоне независимых». В то время Цадкин жил в «Ла Руш», по соседству с Шагалом. Мне даже не приходило в голову, что они оба родом из одного города. Я тогда тоже приехал в «Ла Руш» и помню это очень хорошо. Спустя годы, уже в Иерусалиме, мне рассказал Абель Пэн, что Цадкин родом из Смоленска, но учился в Витебске, где и вырос. Сам Пэн — креславец (из Краславы), родился в 1883 году. Его фамилия была Пфефферман. Он пришел пешком из витебской художественной школы через Одессу в Париж, где участвовал в юмористических журналах и принимал участие в различных выставках. Около 1913 года он приехал в Эрец-Исраэль и стал преподавателем в «Бецалеле». Во время Первой мировой войны он находился в Америке. Вернувшись, он снова поселился в Эрец-Исраэль, где теперь является издателем литографий, в основном на библейские темы и на темы еврейского быта.

В то же время, когда Цадкин и Пэн жили в Париже, туда прибыл еще один витебчанин — Оскар Мещанинов. Около 1911 года он окончил парижскую Академию художеств и начал выставаться в различных салонах. Мещанинов стал не только скульптором, он также стал важным коллекционером произведений искусства. Он был одним из первых, кто признал таких художников, как Хаим Сутин и Амедео Модильяни.

Мещанинов также сильно интересовался предметами старины. Он обладал коллекцией антиквариата и характерных образцов современного искусства. Тот факт, что он так рано заинтересовался Сутиным, был для нас очень важным событием. Ему удалось собрать множество лучших картин Сутина.

Оскар Мещанинов — одарённый художник, его скульптуры находятся в различных музеях. С 1944 года он жил в Америке. Он принадлежал к тем, кто участвовал только в избранных выставках. Он также принадлежал к числу тех еврейских художников, которые глубоко интересовались Всемирным еврейским культурным союзом в Нью-Йорке. Он регулярно выставлялся на ежегодных выставках Культурного союза, который был основан в 1948 году.

Провозглашение Государства Израиль и возрождение еврейского искусства в Америке стали для Мещанинова стимулом и предвестником еврейского ренессанса.

Я помню это очень хорошо. Он пригласил меня побеседовать о наших насущных художественных делах. И я помню это, потому что беседа была очень интересной с самых разных точек зрения. При этой возможности было также интересно заметить, что Мещанинов обычно редко проявлял свои чувства. Практически он был скорее

молчаливым человеком. Тем более интересным для меня было узнать о преемственности еврейского чувства у такого художника. Достаточно часто кажется, что еврейские чувства полностью теряются в интернациональном водовороте. И примеров тому предостаточно.

שלמה יודאווין — אין שטעטל (האַלצשניט)

Там, где нет места для определенных открытий, следует подчеркнуть такие действительно радостные неожиданности. И Оскар Мещанинов преподнёс нам её.

Поэт Моше Бродерзон часто рассказывал мне о художнике Лисицком. Для него это были романтические воспоминания. Было приятно слушать поэта, говорящего о художнике.

Настоящее имя Лисицкого было Эль (Лазарь). Он пользовался только первыми буквами своего еврейского имени. Он известен как Эль Лисицкий. Родился в 1891 году. Был учеником русского художника Малевича. Между 1922 и 1925 годами он жил в Германии и Швейцарии. В 1925 году совместно с художником Гансом Арпом он издал книгу по искусству под названием «Кунстизмы — 1914–1925». Как можно понять из названия, это произведение о различных «измах» в искусстве между 1914 и 1925 годами. В этой книге проявляется его художественное лицо. Там он заявляет о себе как о конструктивистском характере, своего рода связующем звене с архитектурой.

В 20-е годы Лисицкий много занимался графикой. Он оформлял книги, делал плакаты, глубоко занимался графическими инновациями, книжными выставками и фотомонтажом. В то время Лисицкий издал «Про два квадрата», и одновременно это вышло на голландском языке. В современном искусстве конструктивистское движение признано важным ответвлением абстрактных поисков и некоторых ультрамодернистских течений в конструктивистском искусстве. И Лисицкого действительно следует рассматривать как конструктивиста. В его творчестве можно найти и другие «измы», которые имеют определенное отношение к архитектуре.

Лисицкий сейчас находится в Советском Союзе. Там сейчас также активно работает Шломо Юдовин, график замечательных работ в еврейском стиле.

Шломо Юдовин родился в 1894 году в Бешенковичах, маленьком местечке под Витебском. В детстве его родители переехали в Витебск. С ранних лет у него проявилась склонность к рисованию.

שלמה יודאווין — א לוויה

(Иллюстрация: гравюра Соломона Юдовина «Похороны»)

В 1908 году, когда ему исполнилось 14 лет, он начал учиться в художественной школе Пэна, где пробыл лишь короткое время, не более двух лет. В 1910 году С. Ан-ский забрал его в Петербург. Там Юдовин поступил в художественную школу.

В 1913–1914 годах Юдовин участвовал в фольклорных экспедициях Ан-ского. Вместе с экспедицией он странствовал по еврейским местечкам и городам и собирал интереснейшие материалы еврейского быта. Собранные еврейские орнаменты оказали огромное влияние на его дальнейшую художественную работу.

С 1916 года и по сей день работы Юдовина можно увидеть на наших важнейших художественных выставках. Это интереснейшие мотивы из еврейской жизни, которые часто украшают книги еврейских писателей.

В 1918 году, после большевистского переворота, Юдовин возвращается в Витебск, где остается в течение пяти лет, до 1923 года. В 1919 году он организовал в Витебске специальную выставку еврейского народного искусства. В 1926 году Витебский окружной исполнительный комитет (Окрисполком) издал на белорусском и русском

языках альбом «Витебск в гравюрах Юдовина», в котором представлены еврейские мотивы.

В 1927 году Ленинградская академия художеств пригласила Юдовина принять участие в выставке, которую она организовала. Его работы были признаны всеми как очень важный вклад.

Юдовин принадлежит к тем современным графикам, которые подходят к своему искусству с профессиональной основательностью, богатой сентиментальностью и ясностью формы. Его многочисленные работы на еврейские темы ярко это доказывают. Вполне возможно, что Юдовин является в определенной степени наиболее близким художником к своему витебскому учителю Пэну.

Витебские мотивы можно также найти у некоторых других еврейских художников. Но это были лишь отдельные моменты, не более того. В гравюрах на дереве Юдовина острее всего проступает характерный облик Витебска с его переулками и жителями. Недаром критика указывала, что его творения несут глубоко национальный характер.

За последние десятилетия на различных выставках в Америке часто можно было увидеть картины Вениамина Кофмана. На этих выставках можно было наблюдать интересное развитие этого своеобразного художника. В его творческом пути — от мистических библейских картин в духе Уильяма Блейка до романтического даосизма — это был лишь один этап. Позже появились и другие, более классические стили, говорящие о творце с широким кругозором.

Художник Вениамин Кофман родился в Витебске в 1887 году. Вырос в Екатеринославе. Позже, когда ему исполнилось 13 лет, он возвращается в Витебск. Он остается там на короткое время и вместе с родителями уезжает в Америку. За то короткое время, что ему довелось пробыть в Витебске, он учился в художественной школе Пэна.

В Америке Кофман учился в Нью-Йоркской Национальной академии дизайна. Но он практически не имел ничего общего с академическим направлением этого заведения. У него была тяга к таким художникам, как экспрессионистские французские мастера, а среди них — к глубоко трагическому еврейскому экспрессионисту Хаиму Сутину.

Интеллект Кофмана глубок и беспокоен. Его дух не может довольствоваться достигнутым. Он всегда в поиске, пробует разные пути, и всякий раз находит новые выражения для своих представлений.

Кофман приехал в Америку в первые годы нынешнего столетия. Модернистская живопись тогда еще совершенно не была американизирована. В 1913 году в Нью-Йорке произошло событие, которое можно считать началом всемирного модернистского искусства. Это была «Арсенальная выставка» (Armory Show) — выставка ультрасовременного искусства в Оружейной палате на Лексингтон-авеню. Впечатление было поразительным, резонанс — колоссальным, и не только в Нью-Йорке, но и во всех самых отдаленных американских уголках, где находились чуткие художники.

И Кофман жил тогда в мистике Уильяма Блейка, в «англиканском» восприятии Ветхого Завета — по крайней мере, так мне казалось, когда я впервые увидел картины Кофмана.

Витебская группа художников занимает важное и почетное место в еврейском искусстве. Я нахожу у них художественное родство. Я думаю о первоначальных влияниях в их творчестве. И я хочу найти в них первозданную среду, витебскую среду их детства. Материал их искусства — вещественный. И в определенном смысле в их работах есть хорошее начало, а также творческое продолжение.

ИЦХАК ХАРЛАШ | ЛЕОН КОБРИН В ПИОНЕРСКИЕ ВРЕМЕНА В АМЕРИКЕ

15 января 1892 года рано утром в туманный порт Филадельфии зашел корабль. Иногда корабли ломали там свои оси, но в этот раз судно благополучно доставило из Ливерпуля сотни еврейских иммигрантов из России. Среди них был и парень, который «нёс на своих плечах двадцать туманных лет», имел в кармане несколько немецких золотых монет и бумажку с адресом земляка в Филадельфии. Он приехал в Америку, потому что дома не захотел идти «служить царю».

Этот парень был родом из Витебска — из семьи гробовщиков, из «вечных». Поколениями они принадлежали к Хевра Кадиша (похоронному братству), их предок был смотрителем в комнате омывания на старом кладбище в Витебске, поэтому их фамилия и была Кобрин — от слова *кэвэр* (могила). Молодого парня звали Лейб, в Литве (в Америке он стал Леоном), а его отец в Витебске торговал рыбой, арендовал озера у помещиков и нанимал на работу еврейских рыбаков; он был домовладельцем, а этот его сын вырос интеллигентным, с «мировой скорбью в сердце». Он воспитывался на русской литературе и «грезил о спасении мира и освобождении человечества».

Когда Леон Кобрин приехал в Америку, он говорил только по-русски (уже писал рассказы на русском языке), а еврейского (идиша) совсем не знал. «Еврейский жаргон» был для него тогда чужим, «диким языком»... И то, что со временем он станет одним из главных столпов «какого-то еврейского театра» и одним из главных строителей «какой-то еврейской литературы» в Америке, ему тогда даже в самом диком сне не могло присниться.

לעזן קאפריין (1872—1946)

Ведь когда он в Нью-Йорке впервые в жизни увидел лондонский «Арбейтер Фрайнд» (Рабочий друг), это было для него удивительным открытием: газета на «жаргоне»? Правда, он знал, что существуют брошюры ШМР'а (Шомера) и лубочные книжки «Шарканского», которые читают служанки; он даже знал, что существуют и более серьезные «шарканские» писатели, но сам он из них не читал ровным счётом ничего. Единственное произведение, которое он до этого читал в русском переводе, было напечатано в «Восходе» — повесть Менделе Мойхер-Сфорима «Кляча». И вот однажды в газете «Идише Арбейтер Вельт» (Еврейский рабочий мир) появляются современные слова вроде «паллиатив», «революция», «классовая борьба», «буржуазия», написанные на языке, на котором сумасшедший философ «Марис Винчевский» (Моррис Винчевский) описывал свои «безумные мысли», своими прекрасными песнями из той же «Винчевщины», которые были так революционны, так брали за сердце — это было настоящим откровением для витебского парня, чье сердце загорелось желанием стать писателем на языке Тургенева, Толстого, Пушкина и Некрасова.

И то, что Леон Кобрин до этого не имел ни малейшего понятия о еврейском языке, по приезде в Америку пошло ему как писателю на «жаргоне» только на пользу. Ему не мешали местечковые традиции, еврейские литературные влияния и среда, откуда всё черпают. У него, естественно, ушло много тяжелого труда и душевных терзаний на то, чтобы приручить «чужой жаргон» и сделать его инструментом для своего художественного творчества. Но подсознательный творческий импульс не давал ему покоя. Те неосознанные сущности, которые жили в нем наяву и во сне, герои, которые требовали своего воплощения, и нужда в заработке гнали его; ведь ради пропитания приходилось браться за десятки занятий: от шитья рубашек и скручивания сигарет до работы на фабрике «Кэнди Сторек» (магазин сладостей). Леон Кобрин не сдался. Он боролся и писал по-еврейски, пока не победил!

Почти за полвека своей литературной деятельности Кобрин написал сотни рассказов, десятки романов, более тридцати пьес, которыми он снабжал еврейский театр в Америке на протяжении двух десятилетий, сотни статей и очерков, две-три книги мемуаров, а в соавторстве со своей женой Паулиной Кобрин сделал переводы Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Тургенева и Арцыбашева, от Гёте, Шекспира, Гюго, Золя до Мопассана. Разумеется, не все произведения Кобрина выдержали испытание временем. Интерес ко многим из них угас за эти пятьдесят лет, но некоторые из них всё же устояли перед испытанием временем. Рассказ «Риверсайд Драйв» до сих пор ставится на сцене; драма «Янко-кузнец» (известная как «Борьба») до сих пор способна держать читателя в напряжении, а главы из книги «От литовского местечка до многоквартирного дома» (Tenement House) можно и сегодня читать с большим удовольствием — это с культурно-исторической точки зрения. Ведь Кобрин был одним из тех избранных пионеров, которые построили литературу буквально из хаоса, создавали людей и характеры из праха — создавали нечто из ничего.

Эта пионерская эпоха вместе с его литературным трудом «Деяния в начале» (Меасе Берешит) в еврейско-говорящей Америке всегда обладали магической силой привлекать творческий дух Леона Кобрина. Он всегда хотел показать то, что как откровение предстало перед ним, когда эти еврейские иммигранты в Америке в 80-х годах и в начале 90-х годов с «кровью в жилах» создавали почву для еврейской

литературы, для еврейского театра, для еврейской прессы и вообще для еврейской культурной жизни в этой стране. Две серии очерков Леона Кобрин печатались в нью-йоркском «Тог» (День) в 20-х годах: «Воспоминания еврейского драматурга», которые вышли в двух томах в 1925 году, и «Страницы из духовной жизни евреев в Америке», которые Кобрин позже, незадолго до своей смерти, переработал, дополнил и начал печатать в той же газете «Тог». После смерти писателя его вдова собрала всё, что осталось от этой серии, и в 1955 году они были изданы в виде книги под названием «Мои пятьдесят лет в Америке».

Это была необычная книга. Правда, она охватывает лишь первые два года Кобрин в Америке — с момента его схода с корабля в январе 1892 года до его дебюта с рассказом на идише в «Филадельфийер Штатс-Цайтунг» весной 1894 года — но что это были за два года! Это было время, когда каждый день новые тысячи евреев из России наводняли эту страну. Местные лавочники и торговцы, ремесленники, домовладельцы, местечковые бездельники внезапно за одну ночь превратились в рабочих. Люди ходили по улицам Манхэттена в великом унынии: со швейными машинками на плечах и с утюгами в руках. Евреи-псалмопевцы уже вообще не говорили о «Йовне» и «Страйкс» (забастовках), а о «Скэбс» (штрекбрейхерах). Люди шили рубашки и прессовали брюки, зарабатывая по два доллара в неделю. Дочери домовладельцев заводили разговоры о «социальной революции». Пожилые иммигранты пытались избавиться от «бордеров» (квартирантов) и не могли избавиться от «кокrochen» (тараканов). В «шопках» (мастерских), где «гринэр» (зеленые иммигранты) ждали работы, люди спорили, говорили на идише, русском и английском языках. Небо и земля перемешались. И вот в этом безумном водовороте прокладывали свой путь социал-демократы, анархисты, трейд-юнионисты. Еврейские интеллигенты произносили пламенные речи, издавали партийные газеты. Еврейские поэты писали революционные песни. Еврейские идеалисты основывали братские кооперативы и создавали коммунальные колонии. Это было время, которое описано в книге Кобрин «Пятьдесят лет в Америке».

Фантастическая картина предстает перед нами: еврейская жизнь ранних девяностых годов в Америке, какой Кобрин рисует её в своей книге. Вещи, невероятные в нормальное время, там были реальностью. Без традиции, без стиля, без дисциплины, движимые инстинктом или гонимые нуждой, люди совершали эксцентричные поступки, их действия были импульсивны, их движения — рефлексорны, так что всё вокруг превращалось в гротеск.

Ривка Моше-Лейба была дома, в Витебске, торговкой в пяти лавках... Кровь с молоком, здоровая как бочка с вином, жила она в достатке при муже, торговце мукой, пекла изысканные яства к праздникам, была хозяйкой, готовила себе прекрасную долю в будущем мире и в свободное время читала «Шарканские» книжки, которые брала напрокат у книгоноши. Но перевернулось колесо судьбы, дела у Моше-Лейбы и её мужа пошли прахом, лавки закрылись, и Ривка с мужем и двумя детьми оказалась в Америке. Моше-Лейб стал там изготовителем сигарет, а Ривка ушла к анархистам (в «коммуну» — так зовет её мать). Она борется против «эксплуататоров» и против «божественной троицы»: религии, государства и денежного мешка. И воспитывает обеих своих девочек — одну восьми лет, другую шести — в анархистском духе.

Люди сидят за столом — Кобрин рисует эту гротескную сцену — и эти дети, две светловолосые девочки с искривленными ложками и большими глазами, в коротких юбочках, одетые в белые блузочки. С иногда расплывающейся улыбкой на лице Ривки, она обращается к одной из блондинистых куколок: — Софи, ты веришь в Бога? — Нет, — отвечает ребенок. — Почему, Софи? — Ну, а кто Бога создал? У Бога ведь нет папы и мамы, а без папы и мамы никого нельзя создать, — говорит Софи с детски-серьезным видом. — А кто верит в Бога, Софи? — не унимается Ривка. — Глупые люди и лицемеры, которые делают бизнес на вере в Бога. — А кто еще, дитя? — снова обращается она к ней. — Все капиталисты, которые хотят, чтобы люди были глупыми и верили в Бога. — Зачем капиталистам это нужно, Софи? — Потому что глупые люди боятся, что Бог их накажет, если они устроят «революцию» против капиталистов. — А ты устроишь «революцию», и когда ты вырастешь? — продолжает спрашивать мать. — Да, мама, за коммуны, за анархистскую коммуны, мама.

Воодушевленная, торжествующая Ривка готова расплакаться от радости и гордости.

И вот такова трагикомическая изнанка этого гротескного персонажа Кобрина. В те времена — рассказывает Кобрин — когда у еврейского социал-демократа рождался ребенок, ему давали имя в честь кого-то из знаменитых революционеров. Среди евреев тогда было огромное уважение к Карлу Марксу, Бакунину, Лассалю, Чернышевскому, Перовской, Желябову. Но бывали и такие, кто не мог дождаться, пока у них родятся дети, и сами принимали имена знаменитых революционеров. Один молодой человек, социал-демократ, бывший хасид, называл себя Гербертом Спенсером. А другой, анархист, чье имя было Дувид, стал называть себя: Дувид Питер Кропоткин. Это был молодой человек, уже довольно приличный, но обутый в высокие сапоги, в широких брюках, в мощной красной рубаше, с широким плоским лицом и маленькими глазками. Так случилось, что этот «последовательный анархист» влюбился в «товарища» (женщину), но она в него нет, она подарила свое внимание другим. Влюбленный душевно Пётр Кропоткин впал в ужасную ревность. Он даже хотел из-за этого покончить с собой, но затем его буржуазная «порядочность» победила, он взял в руки револьвер и... выбросил его в окно.

Эта «божественно-невинная», болезненно-острая наивность тянется как красная нить через десятки персонажей из «Рангов и файлов» [Rank and File], из «Моше» анархиста и социалиста в книге. Это трогательная девушка, которую вдохновляет лекция М. Заметкина, её глаза наполняются слезами и она вздыхает: «Ой-ой, когда же придет социализм!». И этот потрясенный парень-анархист советует своей бедной подруге не спешить покупать билет на пароход для брата в России, потому что «уже завтра-послезавтра придет социализм», и тогда бедным людям вообще не нужно будет покупать билеты на пароход...

И не только простые участники, но и лидеры в то время были такими же эксцентричными, историческими. Известный М. Заметкин приехал из Нью-Йорка в Филадельфию прочесть лекцию о Толстом «Крейцера соната». Он говорил по-русски и, конечно, пересыпал каждое слово революционным пафосом. Кобрин описывает удивительное впечатление, которое этот социалистический оратор произвел на него:

«Он держал пальто накинутым на плечи, один рукав надет, а другой свободен, ходил по платформе туда и обратно с палкой, одна нога в ботинке, а другая в калоше, и протестовал против капиталистического общества. Время от времени он нервно поддергивал свободный рукав на плече, или поддергивал какую-то другую часть своей одежды — главным образом брюки сзади... Всё в нем говорило... протестовало, даже его одежда на нем... В его голосе и во всей манере говорить было что-то, что заражало его слушателей истерией. Говорил он теплым баритоном, который время от времени срывался в глубокий басовый звук, особенно когда он хотел что-то подчеркнуть...»

Часто он басовым тоном приговаривал: «Да, да, голубчик, да-да!» (Да, да, голубка, да-да).

Когда после лекции — рассказывает Кобрин — пошли вместе выпить чаю, Заметкин уже надел обе калоши, но пальто по-прежнему было наброшено только на один рукав... Ночью было холодно, и один из сопровождающих спросил Заметкина, почему он идет в калошах... он ответил: «Мазолеус, голубчик, у меня мозоли, они меня замучили. А новые туфли как раз сегодня жмут... Ну, говорить я ведь должен сегодня, так я и пошел в калошах». И он добавил басовым тоном: «Да-да, голубчик, еще как мозоли... нам нужно поскорее покончить с сегодняшним капиталистическим строем». В этой социалистической логике Заметкин добавил: «...тогда нам будут давать обувь из настоящей кожи, хорошо сшитую, и они не будут давить на мозоли на пальцах».

Молодой человек всё понял.

Не менее, а может быть, еще более фантастической предстает у Кобрина фигура тогдашнего эксцентричного лидера профсоюзов Иосифа Барондеса. Вот стоит он в субботу днем на углу улиц Ист-Бродвей и Клинтон-стрит и произносит речь. Толпа людей — голова к голове. И старые, и новые, домашние лавочники и ремесленники, все стали «рабочими». Спокойно, с придыханием, ловя каждое слово, они слушают Барондеса с его звенящим голосом:

— Рабочие, там на вашей проклятой родине при царе вы торговали с неевреями на рынке и зарабатывали гроши... А здесь, в «стране-созидательнице» (в Америке), вы получаете от ваших «сосателей крови» (капиталистов) еще меньше... Я хочу сказать вам, что в Америке это называют «голодной платой». Вы можете работать по десять раз больше, но если вы не будете такими упрямыми мулами, если вы здесь, в Америке, не будете жить в нищете, и не в Тонидевке, и не в Балашевке. Здесь вы можете жить как люди! Есть как люди! Жить как люди! И иметь лицо человеческое, а не быть как рабочий скот, как ослы, как упрямые мулы!»

Оратор делает глоток воды из стакана, стоящего перед ним на столе, и продолжает:

— Ну, как же вы можете всего этого достичь? Как вы можете избавиться от рабства? Думаете, я избавлю вас от него? Нет! Только профсоюзы спасут вас! Объединяйтесь в ваши профсоюзы! И когда вы будете объединены в ваши профсоюзы... — раздается голос оратора, полный слез, — тогда работайте по двенадцать часов в день... вы слышите? Двенадцать часов в день, каждый день работайте, Иосиф Барондес просит

вас об этом. Для чего я это делаю? Чтобы вы стали настоящими профсоюзными деятелями и жили лучше, и перестали быть ослами, рабочим скотом! Рабочие, еврейские братья мои, помогите мне бороться за вас! Не оставляйте меня одного в этой борьбе против боссов, против этих мелких клопов! Упрямые мулы, скоты, я борюсь за вас! Я борюсь за вас!

В зале поднимается ура, переходящее в восторженные аплодисменты. Оратор продолжает говорить в том же духе. Вдруг в одном из углов поднимается шум. Председатель митинга, сидящий позади оратора, хочет успокоить зал. Барондес оборачивается к нему и кричит: «Барондесу не нужен председатель, когда он стоит на платформе!... Тихо там! Когда Барондес говорит, все должны молчать! Прочь, хамы!» И зал взрывается аплодисментами.

И когда вспоминаешь, что Иосиф Барондес со своими «ослами» и «хамы» действительно построил еврейские профсоюзы в Америке, вся эта история становится еще более фантастической, еще более захватывающей.

Но суть этого удивительного времени заключалась не во внешнем облике, не в его чудачествах и гротеске, а во внутреннем содержании, в глубоком литературном идеализме, который двигал всем на начальном этапе. Леон Кобрин пронизан этим насквозь. Он выражает это как в изображении людей из народных масс, так и в портретах лидеров (Йохан Мост, Эмма Гольдман, М. Кац, Леон Малейсов, те же Заметкин и Барондес и др.). И выражает он это также через изображение своей собственной первой, неуверенной, на ощупь в темноте делаемой поступи в то странное, но великолепное пионерское время.

Из личных воспоминаний Кобрин в его «Первых пятидесяти годах» выделяются два момента, которые производят особое впечатление на читателя.

Первое описание — это описание творческого порыва, который охватил его в те далекие молодые годы. Обычно у писателя творческая лаборатория скрыта от посторонних глаз. Он боится, чтобы туда не заглянули. У Кобрин же всё иначе. Он делится этим с нами, рассказывает просто и честно, как происходил этот процесс в его молодые творческие годы. И мы получаем много радости от этой простоты и искренности и верим каждому слову писателя.

Сидит себе Кобрин ранним утром 1892 года в Филадельфии за швейной машинкой в рубашечной фабрике и работает. Он работает механически, а перед его глазами проносятся родные картины и домашние образы... Ностальгия по дому, эти образы, которые он теперь несет в своей памяти, переплелись с самыми прекрасными годами его ранней молодости. Он видит в воображении рыбаков, работавших на Днепре в его Могилевской губернии. В последние два лета перед поездкой в Америку он проводил время с ними и они были для него как живые, проплывали перед его глазами. Он ест с ними, проводит время с ними. Вот они ловят рыбу по ночам, и серебряные рыбки бьются в сетях. Сердце танцует от радости... И вдруг — игла от швейной машины входит прямо в руку. То раннее утро стало началом конца его жизни как швейного рабочего, но в то же утро родился создатель его известной повести-новеллы — «Янкель Бойла».

В другой раз, однако, жизнь сыграла с ним поистине дьявольскую шутку: из «шкафа» выпал рукописный свиток.

Он работал в пекарне, в темном подвале, без окон, со скользкими сырыми стенами грязь и слякоть. С восьми вечера до пяти-шести утра. Три работника работали там. Главный пекарь — короткий и широкий еврей с рыжей бородкой и лицом, покрытым мучной пылью; второй рабочий — молодой человек с бельмом на глазу; и он, Кобрин, помощник. Он уже тогда был анархистом и искал сюжет для рассказа на русском языке, который впоследствии перевели на идиш для газеты «Фрайе Арбейтер Штиме» («Свободный рабочий голос»).

Один раз ему пришла мысль взять сюжет прямо из этой пекарни и сделать главного пекаря со своей женой главными героями рассказа. Конечно, у главного героя должна быть трагическая судьба, из-за которой его эксплуатировали и мучили революционеры.

И вот, когда молодой писатель погрузился в свои фантазии для рассказа, и думал о главном пекаре, который лежит без сил на своей постели, он вдруг услышал крик главного героя рассказа: «Довольно! Я не буду больше работать целыми ночами в этой проклятой могиле, чтобы мой хозяин мог спокойно спать в своей мягкой постели». Вдруг он услышал крик от своего «героя»: «Что ты там стоишь как истукан? Что ты там застрял? Замешивай тесто! Или ты ослеп? Пошел прочь отсюда, в землю полезай!»

Глаза пекаря потемнели от сильного гнева, и он бросился на Кобрину. Из-за этого происшествия Кобрин рассказал всё «герою», который должен был произнести эту революционную речь против хозяина в рассказе.

Когда пекарь услышал, что молодой парень говорит против хозяина, его глаза загорелись яростью: «Против хозяина, реб Исроэль, мой земляк? Ты хочешь сказать, что он сосатель крови? Иди прочь со своими мыслями в ящик с мукой!»

Никакой пекарь из Кобрина уже не получился, и все мечты революционного писателя также испарились.

В заключение — о художественном воплощении переживаний Кобрина в те недели и месяцы, когда Паулина Шагал, «прекрасная адъютантка Эммы Гольдман», вошла в его жизнь. Любовь, которая зародилась в бедности, Кобрин описал и воспел со всей силой своего таланта. Любовь, которая скрывала и украшала собственную бедность, часто описывают не так. У Кобрина же это изображено честно, просто, искренне, без прикрас и напыщенности — это доставляет настоящее удовольствие, очищает душу и укрепляет веру в человека.

В ту самую ночь — рассказывает Кобрин, — когда он впервые в жизни встретил Паулину Сегал, он пригласил ее поужинать в лучшем ресторане, который тогда находился на Ист-Бродвее, и он позволил себе шикануть на поистине «богатейший лад»: из всего своего состояния он выложил целых пять пятицентовиков... И когда он после этого пришел ночевать в душное анархистское помещение на Пайк-стрит, 11, он больше не чувствовал ни жесткости скамьи, на которой спал, ни духоты и тесноты, которые так мучили его в последнее время, ни даже грубости уродливых лиц, что

шныряли вокруг него в этом помещении. Ему было хорошо и светло на душе — рассказывает Кобрин, и мы верим ему всем сердцем.

А позже, во время их медового месяца, когда они оба внезапно потеряли работу (она — на фабрике пальто, а он — за скручиванием сигар) и у них не оставалось больше даже пяти центов на буханку хлеба, с ними произошла целая история. История о портновском снеге и одеяле из берлоги, история о любви и бублике с селедкой, и об очистке улиц от снега. Но эту историю мы пересказывать не будем; ее нужно прочесть самостоятельно, чтобы в полной мере ощутить прелесть этого писательского сочетания мечты и реальности, поэзии и прозы, нежного внутреннего тепла и суровой действительности.

Действительно высокохудожественным и колоритным произведением является книга Кобрин «Мои первые пятьдесят лет в Америке». Жаль только, что за ней больше не последуют столь же ценные описания последующих лет от того же пера.

В своем предисловии к книге Кобрин пишет о Паулине, что она — величайшее счастье, которое выпало ему в жизни, сподвигшее его подарить эту книгу как подарок еврейским читателям, своему мужу и товарищу на протяжении пятидесяти лет — последний цветок. Последний, но один из самых прекрасных и благоуханных цветов в букете творчества Кобрин. Еврейские читатели наверняка будут благодарны за этот прекрасный подарок.

А. ГОЛОМБ | ЕВРЕЙСКИЕ ШКОЛЫ В ВИТЕБСКЕ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Осенью 1909 года, сразу после того как я окончил педагогические курсы в Гродно, я приехал в Витебск в качестве учителя в местной Талмуд-торе. Эта Талмуд-тора была реформированной, то есть не похожей на старые, традиционные Талмуд-торы старого покроя, а современной школой с широкой программой еврейских предметов. Такие реформированные Талмуд-торы существовали в то время в более крупных городах, где руководство переходило в руки более современных людей. В Витебске новое правление Талмуд-торы состояло из банкира Финкельштейна, которого мы очень редко видели в школе, трех врачей — Найфаха, Либермана и известного сионистского лидера доктора Брука. Больше я не помню. Среди них была также госпожа Бернштейн. У её мужа была аптека на углу Могилевской улицы и Смоленского тракта, недалеко от Лучесы. Само собой разумеется, что такое правление решило сменить старых учителей и ввести современные предметы и современных преподавателей.

Когда я приехал поздней осенью, все изменения уже были проведены, но школа еще не работала, потому что в городе была эпидемия холеры. Правда, слабая, и она не затронула более интеллигентные круги, но школы были закрыты до ноября.

Талмуд-тора имела два отделения. Главное отделение находилось в центре, с несколькими совершенно переполненными классами и несколькими учителями. В первой части [районе], возле вокзала, было отделение с двумя классами и двумя

учителями. В третьей части была совсем маленькая Талмуд-тора с одним учителем на два класса (из-за бедности такое часто практиковалось).

Программа этих Талмуд-тор была почти такой же, как и во всех начальных школах: начальный русский язык, арифметика и что-то из русской истории. Еврейские предметы имели гораздо более обширную программу: Пятикнижие (Хумаш), Танах, в некоторых также молитва, часто древнееврейский (иврит) и даже метод «иврит на иврите» [преподавание языка на самом языке]. Это зависело от идеологии учителей. Правление очень мало вмешивалось в программные вопросы. На идише учили очень редко — и то нелегально.

В еврейских общественных школах уже тогда разгорелась борьба между идишистами и гебраистами. В Талмуд-торах эта борьба была слабее. Из общих предметов стоит упомянуть естествознание, на которое реакционные правительства смотрели с подозрением, и не напрасно, так как прогрессивные учителя (как и интеллигенция в целом) видели в распространении естественных наук средство освобождения народа. Здесь не место объяснять связь науки с освобождением, хотя для людей в Америке это, возможно, было бы новинкой и, может быть, интересно. Но это было фактом: популяризация естественных наук во многом помогла приблизить революцию.

Молитву в витебской Талмуд-торе ввели только в конце 1912 года вопреки воле учителей. И это как раз и послужило причиной того, что учитель Гиндин и я ушли в знак протеста.

Среди учителей, оставшихся с прежних времен, были старшие: Брискин — еврей с большой семьей и, по всей видимости, небогатый, он преподавал Хумаш и вообще еврейские предметы; вторым был Данде, он преподавал только общие предметы — русифицированный еврей, бывший казенный раввин. Из более молодых выделялся Залман-Авигдор Крафков (или Крафковский). Он содержал большую семью из братьев и сестер вместе с овдовевшей матерью. Жили они в подвальной квартире. Он был очень способным, исключительно жизнерадостным и веселым человеком, полным шуток и артистических выдумок. Много лет спустя я услышал, что у коммунистов он стал крупным деятелем, высокопоставленным чиновником.

Из других учителей я упомяну только Данде — пожилого русифицированного человека, у которого были свои «педагогические принципы»: вся педагогика, которая только и делает, что толкует о «развитии-шмазвитии», не стоит и выеденного яйца [букв. шишки пороха]. Учитель должен входить в класс с вицей [розгой/линейкой] в руке, ученики должны постоянно видеть эту линейку перед своими глазами — тогда у учителя будет хорошая дисциплина. Это главное. Из всей учебы самое важное — это «фатшерк» (почерк). Если ребенок выучится писать красиво, он сможет стать даже бухгалтером. И чего вы можете добиться со своим «развитием-шмазвитием», если ваши ученики даже карандаш не умеют очинить как следует? А сами вы знаете, как нужно чинить карандаш? У умного ребенка карандаш всегда очинен плоско, лопаточкой — хочешь писать тонко, пиши гранью, хочешь писать толсто, пиши плашмя. Вы понимаете?...

Вот этой науке он учил меня очень часто и очень ею гордился. Мы встречались каждый день в маленьком отделении, где он преподавал общие предметы, а я —

еврейские. У него была «хорошая» дисциплина — дети перед ним трепетали, а у меня они буквально ходили на головах. Разве он не был прав со своей педагогикой?

Остальные учителя ничем особенным не выделялись — это было время общественной реакции. Более интересными были те немногие члены правления, которых я знал. Это были госпожа Бернштейн и доктора Либерман и Брук. Госпожа Бернштейн жила недалеко от маленького отделения, где мне приходилось преподавать в двух классах одновременно и где я хлебнул немало горя с дисциплиной. Она заглядывала в школу почти каждый день, чтобы утешить меня, подбодрить, чтобы я не принимал все так близко к сердцу: ничего, у других еще хуже... Она вообще была веселой хохотушкой. Я часто находил на столе книгу. Служитель говорил мне: «Это оставила для вас Бернштейн». До сих пор я ей благодарен — она облегчила мои тяжелые переживания в первый год моего учительства.

Доктор Либерман был редкостно набожным евреем, он молился трижды в день. По субботам он все же ездил к больным — это ему разрешили три раввина, но по субботам он ездил с нееврейским юношей [шейгецем], которому надиктовывал рецепты. Находясь в том районе, он заглядывал ко мне в класс, сидел немного и дружески прощался со мной. Он говорил на иврите и уверял меня, что я жалуюсь напрасно: он видит, что я буду очень хорошим учителем...

Человеком высочайшей пробы был доктор «Цви бен Яков Брук». Именно так было написано на его маленькой табличке на двери. Но мы звали его по-русски — Григорий Яковлевич. Он в то время жил без семьи, долгое время с ним жила его мать, которая умоляла его: «Гирше, иди кушать» — не Григорий и не Цви. Он был одним из первых сионистских деятелей в России, постоянным участником сионистских конгрессов, депутатом Первой Государственной Думы (парламента) России. Вместе со всеми другими радикальными депутатами, подписавшими в Выборге воззвание к населению после того, как правительство распустило Думу, доктору Бруку было запрещено участвовать в политической жизни страны. Доктор Брук тогда занимался только общественной работой, особенно в Литературном обществе. Это было легальное общество, проводившее свои публичные доклады и собрания в Купеческом клубе. Собрания проходили почти каждую неделю. Постоянным председателем был Брук. Динамичный, горячий, он был добродушным, с чувством юмора, мастером дискуссий. Особенно доставалось от него людям, которые задевали его идеологически.

Вспоминаю, как однажды приехал один еврей, писатель на русском языке, Акуньев, и, желая поприветствовать общество, патетически заговорил о тех, кто «не меняет червонец» [не предаёт идеалы], кто живет вместе со своим измученным народом и т. д. Как Брук тут же пресек его: «Нам не нужны евреи, которые приходят делать нам комплименты». И сказано это было с таким огнем и страстью!

Вспоминаю, он должен был читать доклад о Бялике. Он попросил меня заглянуть к нему вечером, на случай, если ему при подготовке не хватит какого-то слова на иврите. Я пришел раньше него. Его огромная квартира была занята: в одной комнате проходило заседание какого-то комитета, во второй шла репетиция спектакля, тут сидели люди и вели дискуссию... Где еще найдешь такую свободную и гостеприимную квартиру, как у доктора Брука? Когда он, наконец, вернулся со своих визитов к

больным, он едва вымолил, чтобы его оставили на один час в его собственном кабинете.

Присесть с компанией за чашечкой кофе и начать рассказывать шутки и еврейские истории он был мастер. Одну такую историю про «гелеванцев» (Гельзваны — маленькое местечко в Литве), про их «острые головы и проницательные умы, которые собираются создать общество караульных на утро», я помню и по сей день. Но для таких добродушных минут у него было очень мало времени. Мы, молодежь, часто приходили к нему: хотим кофе! Он отпрашивался: очень устал, должен отдохнуть, вот вам пятирублевка и идите сами. «Вам же нужен не я, а чтобы я заплатил, так вот вам пятерка и идите сами на здоровье»...

Возвращаясь после работы из школы, я часто встречал его, когда он ехал на дрожках или на санях. Он всегда останавливался, чтобы перекинуться словечком.

— Куда едете, доктор?

— Куда я еду? Еду по домам, еду. Вот присаживайся рядом со мной, поедем и побеседуем, а то так тоскливо.

— Да ну, я устал, хочу есть, — пытался я отпроситься. Но это не помогало.

— Тоже мне новость, я тоже устал, а когда устал — есть вообще нельзя; вот поедешь со мной, отдохнешь перед едой.

Как тут откажешь? По дороге у него редко бывало хорошее настроение: «Какая бедность! Какая нищета! Богачи меня совсем не вызывают, только бедняки... Когда я прихожу к такому больному, я не знаю, что делать в первую очередь: прописать лекарства или оставить рубль на хлеб или на дрова».

И он часто оставлял пациенту на обе вещи: и на рецепт, и на хлеб. Однажды в холодный зимний день я увидел его — он ехал без своей зимней меховой шапки.

— Доктор, где ваша шапка? Ведь холодно же! — спрашиваю я его.

— Так ведь везет мне постоянно на бедняков. Ну вот, прихожу я с самого утра к больному бедняку, а в доме нет абсолютно ничего — ни лекарств, ни хлеба, ни дров. И в кармане у меня тоже пусто. Что мне оставалось делать? Я отдал им свою шапку, пусть продадут. Я потом выкуплю. Что мне оставалось делать?

Однажды, когда мы ехали на санях, он обращается к извозчику и говорит ему, куда ехать, а тот молчит в ответ. «Всегда так, — говорит Брук, — нееврейские извозчики, когда везут меня, молчат. Они знают, что евреям я даю на рубль больше».

Когда мы подъехали, он расплачивается с извозчиком. Тот говорит ему на идише: «Спасибо, доктор».

— А, так вы еврей! Что же вы тогда молчали? Я думал, вы нееврей [гой].

— Не про вас будь сказано, доктор, я глуховат [букв. "немного глухой"]...

— Ну так вот вам еще рубль, и поезжайте на здоровье.

В городе о нем рассказывали легенды — как он спас ребенка, задыхавшегося от дифтерита, высосав ртом пленку [дифтерийную мембрану] и тому подобное.

Как-то раз в пятницу вечером я заглянул к нему по какому-то делу. Он лежал на софе, едва дыша и хрипя.

— Что с вами, доктор?

— Да вот, послал мне Бог богатую пациентку, так она обязательно должна быть идиоткой. Я прописал ей раствор йода, а она взяла и выпила весь рецепт за один раз. Едва спас её. Ну у кого найдутся на них силы?

— Ну ладно, я зайду в другой раз, отдыхайте.

— О нет! Я сегодня еще ни одной газеты не видел, там лежит свежий «Рассвет», почитайте-ка мне его вслух.

Осенью в Витебске играл еврейский театр. Труппа Липовского выступала в летнем театре. На улице уже было изрядно холодно. Но Брук каждый вечер проводил в театре, и не один — вся наша компания молодых ребят ходила туда за счет этого «богача». Богачом он, конечно же, не был, но компанию очень любил.

Интересным был у него прием больных. Он меня лечил. От всех этих моих школьных неурядиц с дисциплиной я заработал нервное расстройство желудка. Не желая злоупотреблять добротой Брука, который наверняка не взял бы с меня денег, я пошел к другому врачу (Шейнису или Шейнину, точно не помню). Тот расписал мне такое лечение, для которого мне потребовались бы кухарка и сиделка, да к тому же еще и освобождение от работы... Поди выполни такое. Тогда я посоветовался с лучшим из моих коллег-учителей, Крапаковским. Он буквально заставил меня идти только к Бруку. В первый раз я пришел в часы приема. Полный зал евреев, которые охали и вздыхали от боли. Рядом со мной на изящном столике лежал пергамент с «Псалмом во славу Цви бен Яакова», написанным в стиле одной из глав Псалтири известным еврейским писателем Мордехаем бен Хиллелем Ха-Козном к какому-то из приездов доктора Брука в Витебск.

Никакой сиделки или медсестры, которая принимала бы больных, не было. Больные сами соблюдали очередь. Из кабинета (в России врачам не разрешалось иметь коммерческие вывески, у них не было «офисов», а были кабинеты) часто доносилось, как доктор кричит на пациента:

— Не охайте, я сам болен больше вашего!.. или: — Я же просил вас отвечать «да», а не «ой»!..

Вдруг он приоткрывает дверь в зал и замечает меня:

— И вы здесь? Ну подождите, вас я приму после всех.

Едва дождался. Я вошел в кабинет. Он попросил меня дать ему немного передохнуть. Тем временем он завел со мной разговор: как продвигается работа? что я думаю по поводу той или иной статьи?

И только позже он осмотрел меня и говорит:

— Ходили к Шейнину? И он наговорил вам того-то и того-то? (расписал всё так точно, будто сам там присутствовал). Вот умник, вы же всё равно не сможете это выполнить. Знаете что? Я буду лечить вас по-простому, «по-бабьи». Вместо всех этих компрессов обвяжитесь на ночь полотенцем... и так далее. А уж если это вам не поможет, тогда я стану лечить вас по законам медицины...

Были когда-то среди евреев такие доктора. В Тель-Авиве есть тихая улочка, которая носит имя доктора Брука.

В самую непосредственную работу Талмуд-торы он почти не вмешивался.

Никаких великих педагогических достижений в Талмуд-торе действительно не было. Но еще меньше их было в начальном училище для еврейских детей, хотя там работал один из лучших учителей — Яков Герштейн, ставший впоследствии одним из столпов еврейского школьного дела в Вильне. Бюрократический «казенный» дух не допускал туда ни свежего дуновения, ни единой современной педагогической мысли. В этом отношении Талмуд-тора была гораздо свободнее и прогрессивнее: здесь не довлела казенная рутина, и учителя пользовались большей свободой. Можно было даже позволить себе пригласить детей в пятницу вечером или в субботу и почитать им на идише рассказы Шолом-Алейхема! О подобном «вольномудстве» членам правления знать не полагалось. Да и, пожалуй, не всем учителям тоже, а уж смотрителю Талмуд-торы — и подавно.

Насколько тяжелой была реакция, видно по такой мелочи: газеты принесли известие о том, что Лев Толстой умер так драматично — старик, бежавший из дома, скончался где-то на заброшенной маленькой станции. Я решил у себя в классе, где преподавал русский язык, рассказать об этом и прочитать детям какой-нибудь детский рассказ Толстого. И надо же — прямо с утра заявляется инспектор. Как на грех, он хочет присутствовать именно на уроке арифметики, а русский просит отложить на потом. После урока он заводит со мной дружескую беседу, и я мимоходом делюсь, что на следующем уроке собираюсь рассказать о смерти Толстого. На что он мне говорит:

— Прямого запрета на это действительно нет, но вы еще так молоды, зачем вам с этого начинать? Лучше оставьте это... Он искренне хотел уберечь меня от неприятностей. Это было время ужасающей общественной реакции.

Начальное училище было «казенным». Содержалось оно на средства «коробочного сбора», то есть налога на кошерное мясо. Все учителя были «институтчиками» — выпускниками казенного Еврейского учительского института в Вильне. Этот институт правительство содержало (на специальные еврейские средства) с 1873 года вплоть до эвакуации Вильны в 1915 году. Целью его было готовить русификаторов. Чтобы полностью оторвать их от еврейской жизни, будущих учителей держали целых пять лет в закрытом интернате. Из еврейских предметов им преподавали лишь немного

«древнееврейского языка» (иврита), причем обучали этому «древнему языку» исключительно на русском, да еще преподавали немного «библейскую историю». Большинство выпускников действительно выходили оттуда бюрократическими русификаторами, хотя случались и яркие исключения. Одним из них и был упомянутый выше Яков Герштейн. О нем много лет спустя в архивах Учительского института, попавших в виленский ИВО (YIVO), мы нашли записанное «прегрешение»: будучи студентом института, он любил собирать товарищей и петь с ними «жаргонные [идишские] песни». Однако в витебском начальном училище он не мог проявлять свою любовь к идишу. Зато когда он приходил в Литературное общество, то преображался: высокий, статный, с зычным, чистым голосом, всегда веселый, добродушный... Позже мне довелось работать вместе с ним в Вильне в учительской семинарии всё то время, что я там преподавал. Не помню случая, чтобы он когда-либо был в плохом настроении — разве только если кто-то в огромном семинарском хоре, которым руководил Герштейн, брал фальшивую ноту. Еще в 1907 году Яков Герштейн был арестован за участие в нелегальном съезде учителей в Вильне. Этот съезд фактически продолжил свою работу прямо в тюрьме, где и принял резолюцию о создании еврейской школы на идише. Яков Герштейн принадлежал к числу тех людей, которые умели развиваться. Он погиб в виленском гетто, в том же самом доме, где родился сам, и где родилась и умерла его мать. Так же неизменно, на протяжении всей своей жизни, он нес в себе и легко делился своим дружелюбным смехом и звонким, серебристым хохотом, от которого, казалось, дрожали стены. Но в витебском начальном училище он не имел возможности открыто высказывать свою горячую привязанность к еврейской культуре.

Полной его противоположностью был Юнович, заведующий трехклассным еврейским народным училищем. Его школа представляла собой унылое здание с огромными настенными надписями — стихами из Пятикнижия и Танаха, и всё это исключительно на русском языке. Сам он говорил только по-русски, с безупречным московским выговором. Идиш он ненавидел так, как благочестивый еврей ненавидит свинину. Помню, как-то раз он пригласил меня на чашку чая: до него дошли слухи, что мы, молодые учителя, крутимся в Литературном обществе и часто разговариваем между собой на идише... «Я не могу этого понять», — заявил он нам. Старорежимный, закоренелый ассимилятор.

И все же это происходило не только в глухую пору мрачной реакции. В то же самое время в «подполье» русской жизни уже зрела грядущая революция.

Летом 1910 года в Витебске открылись летние курсы для народных учителей, которые вели петербургские профессора, уволенные министром народного просвещения из университетов. Сколько мужественного порыва было в этих нескольких сотнях русских учителей, и сколько любви к народу, к его подлинной сути и душе выказывали эти лучшие, глубокие представители русской интеллигенции! Я до сих пор помню наши доверительные частные беседы (нас, еврейских учителей, едва ли набирался десяток) с профессором Душечкиным (литература), Мальчевским (химия), Ляштыным (история) и другими. Сколько в них было преданности и любви к простому человеку! Худшее впечатление на всех произвел крещеный еврей Шахор-Троицкий (методист математики). У него было заготовлено множество красивых фраз обо всем на свете, но все его глубоко презирали. Выкрестов среди евреев тогда было немало... не стоит

и поминать их. На этих же летних курсах мы подружились с несколькими преподавателями из женской гимназии Александры Варвариной. Мы часто заглядывали туда, особенно в физическую лабораторию к преподавателю Владимирову, у которого многому научились. Это были классические типы русских народных интеллигентов — верные, самоотверженные люди, смотревшие на свой труд как на служение «его величеству народу». Быть может, именно тогда в нас, молодых еврейских учителях, зародилось это семя верности своему народу и его национальной самобытности.

С тех пор прошло уже 43 года, мы немного постарели, повидали края, где у мира есть конец, поработали почти во всех уголках еврейского мира, но те три витебских года не забываются — те самые первые три года моей учительской деятельности. Прошло почти полвека, а я помню улицы города, помню людей, их лица, помню множество трудностей, с которыми сталкивался, и ту скромную учительскую радость. Помню наши прогулки на лодке по тихой речке Витьбе, помню, как мы бежали за билетами, чтобы впервые увидеть, как человек поднимается в воздух на аэроплане.

Мы были молоды, и создание еврейской, подлинно еврейской школьной системы казалось нам прекрасной мечтой. Где-то кем-то уже делались первые шаги — слабые и уверенные, велись горячие, яростные споры вокруг языков...

Какие широкие горизонты виделись нам тогда впереди... А теперь... оглядываешься назад — а там море крови, гибель и пепелище. Жизни и мечты — всё сгорело дотла, и в холодном мире холодного еврейства мы пишем поминальные книги.

МЕНДЕЛЬ ЭЛЬКИН РАВВИН ШМАРЬЯГУ МЕДАЛЬЕ | ЗНАМЕНИТЫЙ ВИТЕБСКИЙ РАВВИН (ГЛАВА ВОСПОМИНАНИЙ)

1.

Хорошо известно, что в человеческой жизни иногда происходят непредвиденные события, случайные встречи, которые производят сильное впечатление и оставляют глубокий след на долгое время.

К таким «непредвиденным событиям» я причисляю и свою встречу со знаменитым витебским раввином р' Шмарьягу Медалье — встречу, которая произвела на меня не просто сильное впечатление в тот момент, но и впоследствии не раз влияла на мои поступки. Во многих трудных ситуациях и при принятии важных решений я часто ловил себя на мысли: как бы поступил на моем месте раввин Медалье? Или: как бы отнесся к этому великий человек раввин Медалье?

А свел нас самый обыкновенный случай.

Было это в конце 1912 года. В то время я занимался не общественными делами, а лесозаготовками, которыми кормились многие еврейские семьи. Моей основной территорией деятельности была Белоруссия — главным образом Минская и

Могилевская губернии, и мне приходилось много ездить из одного места в другое, останавливаясь порой у местных хозяев. Местом, где я вел дела, было местечко Быхов (Старый Быхов) Могилевской губернии. Жил я тогда в Бобруйске, и путь оттуда в Быхов лежал по железной дороге через узловую станцию Жлобин. Там нужно было пересаживаться на поезд Либаво-Роменской железной дороги, шедший в направлении Киев-Петербург.

Как-то раз в холодный зимний день, во второй половине дня, одетый в тяжелую шубу, с дорожным мешком в руке, я приехал в Жлобин. Выйдя из вагона, доставившего меня из Бобруйска, я сразу пересел в купе второго класса другого поезда и занял место у окна. Напротив меня, у второго окна, сидел мужчина лет под пятьдесят с красивым, благообразным лицом, и читал русскую кадетскую газету «Речь». Мужчина лишь мельком взглянул на меня, когда я вошел в купе, и снова углубился в чтение.

Я, со своей стороны, освободившись от тяжелой шубы, тоже достал газету — но не кадетскую «Речь», а еврейскую [на идише] «Дер Фрайнд». Так мы и сидели друг против друга несколько минут в полном молчании. Спустя какое-то время мой сосед поднял свой красивый, спокойный взгляд, достал из своего саквояжа медный чайничек («кипятком» называли тогда сосуд для горячей воды), а через несколько минут, вернувшись с кипятком, принялся готовить чай. Достал чистый граненый стакан в серебряном подстаканнике, серебряную коробочку с сахаром, ложечку и сухое печенье. Я все это время сидел с газетой в руках, закрывавшей мне лицо. Когда мой визави налил себе стакан чая, он обратился ко мне со следующими словами:

— Я вижу, вы читаете еврейскую газету, значит, вы наверняка еврей. Может быть, вы не откажетесь выпить со мной стакан чая?

Я посмотрел на него и ответил:

— Спасибо, я с удовольствием выпью стакан чая, — и с улыбкой добавил: — Судя по тому, как вы выглядите, вы тоже еврей, могу ли я оказать вам честь и угостить вас еврейской газетой «Дер Фрайнд»?

Он тоже с улыбкой ответил, что примет ее с большим удовольствием.

Так за стаканом чая в купе поезда завязалось наше знакомство. Он угощал меня чаем, а я его — еврейской газетой.

Сидя за чаем, он, как это заведено у евреев, принялся расспрашивать меня. Прежде всего он хотел узнать мое имя. А когда я назвал свою фамилию, он спросил:

— Не вы ли издатель газеты «Речь»? (*)

** Примечание: В то время издателем газеты «Речь» был петербургский адвокат Борис Элькин.*

Такой неожиданный вопрос от человека, который знает даже подобные подробности, меня удивил, но я ответил, что, к сожалению, нет. И разговор потек дальше: чем я занимаюсь, откуда я родом, женат ли я, есть ли у меня дети и так далее.

За вторым стаканом чая наш разговор перешел на общественные темы, разумеется, еврейские. Главным образом мы говорили о съезде раввинов, который незадолго до этого проходил в Петербурге.

Чем дальше продолжалась наша беседа, тем больше этот человек меня интересовал. Я просто не мог оторвать глаз от его благородного лица; его суждения по самым разным вопросам буквально завораживали меня своей логикой и простотой.

Когда мы проезжали город Рогачев, я сказал ему, что на следующей станции, в Быхове, мне уже нужно выходить.

Вскоре после моих слов, когда он остался в купе один, он обратился ко мне:

— Вы, я вижу, интересный молодой человек! Я успел расспросить вас обо всем — знаю не только ваше имя, но и род ваших занятий, и даже сколько у вас детей, а вы меня до сих пор ни о чем не спросили, даже моего имени не узнали. Как же так?

Я немного смутился и признался, что стеснялся расспрашивать человека, с которым случайно познакомился в поезде — кто он, как его зовут и тому подобное. Я полагал, что не все люди любят подобные расспросы.

— Вот как? — отозвался он. — Тогда я скажу вам сам, кто я. Слишком хвастаться тут нечем. Я витебский раввин, зовут меня Шмарьягу Медалье. Мне очень жаль, что вам уже пора выходить и наша беседа прерывается. Посему у меня к вам предложение: я приглашаю вас на субботу к себе в Витебск. Там мы проведем время в покое и продолжим наш разговор. Вы можете приехать за пару дней до субботы, только предупредите меня за несколько дней, когда прибываете.

Еще мгновение я раздумывал над этим приглашением, а когда поезд уже приближался к станции Быхов, мы тепло распрощались, и каждый из нас пошел своей дорогой. Я отправился к своим лесозаготовкам, а витебский раввин Медалье поехал дальше — занимать свой раввинский престол в Витебске.

Через несколько недель я дал знать раввину Медалье, что в ближайшую пятницу приезжаю в Витебск по его приглашению. Я был очень удивлен, когда он сам встретил меня с широкой улыбкой на вокзале и сразу же повез к себе домой, где для меня уже была приготовлена отдельная комната.

Было еще довольно рано, около полудня, но в доме уже чувствовались приготовления к субботе. Раввин Медалье дал мне понять, что по пятницам за несколько часов до захода солнца они уже не занимаются будничными делами и идут в синагогу на встречу Субботы (Каббалат Шаббат), поэтому предложил мне пока выпить стакан чая.

Я решил для себя, что в этом доме я должен строго следовать правилу: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» (буквально на идише: *«Все, что скажет хозяин дома — делай»*), поэтому послушно пил с ним чай. После этого я переоделся к субботе, и вскоре после зажигания свечей мы отправились в синагогу на Каббалат Шаббат. Не помню точно, шел ли кто-то из детей раввина Медалье вместе с нами. В синагоге раввин усадил меня на самое почетное место рядом с собой, и представил

меня хозяевам у восточной стены (мизрахи), которые приветствовали меня традиционным «Шалом алейхем».

Нельзя было не заметить, с какой любовью и почтением люди относились к своему раввину, к его манерам и поведению. И попутно я, гость, тоже удостоился немалой доли этого уважения.

После молитвы мы не спеша пошли домой. «Шаббат шалом» [Гут Шаббат] люди говорили друг другу не на бегу, а обступали раввина и еще долго беседовали с ним о разных делах, и лишь затем постепенно расходились.

Когда мы вернулись домой, мы погрузились в атмосферу, которая была вся наполнена святостью. Люди преображались, становились одухотворенными, по-субботнему величественными. То, как совершался киддуш, как пелись субботние песни за праздничным столом, — все это превращало трапезу в священнодействие. Даже застольные беседы велись исключительно на духовные темы.

Никогда в жизни я не чувствовал такого субботнего покоя, какой ощутил в доме раввина Медалье. Никогда я не испытывал такого наслаждения субботой (Онег Шаббат), как в доме этого великого мудреца р' Шмарьягу Медалье.

В субботу утром мы, естественно, снова пошли в синагогу. Меня вызвали к чтению Торы, а вскоре после молитвы мы отправились домой. И снова — праздничная трапеза, вторая субботняя трапеза, песни, благословение после еды и так далее.

Вторую половину дня, до Минхи (вечерней молитвы), мы посвятили беседе о катовицком съезде раввинов, поскольку раввин Медалье не считал эти разговоры будничными темами. После Авдалы (молитвы на исходе субботы) мы начали собираться в дорогу. Но мой великий хозяин устроил мне знаменитое «провождение гостя» (*«Лину по ха-лайла»* — переночуйте еще ночь).

— Кто знает, — сказал он, — когда мы еще увидимся. Завтра утром, с Божьей помощью, поедете.

Я не стал отказываться от этой чести и остался.

Весь тот вечер мы провели вместе с другими гостями, которые пришли навестить раввина. Мы беседовали о светских вещах, вопросах культуры, политических делах, положении евреев во всем мире и так далее.

Я был просто поражен тем, насколько глубоко раввин Медалье ориентировался в самых разных светских вопросах, широтой его взглядов и его толерантным отношением ко многим вещам. Завершили мы этот вечер трапезой «Мелаве Малка» (проводы Субботы).

На следующее утро после завтрака раввин сказал мне:

— Ну, теперь разрешаю ехать.

Я очень просил его не утруждать себя и не провожать меня на вокзал. Он согласился. Я поблагодарил ребечен (жену раввина) за теплый прием. Раввин тепло попрощался со мной, дал мне напутственное благословение («Браха») и, преисполненный самых лучших чувств и в приподнятом настроении, я покинул этот святой дом — дом витебского раввина р' Шмарьягу Медалье. И я отправился обратно к моим будням, к лесозаготовкам.

2.

Летом 1914 года, лежа больным в берлинской больнице, я получил добрую весть: Вильгельм II объявил войну Николаю II...

Чтобы не остаться интернированным в Германии в качестве русского подданного, я через своих берлинских друзей стал пытаться получить разрешение на выезд из Германии — как только меня выпишут из больницы. Сделать это было не так просто. Но в конце концов я получил разрешение и отправился в путь, не обращая внимания на военные операции, которые могли начаться в любую минуту.

Из Берлина до Варшавы я добирался целых трое суток на разных поездах. Но когда я уже оказался на российской территории, выяснилось, что весь мой багаж остался где-то в Германии.

Настроение вокруг было подавленным и тревожным. На восточной границе я видел толпы растерянных евреев — мужчин, женщин, детей, которые ютились на дорогах и вокзалах, не зная, что принесет им завтрашний день. Они кочевали в основном пешком, иногда на каких-то крестьянских телегах; где застанет ночь, там и ложились спать, порой прямо в поле, да еще и с маленькими детьми на руках.

Эти известия были ужасающими, и тяжелая дума начала одолевать мой разум: что будет с евреями? Нужно ведь немедленно организовать какую-то помощь для них! Но как и кто это сделает? И разрешат ли это власти? Ответов на эти вопросы не было.

Поскольку регулярного движения поездов почти не было, я начал искать любую возможность вернуться домой. Каким-то образом среди всей этой суматохи мне невероятно повезло — «деньги открывают любые двери», — и спустя два дня я все-таки добрался домой в Бобруйск.

Дома я застал картину: половина моих комнат занята военными, офицерами, военными врачами с их денщиками. Поскольку я сам был владельцем крупного склада лесоматериалов, интендант гарнизона обратился ко мне с предложением: чтобы я продал ему весь склад. Я согласился на это с условием, что получу разрешение забрать из этого склада партию дров (которая была мне крайне необходима...), но с условием, чтобы он меня не обманул. Интендант с золотыми погонами рассмеялся:

— Мой дорогой, — сказал он, — мы забираем не четыре коробка спичек, а двадцать четыре коробка. Остальные двадцать коробков мы с вами поделим поровну.

Я отказался от такой сделки и, разочарованный, ушел от интенданта обратно в свою контору. Но на дрова наверняка нашлись бы другие покупатели, готовые на такие легкие «заработки», и они стали бы богачами...

В то время Бобруйск был переполнен беженцами-купцами из Польши, в основном из Варшавы, бежавшими вместе с армией. Среди этих деловых людей я встретил молодого человека по фамилии Беркович, который остался мне преданным другом на всю жизнь. Именно благодаря этому другу мне и суждено было еще раз встретиться с раввином Шмарьягу Медалье, и на этот раз наша встреча продлилась гораздо дольше первой.

Произошло это следующим образом. Мой друг Беркович пришел ко мне с просьбой: два его хороших друга, Мильштейн и Перльмутер, варшавские купцы-компаньоны, вступили в серьезный спор и решили обратиться в третейский суд (суд присяжных попечителей — «Боррер-герихт»). Они пришли просить меня, чтобы я стал третейским судьей со стороны Перльмутера. Я согласился в принципе, но при условии, что мне заранее скажут, насколько велик их спор и кто будет третейским судьей со стороны Мильштейна. На первый вопрос мне тут же ответили, что Мильштейн требует от Перльмутера 600 тысяч рублей, а Перльмутер не то что не признает иск в 600 тысяч, но готов признать долг лишь в 350 тысяч рублей. Это означало, что спор шел на четверть миллиона рублей. Я понял, что дело пахнет серьезным коммерческим разбирательством, и хотел было отказаться, но раз уж дал слово, то не хотел отступать. На мой второй вопрос — кто же приглашен в качестве второго судьи, чтобы я не оказался в неловком положении, — мне ответили, что они еще не знают, согласится ли этот человек сидеть со мной в суде, поскольку он — раввин.

— Кто же этот раввин? — полюбопытствовал я. И каково же было мое удивление, когда мне ответили: — Это витебский раввин р' Медалье.

Я с радостью согласился и посоветовал им немедленно направить телеграмму раввину Медалье с вопросом, согласен ли он быть третейским судьей со стороны Мильштейна, а вторым судьей будет Мендель Элькин из Бобруйска. Через несколько часов от раввина Медалье пришел лаконичный ответ: «С удовольствием».

Через несколько дней мы — раввин Медалье из Витебска и я из Бобруйска — прибыли в Минск, где нам предстояло провести 12 дней за разбором этого дела в третейском суде.

С самого начала, с первого же заседания суда, мне стало ясно, что раввин Медалье мало понимает в делах, которыми занимались купцы-миллионеры, наживавшиеся на военных поставках, но он считал своим долгом внести в это дело хотя бы каплю морального порядка...

За те двенадцать дней, что длился третейский суд, у нас было около десятка заседаний. У меня была возможность наблюдать, как раввин Медалье ориентировался в светских делах и даже в сложных вопросах военных поставок. Он был необычайно терпелив, и когда его выводили из себя не всегда красивые поступки обеих сторон, он не пытался кричать или сердиться, а спокойно, с улыбкой, разъяснял им их неправоту, отечески журя...

Это вообще был необычный третейский суд. Мы не сидели за столом одни — писарь-секретарь вел протокол, мы записывали наши мотивированные решения. И мы смотрели на это дело совсем не так, как раввин Медалье. Тот факт, что раввин Медалье был судьей со стороны Мильштейна, а я — со стороны Перльмутера, не имел значения. Обе стороны приняли наше решение с благодарностью и теплотой. Нам выплатили за наши труды гонорар в размере пяти тысяч рублей каждому, и мы оба взяли на себя обязательство покрыть из этих денег все расходы. Позже, отдыхая за обедом, раввин Медалье спросил меня, что я намерен делать с этими пятью тысячами рублей. Я ответил ему, что в Бобруйске есть благотворительное общество «Линат ха-Цедек», еврейская больница, еврейская народная библиотека, и туда я пожертвую эти деньги. Он, судя по всему, согласился с моим планом, но ничего не сказал. Лишь позже, когда мы вернулись в наш зал заседаний, чтобы подписать протокол третейского суда, он обратился ко мне:

— Мне очень нравится ваш план. Я поступлю так же в моем Витебске, ведь тамошние еврейские учреждения тоже остро нуждаются в помощи. А теперь, р' Мендель, я готов быть вашим гостем, раз уж вы живете здесь, в Бобруйске.

Эта новость меня чрезвычайно обрадовала. Я тут же отправил телеграмму домой, чтобы к моему приезду с почетным гостем подготовили комнату. Моя покойная жена приготовила для гостя отдельную комнату, и на следующий день мы прибыли в Бобруйск. Войдя в дом, наш благородный гость поднял руку к дверному косяку, с большим благоговением прикоснулся к мезузе и поцеловал пальцы. Мы с женой поприветствовали нашего дорогого гостя традиционным «Барух ха-ба» (Добро пожаловать) и попросили его чувствовать себя у нас как дома. Он с мягкой улыбкой ответил:

— Чай и кофе я буду пить у вас, но молиться и есть я буду у р' Шмуэля-Ноаха (р' Шмуэль-Ноах Шнеерсон был любавичским хасидским раввином в Бобруйске). Я уверен, вы согласитесь со мной, что еврей должен быть абсолютно уверен в кошерности...

Мы согласились, признав его правоту, и позволили ему поступать так, как он считает нужным. И несколько раз я сам провожал его к р' Шмуэлю-Ноаху.

В течение трех дней, проведенных им в Бобруйске, дни он проводил у р' Шмуэля-Ноаха, но вечера оставался с нами. Множество людей приходили по вечерам, чтобы выразить свое почтение нашему великому гостю. Даже сами участники третейского суда — Мильштейн и Перльмутер — пришли еще раз поблагодарить витебского раввина, великого человека в Израиле, за его труды.

Время, которое р' Шмарьягу Медалье провел у нас, в моем доме, было настоящим праздником. Воодушевленное настроение передавалось всем, и в его присутствии люди казались какими-то особенными. Возникало ощущение, что даже самые простые будничные слова из его уст звучали как святыня.

И вот в один из вечеров он объявил, что завтра утром уезжает домой, ведь его не было в Витебске уже более двух недель.

Я не посмел уговаривать его остаться еще на ночь, как он когда-то сделал со мной, когда я гостил в Витебске. Мы с женой поблагодарили его за оказанную нам честь, и за утренним чаем перед его отъездом я сказал ему:

— Ребе, наши две встречи навсегда останутся в моей памяти на долгие годы. Дай Бог, чтобы нам довелось еще раз встретиться, когда тучи на небе рассеются и над еврейским народом взойдет солнце после этой горькой войны. И еще одно, ребе, прошу вас: пусть благословение простого человека не будет малозначимым в ваших глазах... — и я пожал ему руку, произнеся библейский стих «И благословил».

Я заметил, что он был глубоко тронут моими словами. В этом приподнятом настроении я проводил витебского раввина на вокзал, тепло пожелал ему доброго пути и попрощался.

3.

Моя третья и последняя встреча с раввином Медалье произошла уже не лично, а в письменной форме. И случилось это уже после великой русской революции, в голодном 1918 году. Я с семьей жил тогда в Петербурге, а семья моей жены оставалась в Бобруйске. В начале 1918 года моя покойная теща дала нам знать, что собирается приехать в Петербург на несколько недель, чтобы проконсультироваться с каким-нибудь «великим» врачом по поводу своей болезни. Это известие нас и обрадовало, и испугало. Обрадовало потому, что мы надеялись поскорее увидеться с мамой, а испугало по той причине, что врачи предупредили: ей придется оставаться в Петербурге два-три месяца, и только тогда они смогут судить, помогают ли назначенные средства. Наша набожная теща была человеком строгих правил, и то время, что ей предстояло оставаться у нас, выпадало как раз на праздник Песах. Но где взять кошерную к Песаху еду для нашей набожной тещи? Ведь мы во всем Петербурге не могли достать вообще никакой еды к Песаху! Только мой брат, живший в Сибири и не голодавший так сильно, смог прислать нам немного гречневой муки, чтобы мы могли испечь пресные лепешки. Положение нашей тещи было крайне тяжелым. Я просто не знал, как выйти из этой ситуации.

Вдруг мне пришла в голову мысль обратиться к раввину Медалье в Витебск. Я прекрасно понимал, что достать кошерную еду для евреев в то время было делом немыслимым, тем более в Витебске, но вдруг у него есть какие-то запасы... Я написал ему письмо, извинился за то, что беспокою его по такому поводу, который, возможно, вообще неразрешим, и попросил помочь мне хотя бы с небольшим количеством мацы. Я писал, что сам как-нибудь обойдусь картошкой, но для моей тещи это обернулось бы настоящей трагедией.

Выйдет ли что-то из моего письма, я уверен не был, но ответ превзошел все мои ожидания. Как говорится в народной пословице: «Когда ждешь, время тянется долго». Дней через 8–10 кто-то постучал в мою дверь в квартире на Таврической улице, где я тогда жил. Когда дверь открыли, в нее вошел солдат-красноармеец с огромным мешком в руках и спросил:

— Это здесь живет товарищ Элькин? Раввин из Витебска прислал вам посылку на праздник Песах.

Я принял этого красноармейца, посланника мицвы, с величайшим почетом, угостил его лучшим, что было в доме, и принялся распаковывать мешок. Там обнаружился настоящий пасхальный клад: маца, мацевая мука, сахар, смалец и даже баночка варенья — и на всем стояла печать раввина Медалье, удостоверяющая, что это кошерно на Песах. Я был просто поражен этой посылкой. Как ему удалось все это раздобыть? Сколько сил он потратил, чтобы собрать и отправить это? Ведь все это стоило целое состояние!

Солдат заметил, как я рад, и с улыбкой пообещал передать мою благодарность раввину. Он немного передохнул и собрался уходить, ведь ему нужно было еще сегодня вернуться на фронт. Я попытался дать ему несколько рублей за его труды, он поблагодарил, но денег не взял, сказав, что раввин строго-настрого запретил ему брать плату, — и ушел.

В посылке лежало небольшое письмо, в котором раввин Медалье просил меня извинить его за то, что он не смог прислать мне всё, что хотел бы. Время сейчас такое, что приходится довольствоваться малым. И чтобы я не удивлялся тому, что посылку доставил нееврей (гой). Он посчитал, что через нееврея доставка будет надежнее. В конце письма он пожелал мне и моей семье радостного и кошерного праздника Песах.

Радость в моей семье была неопишуемой. Об этой истории заговорил весь Петербург, и наши друзья искренне завидовали мне. Даже я сам завидовал себе... И я, конечно же, от всего сердца поблагодарил раввина Медалье за этот бесценный подарок.

Это была моя последняя встреча с этим великим евреем и необыкновенным человеком, раввином Шмарьягу Медалье. Больше я о нем ничего не слышал.

В коммунистическом журнале «Безбожник» от 21 сентября 1938 года мы находим некоторые известия о витебском раввине Медалье.

Этот журнал сообщает, что в Москве была ликвидирована «еврейская контрреволюционная группировка», во главе которой стояли члены московской хоральной синагоги: раввин Медалье, бывший купец Ореховский, бывший фабрикант Бродский и другие духовные авторитеты. Группу обвинили в «ужасных преступлениях»: они организовали выпечку мацы. За эту мацу они выручили более 100 тысяч рублей. Они также продавали места в синагоге, читали поминальные молитвы и т. д. Полученные доходы они тратили на содержание подпольных религиозных школ и ешив. Две такие ешивы действовали прямо в Москве. Кроме того, они распределяли деньги среди нуждающихся.

О приговоре, который вынесла ЧК (НКВД), у нас нет точных сведений. Но мы легко можем представить себе трагическую судьбу раввина Медалье и остальных арестованных.

Я бесконечно благодарен людям, которые дали мне возможность снова пережить и записать эти светлые воспоминания о моих встречах с раввином Медалье много лет назад.

А. ГЕРНЕР | Д-Р ГРИГОРИЙ БРУК (БИОГРАФИЯ)

Цви Бен-Яков Брук, известный в широких кругах еврейской общественности под именем Григорий Брук, родился в Чернигове в 1869 году в интеллигентной семье. Окончив гимназию, он примкнул к движению «Ховевей Цион». В 1893 году Брук окончил медицинский факультет Киевского университета и занимался врачебной практикой в различных городах. В течение четырех лет, с 1897 по 1900 год, он жил в Гомеле Могилевской губернии. Именно в Гомеле началась его активная общественная деятельность, особенно в рамках сионистского движения.

Гомельские сионисты избрали его делегатом на Третий сионистский конгресс в Базеле (1899 г.). На этом конгрессе он был избран членом Большого исполнительного комитета («A Zion-Actions-Committee»). В то же время д-р Брук стал уполномоченным («руководителем») всей сионистской работы в трех губерниях: Витебской, Могилевской и Минской.

С Витебском д-р Брук связал свою жизнь в 1901 году, когда его избрали казенным раввином. С этого момента д-р Брук становится одним из самых популярных общественных деятелей в Витебске. Он принимал участие во всех еврейских обществах. В городе практически не было ни одной общественной организации, где бы д-р Брук не являлся либо инициатором создания, либо одним из самых преданных делу руководителей. Он был настоящим штурманом, активнейшим деятелем всего еврейского населения и как человек — как врач и как общественник — был любим буквально всеми. Им восхищались — это была личность огромного масштаба, обладавшая высокими моральными качествами. Хотя он был крайне поглощен общественной работой в Витебске, он тем не менее отдавал немало времени и сил сионистскому движению.

גרין גריגורי

ד"ר גריגארי ברוק

(На странице представлен портрет д-ра Брука)

В 1901 году д-р Брук принял участие в совещании «Ховевей Цион» в Одессе. Как член Исполнительного комитета д-р Брук осенью 1902 года открыл Минскую конференцию

— съезд российских сионистов в Минске, где собралось 526 делегатов. Центральным вопросом на съездах в Минске была культурная работа. Основными докладчиками выступили Ахад-ха-Ам и Нахум Соколов. Там же оформились три фракции: «мизрахисты», «демократическая фракция» (во главе с Вейцманом и Моцкиным) и так называемая «нейтральная группа», от имени которой выступил и д-р Брук. В Витебске была хорошо известна позиция д-ра Брука в этой языковой борьбе: он являлся приверженцем иврита, но всегда оставался сторонником и защитником идиша.

На Шестом сионистском конгрессе в Базеле в августе 1903 года, когда д-р Герцль представил свое предложение по поводу Уганды (так называемый «Угандийский проект»), разразилась буря страстей. Как известно, этот конгресс разделился на две группы: 295 проголосовали «за», 178 — «против» и 132 воздержались при голосовании. Яков Клебанов в своей книге «История сионизма» (Париж, 1947–1949 гг., стр. 531–532) так описывает голосование на конгрессе: «Около 150 делегатов, главным образом российские члены Исполнительного комитета (Брук и др.), поднялись и демонстративно вышли из зала заседаний конгресса. В коридорах разыгрались душераздирающие сцены. Те, кто голосовал "против" [проекта Уганды], плакали, женщины рвали на себе волосы, царила атмосфера глубочайшего траура и трагедии». Д-р Брук острее других переживал этот период раскола в сионизме.

На совещании в Харькове, состоявшемся в октябре 1903 года, д-р Брук принял активное участие в протесте против предложения об Уганде и выступил против Герцля. Большинство российских сионистов примкнуло тогда к группе «Противников Уганды» («Ционей Цион»).

К тому времени обострилась и политическая ситуация в России, и д-р Григорий Брук оказался вовлечен в освободительное движение. Он стал членом «Союза освобождения», который объединял земских деятелей и радикальную интеллигенцию в России. Погромы в Кишиневе и Гомеле, без сомнения, послужили катализатором его политической активности. После гомельского погрома, который особенно потряс Брука, он отправился туда, чтобы лично заняться расследованием погрома и оказать помощь еврейской самообороне. Дальнейшее развитие политической жизни — Русско-японская война, покушение на Плеве, «политическая весна» Святополк-Мирского в 1904 году и последующая революция 1905 года — все эти события не оставили в стороне этого деятельного человека. Д-р Брук никогда не придерживался социалистических взглядов; он был демократом либерального толка. В 1905 году, когда была основана Конституционно-демократическая партия (кадеты), д-р Брук сразу же вступил в нее. В том же году д-р Брук вместе с А. Волковичем основал в Витебске либеральную русскоязычную газету «Витебские голоса», имевшую большой успех.

В годы революции (1905–1906) д-р Брук также активно включился в решение еврейских политических вопросов. На повестку дня остро встал вопрос борьбы за гражданское равноправие еврейского народа в России. Люди верили и надеялись, что в России начинается новая эпоха для евреев. Волнения после октябрьских погромов 1905 года заставили многих еврейских политиков, в том числе сионистов, пережить глубокое разочарование. Д-р Брук остался среди оптимистов. Он был активным членом «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» и

участвовал в его съездах в Вильне в 1905–1906 годах. В то же время д-р Брук продолжал активно работать у кадетов.

Весной 1906 года, во время выборов в Первую Государственную думу, д-р Брук был избран депутатом. В первом российском парламенте заседали 12 депутатов-евреев, и 10 из них входили в кадетскую фракцию Государственной думы. Сионисты во главе с Крейниным выступали против того, чтобы еврейские депутаты вмешивались в общую российскую политику, считая, что они должны вступать в общие политические партии. Д-р Брук стоял на иной позиции. Он был убежден, что судьба евреев неразрывно связана с судьбой всей России, и поэтому евреи должны интересоваться и общими российскими политическими проблемами. Об этих разногласиях между д-ром Бруком и сионистами пишет «Еврейская энциклопедия» (том V, стр. 37): «Он вышел из сионистской организации (не отказываясь при этом от сионистских идеалов), поскольку не соглашался с господствующим мнением о том, что сионисты должны позиционировать себя как обособленная фракция по всем вопросам еврейской жизни».

Когда царское правительство разогнало Думу, д-р Брук вместе с большинством депутатов подписал знаменитое Выборгское воззвание, призывавшее население к пассивному сопротивлению властям. За это все депутаты, подписавшие его, были приговорены к трем месяцам тюремного заключения. Д-р Григорий Брук, как и остальные осужденные, потерял право занимать какие-либо политические и общественные посты. Они также не могли больше избираться в Государственную думу. Д-р Брук также лишился возможности занимать должность казенного раввина в Витебске. Когда он освободился из тюрьмы, он вернулся в Витебск и снова начал заниматься частной медицинской практикой.

Разногласия между ним и сионистами, судя по всему, к тому времени сошли на нет, и он вновь стал лидером сионистского движения в Витебске. Он избирался делегатом на Восьмой сионистский конгресс (Гаага, 1907 г.) и на Десятый конгресс (Базель, 1911 г.). В годы перед Первой мировой войной д-р Брук оставался одним из столпов еврейской общественной работы в Витебском регионе — председателем Литературного общества, председателем общества «Помощь через труд» и др. С самого начала Первой мировой войны он был мобилизован в армию и отправлен в качестве военного врача на фронт. Из-за войны, можно сказать, фактически прервалась его общественная и политическая деятельность. В короткий период между Февральской революцией д-р Брук был избран гласным демократической городской думы. Но вскоре грянула Октябрьская революция, и д-р Брук был вынужден покинуть Витебск.

О последующих годах его жизни сохранилось мало сведений. Во время Гражданской войны судьба забросила его в Крым. Оттуда ему удалось уехать в Палестину (Эрец-Исраэль). Судя по всему, д-р Брук не нашел в Палестине постоянного дома после всех ужасов войны, революции и Гражданской войны в России. Ему также не удалось занять в Палестине то общественное положение, которое позволило бы ему и дальше активно участвовать в сионистском движении. Последние сведения о д-ре Бруке мы находим в отчете Двенадцатого сионистского конгресса в Карлсбаде, который состоялся в сентябре 1921 года (это был первый конгресс после войны). Д-р Брук приехал в Карлсбад из Палестины и выступал там от имени «старых герцлианцев». В

ранее цитировавшейся книге «История сионизма» И. Клебанава мы находим несколько строк о Бруке: «Д-р Цви Брук (Эрец-Исраэль) описывает с глубокой горечью и болью тяжелое положение еврейского ишува — как в политическом, так и в экономическом отношении» (часть II, стр. 353).

Последние два года своей жизни д-р Брук прожил в Берлине. Он жил уединенно, оторванный от своей привычной среды, от сионистской или иной общественной деятельности. Летом 1923 года он тяжело заболел. В июне 1923 года в возрасте 54 лет Григорий Брук скончался в берлинской больнице. Похороны были организованы Сионистской организацией Берлина. На кладбище местной общины д-р Брук обрел свое вечное упокоение.

ГРИГОРИЙ АРОНСОН | МОИ ВСТРЕЧИ С Д-РОМ Г. Я. БРУКОМ

I

Почти забыто уже имя одного из самых активных деятелей сионизма в дореволюционной России, одного из популярнейших еврейских общественных деятелей в черте оседлости и, прежде всего, человека, который в первые годы политического сионизма в России был одним из послов д-ра Герцля. Я имею в виду д-ра Григория Брука.

Возможно, мне, бундисту, никогда не имевшему никакого отношения к сионизму, не пристало лезть в чужой монастырь. Но есть причины, побуждающие меня взять перо в руки и сказать несколько слов о д-ре Бруке. Я должен сделать это уже ради нас самих — ради тех, кто был связан с ним личными дружескими отношениями на протяжении многих лет.

Высокий моральный облик д-ра Брука создавал ему друзей повсюду, даже в самых различных враждебных кругах. Это вызывало к нему глубочайшее уважение, популярность и любовь в самых широких слоях еврейского народа на северо-западе России, где д-р Брук вел активную деятельность.

В годы моего детства, когда мне доводилось встречаться с Бруком, я рос в сионистской атмосфере. Мой дядя, известный тогда еврейско-русский писатель Мордехай бен Гиллель ха-Коэн (один из первых российских сионистов), всегда был окружен передовыми сионистскими умами. В летние месяцы на своей даче «Чечевики» (близ Гомеля) он часто проводил время с Ахад-ха-Амом (который позже породнился с нашей семьей); мой учитель иврита Гиллель Цейтлин, делавший тогда свои первые литературные шаги в издании Ахад-ха-Ама «Ха-Шилоах», в то же время зарабатывал на свой скромный хлеб обучением детей гомельских домовладельцев; различные молодые таланты еврейской литературы — среди них Ицхак Бреннер и Шофман — часто приходили к моему дяде. Вот в какой сионистской среде проходило тогда время в Гомеле.

В этой общественной среде наиболее важное место занимали тогда два брата Брук, оба — врачи-окулисты. Старший брат, Абрам, был близок к социалистам, хотя никогда не принадлежал ни к какой конкретной партии; младший же — Григорий — был признанным лидером гомельских сионистов. Молодой, темпераментный, с красивой, бунтарской, фанатичной внешностью, всегда готовый «плыть против течения», с ораторским талантом, прекрасными европейскими манерами, д-р Григорий Брук блистал в обществе и производил сильное впечатление на нас, детей.

Оба брата воплощали в себе лучшие традиции, которые в России были связаны с типом «земского врача». Это был тип врача, который с глубокой страстью отдавался интересам общества в целом, отдавая свой долг страдающему народу и не считаясь со своим образованием и привилегиями. Такими людьми были доктора Брук. Младший, Григорий, был активным, энергичным, бурным по своему темпераменту. Своей идее — сионизму — он был готов отдать жизнь. Своей преданностью сионизму он снискал приверженцев среди всего еврейского населения, особенно среди молодежи. Я никогда не забуду те праздничные, величественные собрания в Гомеле, когда делегаты возвращались с сионистских конгрессов. Это было нечто среднее между молитвой и политикой. Слова на иврите, звучавшие из уст ораторов, в том числе Мордехая бен Гиллеля ха-Коэна, звучат во мне и сегодня, как и патетические речи д-ра Брука, поднимавшие дух философией вечности...

Григорий Брук был в то время, на рубеже двух веков, одним из лидеров политического сионизма. Он был членом Большого исполнительного комитета, одним из первых русских евреев, примкнувших к д-ру Герцлю. Он был назначен уполномоченным в Белоруссии, руководил там сионистской работой, разъезжал по еврейским городам и местечкам, вел пропаганду в синагогах и на полулегальных собраниях, принимал участие в центральных сионистских конференциях и совещаниях.

Когда д-р Герцль в 1903 году совершил свою поездку к злейшему врагу евреев, царскому министру Плеве, чтобы попытаться найти у петербургского правительства поддержку дипломатических планов сионизма, д-р Брук был одним из его сопровождающих и проводников (о поездке Герцля Брук рассказывает в своих дневниках). Трудно поверить, что д-р Брук соглашался с политикой Герцля в то время, особенно после кишиневского погрома. Я могу лишь представить, что Брук, так сказать, сыграл роль «преданного солдата» движения. Он глубоко скрывал свои сомнения, и они еще не проявились в полной мере.

В 1901 году д-р Брук был избран казенным раввином в Витебске. В некоторых городах тогда старались приглашать на эти должности не «чиновников», преданных и послушных администрации, а настоящих общественных деятелей. И то, что Брук был именно таким человеком, завоевавшим полное признание населения, особенно витебского еврейского ишува, подтверждается тем фактом, что в апреле 1906 года он был избран в Первый российский парламент — Государственную думу. Впервые в российской истории все народы, включая евреев, получили возможность избрать «лучших людей» в парламент. Среди этих избранников оказался и д-р Григорий Брук.

Как известно, после того как была разогнана Первая дума, депутаты собрались в Выборге (Финляндия) и выпустили революционный манифест. За этот акт они

предстали перед царским судом, были приговорены к тюремному заключению на три месяца с лишением права быть избранными в парламент. Это была и судьба Брука. Хочу мимоходом отметить, что д-р Брук, принявший столь активное участие в вопросах российской политики и вступивший в кадетскую фракцию в Думе (фракцию либеральной партии К.Д., возглавляемую проф. Милюковым), еще до революции был членом нелегальной группы «Освобождение». Это вызвало определенные упреки в его адрес со стороны сионистских кругов.

Вскоре после разгона Первой думы мне довелось встретиться на своеобразном собрании в уже упомянутом местечке под Гомелем. Я тогда только освободился из тюрьмы и приехал отдохнуть на короткое время к Мордехаю бен Гиллелю ха-Коэну. В те дни я встретил там, на даче, приехавшего д-ра Брука. Председателем собрания был Ахад-ха-Ам. Среди тех, кто принимал участие в дебатах, я помню Семена Дубнова и 18-летнего «Сёму» — Саула Когана (младшего брата бундиста Владимира Когана). Главный доклад читал д-р Брук, который специально приехал из Витебска, чтобы объясниться как с Ахад-ха-Амом, так и со своими старыми друзьями — гомельскими сионистами. Темой доклада Брука был отчет о деятельности еврейской группы в Первой Думе. Я помню, что Ахад-ха-Ам выступил в спокойной форме, но очень резко по содержанию против позиции еврейских депутатов, которые слишком смешались «во вред евреям» с общей российской политикой и тем самым пренебрегли своими обязательствами перед еврейским народом. Особенно Ахад-ха-Ам обвинял д-ра Брука: почему он, активный сионист, сотрудничал с русскими кадетами, чего еврей делать не должен был. Д-р Брук не проявил никакой готовности раскаиваться и не остался в долгу с ответом.

II

Ко времени дела Бейлиса, глубокой осенью 1913 года, я приехал в Витебск и снова встретился там с д-ром Бруком. Наша встреча быстро переросла в настоящую дружбу. То, что мы были людьми разных партий, не мешало нашей дружбе. Возможно, это происходило потому, что д-р Брук был искренним демократом, народным человеком, а среди сионистов он всегда стоял особняком, отличаясь от сионистов типа доктора Шмарьягу Левина.

Мы — бундисты, социалисты, идишисты — работали вместе с д-ром Бруком бок о бок почти во всех начинаниях витебского литературного общества, основали вместе общество «Помощь через труд», начали реорганизовывать на демократических основах неповоротливые институты еврейской общины — коробочный сбор. Д-р Брук был одним из столпов еврейской работы в городе.

В то же время он не прерывал своих тесных связей с либеральным движением, часто бывал в Петербурге, виделся с лидерами политической оппозиции и передавал нам их настроения и мнения. Тогда в Витебске было основано постоянное совещание представителей различных политических группировок. К сожалению, д-р Брук пробыл с нами лишь короткое время. Война прервала его плодотворную общественную работу: он был мобилизован в армию в качестве врача и отправлен на фронт.

В целом д-р Брук во время войны не имел возможности заниматься еврейской общественной или политической работой. Лишь однажды или дважды, помнится мне, он побывал в Витебске, особенно в те страшные дни, когда началось изгнание евреев. В его честь мы созывали собрание. Это был праздник — встретиться с ним. Но праздник быстро заканчивался, и общественные деятели вновь оказывались перед вопросами беженцев, антисемитского давления в армии, перед различными указами против евреев, которыми была полна история Первой мировой войны в России. И д-р Брук глубоко сопереживал нам.

Я помню наши последние встречи в 1917 году. Д-р Брук был настроен весьма пессимистично относительно перспектив демократической революции. Я несколько раз пытался беседовать с ним о политических событиях, но его главным образом интересовал лишь один вопрос — создание еврейской самообороны против возможных погромов! Я слышал, что д-р Брук все время после демобилизации посвятил сионистским кругам. Там он, вероятно, за несколько месяцев до Октябрьского переворота потерял надежду на русскую демократию и вновь обратился к сионистским планам и надеждам. После Декларации Бальфура эти надежды укрепились еще сильнее.

В последний раз мы встретились «после всего» — в 1922 году, в политической эмиграции, в Берлине. Я узнал, что во время Гражданской войны д-р Брук был на юге России, затем в Крыму. Оттуда он уехал в Палестину (Эрец-Исраэль), прожил там около года — и внезапно покинул страну. Почему? Это не было до конца ясно. Что не удовлетворило ветерана сионизма?

В Берлине мы снова начали тянуть нить нашей старой дружбы. Д-р Брук был одинок. Он не имел прямого отношения к тем или иным центральным еврейским организациям в Берлине. Насколько я понимал, он отошел от конкретной сионистской деятельности. У него было много друзей и знакомых повсюду, но он избегал их и встречался с ними крайне редко. Брук чувствовал себя настолько одиноким, что всегда хотел знать, в каком именно берлинском кафе проходит наше очередное партийное собрание; он приходил туда, в это кафе, и терпеливо ждал окончания заседания, чтобы мы могли провести вместе час-другой.

Он чувствовал себя больным. Его материальное положение также было далеко не завидным, и об этом он говорил со мной совершенно открыто. Все его «состояние» состояло из 25 английских фунтов и золотого ожерелья — единственной памяти о его матери. Как-то раз д-р Брук зашел к ювелиру, чтобы узнать, сколько может стоить это золотое ожерелье с его алмазами и бриллиантами. Ему пришлось оставить украшение в мастерской на день-два, и он был глубоко разочарован, когда ювелир предложил за него смехотворную сумму. Д-р Брук решил, что его обманули, заменив в ожерелье дорогие камни на простые стеклышки...

Тогда он написал письма нескольким своим старым товарищам, и ответы, которые он от них получил, он показывал мне — все они были похожи друг на друга. Я очень хорошо помню их форму и содержание: «Дорогой Гриша, — писали старые друзья, — нас очень удивляет тревожный тон твоих писем. Все мы сделаем все возможное, чтобы подыскать для тебя должность, соответствующую твоим талантам и заслугам.

Тебе совершенно не о чем беспокоиться. К сожалению, однако, ты приехал слишком поздно, когда самые важные посты уже распределены, а уполномоченные представители наших организаций в Берлине, Париже, Лондоне и Константинополе уже назначены. Ты ведь и сам понимаешь, что не можешь занять второстепенный пост. Это просто исключено. Нужно набраться терпения»... Эти письма прозвучали для него как смертный приговор. Он истолковал их так, что стал «лишним человеком».

У него возникло тяжелое ощущение, что все безвозвратно проиграно. Со мной он держался очень сдержанно и почти ничего не рассказывал о тех мыслях, что терзали его душу — ведь я все-таки был человеком из другого лагеря, оппонентом. Но однажды, в один из летних вечеров, он с триумфом сообщил мне, что редакция русского сионистского журнала «Рассвет», который издавали в Берлине Вл. Жаботинский и его сторонники, устраивает в его честь «чашку чая». Там он выступит с докладом и сможет наконец выговориться, облегчить душу.

Позже мне рассказали, что во время своего выступления на этой «чашке чая» Брук был чрезвычайно взволнован. После своей бурной речи он почувствовал себя так плохо, что его пришлось на руках выносить из зала и везти в его одинокую комнату. В тот же день его доставили в больницу. Я сразу же поспешил туда. Через день у него случился первый «удар». А еще через день д-р Брук скончался. Это произошло в июне 1923 года...

Сразу после того, как весть о его кончине распространилась, появились представители сионистов — как русских, так и немецких, всех направлений и оттенков. Они заявили, что берут на себя организацию траурной церемонии и похорон. И они действительно провели их по лучшему берлинскому образцу: раввин произнес долгую и подобающую случаю речь. На трибуне сменяли друг друга видные лидеры: д-р Клее, Вл. Тёмкин, молодой Иосиф Шехтман. Проводить его в последний путь пришли несколько сотен человек...

Моим долгом было известить брата и сестру Григория Брука, оставшихся в Советском Союзе, о его кончине. В возрасте 54 лет завершилась его бурная, посвященная идее жизнь. В журнале «Рассвет» вышло несколько теплых статей в память о нем. Я, со своей стороны, собрал нескольких еврейских общественных деятелей из Гомеля и Витебска, которые хорошо знали Брука и волею случая жили тогда в Берлине, и мы от имени гомельчан и витебчан опубликовали траурное объявление о смерти д-ра Брука в берлинской русскоязычной газете «Руль».

И теперь, когда я завершаю свои краткие воспоминания о д-ре Григории Бруке, я чувствую, что не только витебское землячество и не только сионистская среда, но и самые широкие еврейские массы нашего прежнего, ныне почти забытого прошлого потеряли в лице д-ра Брука кристально чистого человека, редкостного, преданного делу общественного деятеля, который оказал глубокое влияние на всех, кто его окружал, и оставил неизгладимый след в истории российского еврейства.

АЛЕКСАНДР РАПОПОРТ | ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Первые шаги по высвобождению из духовного гетто начались на несколько поколений раньше.

Строгие законы и обычаи связывали еврея, но отдельные личности отваживались освободиться. Я еще помню в Витебске «аристократов», «немцев» или «берлинчиков», как их тогда называли, которые начали подстригать свои длинные капоты и укорачивать бороды. Нашлись даже такие, кто полностью сбрасывал бороду. Эти «немцы» читали на иврите светские издания «Ха-Цфира» и «Ха-Мелиц», что у набожных людей считалось совершенным безбожием.

Кое-кто из просвещенных (маскилим) отваживался выписывать и русскую газету, но не для себя лично. Просвещенные еще стеснялись отдавать своих детей в русские школы, в гимназии. И у нас в городе только начинали появляться гимназисты в мундирах, но мало кто им завидовал.

Таких безбожников (эпикойресим) общество не переносило. Широкие еврейские массы не имели глубоких связей с этими первыми веяниями. Мои бабушки плакали, когда во время свадьбы им брили головы, как это было принято в прежние века. Свадьбы тогда играли в возрасте 15 лет. Невесты, разумеется, не имели никакого выбора. Одевались в короткие платья, в нижние юбки, подпоясывались шелковым поясом. Тогда это считалось правильным, еврейским путем.

Синагоги и молельные дома были по субботам переполнены молящимися. Даже для евреев, которые уже отошли от «праведного пути», все еще находилось какое-то место в синагоге. По субботам до обеда улицы были пусты, ни одного еврея не было видно. Лишь после субботнего сна выходили на прогулку с прочной стеной, которая отделяла евреев социально от нееврейского населения. В экономическом плане жизнь не была столь резко разделена. Магазины и лавки находились в еврейских руках, поэтому христиане были вынуждены делать покупки у евреев, а евреи были вынуждены покупать сельскохозяйственные продукты у крестьян и так далее. Но за пределами этих деловых связей не существовало никаких иных — ни со стороны неевреев к евреям, ни наоборот. Так продолжалась жизнь в Витебске в годы моего детства, то есть в 80-е годы XIX века.

Когда мне исполнилось пять лет, меня начали отдавать в хедер. Будучи маленьким ребенком, я вдруг оказался в маленькой душной комнате и должен был взять на себя бремя заповедей, которое взрослый еврей обязан нести. Обучение детей начиналось с изучения алфавита, затем переходили к чтению молитв, а позже — к Пятикнижию с комментариями Раши. С 8–9 лет нас уже начинали обучать Гемаре (Талмуду). Учились мы по 10 часов в день, только пятница была счастливым днем — учились лишь половину дня. Даже в субботу мы не были полностью свободны.

Новое время начало наступать для Витебска только в 90-х годах XIX века. Этот процесс был сложным, и я не хочу представлять его как внезапный манифест; культурная жизнь развивалась постепенно, пуская глубокие корни в еврейской среде в разных направлениях. Лучше я попробую объяснить этот переход конкретными

фактами, которые дали толчок к разрушению плотины, отделявшей старый мир витебских евреев от внешнего, еще не столь давно совершенно чуждого мира.

Таких причин, стимулировавших развитие в новом направлении, мне вспоминается главным образом две.

В качестве **первой причины** можно рассматривать небольшое число семей из среды витебских просвещенных (маскилим), которые были своеобразными миссионерами «выхода из гетто». Это были семьи Шнеура Залмана Цейтлина, образованнейшего человека в городе; Вишняка, банкира, который очень поддерживал образование; семьи Равичей, Цукерманов, Моше-Гирша Гинзбурга, Марковичей, Гинзблатов и некоторые другие. Родители в этих семьях еще придерживались строгих традиций, соблюдали все законы, обычаи и кашрут. Но дети уже не ходили в хедер — они учились у учителей на дому и в то же время готовились к поступлению в гимназию.

Либеральный дух царил в их домах. Мужчины уже ходили с непокрытой головой, в субботу не надевали штраймлов, а вместо этого нанимали нееврея-слугу (шабес-гоя). Субботний самовар вместо углей зажигался спиртовкой — как знак нового времени. Выписывались газеты и журналы. Девочки учились играть на пианино, а мальчики — на скрипке.

Вторая причина заключалась в том, что в Витебске в те годы сформировалась глубокая еврейская молодежная среда, стремившаяся к самообразованию. Такие кружки самообразования были уже известны у нас в 80-х годах. Из них вышли Шломо Рапопорт (Ш. Ан-ский), будущий писатель и автор «Дибука», и Хаим Житловский. В этой же среде вырос и Шлома Горелик, ставший позже редактором хорошего провинциального русского журнала «Смоленский вестник».

К их числу следует добавить еще одно имя — молодого человека, приехавшего в Витебск в 90-х годах и, по всей видимости, принадлежавшего к освободительному движению в России. Это был Амстердам. Я хорошо его знал, так как он был одним из моих первых учителей русского языка. Он был бедным, зарабатывал на «копеечных уроках». Амстердам был убежденным пропагандистом-бундистом. Даже будучи учителем, он не воздерживался при обучении от пропаганды. Насколько я помню, Амстердам открыто не агитировал против религиозных традиций, но он распространял среди молодежи стремление к мировой культуре, интерес к русской литературе и критическое отношение к старым обычаям.

В то же время Амстердам укреплял в более зрелых элементах молодежи революционные убеждения. Из своего кружка Амстердам организовал целую группу «эффектистов», которые вели подготовительную работу среди ешиботников. Позже из школы Амстердама вышла целая плеяда революционеров и общественных деятелей. Сам Амстердам утонул в Шклове. Но волна, которую он поднял среди витебской еврейской молодежи, принесла свои плоды.

Мы, дети хедера, воспитанные в строго религиозных семьях, поскольку не могли поступить в гимназию, становились экстернами. Революция, которую мы совершили на пути от хедера до аттестата зрелости в гимназии, а затем, когда мы вступили в революционное движение, была гораздо более простой, чем её можно себе

представить. Для еврейского мальчика, который с 5 лет был заперт в системе строжайшей интеллектуальной дисциплины и в течение 10 лет напрягал свой мозг над страницами Гемары, пройти за два-три года курс гимназии не составляло большого труда.

Переход от старого уклада и развитие еврейской молодежи не происходили совершенно гладко и спокойно. Молодежь, вырвавшись из плена Талмуда, вслепую набросилась на новый путь. Здесь важную роль сыграла коллективная взаимопомощь в небольших кружках, которые образовывались в иешивах и синагогах. Из них вырастали кружки самообразования. Молодой человек (бахур), прошедший школу Амстердама, уже сам руководил кружком, делился с другими своими крохами знаний и книг, которыми располагал, вместе с немногими счастливыми друзьями. Эти кружки позже принимали политический характер.

Мне вспоминается один из моих друзей молодости, с которым мы вместе в возрасте 14–15 лет — его звали Гиршл Лурье. Позже он стал видным деятелем в «Бунде» и участником героической эпопеи в «Романовцах» (1904). Семья его была очень бедной: отец и мать были меламедами, а по рыночным дням они стояли на площади со столиком для обмена денег. Весь «капитал» этого «банка» состоял из огромной суммы — целых 5 рублей...

Гиршл был младшим сыном в семье. В 12 лет он уже преуспел в Талмуде, хотя его родители не могли платить за обучение — 10 рублей раввину за семестр (зман). В то время он уже стал баал-корэ (чтецом Торы). Тогда этот мой молодой друг в синагоге между молитвами Минха и Маарив обучал еврейских рабочих. Родители Гиршла очень гордились им и надеялись, что он вырастет великим в Израиле.

Но Гиршл увлекся новым течением просвещения. Сначала он заперся в синагоге с другими ребятами, которые уже почувствовали вкус вольнодумства (эпикорсут), а затем вошел в наш кружок при синагоге. Он научился читать по-русски, и у них началась конспиративная жизнь. Он все еще сидел в бейт-мидраше (молельном доме) и изучал трактаты «Бава Меция» или «Бава Батра», но под Гемарой у него были спрятаны книги Спенсера, а также Толстого, Достоевского, Михайловского, свежий выпуск толстого русского журнала. После короткого курса политической экономии он штудировал Рикардо или Адама Смита. Читали по определенной программе. Читали, например, Пушкина — «Евгения Онегина», а затем читали критику Белинского на Пушкина и Писарева на Белинского. И так далее. В голове получалась каша, мешанина. Но не зря наши экстерны ранее прошли хорошую школу анализа и критики в иешиве, чтобы потом уметь разбираться в сложной литературе, социологии, экономике и тому подобном.

Просвещение нашей молодежи часто наталкивалось на сопротивление родителей. Нужно углубиться в еврейскую жизнь того времени, чтобы понять, насколько сложной была драма переживаний моих друзей Гиршла и всех других Гиршлов в Витебске. Семейные конфликты часто происходили из-за того, что Гиршл опаздывал на утреннюю (Шахарит) или вечернюю (Минха и Маарив) молитву. А что происходило, когда отец замечал некошерную пищу или субботнюю папиросу? Субботняя папироса

или кусочек некошерного буквально ранили отца до глубины души, но «принцип» был для молодежи дороже и важнее, чем уважение к родителям.

В этой борьбе между родителями и детьми молодежь побеждала, а старшее поколение должно было мириться с отступниками среди своих детей. И кто тогда не считался безбожником? Даже на сионистов ортодоксальное большинство смотрело как на еретиков, потому что они не хотели ждать прихода Мессии для избавления еврейского народа. Тем не менее родители всегда стремились заключить мир со своими детьми. Часто случались конфликты, приводившие к разрыву между родителями и детьми.

Но эта борьба велась за светлую культуру. Течение этой новой культуры охватило витебских евреев в 90-х годах. Юноши, посещавшие гимназии, развивались естественным образом. Им приходилось вести борьбу только против правительственных чиновников, которые следили за тем, чтобы гимназисты не читали Писарева, Добролюбова, Чернышевского, не говоря уже о Марксе, книги которые гимназисты старших классов тогда уже тайно читали.

Но экстернам и ешиботникам было нечему завидовать. Им приходилось работать самостоятельно, брать на себя личную ответственность и заботиться о собственном содержании. Положение девушек из бедных семей было еще более тяжелым. Для них было еще труднее вырваться из душной атмосферы дома и школы. Их, как правило, не пускали дальше первых четырех классов гимназии, что лишь слегка приоткрывало для них двери различных учебных курсов.

Ко второй половине 90-х годов уже начали оформляться те освободительные движения, в которых объединились все ручейки и течения, пробивавшиеся не только из рамок религиозной традиции, но также из жестких социальных рамок. Религия, происхождение, социальное и экономическое положение больше не мешали молодежи объединяться. Бедный или богатый, ешиботник или гимназист, даже еврей или нееврей — всё это внезапно перестало играть роль. На широком пространстве установилась солидарность, дружба, настоящее товарищество.

Так, сын витебского богача Моше-Гирша Гинзбурга, Абрам, который позже занял важное место в социал-демократическом движении и литературе, а в 20-е годы в советской России стал признанным экономистом — этот Абрам Гинзбург, несмотря на свои большие способности и знания, работал вместе с пролетарскими экстернами и женился на дочери часовщика, Хене Раузенфельд.

Молодежь была главным образом вовлечена в революционное движение. В сионистском движении, как и вообще в еврейском национальном движении, участвовала лишь незначительная часть молодежи в то время. Начало революционного движения неразрывно связано с Амстердамом и его деятельностью в конце 90-х годов. В этом движении участвовали почти все, кто ранее прошел через кружки самообразования.

ШМУЭЛЬ АБРАМСОН (АБРАМС) | НАШ ВИТЕБСК (ВОСПОМИНАНИЯ)

Витебск — мой родной город, где я провел свои лучшие годы юности, мечтая о лучшем, более прекрасном будущем для человечества в целом и для нашего близкого народа в частности, и он до сих пор глубоко запечатлен в моей памяти...

Географически город разделен на две «стороны» — большую и малую, а посредине протекает река Двина. В качестве средства сообщения для жителей обеих сторон с давних пор служит мост, перекинутый через реку от Вокзальной улицы до Набережной (Замковой) улицы. Также маленькие частные лодочки перевозили пассажиров с одной стороны на другую за минимальную плату — от копейки до двух с человека.

Река Двина играла важную роль в экономической жизни жителей Витебска и окрестностей, создавая источники заработка и пропитания для населения, особенно для бедняков весной и летом. Сразу после Пасхи (Песаха), как только вскрывался лед, начиналось сильное движение «плотов» — связанных между собой брёвен различных пород дерева, которые сплавлялись по воде. Брёвна эти доставлялись из густых лесов вокруг города и местечек на берегах реки к главному пункту — Балтийскому морю — в Ригу, для внутреннего потребления и экспорта за границу. Также курсировали большие суда, перевозившие людей и товары из города к меньшим пунктам: Бешенковичам, Улле, Велижу и обратно. Зимой река замерзала, и лёд служил кратчайшим путём для перехода с одного берега на другой, а также местом для развлечений: катания на коньках или на салазках (буерах), где собиралось приличное количество публики, старых и малых, чтобы развлечься.

Промышленность, торговля и банковское дело находились по большей части в руках более богатых евреев. Из наиболее известных были: Кальманович — табачная фабрика; Левинсон — пивоваренный завод; Хоровитц (Гуревич) — лесопилка; братья Хершман и Марковичи — мука; Яхнин и Миндлин — сушеные фрукты; Хельцер — подсолнечное масло; Маркович и Минц — мануфактура (текстиль); Фейгельсон — аптекарские товары и медикаменты; Гельтерман — золото, серебро, ювелирные изделия; Стеринсон — кожа; Меклер — бумага и писчебумажные принадлежности; Вишняк, Гинзбург и Сагалович — банки.

Мелкую торговлю вели еврейские лавочники, главным образом с крестьянами из окрестных деревень, которые приезжали дважды в неделю на рынок на телегах, нагруженных дровами, сеном, скотом, телятами, птицей, яйцами, картофелем, зеленью, фруктами, и продавали всё это лавочникам и ремесленникам (в будки с прилавками), а на вырученные деньги покупали у них нужные для себя вещи.

Наряду с другими городами Черты оседлости, Витебск также внес большой вклад в развитие еврейского духа и культуры и воспитал на своей общественной арене героев и политических деятелей различных направлений, боровшихся за национальное, социальное и экономическое освобождение всех угнетенных...

Еврейское население Витебска состояло из ученых людей (ломдим), хасидов и миснагим, просвещенных (маскилим), интеллигенции, купцов, служащих, ремесленников, рабочих и извозчиков.

Общинный совет (Ваад) управлял всеми делами общины: раввинатом, кашрутом, коробочным сбором (налог на кошерное мясо), миквой, образованием, благотворительностью (цедака), посещением больных (бикур холим), беспроцентными ссудами (гмилут хасадим) и т.д. Комитет, который представлял еврейскую общину перед властями (губернским и городским правлением), избирался из числа раввинов, шойхетов, врачей, банкиров и простых домовладельцев.

Среди общественных деятелей моего времени выделялись: рав Шмарьягу Медалье, Меир-Ноах (городской шойхет), Шмарьягу Меклер, Ливэ (Лев) Маркович, ди Яхнинс (семья Яхниных), братья Сагалович, З. Вольфсон, Гинзбург, Вишняк, Шнеурсон. Из врачей: Либерман, Брук, Эйсерсон, Якерсон и Шейнин. Два последних были активны в «Красном Кресте» и в «Бунде».

Главным организатором и лидером Ваада был Шмарьягу Меклер — молодой человек с длинной черной бородой, энергичный и успешный богатый купец и своеобразная, колоритная личность, полная противоречий: в молодости он был революционным интеллигентом, а после смерти матери стал преданным хасидом и приверженцем Копысского ребе. Каждое утро он изучал лист Гемары с известным учителем Исраэлем-Шломои Меламедом, затем шел в маленькую любавичскую синагогу (Хершмановскую), чтобы молиться в общественной общине (миньяне), а оттуда — в свою лавку. Он строго соблюдал еврейские законы и обычаи. Субботними и праздничными днями он изучал Тору, занимался каббалой и устраивал «третью трапезу» (шалаш-сеудот) вместе с остальными хасидами. В своем доме он вел ортодоксальный образ жизни, держал меламеда (учителя) для детей, но разговаривал с ними и со своей женой только по-русски. Ш. Меклер посетил Палестину (Эрец-Исраэль) как посланник ортодоксальных кругов, и в своем отчете, который он зачитал в любавичской синагоге, выразил позитивное отношение к заселению и строительству Земли Израиля.

Значительную часть своего времени он посвящал общественным статьям, постоянно находил время для нужд общины и даже занимался делами погребального братства (Хевра кадиша).

Д-р Либерман был строго религиозным человеком, молился и учился в свободное время, не нарушал субботу и нанимал христианского мальчика по субботам и праздникам для выписывания рецептов для больных. Он был сионистом, говорившим на иврите. Он никогда не брал денег за лечение с талмудистов, ученых, иешиботников и вообще с бедняков. Он также принимал активное участие во временном Талмуд-торе на Большой стороне, где преподавали учителя Крапоковский, Хиндин и Голомб. У него учился и наш покойный брат Исраэль-Иосиф, умерший от тифа во время поста в 1918 году.

Мой брат, Исраэль-Иосиф, продукт просвещения той эпохи, экстерн, работал у Копысского раввина Гитлинсона, а позже — в канцелярии у Перльштейна, откуда в полицию и жандармерию отправлялись нелегальные письма, прокламации на идише и

на иврите, написанные писателем А.Ш. (литературный псевдоним), а также переводы на русский язык. Будучи самостоятельным, он использовал любую возможность, чтобы урезать расходы на некошерную еду и экономить средства в тех обстоятельствах. Он также окончил курсы фельдшеров и практиковал в еврейской больнице, где его очень любили за доброе отношение и преданность больным. Позже он подружился с д-ром Бруком и был избран делегатом на Минскую сионистскую конференцию. Страдая от болезни желудка, он поехал в Берлин и там его прооперировал известный хирург, профессор Израиль. Вернувшись домой в Витебск, он полностью посвятил себя преподаванию и оставался там до самой смерти.

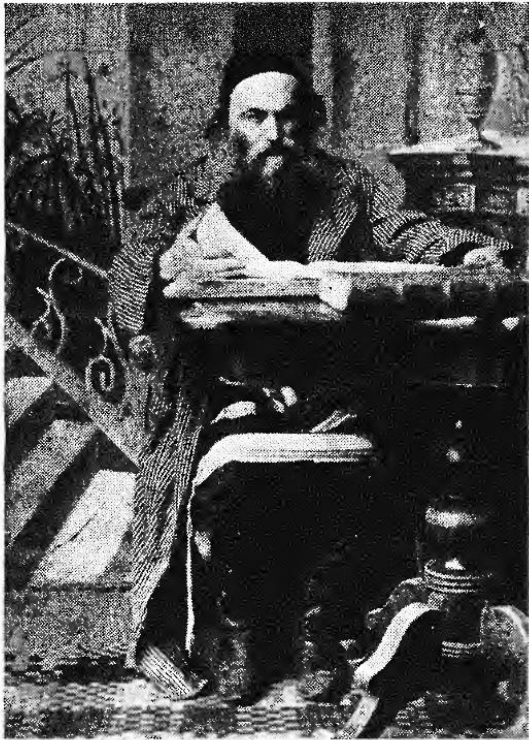
ישראל-יוסף אַבנאַמיס (דער דריטער פון רעכטס) מיט זיינע תלמידים

На Малой стороне существовало несколько тихих Талмуд-тор (не официальных), где мой покойный отец, р' Меир Абрамс, был руководителем и главным учителем (меламедом), и до последних дней своей жизни посвящал себя этому делу с полной серьезностью и преданностью. Благодаря его тяжелому труду и большим усилиям, бедные ученики получали горячую пищу один раз в день, обувь и одежду бесплатно. Вместе с ним учителями были: Ицхак Абрахам-Хаймс и Ицхак-Монаше (Итше Абрахам-Хаймс и Итше-Монаше). Последний ранее имел частный хедер, известный художник Марк Шагал, учился у него. Я до сих пор помню лошадок и человечков, которых Шагал рисовал карандашом на клочках бумаги и на стенах хедера.

В этих Талмуд-торах учились более сотни учеников в возрасте от 6 до 12 лет, из разных районов города, разделенные на 3 класса: 1) алфавит и чтение на иврите, 2) молитвы, Псалмы (Тегилим) и Пятикнижие, 3) Танах, Раши, Шулхан Арух и начало изучения Гемары. Часы обучения были: с 9 утра до 7–8 вечера, с перерывом на обед и тёплый обед в специальной кухне при учреждении. В старших классах позже ввели несколько часов в неделю для светских предметов: иврита, идиша, русского языка и арифметики. От Пасхи (Песаха) до Нового года (Рош ха-Шана) ученики приходили по субботам в полдень изучать «Пиркей Авот» (Наставления отцов). Заработная плата учителей составляла 30–40 рублей в месяц.

На Ильинской улице стояли две синагоги (бейт-мидраша): Большая Любавичская синагога и Малая Любавичская — Хершмановская синагога. В последней молились богачи: Хершманы, Марковичи, Меклер, Стеринсон, братья, которые также были мелкими торговцами и учителями. К числу молящихся в этой синагоге принадлежал также Бери (Бер) Шварцер — Ракалин, д-р Ракалин-отец, и мой отец. Оба — благочестивые евреи, любавичские хасиды, не упускавшие возможности, если приезжал маггид (проповедник) или посланник (мешулах), или бедный гость из другого города, сделать так, чтобы местные нищие не выходили из синагоги с пустыми руками. По субботам и праздникам гости оставались в синагоге допоздна, чтобы распределить гостей между богатыми хозяевами, а оставшихся они забирали к себе домой.

В Большой синагоге молящиеся были по большей части из среднего класса и бедных слоев: мелкие лавочники, меламеды, учителя и маскилим, среди которых выделялся Хаим Галабос, отец профессора Галабоса в Нью-Йорке, и престарелый Фрейдкин-Казанский, которые сильно влияли на молодежь своими речами и просвещением.

דער גלובקאווער רב דוב-בער גורוויץ

ר' מאיר אַבראַם

- **Справа:** Р' Меир Абрамс (*отец автора мемуаров*)
- **Слева:** Глубокский раввин р. Дов-Бер Гуревич

После Манифеста в октябре 1905 года синагога служила центром и местом сбора для сионистских собраний, а также для еврейских и нееврейских социалистических движений: Поалей Цион, «Бунда», социал-демократов и социалистов-революционеров. Там же концентрировалась витебская еврейская самооборона, которая делила оружие и патроны между членами, и оттуда их рассылали по различным точкам города для защиты населения от погромов. Всё это проводилось подпольно, втайне от полиции, и часто случались стычки с полицией. Старший шамес (служитель синагоги) Авраам делал вид, что ничего не знает, и не препятствовал. Его помощник — младший шамес Гецель — был порядочным и тихим евреем и ни во что не вмешивался.

На Малой или Ильинской улице, между «Виганом» и Покровской улицей, была еще одна маленькая синагога под названием «Прасомишкер шул». Там молились в большинстве своем бедные и простые люди (амха): сапожники, портные, извозчики, водовозы и т.д. Туда часто приходили послушать проповедь (дершу), лекцию, или речь о различных вещах и событиях. В школах началось движение за иврит, сначала под названием «Иврия», а позже «Тарбут», которое поставило перед собой задачу распространения языка иврит среди молодежи и масс. Был основан комитет из следующих товарищей: Зелик-Шнеур (учитель иврита), его помощник Шнеур-Ицхак Сапир (студент-фельдшер), Иешаягу Новиков, Шмуэль Белинкин, Дов Шапиро,

Креславский (парикмахер) и мой близкий друг Шмуэль Абрамс (ныне Абрамсон в Америке).

Несмотря на то, что Зелик-Шнеур был слепым, он держал образцовый хедер («хедер метукан») и был душой движения «Иврия», а затем и «Тарбут». В 1915 году он вместе с другими витебскими сионистами был арестован и сослан в Иркутск (Сибирь). В его квартире, находившейся в полуподвале на Покровской улице, мы часто собирались, чтобы дискутировать на разные темы и вырабатывать программы для нашей работы. Мы организовывали курсы иврита для молодежи и взрослых; заботились о том, чтобы в хедерах и Талмуд-торах обучали ивриту как живому языку и еврейской истории как предмету. Позже нам в этой работе помогали меламеды и учителя из «хедеров метуканим», где обучение велось по методу «иврит на иврите» (иврит б'иврит): Меламедзон, Тойверов, Кейлин и другие. К нам также примкнули Копыцкий раввин Меламед (умер в Израиле), бухгалтеры Галаскер и Шамбадал, а также другие сочувствующие.

В 1906–1907 годах мой младший брат Авраам (здесь, в Америке — А. А. Абрамсон), работавший в бумажном магазине Шмарьягу Меклера в качестве служащего, примкнул к кружку социалистов-революционеров (эсеров). Он вместе со своим товарищем Шехтмейстером, работавшим в той же лавке, взял на себя задачу организовать казаков, стоявших тогда в Витебске. Они собирали казаков на частных квартирах на Кантоницкой улице, раздавали им нелегальную литературу и вели агитацию в пользу партии эсеров.

Как водится, среди казаков нашелся доносчик из Охранки (секретной службы), и в один из вечеров полиция нагрянула на квартиру, изъяла нелегальные материалы, арестовала агитаторов и увезла их в жандармерию, а оттуда — в тюрьму. Мой брат часто носил ему еду из дома. Один раз, в пятницу, когда я принес ему обед, ко мне подошел Яков-Моше Альтер, сын раввина и сотрудник лавки, и попросил меня передать Аврааму бидончик с молоком. На дне этого бидончика Фейгель (жена раввина) спрятала два письма, которые были завернуты в газету. Дежурный надзиратель, который, очевидно, уже знал о подобных вещах, вставил проволоку в бидон и нащупал на дне что-то твердое. Разумеется, меня задержали и перевели в «Околоток» на Смоленской улице, где я пробыл под арестом 12 дней. Благодаря вмешательству Шмарьягу Меклера перед полицмейстером меня освободили. Моего брата и остальных арестованных приговорили к одному году тюрьмы. После освобождения за ним установили надзор, и родители со всей семьей потребовали, чтобы он покинул Россию. В 1908 году он прибыл в Нью-Йорк.

В 1916 году я находился в Петрограде. Я работал на обувной фабрике «Треугольник» (фабрика боеприпасов) в качестве помощника бухгалтера и вел учет производительности труда рабочих. Я интересовался их жизнью и положением рабочих, прислушивался ко всему, что происходило в их рядах. «Треугольник» был известен как оплот и центр социалистов-революционеров. 9 января 1917 года все рабочие покинули машины, и вскоре после этого все рабочие и служащие вышли на демонстрацию в память о «Кровавом воскресенье» (поп Гапон) против царского правительства. Это подготовило революционный дух и импульс среди широких рабочих масс в целом и на фабрике в частности. В воздухе уже чувствовалось, что

должны произойти великие события, и определенная уверенность жила в тех, кто был близок к передовым силам, авангарду борьбы за освобождение России.

После Октябрьского переворота в 1917 году последовала Декларация Бальфура, всколыхнувшая еврейские массы по всей России. Если бы не большевистский переворот, который разрушил еврейский национальный вопрос, мы, несомненно, уже имели бы построенный дом в Эрец-Исраэль при помощи и энергии всего российского еврейства!..

В те годы в России под руководством д-ра Членова был основан Центральный комитет (Мерказ) сионистов, и я был назначен корреспондентом на иврите и идише и бухгалтером в Центральном комитете. Спустя некоторое время Центральный комитет командировал меня в Городок Витебской губернии для организации там школы «Тарбут». При содействии местного отделения «Цеирей Цион» и активного участия Хаима Минца нам удалось основать там школу для мальчиков и девочек, а также курсы иврита и еврейской истории для взрослых. Среди слушателей были даже бундисты, которые враждебно относились к нашему движению.

Позже я вернулся в Петроград, где занял свою прежнюю должность в Центральном комитете. К тому времени во главе стоял бундист Альтшулер, который захватил здание Мерказа, конфисковал всё, что там находилось, и арестовал некоторых членов комитета и сотрудников. Нас не тронули — возможно, потому, что я тогда принадлежал к «Линкис» (левому крылу) и вместе со многими другими верил, что Россия станет провозвестником и распространителем света, свободы и счастья для всего человечества...

В 1922 году я решил вернуться в Витебск. Не глядя на то, что мне предлагали должности в различных комиссариатах, я устроился помощником бухгалтера в конторе поставщика (подрядчика) дров для железной дороги в Витебской губернии. Вскоре меня выбрали секретарем комитета профсоюза служащих в городе и губернии и их представителем в профессиональном союзе.

Свое свободное время я посвящал отделению «Хе-Халуц» в Витебске, которое тогда еще существовало легально под названием «Трудовая артель по обработке земли». Советская власть выделила кооперативу участок земли с необходимым инвентарем, лошадью и домом в загородной зоне у города. Был избран комитет из активных товарищей, руководивший ежедневной работой: пахали, сеяли, сажали картофель, морковь, капусту, свеклу, редис и табак. По субботам, праздникам и в свободные дни мы собирались там: учились, читали, слушали лекции и дискутировали на различные политические темы, устраивали вечера с песнями и танцами до поздней ночи.

Когда наступало время сбора урожая, комитет созывал симпатизирующих и мобилизовал всех членов для срочной сезонной работы. Постоянные члены артели вели коммунальную жизнь: питались из одного котла и делили доходы от продажи урожая.

Однажды вечером, после тяжелого рабочего дня в огороде, поздно ночью, когда мы все уже спали, на нас напали чекисты с винтовками в руках. Они окружили всех, конфисковали письма, литературу, книги и арестовали всех находившихся в доме.

Окруженных чекистами и красноармейцами с примкнутыми штыками, нас повели через город, как контрреволюционных преступников, и доставили в ЧК на Вокзальной улице. После допросов с выяснением имен, адресов и занятий задержали лишь нескольких человек, которых подозревали в том, что они являются лидерами «Хе-Халуц» в Витебске и распространителями сионистско-социалистической идеи среди еврейских масс. Трое арестованных, которых оставили под стражей, были:

- Шнеур Шнеурсон — брат Шмуэля Шнеурсона, член Центрального комитета «Хе-Халуц», который позже был сослан в Сибирь и там умер;
- Гордон — бухгалтер, ныне проживающий в Израиле;
- я сам — в то время секретарь рабочего совета в Ришон ле-Ционе.

Нас посадили в одну камеру с бандитами, которые в то время бесчинствовали в деревнях вокруг Витебска. Нас держали в отдельных камерах, чтобы мы не могли общаться между собой. Камеры были тесными, грязными и вонючими, со сплошными нарами для сна. Некоторые из арестованных были вынуждены спать прямо на полу.

В камере со мной сидели несколько социалистов-революционеров и торговец-ювелир. По ночам нас часто выводили на допросы в «следственный отдел», которые велись со всей строгостью царской «Охранки»: сначала предлагали сесть на стул, предлагали сигарету, задавали вопросы, рассуждали о марксизме, а затем переходили к старым методам устрашения — револьвером, нагайкой, карцером, если не выдашь главных контрреволюционеров движения. Мы были полностью изолированы от внешнего мира, к нам не допускали родственников, не разрешали передавать книги, газеты и письма. Так нас мучили в течение шести недель. В конце концов, за отсутствием юридических (даже советских) доказательств против нас в том, что мы являемся контрреволюционерами и вредителями, нас освободили.

Многие из наших товарищей тайно перешли границу и обосновались в Эрец-Исраэль. Преодолев все трудности, они принимают активное участие в строительстве страны и состоят в организации «Объединение выходцев из Витебска» (Иргун Йоцей Витебск).

ЙОХЕВЕД ГРИНФЕЛЬД (НЕХЕЯЧЕ) | МОЯ ЖИЗНЬ

Витебск!.. Мне трудно передать словами, как много чувств пробуждает во мне одно только это имя. Оно уносит меня мыслями назад на 50–60 лет. Я удивляюсь сама себе: казалось бы, прошло столько времени, целая жизнь, а мне кажется, будто всё это происходило только вчера, будто я лишь несколько месяцев назад покинула наш город, мой дом.

Вот я вижу своего отца. Он лежит больной ишиасом (радикулитом), прикованный к постели. Уже долгое время он страдает от сильных болей, и никто не может облегчить его мучения. Вдруг перед «Кол-Нидрей» он встает на ноги и пешком отправляется в синагогу... Как он смог дойти туда, я не знаю до сегодняшнего дня. Но он вернулся домой исцеленным — так сильна была его вера.

Поздно вечером мама отправляет меня в синагогу, чтобы я привела отца домой, потому что на ночь там оставаться не разрешалось. Евреи не хотели уходить и оставались в синагоге на всю ночь. Я захожу в синагогу — а там темно, полумрак. Евреи лежат прямо на полу, на соломе. Догорают поминальные свечи, некоторые уже совсем погасли. Воздух тяжелый — буквально нечем дышать, а лица у всех изнуренные. На следующий день после суточного поста они очистятся от грехов, и, возможно, новый год принесет им добрые вести — год хорошего заработка, здоровья и счастья.

Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. И я знаю, что точно так же это происходило и в других синагогах нашего города.

Вот прогулка в субботу на Вокзальной улице. Десять часов вечера. Городовые ходят кругом и кричат: «Разойдись! Домой!» И толпа начинает расходиться. Но молодежь не спешит домой, хочет еще погулять. Однако «кнопка» (полицейский свисток) уже не дает шутить.

Берег реки Двины с Большой стороны, который называли «Венцией» (Венецией) — там мы любили собираться, когда приближалось время собраний. Если бы у нас было еще немного времени, мы бы сели и помечтали...

Я работаю у одного чулочника (трикотажника). Мы пришли на работу в пять часов утра. Буквально вчера вечером все девочки проголосовали за забастовку, и сегодня мы бастуем. Вдруг на улицу выливают на нас ушаты холодной воды, но мы стоим с гордостью за наш бастующий рабочий класс.

Кто из нас не помнит того молодого человека, который начал организовывать чулочные мастерские в Витебске? За несколько лет он превратился из бедняка в богача на нашем поту и крови. Мы работали дни и ночи напролет. Днем мы вязали чулки в мастерской, а ночью тащили огромные узлы с готовой работой на дом, чтобы доделать её к утру. Расчет с нами вели крайне нечестно. Вычитали буквально за каждую мелочь: за иглы, за парафин (это мы должны были покупать сами для работы). Высчитывали за каждый малейший изъян. Из-за сырости шерсть во время вязания часто рвалась, и нам приходилось её связывать узелками — за это у нас вычитали из оплаты так много, что мы возвращались домой почти ни с чем.

Вот я прихожу на собрание «Поалей Цион». Доктор Брук стоит на трибуне. Благородное лицо, живые глаза, в которых отражается судьба нашего народа. Глубокие, грустные, но в то же время вдохновленные верой глаза. Он говорит, и слова льются из его уст, как чистый, освежающий родник. Мягкость его голоса, его товарищеский тон, с которым он обращается к нам, проникают в самые сердца, и мы готовы идти за ним в огонь и в воду. Мы стоим затаив дыхание. Кажется, будто мы стоим перед совершенно новым миром. В комнате тесно, воздух спертый. Вдруг гаснет лампа. Входит товарищ, подходит к руководителю собрания и шепчет ему на ухо: «Полиция идет!» Нас просят не паниковать, тушат свет и выводят через окно. Мы стоим на улице и ждем «гостей», но полиция так и не пришла. К нашему счастью, это оказалась ложная тревога. Но Брука уже увели домой. Брук никогда не считался с опасностью для себя. Для него было честью (хотя он и был казенным раввином) рисковать своим положением. Он не боялся ничего, лишь бы сделать что-то для

сионизма. Сам он принадлежал к общим сионистам, но тем не менее всегда приходил на собрания «Поалей Цион».

Когда доктор Брук приходил к больному бедняку, где заведомо знал, что у людей нет денег на лекарства, он никогда не брал свои 50 копеек за визит. Более того, он часто оставлял деньги на лекарства. Нередко он писал рецепты на клочках бумаги без подписи, чтобы аптекарь не взял дорого за лекарство. По большей части он вообще не выписывал дорогих рецептов: «Пейте молоко, кушайте то и это — вот и всё ваше лекарство». Люди действительно называли его «народным доктором». Разве такой врач не заслуживает того, чтобы его помнили и чтили?

Какая радость! Какое великое событие! 17 октября 1905 года свобода восторжествовала, и люди получили долгожданную волю. Огромные толпы высыпали на улицы. Люди плачут от счастья. Матери политзаключенных, томящихся в тюрьмах, знают, что скоро их дети выйдут на свободу, и бегут к воротам тюрьмы. Там они обнимаются. Бедная женщина (булочница) обнимается с богатой интеллигентной дамой (мадам Гинзбург), чей сын также сидит в тюрьме как революционер. В этот день стерлись все классовые различия. Мама прощает полицмейстеру все прошлые обиды — ведь три её сына были замешаны в революционном движении. Среди них был и мой брат Авраам (из Белостока) — он был бундистом, а теперь — член «Поалей Цион». И я сама не знаю, радоваться ли мне тому, что у нас теперь будет царь без власти, или тому, что я сама скоро стану президентом в Эрец-Исраэль? Слезы радости текут из моих глаз.

Огромная человеческая масса движется по улицам — с Малой стороны на Большую. По дороге люди поют революционные песни. Радостные крики «Мазл тов!» оглашают воздух. Некоторые христиане также вливаются в эту толпу, поют революционные песни и плачут вместе с евреями. Евреи и христиане обнимаются и целуются. Лица светятся радостью, у всех блестят глаза. Мы покончили с прошлым, сбросили оковы рабства!

К вечеру, когда уже стемнело, люди начали расходиться. Усталые, но полные надежды и веры в будущее, все расходились по домам.

Но не прошло и недели, как нас постигла ужасная весть. Нам рассказали, что в синагоге заперли евреев во время молитвы, подожгли её ночью и никого не выпускали. В другом городе полиция разогнала собрание и многих избила. Но наш Витебск не сдавался. Мы продолжали созывать наши собрания.

Помню еще один случай. Это было в конце ноября, в пятницу вечером. Мы собрались в синагоге на Большой Ильинской улице. Это было собрание «Поалей Цион» (мы тогда уже были довольно сильной организацией). Оратор еще не закончил свою речь, как вдруг наши дозорные прибежали с криком: «Полиция идет!» Часть людей бросилась к дверям, часть — в другую сторону. Мы бежали, но куда бы мы ни повернулись, везде натыкались на запертые двери синагоги. Нас окружили казаки с нагайками в руках и начали загонять обратно в синагогу. Во время этой давки многие упали, и лошади топтали людей прямо на пороге синагоги. Кровь смешалась со снегом, который натащили в синагогу во время паники. В тот вечер полиция

арестовала около тысячи человек со всего города. Но всех в итоге освободили. В Витебске вообще не было плохих полицейских свистков.

В Витебске бурлила и кипела жизнь различных партий. «Бунд» занимал очень важное место в городе. Позже организовалась небольшая группа «Поалей Цион» из числа интеллигенции. Гирш Кац всегда представлял эту партию. Этот молодой человек восхищал всех своими речами. Он был настоящим практическим лидером. К сожалению, его больше нет с нами, но я до сих пор помню его пламенные речи. Среди «Поалей Цион» был также Берл Лapidус. Постоянно улыбающийся, с мягкой улыбкой на лице, он ходил в картузе и делал всё, что было нужно для движения. На его квартире часто тайно проводились партийные собрания. Его дом был настоящим прибежищем для нашего движения.

Вот я иду на легальное собрание. Доктор Д. Пасманник должен был выступать с докладом. Собрание проходило в очень красивом зале. Видные витебские сионисты пришли послушать его. Вдруг ко мне подходит доктор Г. Брук, берет меня за руку и подводит к Пасманнику. Он говорит ему: «Эта девушка едет в Эрец-Исраэль». (Это было в конце лета 1913 года). Доктор Пасманник ласково посмотрел на меня, взял мои руки в свои и благословил меня словами молитвы: «Пусть Бог благословит тебя и сохранит тебя, и дарует тебе счастливый путь». А доктор Брук воодушевленно добавил: «Амины!» Благословение Пасманника исполнилось, но лишь перед самой войной. Во время войны из Палестины (Эрец-Исраэль) депортировали многих старых жителей обратно в Египет.

А вот мы на свадьбе в нашем старом доме. Жених — бундист, а невеста — сторонница «Поалей Цион». Тем временем на свадьбе, за праздничным столом, разгорается дискуссия между бундистами (со стороны жениха) и сионистами-социалистами (со стороны невесты). Дискуссия закончилась скандалом — позором для всей семьи и дракой. Обе стороны ушли побитыми и рассерженными.

Воскресенье. Я иду на рынок, чтобы помочь маме в лавке. По воскресеньям магазины должны быть закрыты. Городовой строго следит за тем, чтобы лавки не открывались. Лавочники стоят возле своих закрытых дверей и ждут, когда городовой отойдет подальше или займется чем-то другим. Тогда они быстро открывают двери и запускают покупателей. И вот, как только покупатели зашли в лавку, городовой замечает это и быстро направляется к дверям. Лавочники закрывают засов изнутри. Покупатели оказываются взаперти, но и выйти наружу они уже не могут. Приходится стоять внутри и ждать чуда. А на беду, полицейский свисток свистит как назло именно с этой стороны улицы, где стоять не положено. Что делать? Положение скверное. Но кому-то приходит в голову мысль: он подходит к полицейскому и заговаривает с ним. Тем временем лавочники открывают двери с другой стороны, и покупатели быстро разбегаются. А двери снова запираются на засов, и лавочники стоят со спокойными, невинными лицами, будто они ничего не знают.

Целыми днями мы сидим в лавке по праздникам и ждем покупателей. По воскресеньям наши покупатели — еврейские рабочие, которые уже получили расчет на фабриках. Каждому чего-то не хватает. Одному нужна селедка, другому — четверть фунта сахара или кусок масла, третьему захотелось немного селедочного рассола.

Покупают картошку на копейку — и просят: «Хозяйка, плесните еще немного рассола!» Но лавочники стоят на холоде, мерзнут и ждут, когда городской уйдет.

И вот, когда лавочник отвлекается, кто-то крадет у него товар прямо из-под рук и бежит к двери. «Карманник» скрывается, а хозяин лавки бежит за ним, закрывает дверь, берет засов и идет дальше. Пострадавший лавочник или лавочница бегут за ним, спорят с ним, плачут, просят смириться. Если вор оказывается добрым человеком, «жалостливым», он возвращает украденное, и всё снова затихает. Но если вор попадает дерзким, «злодеем», он тащит украденное в полицию и докладывает, что лавочник открыл лавку в неположенное время. И тут начинается настоящее разбирательство. На следующее воскресенье история повторяется. Рынок снова полон торговцев, и все ждут, когда полицейский свисток наконец замолчит...

Витебск — большой, красивый город, почти полностью еврейский. Я часто проходила в субботу через рынок, где работала только одна нееврейская лавка. Я любила гулять по рынку в субботу. Мои родственники жили на Смоленской и Городокской улицах. Они были разбросаны по всему городу. Одной из самых больших и известных семей в Витебске была семья Кокель.

Витебск, кажется мне, город, как и все остальные города. Но для нас, его жителей, Витебск был нашим городом. Для нас, кто вырос и трудился там, кто пережил немало горьких времен, воспоминания о лучших и более счастливых временах — наша надежда, наша вера в борьбу за лучший и более красивый мир! Для нас, членов «Поалей Цион», половина наших мечтаний уже сбылась. Но чтобы мы могли радоваться полной победе, мы должны продолжать нашу борьбу — должна осуществиться и вторая половина наших надежд: мир должен стать лучшим, должна воплотиться социалистическая идея. Давайте надеяться и верить, что это время придет.

МАРИАМ СЛОВИН | КОГДА-ТО В ВИТЕБСКЕ

В деревянных одноэтажных домиках, разбросанных по обоим берегам Двины, тихо и спокойно жили наши отцы и деды, неся на себе тяжелое бремя забот о пропитании. Вокруг центра города — в Песковатиках, Подлогах, Трейчаслесе, Лучесе, Заручевье (Руси) — ютились прижавшиеся друг к другу домики. Годами наши отцы и деды звались только по именам: Ашер-Икутиэлис, Шмуэль-Натан Меирис, Мошеке Исраэлис, Исраэль-Калман...

Мелкие торговцы, рыночные лавочники, извозчики, мелкие ремесленники — они жили поденным заработком, вечно озабоченные и изнуренные в будни, но духовно возвышенные и преображенные в субботние и праздничные дни в молитве, пении и излиянии души, молясь всем обществом в синагоге.

Наши матери, вечно находившиеся под игом домашней работы и постоянной заботы о том, чтобы вырастить и воспитать честных и благочестивых детей, жили в тени своих мужей. Но были среди нас и выдающиеся женщины («эшет хаиль» — доблестные жены), такие как Хана Горовиц с её делами, Серл, содержавшая лавку в подвале, а также бедные труженицы — Мина и Ципа — пекари пирогов, Хана-Фейга Рашес, Баше

Мина, мать Якова Минца (он был известен в нью-йоркских революционных кругах и умер в 1910 году).

Необыкновенной женщиной была и Бейла со своим «склепом» (погребком-ресторацией), где наши труженики могли выпить рюмку водки и закусить сочной печенью.

Обычный хозяин владел домиком с огородом позади, где сажал картофель и зелень; держал хлев для лошадей и скота; растил кур в доме под печью («паблеце»).

Янкеле Смолинкер на своей крестьянской телеге каждое утро продавал из деревянных бочек снятое молоко и пахту по две копейки за кварту.

Зелман-пильщик со своим напарником распиливали бревна на доски на двух высоких козлах — напарник стоял сверху, а он, Зелман, быстро тянул пилу снизу. Его лицо было защищено сеткой и синими очками, а в носу и черной бороде оседала древесная пыль.

Воду весь Витебск все еще брал из колодцев и из Двины. Разносчиками воды были женщины-водоноски и мужчины-водовозы.

Хаим-Лейб-кручник (грузчик), всегда подпоясанный веревкой вокруг поясицы, согнувшись в три погибели, тащил на плечах двухпудовый мешок муки от рынка куда-нибудь в дальний закоулок на окраине города за целые двадцать копеек.

С почтением и уважением бедняк относился к богачу («гвиру») — дельцу, торговцу льноволокном, лесом или зерном, которых тогда уже величали по фамилиям: Левинсоны, Гуревичи, Рапапорт, Цейтлин, Минц... С благоговением и глубоким почтением простой еврей смотрел на раввина, ученого-талмудиста, праведника.

Альтер-меламед, обремененный большой семьей из сыновей и дочерей, «отстранился от мира сего», как говорится, сидел день и ночь в Зароновской синагоге и учился в уединении в течение восьми лет, пока не получил раввинский диплом (смиху). Во всех наших молельных домах (бейт-мидрашах) не только молились, но и утоляли душевный голод общением, взаимопомощью, благотворительностью и милостыней.

О синагогах — Полоцкой, Зароновской, синагоге Яше-Хайкес, синагоге Давида Копеля, Загородной, двух больших хоральных синагогах (одна на Офицерской улице, а вторая на Старо-Могилевской улице, также известная как Заручевская синагога) — у нас остались чудесные воспоминания о нашей юности и удивительных событиях революционного времени.

Настоящее душевное возношение и истинную усладу получали евреи от чтеца молитв («бааль-тфила») и кантора («хазана»). Кантор, посланник общины, был ближе к еврейской душе, чем даже самый выдающийся знаток Торы. Витебск дал миру великих мастеров синагогального искусства: Гиршл-Яше Коэн, который был виленским городским кантором до того, как туда прибыл кантор Сирота. Лейбке Шлосберг, которого звали Лейбке Алускер или «Шагат Арье» (Рык Льва), объездивший весь мир и умерший в Америке. Долгие годы славился Эли Рябой (заика с голосом, подобным

кларнету). Евреи говаривали, что еврейская грусть его пения проистекала из его горькой доли: он «ходил в лямке», то есть тянул баржи по реке на веревке (был еврейским бурлаком).

Но глубже всех в сердцах бедняков запечатлелся кантор Залман-Давид Шейнзон. Ради заработка его также называли Залман-Давид Красильщик или Залман-Давид Рыбак. Невысокого роста, но обладавший благословенным Богом голосом, у канторского пульта («амуд») он впадал в настоящий экстаз. Во время молитвы «Яала» его голос достигал высочайших вершин и его маленькое тело трепетало всеми членами от внутреннего вдохновения.

И в эту атмосферу тихой, замкнутой общинной жизни наших родителей в конце XIX века начали проникать новые веяния, вызывавшие у них тревогу и подозрение. Шауль Касовкин — еврейский учитель в реформированном хедере («хедер метукан») — произнес в Полоцкой синагоге проповедь о Сионе, о скорейшем еврейском избавлении в наши дни. Любавичские хасиды, так называемые «ичелех» (последователи Ичеле Саханикера и Ичеле Шапира), не могли этого стерпеть. Что значит «приближать конец времен»... Это же неслыханное дело!

И вот в Любавичской синагоге устраивается собрание, куда пришли и старые, и молодые — это было во дни Базельского сионистского конгресса. На биме стоял уважаемый еврейский коммерсант — Давид Яхнин, а хор Заручевской хоральной синагоги пел «Атикву». Наступали другие времена...

Время уже было беспокойное, молодежь вечерами куда-то пропадала, собираясь в глубоко законспирированных кружках. Рабочие начали бунтовать. Ко времени Русско-японской войны молодежь уже разделилась по разным партиям: сионисты, социалисты-революционеры, искровцы. Но самой крупной партией у нас в городе был «Бунд».

В старый еврейский уклад веры и упования ворвался дух бунтарства, борьбы против существующего строя царского самодержавия и экономического угнетения. Еврейские рабочие, охваченные новым стремлением, тянулись к новому восходящему свету и с религиозным воодушевлением пели «Клятву»: «Братья и сестры по труду и нужде, вместе на жизнь и на смерть»...

Место сбора рабочего люда, так называемая «биржа» на тротуарах Замковой улицы, каждый вечер бурлило молодой энергией и таинственными разговорами. В летние дни устраивались более крупные собрания в лесах за городом.

Выделились собственные деятели и лидеры — как из рабочих, так и из интеллигенции: Макс Каган, Борис в очках, Коля Друбин, Арке Фриканчик, Залман-Шимон, Сарале-мешочница; а также дети из богатых семей: Гуревичи, Гинзбурги, Цейтлины, Глазбусы...

Синагоги часто служили местами для революционных сходов. Вот вспоминается одна суббота в бейт-мидраше. Уже закончилась служба «Мусаф» в переполненной Офицерской синагоге. Люди еще наслаждаются пением кантора Мастова и его

напевами. Дело шло уже к молитвам «Алейну» и Кадису. Вдруг крепкие парни встают у дверей и никого не выпускают наружу...

На биму поднимается высокий юноша и начинает говорить отточенными словами, полными пафоса: «Отцы и деды! Мы пришли к вам, потому что вы не хотите идти к нам. Слушайте! В мире идет великая борьба, бой против тирании. Мы просим вас примкнуть к нам и помочь нам. Вы должны и вы сделаете это, ибо если нет, то замученные мученики Кишинева и Гомеля станут указывать на вас своими мертвыми пальцами»... Так говорил «молодой Лассаль» — двадцатилетний Барух Владек (Владек-Чарный). У восточной стены стоял Вишняк, банкир, в талите с серебряной короной (атрой) и с широкой улыбкой смотрел молодому оратору прямо в глаза.

Как-то в субботу после полудня я зашла в дом Йосефа Сталпера, пожилого благочестивого хозяина, отставного николаевского солдата. Он ходил взад-вперед в ермолке на голове. Зная, что я «из увлеченных» (революционерок), он дерзко говорит мне: «Слыхано ли дело! Великий ученый муж — сам князь Трубецкой — является к Николаю с письменным прошением от всего народа, а этот человечиска посмел воспротивиться и еще оскорбить дворянина!»

Наступили октябрьские дни 1905 года. Царский манифест был утаен губернатором на целый день. Днем ранее я была на собрании в Заручевской синагоге, революционные ораторы бушевали... Один из них — «Давид» (Шмарья Драпкин), который позже эмигрировал в Америку и умер шесть лет назад в Нью-Йорке.

Наша еврейская революционная молодежь не знала страха. Бросали работу и демонстрировали на главных улицах с революционными лозунгами. Отряд вооруженных казаков жестоко врезался в плотные рабочие ряды и застрелил семь человек. В похоронах участвовали тысячи людей, старые и молодые, с честью провожая революционных мучеников к их вечному покою. Жертвы были похоронены в общей братской могиле.

После провозглашения царского манифеста у нас были свободные дни, но лишь считанные. За это короткое время в городском театре проводились большие собрания с революционными ораторами: Макс Двинский, Сергей Браун. Наш собственный Макс Каган, бундист, дискутировал с сионистом-социалистом Нахманом Сиркиным о будущем евреев после революции. Студент Шмуэль Писаревский, бундист, дебатировал со студентом Гришей Равичем, эсером (социалистом-революционером), о марксизме и об идеологическом подходе к революции. Похожую дискуссию вел Рапопорт (Ш. Ан-ский) со студентом Трениным. Вспоминаются два больших собрания в просторном зале с участием Р. Абрамовича (Рафаила Абрамовича), посвященные выборам во Вторую Думу и национальному вопросу.

Рабочие организовывали полулегальные профессиональные союзы и клубы. Однако реакция очень быстро оправилась и начала организовывать погромы против евреев и революционеров. Воздух наполнился атмосферой отчаяния.

Многими молодыми людьми овладело естественное стремление к капле личного счастья, и они начали эмигрировать в свободные страны — главным образом в

Америку, где наши старые борцы по сей день несут в своих сердцах чудесное пламя революционного прошлого и идеализма свободы, согревающее их души на склоне лет.

СЭМ АГУЛОФ (МИХАИЛ БОЕЦ) | ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1905 ГОДА

Волна забастовок 1905 года докатилась и до нашего витебского берега. Особенно забастовка железнодорожников, начавшаяся 12 октября, нашла сильный отклик по всей России и особенно в рядах еврейского пролетариата. Наш витебский, не слишком большой поток тоже влился в эту великую забастовку.

В субботу, 15 октября, объединенный комитет обеих партий — Российской социал-демократической рабочей партии и «Бунда» — решил объявить на понедельник, 17 октября, всеобщую забастовку витебских рабочих. Сразу же приступили к подготовке забастовки.

В субботу вечером было созвано собрание в синагоге на Офицерской улице. В тогдашних полицейских условиях, в которых нам приходилось жить, не всё удавалось провести так, как планировалось заранее. Когда народ уже собрался — а синагога была забита битком — вошел член «Бунда» и потребовал, чтобы все расходились, поскольку ораторы, которые должны были выступить на собрании, по его словам, прийти не могут. Мы поняли, что здесь должно было что-то произойти, а то, что ораторы заняты, нам привели лишь в качестве предлога. Может, полиция узнала о том, что готовится в городе? И они уже знают о нашем собрании? В легкой панике вся толпа бросилась к дверям, и все быстро разошлись.

Лишь позже мы узнали истинную причину. Кто-то вызвал пожарных, заявив, что на Офицерской улице возле синагоги пожар. Трудно было понять, была ли это просто шутка или, возможно, действительно где-то недалеко от синагоги горело.

וויצעבסקער קאמיטעט פון דער סאציאל-דעמאקראטישער פארטיי אין 1905

...казаков с солдатами, и они больше не позволяли останавливать фабрики и мастерские.

Боевая группа тогда отправилась на Замковую улицу, где уже собрались бастующие рабочие. Разумеется, везде, где собирались бастующие рабочие, тут же оказывались солдаты с полицией. Тем временем мы узнали, что на другой улице, Зароновской, арестовали нескольких товарищей из нашей боевой группы. И действительно, вскоре показались шестеро вооруженных солдат, которые вели двух наших арестованных товарищей. Один из них был сильно избит.

Когда мы увидели окровавленного товарища, люди начали кричать: «*Товарищи, освободите арестованных!*» Все бросились их освобождать. Городовой выхватил свой револьвер и начал в нас стрелять. Наша боевая группа, однако, не молчала и сразу ответила стрельбой. Городовой, как подкошенная птица, тут же упал замертво. Несмотря на то, что солдаты были вооружены, тем не менее удалось отбить двух арестованных товарищей. Никто из наших при этом не пострадал.

Позже на Замковую улицу прибыли и казаки, и тогда они вместе с солдатами пустились во все тяжкие. Каждого прохожего без всяких разговоров арестовывали, при этом арестованных избивали до крови. На весь город напал страх, всё было закрыто и заперто, город словно вымер.

Полиция с пьяными солдатами теперь с еще большей жестокостью принялись бесчинствовать. К ним примкнуло еще и немалое число темных элементов, хулиганов, почувствовавших, что теперь пришло их время. Ведь за их спинами стоит власть, значит, можно делать всё, и они начали грабить лавки. Было разграблено восемь лавок, среди них три часовых магазина.

На второй день, то есть во вторник, 18 октября, витебский губернатор запретил любые собрания. Даже самое маленькое собрание, приказал он, должно разгоняться силой, хотя еще в понедельник ночью уже пришли телеграммы о Манифесте. Губернатор, по-видимому, сам еще не знал, что можно, а чего нельзя делать. Но город уже узнал о Манифесте и не желал считаться с приказом губернатора. Около десяти часов утра люди начали собираться на Смоленской улице возле государственной типографии. Там уже перепечатали Манифест. Можно себе представить радость и ликование, когда люди увидели Манифест черным по белому. И сразу же манифестация с радостными возгласами и революционными песнями двинулась по городу.

Однако наша радость длилась недолго. Городские власти, по-видимому, считали, что Манифест был дан лишь для видимости, а пока еще можно бесчинствовать, и послали казаков «успокоить» население. Как обычно в таких случаях, у нас в Витебске не обошлось без провокаций. Какой-то провокатор сделал выстрел в тот момент, когда мимо проходил еврей лет 50. Это послужило для казаков сигналом открыть огонь. Наша боевая группа ответила стрельбой; при этом один молодой человек был убит, а девушка ранена в ногу. Однако казаки вскоре отступили. Хулиганы хотели воспользоваться моментом и бросились грабить, но их быстро разогнали.

Тем временем стало известно, что на Смоленской улице снова начали стрелять. Туда немедленно бросились люди. Здесь выяснилось, что городские власти, судя по всему,

хотели расквитаться с революционерами. Во всех окрестных переулках, в здании почты, а также в других местах заранее были укрыты вооруженные солдаты, которые встретили нас стрельбой.

Итог оказался очень печальным. Семь человек были убиты:

- Залман Хафец
- Яков Шавер
- Яков-Давид Сафран
- Фаля Шейнин
- Зелик Воробейчик
- Хана Сорокова
- Бейла Бернштейн

Последние четверо были бундистами. Около 10 человек были ранены. Тем временем прибыл полицмейстер. От него потребовали убрать солдат. Он сам не решался принять меры и запросил указаний у губернатора. Вскоре солдат действительно убрали. Улицы освободились...

Около полудня началась новая демонстрация, которая становилась все больше и больше. Трудно описать великую радость всего витебского населения. Даже армейские офицеры приветствовали демонстрантов. Провокаторы все еще пытались помешать демонстрации, но люди были уже настолько уверены в победе, что никто даже не воспринимал их провокации всерьез.

Так продолжалась наша демонстрация до 6 часов вечера.

В ночь со вторника на среду в губернской типографии было отпечатано воззвание к населению о том, что в 10 часов утра состоятся похороны товарищей, павших в борьбе за свободу.

Еще до назначенного времени народ начал собираться у больницы, где находились тела павших товарищей. По оценкам, около 30 000–40 000 человек пришли проводить павших товарищей в последний путь (к вечному покою). Все партии приняли участие в похоронах. И огромная масса людей с черными и красными знаменами и революционными песнями двинулась к кладбищу. Только треть смогла пройти на кладбище, остальная толпа осталась на прилегающих улицах.

Однако наша радость длилась недолго. Лишь короткое время мы чувствовали себя свободными людьми. Вскоре реакция вновь подняла голову.

Спустя несколько дней начались «патриотические» манифестации, пошли также разговоры о погроме в городе. Наша самооборона стояла наготове встретить погромщиков с оружием в руках. К счастью, погрома в Витебске не произошло. Уже сами слухи о погроме были для нас ясным знаком того, что революция в России еще не победила.

БЕРНЕТ МИРИНГОФ | ПРОФСОЮЗ СТРОИТЕЛЕЙ В ВИТЕБСКЕ

В начале XX века среди активных деятелей «Бунда» в Витебске родилась идея основать профессиональный союз строителей (профсоюз). Профсоюз поставил перед собой цель объединить все строительные профессии и ремесла, связанные со строительством и ремонтом зданий — плотников, столяров, маляров, каменщиков, печников, слесарей, кровельщиков и другие специальности.

Рабочий день в то время был очень долгим, а заработная плата — настолько ничтожной, что прокормить семью на такой заработок было практически невозможно. Особенно тяжелым было положение строителей еще и потому, что их работа носила сезонный характер. Строить можно было только летом, а в зимнее время работы не было совсем. Более сознательные рабочие понимали, что улучшить положение строителей можно будет только тогда, когда рабочие организуются.

Еще задолго до этого под влиянием «Bund» создавались кассы взаимопомощи, которые у нас в Витебске называли *«мешочками»* («мешочке-касес»).

В городе у нас существовало несколько бирж труда (мест сбора рабочих), где в строительный сезон — со времени окончания Пасхи (Песаха) и до поздней осени — собирались рабочие и подрядчики («домовладельцы»), чтобы нанимать людей на различные работы. Одна такая биржа, для каменщиков, плотников, маляров и слесарей, находилась на Замковой улице; вторая биржа строителей — для кровельщиков — находилась на Смоленской улице, возле Офицерской синагоги, рядом с «Калантшей» (пожарной каланчой).

Каждая профессия имела своих сознательных рабочих, которые были наиболее активны и руководили работой. Среди плотников и столяров особенно выделялись Моше-Шекна Задов, Шимон-плотник, Нисон Мильштейн, Вулька, Гиршке и другие; среди каменщиков — Иче-Вульф, Исраэль-Лейб Рабинович, Ичке Сахаровский; среди слесарей — Шлиомке Кабыльницкий, Мендл Цехновицкий, Бейнеш-ан-Шмуэль; среди кровельщиков — Залман-Хаим Мошес, Саня, Канинс-братья, Гиршке, Шлиомке Израилев и еще несколько человек. Благодаря этим неблагоприятным обстоятельствам и возникла возможность того, чтобы кровельщики могли лучше организовать.

Чуть позже к ним присоединились более молодые рабочие во всех отраслях: среди жестянщиков — Яшке Рутрик, Дод Томаркин, Мордхе, Гиршке; среди столяров — Янкель Рам, Бенци Сэндлер, Ичке Кэйкин; среди каменщиков — Шотэ, Тали и Каци Израилевы; среди кровельщиков — братья Садкины, Шимон Плавник, Гиршл-Йоше Сафран. Автор этих строк был среди других.

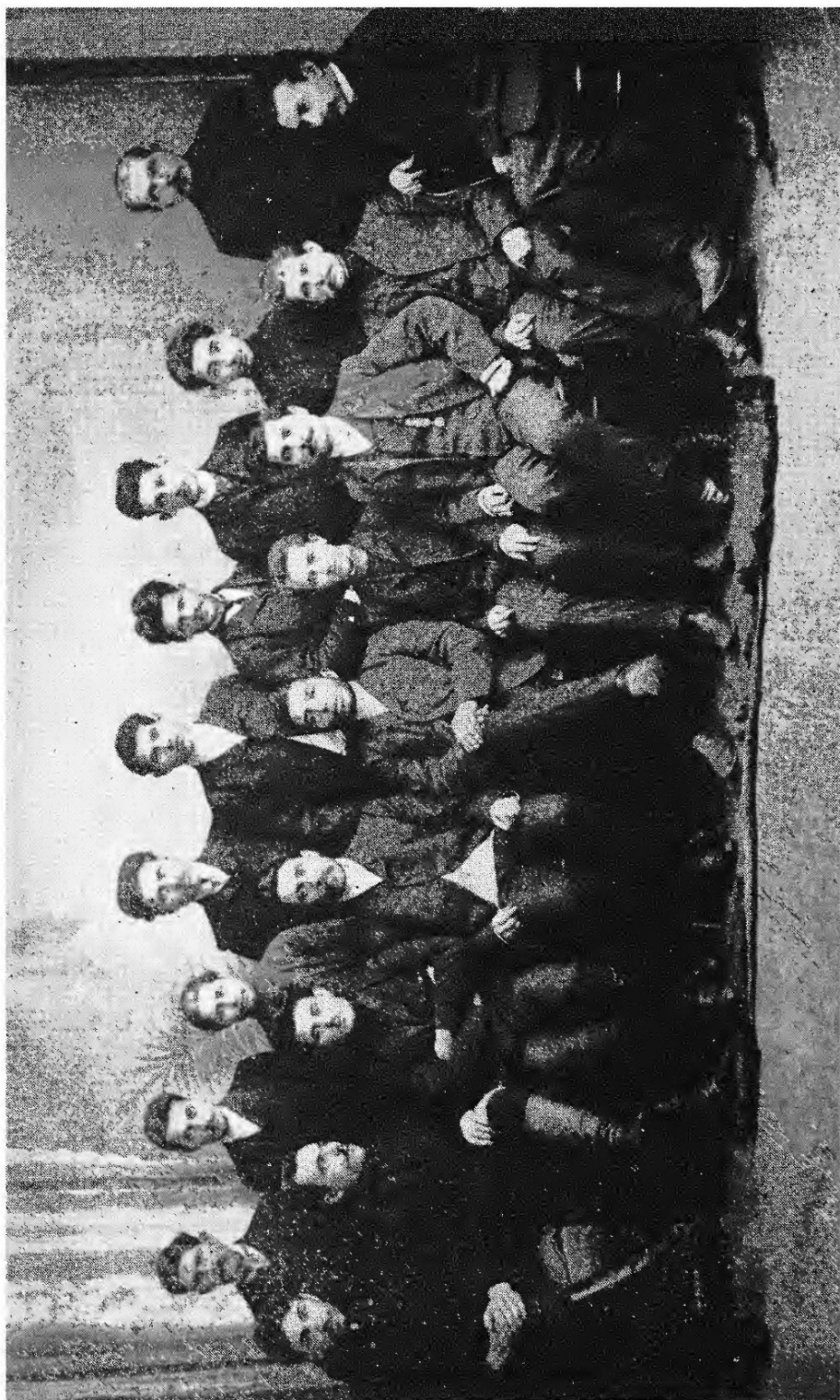
Большая часть активных деятелей принадлежала к «Бунду», но были также активные деятели, принадлежавшие к другим партиям — социал-демократам, социалистам-революционерам и «Поалей-Цион».

В Витебске было несколько владельцев («домовладельцев»), у которых работало большое число рабочих, таких как Мендл Лурье, Шмуэль Фунт со своими сыновьями. Они брали подряды на крупные строительные работы от Городской Думы и других

частных предприятий. Среди кровельщиков крупными подрядчиками были Бер-Лейб, Шимшон-сосед и Меир Кисельгоф — те, кто брал подряды на работы на железной дороге не только в Витебске, но и далеко за его пределами, в Екатеринославе и окрестностях.

В то время часто шли споры о забастовках в городе. Я помню, как мы устроили забастовку у Меира Кисельгофа. Рабочие уже выработали свои требования. Это было в субботу вечером. Мы пришли к нему домой. Вокруг большого дубового стола сидел хозяин дома, Меир Кисельгоф. На столе стоял большой самовар, и люди пили чай с вареньем.

Представлять интересы рабочих вызвались два бундиста — студент Шмуэль Писаревский и автор этих строк. Сначала слово взял Писаревский и изложил требования рабочих. Меир Кисельгоф спокойно выслушал Писаревского, а затем рассмеялся над требованиями. Тогда слово взял я и заявил, что «Бунд» есть не только в Витебске, но и в других городах, и что работать за такую оплату никто нигде не будет, и нет никакой разницы, будь то в Витебске или в Екатеринославе, рабочие везде будут бастовать.

דער בריפאראין אין וויטעבסק

א' גרופע וויטעברער בונדיסטן (האנדלס-ארגאניזאציע) אין 1904

Настроение среди наших товарищей было приподнятым, праздничным. Наш профсоюз был бундовским, и когда рабочий Янкель Рам открыл собрание, мы начали его с бундовской «Клятвы»... Меня, к моему великому удивлению, заочно выбрали председателем профсоюза. Наша работа начала развиваться в очень больших масштабах. Стоит отметить, что наш профсоюз заботился не только об улучшении экономического положения рабочих и о вовлечении их в политическую борьбу, но и

имел огромное моральное влияние на личную жизнь рабочих. Профсоюз пользовался таким авторитетом, что люди обращались к нам даже по семейным делам.

В зимние месяцы строительные работы почти полностью прекращались. Рабочие были вынуждены искать другую работу, но в это плохое время её было трудно найти. Людей нанимали колоть дрова, перетаскивать бревна — эту работу называли «черной работой». Наш профсоюз ввел то, что у нас называлось «регулированием труда». Идея заключалась в том, чтобы распределять работу между рабочими так, чтобы как можно больше людей имели возможность заработать. Разумеется, не все могли найти работу в эти критические зимние месяцы, поэтому мы ввели правило, по которому каждый работающий рабочий должен был отдавать определенный процент в пользу безработных.

На Старо-Могилевском кладбище товарищ Бенци Сэндлер от имени профсоюза руководил установкой памятника на братской могиле семи товарищей, павших жертвами октябрьской революции. Так мы продолжали нашу работу до 1907 года, когда по политическим и экономическим причинам активные члены профсоюза были вынуждены покинуть Витебск и уехать в Америку.

Мне тоже пришлось покинуть Витебск. Полиция начала разыскивать «грешников» в нашем профсоюзе, а я был председателем союза. Меня арестовали. Я отсидел три месяца и был отпущен под залог до суда. Поскольку суд над революционными деятелями в царской России обычно заканчивался каторгой, можно было легко представить, что для меня лучшим выходом было уехать в Америку.

Из того времени, когда я сидел в городской тюрьме, мне вспоминается один интересный эпизод.

За несколько недель до Пасхи (Песаха) 1907 года в нашу камеру привели нескольких товарищей из «Бунда», которых арестовали на нелегальном собрании. Среди арестованных был также хозяин квартиры, в которой проводилось собрание. Мендель-сухопарый — так его называли — высокий, худощавый еврей с жидкой бородкой и бледным лицом. Он совершенно не понимал, за что пострадал — ведь за 20 копеек, которые он получал за аренду квартиры, он теперь оказался за решеткой. И еще большим был его страх от того, что это случилось за две недели до Пасхи, а он оставил свою семью на улице без средств. Мы пытались его успокоить и заверили, что «Бунд» позаботится о его семье и обеспечит всем необходимым к празднику Пасхи.

Когда наступил первый вечер Пасхи, Мендель, будучи глубоко религиозным евреем, приготовился проводить пасхальный Седер в тюрьме. Он приготовился к Седеру, хотя товарищи по камере смотрели на это с долей скептицизма (как эпикурейцы). Однако я не согласился с товарищами. Что поделаешь, бедный верующий еврей, зачем ему страдать. Мы тогда позаботились о нем, и с помощью организации «Бунд» доставили ему все кошерные пасхальные продукты.

И вот настал момент проведения Седера. Со слезами на глазах Мендель прижался в углу камеры, открыл Агаду и тихо произнес Кидуш. Ну, а кто же задаст «Четыре вопроса» (Халакния / Ма Ништана)? Дома у Менделя остался одиннадцатилетний мальчик, который сидел бы с ним за Седером и задавал эти вопросы. А теперь он

сидит совсем один в углу тюремной камеры и в одиночестве проводит Седер, и Мендель горько расплакался.

Мы не могли спокойно смотреть на его горе, и я, самый молодой из всех арестованных в камере, задал ему эти четыре вопроса...

Из той же камеры в Витебской тюрьме я могу припомнить еще одно событие того времени, которое позже сыграло свою роль в моей жизни, здесь, в Нью-Йорке, в моей общественной и культурной работе. Среди арестованных была традиция вырезать свои имена на стенах камеры. Я тоже вырезал на стене свое имя — Берку Мирингоф. Об этом я позже совершенно забыл. Много лет спустя, когда я уже жил в Нью-Йорке, однажды звонит мой телефон: — Вы ли тот Берка Мирингоф, который в 1907 году сидел в витебской тюрьме? — Да, это я! — ответил я. — Если так, то у меня для вас привет от вашего имени, которое вырезано на стене в тюрьме. Я тоже сидел в той самой камере, в которой сидели вы, и я уже на свободе. Моё имя — Гарри Абрамсон.

Мы вскоре встретились, и он рассказал мне, что был арестован за принадлежность к партии социалистов-революционеров и содержался в той же камере. Наша дружба завязалась с тех пор и продолжается по сей день. И сейчас мы стоим вместе, трудясь над изданием книги «Витебск былое».

ГРИГОРИЙ АРОНСОН | РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ВИТЕБСКЕ (ВОСПОМИНАНИЯ)

1. Первый день

Поздно вечером первого марта есаул Гилярибово, занимавший важный пост при генерале Драгомирове, военном начальнике Двинского военного округа, созвал у себя дома нескольких человек. Там также находился полковник Карев, адъютант генерала Драгомирова. Гилярибово передал нам первые сведения, пришедшие по прямому телеграфу из Петрограда. Там сообщалось, что царская династия падет и что власть перейдет к Исполнительному комитету Государственной думы (парламенту). Так мы в Витебске получили известие о революции 1917 года. В течение всей той ночи витебская русская газета получала телеграммы о тамошних событиях. На следующий день газета вышла с сенсационной новостью: царь и его брат, великий князь Михаил, отреклись от престола; в Петрограде образовалось Временное правительство во главе с Родзянко. В Петрограде также образовался Совет рабочих депутатов. Стало предельно ясно: революция свершилась. Что же будет происходить дальше? Еще в течение той ночи я связался с несколькими близкими друзьями, и мы решили созвать собрание на следующий день, 2 марта, в 9 часов утра.

Революция пришла внезапно, неожиданно. Было совсем нелегко ориентироваться в сложившейся ситуации. В умах крутилась мысль, что революция принесет еще больше военных бедствий, в которые мир и так уже был ввергнут. К этой мысли сразу же примешивалась и вторая: пусть только пока не начнется у нас еврейский погром.

Пока революция будет собирать свои силы и организовываться, полиция, охранка с помощью подонков общества и деклассированных элементов разве не воспользуются своим существованием?! Мы помнили также, что на следующий день после 17 октября 1905 года черносотенцы устроили погром на евреев; студенты и интеллигенция пытались вмешаться, и революция захлебнулась в еврейской крови. В связи с этим в голову приходила еще одна мысль о причинах, приведших к поражению первой революции. Главная причина действительно заключалась в том, что армия раскололась на сторонников революции, рабочий класс был изолирован, а руководство, которое в целом было слабо связано с городом, сразу же уходило в подполье, и революция превращалась в таинственного сфинкса. Как я вижу, широкие слои интеллигенции теперь повернулись спиной к революции. Что нужно сделать, чтобы не повторить прежнее недопонимание и враждебность, чтобы реакция не смогла так легко эксплуатировать их интересы?

Это были мысли, с которыми я шел на собрание, созванное в 9 часов утра в Центральной рабочей организации на Сиротской улице, в помещении Общей больничной кассы, куда пришли около шестидесяти рабочих. Комната была уже забита людьми. Сюда пришли все организованные элементы из рабочей среды, члены двух легальных профессиональных союзов — печатников и служащих, представители обувной артели, игравшей тогда особую роль в городе. Из социалистических партий пришли только представители «Бунда», больше никого. Другие организации, будь то меньшевики или социалисты-революционеры, как и другие еврейские партии, дали о себе знать лишь несколько дней спустя.

Поскольку «Бунд» представляли всего несколько человек, можно понять, что это первое рабочее собрание в Витебске в первый день революции было беспартийным и каждый человек, который принял в нем участие, действовал в основном под свою личную ответственность.

Меня выбрали председателем этого собрания. В короткой речи я передал всю информацию из Петрограда и внес предложение: мы, рабочие представители и социалисты, должны прежде всего организовать, мы должны создать профессиональный союз всех профессий и выработать программу, которая бы гарантировала рабочим короткий рабочий день, лучшие условия труда и т.д. Что касается политического представительства, я заявил, что «Бунд» немедленно приступает к созданию своей организации и призывает другие рабочие группы сделать то же самое.

Интересно, что в дискуссиях, начавшихся сразу после этого, ораторы выдвинули требование — немедленно создать в Витебске Совет рабочих депутатов. По этому вопросу высказались Ш. Рювкин, сапожник, позже член городского самоуправления; Гершойгер, председатель больничной кассы; Б. Гинзбург (ранее один из лидеров Сеймовцев, известный под именем Бар-Левв, а сразу после революции вступивший в «Бунд»); Косовский, считавший себя сторонником «Плехановцев», то есть приверженцем группы Плеханова, которая относилась к правым социалистам, к так называемому оборонческому направлению (оборонцы). Все они решительно заявили, что мы должны создать Совет рабочих депутатов. Совет должен стать революционным центром города. И точно так же, как в Петрограде уже создано такое

учреждение, ясно, что и во всех других городах и местечках должны пойти по тому же пути. Собрание приняло это предложение с полным единодушием.

Тогда я заявил, что опыт 1905 года доказал мне, что эта тактика безответственна в определенной мере перед лицом первого поражения революции, и поэтому я бы рекомендовал немного повременить и посмотреть, что выйдет из Совета рабочих депутатов в Петрограде. Но мое выступление и в тот момент было непопулярным. Было единогласно решено, что мы должны немедленно приступить к выборам в Совет рабочих депутатов; каждые 20 рабочих и служащих фабрик и мастерских должны выбрать по одному депутату. Было решено сразу же написать и напечатать воззвание, чтобы уже 5–6 марта в городе возник Совет рабочих депутатов. Воззвание было подписано от имени Инициативной группы представителей больничной кассы и группы социалистов.

Хотя в этом собрании приняли участие всего около 50–60 человек, оно тем не менее спонтанно превратилось в типичный революционный митинг. Когда в городе узнали про это первое рабочее собрание, начали приходить разные люди со своими требованиями и декларациями. Молодая христианка заявила от имени гимназисток и реалистов (учеников реального училища), собравшихся во дворе Александровской мужской гимназии, что они не допустят проведения демонстраций на улицах. Нелегко было нам успокоить её пыл. Настроения у нас явно были далеко не одинаковыми, и не следовало идти «на улицу» до тех пор, пока мы не возьмем дела революции под свой контроль.

К собранию также пришел солдат и передал гектографированный листок, выпущенный 4-м военным ремонтным батальоном. В листке говорилось, что солдаты являются сторонниками нового свободного порядка и призывают своих товарищей соблюдать дисциплину. Это было очень важное событие — то, что у нас появились солдаты, преданные друзья революции. Но лично у меня это известие не вызвало особой радости, и вот почему: этот солдат, выступавший с такой пламенной речью, был евреем, Рубинштейном. У меня это вызывало сомнения, так как связь с ним уже сейчас могла вызвать среди молодых еврейских рабочих большое количество военных инцидентов, а сколько их уже было в Витебске?

В 12 часов дня зазвонил телефон. Член городского управления Вогелин позвонил мне, сообщив, что в час дня в городской думе созывается собрание граждан, и попросил нас обязательно прислать туда делегацию от рабочего класса.

После короткой дискуссии мы решили пойти в думу. Для этого была избрана делегация из 9 человек в следующем составе: председатель профсоюза печатников Д. Фильштин, Бар-Левв Гинзбург, металлист Менюк, обувщики Рювкин и Раткевич, швея Бася Рубинович, табачный рабочий Канин (ранее он был сослан на каторгу за участие в забастовке), Косовский и я. Время уже поджимало, и нам пришлось поспешить на это заседание.

В самом зале думы обстановка была очень оживленной. Это еще не был типичный революционный митинг. Но местное демократическое ядро, прослышав о великих событиях, происходивших в Петрограде, заполнило весь зал думы. Дума казалась

местом, где свершалось что-то важное, и люди пришли вдохнуть воздух свободы через первые вольные речи революции.

Когда мы, представители рабочего класса, вошли туда перед нашими глазами предстала следующая картина. На трибуне, опоясанной цепью, заседание вели Вогелин, заместитель городского головы Галахов (глава города), окруженные почтенными гражданами города. Рядом с ними сидели начальник военного гарнизона, несколько генералов и губернатор — новый человек, незадолго до этого назначенный в Витебскую губернию. Вогелин зачитал несколько телеграмм, пришедших из Государственной думы в Петрограде (от Родзянко и др.). Он поприветствовал собравшихся граждан и передал слово представителям военной и гражданской власти. Генералы заявили о своей верности людям, взявшим в свои руки штурвал российского государственного корабля, выразив уверенность, что при новом свободном порядке Россия сможет защитить себя от немецких захватчиков. Губернатор Хитрово объявил себя давним сторонником свободы и равенства и пообещал служить от всего сердца новому порядку. Он говорил по-отечески, с жестикуляцией, и закончил свою речь словами: «Верьте мне, старому русскому человеку Хитрово»...

Эти речи представителей старого царского порядка произвели сильное впечатление на собравшихся. Слушая эти свободолобивые декларации из уст этих людей, у всех присутствующих возникла мысль, что губернатор вместе с генералами, по всей видимости, останутся у власти и при новом режиме после тех политических перемен, которые принесла с собой революция. Настроение отнюдь не было приподнятым; господствовала мешанина чувств и всеобщее замешательство.

В этот момент слово получил Волкович — бывший городской голова и депутат от Витебска в первой Государственной думе. Человек, известный как либерал, кадет. Волкович был встречен аплодисментами. В своей короткой речи, в которой он упомянул долгие мучительные годы борьбы, когда народ постоянно жаждал свободы, он говорил о великих жертвах, которые принесены на алтарь борьбы за свободу. И в завершение он призвал всех граждан объединиться и общими силами решать великие задачи, которые война и революция поставили перед Россией. Собственно говоря, не сами идеи, которые Волкович развивал, произвели впечатление на людей, а то, как он произнес свою речь. Тон человека, готового взять на свои плечи бремя власти и понимающего ответственность, которая лежит на нем за будущее. После десяти лет вынужденного молчания Волкович выдержал и выстоял этот экзамен на звание политического деятеля.

После Волковича Вогелин предложил дать слово представителю витебских евреев. Хотя в зале присутствовало немало еврейских общественных деятелей самых разных направлений — людей, имевших полное право высказать свое мнение, когда заходила речь о евреях, — слово от имени их всех взял ковенский раввин Меламед. Это был человек тихий, ученый, доктор философии, сионист, но он не имел большого влияния в кругах витебского еврейства. В каком-то смысле можно сказать, что сам факт выступления Меламеда от имени еврейской общественности пролил свет на ту растерянность и пассивность, которая охватила большинство евреев-обывателей при

первых же известиях о революции. Меламед в своей короткой речи лишь вскользь упомянул о тяжелом положении евреев в царской России.

Представители рабочих стояли немного в стороне. Товарищи считали, что я должен выступить от их имени. На душе у меня было беспокойно. Меня буквально терзал вопрос: какие планы у наших «патентованных» общественных деятелей всех буржуазных направлений, что они собираются делать дальше? Неужели они допустят, чтобы губернатор Хитрово по-прежнему оставался у руля, а Вогелин продолжал руководить городской думой? Или, быть может, задача рабочего класса как раз и состоит в том, чтобы подтолкнуть буржуазное общественное мнение к самоорганизации? В этот самый момент ко мне подошел Волкович и словно ответил на мои самые сокровенные сомнения. Он сказал, что ждет от меня указаний, как действовать дальше, чтобы прямо здесь, на месте, взять судьбу революции в наши руки.

Мое выступление было чистой импровизацией, так как у меня не было времени ни с кем посоветоваться. Первым делом я передал решения собрания, которое только что приняло первое совещание рабочих: мы немедленно приступаем к созданию Совета рабочих депутатов и организации профессиональных союзов. Чтобы защитить новый свободный порядок и укрепить завоевания революции, необходимо прежде всего — сказал я — привнести в рабочую среду организованность, политическое сознание и культуру. Рабочие организации будут вести борьбу против эксплуатации, царящей в нашей стране. Рабочие вместе со всеми сторонниками революции должны принять необходимые меры, чтобы гарантировать безопасность нового демократического порядка. Говоря о положении в Витебске, я предложил сегодня же вечером созвать новое собрание, которое должно будет избрать Комитет безопасности (Комитет общественной безопасности), отстранить представителей царского режима, создать милицию и так далее. Я призвал все организации и общества, включая все национальные меньшинства города, прислать сегодня к 9 часам вечера своих делегатов на это собрание в городскую думу. Вогелин сразу же согласился с моим предложением, и на этом первое свободное собрание в Витебске было закрыто.

Я еще не успел выйти из здания городской думы, как ко мне подошел один из еврейских общественных деятелей и пригласил на еврейское совещание, назначенное на 4 часа дня на квартире Витебского ссудо-сберегательного товарищества. Это место уже давно превратилось в своеобразный еврейский центр — помещение, где постоянно собиралась еврейская община.

По разным причинам в последние несколько месяцев перед революцией я стоял довольно далеко от еврейской общины. Существовал конфликт между левыми и умеренными элементами, о котором я расскажу в другом месте. Однако годы совместной общественной работы связывали меня с еврейскими деятелями. Мы вместе пережили страшные дни и ночи, горькие тревоги, которые невозможно стереть из памяти. Из наших социалистов, представленных в общине, я оказался единственным, кого пригласили. По всей видимости, во мне видели одного из тех, кто с победой революции будет иметь прямое отношение к власти, и со мной хотели установить «контакт». Должен признаться, что атмосфера на этом заседании была холодной и формальной. Если бы я попытался охарактеризовать господствовавшее

настроение еврейских активистов, со многими из которых меня связывали не только общественные, но и личные отношения, я бы сказал, что на собрании царил страх перед грядущими событиями — никакого доверия к революции, ни воодушевления, ни радости. Временами мне казалось, что все эти преданные своему делу общественники чувствуют себя в какой-то мере частью старого порядка и уходят вместе с ним. Но времени детально разбираться в этих настроениях уже не было. Без всякого энтузиазма, исключительно в силу необходимости, совещание составило список еврейских организаций, обществ, учреждений, которые должны были до вечера выдвинуть своих делегатов в состав «Комитета безопасности» — то есть в тот центр революции, который должен был сформироваться сегодня вечером на собрании в городской думе.

Тем временем мы, социалисты, договорились, что 4 марта должны пройти собрания по профессиям: у сапожников, портных и служащих, чтобы создать профессиональные союзы. На 6 марта было намечено основание Совета рабочих депутатов. Бундовская организация уже определила день своего первого легального общего собрания. Были также предприняты первые шаги для установления контакта с солдатами в городе и с представителями более или менее организованного крестьянства губернии.

Время летело быстро, и с некоторым опозданием я прибыл в городскую думу, где должны были состояться выборы Комитета безопасности — органа новой власти.

Зал городской думы был в буквальном смысле слова осажден огромной массой людей. Найти себе место было крайне трудно. Еще труднее было понять, что здесь происходит. В той части зала, где обычно проходили заседания городской думы, теперь, как и прежде, собрались гласные (депутаты) старой городской думы, отделенные от публики барьером. И, словно в мире ничего не произошло, они и сегодня, 2 марта, проводили свое обычное заседание. Обсуждался вопрос о продовольственном снабжении города и гарнизона. Трудно сказать, созвал ли Вогелин, председательствовавший на заседании, думу сознательно, получив телеграмму от Родзянко из Петрограда. Раз Государственная дума может взять на себя организацию всероссийской революционной власти, то почему бы Витебской городской думе не взять на себя организацию местной революционной власти? То обстоятельство, что Витебская дума состояла в основном из черносотенцев, русских домовладельцев, евреи в ней представлены не были, а рабочих и солдат и подавно не было, по всей видимости, в их глазах помехой не являлось.

С нетерпением и тревогой прислушивался я к тому, что здесь происходит, затем вскочил на стул и попросил у Вогелина слова. Тот немного заколебался: как он может дать слово человеку, который не является гласным думы? Я не выдержал и высказал несколько резких слов о людях, которые всегда были сторонниками старого царского режима, а теперь имеют наглость присваивать себе руководство свободой, завоеванной народом. Вогелин ответил что-то невнятное. На защиту старой думы выступили здешние «либералы» — Синяков и Рейдемейстер. Однако граждане, заполнившие зал, проявили не меньшее нетерпение, чем я. На несколько минут создалось такое настроение, что толпа готова была броситься на гласных и силой вышвырнуть их из зала. Я все еще стоял на стуле и в категорической форме предъявил городской думе следующее предложение:

1. Гласные должны немедленно покинуть зал;
2. В зале открывается свободное собрание граждан с целью избрания Комитета безопасности;
3. Старые гласные, если пожелают, могут собраться в кабинете городского головы с единственной целью — избрать своих представителей в состав Комитета безопасности.

В ту же минуту на другом стуле в зале, совершенно неожиданно для меня, появился солдат, который от имени революционной армии поддержал мое предложение и потребовал, чтобы эта комедия немедленно прекратилась. Излишне говорить, что и мои выступления, и требование солдата были встречены бурными аплодисментами. У гласных думы не оставалось иного выхода, кроме как один за другим покинуть зал и удалиться туда, куда указала им революция.

Зал перешел в распоряжение граждан. Мы стали хозяевами городской думы. Солдатом этим оказался Александр Тарле, молодой московский адвокат, который провел пару лет в витебских казармах и был мне немного знаком. Он был меньшевиком и вскоре занял пост первого председателя Совета солдатских депутатов.

На трибуну поднялись председатель больничной кассы Гинзбург и есаул Гилярибово. Гинзбург пригласил меня и Шмуэля Писаревского и передал нам председательствование. Писаревский был бывшим бундистом и преданным делу демократическим деятелем. Я был настолько поглощен мыслями о будущем Комитете безопасности, что даже не слышал первых политических речей, которые произносились в зале и вызывали восторг у публики. Я заметил, что Волковича в зале нет, а раз так, то председателем комитета может быть избран случайный человек — Гилярибово или кто-то еще. Поэтому я отправился искать Волковича. Позвонил ему домой, но его там не оказалось. Он играл сегодня, как и каждый вечер, в карты в «Дворянском собрании». Я вызвал его, но он колебался и не хотел идти на собрание. Я сказал ему: «Алексей Ануфриевич, или сейчас, или никогда!». Минут через 10–15 он появился в зале, поднялся на трибуну и под аплодисменты был избран председателем собрания. Появился также полковник Коренев. Все мы, сидевшие в президиуме, произнесли довольно длинные политические речи. Что можно сказать об этих речах? Могу сказать лишь одно, что было крайне характерно для того момента, — все речи были беспартийными. Никто не выступал от имени какого-либо конкретного направления. Каждый говорил под свою личную ответственность...

В ходе этого митинга произошло несколько эпизодов. Президиуму доложили, что в зале находится подозрительное лицо — офицер Степанов, который был связан с жандармерией. Кто-то подошел к нему и предложил тихонько покинуть собрание. Степанов тут же ушел. Вдруг нам передали, что мещане с Суражского тракта готовят еврейский погром и что толпа уже движется оттуда к городской думе, чтобы расправиться с революцией. Нужно действительно иметь в виду, что 2 марта полиция исчезла с улиц, и охранять город было еще некому. Но Тарле объявил с трибуны, что его воинская часть уже разослала повсюду патрули для охраны города, и, по его сведениям, везде царит тишина и покой. Нет никаких признаков того, что кто-то в городе собирается выступить против нового порядка. В середине речи Тарле в зал

вошла целая крупная воинская часть во главе с офицером, и Тарле получил возможность от имени первого собрания свободных граждан приветствовать солдат, пришедших на защиту революции.

После политических речей приступили к формированию Комитета. До ста различных организаций назвали имена своих представителей, вошедших в Комитет. После этого митинг был закрыт и открылось первое пленарное заседание Комитета, которое избрало Исполнительное бюро в составе 22 человек. Около 2 часов ночи началось заседание Исполнительного бюро, перед которым стояли не менее неотложные задачи. Председателем Комитета безопасности был избран А. Волкович, вице-председателями: от рабочей группы — автор этих строк, от солдат — А. Тарле, от офицеров — М. Гилярибово. От группы земских и городских деятелей — адвокат А. Рожновский, поляк. Есаулу Гилярибово было поручено заняться организацией городской милиции, и через несколько дней он был избран комендантом города. Волковичу надлежало незамедлительно связаться с центральным правительством в Петрограде. Так мы в Витебске вступили во второй день революции 1917 года.

2. Революция организуется

В первые дни марта были проведены выборы в Совет рабочих депутатов. Было избрано около 300 депутатов, которые создали Исполнительный комитет (Исполком) численностью в пару десятков человек. Исполком, в свою очередь, выбрал президиум. Согласно нашей конституции, все социалистические партии имели своих представителей в Совете и в Исполкоме. Я был избран председателем президиума, заместителем председателя — Квасман, членами — Бар-Левв Гинзбург и один рабочий-железнодорожник, машинист; секретарем президиума был избран Эмиль Цейтлин. Я, Гинзбург и Цейтлин были бундистами. Квасман и рабочий-железнодорожник были меньшевиками.

Однако Квасман недолго продержался в Совете. Когда он приехал в Витебск, он был плехановцем. В период революции он полевел и уже в 1919 году примкнул к коммунистам. Он был хорошим и темпераментным оратором, но темперамент нередко подводил его, и он лишился своего поста как в президиуме Совета, так и у меньшевиков, которые заменили его на Тарле. Его отставка из президиума была вызвана тем, что он на собственный страх и риск выступил с речью на собрании купцов-мануфактуристов, которая была истолкована так, будто Совет рабочих депутатов собирается в ближайшее время конфисковать у них всю мануфактуру. Ко мне сразу же обратились несколько купцов за разъяснениями, и это привело к тому, что Квасмана мы, так сказать, «поставили на лед» (отстранили от дел).

Вскоре в Витебск прибыл известный социалист-революционер Михаил Цейтлин, который был избран вице-председателем Совета. У нас действительно не хватало русских деятелей, но что мы могли поделать? Иностранцы? Мы предложили избрать председателем союза печатников Фильштина и ввести его в президиум Совета, но он отказался...

У нас сразу же возникли разногласия по вопросу создания Совета солдатских депутатов. Мы, сознательные элементы, откладывали этот план и выступали либо за

совместные митинги обоих Советов, либо за совместные заседания обоих президиумов. Причина, которая заставляла нас придерживаться этой позиции в данном вопросе, была сложной. Депутаты Совета рабочих депутатов были по большей части сознательными, политически квалифицированными деятелями, которые принадлежали к той или иной партии или могли ориентироваться в политических вопросах. Напротив, солдатская масса состояла в основном из чисто крестьянского элемента. Мы это очень отчетливо увидели позже. Если в марте почти все советы и фракции шли вместе с эсерами (то есть стояли за Керенского), то те же самые советы и фракции в октябре-ноябре маршировали вместе с большевиками за Ленина и Троцкого. На заседаниях Совета солдатских депутатов постоянно велась агитационная борьба или разбирались различные конфликты между офицерами и солдатами и тому подобное.

Собрания Совета рабочих депутатов в Витебске проходили более или менее на том же уровне, что в Петрограде и других крупных городах. Достаточно сказать, что из-за еврейского вопроса, в то время обострившегося между ассимиляторами и интернационалистами, было невозможно ввести солдатских депутатов в эти дискуссии. Руководители Совета солдатских депутатов — А. Тарле, А. Лихницкий, Тёмкин (редактор витебских «Известий») и другие — соглашались с нашей тактикой.

Разницу между еврейскими рабочими и нееврейскими рабочими мы тоже почувствовали с самого начала. Вот, например, как мне довелось выступать в первые дни на собрании в железнодорожном депо. Это не был типичный политический митинг. Там господствовала рабочая стихия в ее первобытной форме, так что было просто невозможно сориентироваться. Трехтысячная серая масса была поглощена борьбой между двумя группами рабочих — машинистами и кочегарами (так называемыми «горячими» [heizers]). Нам подсовывали подозрительные анонимные листки, в которых от имени кочегаров заявлялось: «Смерть машинистам!» — Товбин, Гваздиу, Абрамович. Из здешних деятелей мы потратили больше часа, пока нам не удалось утихомирить эту темную бурную массу с обеих сторон и дать слово нашему оратору. Собрание завершилось мирно и приняло соответствующую резолюцию.

В эти же дни у меня проходило несколько собраний среди еврейских рабочих — портных, сапожников и служащих, — чтобы организовать профессиональные союзы. Вспоминаю, что тень от этой рабочей стихии я отчетливо почувствовал на большом собрании сапожников и кожевников. Политические вопросы беспокоили рабочих, которые шли за «Бундом», и они хорошо понимали друг друга. Но как только мы перешли к экономической сфере, рабочие проявили крайнее нетерпение. Когда мы обсуждали требования о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня, они нарисовали яркую картину эксплуатации и плохих условий труда, и начались речи о мелких конфликтах с мелкими хозяевами. Тогда я почувствовал опасность скатиться в болото, из которого трудно выбраться. Только лидеры из массы, обученные опытные люди, дали ясный отчет и расчет, и только благодаря сознательности и организованности рабочих нашлось решение их экономических требований, и это доказало, что демократическая революция — единственный путь к их достижению.

В те дни, когда революция организовывалась, перед Советом рабочих депутатов встало немало сложных вопросов. Все хотели и действительно выбирали

представителей в Совет рабочих депутатов. Милиция прислала своих депутатов, служащие суда — тоже. Но когда надзиратели Витебской тюрьмы также прислали своих депутатов, мы не выдержали и закрыли перед ними двери Совета.

Я уже упоминал, что «Бунд» был первой из партий, заявившей о своей готовности служить революции. Бундовская организация насчитывала несколько сотен организованных членов. В комитет вошли как старые, так и новые бундисты: М. Наткин (председатель, который умер в августе 1917 года от разрыва сердца), Карлоцкий, Иосиф Цейтлин, М. Тевьевский, Разовская, Бар-Левв Гинзбург, Рювкин, Гендель Раткевич, Канин и др.

Меньшевики также создали свою организацию и вовлекли в свои ряды некоторых солдат. Среди меньшевиков было два старых известных лидера: Инзель, Залман Гершовиц (известный в партии под именем Негаев) и Арон Гинзбург, бывший «рамановец» (он принимал участие в Якутском восстании 1904 года, которое произошло в доме мещанина Романова). Гинзбург был сторонником Плеханова.

С прибытием Михаила Цейтлина сформировалась очень широкая организация эсеров. Некоторые офицеры и служащие также создали умеренную социалистическую организацию — Народных социалистов (Н. Данилов, Базилевич и др.). Латыши имели свой Социал-демократический клуб, членами которого были латышские беженцы и солдаты. Среди еврейских рабочих имел определенное влияние Поалей Цион. В Витебске существовали традиционные связи между социалистическим сионизмом. Кроме Маца, учителя, который позже перешел к коммунистам, и известного территориалиста Мендельсона, я не могу вспомнить никого из лидеров Поалей Цион.

«Поалей-Цион» имели небольшое влияние в городе. Их лидер в то время, Кисин, был очень способным человеком, но он провел в Витебске короткое время и вскоре занял пост в Центральном партийном аппарате.

Как мы видим, партийная жизнь в социалистических кругах была очень импульсивной.

Буржуазный сектор не проявлял большой активности. Существовало отделение Кадетской партии, которое особенно развернуло свою агитацию во время выборов в городскую думу. Их председателем был Адольф Левинсон, владелец пивоваренного завода. До революции он был председателем Военно-промышленного комитета. К кадетам также принадлежал доктор Брук, когда он вернулся с фронта. Среди еврейских обывателей также была группа консерваторов во главе с Яковом Юдиным, адвокатом. «Народная партия» (Фолькспартей), лидерами которой были С. Писаревский и Иегуда Лория, имела мало сторонников.

Существовала большая сионистская организация в городе во главе с доктором Бруком, Соловейчиком, Вольфсоном, молодым поэтом Ш. Левиным (впоследствии перешедшим к коммунистам), ковенским раввином Меламедом и др. Но в общественной жизни сионистская организация почти не заявляла о себе, хотя на выборах они собирали много голосов и стояли почти на первом месте.

Интересно еще зафиксировать, что кроме «Известий» Совета, в городе не существовало никаких газет. Я издавал в течение нескольких месяцев «Социал-демократическую газету». Ни эсеры, ни кадеты ничего не издавали.

Очень важно также сказать несколько слов об антисемитизме. Время от времени до нас доходили слухи, что в Совете солдатских депутатов замечаются определенные антисемитские настроения и что там ведется агитация против Тарле под антисемитским соусом. Рассказывали также, что среди военных частей, проходивших через Витебск, замечались антисемитские настроения. Когда они останавливались на витебском вокзале, среди евреев возникала паника. Фактически же мы в Витебске не сталкивались с открытыми проявлениями антисемитизма.

Однако это не мешало распространяться слухам о погроме в Витебске, которые дошли даже до Петрограда. В протоколах Петроградского Совета рабочих депутатов от 6 марта 1917 года, опубликованных в большевистском журнале «Пролетарская революция» (1923, № 1), зафиксировано, что Исполком, получив известие о погроме в Витебске, решил немедленно отправить туда своего члена Фиадера Линде. Буквально через день ко мне на квартиру пришел солдат Линде со своим другом, старым прапорщиком Клячко, жившим в Витебске в 1915–1916 годах, когда тот был выслан из Петрограда. Линде вошел в историю революции как организатор демонстрации в Петрограде в апреле 1917 года, потребовавшей отставки Милюкова и Гучкова. Линде не был большевиком. В мае он убедил себя отправиться на фронт в качестве военного комиссара и погиб там, помогая осуществлять наступление Керенского на немцев, когда дезертиры буквально растерзали его на куски... 11 марта Линде вернулся в Петроград и представил отчет, что в Витебске все спокойно и «армия твердо стоит на страже свободы и республики».

Чтобы закончить главу об антисемитизме, я хочу лишь добавить еще один факт: примерно 8 марта была созвана первая крестьянская конференция в Витебске. Когда выбирали президиум и в качестве кандидата называли Тарле, какой-то старый крестьянин в очках, подпоясанный веревкой, подозрительно спросил Тарле, еврей ли он. — «И совершенно не важно, русский он или еврей, — сказал крестьянин, — но хотелось бы знать».

Тарле ответил: «Я еврей». Тем не менее его еврейство не помешало избрать его в президиум.

Я могу дать лишь поверхностные, свежие впечатления от встречи с представителями крестьянства Витебской губернии. Интересно, что крестьяне не хотели оставаться в гостиницах города и требовали, чтобы их устроили в том же здании, где будут проходить заседания конференции. В их распоряжение предоставили большой зал гимназии. Они принесли свое сено и солому и устроили себе «удобные» постели прямо на полу. На самой конференции крестьяне настаивали на том, чтобы заседания начинались в 6 часов утра, и ни в какую не хотели соглашаться на компромисс начинать заседания в 10 часов. Некоторые ораторы из крестьян категорически выступали против 8-часового рабочего дня для рабочих. Они доказывали, что работать нужно по солнцу: от восхода до заката. «Крестьяне не знают и не хотят знать

ни о каком 8-часовом рабочем дне. Городские рабочие обленились и просто не хотят работать из-за своей деморализации».

Согласно решению губернского Комитета безопасности, Волкович и я 8 марта выехали в Петроград, чтобы установить прямые контакты с Временным правительством. Как только мы приехали, нас пригласили в Зимний дворец, и там мы встретили людей, представлявших новую Россию. Некоторые из министров были нам известны ранее. В военное время в Витебске бывали Милюков, Шингарёв, Набоков, Керенский. Мы познакомились с князем Львовым, Некрасовым, Гучковым. Я сидел в углу и беседовал с Керенским... Для него мы были «символом демократии». Керенский опирался на трость, едва волоча ноги от усталости из-за бессонных ночей. Лицо его выглядело изнуренным, но светилось счастьем.

Волкович договорился на следующий день посетить канцелярии министерств. Я почти не ходил с ним. Я пошел на заседание Петроградского Совета рабочих депутатов, встретился с Чхеидзе, обсудил дела с членами Центрального комитета «Бунда» — Либером, Эрлихом, Рафесом. И через несколько дней мы вернулись в Витебск.

3. Неудачный выбор губернского комиссара

Уже в самые первые дни революции в городе родилась политическая улица. Молодежь проводила целые дни в праздничном настроении на Смоленской и Замковой улицах. Повсюду можно было встретить солдат. Центр революции переместился в городскую думу, и там решались самые разнообразные дела. Мы, члены Комитета безопасности, ходили с красными повязками на рукавах, которые мы стеснялись носить. Сняли с должности губернатора Хитрово и вице-губернатора барона Розена, которых поспешили выслать из Витебска. Было решено не регистрировать — и ни один голос не был против этого — никого из прежних чиновников царского режима; их держали под домашним арестом, а некоторых — нет. Только одного, полковника жандармерии Шульца, арестовали.

В городскую думу пришло огромное количество полицейских, приставов, околоточных и других в гражданской одежде, которые просили совета, что им делать и где теперь их место. Мы дали им совет сидеть по домам и не разгуливать по городу. Это было очень важно, поскольку толпа на улицах предлагала расправиться с «фараонами» (полицией) и шпионами, которые прославились своей жестокостью. Мы были вынуждены выделить в городской думе комнату для арестованных. Возле дверей поставили милиционера. В Комитет безопасности пришел начальник тюрьмы и также заявил, что на месте никого нет и тюрьма остается без присмотра. Через несколько дней он покончил с собой.

В первые дни революции особенно остро встал в Витебске вопрос о губернном комиссаре, который должен был представлять центральную власть в губернии. К тому времени в Петрограде уже создавалось Временное правительство. И первый премьер-министр князь Львов назначил всех председателей губернских земских управ губернскими комиссарами.

В целом, эти председатели были людьми весьма консервативными, так как до революции земства в России по большей части были чисто дворянскими, а князь

Львов, председатель Земского союза, находился с ними в тесном контакте. То, что, возможно, было вполне хорошо для центральной России, совершенно не подходило для Северо-Западных губерний, где земства были созданы по закону Столыпина против поляков и вообще без евреев. Лидеры земств в этих губерниях состояли из антисемитов и реакционеров, из элементов, крайне далеких от демократических кругов.

Когда мы получили в Витебске телеграмму от князя Львова, в которой сообщалось, что до приезда чрезвычайного комиссара из Петрограда (поскольку Волкович уже отправил туда телеграмму о создании Комитета безопасности) Временное правительство еще не ответило. Но председатель витебского губернского земства Михаил Карташев еще не прибыл. Как только была получена телеграмма от князя Львова, он немедленно обратился к Комитету безопасности. Карташев нагло потребовал признать его губернским комиссаром и заявил, что сразу же приступит к дальнейшим переговорам с нами. Мы просто ответили ему, что не признаем его губернским комиссаром и что мы немедленно свяжемся по этому поводу с Временным правительством.

Об этом Карташове следует сказать несколько слов. Помимо того, что он был председателем земства, он занимал еще ряд важных постов. Нам часто доводилось сталкиваться с ним по самым разным делам. Он также был председателем губернского комитета помощи беженцам. Карташев, однако, прославился своей практической спекулятивной деятельностью. Незадолго до революции разразился неприятный скандал с Карташевым и членом Государственного совета от Витебска Апраксиным. Они развернули кампанию по захвату монополии на поставку сена и кормов для лошадей на фронт. Эту монополию они получили благодаря тому, что в своих меморандумах к военному министерству использовали антисемитские аргументы. Они обвиняли евреев, которые традиционно занимались этой работой, в шпионаже в пользу немцев.

Когда до нас дошла эта история, я опубликовал эту информацию в петроградской прессе, и этим делом специально заинтересовался кадетский депутат Шингарёв, когда приехал в Витебск. Вопрос рассматривался в Государственной думе, и имя Карташева упоминалось как имя «героя патриотической спекуляции». И вот этот человек теперь стал первым и высшим представителем Временного правительства!

Михаил Карташев был умным и интеллигентным человеком. Он сразу понял, о чем идет речь. Но он держался формально и опирался на телеграмму, которую получил от князя Львова. Карташев сказал нам, что он в любое время готов передать свои полномочия тому, кого назначит Временное правительство, но до тех пор, пока нет нового решения, он будет выполнять свои обязанности. Мы провели с ним переговоры, упомянули его патриотические спекуляции, о которых говорили в Думе, а также упрекнули его в том, что, получив телеграмму от Львова, он должен был немедленно обратиться к Комитету безопасности. Карташев с наглостью ответил, что он и так пришел договориться с нами... У нас не было сил вести с ним дальнейшие переговоры. Мы просто заявили ему, что не признаем его губернским комиссаром и не будем с ним связываться до тех пор, пока не получим ответ от Временного правительства.

Интересно то, что и на несколько телеграмм Волковича по этому вопросу в Петроград нам не ответили. Причина была проста: во всех наших телеграммах не указывалось, кого мы предлагаем в качестве кандидата на пост губернского комиссара. Волкович, писавший телеграммы, категорически отказывался выдвигать свою кандидатуру. У него возник конфликт в консервативных кругах. Тогда я договорился с Советом рабочих и солдатских депутатов взять решение вопроса о губернном комиссаре в наши руки. Это произошло 6 марта. В городском театре состоялся большой митинг. В то время, когда Волкович выступал с речью, мы провели за кулисами короткое совещание и решили: 1) немедленно арестовать Карташева; 2) поскольку Волкович отказывается занять этот пост, временно назначить на эту должность полковника Семеновского; 3) телеграфировать об этом Временному правительству и просить подтверждения. Телеграмма была составлена Волковичем. Он был немного возмущен тем, что его подтолкнули к аресту Карташева, но в целом согласился с планом и подписал телеграмму так: «Присоединяюсь к решению президиума Совета».

Арест Карташева осуществил А. Лихницкий, народный социалист, вице-председатель Совета солдатских депутатов. В сопровождении двух солдат он отправился к Карташеву на квартиру, предложил ему оставаться под домашним арестом и приставил к нему караул. Из Петрограда долго не приходило никакого окончательного решения. Лишь через несколько дней из верхов пришло решение. В конце концов они поняли ситуацию. Губернским комиссаром был назначен Волкович, а Семеновский даже не фигурировал в этом решении.

Спустя короткое время, когда революция уже соорганизовалась, функции Комитета безопасности перешли к губернному комиссару и к уездным комиссарам Временного правительства. Волкович создал при себе коллегия, в которую вошли: польский адвокат Витольд Бамас (губернский комиссар) и Шмуэль Писаревский (секретарь). Время от времени Волкович приглашал меня и Тарле на совещания или приходил к нам в Совет. С Волковичем революционная демократия имела постоянный контакт.

4. Два провокатора

Собственно говоря, комиссия, занимавшаяся секретным архивом полиции и допросами арестованных жандармов, подготовила список из 14 провокаторов. Но это были совершенно простые люди, не принимавшие участия в общественной жизни. Судя по всему, это были обычные полицейские агенты. Среди них, однако, был один довольно видный арестованный по имени Фрадкин, но этот человек не имел никакого отношения к политике (его отец был замешан в делах, связанных с освобождением от воинской повинности, и был близок к воинскому начальнику). Вышеупомянутый Фрадкин провел несколько месяцев в тюрьме и позже был освобожден.

Два провокатора были вполне серьезными: один — эсер Лейзер Фридсон, а второй — Дворкин, который когда-то вел деятельность в «Бунде». Обоих следует описать. Слухи об одном третьем провокаторе, который был активен в рядах «Бунда», ходили давно, но в архивах жандармерии не нашли никакого следа этого бундовского секретного агента.

Если я не ошибаюсь, около 3 марта 1917 года нам дали знать, что на военной гауптвахте находятся арестованные, среди них солдаты-бундисты, которые нарушили военную дисциплину. Теперь, когда революция победила, требовали их освободить. Мы отправили туда делегата, который принес вместе с отчетом также специальную записку для меня. Записка была написана мне Лейзером Фридсоном, который находился там среди арестованных. Он писал, что в 1916 году был арестован в Самаре и доставлен в Витебск. Он просил, чтобы его и других арестованных освободили, и заверял, что мы выиграем благодаря этому 150 преданных революционеров для освободительной борьбы. Я и мои друзья хорошо знали Фридсона и сделали всё, чтобы поскорее его освободить.

За несколько лет до того, когда мы вместе с доктором Бруком, Иегудой Лорией, Шмарьяху Меклером и др. организовали в Витебске Общество ремесленного труда (своего рода локальный «ОРТ»), мы пригласили Лейзера Фридсона занять должность секретаря этого общества. Мы знали, что у него есть жена и дети и ему нужно помогать, так как у него слепой отец. И что еще важнее, мы видели в нем преданного, скромного общественного деятеля, на которого всегда можно полностью положиться. Мы также знали, что он всегда был социал-революционером (эсером), и хотя в последнее время стоял далеко от политики, заслуживал нашего доверия. Он действительно отличался симпатичным внешним видом, спокойным, мягким характером в отношениях с людьми. Невысокого роста, блондин, с небольшой рыжеватой бородкой, он производил впечатление типичного еврейского интеллигента. Я часто встречался с ним и находился с ним в постоянном контакте по делам Общества ремесленного труда. И это напоминает мне лишь один факт, который мог вызвать некоторое подозрение по отношению к нему со стороны тех, кого называют «идеалистами». Наше общество должно было получать от военных ведомств заказы на пошив еврейскими мастерскими белья для армии. Чтобы получить такие заказы, нужно было давать взятки некоторым важным людям. К моему огромному удивлению, я тогда узнал, что никто иной, как наш Лейзер Фридсон, был тем, кто проводил эту операцию. Я был удивлен, но никакого специального значения этому не придавал; у нас не было подозрений, что такой идеалист занимается подобными делами...

Но теперь стало совершенно ясно: Фридсон, который сразу же взялся за революционную работу и тут же начал работать в Совете и в эсеровской фракции, был объявлен провокатором. Специальная комиссия арестовала его и допросила, и он во всем признался. Он оправдывался, как это делают все провокаторы, что его вынудили к этому обстоятельства. Но в конце концов он рассказал, что отказался от провокаторской работы, и за это его отдали в солдаты и потом арестовали. Он просил дать ему возможность искупить свою вину. В беседе со мной и Шмуэлем Писаревским было решено передать решение этого вопроса одному из лидеров социалистов-революционеров (эсеров) в Витебске — Михаилу Цейтлину. Мы знали, что Михаил Цейтлин был в течение многих лет связан с Фридсоном в партийной работе и они были также лично близки. Пусть же он и разберется в этой истории.

Что произошло между ними при встрече, я не знаю, так как меня как раз в те дни не было в Витебске. Между делом, когда меня назначили делегатом в Петроград к Временному правительству, и когда я через несколько дней вернулся в Витебск, Михаил Цейтлин рассказал мне, что взял Фридсона к себе домой и провёл с ним

целую ночь. О чём они говорили и в чём признался Фридсон своему старому другу, мне осталось неизвестно. Я знаю лишь, что на следующий день Михаил Цейтлин взял на себя личную ответственность и выпустил Фридсона на все четыре стороны с приказом немедленно покинуть Витебск. Так оно и произошло. Никогда позже мы больше не слышали о провокаторе Лейзере Фридсоне.

Что касается истории со вторым провокатором, Дворкиным, то я подошёл к этому делу немного позже и совершенно неожиданным образом, будучи втянут в него. Начать описание этого дела я хочу с того, что знал Дворкина с 1913 года, когда меня пригласили в Витебск для редактирования ежедневной русскоязычной газеты. Отец Дворкина владел типографией, а его сын, который сам был печатником, руководил этой типографией, в которой печаталась моя газета. Ежедневно я имел с ним дело. Хотя я никогда не замечал за ним никаких особых черт, которые могли бы вызвать хоть малейшее подозрение, он мне не нравился. Вспоминаю, что когда возникали разногласия по поводу тех или иных вещей, он проявлял к ним большой интерес, но сам лично не выказывал к ним большой охоты. Когда же произошла революция и его имя всплыло на поверхность как одного из провокаторов, мы узнали, что Дворкин также успел скрыться.

Спустя полтора года, уже при большевистском режиме, мне довелось стать свидетелем драматического финала истории Дворкина, в котором я даже сыграл определённую роль.

Это было в июне 1918 года. Я приехал в Витебск на короткое время. Случайно, читая местную большевистскую прессу, я наткнулся на сообщение народного суда о том, что меня вызывают в суд в качестве свидетеля. Перед тем как начался суд над Дворкиным, следователь передал мне толстую папку с различными документами касательно этого дела. К своему удивлению, я обнаружил в этом деле документы, доказывавшие, что Дворкин был агентом жандармерии ещё с 1910 года и выдал нелегальную типографию социал-демократов. Он также выдал группу видных рабочих лидеров в Витебске, среди которых был рабочий-печатник Тшивковский, руководитель известной забастовки кожевников в Вильне в 1908 году. Печатника Тшивковского я знал очень хорошо. После нескольких лет каторги в ужасных условиях Тшивковский благодаря революции освободился и в 1917 году находился в Витебске, не доживая свои дни из-за чахотки; он был важным деятелем в «Бунде».

В той же папке я нашёл конверт, адресованный на моё имя. Я вынул из него письмо, прочитал его и обнаружил, что Дворкин написал его ещё в марте 1917 года и адресовал мне с просьбой, чтобы я взял на себя его защиту. Этот документ имел особое значение для его судьбы. Полиция перехватила письмо Дворкина в Люцин, под Петроградом, где он скрывался после бегства из Витебска в марте 1917 года. Его арестовали и доставили в Витебск, а его дело передали в большевистский суд.

Я прочитал все подробности о Дворкине и спросил себя: что, собственно, я могу сделать для него? Ведь было совершенно очевидно, что большевистский суд вынесет ему смертный приговор. Я взял этот документ, написал на нём официальное заявление, что ничего не знаю обо всех этих обвинениях, выдвинутых против него, так как в то время меня не было в Витебске, и даже не слышал об этом деле. Я должен

сказать, что в то время Дворкин вёл дела с моим знакомцем под другим именем, и в этот период он и его друзья не вызывали у меня ни малейшего подозрения. Более того, жандармы держали его втайне от нас, и мы не знали, что он делает в наших легальных и нелегальных политических обществах. Вполне возможно, что жандармерия не имела никаких материалов против нас, а возможно, они просто не хотели выдавать своего агента. Моё заявление, однако, не имело никакого значения.

Большевистский трибунал приговорил Дворкина к «высшей мере наказания», и приговор был немедленно приведён в исполнение Витебской ЧК.

5. В дни Корниловского мятежа. Встреча с генералом Алексеевым

В конце августа 1917 года вся Россия была потрясена заговором генерала Корнилова, главнокомандующего русской армией.

Как только в Витебске были получены известия о корниловском мятеже, было созвано экстренное заседание Совета рабочих депутатов на 7 часов вечера. Согласно нашему предложению, Совет рабочих депутатов избрал Военное бюро. В состав бюро вошли два бундиста — Вольф Драбкин и я, два меньшевика — А. Тарле и Якубович (солдат), два эсера — Михаил Цейтлин и Моисеев (солдат) и один народный социалист — А. Лихницкий. Так как в городской думе существовала большевистская фракция, мы попросили большевиков уполномочить двух своих представителей для поддержания постоянного контакта с нами. Они выделили двух представителей — офицера и солдата, совершенно неизвестных людей как в общественной, так и в политической жизни. Большевистские представители лишь несколько раз появились на наших заседаниях.

Настроение у всех нас было почти паническим. Многие товарищи считали, что наступает конец нашей революции и вскоре победят реакционеры. Нам пришлось расплачиваться за то время, которое мы провели в спорах. Бундист Цейтлин думал, что мы, вероятно, должны уйти в подполье, и сообщил мне, что он уже подготовил конспиративную квартиру, где есть всё необходимое, даже нелегальная типография. Второй бундист, Мотель Тшивковский, предложил Совету создать отряд «Красногвардейцев». Кто-то из членов Совета распечатал плакат, призывавший офицеров после 8 часов вечера оставаться дома (мы это распоряжение аннулировали, но не смогли выяснить, кто это сделал). К редактору небольшой беспартийной газеты пришли и попросили, чтобы он взял на себя функции цензора. Он сам не знал, что можно печатать, а что нет.

В политическом отношении наша позиция была ясной: мы стоим на стороне Временного правительства. Однако здесь возник ряд практических вопросов. «Ставка» готовится наступать на Петроград и направить туда войска, которые должны пройти через Витебск. Должны ли мы со своей стороны подготовить сопротивление? Мы приняли широкую программу действий: провести мобилизацию различных военных частей в Витебске, Смоленске, Невеле, Городке и ещё в 15–20 пунктах. Эти военные части должны были пойти, если возникнет необходимость, на Могилёв и помочь правительству ликвидировать корниловский мятеж. Мы отправили комиссара в штаб Двинского военного округа, куда ещё задолго до этого был назначен генералом

Кондратович. Солдат Якубович был отправлен туда же. Было также решено занять людьми вокзал, почту и телеграф, то есть установить прямую линию связи с Петроградом.

Наши патрули задержали трёх агентов Корнилова. Среди них был старый член Государственного совета времён царского режима, правый монархист Римский-Корсаков и бывший сотрудник антисемитской газеты «Новое время». У них были с собой пакеты с воззваниями генерала Корнилова.

Настроение гарнизона было в нашу пользу. Даже военные в Невеле, состоявшие из бывших полицейских и жандармов, приняли резолюцию, требовавшую «головы генерала Корнилова». Был создан суд, который должен был расследовать дела некоторых арестованных офицеров, подозревавшихся в поддержке мятежа.

В то же время наш губернский комиссар Волкович переживал интересный политический процесс. После июльского восстания большевиков, как известно, кадеты — либералы — вышли из коалиционного правительства. Для Волковича, который сам был кадетом, встал вопрос, может ли он оставаться на своём посту под руководством министров, представлявших левые партии. Незадолго до корниловского мятежа Волкович обратился ко мне с предложением встретиться и обсудить дела с глазу на глаз. В этой встрече приняли участие, насколько я помню, также Михаил Цейтлин и Тарле. Волкович тогда сказал нам: «Я во многих взглядах не согласен с Советами, особенно против Чернова и его аграрной политики. Программу Чернова я считаю полностью ошибочной. Но как губернский комиссар я могу в полном согласии сотрудничать с ними. С другой стороны, мои товарищи по партии, кадеты, покинули правительство, и это фактически означает, что кадеты должны уйти в отставку по всей линии. Но, — продолжал он, — политика кадетов сейчас вредна, и я решил выйти из своей старой партии, так как я слишком стар, чтобы менять свои убеждения и переходить к социалистам. Но пока я могу идти рука об руку с революционной демократией, я останусь на своём посту и буду исполнять свои обязанности»...

В дни корниловского восстания многие кадеты симпатизировали Корнилову, а некоторые даже активно ему помогали. Волкович же был с нами всем сердцем.

Наше Военное бюро находилось в постоянном контакте с Петроградским Советом и с Временным правительством. Мы также отправляли отчёты в Петроград. И всё же мы находились в весьма сложном положении. Нам не было ясно, кто собирается взять власть. Как ликвидировать корниловщину? Возможно, нужно искать компромисс?

31 августа днём пришла весть, что Керенский назначен «Главковерхом» (верховным главнокомандующим), а генерал Алексеев назначен начальником его штаба. Все мы были поражены. Генерал Алексеев был сторонником Корнилова и его близким политическим союзником, разделявшим его взгляды и планы. Если теперь Алексеев возвращается к власти в армии, а его сотрудничество с Керенским в такой момент означает, что Керенский хочет вести примирительную политику с Корниловым вместо того, чтобы вести решительную борьбу против корниловцев, то почему молчит Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов? Как допускаются подобные шаги со стороны Временного правительства?

Мы сразу же составили и отправили протест в Петроград против того, что Алексеев назначен начальником штаба, и против компромиссов с корниловцами. Вечером мы получили известие, что генерал Алексеев едет поездом через Витебск. Мы почувствовали себя в тупике. Во-первых, мы вовсе не требовали его отставки, ведь Алексеев теперь фактический начальник штаба и командующий армией в мировой войне, и все его приказы армии должны беспрекословно исполняться. С одной стороны, едет теперь Алексеев устраивать компромисс с Корниловым вместо того, чтобы арестовать его. И то, что мы считали, было опасным шагом. С другой стороны, являются ли они в этой политике уполномоченными Временного правительства, с которыми мы должны иметь дело? Наше Военное бюро витебского Совета рабочих и солдатских депутатов решило: 1) выразить генералу Алексееву наше мнение, что Корнилов — это политический преступник и должен быть немедленно арестован; 2) сообщить генералу, что мы провели по всей линии в примерно 20 городах и местечках мобилизацию военных частей и направляем из Витебска крупную воинскую часть, чтобы ликвидировать мятеж в Могилёве — в Ставке.

Чтобы встретиться с Алексеевым, наше Военное бюро уполномочило меня и Тарле, председателя Совета солдатских депутатов. В таком положении мы находились до часу ночи, когда получили через директора телеграфа новую телеграмму-приказ от Керенского, адресованную подполковнику Карташову в Оршу. В этом приказе Керенский требовал немедленно направить силы на Могилёв и арестовать генерала Корнилова и всех остальных участников заговора. Из этого приказа мы поняли, что в настроениях Временного правительства произошли изменения, которые мы сочли правильными, и что миссия генерала Алексеева теперь отменена. Мы с нетерпением ждали прибытия Алексеева, чтобы передать ему этот новый приказ.

В два часа ночи прибыл поезд генерала Алексеева. Его адъютанты Вырубов и Филоненко заранее хотели знать, в чём состоит наша задача в столь поздний час. Мы потребовали говорить непосредственно с генералом. Вырубов проводил нас в салон-вагон, и перед нами предстал пожилой человек в возрасте около 65 лет, среднего роста, с лицом, полным морщин, с седыми усами и редкими волосами, с очень внимательным и ясным взглядом. Алексеев очень удивился, что мы пришли к нему так поздно ночью. Мы сказали ему, что, узнав о его приезде, сочли своим долгом ознакомить его с военными операциями, которые мы провели для помощи в ликвидации мятежа, и высказать ему мнения местных рабочих и солдат, что с Корниловым нельзя идти ни на какие компромиссы и он должен быть немедленно арестован. Мы также добавили, что в Орше уже проведена концентрация войск и они готовы к наступлению на Могилёв.

Генерал Алексеев выслушал наши сообщения очень взволнованно, но спокойным и тихим голосом ответил:

— Милостивые государи, всё это результат глубокого недоразумения, да, самый сложный узел взаимных недоразумений. Перед отъездом из Петрограда я во всех деталях переговорил с Александром Фёдоровичем (Керенским). Мы совместно наметили мирный путь, чтобы разрешить все насущные вопросы. Я убеждён, что конфликт искусственно раздут и он уладится сам собой. То, что вы говорите, милостивые государи, о развале нашей и без того деморализованной армии, лишь подрывает

авторитет командования. Я принял свой пост с полного согласия Временного правительства и надеюсь, что нам удастся мирно договориться с генералом Корниловым.

В то время как генерал Алексеев говорил эти слова, я протянул ему телеграфный приказ Керенского, который мы только что получили:

— Вот последний приказ Керенского начать наступление на Могилёв. Алексеев развернул ленту, прочитал её и передал приказ подполковнику Карташову в Оршу.

— Ах, Александр Фёдорович, ах, Александр Фёдорович, — несколько раз повторил Алексеев. — Ах, Александр Фёдорович, мы ведь обо всём договорились в Петрограде. Я ведь заявил ему, что могу взять на себя эту миссию в Ставке только при условии, если конфликт будет разрешён мирным путём...

Алексеев, очень взволнованный, захотел немедленно получить прямую телеграфную связь с Керенским. Но телеграф в то время был занят. Мы упомянули, что в штабе Двинского военного округа (который с начала войны находился в Витебске) также есть прямая телеграфная связь. Мы сели в автомобиль и поехали туда вместе с Алексеевым. Там Алексеева устроили в отдельной комнате, подключили к прямой связи со Ставкой, и он почти целый час говорил с представителем Керенского, генералом Лукомским.

Когда Алексеев вышел к нам, он выглядел очень уставшим и старым. На наш вопрос, что он слышал, он кратко ответил:

— Я не знаю, что будет. Я еду сейчас в Оршу. Что будет дальше, мы увидим. Я со своей стороны сделаю всё, чтобы найти мирный выход из этого конфликта.

— Должны ли мы, господин генерал, продолжать подготовку к наступлению на Могилёв?

— Военные операции совершенно излишни. Но делайте то, что считаете нужным. И он сделал жест рукой.

Он подошёл ближе к нам и очень дружелюбно заговорил с нами по поводу многих насущных вопросов тогдашней политики:

— Вы думаете, милостивые государи, что разные люди и что нас так трудно понять друг другу? Как старик, я хочу сказать вам лишь одно: Россия больна, смертельно больна наша армия. Те огромные организации, созданные в армии после переворота, — это последнее проявление искусственной жизни. Мы, старики, пережившие бури, видим, что в свободной России будет создана мощная армия, но сейчас война, и жестокий враг несёт нам окончательное поражение отечества. Весь этот хаос и неразбериха внутри страны и все эти сепаратистские движения — всё это результат интриг сильного и хитрого врага. Немецкий генеральный штаб субсидирует ещё с 1879 года огромными суммами из специального фонда украинские и другие сепаратистские национальные движения в нашей стране. К этому добавляется ещё и пагубное

влияние солдатских комитетов, «политиканство» на фронте, систематическое вмешательство в командование...

Перед нами стоял не просто генерал, а политик, который руководствовался своими убеждениями от всего сердца и искренне пёкся об интересах России. Мы при его словах не могли больше молчать и возразили старому генералу:

— Согласно нашему мнению, именно в данный момент русская армия распадётся и исчезнет, если уничтожить солдатские комитеты. Они сейчас являются той силой, которая удерживает армию от полного распада, и именно они оказывают помощь революционной демократии.

Перед нами стоял очень уставший человек. Он снова сделал жест рукой и сказал:

— Вы ещё слишком молоды, милостивые государи! Послушайте, что говорят люди моего мнения, старые люди, которые любят Россию и её армию..

Мы проводили генерала Алексеева обратно к его поезду и там попрощались с ним. Было 6 часов утра...

Что происходило дальше, всем известно. Под влиянием Керенского генерал Алексеев арестовал Корнилова и других заговорщиков. Это далось ему нелегко. Через несколько недель он подал в отставку со своего поста — до других времён — и вернулся к частной жизни.

6. Большевистский переворот

Август завершился штурмом демократической революции справа — со стороны Корнилова. Сентябрь прошёл под знаком новой опасности, нависшей над Россией. Октябрь стал месяцем штурма слева — со стороны большевиков.

Как делегат от Витебска, я находился на Всероссийском государственном совещании в Москве, где перед нашими глазами ещё накануне корниловского мятежа мобилизовались реакционные силы. Примерно три недели в сентябре я принимал участие в Петрограде в так называемом Демократическом совещании. В воздухе уже тогда носились совершенно очевидные признаки неминуемого краха революции, к которому готовились большевики, чтобы задушить её и начать новую главу своего господства в России. После Демократического совещания я провёл лишь короткое время в Витебске. Мне пришлось поехать в Москву на съезд Всероссийского союза городов. Так получилось, что 24 октября я уже видел, как московские большевики выпустили на улицы вооружённые отряды Красной гвардии. Они выглядели как черти из ада и наводили ужас и страх на мирных граждан. Вскоре я уехал обратно домой, в Витебск.

В Витебск я приехал уже после того, как в Петрограде власть была захвачена большевиками. Не было ещё ясно, что будет дальше, но было известно, что Зимний дворец уже взят большевиками и министры Временного правительства арестованы. Керенский бежал, чтобы собрать силы для военного сопротивления. 2 ноября состоялось совместное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов, «Бунда»

и других еврейских партий. Совещание передало власть большевикам во главе с Леккертом и Трациным. Считалось, что судьба демократической революции зависит от действий армии на фронте, и там у большевиков не было перевеса, а преобладали сторонники Временного правительства...

В самом Витебске замечалось определённое усиление местных большевистских элементов, среди которых важную роль играли дезертировавшие или примкнувшие к дезертирам офицеры и солдаты. Они участвовали в так называемых «экспроприациях». Их арестовали и лишь недавно выпустили из тюрьмы. Тем не менее, местные большевики ещё не были сильны. Они прекрасно знали, что в витебской рабочей среде, в Совете рабочих депутатов и в профессиональных союзах их представительство было ничтожным и не имело никакого веса. Их положение было плохим даже в военных ведомствах. У них не было даже прямой связи со своими товарищами в Петрограде и они не могли использовать прямой телеграф, который находился в наших руках. У них не было лидеров, людей, которые пользовались бы авторитетом и престижем в городе. Всё это вместе парализовало их и удерживало от попытки захватить власть силой в Витебске; они решили подождать. Собственно говоря, к этому же решению пришли и мы, лидеры революционной демократии. Мы также не знали, что делать, и решили подождать. Нам не приходило в голову, что из этой большевистской попытки захватить власть и устроить бунт в России может выйти что-то серьёзное и долговечное.

И вновь, как в дни корниловского мятежа, было созвано заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, и опять было избрано Военное бюро с почти неограниченными полномочиями. В бюро вошли: от меньшевиков — А. Тарле, от эсеров — Михаил Цейтлин, от «Бунда» — Мотель Тшивковский, Вольф Драбкин, Бер-Лейб Гинзбург и я, от народных социалистов — А. Лихницкий. Политическая позиция нашего бюро была радикальной. Оно требовало провозглашения лозунга создания в Петрограде однородного социалистического правительства «от большевиков до народных социалистов». Радикальной эта позиция была потому, что до октябрьского переворота эту позицию поддерживали лишь меньшевики и бундисты-интернационалисты, и от их имени говорили В. Драбкин и я. И теперь, когда большевики захватили власть, мы, интернационалисты, приняли большевистский переворот как прямое начало гражданской войны в стране и потерю надежды договориться с ними. Коротко говоря, когда я от имени нашего бюро выдвинул предложение об однородном правительстве «от большевиков до народных социалистов», я не верил в правильность такой позиции. Напротив, другие члены бюро, которые на протяжении всей демократической революции занимали умеренную позицию и поддерживали политику меньшевистско-эсеровского блока в Петрограде и идею коалиции с буржуазными группами (кадетами), теперь изменили свою прежнюю точку зрения и ухватились за предложение о переговорах в надежде найти компромисс. Они выступали на открытых собраниях рабочих и солдат, защищая лозунг мира и единства в рядах революционной демократии и поддерживая идею социалистического правительства «от большевиков до народных социалистов».

Большевики в то время соорганизовались. Был создан исполнительный комитет из центра их революционного комитета. Но за пределами своих выступлений в казармах они чувствовали себя неуверенно и понимали, что так продолжаться не может. Они

были вынуждены принять предложение вести переговоры с нами. Инициативу таких переговоров взяли на себя тогда лидеры железнодорожников (Викжедор*) и почтово-телеграфного союза. Они выдвинули большевикам своеобразный ультиматум: либо они пойдут на компромисс с лидерами Советов, либо железнодорожные и почтовые служащие начнут политическую забастовку. Один из аргументов железнодорожников был таким: «Вы, большевики, заявляете, что вся власть должна принадлежать Советам. Но если вы настроены против витебского Совета рабочих и солдатских депутатов, у вас нет права вести идейную борьбу против других социалистических течений и стремиться получить большинство в Советах. А пока, пока в Советах большинство за меньшевиками и эсерами, у вас есть только один путь — вести с ними переговоры и искать с ними компромисс». Большевики, которые сами мало верили в свою победу, не могли устоять перед таким давлением. И так началась в Витебске... «дискуссия» между нами и большевиками. Эта дискуссия затянулась на две недели и привлекла к себе внимание всего города и была связана со многими драматическими моментами. всего города и была связана со многими драматическими моментами.

** Примечание автора:* Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников и служащих.

В самом начале председатель городского самоуправления, адвокат К. Каниовский, созвал обе стороны — наше Военное бюро Совета и военный революционный комитет большевиков. Мы сами встретились лицом к лицу с большевиками. Позже мы увидели среди большевиков людей, имена которых нам ни о чём не говорили: Финкель, единственный старый большевик в Витебске, который вернулся из ссылки в начале революции; три офицера — один Саркисянц, армянин, служивший в части в Невеле, и два молодых прапорщика, Кастерин и Кирилов, которые незадолго до этого были освобождены из тюрьмы.

На этих заседаниях каждый раз создавалась очень тяжелая атмосфера. Мы спрашивали их: «Как вы собираетесь делать рабочую революцию в Витебске в то время, когда у вас нет ни одного рабочего в вашей организации? Как вы смеее выступать с таким лозунгом: вся власть Советам, в то время как Совет единогласно выступает против вашей политики? Если вы действительно стоите за власть Советов, вы должны немедленно распустить ваш военно-революционный комитет». Мы требовали создания единого социалистического правительства. Что могли ответить нам большевики? Они не доверяли ни меньшевикам, ни эсерам, и поэтому они должны удерживать важнейшие посты в правительстве, которое будет сформировано большевиками. Мы им возражали, что результатом их действий будет анархия в городе и погромы магазинов, а также погромы евреев. Они — заявляли мы — вызовут гражданскую войну, которая всё разрушит и опустошит. Под конец я высказал им свое мнение, что их главным вдохновителем является некий Кольман, который служил в контрразведке. Большевики чувствовали себя так, будто их усадили на скамью подсудимых. Они осыпали нас демагогическими обвинениями, что мы продались буржуазии и являемся агентами милитаризма и империализма, а они — представители социализма и рабочего класса. Не раз дело доходило до исторических сцен.

Мы связались с Петроградом по прямому проводу через директора телеграфа. Однажды случилось так, что у петроградского аппарата ЦИК* находился у телеграфа Р. Абрамович. Он сказал нам, что хотя там тоже велись переговоры, но всё указывает на то, что всё проиграно и нет никаких перспектив на мир в социалистических рядах.

** Примечание автора:* Центральный исполнительный комитет Советов

Наши встречи с большевиками в конце концов прекратились, так как они почувствовали себя полностью хозяевами положения. Они организовали большие митинги для рабочих и солдат, и туда большевики присылали своих ораторов. В их числе от их имени выступали присланные делегаты — офицер Саркисянц. В этих дебатах принимали участие наши лучшие ораторы — среди них Каниовский, Косовский, Тямкин, Григорий Аронсон и наши выдающиеся политические деятели, такие как Михаил Цейтлин, Лихницкий, Драбкин и др. Было несколько раз заметно проявление определенных пробольшевистских настроений среди солдат, и ораторы-большевики сразу же начинали заигрывать с толпой в большевистском духе. Он (Саркисянц) тут же заявлял, что выступает за левых эсеров. В то время солдаты уже начали поддаваться влиянию левых эсеров, и они кричали нам, меньшевикам и эсерам: «Хватит пить нашу кровь! Ступайте сами на фронт!»

Я помню, как однажды после моей речи, на выходе из зала, ко мне подошел солдат и с выражением неопишуемой ненависти бросил мне прямо в лицо: «Поешь хорошо, соловушка! А сколько ты получил от буржуев?»

В это же время большевистский военно-революционный комитет начал проявлять свою силу. Ночью они ворвались в типографию, где печатались «Известия» Совета рабочих депутатов, и прислали своего комиссара, который должен был цензурировать советскую газету. Мы ничего не могли поделать. И через несколько дней мы начали издавать «Известия» Совета... в другой, частной типографии.

Большевики ничего не могли поделать с нашим Советом рабочих депутатов. Он существовал примерно до 10 января 1918 года под моим председательством, и большевики были вынуждены терпеть его существование. Постепенно они проводили выборы в военных частях и создали свой «Совет витебского гарнизона». В один прекрасный день они ворвались на квартиру Совета солдатских депутатов, вынесли мебель, бумаги и штампы и поставили нас перед фактом: у нас не осталось ничего, кроме протестов против них и их попыток вмешиваться в дела городского самоуправления.

И их представитель, латышский солдат, угрожал установить там свою диктатуру. Городская дума на своем заседании выразила энергичный протест против вмешательства большевиков.

На улицах Витебска появились матросы из Кронштадта. Когда я, как председатель Совета рабочих депутатов, остановил их и спросил, зачем они пугают людей в городе, их вождь ответил мне: «Мы — питерский пролетариат... нас прислали сюда наводить революционный порядок в городе».

Вскоре большевики установили тесные связи со своим петроградским центром. На одном из наших митингов появился неизвестный человек, заявивший, что он назначен большевиками «губернским комиссаром в Витебске». Мы узнали, что его фамилия Соломонов и что он анархист. Он занял пост Волковича и его квартиру. Вскоре большевики назначили большой военный парад на Соборной площади. Когда туда прибыла воинская часть за частью со своими знаменами, большевиков охватил страх. Они пришли к нам за советом, что им делать; они очень боялись, не начнется ли какая-нибудь антибольшевистская демонстрация (или еврейский погром?). И произошло нечто весьма странное: наш Тарле, председатель Совета солдатских депутатов, вместе с большевистским военным комиссаром вместе принимали этот парад, и Тарле приказал всем спокойно разойтись по казармам.

В минском «Оклик»* в те дни была опубликована следующая корреспонденция из Витебска:

«31 октября состоялось у нас заседание городской думы. Обсуждались политические вопросы в связи с общим насилием солдат в витебском революционном комитете над прессой и автономным городским самоуправлением. В качестве представителя военного бюро при Совете рабочих и солдатских депутатов выступает тов. Аронсон (“Бунд”). Он решительно осуждает преступную тактику большевиков как в целом по стране, так и их позорное поведение здесь, в Витебске. Он говорит, что их власть держится только на штыках всей демократии, и если большевики расколют ряды революционной демократии, они тем самым помогут силам контрреволюции. Вслед за Аронсоном все насилие большевиков осудили в Витебске, в отношении прессы и городского самоуправления, и предложил думе принять протестную резолюцию против этого. Резолюция была принята к концу заседания. Все ораторы, за исключением большевиков, высказались резко против большевистского восстания и протестовали против их действий. При голосовании резолюция была принята большинством голосов, причем дума выразила свое полное доверие Военному бюро Совета... Первого ноября состоялось общее собрание членов “Бунда” и РСДРП. Все ораторы резко выступили против большевистского переворота, ведущего революцию к катастрофе...»

* *Примечание автора:* Цитируется по работе Ш. Агурского «На историческом фронте», Москва, 1930, стр. 75.

Как известно, в ноябре состоялись выборы в Учредительное собрание. Большевики тогда еще не решили его разогнать. Напротив, в своей борьбе против Временного правительства они постоянно обвиняли Керенского в том, что он и его правительство намеренно затягивают созыв Учредительного собрания. Это значит, что формально они совершенно спокойно и мирно пошли на выборы после октябрьского переворота. Но никаких иллюзий, что теперь установится определенный порядок, ни у кого не было. Особенно в Витебске никто не верил, что происходит серьезная акция, которая может иметь важное значение для дальнейшей судьбы России. Формально все действительно шло своим чередом. Проходили митинги. Все партии выставили своих кандидатов. Действовала какая-то избирательная комиссия, вероятно, уже под

контролем большевиков. В Витебске было выставлено 15 списков кандидатов. Все чувствовали, что главная борьба развернется между эсерами и большевиками. «Бунд» шел совместно с меньшевиками, но этот список не имел никаких шансов провести своих кандидатов. Важно отметить, что все списки состояли главным образом из центральных кандидатов. Местные деятели, которые были включены в списки, могли рассчитывать быть избранными только тогда, когда центральные кандидаты пройдут в других округах.

В большевистском списке первым кандидатом был Каменев, у эсеров — Волатов и Гинзбург, у меньшевиков и «Бунда» — Чхенкели, Гвоздев, Абрамович. Из местных деятелей кандидатами у эсеров и в нашем объединенном списке меньшевиков и «Бунда» был выставлен Михаил Цейтлин. Эсеры серьезно относились к этой избирательной кампании и с момента Октябрьского переворота делали все, чтобы не дать пройти ни одному из ключевых кандидатов: трудовику и члену IV Государственной думы Волатову, профессору и ученому Геттее, а также Иегуде Новоковскому — представителю объединенных социалистов, который позже примкнул к коммунистам. Я помню, как вместе с ним вел борьбу против большевиков. Помню, как он упрямо требовал, чтобы в одном из наших воззваний стоял лозунг: «Долой самодержавное господство Ленина!» Из нашего партийного списка в Витебск никто не приехал, кроме Р. Абрамовича. Я не могу забыть, что на моем выступлении на одном собрании, говоря о других списках кандидатов, я выступил с очень резкой критикой эсеров за их эклектичную программу. В то время у нас под рукой не было точных цифр по выборам в Учредительное собрание по Витебской губернии. Однако результат был таков: из 9 прошедших депутатов пять были эсерами и четыре большевиками.

Я должен был покинуть Витебск на несколько недель. Я отправился в Псков на Северный фронт и принял там участие в различных совещаниях и переговорах. Я также побывал на партийной конференции меньшевиков и «Бунда» в Петрограде. Там мне довелось навестить в санатории в Кунцево под Москвой моего старого друга Мотеля Тейшувского, одного из моих лучших друзей. В начале января 1918 года я уже ехал обратно в Витебск, но в пути меня задержали сильнейшие снежные бураны, продолжавшиеся несколько дней.

Таким образом, я прибыл в Витебск уже после всего: Учредительное собрание в Петрограде большевики уже разогнали. Демонстрация в защиту Учредительного собрания в Витебске 4 января тоже была разогнана. Накануне разогнания собрания «Бунда» и меньшевиков большевики впервые арестовали социалистов. Десять товарищей были заключены в витебскую тюрьму. Весь город, особенно рабочие, был взбудоражен. Друг, который встретил меня на вокзале, предупредил меня, чтобы я не шел домой, так как меня уже несколько дней поджидают там красногвардейцы. Так я стал нелегалом.

Вышеупомянутый коммунистический историк Ш. Агурский в своей книге приводит несколько строк из корреспонденции из Витебска в бундовской минской газете «Векер» от 12 января 1918 года:

«В городе царит голод. Хлеба нет. Всё продовольствие реквизировано. После 8 часов вечера на улицах не видно людей. Ходят только пьяные

красногвардейцы... Лидеры “Бунда” находятся в Витебске, но ведут нелегальный образ жизни...»

Совместно с группой верных товарищей из «Бунда», меньшевиков и эсеров мы начали вести наше нелегальное существование в доме, где ранее располагалась детская колония, и который связывал нас со всем городом. Мы выпускали там подпольный листок, который пользовался большим успехом. Там же мы организовывали и нелегальные заседания нашей распущенной городской думы. Тем не менее, мы не сидели взаперти. Напротив, мы ежедневно выходили выступать на собрания рабочих союзов, и тысячи людей слушали нас и сочувствовали нам, особенно после того, как они узнали, что большевики ищут нас, чтобы арестовать. Наша дерзость зашла так далеко, что от имени Совета рабочих профессиональных союзов (я был председателем Совета) мы начали легально издавать газету «Дер витебскер арбейтер» («Витебский рабочий» на русском языке). Большевики косились на это, но не решились сразу закрыть официальный внепартийный рабочий орган. В конце концов они всё же арестовали печатника за то, что он согласился печатать её, и газета была вынуждена закрыться.

После этого ситуация еще больше обострилась. Арестованные 4 января были освобождены. Митинги прекратились. Мы оказались перед альтернативой: либо легализоваться, либо покинуть Витебск.

В начале февраля я получил срочную телеграмму из Минска, где находилось бюро бундовского Центрального комитета, с тем чтобы я немедленно прибыл на совещание и принял участие в работе одной из комиссий. Я принял приглашение, надеясь получить совет, как нам поступить в Витебске. И я действительно покинул наших товарищей.

В самые первые дни марта 1917 года, в самом начале демократической революции, городская дума попыталась вмешаться в ход событий и взять на себя представительство нового порядка в городе. Но в новых условиях, когда на арену вышли новые силы, организованные революционной демократией — исполнительный комитет, Совет рабочих депутатов и др. — старое городское самоуправление сразу же отошло на второй план. О них почти забыли. Ожидали, что в Петрограде Временное правительство вскоре опубликует новый закон о всеобщих демократических выборах в городские самоуправления, но в те бурные дни этот план затянулся на несколько месяцев. Между тем росла необходимость заняться вопросом городского хозяйства, поскольку старое самоуправление само отстранилось от дел. По вопросу о «реформе» думы была избрана специальная комиссия, куда пригласили представителей от революционных течений по 15 человек от каждого. В итоге Совет рабочих депутатов поставил этот вопрос на повестку дня и принял решение положить конец существованию старой городской думы.

Дело развивалось следующим образом: в мае месяце два председателя — один от Совета рабочих депутатов, а второй от Совета солдатских депутатов — обратились к губернскому комиссару Временного правительства Алексею Волковичу с предложением создать новую, временную демократическую думу вместо существующей. Это предложение было направлено комиссару в письме,

опубликованном в витебской газете «Известия». Мотивировка этого предложения была простой и ясной. В Витебске, как и во всех других городах Северо-Западного края, революция застала архаичный институт — городскую думу. Из 7 000 домовладельцев города большинство, главным образом евреи, имели право голоса на выборах в думу. Из них только 400 человек воспользовались этим правом, и большинство из них принадлежало к черносотенцам, наиболее консервативным элементам. Подобная ситуация была недопустима с революционной точки зрения, и поэтому председатели Советов потребовали от комиссара согласиться на предложение реорганизовать городскую думу в Витебске на демократических основах, не дожидаясь, пока в Петрограде разработают общий закон о реформе.

Проект временной реформы городской думы, который был опубликован, состоял из следующих основных пунктов:

Создать в Витебске временную городскую думу из 100 гласных: 25 мест направляет исполнительный комитет (в то время в него входили представители рабочих и социалистов), который заявляет себя в городе как представитель буржуазных и демократических групп всех направлений и национальностей; 15 мест направляет старая городская дума из числа своих членов; а 60 мест распределяются среди рабочих и солдатских депутатов, профессиональных рабочих союзов и социалистических партий. Этот проект исходил из предпосылки, что революционная демократия должна быть представлена во временной думе 60 мандатами, в то время как буржуазная часть города — 40 мандатами. Против такого плана почти никто не выступил. А. Волкович счел возможным принять наш план. И когда было созвано первое заседание новой думы, Волкович от имени Временного правительства приветствовал импровизированную реформу новой думы.

Это действительно было торжественное собрание нового органа. Впервые представители демократической интеллигенции, рабочие, солдаты и офицеры заняли места бывших русских домовладельцев и чиновников. Вместо «великодержавных» русских в думе теперь заседали также поляки, евреи, латыши, литовцы; вместо черносотенцев и их попутчиков — социалисты разных направлений, кадеты, сионисты, еврейские и польские демократы. Впервые под сводами витебской думы звучали речи не только на русском, но и на других языках. Торжественную речь на идише от имени «Бунда» произнес рабочий-обувщик М. Ратнер-Косовский. Его речь очень взволновала присутствующих...

Было бы, однако, неверно думать, что никто не выступил против этого плана демократизации думы. Старая черносотенная дума не только отвергла это предложение и отозвала своих 15 делегатов, но и пошла еще дальше: взбунтовалась и отправила в Петроград протест против этого плана. Это не заинтересовало петроградские верхи, которые не понимали всей остроты ситуации и не давали министерствам указаний по коммунальным вопросам даже в самых мелких делах. Тем не менее, это не помешало даже губернскому комиссару Волковичу направить телеграмму на имя председателя старой думы, доктора Григоровича, в которой тот требовал немедленно упразднить «революцию» в Витебске и вернуть старую думу.

Можно себе представить, какое настроение это вызвало в Витебске, когда этот скандал с Волковичем стал достоянием общественности. Волкович немедленно телеграфировал Временному правительству. Советы рабочих и солдатских депутатов обратились с телеграммами к Керенскому, Церетели, Чхеидзе. В конце концов, от имени нашей думы в Петроград отправился Самуил Писаревский и привез оттуда санкцию нашей реформы. Центральное правительство поняло, какая несправедливость была совершена, когда оно хотело восстановить в Витебске черносотенную думу.

Новая временная дума соорганизовалась и взяла на себя управление всеми городскими делами. Была выбрана управа из новых людей. Однако возникли определенные трудности при выборе городского головы (мэра). Был выбран лишь его заместитель — меньшевик И. Тарле, санитарный врач. Надо признать, что за те несколько месяцев, в течение которых это революционное учреждение существовало, оно не вызвало большого интереса в общественной и политической жизни города. Центр революции находился не здесь. Совсем иначе выглядело городское самоуправление в Витебске чуть позже, когда на смену ему пришла новая дума, избранная в результате всеобщих выборов, ставшая истинно демократическим самоуправлением. Об этом нужно рассказать подробнее.

Закон о демократическом городском самоуправлении вышел в Петрограде в августе. Во всяком случае, выборы в Витебске состоялись 30 августа и совпали с важнейшей датой в демократической революции 1917 года, когда генерал Корнилов предпринял заговор против Временного правительства. Тем не менее, избирательная кампания в Витебске прошла очень оживленно. Между социалистическими партиями велись переговоры, и они создали совместный социалистический блок, куда вошли: «Бунд», меньшевики, эсеры и народные социалисты (энесы). Поляки-социалисты (ППС) тоже хотели войти в этот блок, но «Бунд» не допустил этого, и польские социалисты, как и Поалей-Цион, шли отдельными списками. Что касается большевиков, то они группировали вокруг себя главным образом латышскую социал-демократическую организацию и имели связи только в военных гарнизонах, выставив собственный список. Все остальные группы населения Витебска также втянулись в эту избирательную борьбу. Были выставлены несколько национальных списков: польский, латышский, литовский и русский. Политические интересы представляли кадеты (либералы) и польский блок. Среди еврейских партий было две группировки: «Ахдут Исраэль» (в основном сионисты) и Народная партия (Фолкспартей), которая была убежищем для бывших социалистов. Правые — среди них некоторые гласные из старой думы — поспешили организовать только в «Союз русских». В избирательной кампании также организовался и фигурировал целый ряд локальных, беспартийных, внеполитических групп — старообрядцы, мещане, домовладельцы, ремесленники, домовладельцы [в значении «обыватели»], союз торговцев и промышленников и другие. Достаточно упомянуть, что на 102 места в новом городском самоуправлении претендовало 20 списков с 481 кандидатом.

Следующая таблица показывает нам результат этой предвыборной борьбы, состоявшейся в Витебске 30 августа 1917 года во время выборов в демократическое городское самоуправление.

Зафиксировать эти цифры стоит потому, что это было впервые (и по сегодняшний день в последний раз) в истории Витебска.

№ списк а	Название группировки	Число кандидато в	Число полученных голосов	Избранные гласные (депутаты)
1.	Социалистический блок	102	9612	38
2.	Старообрядцы	10	509	2
3.	Мещане	55	52	0
4.	Литовские народные социалисты	5	220	1
5.	Союз домовладельцев	36	683	2
6.	Большевики и латышские социал-демократы	21	4212	17
7.	Польские рабочие, солдаты и ППС	6	341	1
8.	«Объединенные»	20	1220	5
9.	Ахдут Исраэль	21	2054	8
10.	Польский блок	15	1476	6

11.	Латышские радикал-демократы	8	362	1
12.	Кадеты (Конституционно-демократическая партия)	55	2041	8
13.	Союз торговцев и промышленников	15	620	2
14.	Союз ремесленников (домовладельцев)	5	183	0
15.	Еврейская народная партия [Фолкспартей]	10	299	1
16.	Поалей-Цион	10	186	0
17.	Район Песковатик и Слободка	10	26	0
18.	Служащие городской думы	13	108	0
19.	Кнесет Исраэль	9	302	1
20.	Союз русских [в тексте: «Фױרווען פֿון אַראַד» — Союз белорусцев / Союз русских]	55	1836	7

Всего в выборах приняли участие 26 342 гражданина. Для избрания одного гласного требовалось 260 голосов. На первом месте шел Социалистический блок, который получил около 10 000 голосов и провел в городскую думу 38 гласных. Вместе с другими социалистами (1 поляк, 5 «объединенных», 1 литовец и 1 представитель народной партии [Фолкспартей]), список № 1 получил в думе 46 мест. Большевистско-

латышские голоса не могли быть причислены к ним, так как с самого первого момента и в городской думе проявилось их противостояние всему и вся. К этому следует добавить, что их победа для них самих, для тех немногих большевиков, которые тогда были в Витебске, была совершенно неожиданной. Эту их победу можно отнести на счет латышей, которые имели в Витебске как весьма крупную организацию беженцев, так и поддержку со стороны латышских военных кругов. Среди большевистско-латышских гласных оказалась дюжина молодых солдат, очень плохо владевших русским языком. Что же касается их принадлежности к Витебску, то об этом не могло быть и речи: это были чужие люди, случайные «гости». Интересно, что латыши тогда, по-видимому, еще не считали себя большевиками. Декларацию, зачитанную от имени думской фракции «Большевиков и латышских социал-демократов», они начали словами: «Наша партия именуется Р.С.Д.Р.П. — интернационалисты»...

Буржуазное представительство, которое по большей части интересовалось исключительно городскими делами, было представлено весьма скромно. «Ядро» буржуазных группировок составляли: 8 кадетов, 8 сионистов и 6 от польского блока. К этим голосам примыкали еще 2 от союза торговцев, 1 от Кнесет-Исраэль (ортодоксы), 2 домовладельца — вместе они имели 27 голосов. Правые — 7 «белорусцев» [члены «Союза русских»] и 2 старообрядца — не играли в думе никакой роли.

Стоит отметить, что из всех 20 списков 5 не провели ни одного кандидата в городскую думу. Это были: мещане, ремесленники-домовладельцы, жители Песковатика и Слободки, служащие старой городской думы и одна политическая группировка, которая не провела ни одного гласного — это были Поалей-Цион.

Евреи в демократической думе были представлены практически во всех фракциях. Среди кадетов и в Социалистическом блоке было немало евреев. Нельзя сказать точно, сколько именно евреев было, например, в Социалистическом блоке, однако «Бунд» имел в думе самую крупную фракцию.

Что касается состава демократической думы, я могу по памяти восстановить следующую картину: в Социалистическом блоке первым в списке был автор этих строк [Григорий Аронсон], затем шли лидер меньшевиков Александр Тарле и лидер эсеров Михаил Цейтлин; кадетской группой руководили Адольф Левинсон, промышленник, и есаул Гелариабов; во главе сионистов стоял д-р Г. Брук; польская группа имела среди своих лидеров нескольких адвокатов во главе с А. Рачновским; группой «объединенных» руководил Мац.

При сложившемся положении дел главное влияние находилось в социалистических руках. При конституировании новой городской думы было условлено, что городским головой будет бундист, а председателем городской управы и его заместителем будут меньшевик и эсер. Однако поскольку на кандидата-бундиста не удалось получить согласие буржуазных элементов, вопрос о городском голове остался открытым (и так и не был решен до самого конца существования думы).

Председателем думы был избран А. Тарле (меньшевик), его помощниками — М. Цейтлин (эсер) и А. Рачновский (Польский блок). В городскую управу вошли: д-р Заремба (меньшевик), инженер Залман Гуревич (меньшевик), Медведев (эсер), Ш.

Ривкин («Бунд»), Эмиль Цейтлин («Бунд») — секретарь управы, и Илья Закс (адвокат, беспартийный, близкий к кадетам).

Как и всё в тот год, витебская городская дума была крайне «политизирована». Сразу же после своего конституирования она превратилась в трибуну для постоянных политических столкновений. Повседневными делами почти не интересовались. Эти вопросы были переданы в ведение новой управы.

Пожалуй, стоит упомянуть два проекта, которыми занималась дума и которые представляют определенный общественный интерес. Первый проект предлагал создать при думе школьный совет с национальными школьными секциями. Этот проект разработал и внес «Бунд». Второй проект — по борьбе с безработицей — внес Социалистический блок. Был выделен специальный городской комитет по борьбе с безработицей. Позже, после того как большевики разогнали городскую думу, этот комитет перешел к Совету профессиональных союзов и в течение двух с половиной лет вел независимое существование, играя столь важную роль в экономической жизни города, что большевики до весны 1920 года не решались его разогнать. Этот вопрос даже обсуждался в Москве в Совнаркоме. И Ленин, и Рыков сочли нецелесообразным ликвидировать данный комитет.

Тем временем, сразу после корниловского мятежа, изо дня в день шли споры и конфликты с большевиками. Руководящую роль в думе играл Социалистический блок. Его предложения и проекты принимались в думе подавляющим большинством против голосов большевистской фракции. Во все напряженные моменты политической жизни (а почти каждый день приносил в этом отношении новости) большинство выражало свое доверие решениям, которые принимали оба президиума Советов рабочих и солдатских депутатов, возглавляемые «Бундом», меньшевиками и эсерами. Фактически в думе сложилась коалиция социалистов и буржуазных элементов.

В начале ноября большевики начали саботировать заседания думы. Они оставили какого-то молодого солдата, латыша, в качестве своего «ока» в составе городской управы. И вплоть до конца они очень мало интересовались судьбой демократической думы.

Конец наступил очень быстро. 4 января 1918 года, по всей видимости по приказу из центра, Военно-революционный комитет объявил о роспуске витебской думы. Предлогом послужило то, что дума организовала политическую демонстрацию в защиту Учредительного собрания, созываемого в Петербурге в тот же день — 4 января. И подобно тому как в Петербурге разогнали Учредительное собрание и расстреляли уличную демонстрацию, так же поступили большевики и в Витебске.

Вслед за этим наступила самая последняя фаза существования думы. Было созвано общее нелегальное заседание думы, на котором были приняты два протеста — один против разгона Учредительного собрания в Петербурге, второй против разгона витебской демократической думы. Это было последнее обращение к населению со стороны людей, избранных на основе всеобщего избирательного права. Протесты и обращение были нелегально отпечатаны и расклеены по городу.

Так закончилась короткая история витебского городского самоуправления, которое возникло во время демократической революции 1917 года и было насильственно ликвидировано большевиками.

8. Большевики в Витебске

Вопрос, который сейчас для многих прозвучит крайне странно, представляет не только местный, но и общий интерес: были ли в Витебске большевики в первый год революции 1917 года, имели ли они организацию и играли ли они какую-либо роль в общественной жизни?

К концу 1917 года, после октябрьского переворота в Петрограде, они претендовали на то, чтобы быть хозяевами в Витебске, а в течение первых месяцев 1918 года они уже чувствовали себя признанными властителями в городе. Но во время демократической Февральской революции, когда в стране царили безграничные политические свободы, когда оформлялись всевозможные направления и оттенки в политической жизни города, — были ли тогда в Витебске большевики и как они выглядели? Мы ответим на этот вопрос, опираясь не на собственные воспоминания, а на единственные имеющиеся свидетельства, которые опубликовали сами большевики.

В 1923 году витебский «Истпарт»* выпустил книгу «Красная быль» (о большевиках в Витебске), и там имеется подробное описание хода Февральской революции в Витебске, написанное Б. Пинсоном. Этот самый Пинсон, рассказывая о многих трудностях, которые большевики имели в Витебске, устанавливает тот весьма важный факт, что первую губернскую партийную конференцию большевики созвали 1 октября 1917 года:

«К этому времени, — пишет он, — организация называлась Р.С.Д.Р.П.- большевиков».

Иными словами, до 1 октября в Витебске не существовало большевистской организации. Как такое возможно? Но это факт, на котором стоит остановиться.

Б. Пинсон не был в Витебске в начале революции. Он приехал только в апреле 1917 года. До тех пор в Витебске не было никакой большевистской организации — не было даже ни одного большевика. Пинсон был первым и единственным. Он пишет: «Существовали организации меньшевиков, бундистов, эсеров, меньшевиков, национально-либеральных групп, кадетов, сионистов и так далее. Но не было никакой большевистской организации».

** Сокращенное название института [комиссии], который занимался изучением истории большевистской партии.*

Он [Пинсон] обратился к латышским социал-демократам, у которых в Витебске была большая организация беженцев. Они были настроены очень лево. Но «этот латышский социал-демократический комитет, — пишет он, — контактировал в своей деятельности с меньшевиками». И Пинсон добавляет: «Наступил июнь, а в Витебске

всё еще не было никакой большевистской организации. Что же делать? Тогда Пинсон 20 июня созвал в Латышском клубе собрание. Как оказывается, на это собрание пришло много меньшевиков и эсеров, которые тут же заняли места в президиуме и определили ход собрания. Провозгласили ли они себя большевиками? Нет! Оказалось, что новая организация взяла себе название: „Временный комитет социал-демократов и интернационалистов“. Даже 2 июля, когда было принято решение примкнуть к большевистскому центру, название всё равно осталось прежним: „Витебская организация Р.С.Д.Р.П.-интернационалистов“».

Когда 10 сентября на заседании новоизбранной городской думы выступила фракция из 17 депутатов, избранных по списку «Большевиков и латышских социал-демократов», можно было ожидать, что теперь-то в городе уже существует большевистская организация. Однако и в своей декларации они заявили, что принадлежат к партии, которая зовется Р.С.Д.Р.П.-интернационалисты. Но такой партии в России вообще не существовало. Были Р.С.Д.Р.П.-большевики и Р.С.Д.Р.П.-объединенная (меньшевики), а Р.С.Д.Р.П.-интернационалисты была не более чем локальной, выдуманной концепцией.

Мы уже знаем, что только 1 октября — за месяц до Октябрьского переворота — в Витебске оформилась большевистская организация. Можно подумать, что «легализация» большевиков столкнулась с какими-то полицейскими препятствиями, о которых Пинсон ничего не упоминает. Но истинная причина того, почему в Витебске не было большевистской организации, заключалась в том, что среди радикальной интеллигенции того времени в городе не нашлось ни одного большевика, кроме самого Пинсона. А латышские социал-демократы не играли никакой политической роли, и это самое главное: большевики почти не имели связей с витебским рабочим движением. Они не имели представителей в профессиональных союзах, не участвовали в работе Совета рабочих депутатов и так далее. Правда, в некоторых военных организациях они вели пропаганду. Но это происходило так, что в политической общественной жизни этого никто не замечал. Интересно, что в 1917 году в военном отделе находился впоследствии знаменитый помощник Сталина в кровавые годы 1936–1938 Николай Ежов, однако в Витебске никто даже не знал его имени.

Влияние на рабочую среду в Витебске — как среди еврейских, так и среди нееврейских рабочих — полностью удерживали «Бунд», меньшевики и частично эсеры. Достаточно сказать, что вплоть до января 1918 года (то есть спустя 2-3 месяца после Октябрьского переворота) руководство Советом рабочих депутатов всё еще оставалось в руках этой антибольшевистской коалиции. И когда мы берем второй важнейший представительский орган рабочего движения — Совет профессиональных союзов, в котором были представлены все правления отдельных союзов, то «Бунд» и меньшевики еще долго сохраняли там свои лидирующие позиции. Большевики постепенно завоевывали влияние в некоторых военных частях, но рабочее движение в городе — в союзах, в мастерских, на фабриках и на железной дороге — оставалось «свободным от большевизма» еще в течение нескольких месяцев после Октября. Коротко говоря, на протяжении демократического этапа революции 1917 года большевики не принимали участия в рабочем движении. И хотя Пинсон утверждает, что в 1917 году большевики имели определенное влияние на кожевников, он тут же признает, что «меньшевистское правление удерживалось в союзе кожевников до

Октябрьской революции и даже несколько позже». О портных, служащих и печатниках сам Пинсон пишет, что они еще долго оставались опорой меньшевиков. И о пекарях он признает, что «еще долго после укрепления советской власти они оставались под влиянием „Бунда“».

Поэтому очевидно, что связи большевиков с рабочими во время Февральской революции были попросту ничтожными. Еще более четко это устанавливают другие большевики, принимавшие участие в политической жизни уже после Октябрьского переворота. Мы приведем их печатные отзывы в вышеупомянутом сборнике «Красная быль». Старый большевик, в прошлом витебский сапожник Бреслав, который по требованию Центрального комитета большевистской партии был направлен в ноябре в Витебск, рассказывает совершенно ясно и отчетливо то, что он застал в городе: «Никаких связей с местными рабочими, с их организациями, с местными экономическими обществами и даже политической жизни не было видно ни в Совете (Совете солдатских депутатов — Г. А.), ни при партийной организации, не говоря уже о силах, на которые Совет мог бы опереться (солдаты-латыши)». В этой же статье Бреслав пишет далее: «Меншевики и эсеры имели безоговорочное и безраздельное влияние на рабочие массы... профессиональные союзы были меньшевистско-эсеровскими». Третий большевик, Иван Маницкий, который также приехал после Октябрьского переворота в Витебск, подтверждает в своей статье, что «Совет рабочих депутатов оставался крепостью меньшевиков и эсеров», а четвертый большевик, С. Шидлин, бывший поалей-ционист, вспоминает в своей статье, что до весны 1918 года «рабочие массы относились враждебно» к большевикам. И вышеупомянутый Маницкий категорически заявляет, что «до Октябрьского переворота у нас не было опоры среди витебских рабочих».

Пинсон рассказывает, что в Совете рабочих депутатов, который состоял из 300 депутатов, большевистская фракция была крайне немногочисленной (он приводит цифру от 10 до 15 человек) и никто из них не входил в президиум. Это просто не укладывалось в голову: ни один представитель большевистской фракции в Совете не был и не мог быть в президиуме, который состоял исключительно из представителей «Бунда», меньшевиков, эсеров и беспартийных.

Далее Пинсон пишет о корниловских днях в Витебске, когда большевики, по его словам, развернули «бурную деятельность», принимали участие в переговорах с генералом Алексеевым, который тогда прибыл из Петрограда, и так далее. Но правда состоит в том, что большевики не играли никакой роли в событиях до Октябрьского переворота. Они начали играть свою трагическую роль после своей победы в важнейших центрах страны.

В завершение мы воспользуемся книгой «Красная быль», где рассказывается история большевизма в Витебске. Мы делаем это для того, чтобы зафиксировать некоторые штрихи, наглядно показывающие, как выглядели победители — большевики в первые месяцы в Витебске. Мы уже убедились, что они не имели никакого влияния и связей в рабочем движении. Не менее важно подчеркнуть, что ни один человек из витебской демократической интеллигенции не примкнул к большевикам. Самыми видными представителями большевиков в городе были двое невитебских людей. Одним из них был председатель Военно-революционного комитета Саркасянц. Он был

официальным оратором большевиков на многочисленных митингах, которые созывал Социалистический блок. Он вошел в учредительное собрание по большевистскому списку. Пинсон пишет в своей исторической статье всего одну строчку об этом Саркасянце: «В октябрьские дни Саркасянец был снят с поста за резкие бонапартистские замашки».

Второй важной представительной фигурой был некий Саламака, который был назначен из Петрограда первым большевистским губернским комиссаром. О нем рассказывает Пинсон: «Он примыкал к анархистам-коммунистам и только позже перешел к большевикам». Маницкий пишет об этом большевике: «Мы очень боялись различных сюрпризов от этого малоизвестного анархиста». А Бреслав, рассказывая о своей статье и о том, как он приехал в Витебск, заявляет, что «губернская власть была представлена и олицетворялась неизвестным субъектом Саламакой», который ведет дела по своему усмотрению, так что комитет большевиков «снял с себя моральную ответственность за его действия». И это при том, что он все же был первым представителем большевистской власти в Витебске и в губернии.

Среди других большевистских деятелей, которые играли важную роль в перевороте, Маницкий упоминает некоего Василенко: «Бывший поп [священник], который перешел на сторону крестьян в революции, а позже погиб на Юго-Западном фронте». Бреслав пишет в том же сборнике об этом большевистском герое: «Среди людей, которые называли себя большевиками, были откровенные авантюристы и контрреволюционеры, как, например, поп Василенко».

Из евреев, сыгравших, помимо Пинсона, определенную роль у большевиков, можно назвать только Бреслава. Он был старым большевиком, рабочим, сапожником, который когда-то жил в Витебске. Он был сослан в Сибирь, бежал, жил в эмиграции и в 1911 году нелегально ездил по России как один из агентов Ленина. И когда он приехал после Октябрьского переворота в Витебск, его делегировали временно в состав земского управления. Вот что рассказывает об этом старый большевик, агент Ленина: «Я чувствовал себя хуже, чем в лесу. Я не знал, что делать. Я не знал, на какие средства существует земство и в чем состоит его существование». Так писал старый большевик о земстве, которое существовало с 1864 года и играло такую огромную роль в общественной жизни этой старой аграрной страны. И чего можно требовать от других, гораздо менее опытных большевиков, которые взяли на себя управление всем российским государством, если политический деятель ленинской школы был столь беспомощен и примитивен?

МЕИР МУШКАТИН | ВО ВРЕМЕНА БОЛЬШЕВИКОВ

Тихо и скромно жили евреи в Витебске. Религиозная жизнь не бросалась в глаза в городе. Даже не очень набожные евреи соблюдали Субботу и праздники. Все лавки и конторы были закрыты по субботам, ни одно еврейское заведение у нас почти не работало. Так наш еврейский уклад жил со своими обычаями и традициями вплоть до большевистского переворота.

Уже Первая мировая война принесла большие потрясения в нашу жизнь. Первые крупные поражения на фронте повлекли за собой преследования евреев. Военные

власти хотели оправдать свои поражения, выдумывая на евреев дикие наветы, будто они помогают нашему мнимому врагу. В 1915 году началось изгнание евреев из прифронтовых районов. Множество беженцев из Литвы и Курляндии прибыли в Витебск. У нас как раз пустовали две школы, где и разместили беженцев. У нас они нашли открытую дверь, часто приходили к нам за советом и чтобы немного облегчить душу.

Мой покойный отец сразу же включился в дела помощи беженцам. И помощи требовалось немало. Прежде всего нужно было расселить беженцев из синагог и молитвенных домов и обеспечить их постоянным жильем. Тогда с беженцами это было совсем непростым делом. Нужно было также позаботиться о материальной помощи. У нас во дворе мой отец распределял среди беженцев продукты, а также помогал им деньгами, которые сам собирал в городе, но немало давал и из собственного кармана. Наша семья ничего об этом не знала. Знакомые даже рассказывали, что он сам брал долги, так глубоко он был вовлечен в помощь этим несчастным, что ни с чем не считался.

Немного легче в этом отношении стало, когда в июле 1920 года был заключен мирный договор с Литовской Республикой. В договоре был пункт, согласно которому советское правительство обязуется вывезти беженцев за свой счет до литовской границы. Многие беженцы действительно воспользовались этим и вернулись в Литву, в свои города и местечки, откуда их ранее изгнали. Мой отец, да пребудет он в раю, понимал, что под большевистской властью в России евреям нет места, особенно религиозным евреям, и намеревался вернуться в Литву, откуда он был родом (он родился в Вилкавишкисе, Ковенской губернии). Однако мой дед по материнской линии, р. Шломо-Залман Мушкатин, резник (шойхет) птицы, очень просил его остаться в Витебском крае и стать его преемником на месте резника. Мой отец не устоял перед просьбой отца своей жены и уступил ему.

После кончины деда мой отец стал резником птицы на Клайнер зайт (на Малой стороне). Из-за этого у большевиков он пользовался очень малым уважением, особенно потому, что его род тоже был весьма знатным, из поколения потомственных резников! Как мой дед, так и мой отец, и я сам — все были резниками. Можно себе представить, что с таким происхождением у большевиков нельзя было сыскать никакой милости.

В Витебске в то время было более 80 синагог и молитвенных домов. Были также, разумеется, ешивы, хедеры и талмуд-торы. В синагогах молились не менее двух миньянов, в некоторых даже по 3—4 миньяна. На нашей главной улице, Вокзальной, была одна маленькая — синагога Писаревских, которая в течение всего дня стояла запертой. Утреннюю службу (Шахарит) там молились на рассвете, с 12 часов дня до 12 часов ночи молились Минху. А после этого молились Маарив.

Вместе с беженцами в Витебск прибыли раввины, резники, руководители ешив, среди них были очень большие ученые. Многие из них часто заходили к нам в дом. Одни заняли раввинские должности, другие снова стали резниками. Стоит упомянуть, что между новоприбывшими служителями культа и здешними жителями не было никаких раздоров. Напротив, местные делали всё возможное, чтобы помочь им. Когда после

войны началась эвакуация, многие из них вернулись домой. Некоторые, тем не менее, остались в Витебске.

Правда, им было велено оставаться под надзором и впоследствии уехать. Но позже, с прекращением эвакуации, уже никого не выпускали из России, и они были вынуждены остаться у нас в Витебске навсегда.

В то время в Витебске было трое главных раввинов: рав Шмарьягу Медалье на Клайнер зайт (на Малой стороне), рав Мордехай-Бер Рабинович на Заручевской стороне и рав Иегошуа Ньюментин в Задвинье. В религиозной жизни, да и вообще во всех делах общины, огромное влияние имел рав Шмарьягу Медалье. Его младший сын был моим сверстником и товарищем по детским играм, я часто бывал у них дома, и наша семья была очень хорошо знакома с семьей Медалье.

Рав Медалье родился в Кретингене, Литва. Ранее он занимал раввинские должности в Туле, затем в Кролевце на Украине, откуда и приехал в Витебск. Рав Медалье был выдающимся ученым, блестящим проповедником (даршаном) и великим защитником веры. Он пользовался уважением даже со стороны христиан. Даже близкие к любавичскому ребе люди относились к нему с большим почтением и часто обращались к нему по различным денежным спорам. По характеру он был приятнейшим человеком, всегда с улыбкой на лице. Я не помню случая, чтобы рав Медалье когда-либо сердился на кого-то или выказывал гнев. Но добрый и приятный рав Медалье мог становиться чрезвычайно строгим, когда дело касалось вопросов, имевших отношение к еврейству (идишкайт).

Мне вспоминается случай, когда он был сильно разгневан. Об этом стоит рассказать. Это произошло уже в советские времена. На Субботу в Витебск приехал знаменитый кантор Пинчик. Его пустили петь в синагогу только по билетам. Публика, изголодавшаяся по хорошему канторскому пению, буквально штурмовала синагогу. У дверей стояла милиция, которая никого без билетов не пускала. Когда рав Медалье в субботу утром пришел молиться в синагогу, у него тоже не оказалось билета, и его не хотели впускать... Когда милиционер у дверей преградил ему путь, рав Медалье вспыхнул от гнева так, что побледнел как стена. Тем временем милиционер узнал его и пропустил. Синагога была переполнена. Когда публика увидела рава Медалье, люди расступились, и он смог пройти к трибуне (амуду). Он сразу же подошел к амуду, повернулся лицом к биме, где в тот момент стоял кантор Пинчик, и закричал:

— Пусть кантор сойдет с бимы! Он осквернитель Субботы!

Публика оцепенела. Рав Медалье не разрешил кантору молиться, и тот так и не подошел к амуду. Старосты (габаим) синагоги вместе с влиятельными прихожанами пообещали ему убрать милицию и впустить всех евреев, стоявших на улице. Только тогда успокоившийся рав Медалье разрешил начать молитву. Пинчик отслужил эту службу со слезами на глазах, и в Витебске еще долго, очень долго вспоминали эту Субботу.

У него была большая семья — шесть сыновей и пять дочерей, все благовоспитанные дети. Старший его сын, р. Аарон-Шломо, был выдающимся ученым. Вторым его сыном, р. Моше, также был большим ученым. Он учился у моего отца законам убоя (шхиты) и

научился у него правильному чтению знаков кантилляции (таамим). В возрасте около двадцати лет он получил раввинский диплом (смиху) и стал раввином в Туле, затем занял раввинскую кафедру в Ростове-на-Дону. Г.П.У. арестовало его там и сослало куда-то в лагерь, откуда он так и не вернулся живым. Младший его сын сейчас служит раввином в Лидсе, Англия.

Поскольку рав Медалье был очень популярен в городе и влияние его было чрезвычайно велико, это, конечно, не было новостью для Г.П.У. Агенты Г.П.У. неусыпно следили за ним. Местная пресса не упускала случая задеть его. В конце концов ему пришлось покинуть Витебск и обосноваться в Москве. Но и там он не избежал рук большевиков.

На Клайнер зайт (на Малой стороне) внезапно поселился рав Гольдберг, которого в Витебске прозвали «Русским равом». Ранее он был раввином в каком-то маленьком местечке близ Витебска. С его приездом в городе тотчас вспыхнул острый конфликт. Прежде всего конфликт разгорелся с равом Медалье. Если у кого-то возникали споры с равом Медалье, это не было новостью. Но на «Русского рава» даже вопросов нельзя было задавать. Известно, что сторонники любавичского ребе, да пребудет он в раю, обратились к ребе с вопросом, как разрешить этот спор. Ребе постановил, что рав Гольдберг не имеет права нарушать границы полномочий рава Медалье. Решение ребе несколько разрядило обстановку, но помогло мало.

В 1926 году в Витебск приехал «красный резник» Шмуэль Швердлик. И только тогда в городе развернулись настоящие баталии. Швердлик и рав Гольдберг объединились, и оба они нашли общий язык с Г.П.У. Кстати, уже ранее рассказывали, что «Русский рав» является близким родственником зятя Г.П.У. Разумеется, от мяса, которое резал Швердлик, люди отказывались. Это снова вызвало распри в городе. Обе стороны — приближенные Г.П.У. — рав Гольдберг и резник Швердлик — понимали, где находится более сильная сторона. Г.П.У. вмешалось в этот спор и изгнало из бойни всех остальных резников. Весь убой перешел к Швердлику. Распри в городе разгорались с каждым днем всё сильнее. В конце концов дело дошло до того, что всех резников в городе арестовали, и не только на Малой стороне, чтобы заставить людей покупать только мясо Швердлика.

Экономическое положение в России немного улучшилось в 1921 году, когда был введен НЭП (Новая экономическая политика). Это так называемое хорошее время продолжалось всего несколько лет — до 1928 года, когда большевики снова вернулись к жестким мерам, которые были еще хуже времен военного коммунизма. Но в эти несколько хороших лет поддерживались наши религиозные институты — ешивы, хедеры, талмуд-торы, которые ранее, в первые годы большевистской власти, были сильно ослаблены преследованиями.

Никаких крупных ешив в Витебске в то время уже не было. У раввина Рабиновича была маленькая ешива в Захарьевской синагоге, но когда он в 1925 году уехал в Америку, ешиву закрыли. Хедеры — как общественные (талмуд-торы), которые содержались общиной, так и частные — по-прежнему существовали во всех трех частях города. Как правило, в хедере училось до 50 детей. С началом новых преследований хедерам с каждым годом становилось всё труднее выживать, детей

оставалось всё меньше. В конце концов закрыли все общественные хедеры, оставались только частные. Но мелаеды (учителя) постоянно находились под угрозой опасности.

Летом 5687 года (1927 г.) Любавичский Ребе, да пребудет он в раю, основал в Витебске ешиву. Туда привезли учеников из Любавичской ешивы в Полоцке, поскольку тамошнюю ешиву начали сильно преследовать. В витебскую ешиву также приехали витебские ребята. Сначала в ешиве было 40–50 учеников, позже их число возросло до более чем 150. В ешиве было несколько классов: от начального изучения Гемары до классов, где изучали Гемару с комментариями (Поским). Не так-то просто было вообще содержать ешиву на такое большое число учеников. Особенно трудно это было в советское время. Как обычно, старались обеспечить учеников ешивы «днями» (питанием в еврейских семьях по дням недели), но не для всех ребят удавалось найти достаточное количество таких «дней». Приходилось собирать и тратить средства на содержание ребят. И как только удавалось удерживать ешиву! Большевики уже тогда пристально следили за ешивой. Стало опасно содержать такую большую ешиву в одной синагоге, поэтому учеников разделили на группы (классы), и каждая группа училась в другой синагоге.

И вот в один прекрасный день зимой 1928 года совершили облаву на все синагоги, где учились ребята. На Малой стороне в одной синагоге застали главу ешивы (рош-ешива) р. Авраама Брейна, да пребудет он в раю, и арестовали его. На Заручевской стороне ребята учились в Заручевской синагоге. Едва только услышали, что пришли «гости» из Г.П.У., глава ешивы успел незаметно скрыться. Когда Г.П.У. вошло в Заручевскую синагогу, они застали только учеников. Стали их расспрашивать: кто их рош-ешива, где они едят «дни», переписали их имена и адреса. Ребята к тому времени уже были подготовлены отвечать: они учатся сами для себя, без всякого руководителя, а едят дома. Адреса они называли вымышленные, разумеется, чтобы ребят не выслали. В этот раз ребят не тронули, хотя было нелегко разузнать, поверили ли им на самом деле или нет. С тех пор рош-ешива боялся приходить каждый день и читать лекции. Он приходил только раз в неделю, давал ребятам немного денег на содержание и наказывал, что именно им учить. Такое учение не приносило большой пользы. Снова стали ломать голову, что делать дальше. И напали на мысль — начинать лекции в 6 часов утра. Многие ребята жили далеко, и им приходилось выходить из дома в 5 часов утра, чтобы успеть прийти вовремя к началу лекции. Идти через город по главным улицам было опасно — могли остановить милиционеры и начать допрашивать, куда идешь в столь ранний час. Приходилось идти задворками. Приходилось много терпеть, но другого выхода не было. И всё же ребята продержались так всю зиму, и эта зима прошла для них вполне благополучно.

После Пасхи (Песаха) пришлось оставить синагогу на Заручевской стороне и перебраться в Захарьевскую синагогу. На Малой стороне по-прежнему учились в двух синагогах.

Зимой 1929 года большевики разогнали Любавичскую ешиву в Невеле, а руководителей ешивы арестовали. Ребята-ученики прибыли из Невеля в Витебск. Число учеников увеличилось, но вместе с тем возросла и опасность. За ними требовался еще более строгий надзор со стороны Г.П.У. Ребят разделили на еще

более мелкие группы и распределили по нескольким синагогам. Опасались даже хозяев синагог, ведь могло случиться, что кто-то проговорится лишним словом. И большевики повсюду сеяли страх. Между Минхой и Мааривом, когда люди обычно собирались в синагогах на молитву, ребята проникали в витебские синагоги под видом обычных прохожих. После молитвы они снова спускались в подвал и оставались там учиться. Только старосты (габаим) и шамесы знали эту тайну.

В том же 1929 году усилились преследования наших религиозных институтов. В Витебске отобрали три большие синагоги: бывшую синагогу на Заручевье, затем большую Любавичскую синагогу на Ильинской улице и синагогу Писаревских на Вокзальной. Сделали это большевики с шумом и гамом. Все крупные общественные здания принадлежали государству, включая, разумеется, и здания синагог. Вызывали габаев и велели им отремонтировать синагоги. Предлог был таков: здания синагог запущены и разрушаются, их необходимо немедленно отремонтировать, иначе молящимся грозит опасность находиться внутри. На ремонт синагог требовались огромные суммы денег, которых у габаев, разумеется, не было. Естественно, габаям приходилось отказываться от ремонта. Правда, можно себе представить, что даже если бы нашлись те или иные средства и синагогу бы отремонтировали, её всё равно бы отобрали. Большевистские предлоги ничего не стоили. Судьба этих синагог уже была предreshена. Так постепенно, под теми или иными предлогами, отобрали почти все синагоги в городе. Тем не менее большевистские власти демонстрировали свою «широту души» и «лояльность» к религиозным евреям: им оставили одну маленькую и старую синагогу, полуразрушенную, и разрешили молиться там. Разумеется, молиться в этом частном доме тоже было небезопасно.

Еще до того, как в городе отобрали синагоги, было уже невозможно учиться. Г.П.У. неослабно следило и за синагогами, и за ребятами — куда они идут и что делают. Мой покойный отец, да пребудет он в раю, выделил тогда комнату в нашей квартире для ребят из ешивы. Занятия там начинались очень рано — в 5 часов утра. Однако долго такое обучение продолжаться не могло. Большевики вскоре положили конец последним остаткам ешивы. За несколько недель до Пасхи (Песаха) 1930 года арестовали руководителей ешивы. Вместе с ними арестовали и моего покойного отца, да пребудет он в раю. Заодно забрали и меня вместе с отцом. Нас освободили на второй день, а руководители просидели три недели в Г.П.У., после чего их перевели в тюрьму. Сидевшие в тюрьме были в одной камере с уголовниками. И именно уголовники отнеслись к руководителям ешивы очень хорошо, даже с почтением. Староста камеры («староста») тоже оказался евреем. Он, разумеется, не принадлежал к числу великих праведников. У него на совести было немало грехов, за которые его и разыскивало Г.П.У. Евреев с длинными бородами и пейсами, одетых в длинные сюртуки (капоты), он хорошо понимал. Зная, что тюремная шпана любит устраивать злые шутки над набожными евреями, он взял их под свою защиту. Прежде всего он усадил их на нары, что само по себе было великим благом, иначе им пришлось бы валяться где-то под нарами. Он также приказал своей банде не прикасаться к их вещам. Так оно и было.

Однако тюремная администрация вскоре узнала, что они живут в камере «хорошо», и их перевели в другую камеру. В этой новой камере им уже пришлось лежать под нарами. Мой покойный отец тем временем заболел. Ноги его сильно опухли, так что он

не мог согнуть колени. Когда ему приходилось забираться под нары, он испытывал страшные мучения, прямо-таки невыносимые. И не раз он молил Бога о смерти.

Нам удалось передать тайком в тюрьму талиты и тфилин для наших арестованных, и даже шофар к Грозным дням (Ямим Нораим). Как-то раз об этом узнали, а у набожных евреев это влечет за собой обыск. Талиты и тфилин спрятали у одного арестованного христианина. Обыск прошел благополучно. Арестованного хотели за это отблагодарить, но он наотрез отказался принимать какие-либо подарки за спасение арестованного от беды.

В тюрьме эти общественные деятели просидели несколько месяцев. В первый день Рош ха-Шана до нас дошла радостная весть, что сегодня освобождают деятелей ешивы. Я сразу же побежал к тюрьме. Там я встретил огромную толпу евреев — близких и посторонних. Даже теперь, когда их уже собирались отпустить, большевики не могли обойтись без издевательств. Деятелям подсунули бумагу, согласно которой они должны были подписать обязательство, что они обязуются уехать и никогда больше не возвращаться. Разумеется, они ответили, что сегодня праздник Рош ха-Шана, и они не станут подписывать. Им пригрозили, что если они не подпишут бумагу, то останутся сидеть в тюрьме, и неизвестно, сколько еще их будут там держать. Тем не менее они остались непреклонны и не подписали бумагу. На исходе праздника бумагу убрали, и их всё же отпустили на свободу.

Поскольку ешива была закрыта и учиться частным образом стало невозможно, двенадцать учеников уехали в Кутаис (на Кавказе). Там большевики еще не так сильно свирепствовали. Но в Кутаисе ребята столкнулись с другими трудностями. Проще говоря, они никак не могли найти общий язык с тамошними евреями. Ребята не понимали их языка (те говорили по-грузински) — тамошние евреи не умели говорить на идише. На иврите там тоже не разговаривали. «Шма Исраэль» они еще могли произнести, но значения слов они не понимали, так что общаться было невозможно. И эти двенадцать ребят ничем не могли себе помочь. К счастью, за некоторое время до того в Кутаис приехали несколько любавичских хасидов, среди них и рав Хаим Либерман, благодаря которым ребята смогли остаться там и продолжить изучение Торы.

Зимой 1931 года к нам домой пришли милиционеры расспрашивать про моего покойного отца, да пребудет он в раю. Когда милиция приходит расспрашивать о ком-то, это уже означает арест. По счастливой случайности милиционеры не застали его дома. Мой отец сам сказал им, что его нет дома, и ушел работать. Мой покойный отец, да пребудет он в раю, разумеется, сразу же ушел из дома. После этого милиция приходила еще несколько раз разыскивать его, но застать его не могли. Арестовали его только в 1938 году. На него указал провокатор. Это был обычный резник (шойхет) из маленького местечка. Он в чем-то провинился перед властями, и его собирались расстрелять. Спаси свою жизнь он мог только одним путем — согласиться стать агентом Г.П.У. Он пошел на это и приехал в Витебск. Там он начал искать жертвы среди религиозных евреев. Одной из этих жертв и стал мой покойный отец, да пребудет он в раю. Радостную весть об аресте отца мне сообщил тот самый провокатор в Москве, где он встретил меня в синагоге во время молитвы. Ему, по всей видимости, показалось, что Витебск стал слишком тесен для него, и он принялся

искать новые жертвы в Москве. Последние годы перед Второй мировой войной я не мог оставаться в Витебске. Лишь однажды, в 1938 году, когда моя покойная мать умерла, я приехал домой. И оттуда я уехал в Москву. Когда я увидел этого провокатора в синагоге, я понял, что мне грозит большая опасность. С большим трудом мне всё же удалось выскользнуть из его рук.

Так в 30-е годы завершилась в Витебске глава еврейских религиозных институтов...

ФИЛИПП ФРИДМАН | ГИБЕЛЬ ВИТЕБСКИХ ЕВРЕЕВ

1. Источники

Когда редакция «Витебск когда-то» пригласила меня написать эту работу и мы обсудили эту тему, выяснился факт, которому нет равных среди всех изданных книг памяти (изданных мемориальных книг по общинам) и аналогичных изданий. Число таких книг сегодня исчисляется сотнями. Но я не помню ни одной из них, в которой не было бы целого раздела о гибели и уничтожении общины в период нацизма. Есть книги памяти, где большая часть книги занята материалами о катастрофе. Эти материалы базируются на живых свидетельствах и воспоминаниях выживших беженцев, а также на различных официальных документах. Бывает и так, что удалось спасти ряд скрытых рукописей или даже целые архивы (например, в Лодзи, Варшаве, Белостоке, Вильне и др.), лагерные песни, фольклор и тому подобное.

Совсем иначе обстояло дело с редакцией книги о Витебске. Сколько редакция ни старалась получить живые свидетельства от витебских евреев, переживших катастрофу, это никак не удавалось сделать. Похоже, что даже в том аду нацистского массового уничтожения существовали градации. В этом отношении Витебску выпала исключительная судьба — не нашлось ни одного человека, который мог бы передать миру боль и страдания местных евреев.

Но редакция была твердо полна решимости найти способ, как воссоздать картину витебской трагедии и установить памятник погибшим мученикам. Поэтому мы решили попытаться собрать материалы повсюду. Первым шагом стал поиск материалов в газетах — на идише, иврите, а также на других языках, которые разбросаны по всему миру.

В этих газетах были напечатаны сотни статей и воспоминаний о разрушенных городах и местечках. Например, у нас самих сейчас в картотеке «ИВО» (Еврейского научного института) имеется более 1600 библиографических записей статей из книг, касающихся судьбы варшавских евреев во время нацистского периода. О Вильне, Белостоке, Лодзи и других городах имеются по несколько сотен таких библиографических записей для каждого города в отдельности. Но о гибели Витебска у нас до определенного времени фактически была лишь одна статья, которая давала немного информации о том, что там происходило во время этого мрачного периода нацистского правления. Это была статья известного писателя Давида Бергельсона под названием «Помните!», напечатанная в газете «Эйникайт» от 5 сентября 1942 года. Эта статья была написана ещё в самый разгар войны, и сведения в ней не были точными и исчерпывающими. По всей видимости, автор получил сведения от

беженцев, которым удалось спастись из Витебска или из его окрестностей ещё до того, как туда вошли немцы, или же от тех, кто долгое время прятался в лесах. У них, следовательно, были сведения из вторых рук. Тем не менее это было единственное сообщение, которое вообще было опубликовано о Витебске, и которое позже перепечатывалось в различных еврейских газетах и других изданиях.

Лишь спустя десять лет нашелся второй человек, который рассказал о разрушении Витебска. В этот раз это уже был очевидец, видевший происходящую трагедию собственными глазами. Но он не был евреем. Это был русский социалист с латышскими корнями, который опубликовал свои воспоминания об этой великой трагедии в русском социалистическом журнале «Вестник». Поскольку он является единственным и важнейшим свидетелем, который дал отчет о витебской трагедии, стоит рассказать несколько слов о его жизни.

Иван Иваньков — так звали автора статьи — на самом деле носил имя Эдуард Мартынович Дуне. Как молодой парень, он принимал участие в Октябрьской революции, но вскоре разочаровался в ней и стал членом антикоммунистического демократического центра. Вскоре большевики арестовали его и сослали в знаменитый лагерь Воркута. Незадолго до войны он был освобожден, и ему разрешили поселиться в Витебске, где он объединился со своей женой и ребенком. Он работал там в городской больнице бактериологом. Когда немцы заняли Витебск, больницу вместе с персоналом забрали для нужд немецкой армии. Иваньков остался жить и работать в этой больнице, но его жена и ребёнок, которые были евреями, погибли в гетто. Когда немцы были изгнаны из России, Иванькову удалось бежать и добраться до Франции, где он вступил во французский партизанский отряд для борьбы против нацистов. После освобождения Франции он опубликовал в «Социалистическом вестнике» свою статью «Витебское гетто». Это единственная работа, которой мы располагаем от живого свидетеля этой катастрофы.

Упомянутая статья имеет огромную ценность не только потому, что это, как нам известно, единственный отчет, но и благодаря её литературным достоинствам. Она написана человеком, который был талантливым писателем и журналистом, обладавшим способностью наблюдать и описывать увиденное. При этом он был человеком с глубоким сочувствием к судьбе евреев. Тем не менее Иваньков не позволял своим субъективным чувствам брать верх над беспристрастным изложением фактов.

Работа Иванькова, однако, не может нас полностью удовлетворить, поскольку он, как нееврей, не мог иметь глубокого проникновения в самую внутреннюю жизнь гетто. К сожалению, нет других источников, которые могли бы восполнить этот пробел. Другим недостатком работы Иванькова является то, что он не приводит точных дат или каких-либо статистических данных — например, о количестве жертв в различных акциях. Он приводит лишь приблизительные оценки, которые можно было услышать на улице или в больнице, где он работал.

Но когда речь заходит о самой крупной части трагедии витебских евреев, то есть об акциях уничтожения, количестве жертв, руководителях акций и так далее, немцы сами позаботились о том, чтобы у нас не было недостатка в материалах. Немецкие

специальные карательные бригады, так называемые айнзатцгруппы, предоставляли точные отчеты своему главному штабу в Берлине. Существовали два вида отчетов: ежедневные «отчеты о деятельности» и ежемесячные сводки, которые назывались *Ereignismeldungen* (донесения о событиях). Эти отчеты ежедневно отправлялись в специальных зашифрованных телеграммах из России напрямую в штаб-квартиру гестапо в Берлине. Там они редактировались в Главном управлении имперской безопасности (РСХА). Редактором был штурмбаннфюрер СС Курт Линдау, а его помощником — штурмбаннфюрер СС д-р Кноблах из инспекции Крипо (криминальной полиции). Эти отчеты были обнаружены в немецких архивах, которые в конце войны были конфискованы союзными войсками. Часть этих отчетов или выдержки из них использовались в качестве доказательного материала против нацистских военных преступников на Нюрнбергском процессе. Но лишь очень небольшая часть этих отчетов была позже опубликована в 42-томном издании материалов Нюрнбергского процесса. Часть была микрофильмирована и находится сегодня в нескольких архивах США, Израиля и Европы. Но большая часть отчетов айнзатцгрупп до сих пор не опубликована. Тот материал, который касается Витебска и который находится у меня, еще нигде не был напечатан. Насколько мне известно, он также никогда не использовался для других целей — к примеру, на процессах против военных преступников. Этот материал находится в архиве ИВО (YIVO) в Нью-Йорке. Из этого материала, которым мы располагаем, мы по крупицам попытаемся реконструировать витебскую трагедию в её главных контурах. Разумеется, это описание ещё далеко не исчерпывающее. Прежде чем приступить к этому описанию, необходимо детально проанализировать характер, структуру и деятельность так называемых айнзатцгрупп.

2. Айнзатцгруппы

В первый период Второй мировой войны немцы устраивали различные жестокие погромы евреев, особенно в Польше. Они также создали множество антиеврейских законов в Польше и других странах, которые находились под их оккупацией. Но систематическая акция по тотальному уничтожению всего еврейского населения началась фактически во второй период Второй мировой войны, то есть сразу после начала германо-советской войны. Подготовка к нападению на Россию началась в Германии уже в ноябре-декабре 1940 года. Когда этот план нападения — германский план вторжения в Россию под кодовым названием «План Барбаросса» — был разработан, у нацистов одновременно созрел широкий план действий против евреев, а также против определенных других элементов на советских территориях, которые они надеялись вскоре оккупировать. У Гитлера уже был готовый проект того, как на этих советских территориях следует ликвидировать все политические советские институты, «асоциальные» элементы, профессиональных революционеров, партийных функционеров, «расово неполноценные элементы» — цыган и евреев. Похоже, что гитлеровские указания были переданы в устной форме для ведения переговоров между СС и Верховным командованием сухопутных войск вермахта. Эти переговоры завершились соглашением между обеими сторонами 26 марта 1941 года. На основании этого соглашения были созданы так называемые айнзатцгруппы, профессиональной задачей которых должно было стать осуществление массовых убийств вышеупомянутых «нежелательных элементов».

Вскоре началась работа по отбору подходящих людей для этих бригад и их подготовке к этой убийственной деятельности. Отбор был очень строгим. Для офицеров айнзатцгрупп брали людей с «хорошим именем», фанатичных национал-социалистов. Эти офицеры набирались из самых сливок СД, криминальной полиции (Крипо), гестапо и других служб СС. Среди них оказалось много людей с высшим образованием. Были среди них, например, профессора политических наук из университетов Кёнигсберга и Берлина, юристы, архитекторы, специалисты по германским языкам, известный оперный певец и даже рукоположенный лютеранский пастор. Помимо этого, было набрано множество высокопоставленных чиновников из Главного управления имперской безопасности (РСХА), из НСДАП (нацистской партии) и высших офицеров вермахта и СС. Часть из них после войны была арестована и судима судами по делам военных преступников. На суде почти никто из них не проявил раскаяния. Главным образом они оправдывались тем, что делали всё из чисто патриотического национал-социалистического «идеализма» и лишь подчинялись приказам, исходившим сверху. Это было руководство айнзатцгрупп. Обычные бойцы айнзатцгрупп набирались из остатков частей СС, нередко — из числа уголовников, попавших в ряды охранной полиции (полиции порядка), и тому подобного контингента. К ним позже добавились локальные подкрепления, то есть добровольцы, которые были завербованы среди местного населения в Литве, Латвии, Украине и Белоруссии. Они сформировали так называемую «вспомогательную полицию» (хильфс-полицай).

Оригинальные кадры айнзатцгрупп начали обучаться своему преступному ремеслу уже весной 1941 года в бараках школы полиции в городке Преч, который находится на реке Эльба, в Саксонии, а также в близлежащих деревнях — Дюбене и Шмидеберге. Таким образом были сформированы четыре айнзатцгруппы, которые были обозначены первыми четырьмя буквами алфавита: А, Б, В, Г [в оригинале латинские литеры даны в сноске: *A. B. C. D.*]. Каждая группа насчитывала в среднем от 600 до 900 человек. Весь оккупированный восточноевропейский регион был разделен между этими четырьмя группами. Каждая группа получила свою собственную территорию. Айнзатцгруппа А должна была действовать на территории балтийских стран и северо-запада России до Ленинграда. Айнзатцгруппа Б получила территорию Белоруссии с частью Литвы и Западной России. Айнзатцгруппа В и Айнзатцгруппа Г действовали в Украине и на юге России.

В общей сложности айнзатцгруппы насчитывали не более 3000 человек. Нацисты прекрасно понимали, что даже 3000 столь хорошо подготовленных убийц не смогут ликвидировать миллионы людей. Поэтому айнзатцгруппы были лишь своего рода руководящими штабами или кадрами специалистов, которые руководили массовыми убийствами. Они усиливались местными элементами, о которых мы упоминали выше, главным образом латышскими, литовскими, украинскими отрядами. Они имели право требовать подкрепления как от вспомогательной полиции, так и от регулярной армии (вермахта). Таким образом, в акции уничтожения был вовлечен не только персонал айнзатцгрупп, но в огромной степени вина ложится и на всех остальных упомянутых пособников.

Теперь мы займемся непосредственно детальным рассмотрением деятельности айнзатцгруппы Б, которая действовала в Белоруссии.

Каждая айнзатцгруппа была приписана к определенной группе армий. Айнзатцгруппа Б была приписана к немецкой группе армий «Центр», которая наступала и оккупировала Белоруссию также двигаясь в направлении Москвы. Командующим этой армией был генерал-фельдмаршал фон Бок, который в декабре 1941 года был освобожден от своей командной должности. Его преемниками были генералы фельдмаршал Гюнтер фон Клюге и др. Задача айнзатцгрупп состояла в том, чтобы «очищать» оккупированные территории от «нежелательных элементов». Командиром айнзатцгруппы Б был Артур Небе. Это была известная личность в нацистском рейхе. Он работал в нацистской тайной полиции уже с 1933 года, когда Гитлер пришел к власти. Он непрерывно продвигался по службе, пока в сентябре 1939 года не стал шефом германской криминальной полиции (Крипо). То, что человека такого ранга сняли с его важного поста в Берлине и назначили командующим айнзатцгруппой Б, доказывает, что нацисты придавали этой группе особое значение. Надеялись, что очень скоро — возможно, в июле или в августе — немцы займут Москву, и в апреле уже планировали, как в Москве «нежелательные элементы» будут переданы в умелые руки великого специалиста. Но в ноябре 1941 года надежды на взятие Москвы уже рухнули, и Небе поэтому был отозван обратно в Берлин. На его место был назначен генерал СС Эрих Нахман [очевидно, опечатка в оригинале; речь идет об Эрихе Науманне / Erich Naumann], который занимал этот пост до 1943 года. Интересно отметить, что в трагедии витебских евреев, когда Небе был командиром айнзатцгруппы Б, он вообще был темной фигурой. С одной стороны, он был безжалостным нацистским палачом, с другой стороны, он имел связи с немецкой антиправительственной организацией и принимал участие в заговоре против Гитлера. После неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года он внезапно исчез, и, согласно его друзьям, позже они выдали его. Он был арестован гестапо в феврале 1945 года и вскоре после этого повешен. Его преемник Эрих Науманн после войны был арестован и приговорен к смертной казни на Нюрнбергском процессе в апреле 1948 года. Приговор был приведен в исполнение в Ландсберге в июне 1951 года.

Айнзатцгруппа Б насчитывала в общей сложности около 700 человек. Это были оригинальные кадры из айнзатцгруппы. Вскоре после прибытия на оккупированные территории группа была усилена батальоном русских добровольцев, группой украинцев и подразделением войск СС. Штаб-квартира айнзатцгруппы Б находилась в Смоленске. Но айнзатцгруппа была разделена на несколько айнзатцкоманд, которые имели свои локальные квартиры в своих локальных районах, где они проводили свою убийственную работу.

Согласно оригинальному плану, Витебск был районом, который был выделен для айнзатцкоманды 8. Во главе этой команды стоял сначала Брандфисс с главной квартирой в Могилеве. Фактически границы деятельности отдельных айнзатцкоманд строго не соблюдались. В районе, который принадлежал айнзатцкоманде 8, часто оперировали и проводили бои другие айнзатцкоманды — одна из них была айнзатцкомандой 7, во главе которой стоял штурмбаннфюрер СС Альберт Рапп. Но большую часть «работы» в Витебском округе провела айнзатцкоманда 9. Во главе этой команды стоял Альфред Фильберт. Большинство отчетов, которыми мы располагаем о Витебске, исходят как раз от айнзатцкоманды 9. Чтобы лучше проиллюстрировать этот хаос и неразбериху среди этих убийственных бригад, которые часто пересекались в своей работе, мы приведем лишь несколько примеров:

В октябре 1941 года командир айнзатцгруппы А, д-р Франц Шталекер, официально сообщил в Берлин, что им уже проведена акция очистки Белоруссии от евреев. Он привел в качестве примера аналогичную акцию в Борисове, где за два дня садистским образом было истреблено всё еврейское население численностью более 7000 человек. Помимо айнзатцгруппы А, в Белоруссии оперировала также печально известная бригада Дирлевангера. Д-р Оскар Дирлевангер был осужденным уголовным преступником, неисправимым алкоголиком и сексуальным маньяком. Этот человек был поставлен во главе бригады СС. В нее набирали в основном осужденных немецких уголовных преступников. Эта бригада была отправлена на Восточный фронт со специальным заданием «бороться против партизан» и «нежелательных элементов». Она достигла ужасающих рекордов бестияльности в своей работе — рекордов, которые не имели равных даже в те жестокие нацистские времена.

В районе, где действовала айнзатцгруппа Б, также было большое еврейское население. Согласно немецким оценкам, которые были сильно преувеличены, в этом регионе до их вторжения проживало полтора миллиона евреев. Фактически число было намного меньше. Не более 850 000 человек. Часть еврейского населения бежала сразу в начале войны. Молодые мужчины были мобилизованы в советскую армию, а те евреи, которые были заняты на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, были эвакуированы советской властью. Но большая часть тех, кто пытался бежать самостоятельно, часто не могла уйти далеко из-за нехватки транспортных средств. Многие остались в лесах и болотах и пытались там спрятаться. Часть была вынуждена безвыходно вернуться в свои города и местечки, где их ожидала неизбежная смерть от рук нацистов.

Практически невозможно установить, сколько именно евреев спаслось в Центральной России, сколько осталось в лесах и сколько погибло. Давид Бергельсон высказал мнение, что целых 80 процентов белорусских евреев успели спастись вглубь России. Все оптимистические оценки, к сожалению, сильно преувеличены. Никаких точных сведений о выживших или оставшихся в живых евреях в этот период немецкой оккупации в Советской России никогда не публиковалось.

После подписания пакта с Германией в августе 1939 года в Советском Союзе вообще не говорили ничего плохого о нацистах. Соответственно, евреям не рассказывали правду о преследованиях евреев, а позже, во время войны, когда гитлеровская армия уже заняла Украину и Белоруссию, где проживало большинство еврейского населения, об этом писали в советской прессе очень мало, а в общей печати — почти ничего о тотальном истреблении еврейского населения в оккупированных областях.

Начали писать о евреях в советской прессе только с появлением свободных деклараций, когда советские власти эвакуировали «большинство» евреев из оккупированных городов. Давид Бергельсон даже писал («Эйникайт» от 5 декабря 1942 года), что «как заботливая мать во время пожара поднимает своего плачущего ребенка на руки выше дыма и огня, так заботливо наше правительство спасло миллионы людей и переправило их из самого пламени фашистского нападения с величайшей заботой всё глубже и глубже в страну. При полной поддержке эвакуация спасла подавляющее большинство украинских, белорусских, литовских и латышских евреев. Согласно сведениям из различных центров, которые фашисты захватили —

среди этих центров, как Витебск, Рига и другие — мы знаем, что когда город подходил к моменту захвата фашистскими разбойниками, они сами признавали, что оставалось лишь небольшое число евреев. Это значит, что подавляющее большинство евреев советская власть в таких городах, как Витебск и Рига, своевременно эвакуировала».

Однако ранее, за несколько недель до этого, в той же московской «Эйникайт» (от 25 октября 1942 года) рассказывалась совершенно иная история. Там приводился рассказ Кузьмы Шарне и др., которые сообщали, что «к тому времени в Минске уже насчитывалось 60 000 убитых евреев. Гетто осталось пусто... В человеческой жизни нет ни одного проявления, нет в человеческом языке ни одного слова, чтобы назвать то, что немецкие банды творили в Белоруссии с еврейским населением. То, что произошло в Минске, повторилось во всех белорусских городах. Немецкие банды почти полностью уничтожили всех евреев в Белоруссии».

Из этой приведенной цитаты ясно, что Бергельсон сильно преувеличил число спасенных евреев.

Теперь мы обратимся к немецким отчетам о деятельности, которые дают нам характерную немецкую точность касательно числа убитых евреев. И вот цифры: в течение первых 5 месяцев айнзатцгруппа Б уничтожила 45 476 евреев. У нас отсутствуют дальнейшие цифры жертв, которые были уничтожены позднее под командованием преемника Эриха Науманна, но у нас есть отчет Дирлевангера, который хвастался, что он в течение 4 месяцев — с августа до ноября 1942 года — ликвидировал 363 211 евреев.

В 1942 году в Белоруссию был переброшен из Латвии безжалостный убийца, полковник СС д-р Эдуард Штраух из айнзатцгруппы А. В течение 6 месяцев он уничтожил, согласно его собственному отчету, 33 970 «евреев и коммунистов».

Как мы видим, общая сумма только по этим нескольким статистическим отчетам составляет более 440 000 еврейских жертв. Очевидно, реальная цифра была еще больше. Неизвестно, все ли отчеты были найдены; некоторые отсутствуют. Многие евреи массово гибли в гетто из-за голода, преследований и других причин. Кроме того, значительное число было угнано на принудительные работы в Германию и концентрационные лагеря, где они позже погибли.

3. Гибель витебских евреев в 1941 году

Витебск был крупным городом на востоке Белоруссии и насчитывал примерно от 170 до 200 тысяч жителей накануне немецкого вторжения. Город имел много фабрик и заводов, несколько больниц и клиник. Число евреев в Витебске, согласно переписи 1926 года, составляло 43 180 человек. В течение последующих 15 лет это число значительно увеличилось, но мы не имеем точных статистических данных об этом, существуют лишь приблизительные оценки.

Согласно оценке д-ра Ш. Шварца, исследователя советского еврейства, в Витебске в 1939 году насчитывалось примерно от 45 до 52 тысяч еврейских жителей. Согласно оценке айнзатцгрупп, перед немецким вторжением в Витебске должно было быть около 50–60 тысяч евреев. Вполне возможно, что немецкая оценка ближе к истине,

поскольку число евреев в Витебске в последние годы перед войной с Германией, особенно с 1939 года, увеличилось за счет большого количества беженцев, бежавших из Польши. Эти беженцы не были интернированы, они жили в частных квартирах и имели право свободно передвигаться и работать. Разумеется, среди них были и нееврейские беженцы.

Но в самом Витебске эти беженцы надеялись спастись от нацистской жестокости, однако они попали в советскую ловушку. За несколько недель до того, как немцы заняли город, часть из них была арестована и уведена неизвестно куда. Куда их увели — этого никто не знал. При большевистской власти вообще не существовало системы информирования о том, куда увозят беженцев.

Сразу после начала советско-германской войны немецкие самолеты начали сбрасывать листовки на русском языке. В этих листовках они, разумеется, распространяли антисемитскую пропаганду. Немецкие листовки призывали всех оставаться на местах, обещая, что «культурные немцы» принесут свободу и «новый порядок» для всех, кроме евреев и коммунистов.

Немецкие самолеты сбрасывали не только пропагандистские листовки. Они также сбрасывали бомбы. Каждый день бомбы падали на вокзал и на жилые кварталы. В городе возникла паника. Пожары полыхали во многих частях города, особенно в деревянных кварталах Задвинья и Песковатиков.

Из-за этих бомбардировок городская жизнь была полностью парализована. Власти начали эвакуацию учреждений и ценного имущества. Эвакуация людей, однако, проходила в условиях крайнего хаоса. В первую очередь эвакуировали семьи партийных работников, советских служащих, а также рабочих оборонных предприятий. Обычные граждане, в том числе большинство евреев, были предоставлены самим себе. Лишь немногим удалось уехать на поездах, которые уходили на восток. Те же, кто пытался уйти пешком по дорогам, ведущим к Смоленску и Невелю, часто попадали под обстрелы немецкой авиации или передовых частей, которые продвигались с невероятной быстротой. Многие беженцы были вынуждены вернуться назад в горящий Витебск.

Немецкие войска вошли в Витебск 11 июля 1941 года. С этого момента для оставшихся евреев начался кошмар, который завершился их полным истреблением.

Город пал 11 июля 1941 года. Там, где еще сохранились целые дома, интересным было то, что все военные казармы, здания витебского совета и здания коммунистического комитета остались полностью целыми. И немецкие власти поспешили занять эти новые казармы для своих военных, а также построить здания для своих агентур. В подвалах НКВД, здание которого позже тоже было немного обгоревшим, в то время пожаров и бомбардировок укрывалось до 200 арестованных. Все они были задушены дымом, который затянуло в подвалы из горящего здания. Также в подвалах обгоревших или полуразрушенных зданий было найдено много погибших людей, которые задохнулись там от удушливого дыма или были погребены заживо. Оставшиеся в живых не знали, куда приткнуться. Город после пожаров и бомбардировок был по большей части разрушен, у них не было выбора, кроме как забираться в подвалы полуразрушенных или сгоревших зданий или сооружать

деревянные будки. Уже после того как немцы заняли Витебск, пожары в городе продолжались еще около двух недель. Сюда также засылали поджигателей из числа русских партизан, которые оставались в городе со специальной целью. Отчет айнзатцгруппы от 23 июля установил, что «Витебск разрушен еще сильнее, чем Минск, и в этом виноваты исключительно пожары, что является делом рук русских». Не глядя на то, что сами немцы признавали, что пожары исходят от русских, они позже использовали любую возможность, чтобы обвинить в поджогах евреев, как вообще во всех несчастьях города. Немцы сразу же начали с жестокой антисемитской пропаганды. Они постоянно твердили, что евреи — это вредный элемент, они наглые и заслуживают того, чтобы быть уничтоженными.

Физический террор против евреев начался не сразу с массовых погромов, грабежей и единичных антиеврейских акций, а с первой крупной акции против беженцев, которая произошла в ночь на 24 июля 1941 года. В ту ночь было схвачено множество беженцев, в большинстве своем евреев; они были арестованы и депортированы в неизвестном направлении. Они уже никогда не вернулись назад. Одновременно начался систематический террор против еврейского населения. Одним из злейших методов террора на первом этапе был захват евреев на принудительные работы.

Из задержанных в первый раз мужчин было отобрано 300 самых молодых и сильных, им выдали рабочие инструменты и отправили якобы на работу. Родственники не беспокоились, полагая, что ничего плохого с ними не случится. Но никто из них не вернулся домой. Сначала никто не подозревал ничего дурного, думали, что они остались ночевать на том же месте, где работали. Работа была далеко, люди от тяжелого труда очень устали, поэтому они, должно быть, остались там ночевать — так себя утешали. Горькая правда открылась только на второй день, когда немецкий комендант объявил, что эти 300 евреев были саботажниками и пытались разрушить «процветающий город»...

Хватать людей на улицах не было упорядоченным делом. Хватал любой немец, кому только не лень. Даже гражданские немцы позволяли себе останавливать еврея на улице и удерживать его. Задержанных евреев отправляли на различные военные работы: тушить пожары, убирать с улиц завалы камней, кирпичей и железа, которые оставались лежать после бомбардировок и пожаров.

Наконец немцы издали приказ, согласно которому все евреи в возрасте от 15 до 55 лет обязаны явиться на работу в фабрики и мастерские, которые были подготовлены для них. Чтобы нагнать страх на евреев, немцы 26 июля 1941 года вывели из их домов 27 евреев и расстреляли их посреди города.

После первых дней хаотичного террора, грабежей и погромов немцы начали организовывать в Витебске своего рода гражданскую администрацию, и в то же время была создана белорусская городская управа, а также еврейское самоуправление для еврейской общины. Обе эти управы были подчинены контролю немецкого военного коменданта.

Несмотря на то, что часть спасшегося населения была вынуждена вернуться обратно в Витебск, потому что немецкие военные зажали их в знаменитом «котле» вместе со всеми беженцами, число жителей в Витебске сильно сократилось. В июле 1941 года в

Витебске было не более 70 тысяч жителей, но в сентябре того же года осталось лишь 50 тысяч, то есть за два месяца население сократилось на целых 20 тысяч. К концу немецкой оккупации население сократилось еще наполовину. К тому времени в городе оставалось всего около 25 тысяч жителей.

Из этого можно видеть, что не только евреи бежали в огромном количестве из города. По статистике, еврейское население должно было пострадать в особенности, так как немецкие истребительные акции сыграли здесь куда меньшую роль, чем само бегство из города.

Немцы в то время очень старались завоевать симпатии белорусского населения. Они хотели использовать трагедию белорусских евреев для создания антиеврейских настроений, как они это делали в Украине, Литве, Латвии и других странах. Но здесь, в Белоруссии, это в первый период не увенчалось успехом. Отчет айнзатцгруппы от 23 июля 1941 года прямо гласит, что «острые меры против евреев и особенно казни вызывают немало беспокойства у белорусского населения». Они жаловались на то, что белорусы «боязливы» и не позволяют вовлечь себя в погромы против евреев. Интересно отметить, что и в других городах немцы жаловались, что белорусы не хотят сотрудничать с ними в организации погромов и массовых убийств евреев.

В одном из отчетов из Белоруссии, например, говорится следующее: «Почти везде мы можем заметить, что население воздерживается от любых акций против евреев. Действительно, определенная часть населения жалуется на еврейский террор в период советской власти, но они, однако, не готовы принимать участие в каких-либо антиеврейских погромах». В более позднем отчете за 1942 год ситуация описывается так: «Для белорусов вообще не существует еврейской проблемы, они рассматривают это как исключительно немецкое дело, к которому у белорусов нет никакого отношения. Советское воспитание внедрило точку зрения, что нет никаких расовых различий. Повсюду рассматривают евреев сочувственно и считают немцев варварами и палачами. В целом они считают евреев такими же людьми, как и белорусов».

Немецкий отчет из Борисова, где произошла крупная еврейская бойня 20–21 октября 1941 года, рассказывает, что немецкие жестокости произвели чрезвычайное впечатление на местное белорусское население. «Глаза неевреев — как говорится в отчете — выражали либо полное безразличие, либо страх, потому что сцены, которые разыгрывались на улицах, были просто ужасными. Неевреи перед казнью, возможно, думали, что евреи заслужили свою судьбу, но на второй день после казни их чувства были совершенно иными: кто может одобрить такое ужасное дело? Как это было возможно уничтожить разом 6500 евреев? Сегодня это случилось с евреями, а когда это случится с нами? Что эти бедные евреи сделали? Всё, что они делали — это тяжело трудились». Из этого отчета можно видеть, что белорусское население было менее враждебно настроено против евреев, чем, к примеру, украинцы или литовцы. Белорусы также не были подготовлены своим характером к жестокости немецких боен.

Но со временем, как кажется, и белорусская реакция против антиеврейских жестокостей притупилась. Отчет айнзатцгруппы от 14 ноября 1941 года рассказывает, как белорусское население в Витебске восприняло «полную ликвидацию всех евреев в

витебском гетто». В отчете говорится, что белорусы не выразили никакого сочувствия и вообще отнеслись к этому безразлично. Они очень быстро привыкли к тому факту, что евреи исчезли, и это не вызвало никакой особой реакции — ни в положительную, ни в отрицательную сторону. Из этого немецкого отчета можно понять, что белорусы, по крайней мере, не высказали никакой радости по поводу уничтожения евреев, и создается впечатление, что они просто затаили свое дыхание, не высказывая перед немцами своего подлинного внутреннего отношения и чувств по поводу этого ужасного преступления.

Одновременно с организацией белорусского городского управления немцы также организовали юденрат. Юденраты в Белоруссии организовывались таким образом, что в каждом городе немцы назначали комиссаром председателя юденрата и приказывали ему набрать от 3 до 10 членов. Тот же процесс произошел и в Витебске. Нам, однако, неизвестно имя председателя и членов юденрата в Витебске. Мы знаем только, что немцы требовали, чтобы юденрат состоял из постоянных витебских жителей, то есть чтобы туда не включались никакие беженцы или вновь прибывшие. С самого начала юденрат был полностью зависим от немцев. Характер формирования юденрата изначально исключал возможность того, чтобы юденрат был представителем еврейского населения. Немецкое давление на юденрат росло и становилось сильнее, в немецких распоряжениях указывалось, что юденрат несет коллективную ответственность за поведение еврейского населения. Первое требование состояло в том, чтобы юденрат поставлял на работы мужчин в возрасте от 15 до 55 лет, о чем уже упоминалось выше. Юденрат должен был организовать рабочие бригады, обеспечивать их необходимым инструментом и питанием и отправлять к немецким местам работы. Мы знаем, что это дело регулировалось так же, как и в других городах. Но мы также знаем, что не глядя на это регулирование, на улицах продолжали происходить дикие облавы. Второе требование, которое было предъявлено юденрату, состояло в проведении полной регистрации всего еврейского населения. Было приказано зарегистрировать всех «расовых» евреев, включая выкрестов, людей, которые жили в смешанных браках, а также тех, кто по немецким расовым законам считались «полуевреями» и «четверть-евреями».

Регистрация показала число в 16 000 евреев в Витебске. Так как число жертв, которые пали от немецких рук в период до этой регистрации, не могло превышать тысячи или двух тысяч евреев (депортированных, различных небольших погромов и др.), следует предположить, что часть еврейского населения успела бежать из Витебска в глубь России и в окрестные леса. Также возможно, что определенное число евреев, которые жили в Витебске, вообще не пожелали регистрироваться, так как понимали злые намерения немцев.

Всё это время параллельно с этой фальшивой мирной гражданской жизнью происходили постоянные экзекуции и террористические акты против еврейского населения. Сначала немцы сами не представляли, в состоянии ли они будут провести полную ликвидацию еврейского населения. Отчет айнзатцгруппы Б от 23 июля 1941 года прямо гласит: «Выглядит так, будто решение еврейского вопроса во время войны на этой территории [в Белоруссии] невозможно, так как они большое число, и поэтому полная ликвидация была бы возможна только путем депортации». Как мы знаем, центральное немецкое правительство в Берлине, и в особенности руководство СС,

уже тогда имело план полной ликвидации еврейского населения. В августе и сентябре 1941 года этот план претворялся в жизнь путем непрерывных кровавых акций. В начале августа айнзатцгруппа сообщает, что повсеместно безжалостно уничтожаются «большевистские функционеры, партийные работники, агенты НКВД, еврейская интеллигенция, уголовники, мародеры, саботажники, заговорщики и т. д.».

Из формулировки этого отчета можно сделать вывод, что акции были направлены не только против малой доли евреев, главным образом интеллигенции. Фактически же под такими обозначениями, как «партийные функционеры», «саботажники», «мародеры», «заговорщики», подразумевались исключительно евреи, которых убивали под любым выдуманным предлогом. Это становится очевидным из другого отчета от 12 августа, в котором говорится о новой акции: «Были казнены 332 еврея, среди них 5 большевистских функционеров». Даже айнзатцгруппы, как мы видим, искали хоть какую-то связь с коммунистическими агентами среди евреев. Но они не смогли сфабриковать более 5 большевиков среди 332 невинно убитых евреев.

А в другом отчете от 19 августа уже совершенно ясно и прямо говорится: «В Витебске продолжаются акции против еврейской интеллигенции. Число жертв на этот раз не указывается».

Чтобы иметь представление об акциях против еврейской интеллигенции, о которых нам не хватает точных подробностей, давайте рассмотрим акции против еврейских врачей. Официальные документы дают нам немного информации. Согласно отчетам айнзатцгруппы, в Витебске ранее (то есть до прихода немецких войск) было около 200 врачей, по большей части евреев. Из этих 200 врачей к тому времени в Витебске оставалось всего 40 врачей, среди них 8 евреев. Также в больницах и четырех клиниках, которыми владел Витебск, было много евреев среди санитарного персонала, и почти все административные руководители там были евреями. Из них никто больше не остался. Казни, которые провели немцы, в первое время были направлены против определенной категории еврейского населения. В первый раз это были беженцы, в другой раз — еврейская интеллигенция, или же против тех, кто выразил протест по поводу принудительных работ, или тех, кого обвиняли в большинстве случаев в вымышленных наветах — таких как саботаж, коммунистическая агентура и тому подобное.

Вскоре добавились новые категории. 1 октября 1941 года айнзатцкоманда 9 выделила 52 еврея, которые прибыли из Городка в Витебск открытым способом. Это были евреи, которые спаслись от немецкой бойни в Городке и думали найти убежище в Витебске. Ранее, 4 сентября, немцы провели «прочесывание» (акцию зачистки) лагеря гражданских пленных в Витебске. При этой «проверке» вермахт вытащил из лагеря 397 евреев без какого-либо судебного разбирательства, обвинив их в том, что они виновны в саботаже и в нападениях на немецких солдат. Все эти евреи были переданы айнзатцкоманде 9, которая их ликвидировала.

Немецкие заявления о еврейском сопротивлении, хотя они часто преувеличивались в пропагандистских целях, имели под собой определенное основание.

В отчете от 29 августа немцы рассказывают о еврейской женщине в Витебске, которая заложила динамит в проем своей двери. Когда немецкий солдат попытался войти в

дом, динамит взорвался и оторвал ему руку. Женщина была немедленно повешена посреди улицы.

Чтобы витебские евреи не могли убежать от уничтожения, которое немцы для них запланировали, немцы распорядились загнать евреев в гетто. Гетто было организовано после того, как юденрат провел регистрацию всех евреев. Подобные гетто были организованы и в других городах и местечках Белоруссии. Витебское гетто было устроено на правом берегу Двины в районе Песковатиков — в районе, который был полностью разрушен бомбами, боями и пожарами. Евреям приказали оставить свои квартиры и запереться в гетто, которое состояло только из каменных и обгоревших руин. Очень немногие здания в этом районе вообще имели крыши. Были разрушены и оконные рамы, отсутствовали двери и балконы. Вокруг гетто немцы приказали установить забор из колючей проволоки. Нельзя было покидать гетто без специального разрешения. Такие разрешения получали в основном люди, которые работали на немецкую промышленность и на немецкие военные власти. Членам юденрата немцы разрешили оставаться и жить в городе вне гетто. Такое разрешение получили также восемь еврейских врачей по просьбе городского санитарного департамента. Евреи утешали себя тем, что раз им удастся пережить лето в гетто, то к зиме немцы разрешат им бежать в свои дома. Но, к сожалению, евреи очень ошибались в своих расчетах, и то, что гетто не было ликвидировано летом, а зимой — по другой, крайне трагической причине — из-за эпидемии, привело к полной ликвидации витебских евреев...

Не глядя на суровый немецкий террор, не все евреи пошли в гетто. Отчеты айнзатцгруппы время от времени сообщают о евреях, которые были пойманы в городе и расстреляны, поскольку они не жили в гетто, а прятались под видом «арийцев». Так, например, упоминается в отчете от 23 сентября, что три еврея были расстреляны из-за этого проступка. 25 октября еще четыре еврея были расстреляны по той же причине.

Многие евреи понимали, однако, что нельзя спрятаться в самом городе среди неевреев; большое число евреев не могло выдать себя за арийцев. Они бежали в леса и на болота, лишь бы не оставаться в гетто. Число евреев в лесах изначально было очень большим. Как немцы сообщают в своих отчетах, каждая группа евреев организовывала специальную службу сигнализации. Дозорные следили, не приближается ли немецкая полиция или военное командование. Если дозорные замечали что-то подозрительное, они предупреждали свою группу, которая уходила глубже в леса и болота.

Это укрывательство в лесах было надежным лишь до тех пор, пока на улице было тепло. Зимний период принес холод и вызвал множество болезней и смертей. Лишь часть скрывающихся в лесах смогла присоединиться к партизанским отрядам или создать партизанские группы, которые уже существовали ранее. Время от времени немцы направляли карательные экспедиции, чтобы ловить группы евреев в лесах.

В отчете от 4 сентября 1941 года немцы хвастались, что они провели «акцию пачификации» (карательную операцию), во время которой вермахт провел расстрел группы из 19 еврейских мужчин и женщин. Евреев обвинили в том, что они

расстреляли троих немецких солдат и подожгли здания в городе. Все они были казнены. Тем временем положение в гетто становилось все хуже. Людей косил голод. Начали распространяться тиф и другие болезни. Как раз тогда наступила суровая холодная зима, что еще больше усилило нужду в гетто. Немцы использовали факт болезней, которые вспыхнули благодаря их собственной политике, повсеместно как предлог для ликвидации гетто. Отчет айнзатцгруппы Б сообщает: «Из-за большой опасности эпидемии мы начали 8 октября 1941 года полную ликвидацию витебского гетто». Ликвидация продолжалась несколько дней. То, как она проводилась, описывают латышско-русские свидетели в своих воспоминаниях:

«В течение 3 дней людей непрерывно везли на грузовиках к берегам реки Витьбы. Там маленьких детей сортировали и увозили куда-то. Взрослых же сразу убивали на месте и сбрасывали в реку Витьбу. Все это происходило на глазах жителей близлежащей деревни у станции. Свидетели позже рассказывали, что немцы осуществляли только надзор и руководство акцией. Сами расстрелы производили местные полицаи».

Тот же латышско-русский свидетель рассказывает также о множестве раздирающих душу эпизодов во время этой акции. Людей везли в закрытых грузовиках в большинстве своем стоя. Некоторые плакали. У одного из грузовиков заметили такую картину: маленькая девочка в плюшевом пальто стояла у края грузовика с широкой радостной улыбкой на лице и смотрела. Она не понимала, куда ее везут. Она радовалась поездке на грузовике и тому, что видит реку, деревья и людей, и тому, что она вышла из темного гетто.

Витебская полиция, как уже упоминалось, была еще более жестокой, чем немцы. Туда принимали в полицию не просто людей, которые были готовы сотрудничать с немцами, но отбирали «специалистов». Этих «специалистов» отбирали среди советских милиционеров и сотрудников НКВД, а также отличавшихся особой жестокостью уголовников и бывших домовладельцев. После того как советские войска освободили Витебск, было проведено расследование и суды над коллаборационистами, и почти все они получили суровое наказание, но кое-кому удалось скрыться. Таким был руководитель полиции во время немецкой оккупации. Его судили только на семь лет ареста. Считалось, будто он был ответственным за жестокость полиции, но заслуживал более мягкого наказания. Позже выяснилось, как сообщает Ариванов, что его заслали туда органы НКВД.

Немцы вели точную статистику своих убийств. 19 декабря они сообщили в отчете, что в октябрьских акциях было уничтожено 4090 евреев. Это означает, что большая часть населения гетто к тому моменту уже погибла или была убита еще до этой последней ликвидации. Октябрьская акция не принесла полного уничтожения евреев в самом Витебске. Немцы не успокоились, пока не нашли всех, кто где-либо укрывался. Командир айнзатцгруппы Б прибыл в лагерь для военнопленных, вытащил оттуда 207 евреев и расстрелял их.

Так евреи Витебска были ликвидированы уже в 1941 году. Позже о евреях больше не упоминается в отчетах о деятельности. Лишь изредка заходит речь о евреях. В отчете айнзатцгруппы от 9 марта 1942 года сообщается, что в ночь с 29 на 30 января 1942

года был совершен теракт против бургомистра города Витебска. Городское население, говорит далее отчет, осудило этот теракт, рассматривая его как акт мести со стороны евреев или партизан. Насколько верны эти предположения, невозможно установить по отчету. По этому отчету можно понять, что немцы и их пособники боялись мести со стороны евреев или партизан, и это также является косвенным свидетельством еврейского партизанского движения в витебском регионе.

Когда немцы были изгнаны из Витебска, в городе не осталось ни одного еврея. В течение первых двух лет после освобождения в город вернулось некоторое количество евреев. Согласно сообщениям советской прессы, в 1946 году в Витебске было около 500 евреев. Кто они были? Были ли это партизаны, которые вернулись из лесов, или это были беженцы, вернувшиеся из России или эвакуации, солдаты, которые искали среди руин хоть какую-то память о бывшей еврейской общине и о своих семьях? Наши сведения очень скудны, и мы не можем ответить на этот вопрос. Мы также не знаем, сколько из этих евреев решили снова поселиться в Витебске. Никакой крупной еврейской общины, как кажется, в Витебске больше не возникло, как это произошло, к примеру, в нескольких городах Украины. Корреспонденты, которые в последнее время посещали эти места, описывают еврейские поселения в Украине и Белоруссии, но Витебск среди них не упоминается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сообщение от ИТА, перепечатанное в «Форвертс» от 9 ноября 1942 года и во многих других еврейских газетах. Немного ранее появились короткие сообщения о нацистских еврейских бойнях в Витебске в московской газете «Эйникайт» от 15 июля 1942 года (коммюнике Еврейского антифашистского комитета) и в «Форвертс» от 12 июля 1942 года (сообщение ИТА).
2. Ив. Иванов, «Из недавнего прошлого», *Социалистический Вестник*, Нью-Йорк–Париж, 1952, № 1-2, стр. 26-27; № 3, стр. 49-50.
3. Joseph Tenenbaum, "The Einsatzgruppen," *Jewish Social Studies*, 1955, vol. XVII, pp. 43-64; Gerhard Reitlinger, *The Final Solution*, New York, 1953, pp. 183-211.
4. *International Military Trial of the Major War Criminals*, Nuremberg, 1947-1949. IMT (далее цитируется под этой аббревиатурой). Неопубликованные отчеты айнзатцгрупп имеют следующий заголовок: *Ereignismeldungen (und) Tätigkeitsberichte UdSSR des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD*.
5. Важнейшие источники по созданию, обучению, составу и деятельности айнзатцгрупп следующие: J. Tenenbaum, *op. cit.*; G. Reitlinger, *op. cit.*; *Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals*, vol. IV, Otto Ohlendorf and others (The Einsatzgruppen Case); Karl O. Paetel, "The Reign of the Black Order — the Final Phase of German National Socialism; The SS Counter-State" in *The Third Reich*, ed. by Maurice Baumont, John H. E. Fried and Edmond Vermeil, New York, 1955, pp. 633-677; Hans Buchheim, "Die SS in der Verwaltung des Dritten Reiches," in *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, vol. V (Munich, 1955), pp. 127-157; Arnold and Veronica Toynbee, eds., *Hitler's Europe*, London, 1954, pp. 17-18, 73-90, 95-98, 113-125, 568, 575.

6. J. Tenenbaum, *op. cit.*; G. Reitlinger, *op. cit.*
7. G. Reitlinger, *op. cit.*, p. 196; Toynbee, *op. cit.*, pp. 17, 18.
8. G. Reitlinger, *op. cit.*, pp. 187 ff; Hans B. Gisevius, *To the Bitter End*, Boston, 1947
(many references to Nebe, see index); Wilhelm Hoettl, *The Secret Front*, New York, 1954, pp. 60 ff.; Rudolf Pechel, *Deutscher Widerstand*, Erlenbach-Zurich, 1947, pp. 254-259.
9. J. Tenenbaum, *op. cit.*, p. 47; G. Reitlinger, *op. cit.*, p. 187 ff.
10. Относительно Оскара Дирлевангера см.: Речь Генриха Гиммлера от 3 августа 1944 года, напечатанная в *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, vol. I, No. 4, pp. 377-378; *Trials*, vol. XIV, p. 545; J. Tenenbaum, *op. cit.*, p. 49; Stanisław Płoski, ed., "Relacja von dem Bacha o powstaniu warszawskim," *Dzieje Najnowsze*, vol. I, No. 2, Warsaw, 1947, pp. 299, 302, 304-305, 308-309, 316. Власов пишет, что Дирлевангер больше не живет, но не приводит никаких доказательств того, как он умер. Большинство других историков считают, что Дирлевангер спасся в конце войны и скрылся где-то. Согласно отчету, напечатанному в нью-йоркском *Aufbau* от 25 апреля 1952 года, этот кровавый убийца должен находиться среди группы бывших немецких офицеров, которые были наняты в качестве военных экспертов египетской армией.
11. G. Reitlinger, *op. cit.*, p. 221.
12. Также Иосиф Шехтман считает, что оценки Бергельсона сильно преувеличены. См.: *Hitler's Ten Years War Against the Jews*, New York, 1943, pp. 186-187.
13. G. Reitlinger, *op. cit.*, pp. 187 ff; J. Tenenbaum, *op. cit.*, pp. 49, 51.
14. Ариванов дает цифру в 200 000; отчет айнзатцгруппы оценивает довоенное население Витебска в 170 000 человек.
15. Solomon M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union*, Syracuse, 1951, p. 225.
16. S. Schwarz, *op. cit.*, pp. 310-314; IMT, vol. XXXVII, pp. 670-701.
17. Ш. Шварц, цитированное произведение, стр. 225.

ВИТЕБСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ*

* Составлено на основе отчетов руководителей «Благотворительной ассоциации» Макса Лаберана и Луиса Хоровица.

Первые витебчане начали прибывать к берегам Америки в 80-х годах 19-го века вместе с большим потоком еврейской эмиграции из России. Их судьба в целом была похожа на судьбу иммигрантов из других городов и местечек. Тяжелый труд в потогонных мастерских (швейных фабриках) или торговля вразнос изнуряли иммигрантов, отнимая все силы, и не давали возможности обеспечить себе даже

минимальный уровень существования. А одиночество в таком огромном городе, как Нью-Йорк или Филадельфия, было столь сильным, что тоска по старому дому, по воспоминаниям былых лет, витавшая в воздухе, словно облако, находила свое единственное утешение в этих воспоминаниях. Как и другие иммигранты, витебчане тоже искали в этой новой стране старых друзей, земляков, с которыми можно было бы разделить схожую судьбу, к кому можно было бы прийти со своими бедами и найти братский отклик. Можно считать, что в этом чисто человеческом, глубоком душевном стремлении создать для себя домашний уют и кроется корень широкого земляческого движения среди масс иммигрантов, охватившего и витебчан в Америке.

«Витебская благотворительная ассоциация» — старейшая организация витебских иммигрантов в Америке — родилась 20 июня 1900 года. Но попытки объединить витебчан предпринимались и ранее. В начале 90-х годов 19-го века несколько витебчан основали нечто вроде «Кружка» — небольшого землячества, просуществовавшего короткое время. Этот кружок не оставил после себя никаких следов. Вскоре после этого, в 1892 году, Максом Лабераном была предпринята вторая попытка создать витебское объединение в Нью-Йорке, но у этой организации тоже не было подходящих условий для существования: еще не было достаточного единства, мешало обилие «политики» — таковы были причины, приведшие к угасанию этого начинания. Число участников в этой организации было очень небольшим, а отношения между ними не были гармоничными. Каждому хотелось провести в организации свою «идеологию».

Принято считать, что движение витебских землячеств в Нью-Йорке берет свое начало в вечер 20 июня 1900 года, когда в зале Генри Холл на улице Генри Стрит, 49, была основана «Витебская благотворительная ассоциация». На этом учредительном собрании было решено, что религиозные, политические и партийные вопросы должны быть исключены из новой ассоциации. На основе принципов братства и дружбы новая Витебская ассоциация должна вести свою общественную деятельность — помогать членам организации в трудную минуту, во время болезни или нужды, и стать центром для всех витебчан, прибывающих в Америку. Первым президентом этой витебской организации стал Дэвид Рауитш. Группа первых основателей, оставивших свой след в дальнейшей деятельности новой организации, состояла из следующих лиц: Джошуа Дукарвитш (Дюк), Эйб Дукарвитш, Джошуа Рогатский (Рогат), Луис Бриль, Луис Каплан, Моррис Этенберг, Макс Шапиро, Нисон Диксон, Макс Фельдман и доктор Роберт Гринберг (Грин). Новая организация начала свою благотворительную деятельность с капиталом всего в 9 долларов, оставшимся в кассе после того, как были оплачены расходы, связанные с основанием. Разумеется, при таком небольшом капитале «Витебская ассоциация» в первое время полностью зависела от взносов своих членов, число которых изначально было небольшим. В первые годы в Нью-Йорке вообще не было много витебчан. Ситуация изменилась лишь с развитием революционных событий в России, особенно после 1905 и 1906 годов. Эмиграция из Витебска резко возросла, что отразилось и на численности членов организации. Согласно имеющимся сведениям, число членов организации составляло:

- В 1910 году 65 членов
- В 1920 году 210 членов
- В 1930 году 300 членов

- В 1940 году 300 членов
- В 1950 году 280 членов

В соответствии со своими задачами и целями, которые витебское объединение поставило перед собой, оно развернуло за прошедшие 50 лет широкую и разветвленную деятельность, главным образом в сфере взаимопомощи и поддержки нуждающихся земляков.

Уже в первый год существования организации скончался один из основателей (Нисон Диксон). Поскольку у «Витебской ассоциации» еще не было собственной земли, пришлось обратиться к сторонней организации, у которой было свое кладбище. После этого печального случая был поднят вопрос о покупке собственной земли. 6 мая 1901 года на специальном собрании было решено купить участок земли на кладбище «Маунт Сион Семетри» на 240 могил. Финансово осуществить эту операцию было не так просто, но организации удалось это сделать. За три года земля была полностью огорожена. Члены нашей ассоциации выразили желание высечь свои имена на воротах, что придало организации определенный престиж, связанный с кладбищем. Чтобы покрывать расходы, связанные с содержанием кладбища, время от времени проводились специальные мероприятия. 4 января 1913 года был куплен еще один участок земли на кладбище «Маунт Юда Семетри» на 260 могил.

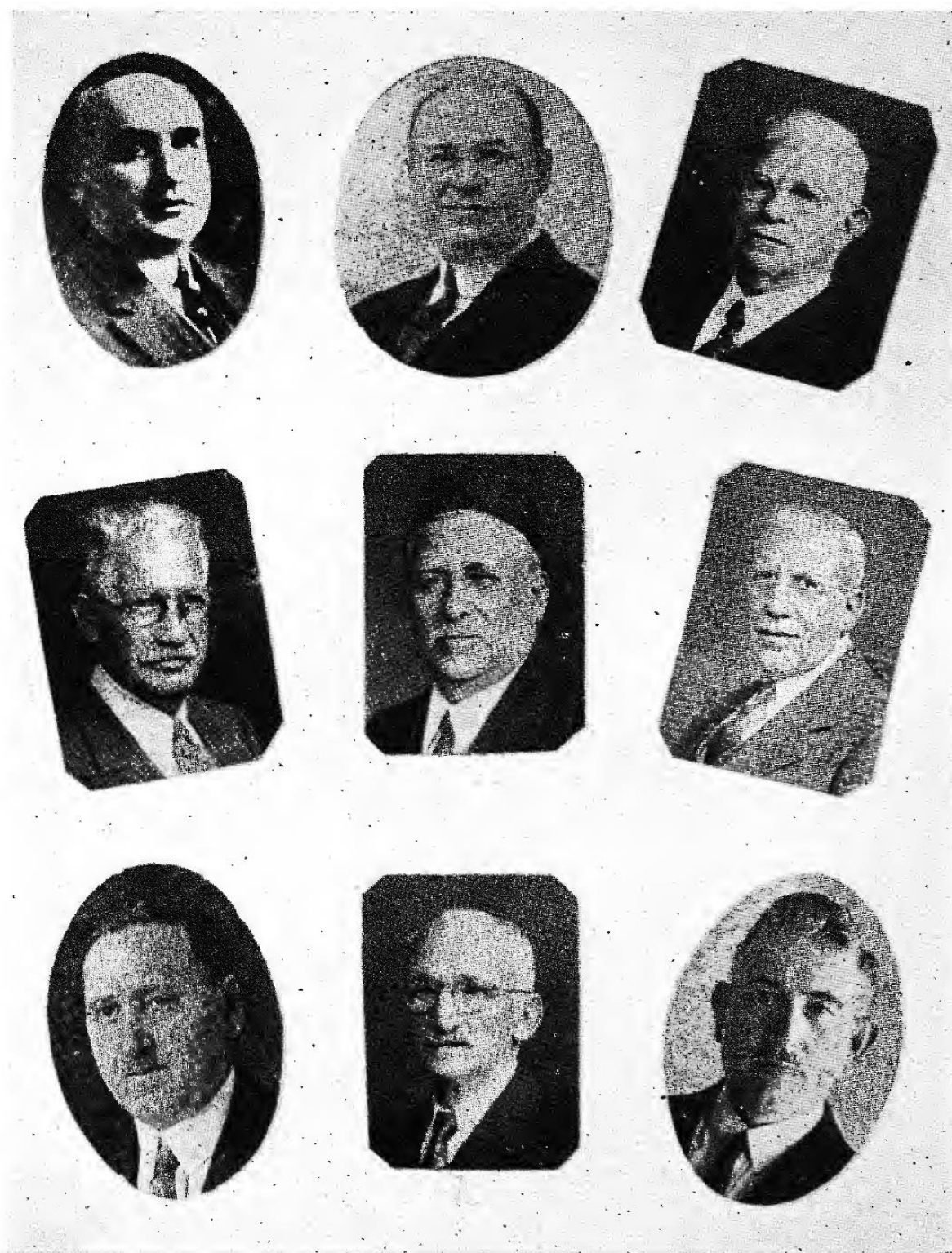
Согласно уставу ассоциации, при ней существовал специальный комитет, имевший право в случае крайней необходимости сразу же выдать беспроцентную ссуду. Так была основана и успешно работала касса взаимопомощи (*Гмилут Хесед*), выдававшая займы в размере до 100 долларов с возможностью возврата по частям. Был также создан благотворительный комитет, поддерживавший членов организации в случае нужды более крупными суммами (от 300 до 500 долларов). В 1923–1924 годах было решено выплачивать наследникам умершего члена организации крупную сумму в 1000 долларов (ранее выплачивалось только 500 долларов). Ассоциация также заботилась о больных членах, поддерживая их определенными денежными суммами и обеспечивая медицинской помощью (были наняты два врача — один для Бруклина, а второй для Манхэттена и Бронкса).

Регулярные доходы организации состояли из членских взносов и специальных сборов. В самом начале членский взнос составлял 8 долларов в год, позже он был увеличен до 12 долларов, а в 20-х годах достиг 20 долларов. Другим важным источником доходов были юбилейные банкеты организации, устраивавшиеся примерно каждые пять лет с широким размахом, с богатой и интересной программой, с юбилейными публикациями и специальными сувенирными изданиями. Эти юбилейные торжества привлекали не только членов организации с их семьями, но также большое число почетных гостей и популяризировали ассоциацию среди нью-йоркского еврейства, вызывая много симпатии к витебскому объединению. Руководители организации, такие как Луис Хоровиц и Макс Лаберан, в своих отчетах уделяют много места этим юбилейным датам, поскольку они являлись важными вехами на пути существования организации.

Пионеры и активные деятели «Витебской благотворительной ассоциации»

Справа налево:

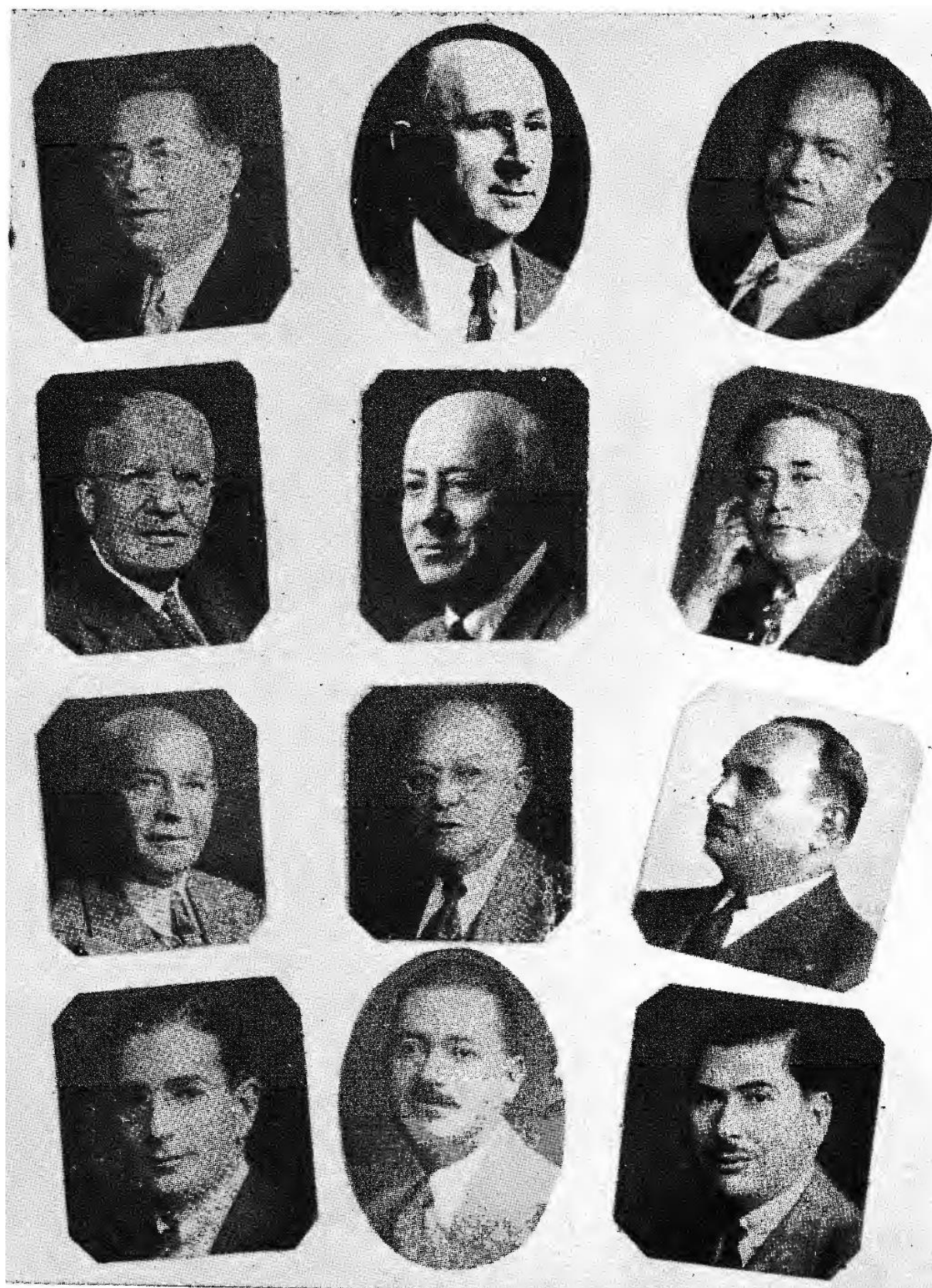
- 1-й ряд: Давид Рауитш, д-р Роберт Гринберг, Макс Фельдман;
- 2-й ряд: Макс Киссельгоф, Сэм Лапин, Джошуа Дюк;
- 3-й ряд: Иудей (Джоэл) Рагарт, Макс Каплан, Исидор Острофф.

Пионеры и активные деятели «Витебской благотворительной ассоциации»

Справа налево, от правых к левым:

- 1-й ряд: Сэм Томхаркин, Луис Ньюман, Генри Стамбл;
- 2-й ряд: Луис Хоровиц, Сэм Лион, Сэм Катцен;
- 3-й ряд: Моррис Левитан, Макс Лаберан, Джошуа Левинсон;
- 4-й ряд: Луис Бургафф, Луис Фельдман, Гарри Л. Файн.

Помимо благотворительной помощи своим членам, организация уделяла много внимания различным другим общественным задачам, выходящим за рамки ее обычных повседневных дел. Особое место в этом отношении занимает масштабная акция, которую ассоциация провела совместно с витебским «Бондом» (филиал 224

Рабочего союза / *Арбейтер Ринг*), чтобы помочь нашим витебским братьям после большевистской революции в России. Было созвано специальное собрание членов организации, на котором для этой цели была собрана сумма в 2 500 долларов. Один из основателей, д-р Роберт Гринберг, отправился в 1922 году в Россию, посетил Витебск и передал эти деньги детскому дому от имени витебских землячеств в Америке. Проходили годы, наступили кризисные 1929–1930 годы, экономический кризис в США, когда многие из членов ассоциации защищали демократические идеалы Америки, как того требовали интересы еврейского народа. После войны была вновь проведена совместная акция с витебским филиалом 224 Рабочего союза для помощи Витебску, и на одном из митингов было собрано 2 000 долларов. Однако, к сожалению, советское правительство выдвинуло такие условия для оказания помощи (чтобы она направлялась не только евреям в Витебске, но и всему населению в целом), что из этого почти ничего не вышло. Было потрачено немного денег на индивидуальные посылки, а оставшиеся 1 700 долларов передали в фонд «Юнайтед Джуиш Апил» (Объединенный еврейский призыв).

Различные другие институты также постоянно получали помощь от нашей Витебской ассоциации, которая имела у себя постоянный бюджет для благотворительности (*Цдака*). Когда было провозглашено Государство Израиль, а позже, когда началась кампания по сбору средств для «Бондс» (Облигаций Израиля), члены нашей Витебской ассоциации внесли свой вклад: с 1949 по 1955 год ассоциация выделила для «Юнайтед Джуиш Апил» сумму в 43 000 долларов.

И в кампанию по покупке облигаций («Бондс») было вложено несколько тысяч долларов. Это доказывает живой отклик витебчан на важнейшие еврейские общественные и национальные институты.

Стоит отметить, что второе поколение наших американских витебских земляков также активно работало в интересах землячества и шло по стопам основателей, сохраняя традиции и цели, ради которых была создана ассоциация.

Финансовое положение ассоциации к началу 1956 года было следующим: мы располагаем капиталом в израильских облигациях, наличными деньгами и американскими сберегательными облигациями на сумму более 60 тысяч долларов. Кроме того, ассоциации принадлежат 3 полностью выкупленных кладбищенских участка, на которых имеется более 500 могил.

В заключение мы приводим список важнейших деятелей ассоциации, которые на протяжении периода с 1900 по 1955 год занимали различные посты и несли обязанности в руководстве всей деятельностью витебчан в Америке:

- **Президентами ассоциации были:** Дэвид Рауитш, д-р Р. Гринберг, Макс Киссельгоф, Залман-Йолик Дукарвитш, Макс Лаберан, Макс Каплан, Джошуа Левинсон, Исидор Острофф, Сэм Лапин, Луис Бургафф, Моррис Левитан, Гарри Л. Файн, Сэм Томхаркин, Генри Сабель, Луис Ньюман, Луис Фельдман, Сэм Лион.
- **Финансовые секретари:** Макс Яффе, Макс Лаберан, Макс Фельдман (20 лет), Алекс Плавеник (15 лет), Генри Сабель, Мартин Левинсон.

- **Протокольные секретари:** Борис Каплан, Ш. Лапин (22 года), Луис Фельдман, Сэм Томхаркин, Генри Сабель.
- **Казначей (кассиры):** Джошуа Дюк, Джошуа Левинсон, Сэм Катцен, Луис Ньюман, Х. Пятецкий, Макс Лаберан, Луис Хоровиц (20 лет).
- **Среди других деятелей мы также должны упомянуть** госпитальера Шимона Яффе (более 20 лет) и Сэма Катцена из похоронного братства *Хевра Кадиша* (22 года).

ВИТЕБСКИЙ ФИЛИАЛ 224 РАБОЧЕГО СОЮЗА*

* Составлено на основе отчетов руководителей филиала Сэма Аглафа, Бернарда Мирингофа и Мориса Словина.

Витебский филиал Рабочего союза (*Арбейтер Ринг*) в Нью-Йорке был основан осенью 1908 года. «3 октября 1908 года, — пишет Сэм Аглаф, первый финансовый секретарь филиала, — мы собрались в зале на Ист-Бродвее, чтобы открыть наш филиал Рабочего союза, и когда нам выдали чартер под номером 224, нами овладело воодушевление». Первое собрание нового Витебского филиала «Бонда» №224 состоялось 16 октября под председательством Исаака Пушкина. Первым протокольным секретарем был избран Алекс Плавеник. «Среди основателей филиала, — вспоминает Бернارد Мирингоф, один из строителей филиала, — была группа из 28 членов; в течение нескольких лет нас стало несколько сотен». Как мы видим из отчетов, в 1923 году было 255 членов, в 1938 году — 190, а в 1953 году — 149. Такое сокращение числа членов можно объяснить тем, что старшее поколение уходит, а новые члены прибывают уже не в таком большом количестве. Тем не менее, филиал на протяжении почти всей своей 50-летней истории занимал почетное место в великом еврейском ордене Рабочего союза (*Арбейтер Ринг*), органично вписавшись во все сферы общественной деятельности в Америке и развив, в меру своих возможностей и сил, продуктивную работу на благо витебчан в Америке: дружеское, товарищеское окружение для наших братьев как на старой родине, так и на новой.

Город Витебск — это то, с чем члены филиала связывают свои лучшие юношеские мечты и свои первые шаги в общественной жизни, свою первую борьбу в рядах освободительного движения молодежи, и по сей день глубоко запечатлен в их сердцах. Еврейское рабочее движение в Витебске, близкие и самые близкие личные связи с бывшим еврейским коллективом в Витебске — воспоминания о былом — не раз укрепляли мужество и дух в повседневной жизни в новой стране, где первые годы были совсем не легкими для адаптации и обустройства. Сейчас, после недавней катастрофы, когда все, что зовется словом «Витебск», уже превратилось в историю, память о витебчанах в Америке стоит как символ дорогого, далекого прошлого, как маяк, бросающий свои световые лучи на пройденный путь и освещающий дорогу в будущее — город Витебск. Старшие, любящие вспоминать свою прошлую жизнь, будут рассказывать с энтузиазмом о том, что украшало и облагораживало их юность, а молодые, выросшие здесь, в свободной Америке, с благодарностью будут прислушиваться к этим фантастическим и порой непостижимым, но захватывающим, притягательным рассказам о былом.

ד"ר מענדל ראקאלין

Д-р Мендель Рахлин

Витебский филиал 224 имеет долгую предысторию, которая началась еще в годы революции 1904–1905 годов и напрямую связана с Витебском. В связи с этим пишет Б. Мирингоф в своих воспоминаниях: «Когда в Нью-Йорке существовала витебская организация "Бонда", я узнал от товарища Янкеля Блехера (механика), что в двухэтажном особняке была организована закупка оружия. Из "Форвертс" с отчетом о

собрании витебской организации "Бонда" в Бруклине, подписанным Ф. Душ (Родрик), который позже стал казначеем филиала на протяжении многих лет». В отдельной статье упоминается Б. Мирингоф, который еще в Витебске, в связи с работой в политическом Красном Кресте (для помощи арестованным и сосланным), обратился через комитет «Бонда» по своей инициативе к витебским товарищам в Америке. Этот призыв из Витебска нашел отклик в Браунсвилле (Бруклин), и там сформировалось витебское общество во главе с Иче-Бером Барановским, Шлойме-Иче Айзиковичем, Луисом Рабиновичем и другими товарищами, которые ранее были активными бондистами в Витебске. Это бондистское общество посылало помощь как Политическому Красному Кресту, так и «Бонду» в Витебске. И именно из этого общества позже сформировался филиал 224 Рабочего союза. Гиршл Яффе в своих воспоминаниях упоминает, как он в 1905 году встретился в Витебске на Замковой улице с «маленьким Берлом» (Б. Мирингофом), который рассказал ему, что скоро прибудет помощь из Америки и на эти деньги будет установлен памятник на могилах семи жертв, павших в революционной борьбе. После революционных лет 1906–1907 годов усилился поток эмиграции из России, и это привело к увеличению числа витебских бондистов в Нью-Йорке. Тогда бондистское общество превратилось в филиал 224 Рабочего союза и сохранило в своем названии также подзаголовок «Бонд». Б. Мирингоф рассказывает, что после его прибытия в Америку в 1907 году было созвано специальное собрание в Бруклине, в епископальной церкви, на еврейском собрании, которое уже тогда было центром для витебских рабочих иммигрантов и не только для бондистов. Было интересно отметить, что, например, Сэм Аглаф, бывший на родине социал-демократом, а не бондистом, легко нашел свое место в бондистском обществе. То же самое было и с некоторыми сионистами, например, с Луисом Рубиным, вошедшим в филиал 224 под влиянием своей жены — бондистки: «Она убедила меня, — пишет он, — что я не совершу никакого преступления против своей партии и своих идеалов, если стану членом этого филиала». Стоит также упомянуть, что за несколько лет до этого в Нью-Йорке существовал Витебский филиал 224 Рабочего союза, бывший одним из «центров» для иммигрантов из Витебска.

В то время филиал вел нормальную работу наряду со многими другими филиалами Рабочего союза. По своему характеру работа, которую вели активисты филиала Сэм Аглаф и Сэм Броскин, судя по всему, в первые 6–7 лет существования филиала была направлена на «оформление». Благодаря иммиграционному потоку в 1915–1916 годах число членов выросло до 275. «Филиал откликался на все, что происходило в рабочем движении здесь, в стране, и за рубежом: он поддерживал работу Социалистической партии, забастовки, происходившие в те годы, социалистическую прессу, все институты, созданные Рабочим союзом. Филиал также, в меру своих возможностей, посылал помощь в Россию, на старую родину. Это были скромные средства, но эта помощь в час нужды организовывалась с открытым сердцем и на истинно братских принципах».

עקזעקוטיוו-קאמיטעט פון פארענטש 224 ארבעטער-רײַנג אין 1953
 פון רעכטס צו לינקס — 1 יטע רײ: פ. מירינגאָף, ד. געניק, מ. דזשיקאָבסאָן, ס. העניק, מ. סלאָוויץ, ס. אָנגעלאָף, א. געניק,
 ד. גינאָר, 2 יטע רײ: ל. ראָפּינאָוויטש, ד. גיטשטיק, ראָזין, פרוי ראָזן געניק, זלאַטקע דזשיקאָבסאָן, פ. סעמפאָרד, פ. קרש-
 נאָף, סווערדלאָף, ד. מירקין, ל. רופּין, 3 יטע רײ: פ. סטאַר, ס. טשאַרלאָף, ד. רוטריק.

Исполнительный комитет Витебского филиала 224 Рабочего союза в 1953 году.

Сидят (слева направо): М. Словин — экс-председатель; Л. Хоровиц — секретарь по протоколам; Г. Сабель — фин. секретарь; Б. Мирингоф — председатель; С. Словина — председатель женского клуба; С. Ганин — казначей; Х. Либуркин — экс-председатель.

Стоят (слева направо): 1-й ряд — М. Аксельрод; П. Гольдман; И. Файн; Л. Подольский; К. Подольская; М. Душ; Б. Подольский; С. Равич. 2-й ряд — Б. Аксельрод; Л. Ганин; С. Катцен; С. Спектор; С. Гудман; С. Гольдман; Л. Стамбл.

Особенно усилилась благотворительная кампания для Витебска в годы 1918–1922, когда после большевистского переворота обратились к филиалу со старой родины, сильно пострадавшей от Первой мировой войны, от голода и революционных потрясений после октября 1917 года. По инициативе филиала была созвана конференция всех землячеств из Витебска и Витебской губернии. Были проведены широкие сборы средств, и значительные суммы были отправлены пострадавшим братьям за океан. В 1923 году, по инициативе руководителей «Витебской благотворительной ассоциации» д-ра Гринберга, Луиса Хоровица, Левинсона, Ньюмана и Лаберана, была создана совместная организация обоих обществ — филиала 224 и «Благотворительной ассоциации» — Комитет по созданию в Витебске детского дома. Были собраны и переданы нашему землячеству значительные суммы денег, а обе организации совместно издавали журнал «Витебский земляк» (*Дер витебскер ландсман*).

В то время, особенно в годы 1923–1924, начались расколы в Рабочем союзе по всей Америке. Острая дискуссия велась из-за разногласий в рядах Рабочего союза по поводу большевистской революции в России. Наши витебские земляки тоже оказались втянуты в эту политическую борьбу и страсти, и в 1927 году разногласия зашли так далеко, что от филиала 224 откололась часть членов и организовала отдельный филиал под номером 509. Этот раскол продолжался три года. В 1930 году атмосфера изменилась, и 12 мая того же года оба филиала вновь объединились. Филиал 509 прекратил свое существование, и витебчане снова объединились под одним крылом — под крылом Витебского филиала 224 Рабочего союза.

В 1935 году при филиале был основан Женский клуб, состоявший из бывших активных бондисток в Витебске, которые активно участвовали во всех делах филиала. Этот Женский клуб, среди основателей которого выделялись Сэра Гудман и Златка Душ-Якобсон, на протяжении многих лет проделал большую работу в интересах общества и на благо его членов.

Филиал 224 примкнул к Еврейскому рабочему комитету. Он оказывает поддержку и помогает проводить кампании в пользу «ОРТ» и его институтов, в пользу «ХИАС». Филиал помогал борцам за свободу в Испании, а позже, во время Второй мировой войны, поддерживал все кампании помощи жертвам фашизма и нацизма.

Особенно важной в деятельности филиала в рамках Рабочего союза была еврейская культурная сфера. После 1927 года филиал открыл две еврейские светские школы в Бронксе и в Уильямсбурге. Эти школы стали любимцами Витебского филиала 224. «Они дороги и милы нам, и все школы Рабочего союза поддерживаются филиалом, но эти две школы находятся под прямым патронажем нашей организации» — пишут в своей статье руководители филиала Б. Мирингоф и С. Ганин. Среди активистов школьного движения упоминается Б. Мирингоф, заявляющий, что «наш филиал был инициатором создания Молодежного клуба, из которого позже развилась Лига Юного Круга (*Янг Серкл Лига*)». Сам Б. Мирингоф, один из активных строителей школьного

движения Рабочего союза, является председателем Еврейской школы Рабочего союза номер 1 в Бронксе уже на протяжении 30 лет.

В течение этого времени были созданы специальные фонды помощи членам филиала — специальный фонд помощи больным, касса взаимопомощи в трудную минуту — фонд для быстрой поддержки. В культурной сфере развивалась систематическая работа: лекции, литературные вечера, театральные постановки и т. д. Особое место в работе филиала занимают публикации, выходящие время от времени, особенно к юбилеям. Важно отметить участие филиала в основании Дома престарелых Рабочего союза (*Арбейтер Ринг Хоум*) для пожилых людей, а также в различных кампаниях — филиал поддерживал Детский дом во Франции на имя Владимира Медема и строительство госпиталя в Негеве в Государстве Израиль.

В заключение мы приводим список витебских деятелей, проявивших наибольшую активность на протяжении многих лет на различных постах в Витебском филиале 224. Мы знаем, что десятки руководителей принимали участие в повседневной работе, и ясно, что без их помощи, преданности и идеализма филиал не смог бы достичь своих позитивных целей. Но поскольку невозможно привести полный список деятелей за 48 лет работы, всех пионеров и строителей витебского филиала в Нью-Йорке, мы вынуждены ограничиться лишь именами членов Исполнительного комитета. Среди активных деятелей, которых уже нет в живых, мы упомянем Сэма Сэндфорда, одного из первых госпитальеров филиала, чья преданность делу останется в памяти членов филиала; и д-ра Менделя Рахлина, бывшего одним из строителей Дома престарелых Рабочего союза. В настоящее время активна в филиале вдова Менделя Рахлина — госпожа Наталья. В Исполнительный комитет входят: первый многолетний финансовый секретарь Алекс Плавеник, а также его многолетний преемник на этом посту — Морис Словин; Сэм Аглаф — председатель Образовательного комитета филиала; Бернارد Мирингоф — председатель; казначей Макс Душ-Якобсон (работающий вместе со своей женой Златкой в Городском комитете Рабочего союза); протокольный секретарь М. Либушкин и С. Ганин; Сэм Броскин, бывший одно время членом Национального исполнительного комитета Рабочего союза. Также стоит отметить, что Златка Душ-Якобсон, Сэра Гудман и Рая Ганин являются представительницами Женского клуба в филиале. Давид Гейнер и Сэм Чарлаф являются представителями филиала в Женском клубе.

Вечная память

- Абелин, Давид и Фанни — В память о наших родителях.
- Абрамис (Абрамсон), Зелг, братья и сестры — В память о Лейбе-Иосифе б-р Меире Коэне Абрамисе, скончавшемся 12-го Ияра 5675 (1915) года.
- Абрамсон (Абрамис), Дебора и Исраэль-Иосиф Абрамсон — В память о наших дорогих родителях Моше и Рише Абрамис (Абрамсон), нашем брате Менделе б-р Арье-Лейбе, сестре Соне Сэмуелс и Бате Касов, скончавшихся в Нью-Йорке.
- Абрамсон (Абрамис), Шмуэль, Авраам, Хише-Либе и Лея-Браха — В память о наших дорогих родителях р' Меире б-р Исраэль-Иосифе Коэне и Рохл б-р Шнеуре Абрамис. Отец скончался в Витебске 4-го Менахем-Ава 5679 (1919) года, мать скончалась в Нью-Йорке 28-го Менахем-Ава 5688 (1928) года.

- Аглаф, Шмуэль — В вечную память о моем отце Хиллеле и матери Хае-Рохл.
- Боград, Шломо — В вечную память о моих родителях.
- Барановский, Сэм — В память о моем брате Ицхаке Барановском.
- Бель, Залман — В память о моем отце Герцеле и матери Хане.
- Беллер, Белла и дети — В светлую память о моем муже и нашем друге и отце Либе б-р Моше Беллере (Мишке Двинском), скончавшемся в Элирии, Огайо, в 1955 году.
- Брискин, Шефтель — В память о моем отце Пэлтиэле и матери Хае-Липше.
- Гольдштейн, Бен-Цион и Пеше — В память о наших родителях Исраэль-Якове и Мариамсе Гольдштейн; братьях Бере и Эфраиме с их семьями, погибших в Рудне и окрестностях. Моих дорогих родителей Яков-Иосифе и Рохл-Лее Меламед, брате Исраэль-Шломо и Борух-Шаломе с их женами, скончавшихся в Витебске; нашей незабвенной дочери Шейндл, родившейся 28-го Кислева 5675 (1914) года, скончавшейся в Нью-Йорке 29-го Тевета 5709 (1949) года.
- Гейнер, Давид — В память о моем отце Ицхаке-Бере и матери Баше-Блюме.
- Гэнин, Эйб и Душхо — В память о нашем отце Лейбе, матери Шейне-Шифре и брате Молли.
- Грабштейн, Мимми и Сэм — В память о нашей сестре и невестке Тилли Кандел.
- Дарфман, Сэм — В память о моем отце Мордехе и матери Гисе-Малке.
- Душ-Якобсон, Златка — В память о моем отце Хаиме и матери Йетте Пикхайцер.
- Хоровиц, Луис — В память о моем отце Ицхаке-Айзике Галеви и матери Фейге.
- Хевкин, Иосиф — В память о моем отце Лейзере и матери Кише-Хае.
- Вольгот, В. — В память о моих родителях.
- Томаркин, Давид — В память о моем отце Ханане и матери Хане-Мере.
- Чекин, Ицхак — В память о моем отце Ицхаке и матери Оснат-Рове.
- Левин, Цви-Гирш и сын — Посвящается памяти моей незабвенной жены и подруги, матери наших детей Бейлке Яковлевне Левиной, скончавшейся в месяце Адар 1950 года.
- Мирингоф, Бернارد (Берку) — В память о моем отце Йоэле и матери Рохл-Рахели.
- Мирингоф, Борис — В память о моем отце Моше и матери Хае.
- Мирингоф, Луис и Мильтон — В память о нашей матери Песси-Хаше.
- Ньюман, Луис — В память о моем отце Иосифе-Сендере и матери Фрейде.
- Ниemitин, Ильюша и Дебора — В память о наших дорогих родителях Якове и Фрейде Ниemitин, скончавшихся в Витебске в 1917 году.
- Сафран, Сэм — В память о моем брате Гирше-Яше и сестре Ципке.
- Стар, Филип — В память о моем отце Аврааме-Аббе и матери Фрейде-Эстер.
- Словин, Морис — В память о моем отце Аншеле и матери Хае.
- Словина, Аншель, сестры Циля и Дорис — В память о нашей матери Хае-Саре.
- Сельцер, Ида и Маня Браун — В светлую память о наших любящих родителях Аврааме и Этель Либерман, сестре Маше, скончавшейся в Витебске, и моем муже Али Сельцере, скончавшемся в Нью-Йорке.
- Сэндфорд, Бенъямин — В память о моем отце Аврааме, матери Фейге-Хае и брате Шмуэле.
- Плавеник, Алекс — В память о моем отце Гирше и матери Рохл.

- Каликаф, Ицхак — В память о моей сестре Махле Либман и трех ее детях, погибших в Витебском гетто.
- Каплан, Вера и брат Авраам Рахлин — В память о наших родителях Бере, матери Рохл-Рахели и нашем брате д-ре Менделе Рахлине.
- Клейн, Бесси с сестрами Бертой, Фирл, Дороти — В память о нашем отце Нате и матери Иде-Двойре Мирингоф.
- Кесс, Эйб — В память о моем отце Шломо-Лейбе и матери Хае-Рахели.
- Рабинович, Луис — В память о моем отце Ицхаке и матери Хае.
- Родин, Шломо Гершон с детьми Давидом, Хелен и Ирвингом — В память о моей жене и нашей матери Лее-Генеси.
- Розин, Тилли — В память о моем муже Фрэнке.
- Рам, Янкель — В память о моем отце Шмуэль-Шмарие и матери Риве-Фейге.
- Рапкин, Нахман с детьми Йоэлем, Гиршем и Александром — В память о моей жене и нашей матери Хае-Йетте.
- Рапкин, Соня — В память о моем муже Али и моем сыне Луисе.
- Рапкин, Роберт и Нахман — В память о нашем отце Аароне-Вольфе и матери Яхе.
- Рахлин, Наталья — В память о моем муже Менделе, отце и матери Ицхаке и Голде Ратнер.
- Родрик, Яшка с женой — В память о нашем сыне Давиде, погибшем во Второй мировой войне.
- Родрик, Моше-Кау и Яшка — В память о нашем отце Иегуде и матери Хинде.
- Шехтер, семья — В память о моем муже Арье-Лейбе Меламеде (Шехтере) и любимом отце наших детей, скончавшемся 18 апреля 1942 года.